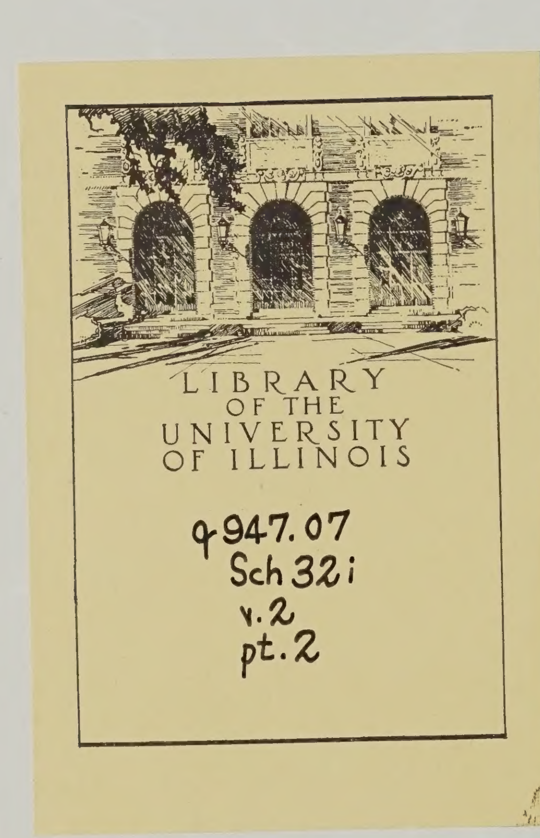
Н. К. Шильдеръ.

Императоръ Николай I.

Изд. А. С. Суворина С. П. Б.

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ

КО ВТОРОМУ ТОМУ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ.

---

1. Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 12-го мая 1826 года.

2. Въ числѣ особъ, прибывшихъ въ Москву по случаю коронованія, находились еще: представитель папы, чрезвычайный посолъ монсиньоръ Бернетти, и представитель сардинскаго короля, маркизъ де-Бриньоле-Салъ.

3. Императоръ Николай писалъ 3-го (15-го) августа 1826 года цесаревичу Константину Павловичу:

«Nous sommes ici depuis dix jours; j'ai remis le couronnement à la fin du carême; la santé de ma femme, excessivement ébranlée depuis tout ce hiver, exige des soins particuliers et la plus parfaite uniformité d'existence et de genre de vie; nous sommes à cet effet établis dans la maison de la comtesse Orloff, jouissant en plein de ce superbe local».

4. За своднымъ гвардейскимъ отрядомъ, отправленнымъ въ Москву, начальство зорко слѣдило; о немъ поступало великое множество секретныхъ донесеній, въ которыхъ встрѣчаются и разнаго рода безсмысленныя сплетни. Такъ, напримѣръ относительно Преображенскаго полка сообщалось, что солдаты любятъ и преданы государю, но въ нихъ будто бы стараются вселить любовь къ цесаревичу Константину Павловичу и ненависть къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; разсказывали, будто цесаревичъ просилъ недавно государя уменьшить гвардейскимъ солдатамъ срокъ службы до 15-ти лѣтъ; государь изъявилъ на то согласіе, но императрица Марія Ѳеодоровна воспротивилась сему и настояла на томъ, чтобы цесаревичу было отказано въ его просьбѣ, «за что его высочество остался столь недовольнымъ, что не пишетъ болѣе къ государю императору».

Донесенія поступали и о частяхъ, расположенныхъ въ Петербургѣ; агентами служили прачки, которыхъ нанимала и наставляла одна дама, и ей сообщались слухи и разговоры въ полкахъ.

Генералъ-адъютанту Закревскому поручено было при проѣздѣ въ Москву развѣдывать скромнымъ образомъ о мнѣніяхъ и разговорахъ выступившихъ на коронацію гвардейскихъ солдатъ. Онъ писалъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 20-го іюня 1826 года: «Сказывали мнѣ, якобы нижніе чины говорили, что ихъ мучатъ ученіями и не даютъ покоя на растагахъ, и они готовы сами дать по два рубля на мѣсто жалуемыхъ имъ денегъ за хорошее ученіе, лишь бы перестали мучить».

5. «Je suis très content de Moscou et de son aspect physique et moral; j'en dirai de même des troupes... Nos étrangers crient merveille, et je les prie de ne pas tant s'extasier jusqu'à ce qu'ils n'aient vu la garnison d'été de Varsovie. Marmont compare ces

troupes à l'état de l'armée française au camp de Boulogne. A la revue mon petit drôle au trot et au galop à la droite de la division de son régiment et s'en est bien tiré, au grand plaisir du papa et des spectateurs».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3-го (15-го) августа 1826 года.

6. «L'empereur me disait, en regardant son fils avec l'expression de la sollicitude la plus tendre: «Vous imaginez que j'éprouve de l'agitation et de l'inquiétude en voyant cet enfant, qui m'est si cher, dans un pareil mouvement; mais j'aime mieux m'y soumettre pour lui former le caractère et l'accoutumer de bonne heure à être quelque chose par lui même».

«Voila ce qu'on peut appeler de bons principes d'éducation; et quant ils sont appliqués à l'éducation d'un homme destiné à être chef d'un grand empire, on doit en prévoir les meilleurs résultats».

Mémoires du maréchal Marmont duc de Raguse de 1792 á 1841. Paris. 1857. T. VIII, p. 50.

По поводу воспитанія наслѣдника Александра Николаевича Мармонъ еще пишетъ (p. 49):

«Une chose admirable est l'éducation donnée par Nicolas à son fils, prince charmant, d'une rare beautè, et dont le temps n'aura sans doute fait que développer les qualités. Je demandai à l'empereur à lui être présenté, et il me répondit: «Vous voulez donc lui tourner la tête. Ce serait un beau motif d'orgueil pour ce petit bonhomme que de recevoir les hommages d'un général qui a commandé les armées. Je suis fort touché de votre désir de le voir, et vous pourrez le satisfaire quand vous irez à Zarskoie-Sélo. On vous fera rencontrer mes enfants. Vous les examinerez et vous causerez avec eux; mais une présentation d'étiquette serait une chose inconvenante. Je veux faire de mon fils un homme, avant d'en faire un prince». Plus d'une fois l'empereur, en apprenant les détails de l'éducation de M. le duc de Bordeaux, a gémi avec moi de la pompe ridicule qui entourait ce prince dans sa plus grande enfance».

7. Изъ записокъ барона Модеста Андреевича Корфа. Императоръ Николай относился вообще съ большимъ благоволеніемъ къ князю Любецкому. Для характеристики этихъ отношеній можетъ служить слѣдующій разсказъ, также записанный барономъ М. А. Корфомъ.

Однажды, въ первый годъ царствованія императора Николая, при откровенной бесѣдѣ, князь Любецкій выговорилъ ему множество истинъ относительно Россіи и его самого. Выслушавъ все благосклонно, государь вдругъ остановилъ своего собесѣдника вопросомъ:

«— Да скажи, пожалуйста, откуда у тебя берется смѣлость высказывать мнѣ все это прямо въ глаза?

«— Я вижу, государь, что кто хочетъ говорить вамъ правду, не въ васъ находитъ къ тому помѣху, и дѣйствую по этому убѣжденію. Но власть—самая большая баловница въ мірѣ. Теперь вы милостиво позволяете мнѣ болтать и не гнѣваетесь, но лѣтъ черезъ десять или и меньше все перемѣнится, и тогда, свыкнувшись съ всемогуществомъ, съ лестью и съ поклонничествомъ, вы за то, что теперь такъ легко мнѣ сходитъ, прикажете, можетъ быть, меня повѣсить.

«— Никогда, я всегда буду радъ правдѣ и позволяю тебѣ тогда, какъ и теперь, если я стану говорить или дѣлать вздоръ, сказать мнѣ прямо: Николай, ты врешь.

«Года два послѣ того, — продолжалъ Любецкій въ своемъ объ этомъ разсказѣ, — я опять пріѣхалъ въ Петербургъ и явился къ государю. Въ этотъ разъ онъ принялъ меня чрезвычайно холодно, даже не въ кабинетѣ, какъ прежде, а въ передней залѣ, и, оборотясь съ разсѣяннымъ лицомъ къ окошку, встрѣтилъ самыми сухими разспросами о погодѣ, о дорогѣ и пр. Не было и тѣни прежней довѣрчивости, и я, разумѣется, сохранялъ съ моей стороны глубочайшій этикетъ, не позволяя себѣ ни малѣйшихъ намековъ на прежнія бесѣды. Вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, государь оборотился ко мнѣ съ громкимъ хохотомъ и съ протянутою рукою:

«— Что, хорошо ли я сыгралъ свою роль избалованнаго могуществомъ и лестью? Нѣтъ, братецъ, я не перемѣнился и не перемѣнюсь никогда, и если ты въ чемъ не согласишься со мною, то можешь попрежнему смѣло сказать: Николай, ты врешь».

8. «J'espère, avec l'aide de Dieu, être pour le 22 Juillet à Moscou; ainsi donc vous voilà au fait, autant que moi-même de mes projets. Je ne vous cache pas que je serai bien heureux de vous voir; si la chose est impossible, je me résigne, puisque apparemment telle sera la volonté de Dieu».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23-го іюня (5-го іюля) 1826 года.

9. Цесаревичъ находился въ пути пять дней. На станціяхъ онъ приказалъ разспрашивать ѣдущихъ изъ Москвы, была ли уже коронація или нѣтъ. При въѣздѣ въ Москву цесаревичъ оставилъ своихъ спутниковъ въ ихъ экипажахъ у Смоленской заставы и одинъ отправился въ Кремль.

10. Изъ разсказовъ сенатора Данилова о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ («Русская Старина» 1870 года, томъ 1-й, изданіе 1-е, стр. 280).

Сенаторъ Иванъ Даниловичъ Даниловъ находился при цесаревичѣ съ 1801 года до самой его кончины и нѣсколько лѣтъ управлялъ военно-походною канцеляріей его высочества.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 20-го августа 1826 года напечатано было въ извѣстіяхъ изъ Москвы отъ 15-го августа: «Вчера въ одиннадцать часовъ пополуночи прибылъ сюда изъ Варшавы его императорское высочество цесаревичъ. Его высочество изволилъ остановиться въ Кремлевскомъ дворцѣ».

11. Свиньинъ: Историческое описаніе священнѣйшаго коронованія. «Отечественныя Записки» 1827 года, № 88.

12. Присужденнымъ на каторжную работу вѣчно опредѣленъ былъ по указу 22-го августа срокъ на 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

На печатномъ указѣ рукою генералъ-адъютанта Бенкендорфа написана была высочайшая воля слѣдующаго содержанія:

«По истеченіи 20 лѣтъ остаются въ Сибири, не какъ поселенцы, а на основаніи прочихъ вольныхъ жителей, припишутся въ какой нибудь цехъ или гильдію, а въ Россію не могутъ возвращаться, ибо они остаются политически умершими для Россіи».

13. Въ учрежденіи императорскаго двора сказано было: «Министръ императорскаго двора имѣетъ состоять подъ собственнымъ вѣдѣніемъ государя императора; слѣдственно во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ отчетъ даетъ токмо его императорскому величеству, равно и всѣ повелѣнія получаетъ отъ его величества, а другое никакое правительство никакого отчета по дѣламъ., ввѣряемымъ его распоряженію, требовать и предписаній по оному чинить права не имѣетъ».

14. Проектъ этого манифеста императоръ Николай послалъ цесаревичу Константину Павловичу, который по этому поводу писалъ государю 4-го (16-го) января 1826 года: «Quant à l'acte ci-joint, je le trouve, devant Dieu qui m'entend et d'après mon âme et conscience, parfaitement logique et bien pensé, hormis un point, auquel je ne puis souscrire et qui est celui où il fait mention de moi et écrit de votre main au crayon, puisqu'ayant renoncé à tout droit à la couronne, je ne puis en aucune façon me mêler d'actes semblables, sans tomber dans une alternative des plus fausses possibles, qui aurait l'air que ce n'est que pour la forme que j'ai fait ma renonciation, mais qu'au fond je dirige au dessous, ou bien je me mêle des affaires du gouvernement; voilà ma profession de foi publique. Quant à la particulière, je ne puis qu'y reconnaître un procédé de plus de votre part, cher frère, auquel je suis bien sensible et reconnaissant et qui me prouve votre amitié et votre tolérance. Ainsi soit-il».

15. Графиня Ливенъ находилась въ Петербургѣ. Графъ Комаровскій пишетъ: «Со мной посланы были нѣкоторыя награжденія; между прочими мнѣ пріятно было почтеннѣйшей и всѣми уважаемой графинѣ Ливенъ самому вручить браслетъ съ портретомъ императора, осыпанный брильянтами, и объявить ей, что она и все ея потомство возведены на степень князей съ титломъ свѣтлости, ибо грамоту на сіе достоинство не имѣли время еще изготовить».

Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго. («Историческій Вѣстникъ», 1897 года, т. LXX, стр. 456).

*

16. «Recevez, cher et excellent frère, ma plus entière et ma plus vive reconnaissance pour toute l'amitié que vous avez bien voulu me témoigner lors de mon dernier séjour à Moscou, auprès de vous. Soyez sûr, cher frère, que je sais l'apprécier et que j'espère, avec l'aide de Dieu, n'en être jamais indigne. Ces huit jours passés auprès de vous à Moscou, ne s'effaceront jamais de ma mémoire, ainsi que votre amitié pour moi. Que le bon Dieu daigne répandre sur vous tous Ses bienfaits et Ses bénédictions, je le Lui demande de coeur et d'âme et de pensée. Me voilà rentré chez moi et heureux de me retrouver auprès de ma femme et peiné de vous avoir tous quittés, — prenez le au pied de la lettre et tel que je le dis».

Изъ письма цесаревича Кенстантина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го августа (11-го сентября) 1826 года.

17. «C'est moi, cher Constantin, qui aurais dû être le premier à vous exprimer tout le bonheur que votre visite chez nous et vos bontés particulières pour moi m'ont fait éprouver, quand dans ce moment même je reçois votre chère et excellente lettre du 30 Août (11 Septembre); mais vous êtes trop bon et trop juste pour ne pas me pardonner; mais vous avez été témoin de mon genre de vie et ce qui s'est passé depuis m'a encore plus gênê dans l'emploi de mon temps; mais tout cela ne sont que de mauvaises excuses vis-à-vis de vous dont mon coeur sait apprécier les bontés; votre amitié et votre confiance sont pour moi un bien inappréciable et qui fàit la tranquillitè de ma vie; deviner vos intentions et vos désirs est et sera toujours un besoin pour moi, sachez le, et pour toute occasion».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 5-го (17-го) сентября 1826 года.

18. «Mà soeur Marie m'a fait exactement parvenir votre lettre en date du 15 de ce mois, mon cher et respectable instituteur, pour laquelle je vous prie d'agréer les expressions de ma plus sincère gratitude, ainsi que pour les sentiments que vous voulez bien me conserver. Votre suffrage m'est des plus flatteurs, monsieur, et je suis bien heureux de l'avoir mérité par ma conduite lors du couronnement de Moscou, mais il est de ma franchise de vous prier de ne pas y mettre un si grand prix, puisque décidé à suivre les traces de la conduite que je me suis imposée sans en dévier, il n'y a eu de ma part que le simple et le naturel qui y a agi. Personne au monde ne craint et n'a en horreur plus que moi des conduites à faire effet, dont on calcule d'avance les effets ou bien des conduites à représentations, à drame, à enthousiasme, a mouvement spontané et autres, j'avoue ma bêtise que je n'y entend rien, comme je l'ai dit plus haut. Mon parti une fois pris, ayant été sanctionné par feu notre immortel empereur et ma mère, tout le reste ne devient que pure et simple conséquence et mon rôle était d'autant plus facile que je me retrouvais au même poste que j'avais rempli antérieurement et que je n'avais pas quitté. J'avoue de plus avec la franchise que vous me connaissez, monsieur, que je ne désire rien, rien du tout, puisque je suis content et heureux autant que l'on pèut l'être. Ce que j'ai à moi en propre personne au monde ne peut me l'ôter, c'est le souvenir des temps que j'ai employè au service de mes deux empereurs avec fidélité, zêle, dévouement et attachement à toute épreuve durant 32 années, comme j'espère servir celui d'à présent autant que cela pourra lui être agréable et que mes forces physiques me le permettront. Ayant de plus toujours été étranger à toutes intrigues, n'ayant connu que l'obéissance la plus passive et ayant agi envers eux avec la franchise la plus désintéressée et sans aucune arrière pensée, gardant mon opinion privée pour moi et ne l'énonçant que lorsque j'étais appelé à le faire, me soumettant toujours contre mon opinion même à remplir la volonté de mes maîtres avec la plus scrupuleuse bonne foi et y mettant pour ainsi dire une espèce de chevalerie pour faire réussir contre mon avis même ce qui m'était prescrit. Voila ce qui m'appartient et ce que personne au monde ne peut et ne pourra m'ôter. De plus, mon appui je le chercherai dans le bon Dieu et Lui voyant dans mon coeur la pureté qu'il a daigné y placer et que je tâcherai de conserver, a fàit le reste en daignant me guider entre les écueils que je rencontrais parfois. Aussi je l'en remercie tous les jours du fond de mon coeur et de toute

mon âme. Bien des personnes, mon cher et respectable instituteur, ne me comprendront pas, cela n'est pas mon affaire, c'est la leur, ils n'ont pas eu comme moi le bonheur d'avoir un frère empereur, un ami empereur, un camarade et un bienfaiteur empereur et lui avoir porté les sentiments que je lui portais et qu'il me portait à son tour. En voilá assez sur cet article.

«Les voeux que vous voulez bien m'adresser pour le bonheur de notre pays ne sauraient être agréés par moi qu'avec la plus vive reconnaissance. Comme j'aime à le croire ils l'auraient èté par chacun de mes compatriotes. Puisse cette chère et grande Russie être heureuse, puisse-t-elle ne plus revoir des scènes de désolation et de honte, puisse-t-elle être grande non seulement par son étendue, mais par les véritables sentiments d'honneur qui doivent la soutenir et la faire considérer, puisque sans cela sa force ne peut être stable. Je parle ici en Russie, mon cher instituteur, et non comme son représentant, puisque je ne l'ai jamais été, et puisque vous me dites avoir été accoutumé à offrir vos voeux à notre immortel empereur en temps et lieu, vous me priez de les agréer en son nom. Je ne saurais y adhérer sans lui manquer, à moins que je ne les agrée comme indigène du pays et à ce titre je les agrée avec tout coeur et toute âme».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Лагарпу отъ 24-го декабря 1826 года (5-го января 1827 года) изъ Варшавы. Государственный архивъ. Разрядъ V.

19. «Tout le monde s'est ranimé: la gaité reprend ses droits et se venge de ces années perdues pour son culte. La jeunesse se remet à la danse et s'occupe déjà beaucoup moins de l'organisation de l'état, de la politique des deux mondes et des rêves de la mysticité».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу М. С. Воронцову изъ Москвы отъ 19-го сентября 1826 года. (Архивъ князя Воронцова, книга 35-я, стр. 268).

20. Въ письмѣ отъ 19-го сентября 1826 года къ графу М. С. Воронцову генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ пишетъ:

«Celle de la comtesse Orlow a écrasé toutes les fêtes par sa magnificence et son bon goût. C'est la plus belle fête qu'on aie jamais donnée, les proportions dépassaient même celles d'un particulier; le local et les ornements appartenaient au luxe d'un souverain».

Архивъ князя Воронцова, книга 35-я.

21. «Nous sommes abimés de bals etc., je serai content d'en voir la fin», писалъ императоръ Николай цесаревичу 5-го (17-го) сентября 1826 года.

22. П. Анненковъ: А. С. Пушкинъ въ александровскую эпоху. 1799 — 1826 гг. С.-Петербургъ. 1874.

23. Александръ Михайловичъ Тургеневъ въ письмѣ въ Михайловскому-Данилевскому отъ 10-го января 1828 года пишетъ: «Прилагаю вамъ стихи Пушкина, impromptu, написанные авторомъ въ присутствіи государя въ кабинетѣ его величества».

Редакція этихъ стиховъ, написанная рукою Тургенева, нѣсколько разнится отъ того, въ какомъ видѣ стихотвореніе это, подъ заглавіемъ «Стансы», напечатано въ собраніи сочиненій Пушкина.

24. М. Н. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи. С.-Петербургъ. 1889. Томъ 2-й. Стр. 211 и 212.

25. Записки А. О. Смирновой. С.-Петербургъ. 1895. Часть 1-я. Стр. 45.

26. Для характеристики отношеній, установившихся между императоромъ Николаемъ и Пушкинымъ, можетъ служить нижеслѣдующая высочайшая резолюція 1828 года на докладѣ о богохульной поэмѣ Гавриліадѣ, по поводу которой поэтъ удостовѣрилъ, что не онъ ее писалъ и не помнитъ, отъ кого онъ ее досталъ; свой же списокъ, вѣроятно, сжегъ въ 1820 году:

«Г. Толстому призвать Пушкина къ себѣ и сказать ему моимъ именемъ, что, зная лично Пушкина, я его слову вѣрю; но желаю, чтобъ онъ помогъ правительству открыть, кто могъ сочинить подобную мерзость и обидѣть Пушкина, выпуская оную подъ его именемъ».

Графъ П. А. Толстой занималъ въ то время мѣсто главнокомандующаго въ Петербургѣ, полученное имъ при отъѣздѣ императора Николая въ армію, на Балканскій полуостровъ.

27. «Русскій Архивъ» 1881 года. Книга 1-я. Стр. 338.

28. Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 5-го (17-го) сентября изъ Москвы.

29. Е. П. Ковалевскій. Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ.—«Вѣстникъ Европы», 1868 года, т. 2-й, стр. 155.

Къ приведенной нами замѣткѣ Ковалевскаго онъ прибавляетъ еще слѣдующее поясненіе: «Конечно, на Кавказѣ войска не такъ обучены фронтовой службѣ, какъ внутри Россіи; оно и понятно: имъ некогда; но знаніе боевой службы, своего рода образованіе солдата существовало, то образованіе, какое, по крайней мѣрѣ, по началамъ своимъ, признали нынче у насъ за единственное раціональное; Ермоловъ въ этомъ случаѣ былъ учителемъ опытнымъ и свѣдущимъ, въ чемъ нельзя не сознаться. Въ томъ же духѣ была и дисциплина, правда, своеобразная и въ то же время, можетъ быть, поражавшая людей, не привыкшихъ къ ней, но теперь она кажется естественной».

30. Записки Петра Кононовича Менькова. С.-Петербургъ. 1898. Т. 2-й. Стр. 169.

Приведенныя нами слова были сказаны императоромъ Николаемъ при посѣщеніи имъ 21-го августа 1851 года въ Москвѣ фельдмаршала князя Варшавскаго.

31. Князь Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. С.-Петербургъ. 1888. Т. 1-й. Стр. 392—395.

32. Записки Алексѣя Петровича Ермолова. Москва. 1868. Т. 2-й. Стр. 216—218.

33. Князь Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Т. 2-й. Стр. 45, 56 и 57.

Впослѣдствіи, когда генералъ-адъютантъ Паскевичъ началъ жаловаться на трудность своего положенія на Кавказѣ, подъ начальствомъ Ермолова, генералъ-квартирмейстеръ, графъ Сухтеленъ, писалъ ему 24-го января 1827 года:

«L'on eut peut-être été charmé de vous voir dès le commencement user des pouvoirs qui vous étaient donnés. Une fois que vous vous êtes contentê d'acquérir la gloire et de vous ranger en sous-ordre, l'on ne doit plus, pour le moment du moins, vouloir de vous qu'un esprit d'abnégation... plus vous pourrez vous maintenir en bonne intelligence avec César (т.-е. съ Ермоловымъ) plus, j'en suis convaincu, vous serez réellement utile où vous êtes, et utile à vous même ici où vous n'êtes pas (т.-е. въ Петербургѣ)».

Графъ Сухтеленъ былъ близкій человѣкъ къ Дибичу, посвященный во всѣ тайны и дѣла того времени.

34. «Вы, вспоминая древнія римскія времена, теперь проконсуломъ въ Грузіи, а я здѣсь префектомъ, или начальствующимъ легіонами на границѣ Европы, или, лучше сказать, въ срединѣ оной».

Письмо цесаревича Константина Павловича къ генералу Ермолову отъ 3-го (15-го) августа 1818 года изъ Варшавы.

35. Князь Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Т. 2-й. Стр. 82.

Въ день коронаціи, 22-го августа, И. Ѳ. Паскевичъ произведенъ былъ въ генералы отъ инфантеріи. Объ этомъ Паскевичъ узналъ уже по прибытіи въ Тифлисъ.

36. «Les nouvelles de Georgie sont telles que je les ai prévues. M-r Yermolow ne ait rien; à le croire les Persans sont inatacables; il a demandé des troupes, on les lui a envoyé; il se trouve qu'il n'a pas de quoi les nourrir; il prétend qu'il fait trop froid maintenant pour ouvrir la campagne; il demande des canons de siège; on les lui envoie; il dit déjà qu'ils seront inutiles; il craint les georgiens, les arméniens, il craint tout aprês avoir tout exaspéré; en attendant l'indiscipline fait des progrès dans son armée. Le pauvre Paskéwitch ne peut y remédier à côté d'un chef qui n'a acheté les crieurs en sa faveur que par le relâchement de toutes les exigences militaires. Voilá ce grand patriote, qui trouvait Barclay, Wittgenstein et tout ce qui n'avait pas un nom moscovite indigne de l'honneur du nom russe; le voilá à sa juste valeur!... Pas un plan de fait pas un arrangement pris; les vaisseaux persans se promênent dans la mer Caspienne; nos forteresses ne sont pas approvisionnées et nos soldats mal vêtus. Rtitchew même avait mieux fait, mais Yermolow a beaucoup crié, et on l'a cru».

Архивъ князя Воронцова. Книга 35-я. Стр. 272.

37. Записка, сочиненная Л. Д. Боровковымъ, была напечатана въ «Русской Старинѣ» 1898 года, т. 96-й, стр. 353—362.

Она состоитъ изъ слѣдующихъ статей: 1) Введеніе; 2) Воспитаніе; 3) Законы; 4) Судопроизводство; 5) Система правленія; 6) Жалованье чиновникамъ; 7) Взиманіе податей; 8) Дорожная повинность; 9) Недоимки; 10) Казенное хозяйство; 11) Торговля; 12) Состояніе флота; 13) Военныя поселенія; 14) Экономическій капиталъ поселеній; 15) Состоянія; 16) Заключеніе.

38. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 595.

39. Убѣжденія императора Николая въ смыслѣ необходимости подобныхъ ограничительныхъ постановленій возбуждались и поддерживались разными, доставляемыми ему изъ Третьяго Отдѣленія, свѣдѣніями. Примѣромъ можетъ служить слѣдующая записка:

«Извѣстно ли вашему императорскому величеству, что отставной артиллеріи генералъ-майоръ Николай Муравьевъ, учредитель бывшей въ Москвѣ школы колонновожатыхъ, имѣетъ нынѣ здѣшней губерніи Рузскаго уѣзда въ деревнѣ своей другое заведеніе, въ коемъ 60 крестьянскихъ дѣтей воспитываются столь хорошо, что въ теченіе четырехъ лѣтъ могутъ быть управителями имѣній. По слухамъ Муравьевъ намѣревается теперь распространить еще сіе заведеніе. Но, сообразивъ извѣстныя послѣдствія отъ прежней его школы, не благоугодно ли будетъ вашему величеству приказать подробно и съ точностію разсмотрѣть сіе новое крестьянское Муравьева заведеніе, ибо оное, дѣйствуя на многочисленнѣйшій классъ народа, можетъ быть въ будущемъ гораздо опаснѣе первой его школы».

На этой запискѣ написано рукою императора Николая: «Не мѣшаетъ узнать».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

40. Дѣло о воспрещеніи обучать крѣпостныхъ дѣтей высшимъ наукамъ. 1827 года. (Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

41. Собственноручная резолюція императора Николая, относящаяся къ этому дѣлу, заключалась въ слѣдующемъ:

«Мнѣніе Г. Кочубея совершенно согласно съ моимъ; я не выразилъ довольно en détail классъ учебныхъ заведеній, въ который принимать крѣпостныхъ полагаю; надо велѣть С. С. Блудову изготовить проектъ указа министру народнаго просвѣщенія, въ коемъ подробно изложить сей предметъ».

Для характеристики воззрѣній императора Николая на дѣло воспитанія дѣтей лицъ высшаго класса приведемъ здѣсь слѣдующую замѣтку изъ дневника князя А. С. Меншикова отъ 21-го мая 1827 года:

«Въ 9 часовъ былъ съ докладомъ у государя на Елагиномъ острову и между прочими предметами показывалъ записку князя Павла Павловича Гагарина, въ которой онъ проситъ объ опредѣленіи сына въ морскую службу и спрашиваетъ, не нужно ли будетъ отправить его въ Англію для изученія мореходства. На сію статью государь сказалъ слѣдующее: «Je vous avoue que je n'aime pas les envois à l'étranger; les jeunes gens en reviennent avec un esprit de critique qui leur fait trouver peut-être avec raison les institutions de leur pays défectueuses».

42. Рескриптомъ отъ 14-го мая 1826 года на имя адмирала Шишкова повелѣно было образовать комитетъ устройства учебныхъ заведеній, который долженъ былъ между прочимъ опредѣлить подробно на будущее время всѣ курсы ученій, означивъ и сочиненія, по коимъ оныя должны впредь быть преподаваемы.

43. А. С. Шишковъ былъ уволенъ при слѣдующемъ рескриптѣ отъ 23-го апрѣля 1828 года:

«Александръ Семеновичъ! Согласно прошенію вашему увольняю васъ по преклонности лѣтъ и разстроенному вашему здоровью отъ должностей: министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Оставляя васъ въ званіи члена государственнаго совѣта и президента императорской россійской академіи, я увѣренъ, что вы съ извѣстнымъ мнѣ рвеніемъ употребите опытъ вашего долговременнаго служенія для пользъ государства. Вмѣстѣ съ симъ я

далъ повелѣніе министру финансовъ объ оставленіи при васъ всего получаемаго вами нынѣ содержанія».

Адмиралъ Шишковъ умеръ въ 1841 году.

44. «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи». С.-Петербургъ. 1862. (Въ типографіи морского министерства). Въ продажу не поступало.

45. Командиръ 7-го пѣхотнаго корпуса генералъ отъ инфантеріи Рудзевичъ, въ томъ же высочайшемъ приказѣ, назначался командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса.

46. «Depuis quelque temps, les plaintes contre les exigences minitieuses et la sévérité du grand duc Michel avaient augmentés à un point qui paraissait allarmant; le comte Kotchoubey, le général Wassiltchikow et enfin moi en parlâmes à l'empereur, sans pourtant nous être abouchés entre nous, ce qui prouva que le bruit était général. On m'ordonna de parler au grand duc; la scène devait être vive et pénible pour moi, et chagrinante pour notre maître; le résultat en est, que depuis quatre jours on ne reconnait pas son altesse, il est poli, affable, enfin ce qu'il devrait être toujours, et que moi je suis brouillé peut-être pour toujours avec lui. Mais pourvu que le bien se fasse et je me console de tout, car mon seul but est le bien: mais il est difficile à faire; de jour en jour la colère des grands employés et nommément des gouverneurs généraux des deux capitales augmente contre moi, en raison que l'opinion publique se prononce pour l'établissement d'une haute police protectrice, et j'ose le dire, pour la manière dont je la conduis. Tant que faire se pourra j'éviterai à l'empereur toute espèce de tracasserie; j'en grisonnerai, mais je ne me plaindrai jamais; lorsque les intrigues dépasseront ma patience, je demanderai la place de mon frère à la tête d'une cavalerie; là au moins, lorsque le canon tire, l'intrigue reste derrière le front».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу отъ 8-го (20-го) марта 1827 года. (Военно-ученый архивъ. Отд, 1. № 1048).

47. 14-го февраля 1826 года. Сборникъ Имп. Русск. ист. общ., т. 73-й, стр. 186.

48. Записка о денежномъ капиталѣ военнаго поселенія, состоящемъ по вѣдомостямъ къ 1-му марта 1826 года.

(Приложеніе къ всеподданнѣйшему письму графа Аракчеева отъ 9-го апрѣля 1826 года).

1) Общаго капитала на устройство военнаго поселенія	17.611.072	рубл.
2) Для содержанія конныхъ заводовъ	3.347.099	»
3) Для покупки офицерскихъ верховыхъ лошадей	291.217	»
4) Для кантонистовъ учебныхъ баталіоновъ и эскадроновъ	150.271	»
5) Капиталъ мастеровыхъ поселенныхъ войскъ	451.312	»
6) Для учрежденія и содержанія церквей	200.243	»
7) Заемный денежный офицерскій капиталъ	446848	»
8) Заемный военныхъ поселянъ хозяевъ	2.095.239	»
9) Для поддержанія хлѣбныхъ запасныхъ магазейновъ	385.380	»
10) Для устройства офицерамъ ресторацій 1-й гренадерской дивизіи .	72.171	»
11) Для заведенія полковыхъ библіотекъ въ сей же дивизіи	14.915	»
12) Разныхъ мелочныхъ суммъ	140.772	»
13) Ремонту для содержанія отстроенныхъ поселенныхъ ротъ	33.886	»
14) Капиталъ для военно-сиротскихъ отдѣленій	1.365.950	»
15) Ремонта Охтенскаго порохового завода	84.853	»

Поступающихъ въ 1826 году изъ министерства финансовъ:

16) Назначенные по государственной росписи	1.430.240	»
17) Рекрутскихъ по 89 и 90 наборамъ и откупная за продажу питей .	36.961	»

Изъ министерства военнаго:

18) Изъ комиссаріатскаго департамента по указу 25-го декабря 1826 г.	2,550.742 рубл.
19) Отъ провіантскаго департамента за продовольствіе войскъ въ 1826 году отъ земли своихъ округовъ, по докладу, высочайше конфирмованному 15-го января 1826 года	1.773.580 »
Всего капитала военныхъ поселеній находится въ наличныхъ деньгахъ	32.482.733 рубл.
20) Сверхъ сего сокращено на сей 1826 годъ по государственной росписи о расходахъ военнаго министерства продовольствіемъ поселенныхъ войскъ отъ земли	1.774.558 »

49. См. въ приложеніяхъ письмо графа Аракчеева къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 3-го мая 1826 года.

50. Н. Шильдеръ: «Александръ I». Т. 4-й.

51. Пока графъ Аракчеевъ управлялъ еще военными поселеніями, то-есть до 1-го мая 1826 года, императоръ Николай осматривалъ новгородскія поселенія съ 23-го по 26-е апрѣля. Это было первое путешествіе государя по Россіи, предпринятое имъ послѣ воцаренія. Николай Павловичъ, оставшись вполнѣ довольнымъ осмотрѣнными войсками, объявилъ свою особенную признательность графу Аракчееву. 30-го апрѣля по военнымъ поселеніямъ послѣдовалъ по случаю этого радостнаго событія приказъ:

«Усердіе, которое всегда отличало 1-ю поселенную гренадерскую дивизію въ устройствѣ, ученіяхъ и смотрахъ, къ особенному удовольствію моему, отличило ее и нынѣ, при высочайшемъ смотрѣ, бывшемъ 22-го, 23-го, 24-го, 25-го и 26-го числъ сего апрѣля мѣсяца. Государь императоръ совершенно доволенъ. Прилагаемый при семъ высочайшій приказъ, отданный въ 28-й день сего апрѣля мѣсяца, удостовѣритъ каждаго въ монаршемъ благоволеніи. Гордитесь, воины, царскою милостію и потщитесь усердіемъ и добрымъ поведеніемъ болѣе и болѣе обратить на себя монаршее вниманіе! Въ поселенныхъ баталіонахъ, столь отлично учившихся, не производить никакого ученія до сентября мѣсяца сего года. Первое царское денежное награжденіе, по высочайшему приказу получаемое, раздать въ присутствіи полковыхъ командировъ, по принадлежности, каждому человѣку въ руки непремѣнно, а бригаднымъ командирамъ оное засвидѣтельствовать. Высочайшій приказъ и сей отдаваемый мною прочитать во всѣхъ поселенныхъ полкахъ 1-й гренадерской дивизіи, въ каждой ротѣ».

Въ то время, когда графъ Аракчеевъ находился за границею, онъ удостоился еще разъ получить монаршее благоволеніе. Императоръ Николай во время проѣзда изъ Петербурга въ Москву для коронаціи, 17-го іюля 1826 года, снова осмотрѣлъ войска новгородскаго отряда военныхъ поселеній и, найдя ихъ въ отличномъ видѣ, объявилъ о томъ въ приказѣ. Въ заключеніи высочайшаго приказа сказано: «Его величество, относя таковое отличное состояніе означенныхъ войскъ наиболѣе неутомимымъ трудамъ главнаго надъ военными поселеніями начальника генерала отъ артиллеріи графа Аракчеева, объявляетъ ему особенную свою признательность».

52. См. въ приложеніяхъ приказъ по отдѣльному корпусу военныхъ поселеній отъ 1-го мая 1826 года, съ критическимъ разборомъ неизвѣстнаго лица. На этой бумагѣ рукою генералъ-адъютанта барона Дибича написано: «къ свѣдѣнію».

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1047.

53. Во всякомъ случаѣ послѣдовавшее въ 1826 году уничтоженіе прежняго исключительнаго положенія, занимаемаго въ государствѣ военными поселеніями, позволяло, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что дальнѣйшему расширенію или развитію этого зловреднаго учрежденія положенъ будетъ предѣлъ.

Не такъ смотрѣлъ на любимое твореніе Александра I цесаревичъ Константинъ Павловичъ. 22-го января (3-го февраля) 1827 года онъ писалъ императору Николаю:

«C'est à vous, cher frère, de mettre la dernière main à l'oeuvre favorite de notre immortel empereur au sujet des colonies militaires qui n'ont été, pour ainsi dire, qu'ébauchées par lui».

54. Въ завѣщательномъ распоряженіи графа Аракчеева о предназначенной наградѣ за лучшую исторію царствованія императора Александра I сказано, что сумма сія назначается въ награду тому изъ россійскихъ писателей, который къ 1925 году напишетъ исторію Александра Перваго «лучше всѣхъ, то-есть полнѣе, достовѣрнѣе и краснорѣчивѣе».

Остается пожелать, чтобы тотъ невѣдомый, заранѣе отмѣченный Аракчеевымъ, историкъ вдохновился при своей работѣ мудрыми словами графа:

«Нелицемѣрный судія — грядущее время и потомство, изречетъ всему справедливый приговоръ».

55. На щитѣ воина изображенъ былъ гербъ графа Аракчеева, съ его извѣстнымъ девизомъ: «Безъ лести преданъ».

Въ перепискѣ своей во поводу этого памятника Аракчеевъ писалъ: «Хотѣлось бы мнѣ, дабы русскій воинъ былъ я именованный».

Отливка и постановка фигуръ стоила 22.000 рублей, подножіе изъ гранита 9.000 р.

«Что дѣлать, что дорого, то мило, а что дешево, то гнило», выразился однажды графъ Аракчеевъ при заказѣ знаменитыхъ грузинскихъ часовъ.

56. На задней сторонѣ памятника надпись: «Отъ подданнаго въ 1833 году. Царствовалъ 25 лѣтъ».

57. Михайловскій-Данилевскій: Императоръ Александръ I и его сподвижники въ 1812, 1813, 1814, 1815 годахъ. Военная галлерея Зимняго дворца. С.-Петербургъ. 1845—1849, т. 6-й, стр. 21.

58. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 622.

59. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048.

60. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 973.

61. Поименованное здѣсь изданіе графа Аракчеева слѣдуетъ признать вторымъ.

Первое изданіе было напечатано въ 1822 году, еще при жизни «отца и благодѣтеля» графа Аракчеева, подъ заглавіемъ:

«Собственноручные рескрипты государя императора Александра I къ графу Аракчееву. Съ 1796 по 1822 годъ».

62. «Que dites vous de l'impudence de M. le comte Araktcheeff qui nie formellement avoir imprimé les fameuses lettres, demande une enquête et prétend que c'est une invention des злоумышленники. Entre autres preuves pour le confondre, l'empereur a reçu par m-r Kankrin la traduction des deux dernières lettres faites par un nommé Salvatori, qui dit en avoir eu l'ordre du comte et y avoir travaillé en sa présence. On tache de rassembler les imprimés et Czernicheff ira en ambassade à Grousino, dès l'arrivée du seigneur pour lui prouver son mensonge. Qu'un homme capable d'une impudence aussi hardie est dangereux auprès d'un souverain».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу отъ 26-го февраля 1827 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

19-го февраля (3-го марта) 1827 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«Le lendemain de votre départ j'ai reçu les deux lettres que voici, dont le contenu peut fournir à maintes réflexions!—je n'en ferai aucune et me bornerai à ajouter qu'après pareille déclaration, j'ai procédé officiellement à réclamer les exemplaires et qu'à cette occasion l'individu chargé par le comte de la traduction en français des deux fameuses lettres de Taganrog, est venu restituer les deux brouillons de la traduction avec les ratures dessus!—Je vous prie instamment de me renvoyer les lettres, ainsi que le livre, vu l'importance de l'inscription autographe; il m'est indispensable pour l'avenir».

63. 20-го февраля 1815 года генералъ-адъютантъ Чернышевъ писалъ графу Аракчееву:

«Зная, сколь всякое слово вашего сіятельства уважается нашимъ обожаемымъ монархомъ, почелъ я долгомъ показать ему лестное писомо, коимъ вы меня удостоили».

8-го августа 1815 года:

«Благосклонное расположеніе вашего сіятельства всегда было для меня столь драгоцѣнно, что въ каждомъ случаѣ не переставалъ я руководствоваться желаніемъ бо-

лѣе и болѣе удостоиться оказанной вашимъ сіятельствомъ мнѣ ласки. Если обстоятельства не дозволяли мнѣ объяснять вамъ безпрерывною перепискою привязанность мою и давать отчетъ дѣяніямъ моимъ, то не менѣе того служило мнѣ простое одобреніе ваше всегда цѣлію, вмѣстѣ и наградою... Мы всѣ крайне сожалѣли, что вы не изволили во все послѣднее время сопутствовать государю императору; всѣмъ извѣстно уваженіе, которое его величество признаетъ къ совѣтамъ и видамъ вашимъ».

Въ времена силы и могущества Аракчеева Чернышева приводили въ благоговѣйный трепетъ усердіе и преданность къ славѣ государя и пользѣ службы, о коихъ графъ Алексѣй Андреевичъ неутомимо пещись изволилъ. Въ 1827 году онъ обратился уже для него въ «individu».

64. «Lors de l'expédition du dernier courrier j'étais absent pour une commission fort désagréable à Grousino; j'ai fait convenir de tout l'individu et lui ai pris tous les exemplaires imprimés qu'il avait entre les mains, soi-disant pour son propre usage. Mon coeur a gémi de ce qu'un homme qui a été si fort dans les bonnes grâces de notre angélique bienfaiteur, se soit montré même si bas et si poltron».

Изъ письма графа Чернышева къ барону Дибичу отъ 26-го марта 1827 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

65. «Le comte Araktchéew est de retour à Grousino; avant hier le comte Tchernicheff lui a été envoyé, les documents en mains, pour lui prouver son crime envers son bienfaiteur et maître, son abus de confiance envers l'amitié dont il en était honoré, et son mensonge impudent envers l'empereur régnant. La mission est positive, mais elle n'est pas agréable pour un homme qui pendant tant d'années a cherché et obtenu les bonnes grâces du vizir disgracié». (Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу, отъ 13-го марта 1827 года).

Une autre affaire moins importante, mais plus sale encore, vient d'être terminée à Grousino, par l'entremise de Tchernicheff; il a tout remis, il a été aussi poltron, aussi bas qu'il avait été arrogant autrefois. Quelle leçon; l'empereur a comblé cet homme coupable de toute la délicatesse que sa belle âme devait à la mémoire de son incomparable frère; les hommes ons respecté en lui jusqu'à la faiblesse du maître qui n'existait plus; personne ne l'a attaqué, quoique tous le condamnaient. Lui seul est tombé par le propre poids de ses actions, et la Providence qui a commencée sa punition du jour de l'assassinat de sa maîtresse, n'a pas eu besoin de l'assistence des hommes, ni de la puissance de l'empereur, pour le rendre bien plus malheureux que ne l'a été Menchikow exilé au nord de la Sibérie», (Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу отъ 19-го марта 1827 года).

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048.

66. «Ce matin m'est revenu Чернышевъ de Grousino, où je l'avais envoyé s'expliquer verbalement avec Аракчеевъ. J'avais fait choix de lui pour plus de sûreté parce qu'il avait été dans les bonnes grâces du comte. Eh bien que croyez vous? il m'a rapporté 18 exemplaires et un aveu de ce qu'il avait eu tort; mais que comme on lui avait demandé s'il n'avait pas connaissance de livres pareils qui couraient le monde et non s'il les avait fait imprimer pour lui, il n'avait pas cru mentir en disant qu'il n'en avait pas entendu parler. Il a pleuré, protesté que c'était de l'aveu de l'empereur qu'il les avait fait imprimer et que même l'empereur lui avait souvent demandé de combien l'édition avait augmentée. Qu'il n'en a fait cadeau qu'à deux personnes, mais qu'il est possible qu'on lui en a volés; qu'au reste il les avait fait voir à plusieurs. Quant aux fameuses dernières, il était vrai qu'il les avait montrées, traduites, copiées et distribuées, et qu'en cela il s'avouait coupable devant moi de ne m'en avoir pas demandé permission. Voici un exemplaire que vous m'avez demandé».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 15-го (27-го) марта 1827 года.

67. «Les mains m'en tombent et je n'ai rien à ajouter à l'indignation que j'en ressens tant envers lui, qu'envers le misérable... qui, comblé comme il l'a été de ses bontés, a eu la bassesse de rendre son exemplaire avec la souscription autographe; moi, à

sa place, je l'aurais fait disparaître, en gardant toutefois l'exemplaire, si je n'aurais pu l'annuler. Un homme qui manque de reconnaissance envers son bienfaiteur, tel qu'il puisse être est un homme vil et bas, méprisable et indigne, à mon avis, de rester dans la société et surtout auprès du souverain, dans une place quelconque—c'est mon avis. Quant au livre en soi-même, il ne contient rien autre qu'une aveugle confiance d'une part d'un homme, qui jugeait les autres d'après son coeur angelique, et de l'autre une sotte vanité, un amour propre déhonté et une envie de se faire valoir au détriment même de celui qu'il appelait son père et son bienfaiteur—en un mot c'est dêplorable. Si vous pouvez, cher frère, me procurer un des exemplaires, veuillez me l'envoyer, vous m'obligeriez par là infiniment».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 2-го (14-го) марта 1827 года.

68. Вѣроятно, упомянутый здѣсь Шкуринъ есть флигель-адъютантъ Павелъ Сергѣевичъ Шкуринъ, произведенный въ октябрѣ 1827 года въ генералъ-майоры. Въ письмѣ къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу отъ 23-го февраля 1827 года онъ объявилъ, что получилъ отъ графа Аракчеева только копію съ письма къ нему отъ императора Александра изъ Таганрога отъ 3-го октября 1825 года, а матушка его получила отъ него двѣ копіи на французскомъ языкѣ также съ писемъ императора Александра отъ 22-го сентября и отъ 3-го октября 1825 года, «изъ коихъ въ первой четыре строки были помараны». Эти строки относились къ Минкиной, и на это обстоятельство мы указали въ сочиненіи: «Императоръ Александръ I». Копіи эти Шкуринъ препроводилъ Бенкендорфу и заявилъ, что отъ графа Аракчеева никогда не получалъ никакихъ печатныхъ экземпляровъ писемъ императора Александра.

69. 30-го марта (11-го апрѣля) 1827 года цесаревичъ писалъ императору Николаю: «Veuillez agréer mes remercîments pour le livre du comte Araktchéew; je ne puis rien concevoir à toute sa conduite,—elle me passe».

70. Генералъ Бахметьевъ занималъ мѣсто генералъ-губернатора въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской, Симбирской, Саратовской и Пензенской.

71. Архивъ канцеляріи военнаго министерства: «Дѣло о вредномъ вліяніи д. с. с. Магницкаго по Казанскому университету и объ отправленіи его арестованнымъ изъ Казани въ Ревель».

72. Подражатель Магницкаго, Д. П. Руничъ, находясь также въ опалѣ, написалъ на него слѣдующую эпиграмму:

Нагницкій думалъ нагибать и тою и другой рукою,
Кого ни встрѣтитъ на пути,
А самъ надѣялся уйти
Заблаговременной порою.
Не такъ-то вышло, какъ мечталъ:
Въ тенета скоро самъ попалъ,—
Согнули самого дугою.

73. Въ своихъ запискахъ Руничъ пишетъ: «Ce jour était l'anniversaire de la naissance de l'empereur Nicolas: il fut le jour de ma mort politique et du commencement des calamités incessantes qui m'accablèrent pendant seize ans».

74. «L'arrivée du grand duc a fait plaisir, mais pas le moindre effet; on dirait que c'est pour la dixième fois sous ce règne qu'il paraît à Pétersbourg. Il est de très bonne humeur, mais peu prévenant en général. On se dit l'un à l'autre, il n'a pas changé. Avant hier, à la parade, il demanda la permission de commander les ordonnances à cheval. Il a crié, s'est enroué, et a fait ressortir le calme et la tenue de l'empereur d'une manière si éclatante, que généraux, officiers et même soldats en ont fait la remarque».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ генералъ-адъютанту барону Дибичу, отъ 9-го февраля 1827 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. I. № 1048).

75. «Le grand duc Constantin a quitté St.Pétersbourg hier soir pour coucher à Strelna et se mettre ce matin en route pour Varsovie. Dieu soit loué, son séjour ici a

encore consolidé la bonne harmonie des deux frères; ils se sont quittés très content l'un de l'autre et le public est enchanté de la tenue de l'empereur et de l'empressement respectueux du grand duc. Celui-ci peut venir ou ne plus arriver; cela devient indifférent; cette dernière apparition a été très utile, en ce qu'elle a remis tout à sa place. Le grand duc est maintenant positivement à la place qu'il occupait du temps de l'empereur Alexandre, avec la différence que cet espèce de parti, qui prônait le changement qui s'était opéré en lui et qui vantait ses qualités pour l'administration, se tait entièrement et que le public se demande d'où était venu cette impulsion en sa faveur».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу отъ 16-го (28-го) февраля 1827 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

76. Записки графа Бенкендорфа.

77. Предсѣдателемъ комитета назначенъ былъ начальникъ морского штаба, а членами вице-адмиралы: Сенявинъ, Пустошкинъ и Грейгъ, контръ-адмиралъ Рожновъ и капитанъ-командоры: Крузенштернъ, Ратмановъ и Белингсгаузенъ.

78. Собственноручная записка императора Николая.

Устройство морского министерства.

Морское министерство состоитъ изъ:

1) инспекторскаго департамента,
2) комиссаріатскаго,
3) провіантскаго,
4) артиллерійскаго,
5) инженернаго,
6) аудиторіатскаго.

При морскомъ министрѣ: 1) особая канцелярія, 2) совѣтъ.

Должность морского министра правитъ начальникъ морского штаба.

1) Инспекторскій департаментъ ведетъ счетъ людямъ.

2) Комиссаріатскій одѣваетъ и снабжаетъ все, что принадлежитъ до экипажной части морского вѣдомства, завѣдываетъ и медицинскою частью.

3) Провіантскій кормитъ и снабжаетъ флотъ провизіей.

4) Артиллерійскій вооружаетъ экипажи и флотъ.

5) Инженерный завѣдываетъ всею строительною частью и снабжаетъ верфи всѣми строевыми подробностями и содержитъ въ исправности всѣ суда.

6) Аудиторіатскій — судная часть.

7) Канцелярія министра — общій центръ дѣлъ.

8) Совѣтъ — посторонніе члены для обсуживанія проектовъ и попеченія о постепенномъ улучшеніи всего.

79. Выпишемъ здѣсь замѣчательный отзывъ князя Меншикова о дѣятельности вице-адмирала Грейга:

«Сердце восхищается, видя труды сего человѣка, единственно къ пользѣ и усовершенствованію обращенные. Онъ нашелъ флотъ и всѣ принадлежности въ гнусномъ и отвратительномъ положеніи; офицеровъ невѣждъ, корабли гнилые, дурно вооруженные, и флагмановъ и капитановъ, боящихся ночью плавать; постепенно сіи предметы улучшены, охота къ наукамъ водворяется. Эскадры по три мѣсяца плаваютъ, не входя въ порты; а наиболѣе меня удивило, что ни одно изобрѣтеніе новое, ни одна книга, вышедшая въ Европѣ, не остается въ безызвѣстности, и все здѣсь испытывается и примѣняется».

80. Въ первыхъ числахъ марта въ Тифлисъ прибылъ еще товарищъ дѣтства и другъ государя, флигель-адъютантъ Адлербергъ, съ порученіемъ помогать Дибичу. Въ письмѣ своемъ къ Дибичу императоръ Николай называетъ его: «votre secrétaire privé».

81. «Je suis charmé, je vous avoue, de vous savoir sur les lieux et à même de juger par vos yeux dans ce dédale d'intrigues; j'éspère que vous ne vous laisserez pas frascine

les yeux par cet homme pour qui mentir est une vertu quand cela peut lui être utile et qui se joue des ordres qu'on lui donne. Enfin que Dieu vous assiste et vous inspire pour être juste».

Изъ письма императора Николая къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 8-го (20-го) марта 1827 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 973).

82. Князь Щербатовъ. Т. 2-й. Стр. 177.

83. Князь Щербатовъ. Т. 2-й. Стр. 178.

84. Дибичъ не оставался безъ извѣщеній изъ Петербурга о томъ, какіе преобладаютъ тамъ взгляды относительно кавказскихъ дѣлъ.

14-го (26-го) февраля 1827 года, графъ Сухтеленъ писалъ Дибичу: «Il m'est revenu par voies que je crois sûres, que sa majesté l'empereur aurait témoigné de plus en plus son mécontentement à l'égard du général Yermoloff. Je me tromperai fort, ou l'on espère de vous, mon général, un parti décisif. Ne trouvez pas mauvais si j'ose me méler de vous communiquer un semblable avis, ni même si j'ajoute, qu'on parait redouter de vous voir mettre un excès de chevalerie dans vos rapports avec l'homme qui vous a regardé comme son ennemi personnel. Dire cela à votre excellence n'est point intriguer auprès d'elle. Le lui cacher, serait une réticence que je me reprocherais. Bref, je puis me tromper, mais je crois que la destitution est la chose indispensable autant que désirée, et que tout terme moyen exigerait un vrai plaidoyer pour être agréé ici».

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ въ своей перепискѣ съ Дибичемъ также давалъ ему понять, чего отъ него желаютъ въ Петербургѣ, и писалъ 16-го (28-го) февраля 1827 года:

«Toutes les nouvelles qu'on reçoit depuis votre départ sur la Georgie officielles et particulières augmentent la persuasion de l'empereur et même du public, que votre envoi était indispensable, et que l'honneur de la Russie a été complètement compromise par m-r Ermolow. Les loix et la discipline qui sont notre force en Asie, puisqu'ils sont en balance contre l'arbitraire et l'indiscipline musulmane ont été rejetés par la vanité et le désir de séduction de celui qui pour premier devoir aurait du professer le respect pour les loix, le zèle pour la discipline militaire. Je fais des voeux bien sincères pour votre santé et la pleine réussite de la grande et belle commission dont vous êtes chargé. Tout le monde conçoit la difficulté de votre position, mais aussi tout le monde s'accorde à dire, que vous la remplirez avec loyauté et adresse».

Наконецъ въ письмѣ своего товарища, графа Чернышева, генералъ-адъютантъ Дибичъ могъ найти еще болѣе драгоцѣнныя указанія для рѣшенія порученнаго ему щекотливаго дѣла.

28-го февраля (12-го марта) 1827 года графъ Чернышевъ писалъ:

«Avant d'avoir eu de vos nouvelles, tous les jours, notre travail commençait par un calcul de l'endroit où vous pouviez être arrivé. Sa majesté le fesait avec le plus vif intérêt, se reposant entièrement sur tout ce que vous jugerez à propos de décider pour le bien des affaires; une autre fois il m'a dit à moi tout seul, que si vous ne parveniez pas à y mettre fin et si la mesure de votre envoi ne suffisait point, il paraîtrait qu'il n'y aurait plus d'autre moyen à prendre que d'y aller soi même. Je ne vous rapporte tout cela que pour vous prouver l'importance que l'on met à votre envoi et l'influence que vos décisions doivent avoir; je suis trop de vos amis pour ne point vous répéter que tant que vous garderez là l'homme qui y est, vous n'aurez rien terminé, vous aurez de belles promesses et voilà tout, à moins de rester là pour terminer le tout, et Dieu nous en garde; mon voeu le plus cher est que vous preniez vos mesures de manière à ce qu'en votre présence, comme après votre départ, l'impression que vous aurez donnée se poursuive également. Nos amis communs spéculent là dessus, mais ils seront bien confondus lorsque, comme je l'espère, vous reviendrez avec des titres de plus et à la reconnaissance de notre souverain si judicieux et de la patrie. Je regrette beaucoup de ne pas être à même de vous aider sur les lieux, je pense que j'aurais pu aussi vous y être utile».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

Еще ранѣе, въ письмѣ отъ 14-го (26-го) февраля, графъ Чернышевъ умолялъ Дибича отложить въ сторону: «toute délicatesse et ce sentiment de générosité qui vous honore, mais qui pourrait entrainer après soi des conséquences bien funestes pour le service et qui retomberait sur vous. Il faut bien vous aimer et vous porter un estime à toute épreuve pour vous parler de la sorte. Tout ce que je vois et entend me fait désirer ardemment que vous terminiez au plus tôt vos affaires avèc un plein succès d'une manière stable et définitive et nous reveniez sous peu».

85. Князь Щербатовъ, т. 2-й, стр. 187, и Военно-ученый архивъ, отд. 2, № 4442.

По словамъ графа В. Ф. Адлерберга, «Дибичъ Ермолова не любилъ, но еще болѣе не любилъ Паскевича, котораго побаивался, зная къ нему дружбу государя».

Паскевичъ, вспоминая пріѣздъ Дибича въ Тифлисъ въ 1827 году, разсказывалъ, что онъ всячески упрашивалъ Ермолова остаться на Кавказѣ, съ тѣмъ, чтобы не поручать Паскевичу этого высокаго поста. «А отчего? — прибавилъ Паскевичъ: — оттого, что Ермоловъ былъ уже старъ и слѣдовательно не могъ быть ему опасенъ, а на меня онъ завистливо смотрѣлъ, какъ на своего соперника; я былъ однихъ съ нимъ лѣтъ и заявилъ уже свой военный талантъ; но Ермоловъ былъ непреклоненъ въ рѣшимости своей удалиться съ Кавказа».

«Древняя и Новая Россія», 1878 года, т. 1-й, стр. 84: А. А. Филипповъ: «Воспоминанія о князѣ И. Ѳ. Паскевичѣ-Эриванскомъ».

86. Князь Щербатовъ, т. 2-й, стр. 122.

87. «Hier soir est arrivé votre courrier, porteur de votre intéressante lettre du 28. Que voulez-vous que je vous dise après pareille lecture? Si vous qui êtes sur les lieux n'avez pas cru pouvoir vous décider encore, comment pourrais-je moi le faire à cette distance et d'après tout ce que vous me dites. Je vois clairement que les choses ne peuvent pas aller de cette sorte; vous et Paskévitch partis, cet homme abandonnè à lui mème vous mettra dans la même position à l'égard de la connaissance des affaires et de la certitude de le voir marcher dans notre sens, comme cela fut avant le départ de Paskévitch à Moscou — responsabilité que je ne puis prendre sur moi. Aussi après avoir tout pesé murement et tout en attendant votre second courrier, s'il n'apporte pas d'autres données que celles que vous m'avez déjà fait entrevoir, je ne vois pas de possibilité autre que de vous faire user du plein pouvoir donné pour renvoyer Yermoloff. C'est Paskévitch que je destine pour le remplacer, car je ne vois pas dans vos rapports qu'il aie en rien manqué aux devoirs de la plus stricte discipline. Or, deshonorer cet homme par son rappel en pareil cas est contre ma conscience... Pour administrer le pays c'est Sipiaguine que j'enverrais par le retour du courrier décisif que j'attends de vous. Enfin, je vous le répète, si votre dernier courrier ne porte aucune circonstance de plus de celle de celui-ci, sans plus tardes exécutez ce que je vous ai parlé et informez m'en de suite. Mettez d'abord Paskévitch sur le pied convenable et faites lui voir toute l'importance du poste auquel je l'appelle en pareil cas et sentir tout le prix de ma confiance; homme d'honneur et mon ancien chef il saura, je réponds de lui, remplir mes voeux... Voilà, cher ami, mon dernier mot, et je vous répète encore qu'il est pour le cas que votre courrier que j'attends ne m'apporte pas d'autres nouvelles que les dernières reçues hier... Que Dieu vous guide dans vos démarches et recevez tous mes remercìments pour votre zèle et vos soins dans une démarche aussi difficile. Que Dieu vous assiste et fasse marcher tout pour le mieux».

Изъ письма императора Николая къ барону Дибичу отъ 12-го (24-го) марта 1827 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 973).

88. Въ письмѣ отъ 27-го марта (8-го апрѣля) 1827 года императоръ Николай по поводу Сипягина еще разъ писалъ Дибичу:

«Portez toute votre attention à ce que Sipiaguine dès son arrivée se met bien avec Paskévitch et sur le pied le plus confiant possible; je compte sur votre zèle, cher ami, et sur votre savoir faire, pour arranger cette partie importante du service dès le commencement de façon à ne devoir rien apréhender pour l'avenir. Dites bien à Sipiaguine que

j'espère que les intrigues n'auront plus jeu près du commandant de là bas, et que c'est sur lui que je compte pour prévenir les suites d'une aussi fâcheuse tendance». (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 973).

Генералъ-адъютантъ Сипягинъ прибылъ въ Тифлисъ въ концѣ апрѣля 1827 года и тамъ же умеръ въ октябрѣ 1828 года.

89. Отношеніе генералъ-адъютанта Дибича генералу Ермолову отъ 29-го марта 1827 года:

«По высочайшему его императорскаго величества соизволенію на увольненіе вашего высокопревосходительства въ Россію и на вступленіе по сему случаю въ главное начальство надъ войсками кавказскаго отдѣльнаго корпуса и въ главное управленіе здѣшнимъ краемъ, на существующемъ нынѣ основаніи, генералу отъ инфантеріи Паскевичу, прошу ваше высокопревосходительство покорнѣйше учинить нужное о семъ съ вашей стороны распоряженіе».

Наканунѣ, т.-е. 28-го марта, Дибичъ сообщилъ словесно повелѣніе государя прежде всего Паскевичу, а затѣмъ и Ермолову.

90. Ѳ. М. Уманецъ: «Проконсулъ Кавказа». «Историческій Вѣстникъ», 1888 года.

91. 26-го марта (7-го апрѣля) 1827 года графъ Чернышевъ писалъ барону Дибичу:

«Le contenu de la lettre que sa majesté vous a adressée par le courrier du 13, nous a été entièrement inconnu, tant au comte Tolstoy qu'à moi, jusqu'à ce matin; c'est au moment de notre travail qu'on est venu apporter vos dépêches; l'empereur en a pris connaissance en notre présence et nous a dit vous avoir écrit que si votre prochain courrier n'apportait point une détermination positive de votre part, sa majesté résoudrait l'éloignement du général Yermoloff, en confiant le commandement de cette contrée au générai Paskéwitch; en même temps sa majesté a ordonné de préparer un courrier pour être expédié au général Sipiaguine que sa majesté impériale nomme gouverneur militaire de Tiflis, dirigeant aussi la partie civile sous les ordres du chef de corps; ce courrier vient d'être expèdié ce matin et il porte l'ordre à ce général de partir dans les 24 heures et 10.000 roubles pour ses frais de route. Cette issue était inévitable et bien à prévoir et voici sur quoi on base non seulement ce qui justifie, mais plus sur ce qui a rendu cette détermination de toute nécessité: d'abord on assure que conserver à cette distance un homme qui inspire de la méfiance tant pour ses capacités, que pour sa bonne volonté, ne pourrait être qu'essentiellement nuisible pour le bien du service et même pour la tranquillité de l'empereur; que dix ans de son administration et les derniers événements militaires, ont donné sa mesure sous ces deux rapports et loin de donner une garantie quelconque pour des opérations vigoureuses et bien entendues; tous les antécédents déposent contre lui et font prévoir la même marche tortilleuse et indécise dès que vous aurez tourné les talons; que sans parler des sentiments de haine, qui lui portent les peuplades soumises à notre domination, sa position personnelle politique vis-à-vis la dynastie régnante en Perse éloignerait les bienfaits d'une paix prompte et honorable, et lui ferait toujours préférer des moyens révolutionnaires pour parvenir à ses fins, si peu d'accord et avec nos véritables intérêts et en général au principe conservateur qu'on ne saurait observer assez religieusement; qu'en définitif même en lui confiant les opérations militaires, il faudrait toujours le changer pour conclure la paix. Vos amis y ajoutaient qu'en gardant Yermoloff dans son poste contre le désir prononcé de sa majesté impériale et l'opinion de la grande majorité des gens bien pensants, vous vous rendiez en quelque sorte garant de toutes ses actions et porteriez la responsabilité morale, à moins de rester là pour le surveiller constamment; je vous avouerai avec une entière franchise que je partage moi-même une bonne partie de ces raisonnements et me fèlicite de ce que vous allez sortir d'une situation des plus délicates et qui aurait pu devenir de plus en plus désagréable».

92. «Je m'applaudis d'avoir désigné Paskévitch pour remplaçant; car je vois par votre lettre, qu'au cas que ce fut lui que je nommasse, vous ne supposiez pas nécesaaire de prolonger votre séjour. Vous aurez vu par ma dernière lettre que je vous autorisais de rester aussi longtemps que vous le jugeriez nécessaire, pour mettre Paskévitch sur le pied convenable et régler tout le nouvel ordre des choses».

Изъ письма императора Николая къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 27-го марта (8-го апрѣля) 1827 года.

93. «Vous me donnerez tous les détails possibles sur la manière dont tout se passera; point de bruit, de scandale; je défends toute injure de la manière la plus positive et vous en rends tous responsables, mais point de farces, de lamentations déplacées, que tout se passe en ordre, avec dignité et dans la stricte règle de service».

Изъ письма императора Николая къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ 27-го марта (8-го апрѣля) 1827 года.

94. О томъ, какъ совершилась смѣна, баронъ Дибичъ не замедлилъ донести государю въ письмѣ отъ 29-го марта (10-го апрѣля) 1827 года:

«J'ai communiqué de suite l'ordre de votre majesté verbalement au général Paskéwitch qui a reçu sa nomination avec pleine reconnaissance et mettra certainement tout son zèle à s'en rendre digne; sans se cacher nullement les difficultés de sa situation, il paraît être persuadé de ne pas devoir les craindre; avec le fond de droiture que je lui connais, je serais entièrement rassuré, si je ne craignais toujours un peu l'influence des intrigues asiatiques. Je lui en ai parlé en ami et en serviteur fidèle de votre majesté impériale et il m'a répondu de même et je ne laisserai certainement pas passer la moindre occasion sans la lui faire remarquer avec sincerité et délicatesse. Le général Yermoloff auquel j'ai parlé après a reçu cet ordre avec la plus parfaite soumission et une résignation, qui a surpassé mon attente en me répétant qu'il prouverait, comme il l'avait dit avant, que dans tout état il serait un sujet soumis et fidèle. Il m'a parlé après sur beaucoup de détails regardants le pays et le service, et je dois dire que dans tout cela je n'ai pu remarquer la moindre astuce. Ce n'est qu'en prenant congé de moi qu'il m'a adressé la demande sur quoi je croyais surtout fondée la mauvaise opinion de votre majesté impériale sur son compte. Je lui ai repondu que je ne me croyais pas en droit de faire là dessus aucune réponse, que votre majesté disposait sur le choix de ses généraux d'après le degré de confiance qu'elle portait à leur capacité de bien remplir ses ordres, mais s'il voulait savoir mes suppositions à moi, que je devais croire que c'était surtout le peu d'assurance dans une marche décisive des opérations qui avait dû baser une telle résolution».

(Военно-ученый архивъ. Отд. II. № 4442).

95. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи, собранные М. Погодинымъ. Москва. 1864. Стр. 390.

96. «Le renvoi du général Yermoloff m'impose le devoir de présenter à votre majesté impériale que dans ce pays aussi enclin aux délations même fausses, on ne porte aucun doute au désintéressement complet de ce général. Il est pauvre en même temps, car la fortune de son père doit être extrêmement délabrée. Il me paraît juste de recompenser la qualité bonne, même en reprimant les torts. En osant fixer l'attention de votre majesté sur cet objet, je dois ajouter qu'on dit que le général Yermoloff a refuser une ferme accordée par sa majesté feu l'empereur».

Изъ письма генералъ-адъютанта Дибича къ императору Николаю отъ 29-го марта (10-го апрѣля) 1827 года.

По свидѣтельству Погодина, графиня А. А. Орлова-Чесменская, услышавъ о скудномъ содержаніи Ермолова, сказала у себя за столомъ, что она почла бы себя счастливою, если бы Алексѣю Петровичу угодно было взять въ свое распоряженіе ея подмосковное имѣніе — Островъ. Тогда государь велѣлъ обратить столовыя деньги также въ пенсію Ермолову, и онъ началъ получать по 30.000 рублей асс. ежегодно.

97. Е. П. Ковалевскій: Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ. «Вѣстникъ Европы», 1868 года, т. 2-й, стр. 161.

Насколько примѣръ безкорыстія Ермолова не нашелъ себѣ подражателей, можетъ служить слѣдующій эпизодъ его антагониста Дибича.

2-го марта 1816 года Дибичу было всемилостивѣйше выдано 150.000 рублей ассигнаціями изъ государственнаго заемнаго банка заимообразно на 15 лѣтъ, съ тѣмъ чтобы уплату начать производить по прошествіи семи лѣтъ, т.-е. со 2-го марта

1823 года. 22-го октября 1817 года князь Волконскій увѣдомилъ Дибича, что государь императоръ въ знакъ особеннаго своего благоволенія за отличную и ревностную службу его повелѣть соизволилъ платить ежегодно (въ продолженіе 14-ти лѣтъ) изъ кабинета государственному заемному банку причитающіеся оному проценты. Высочайше разрѣшено было уплачивать капиталъ съ 1823 года согласно особому расчету, составленному генералъ-адъютантомъ Дибичемъ въ продолженіе трехъ лѣтъ по 10.000 капитала, а остальныя шесть лѣтъ по 20.000 рублей. Замѣчательно, что расчеты Дибича кончились роковымъ для него впослѣдствіи 1831 годомъ (2-го марта).

98. Воспоминанія Э. В. Бриммера — «Кавказскій Сборникъ», т. 15-й.

99. «L'ordre du jour vous aura appris le changement de Yermolow par Paskévitch. D'après le tableau exact de ce que Diebitsch m'a décrit, les choses tout en n'étant pas aussi outrées mauvaises qu'on les décrivait, se trouvaient l'être assez pour prouver, blanc sur noir, que Diebitsch et Paskévitch partis, tout rentrerait dans le cahos, le désordre qui avaient précédés et étaient habituels dans ce pays, vu les principes en usage chez Yermolow. Vous m'avouerez qu'à la veille d'une guerre c'étaient de tristes garanties pour le succès. Paskévitch était irréprochable; je ne pouvais donc balancer et j'ai franchi le grand pas. On a été tout abasourdi ici pendant deux à trois jours et les качели on fait oublier et Yermolow et la Georgie. Ce matin j'ai reçu de Diebitsch le rapport que le changement a eu lieu et tout s'est passé en ordre; Yermolow a reçu la chose humblement et sans plaintes. J'ai fortement intimé à Diebitsch à user de tout son pouvoir et de mon nom pour empêcher et prévenir tout transport ni exclamation ni pour ni contre, mais que tout se passe sévèrement dans le strict ordre de service; il parait que je réussirai donc à voir la chose finie non ainsi qu'une chute de personnage de cour, disgrâce ou etc. mais comme une сдача doit avoir lieu».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 9-го (21-го) апрѣля 1827 года.

100. Слово «качели» въ кавычкахъ написано императоромъ Николаемъ по-русски.

Въ письмѣ графа Чернышева къ барону Дибичу, отъ 12-го апрѣля 1827 года, по тому же поводу сказано:

«On a beaucoup bavardé en ville, lorsque l'ordre du jour a été connu, et quelques uns même, que vous connaissez, d'une manière impermise; actuellement ce sujet de conversation tombe».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

101. Сообщая барону позднѣйшія извѣстія изъ Грузіи, императоръ Николай 27-го апрѣля (9-го мая) 1827 года писалъ:

«Les affaires même à en juger par les rapports ont pris un air d'ordre qui me fait espérer pouvoir bien augurer de l'avenir».

102. Императоръ Николай возвратился изъ Вязьмы въ Петербургъ 19-го (31-го) мая 1827 года.

103. Графъ Сакенъ обнаруживалъ въ это время уже поразительные признаки старости. По окончаніи смотра, фельдмаршалъ не могъ доѣхать до квартиры верхомъ; его сняли съ лошади и, разостлавъ коверъ у самой дороги, по которой двигался народъ обратно, сложили старика, который и заснулъ, несмотря на шумъ и топотъ кругомъ. Около него сталъ караулъ и не позволялъ экипажамъ ѣхать слишкомъ скоро.

Записки М. С. Николаевой: «Русскій Архивъ», 1893 года, книга 3-я, стр. 184.

104. Государь выѣхалъ изъ Петербурга 26-го іюля и возвратился изъ поѣздки 30-го числа.

105. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048.

На письмѣ рукою барона Дибича написано:

«Хранить въ канцеляріи по секретной части до востребованія».

106. Изъ письма М. М. Фока къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу отъ 14-го сентября 1826 года.

107. Peter von Goetze: Fürst Alexander Nikolajewitsch Galitzin und seine Zeit. Leipzig. 1882, p. 393.

108. На рукописи «Историческаго обозрѣнія» Н. Г. Устряловымъ написано собственноручно:

«Сочиненіе сіе написано мной въ 1841—1842 годахъ и въ свое время было представлено министру народнаго просвѣщенія. Министръ не нашелъ удобнымъ докладывать о немъ государю императору. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1846 года попечитель С.-Петербургскаго университета и предсѣдатель цензурнаго комитета М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, внимательный ко всему благонамѣренному, препроводилъ рукопись, по разсмотрѣніи ея, къ управлявшему министерствомъ императорскаго двора генералъ-адъютанту Адлербергу. Генералъ Адлербергъ представилъ ее императору 1-го декабря 1846 года утромъ и на другой день вечеромъ получилъ обратно, съ повелѣніемъ пригласить автора и поручить ему исправить свой трудъ согласно съ сдѣланными его величествомъ собственноручными карандашемъ замѣчаніями. Всѣ сіи замѣчанія переписаны слово въ слово красными чернилами въ семъ нарочно снятомъ для того спискѣ съ подлинной рукописи.

«Декабрь 1846 года. Н. У».

109. Эта замѣтка была очевидно вызвана воспоминаніемъ о всеподданнѣйшемъ письмѣ Ермолова отъ 3-го марта 1827 года. Въ немъ дѣйствительно встрѣчаются выраженія о неспособности, бездѣятельности, отсутствіи доброй воли, но Ермоловъ нисколько не приписываетъ себѣ этихъ качествъ, но пишетъ, что государь можетъ приписать ему эти недостатки. Притомъ, какъ выше упомянуто, увольненіе Ермолова составляло уже совершившійся фактъ, когда письмо его доставлено было въ Петербургъ.

110. Историческое обозрѣніе царствованія государя императора Николая I. Сочиненіе Н. Устрялова. С.-Петербургъ. 1847.

111. Н. Г. Устряловъ: «Воспоминанія о моей жизни».—«Древняя и Новая Россія», 1880 года, стр. 651.

Біографъ Ермолова пишетъ: «Алексѣй Петровичъ былъ очень огорченъ однимъ мѣстомъ въ исторіи царствованія Николая Павловича, которое касается до увольненія его изъ Грузіи. Онъ написалъ письмо къ автору и прочелъ мнѣ уже переписанное набѣло. Я сказалъ нѣсколько словъ за Устрялова; Ермоловъ началъ по обыкновенію отклоняться: «это правда, я напрасно сердился на него, онъ не виноватъ и проч.» (Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи, собранные М. Погодинымъ. Москва. 1864, стр. 406).

112. Николай Барсуковъ: Жизнь и труды М. П. Погодина. С.-Петербургъ. 1895. Книга 9-я. Стр. 178.

113. Замѣтимъ здѣсь, что слова «по волѣ Ермолова» написаны были императоромъ Николаемъ; Устряловъ написалъ, что Паскевичъ немедленно принялъ по высочайшей волѣ начальство надъ войсками. Государь написалъ съ боку: «неправда». Слова «по высочайшей волѣ», зачеркнуты и замѣнены: «по волѣ Ермолова».

Затѣмъ остается еще сказать, что на стр. 38 своего «Историческаго обозрѣнія» Устряловъ написалъ, что государь назначилъ вмѣсто генерала Ермолова главнокомандующимъ генерала Паскевича. Императоръ Николай прибавилъ: «вмѣсто уволеннаго по желанію своему Ермолова».

114. По поводу письма А. П. Ермолова въ дневникѣ графа П. Х. Граббе читаемъ: (1847 г.) «Письмо А. П. Ермолова къ Устрялову по поводу одного мѣста объ немъ въ его исторіи нынѣшняго царствованія. Нахожу, что нѣсколько вычурно. Главное возраженіе не могло быть высказано по вышинѣ, откуда брошена молнія».

Записная книжка графа П. Х. Граббе. Москва. 1888. Стр. 198.

115. Передъ отъѣздомъ изъ Тифлиса Дибичъ осматривалъ нѣкоторыя части войскъ, двинувшіяся въ походъ; судя по его донесеніямъ, все его вниманіе, при оцѣнкѣ боевой готовности этихъ войскъ, сосредоточивалось на одиночной выправкѣ людей, равненіи при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ и щеголеватою пригонкою мундировъ.

116. К. Х. Бенкендорфъ, подобно своему брату, шефу жандармовъ, также относился къ Ермолову недружелюбно и недовѣрчиво. По пріѣздѣ Дибича въ Тифлисъ Бенкен-

*

дорфъ увѣрялъ его, что общее мнѣніе не позволяетъ оставить Ермолова начальникомъ на Кавказѣ. Въ такомъ же духѣ Бенкендорфъ писалъ, конечно, въ Петербургъ.

117. 14-го (26-го) іюля къ Паскевичу прибылъ изъ Петербурга генералъ-квартирмейстеръ, графъ П. П. Сухтеленъ, и вступилъ въ исправленіе должности начальника корпуснаго штаба.

118. Гассанъ-ханъ бѣжалъ ночью изъ крѣпости Сардаръ-Абада.

119. Съ нашей стороны во все время осады убыль доходила до ста человѣкъ убитыми и ранеными.

120. Князь Щербатовъ, т. 3-й, стр. 18.

121. «Вообще всѣ провинціи пристаютъ къ намъ,—доносилъ Паскевичъ,—такъ что я теперь только стараюсь удержать ихъ отъ лишняго порыва противъ своего прежняго правленія».

Ханы Урмійскій и Хойскій предлагали Паскевичу не только предаться намъ, но и содѣйствовать истребленію послѣднихъ войскъ Аббаса-Мирзы.

122. Князь Щербатовъ, т. 3-й, стр. 23.

123. Всеподданнѣйшій рапортъ генералъ-адъютанта Паскевича отъ 29-го октября 1827 года.

124. По странной случайности, въ одинъ и тотъ же день утромъ пришло въ Петербургъ извѣстіе о подписаніи Аббасъ-Мирзою предварительныхъ условій мира, а вечеромъ императоръ Николай получилъ отъ генерала Ермолова прошеніе объ увольненіи его въ отставку. По этому поводу государь писалъ цесаревичу Константину Павловичу 29-го ноября (11-го декабря) 1827 года:

«Nos troupes sont admirables dans leur conduite dans ce pays et comme Constantin Benkendorf l'écrivait à son frère, fort justement, c'est là le plus beau des lauriers que notre immortel ange ait acquis dans la campagne de 14, car c'est bien de ce moment que notre excellente armée a senti le prix d'une conduite pareille: Yermoloff a failli nous faire perdre cette belle qualité. A propos de lui, n'est-il pas extraordinaire que ce même vendredi matin, j'ai reçu sa demande de démission du service et le soir le courrier avec les préliminaires de la paix de ce même Tauris où il prètendait que nous ne pouvions arriver que l'automne 1828».

По полученіи приведеннаго здѣсь отзыва о Ермоловѣ, сдѣланнаго императоромъ Николаемъ, цесаревичъ отвѣчалъ 7-го (19-го) декабря 1827 года:

«Quant au général Yermoloff il doit crever dans sa peau, comme on le dit, et, si jamais Figaro a eu raison, c'est bien le cas de dire, comme il le dit, que les gens d'esprit sont bêtes. Je suis bien peiné de ce qu'il ait tourné de la sorte puisqu'on ne peut lui contester ni des talents, ni du mérite; je vois par l'ordre du jour qu'il vient d'obtenir son congé».

125. Архивъ канцеляріи военнаго министерства.

126. Указъ правительствующему сенату отъ 15-го марта 1828 года:

«Въ воздаяніе отличнаго усердія и важныхъ отечеству заслугъ генералъ-адъютанта нашего, генерала отъ инфантеріи Паскевича, многими блистательными побѣдами, въ продолженіе счастливо прекратившейся нынѣ съ Персіей войны пріобрѣтшаго новую славу нашему оружію и увѣнчавшаго сіи подвиги заключеніемъ выгоднаго во всѣхъ отношеніяхъ мира, коимъ предѣлы государства распространяются за Араксъ, и присоединяется къ владѣніямъ нашимъ область Армянская,—всемилостивѣйше жалуемъ его и потомство его въ графское Россійской имперіи достоинство, повелѣвая ему отнынѣ именоваться графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ».

127. Князь Щербатовъ, т. 3-й, стр. 55.

128. Н. Глиноецкій: «Русскій генеральный штабъ въ началѣ царствованія императора Николая I». «Военный Сборникъ», 1877 года, № 5.

129. На письмо императора Николая отъ 18-го марта графъ Паскевичъ отвѣчалъ государю 12-го апрѣля 1828 года изъ Тифлиса:

«Ваше императорское величество,

«всемилостивѣйшій государь.

«Ваше императорское величество явили на мнѣ милости необыкновенныя; никогда малыя заслуги подданнаго не были награждаемы столь щедро государемъ милосерднымъ. Памятникъ благотвореній вашихъ увѣковѣченъ на мнѣ и моемъ потомствѣ.

«Никакія слова, никакія выраженія не могутъ изъяснить чувствъ безпредѣльной сердечной благодарности моей къ государю моему и благодѣтелю; вся жизнь моя, посвящаемая службѣ вашему императорскому величеству, всѣ силы мои и способности да обратятся къ одной цѣли и мысли—заслужить щедроты столь безпримѣрныя.

«Но, бывъ осчастливленъ великимъ благоволеніемъ вашимъ, государь всемилостивѣйшій, съ ощущеніемъ радости смѣшиваю прискорбіе душевное: жалобы моихъ подчиненныхъ на строгую мою взыскательность, отчасти справедливыя, дошли до высочайшаго престола; повергаю милосердному воззрѣнію вашего императорскаго величества полную мою въ томъ исповѣдь.

«Съ вѣчною признательностію къ великимъ благодѣяніямъ вашего императорскаго величества и съ вѣрноподданническою покорностію повергаюсь къ стопамъ государя премилосерднаго,

«вашего императорскаго величества,

«всемилостивѣйшаго государя

вѣрноподданный

«графъ Иванъ Паскевичъ Ериванскій».

Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5322.

Упомянутую въ письмѣ графа Паскевича исповѣдь намъ не удалось найти въ архивахъ.

Письмо графа Паскевича отъ 12-го апрѣля не приведено въ біографіи его, написанной княземъ Щербатовымъ.

130. Князь Щербатовъ, т. 3-й, стр. 96.

131. На просьбу султана о содѣйствіи Персіи въ войнѣ съ Россіею шахъ отвѣчалъ: «Когда Персія находилась въ затруднительномъ положеніи и требовала вспоможенія отъ турокъ, то они оставались равнодушными зрителями покоренія областей ея; что, заключивъ нынѣ вѣчный миръ съ Россіею, онъ не можетъ измѣнить своему слову, но считаетъ обязанностью ходатайствовать за турокъ у императора россійскаго чрезъ своего посланника, котораго намѣренъ вскорѣ отправить».

Рапортъ графа Паскевича графу Дибичу отъ 10-го (22-го) іюня 1828 года. Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2759.

132. «Il faut avouer que les musulmans sont spirituels pour le moment de faire la paix. L'année 1812 les turcs se sont pressés de la signer au moment que Napoléon avec l'Europe à sa suite envahissait l'empire; maintenant les persans les imitent pour nous faciliter les moyens d'écraser leurs corréligionnaires. La paix est superbe... Aussi Paskévitch a-t-il été fait comte d'Erivan avec une dot d'un million. Voilà comme il faut récompenser... Enfin la chose est terminée, comme il convient à un empereur de Russie. Tout le monde y applaudi, et même les jaloux, les envieux, les critiqueurs, les aboyeurs ne trouvent rien à dire».

Архивъ князя Воронцова. Книга 35-я. Стр. 276.

133. «Je me permets de vous faire mes félicitations plus que sincères sur une autre victoire que vous avez remportée et qui à mon faible avis n'est pas sans conséquence, c'est celle que le tout s'est passé sans le général Yermoloff, qui a été l'idole de l'opinion publique et réputé comme le seul capable dans notre pays. Ceci, à mon avis, est une victoire non moins essentielle et qui fera rentrer bien des gens à leur place avec leurs idées du siècle et subversives de tout ordre légal où le génie doit toujours rempla-

cer ce qui est établi. Vous avez prouvé que l'on a pu se passer de lui et j'en bénis le ciel de toút coeur, c'est une bonne leçon donné à l'univers entier».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 24-го марта (5-го апрѣля) 1828 года.

134. Письмо цесаревича Константина Павловича къ А. П. Ермолову, отъ 25-го іюня 1816 года.

Выражая въ этомъ письмѣ опасенія, чтобы Персія не перевела много православныхъ, цесаревичъ пишетъ: «Впрочемъ все зависитъ отъ миссіонерства послѣдника общества Грубера. У насъ все смирно и слава Богу хорошо; дѣло идетъ впередъ, но хлопотъ и работъ много. Заднихъ дверей у насъ нѣтъ, и хотя вы и увѣрены, что я послѣдникъ Грубера, но въ оправданіе скажу вамъ, что для этого слишкомъ горячъ, строгъ и откровененъ».

Цесаревичъ любилъ приравнивать Ермолова къ извѣстному своею хитростью іезуитскому патеру Груберу и писалъ: «Я всегда къ вамъ какъ въ душѣ, такъ и на языкѣ, а вы, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ и товарищъ, иногда и съ обманцомъ бывало». (Изъ письма отъ 17-го февраля 1817 года).

135. Когда Ермоловъ произведенъ былъ въ генералы отъ инфантеріи, цесаревичъ писалъ ему 5-го марта 1818 года:

«Достойному достойное! Истинно отъ всего сердца я весьма обрадованъ былъ повышеніемъ вашимъ, и отъ всей искренности спѣшу вашего высокопревосходительства поздравить съ онымъ. Всякъ, кто безпристрастенъ и не терзаемъ завистью, знавши дарованія ваши, вѣрно будетъ для пользы отечества доволенъ симъ».

136. 28-го іюня 1826 года генералъ-адъютантъ Дибичъ донесъ цесаревичу рапортомъ, что государь проситъ его высочество: «всѣхъ прикосновенныхъ къ слѣдствію варшавскаго комитета лицъ, принадлежащихъ къ россійскимъ губерніямъ, отъ Польши присоединеннымъ, по совершенному окончанію производящагося объ нихъ изысканія, приказать отправить въ С.-Петербургъ ко мнѣ, для посаженія ихъ въ крѣпость и преданія суду на основаніи россійскихъ узаконеній».

Une haute cour nationale connaîtra des crimes d'état et des délits commis par les grands fonctionnaires du royaume, dont le sénat décrète la mise en jugement d'après l'article 116. La haute cour est composée de tous les membres du sénat.

(Article 152).

137. Lisicki: Le marquis Wielopolski. Vienne. 1880. T. I, 1, p. 76.

138. «Quant à ce que vous me dites de ce que vous ne pouvez comprendre comment est-ce que l'on peut qualifier de t e n d a n c e é l o i g n é e la connaissance d'un complot qui avait pour but l'assassinat du roi et de sa famille,—ceci peut paraître au premier aperçu; mais le crime de ceux qui le servaient, d'après les lois existantes ne peut être qualifié que de non révélation, chose tout à fait distincte et prévu par le code. Quant à l'assassinat même et que les russes provoquaient, il est prouvé par les dépositions des prévenus tant russes que polonais que ces derniers s'y sont constamment refusés et n'on pas voulu seulement entendre parler, mettant en avant qu'aucun régicide n'a entaché la nation polonaise. Le crime donc consiste purement dans la non révélation de ce fait. La t e n t a t i v e é l o i g n é e dont il est fait mention se rapporte donc purement et simplement au désir du renversement du gouvernement actuel en profitant pour l'exécuter sur les changements qui auraient pu arriver en Russie et, comme l'époque n'en était pas fixée, il ne peut donc être autrement dénommé comme il l'a été par le procureur général, surtout vu les dépositions même des russes qui le remettaient d'année en année».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го ноября (12-го декабря) 1827 года.

Въ письмѣ императора Николая къ цесаревичу отъ 23-го ноября (5-го декабря 1827 года, на которое ссылается Константинъ Павловичъ, государь пишетъ: «J'ai achevé la lecture de la première partie de l'acte d'accusation . . . . Je ne cache donc pas à Grabowski que cette lecture ne m'a entièrement satisfait, car je ne comprend pas la manière dont on peut qualifier de t e n t a t i v e é l o i g n é e la connaissance d'un complot

(par quelques uns des prévenus) dont le but avoué, permanent était l'assassinat de leur roi et de sa famille. Il y a d'autres expressions aussi que je ne trouve pas bien choisies».

139. «La mercuriale a été reçue avec respect et soumission, mais pas avec persuasion, d'après tous les rapports qui me parviennent de différentes parts; au reste à quoi peut-on s'attendre d'êtres semblables et à un ramassis comme le sont les sénateurs dans la majorité de ce pays-ci. Pourtant il faut être juste qu'il y en a entre eux qui sentent le faux pas qu'ils ont fait et sont repentants. Au lieu de sentir la délicatesse de votre procédé envers eux, en leur faisant faire des reproches à huis clos, il y en a qui l'attribuent à ce que l'on n'a pas osé le faire publiquement et qu'au reste ils ont emporté la prise en délivrant des patriotes qui faisaient tout pour la patrie. C'est l'interprétation qui court entre la jeunesse oiseuse et, surtout, entre les étudiants; ils deviennent de jour en jour plus insolents et plus audacieux et surtout depuis l'enterrement du palatin Bielinski. J'en ai déjà prévenu le gouvernement et de la grande urgence qu'il y a de remettre toute cette jeunesse turbulente à l'ordre; tous les êtres bien pensants le sentent et sont de mon avis; mais je ne sais à quoi cela tient, les mesures que l'on croit pouvoir prendre ne répondent pas à l'urgence du cas. Il est à remarquer que la jeunesse studieuse a pris une tendance très remarquable pour le mal depuis peu, et je serai assez porter à le croire, qu'elle est guidée du dehors et nommément du duché de Posen et de la France; au reste tout le monde dirigeant est averti et l'on fait tout son possible pour prévenir et réprimer le mal s'il venait à se manifester d'une manière plus hostile».

140. Графъ Грабовскій, Шабанскій, Родовицкій, Оскерко, Іосифъ Булгаринъ, Сержпутовскій, Довнаровичъ, Дочевскій, Кленковскій, Дерамеръ, Дениско, графъ Грохольскій, Ленкевичъ, Рокицкій и графъ Мощенскій.

141. Письмо генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ барону Дибичу, отъ 9-го (21-го) марта 1829 года. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961.

142. 24-го октября (5-го ноября) 1827 года Рибопьеръ писалъ изъ Буюкъ-дере графу Палену, управляющему Новороссійскими губерніями:

«Un combat terrible entre les escadres alliées et la flotte Turco-Egyptienne a eu lieu à Navarin le 8 (20). La flotte turque a été détruite. Cette nouvelle étant parvenue ici a plongé la Porte dans un état de stupeur et d'exagération. La seule mesure qui semble arrêtée jusqu'ici, c'est d'empêcher les bâtiments russes, français et anglais de sortir. Je crains qu'on n'arrête ma poste; je n'ai pas de nouvelles de Smyrne depuis cinq jours, quoique j'en attend de l'amiral Heyden et que mes collégues aient à en recevoir de leurs amiraux. La Porte pourrait se porter à quelque excès contre nous. Je ne crois pas ma position sans danger. Ne laissez sortir aucun bâtiment russe du port d'Odessa jusqu'à ce que vous recevriez de mes nouvelles et envoyez cet avis à Pétersbourg, Greig et au comte Wittgenstein. Bonjour, cher Pahlen. Dieu veuille que cette crise ne soit que passagère. Je vous embrasse en me recommandant à votre souvenir.

«Ribeaupierre».

По полученіи этого письма, графъ Паленъ отправилъ немедленно изъ Одессы, 30-го октября (11-го ноября) 1827 года, нижеслѣдующее всеподданнѣйшее донесеніе:

«Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше представляю письмо полномочнаго министра при Портѣ Оттоманской, тайнаго совѣтника Рибопьера, сейчасъ мною полученное, о важномъ сраженіи, происшедшемъ при Наваринѣ между соединенными и турецко-египетскимъ флотами, въ которомъ сей послѣдній совершенно истребленъ. Свѣдѣніе сіе доставлено сюда и партикулярнымъ образомъ шкиперомъ коммерческаго судна, бѣжавшаго изъ пролива, который объявляетъ, что поводомъ сраженія было дерзкое поведеніе начальниковъ турецкаго флота, которые, не принимая никакихъ миролюбивыхъ предложеній со стороны союзниковъ, желали дѣйствовать военною силою и даже стрѣляли въ парламентеровъ, изъ коихъ одинъ, племянникъ англійскаго адмирала, убитъ. Шкипера коммерческихъ судовъ, прибывшихъ въ Одессу изъ пролива въ четыре дня, присовокупляютъ, что флотъ вашего императорскаго величества, бывъ въ самомъ пылу сраженія, болѣе всѣхъ отличился, но что корабль «Азовъ» пострадалъ нѣсколько.

«При семъ всеподданнѣйше доношу вашему императорскому величеству, что о пріостановленіи отправленія въ Константинополь коммерческихъ судовъ подъ россійскимъ флагомъ сдѣлано отъ меня надлежащее распоряженіе по всѣмъ ввѣреннымъ мнѣ портамъ, съ дружескимъ предвареніемъ о томъ и судовъ подъ англійскимъ и французскимъ флагами.

«О настоящемъ случаѣ увѣдомлены мною главнокомандующій 2-ю арміею и вице-адмиралъ Грейгъ».

Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2599.

Наваринское сраженіе сопровождалось слѣдующимъ случаемъ въ Рени, о которомъ донесъ 3-го (15-го) ноября 1827 года командиръ военной брандвахты:

«Сего числа въ 5 часовъ пополудни турецкое судно, проходя мимо брандвахты, было, по заведенному порядку, опрашиваемо, откуда и куда слѣдуетъ. Имѣя ходъ сильный и будучи въ полномъ своемъ грузу, почти промчалось мимо мнѣ ввѣреннаго поста, крича гвалтомъ: «Война, война! Гибель русскимъ!»

«Соображая сіи дерзости съ полученными отъ галацкой агенціи извѣстіями, за нужное считаю о томъ увѣдомить».

Галацкія извѣстія заключались въ томъ, что въ Браиловѣ былъ читанъ султанскій фирманъ, чтобы всѣ военные чины были въ готовности и при своихъ постахъ и чтобы цѣпь выставить со стороны Молдавіи, по обоимъ берегамъ Серета, дабы наблюдать, съ которой стороны послѣдуетъ нападеніе.

143. Der Russisch-Türkische Feldzug 1828 und 1829. Berlin. 1845.

144. Австрійскій дипломатъ Прокешъ-Остенъ справедливо замѣтилъ: «Avant Navarin les grecs n'avaient en leur faveur que dix chances sur cent, ils en ont aujourd'hui soixante dix contre trente».

145. Записки графа Александра Ивановича Рибопьера. «Русскій Архивъ», 1877 года, стр. 23.

146. 22-го ноября 1827 года Рибопьеръ писалъ графу Витгенштейну изъ Перы: «Наконецъ дѣла наши съ Портою приняли оборотъ рѣшительный; истощивъ безполезно всѣ средства убѣжденія, я и сотоварищи мои, французскій и англійскій послы, выѣзжаемъ отсюда».

Письмо Рибопьера получено было въ Тульчинѣ 7-го декабря.

Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2578.

147. Рибопьеръ писалъ 5-го (17-го) декабря 1827 года генеральному консулу Минчіаки въ Букарестѣ:

«Ayant vainement attendu un vent favorable pour me rendre à Odessa et ne pouvant plus prolonger mon séjour ici, je me suis décidé à me rendre à Trieste . . . . Je crois encore une fois pouvoir vous assurer que d'après toutes les apparences aucun turc ne passera le Danube et que vous pourrez par conséquent rester dans les principautés sans inconvénient jusqu'aux ordres que vous recevrez de m. le comte de Nesselrode».

148. По словамъ Меттерниха: «L'événement de Navarin, ses causes et ses suites plus que probables, tout place sa majesté impériale dans la situation morale la plus pénible. Je vous avouerai même que dans le long cours de plus de huit ans que j'occupe une place qui me met en contact journalier avec sa personne, je n'ai jamais vu notre auguste maître ni plus douloureusement affecté ni plus activement inquiet».

Mémoires de Metternich, t. 4, p. 404.

149. «Dans cet écrit le comte de Nesselrode s'exprime en vrai bravache . . . . C'est ainsi qu'ont pensé et parlé Carnot et Danton avec ceux qui les ont copiés plus tard. Ils n'en ont pas moins été ecrasés par les «vieux et ennuyeux principes», et c'est ce qui arrivera également au comte de Nesselrode avec ces rodomontades».

Mémoires de Metternich, t. 4, p. 416.

150. Е. Ѳеоктистовъ: Борьба Греціи за независимость. С.-Петербургъ. 1863. Стр. 169.

151. Контръ-адмиралу де-Риньи императоръ Николай пожаловалъ орденъ св. Александра Невскаго.

152. Графа Гейдена императоръ Николай наградилъ орденомъ св. Георгія 3-й степени и чиномъ вице-адмирала. Въ числѣ отличившихся русскихъ моряковъ находились капитанъ 1-го ранга М. П. Лазаревъ, будущій начальникъ Черноморскаго флота, равно какъ и лейтенантъ П. С. Нахимовъ и мичманъ В. А. Корниловъ — все имена, стяжавшія себѣ впослѣдствіи всемірную извѣстность.

«Вообще въ теченіе этой кампаніи выказались блестящія дарованія Лазарева въ управленіи эскадрою, состоявшею по большей части изъ полусгнившихъ судовъ и неопытной команды, въ образованіи отличныхъ офицеровъ, въ умѣніи узнавать въ молодыхъ людяхъ достойныхъ себѣ преемниковъ и пріобрѣсть уваженіе и пріязнь лучшихъ моряковъ англійскаго флота». (Исторія вмѣшательства Россіи, Англіи и Франціи въ войну за независимость Греціи. С.-Петербургъ. 1862. Стр. 29).

153. Лондонскій договоръ 24-го іюня (6-го іюля) 1827 года.

154. «Pour vous donner une idée de la besogne que j'ai eue, figurez vous que cette nouvelle [1] est venue me surprendre le soir même du jour que le courrier porteur de la nouvelle de la bataille de Navarin, m'était arrivée!—Voilà bien d'une autre affaire!—Je ne me suis pas étonné de la chose, car, selon moi, elle était la conséquence très naturelle des clauses du traité [2], qui mettaient nos escadres dans le cas, selon moi, immanquable d'en venir à l'extrémité pareille, sitôt que les turcs persistaient à céder aux insinuations autrichiennes, que tout ce que nous faisions sous le nom d'alliance n'était qu'une mauvaise farce et que faisant les obstinés dans leurs idées d'extermination, ils nous mettraient dans le cas de faire crouler tout notre traité d'alliance par crainte d'en venir à des extrémités. Hé bien!—le cas prévu est arrivé; des parlementaires ont été tués, la destruction de la flotte s'en est suivie et a prouvé à l'Europe étonnée combien nos résolutions d'en finir étaient sérieuses, sincères et combien sincère et franche était l'union de nos trois cours dans cette délicate affaire. Chose unique dans l'histoire, les trois pavillons les plus hétéroclites réunis et combattant comme des frères d'une même nation! Je m'attends toujours, d'après le même principe que nous devons suivre fidèlement, à quelque coup semblable contre les grecs, si eux de leur côté ne finissent l'infâme métier qu'ils font; les ordres les plus sévères sous ce rapport ont déjà été donnés et j'engage instamment mes alliés à les répéter encore le plus solennellement possible, pour prouver que nous ne sommes dans cette affaire ni grecs, ni turcs, mais que nous persistons à user de tous nos moyens pour faire fiinir cette infâme lutte de part et d'autre et que nous ne désirons qu'ordre et tranquillité. Avant que ce but, tant et si longuement désiré, ne fut atteint, il est très possible toujours par les mêmes causes, qu'une guerre s'en suive; déjà je sais que l'empereur d'Autriche, dans le premier moment de peine à la réception de cette nouvelle, a dit: «Si je ne suivais que mon sentiment je ferais marcher 100.000 hommes pour soumettre la Morée, mais je sens que je ne puis le faire»!—Cela joint à d'autres nations nous commande la plus grande circonspection».

(Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 12-го (24-го) ноября 1827 года).

155. Повидимому, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, подобно цесаревичу Константину Павловичу, также не слишкомъ сочувствовалъ обороту, данному въ то время нашей политикѣ въ восточномъ вопросѣ, если судить по слѣдующему отрывку его записокъ:

«Посреди стеченія взаимныхъ неудовольствій и недовѣрчивости, Европу вдругъ поразило неожиданное извѣстіе о кровавой Наваринской битвѣ. Нашъ флотъ вмѣстѣ съ англійскимъ и французскимъ сражался противъ оттоманскаго, сжегъ его, захватилъ турецкія суда и матросовъ. Какъ было изъяснить, что этотъ лютый бой, истребившій соединенныя морскія силы Турціи и Египта, произошелъ единственно отъ недоразу-

1 Императоръ Николай получилъ извѣстіе о занятіи нашими войсками Тавриза.

2 Лондонскій договоръ 24-го іюня (6-го іюля) 1827 года, заключенный между тремя державами: Россіею, Англіею и Франціею.

мѣнія и не долженъ имѣть никакого вліянія на прерваніе добраго согласія между сказанными кабинетами и константинопольскимъ дворомъ? Нужно ли прибавлять, что такое странное изъясненіе трудно было Портѣ понять и еще труднѣе съ нимъ согласиться? Съ этого времени отношенія къ намъ Турціи стали еще хуже; наша торговля подверглась новымъ притѣсненіямъ, данныя въ Аккерманѣ обѣщанія остались неисполненными, и наконецъ явный разрывъ былъ неминуемъ. Начались приготовленія къ войнѣ».

156. «Quant à la victoire de Navarin, tout en reconnaissant la valeur et le courage de notre marine et en leur faisant mes félicitations du fond de mon coeur, je ne puis que déplorer et les motifs et les résultats et les suites incalculables de cette victoire navale: l'anglais en vrai Machiavel a sû profiter de la situation du russe et du français qui, dans tous les cas, étant mis au pied du mur ne pouvaient qu'accepter la proposition du combat sans être taxés de timidité ou de poltronnerie. Le russe y est pour sa bonne foi, le français pour sa bêtise et l'anglais seul pour son avantage en détruisant une flotte n'importe quelle, qui pût lui faire un peu d'ombrage, ayant pour principe de ne mépriser aucune nacelle sur eau. Pardon, cher frère, de vous exposer ces idées; elles ne tirent à aucune conséquence vous venant d'un homme dont la nullité est le partage, mais je le devais à ma loyauté et ma franchise et comme un tribut de franchise que je vous doit et ne pouvant et ne devant rien vous cacher; c'était ma marche envers feu notre immortel empereur et le sera toujours le même envers vous, jusqu'à ce que vous n'en ordonnier autrement».

(Изъ письма цесаревича Константина Павловича отъ 20-го ноября (1-го декабря) 1827 года).

157. Оцѣнка политическаго значенія Наваринскаго боя, сдѣланная императоромъ Николаемъ, сходится вполнѣ съ мнѣніемъ Джона Росселя, сказавшаго: «Я рѣшительно того мнѣнія, что эта блистательная побѣда была необходимымъ результатомъ Лондонскаго договора. Кромѣ того, я полагаю, что это была одна изъ самыхъ честныхъ побѣдъ, одержанныхъ оружіемъ какой либо державы отъ начала міра».

158. «L'affaire de Navarin toute désastreuse qu'elle ait été pour les turcs, n'est qu'une conséquence naturelle et légale du traité qui a été longtemps d'avance déclaré à la Porte et déclaré parce que c'était le seul moyen de faire cesser un ordre de choses incompatible avec un ordre légal dans cette partie du monde. Cinq années ont prouvé que la Turquie ne pouvait terminer elle-même une lutte infâme de part et d'autre. L'Angleterre l'aurait terminée à elle seule et comme il lui convenait; je ne pouvais le souffrir, car c'eut été lui céder de bon gré le droit d'y faire ce que bon lui semble dans le sens exclusif non du bien de la chose en général, mais bien pour ses intérêts exclusifs. Il fallait la forcer donc à s'engager à la face de l'Europe de renoncer à toute vue d'avantages exclusifs dans ces contrées—voilà la raison du traité du 6 Juillet. La France par défiance y est entrée, et tant mieux; les voilà liées; nous y sommes comme contrepoids ou antidote; les conséquences en seront non une république ou des républiques, mais la cessation de la part des turcs et des grecs, que nous allons à leur tour mettre à la raison, de toute hostilité, et le rétablissement de la liberté de commerce dans ces parages,—point trop important pour tout notre midi pour que je puisse en confier le soin ni aux anglais, ni même à l'ami Metternich. Maintenant si la guerre doit avoir lieu, c'est une conséquence fort malheureuse et fort probable même à la déraison des turcs, et voilà où il m'est impossible de rien préciser d'avance».

(Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 29-го ноября (11-го декабря) 1827 года).

159. «Quant à l'affaire turque, elle est bien d'une autre conséquence; les nouvelles que nous en avons ici sont tellement contradictoires que réellement on ne sait à quoi s'en tenir. Dans tous les cas, si la guerre a lieu ou non, la cause des grecs n'en sera pas pour cela terminée; elle est trop embrouillée, trop compliquée pour ses résultats et pour ses intérêts pour que l'on puisse dès à présent porter un jugement définitif. D'après ce que j'en pense, toute politique mise à part ainsi que les intérêts particuliers des puissances européennes, cette cause grecque est la cause du jacobinisme pur et simple et n'en

déplaise au dire de m-r le président Capodistrias, qui peut vouloir la faire envisager sous un autre point de vue pour le moment, n'en est pas moins du jacobinisme ou bien du libéralisme qui l'a remplacé dans ce siècle. En résumé, c'est la cause de l'émancipation des peuples par la révolte contre leurs gouvernements légaux, et si l'on l'admet où que ce soit, elle entraine des conséquences semblables à l'infini et encouragées par la réussite et le soutien que l'on y a données. J'ai le droit plus que personne d'en parler et de dire hautement ma façon de penser, puisque je l'ai dite au comte lui-même et que je n'ai pas changé d'avis à ce sujet dès le principe de l'insurrection. Je dirai plus que, si les chances des événements tournent à l'avantage des grecs, ce qui est fort probable, nous verrons le comte changer de conduite, augmenter ses prétentions et, en résumé, établir un ordre républicain et un état qui remplacerait celui des turcs. Alors, j'oserai demander ce que l'on aura gagné au change?

«La cause a été et est appuyée par toutes les têtes révolutionnaires du monde entier; y prêter les mains — c'est se mettre de pair et compagnie avec eux, et déja l'on a été trop loin, d'après ce que j'en pense, par la reconnaissance du président d'un état révolutionnaire et de fait et non de droit. C'est l'histoire des états du midi de l'Amérique qui, à mon avis, devraient être détruits aujourd'hui même et non demain, si toute fois on pouvait y parvenir».

«L'opinion publique, comme on l'appelle de nos jours, est une peste et si les gouvernements s'y soumettent et assissent d'après il n'y a plus de bornes puisqu'elle est aussi versatile que le vent,—c'est au gouvernement à la diriger et non de la suivre pour avoir la majorité du moment; il faut penser aux conséquences. Au reste les grecs si vantés pour leurs malheurs, sont aussi peu civilisés et sont aussi plus barbares que les turcs que l'on veut leur faire remplacer. Voilà ma profession de foi, elle peut déplaire à bien du monde, ce qui ne m'importe guère, mais elle n'en restera pas moins la même. Il ne faut pas admettre chez autrui ce qu'on ne souffrirait chez soi».

(Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 7-го (19-го) декабря 1827 года).

Въ такомъ же духѣ цесаревичъ писалъ и въ слѣдующемъ году, предъ самымъ открытіемъ кампаніи на Дунаѣ, 24-го марта (5-го апрѣля) 1828 года.

«Quant à votre politique et à vos mesures envers les turcs, il ne me reste qu'à former les voeux les plus sincères pour que tout finisse à votre gloire et pour le bien-être de notre pays; mais je me permettrai d'observer que la cause des turcs est une et celle des grecs une autre chose. Je ne conçois pas comment est ce que l'on peut exiger des premiers la clause de devoir gouverner les seconds de telle ou telle manière; si c'était le cas, on pourrait à juste titre exiger de nous de gouverner tel peuple de notre dépendance, de la même façon, d'après les intérêts de nos voisins. Peut-être je ne sais ce que je dis, mais je vous dois ma franchise de vous exposer mes idées telles qu'elles me viennent, puisqu'à mes yeux la justice est partout justice et elle est immuable; le vieux proverbe dit: «ne faites pas à autrui ce que vous ne voulez pas que l'on vous fasse».

160. Султанская прокламація начиналась прямымъ обращеніемъ къ Россіи:

«Всѣмъ здравомыслящимъ людямъ извѣстно, что какъ всякій мусульманинъ естественно есть смертельный врагъ невѣрныхъ, такъ и невѣрные суть равномѣрно смертельные враги мусульманъ, и что наипаче дворъ Россійскій есть непримиримый врагъ народа мусульманскаго и Оттоманской имперіи».

161. «Enfin nous sommes dans une grande crise politique. Il est très difficile d'en calculer le dénouement; le fait est que l'empereur est calme, attend les événements, se prépare à tout ce qu'ils peuvent avoir de plus difficile et restera toujours loyal et modéré. Si cela déplait à quelques cabinets, au moins les peuples y applaudiront, et c'est une grande balance dans les affaires de nos jours». Архивъ князя Воронцова. Книга 35-я, стр. 275. (А. Х. Бенкендорфъ графу М. С. Воронцову 12-го марта 1828 года).

162. Въ февралѣ 1828 года графъ Нессельроде писалъ въ Лондонъ князю Ливену:

«Nous ne connaissons pas d'état qui puisse permettre que son commerce soit ainsi arrêté, ses sujets maltraités, son honneur insulté, ses traités foulés aux pieds. Nous ne

*

connaissons pas d'état qui puisse laisser des actes pareils impunis et ne point chercher dans des mesures de répression la garantie d'un avenir moins contraire à ses intérêts. Les droits de la Russie à cet égard sont incontestables, indépendants de toute transaction avec des puissances tierces, et ils ne sauraient provoquer leur opposition, de même qu'ils ne demandent pas leur concours».

163. Въ деклараціи, обнародованной тогда русскимъ правительствомъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія заключительныя ея строки, свидѣтельствующія о безкорыстныхъ видахъ, отличавшихъ политику императора Николая:

«Принужденная употребить силу для защиты правъ своихъ, Россія, вопреки разглашеніямъ Порты, не имѣетъ ненависти къ сей державѣ, не умышляетъ ея разрушенія. Если бы намѣренія нашего правительства были устремлены къ войнѣ непримиримой и къ сокрушенію Турецкой имперіи, оно давно бы воспользовалось однимъ изъ бозчисленныхъ, непрестанно представляющихся случаевъ къ разрыву. Россія не имѣетъ и видовъ честолюбія; довольно предметовъ для заботливой попечительности ея правительства въ обширныхъ странахъ, ему подвластныхъ».

Нельзя сказать, чтобы русскій офиціальный переводъ деклараціи, подлинникъ которой написанъ на французскомъ языкѣ, отличался точностію. Достаточно привести для сравненія по-французски послѣднія вышеприведенныя слова деклараціи: «Assez de pays et de peuples reconnaissent ses lois; assez de soins s'attachent à l'etendue de ses domaines».

164. Въ силу указа 12-го апрѣля генералъ-интендантъ второй арміи, генералъ-маіоръ Мельгуновъ, оставаясь въ своемъ званіи, долженъ былъ состоять подъ начальствомъ главноуправляющаго Абакумова.

165. Одинъ изъ такихъ фазисовъ обозначился, напримѣръ, въ слѣдующемъ письмѣ графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 4-го декабря 1827 года:

«Je vous restitue, mon cher comte, le rapport du comte Wittgenstein qui me semble s'exagérer extrêmement les difficultés de l'occupation des principautés. L'idée d'une explication préalable avec l'Autriche a été, comme vous devez vous en rappeler, prise en mure considération et rejetée comme déplacée et même, je vous l'avouerai, comme un peu ridicule. D'après ma plus intime conviction il m'est impossible de lui supposer l'intention de nous prévenir dans l'occupation des principautés. Ce sont de ces mesures que pourrait prendre Bonaparte, d'audacieuse mémoire, mais ni l'empereur François, ni même son principal ministre, n'ont fait preuve jusqu'ici d'une pareille témérité. D'ailleurs je ne comprendrai même pas trop comment ils pourraient effectuer une opération aussi hardie. Il faudrait pour cela qu'ils eussent munis leurs généraux sur les frontières d'ordres éventuels et d'une latitude qui ne sont pas dans leurs habitudes. Je ne doute donc pas qu'une colonne poussée avec vigueur de Reni sur Boucarest n'ait le temps de les prévenir partout. Au reste d'après les derniers rapports de Ribeaupierre, il parait que la Porte, tout en laissant partir les représentants, continuera à éviter soigneusement de nous fournir aucum grief direct. L'entrée de nos troupes sur le territoire Turc devra donc nécessairement être arrêtée en commun avec nos alliés, ce qui nous donnera également le temps d'eclaircir davantage l'attitude que l'Autriche sera disposée à prendre au milieu de cette complication. D'après cette considération il me semble que d'autoriser le comte Wittgenstein à mettre son armée dès à présent sur le pied de guerre serait prématuré».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2563).

166. «Tout jusqu'à ce moment est tranquille sur la frontière turque, et ce ne sera pas moi qui commencerai, à moins que je n'y sois forcé par les circonstances prévues par le traité».

Императоръ Николай — цесаревичу Константину Павловичу 23-го ноября (5-го декабря) 1827 года.

167. «Mes résolutions sont prises; elles sont irrévocables et en cela les turcs nous ont rendu un vrai service», писалъ императоръ Николай цесаревичу Константину Павловичу 17-го февраля 1828 года.

168. Принцъ Евгеній, ничего не знавшій объ этихъ намѣреніяхъ императора Николая, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что, если бы государь послалъ польскую армію

въ Турцію, то въ 1830 году въ Польшѣ не вспыхнула бы революція. «На полѣ битвы быстро заключается братскій союзъ, — пишетъ принцъ, — къ тому же поляки храбрые солдаты, а безъ ихъ содѣйствія возстаніе было бы немыслимо».

169. 15-го (27-го) февраля 1828 года цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ фельдмаршалу графу Сакену, что, находясь въ Петербургѣ, «нимало не скрывая, откровенно и гласно» высказывалъ мнѣніе, «начиная сіе предъ самимъ государемъ императоромъ, что имѣть намъ войну нѣтъ никакой въ виду пользы. Начать оную весьма легко; какой же будетъ конецъ, одному только Богу извѣстно. Надѣяться на свою силу не можно. Наполеонъ показалъ надъ собою разительный примѣръ: при всемъ могуществѣ его какія вышли послѣдствія».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 410).

170. Письмо цесаревича Константина Павловича къ Вильгельму Николаевичу Оливу, отъ 20-го августа (1-го сентября) 1829 года, изъ Франкфурта на Майнѣ. «Русскій Архивъ», 1870 года, стр. 425.

171. Для характеристики отношеній между двумя братьями приведемъ здѣсь слѣдующія строки изъ двухъ писемъ императора Николая къ цесаревичу.

Отъ 15-го (27-го) сентября 1827 года:

«Je puis vous assurer que toute ma vie mon seul désir est d'être constamment digne de vous; s'il m'arrive quelquefois d'être dans le cas d'émettre une opinion qui diffère de la votre, croyez toujours que j'agis d'après ma conscience, le sentiment de l'énorme responsabilité dont je suis accablé et la conviction que toute autre manière de m'acquitter de mes devoirs serait blàmable et ne mériterait pas votre estime, chose à laquelle je tiens plus qu'à toute chose!»

Отъ 2-го (14-го) ноября 1827 года:

«Je voudrais que vous puissiez lire dans mon coeur et vous trouveriez le désir ardent que chaque geste, chaque mot, enfin tout ce que je fais, puisse me mériter vos bontés, votre satisfaction—c'est là le but de mon existence, que ne m'est il toujours possible de vous en donner des preuves; c'est du moins là tout ce que je désire».

172. «Mais en tout état de choses, du calme, pas de précipitation et pas de légèreté, et permettez moi de vous répéter les paroles du maréchal Souvorow qui disait: глазъ впередъ, глазъ назадъ, глазъ направо, глазъ налѣво, et ajoutait à ceci, malgré son horreur des retraites, en prétendant qu'il ne devait pas y en avoir, qu'avant de faire un pas en avant, il fallait regarder en arrière pour voir si on pouvait en faire deux et même quatre».

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ императору Николаю, изъ Варшавы отъ 28-го февраля (11-го марта) 1828 года.

173. См. въ приложеніяхъ переписку по поводу прусскихъ и австрійскихъ вооруженій и предположеній объ участіи польской арміи въ турецкой войнѣ.

174. Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 9-го (21-го) іюня 1828 года, изъ лагеря близъ Траянова вала.

175. Quant aux affaires de l'Orient et puisque vous m'en parlez, je crois de mon honneur et de mon devoir de ne pas vous cacher en rien mon opinion, qui est celle d'éviter toute rupture formelle avec les turcs si ne le faire qu'à la dernière extrémité et sans précipitation. Le mal ne viendra pas de ce côté, mais s'il vient, il viendra de l'Occident, c'est pour cela qu'il fait tout son possible pour nous occuper tant en Perse, contre les turcs et pour les grecs. L'Occident craignait notre force physique, prête à fondre sur lui, s'il bougeait; maintenant que ces forces sont nécessairement divisées, elles imposent moins et nos ennemis d'Occident pourront agir à leur aise. Par cet état de chose, il s'est soustrait pour ainsi dire de notre surveillance. Je parle de ceci généralement, puisque tout bouleversement, n'importe quel, est une atteinte portée à votre dignité et à votre puissance. L'Occident a voulu nous donner de la tablature en Orient et y a réussi arfaitement. Nous y sommes par nos moyens, nos intérêts et notre bonne foi et risques, orsque l'Occident se soucie fort peu de nous et ayant réussi à détourner notre surveil-

lance de dessus lui, pourra se réunir dans le sens tel qu'il voudra. Mais en tout état de choses, du calme, pas de précipitation et pas de légèreté».

Изъ письма цесаревича къ императору Николаю отъ 28-го февраля (11-го марта) 1828 года.

176. «Je ne me permettrai jamais de vous tracer des principes que vous devez suivre, cher frère, comme vous le dites dans votre lettre, et si la vérité, que je crois être telle d'après ma conscience, vous est parfois exprimée par moi, avec toute la franchise qui me caractérise, ce n'est que l'habitude que j'ai contractéé de le faire auprès de feu notre immortel empereur qui m'y engage et la parole sacrée que je lui ai donnée d'en user de même envers vous, une fois qu'il n'existerait plus et ce qu'il a exigé de moi sous serment».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю, отъ 24-го марта (5-го апрѣля) 1828 года.

177. Императоръ Николай впервые упомянулъ о своемъ желаніи имѣть у себя польскихъ офицеровъ въ письмѣ къ цесаревичу отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1828 года:

«J'allais oublier de vous demander si vous ne trouveriez pas très convenable de m'envoyer pour la campagne quelques officiers polonais, pour être près de moi la première fois que depuis la réunion nous avons guerre; si c'est faisable je l'aimerai bien».

178. «Je ne puis assez me louer des officiers que vous avez bien voulu m'envoyer; ils se distinguent partout où l'on les emploie et plusieurs méritent déjà des recompenses. J'espère qu'ils sont contents de leurs camarades qui sont vraiment frères avec eux».

Императоръ Николай — цесаревичу Константину Павловичу 18-го іюля 1828 года, изъ лагеря противъ Шумлы.

То же самое повторено было въ кампанію 1829 года: цесаревичъ прислалъ въ распоряженіе главнокомандующаго 19 офицеровъ.

179. См. въ приложеніяхъ распоряженія императора Николая по случаю отправленія его въ турецкую кампанію.

Государственный архивъ. Разрядъ II. № 1.

180. Архивъ канцеляріи военнаго министерства: дѣло объ образѣ управленія по военной части во время отсутствія государя императора изъ С.-Петербурга въ 1828 году.

Задача, выпавшая на долю графа Чернышева, была не легкая. Онъ писалъ 6-го (18-го) іюня 1828 года графу П. П. Сухтелену:

«Je mène ici une existence d'enfer, je succombe sous les poids des affaires; en temps de paix, ces deux parties réunies seraient déjà très fortes pour un seul, à plus forte raison dans le moment actuel; aussi vous qui me connaissiez, vous pouvez bien vous imaginer si je me donne du repos. Puissai-je réussir à bien conduire cette immense besogne. Tout est triste et morne en ville, tous les yeux, toutes les pensées sont tournés de votre côté».

181. «Permettez, cher Constantin, que je vous offre ici mes voeux d'avance pour votre fête qui approche; puisse la divine Providence vous combler en tout de toutes ses bénédictions; puissiez vous être toujours le même pour moi, et dans cet instant solennel, où il peut être écrit là haut que je dois trouver ma fin dans cette campagne, croyez que je vous ai servi avec le même dévouement et que je rendrai mon dernier souffle avec le même sentiment de tendresse et de reconnaissance pour vous qui m'a constamment guidé dans tous les instants de ma vie. Si telle, en effet, était la volonté divine, je quitterai la vie avec le sentiment d'avoir fait mon devoir en honnête homme et avec le regret de n'avoir pu être plus utile à ma chère patrie. Pensez alors à ma pauvre femme, à cet être angélique, auquel je dois depuis onze ans tous les instants heureux de mon existence; veuillez lui tenir lieu de père et d'ami; continuez vos bontés à mes chers enfants et, surtout, au pauvre malheureux qui devra me remplacer! Enfin, sachez alors qu'il vous restera un être dévoué de moins dans le monde. Donnez moi vos bénédictions et accordez moi le pardon pour mes fautes, certainement involontaires, vis à vis de vous».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1828 года, изъ С.-Петербурга.

182. «Quant à la fin de votre lettre, cher frère, je ne saurai vous dépeindre l'impression profonde et pénible qu'elle m'a fait éprouver. Que le bon Dieu veuille vous faire éprouver tous les biens de cette terre, cher frère, en vous évitant tout mal, et je ne saurai m'arrêter à cette triste idée. J'ose espérer de sa clémence que ses bénédictions vous accompagneront toujours ainsi que notre chère Alexandrine et tous vos enfants, et en vous réunissant tous dans la paix et la tranquillité la plus parfaite. Vous êtes si bon mari et père, qu'il est de toute justice de vous faire goûter longtemps du bonheur domestique dont vous jouissez à si juste titre. Si mes bénédictions vous sont toutefois nécessaires, cher frère, vous les avez en plein et je n'hésite pas certainement à vous les donner, sans me croire autorisé à le faire, mais simplement par dévouement de coeur et réel attachement».

183. «Je ne sais pas encore ce que l'Angleterre fera; j'ai tout lieu d'espérer que la France restera fidèle à ses engagements; j'espère donc, avec l'aide de Dieu, que la seule occupation des principautés nous suffira. Nos mesures vont être prises en conséquence, tout en nous préparant à pousser à fond si la nécessité l'exige. L'empereur d'Autriche s'est exprimé envers Tatischew de manière à me faire supposer que nous n'avons rien à craindre de ce côté les armes à la main».

184. «Je dois vous avouer, mon cher ami, que cela m'a beaucoup peiné de voir que l'on ne veut pour le commencement qu'occuper les principautés, n'y voyant qu'une demi-mesure qui paralyse le début de la campagne et qui me fait penser qu'en voulant échelonner les réserves depuis Mohilew jusqu'a Ismail, l'on ait le but d'avoir un corps d'observation contre les autrichiens, ce qui fait croire que les affaires ne trainent de nouveau en longueur. Mon opinion serait qu'une fois la décision prise, il faut agir avec énergie et ne pas marcher en tatonnant. Cela fera un bon effet sur l'Europe, et procurera des avantages à la Russie, en conséquence il serait nécessaire:

«1) de concentrer les troupes pour effectuer le passage en masse et le même jour sur le Pruth et le Danube;

«2) de prendre Toultcha et Isaktcha, a s s i é g e r Brailoff et occuper jusqu'au rempart de Trajan;

«3) se porter avec rapiditè et avec force sur Boukarest, car il est probable qu'au moment où nous passerons le Pruth, les turcs effectueront le passage du Danube en grande masse pour dévaster la Valachie; les nouvelles que nous recevons viennent à l'appui de cette assertion;

«4) nos troupes avancées devant être soutenus par de bonnes réserves pour agir à coup sûr et ne pas être dans les cas de se replier, car s'est la première affaire qui décide du succès de la campagne et influe sur le moral de toute l'armée, surtout sur une armée qui a peu d'expérience, après qu'elle n'a pas vu l'ennemi depuis 13 ans;

«5) comme je n'ai pas le droit d'accélérer la marche des troupes de la 2-de armée, l'on ne peut commencer les opérations, si le tout doit se faire à la fois, que vers le 13 de Mai. Cela n'empêchera pas cependant d'être au pied du Balkan dans les premiers jours du mois de Juin et ce qui est absolument nécessaire.

«Je suis bien heureux si sa majesté daigne approuver mes idées qui du reste ne changent rien à ses dispositions, excepté que je tiens beaucoup à effectuer le passage le même jour sur tous les points. Je ne doute pas, mon cher ami, que vous ne soyez de mon opinion, car plus que nous tarderons d'effectuer le passage du Danube, plus nous perderons de temps précieux, et cela fera croire à notre ennemi que nous n'agissons pas sérieusement et ce qui encore pire, c'est que cela nous gênera pour les approvisionnements du côté de la mer, ne pouvant être maître des embouchures du Danube. Du reste je n'ai plus rien à vous dire; le général Kisseleff vous exposera l'état de notre armée et différentes choses que nous supplions; j'espère que vous aurez la bonté d'appuyer ces demandes. Je me fais une véritable fête de vous posséder bientôt, cher ami, et de faire encore une campagne avec mon ancien camarade et compagnon de gloire de Kliastizi et Polotzk».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5322).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

185. Въ царствованіе императора Александра даже генералъ Канкринъ занимался разработкою плана войны съ турками. Въ 1819 году онъ представилъ записку подъ заглавіемъ:

«Mémoire secret sur l'expulsion des turcs de l'Europe, surtout par rapport à l'administration militaire, avec un plan de campagne».

Эта обширная записка представлена была при всеподданнѣйшемъ письмѣ генерала Канкрина отъ 4-го апрѣля 1819 года изъ Шклова. Въ упомянутомъ письмѣ между прочимъ сказано: «La permission que votre majesté a daigné m'accorder de présenter à elle un mémoire secret quant à la guerre avec les turcs m'a encouragé de traiter de ce sujet sous tous les points de vue».

На запискѣ 1819 года неизвѣстный критикъ, читавшій ее, написалъ карандашемъ слѣдующія строки:

«Te Deum, diner-galàs, feux d'artifices et festins. Bal officiel au sérail, cancan non officiel au harem! Les épouses du grand-seigneur seront plus ou moins épousées par l'armée victorieuse, le tout pour le triomphe de la foi orthodoxe. Suum cuique».

Въ 1821 году Канкринъ представилъ новую записку по тому же предмету:

«Военныя соображенія о походѣ противъ турокъ въ связи съ продовольствіемъ, основанныя на секретныхъ свѣдѣніяхъ депо картъ и на нѣкоторыхъ частныхъ матеріалахъ».

(Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

186. Собственноручная записка генералъ-адъютанта барона Дибича: о дѣйствіяхъ противъ турокъ, отъ 7-го іюля 1821 года. Военно-ученый архивъ. Отд. 4. № 198.

187. Въ 1821 году генералъ-адъютантъ Дибичъ писалъ:

«Твердость вашего императорскаго величества въ точнѣйшемъ наблюденіи объявленнаго въ Лайбахѣ намѣренія своего въ полной мѣрѣ должна была доказать всей Европѣ, что миролюбіе ваше превосходитъ даже желаніе прекратить бѣдствія единовѣрцевъ. Но усилившіеся безпорядки во всей Турціи и извѣстная черта въ характерѣ азіатскихъ владѣльцевъ, что скромность противъ ихъ возраждветъ всегда болѣе наглости, въ скоромъ времени могутъ принудить насъ къ начатію военныхъ дѣйствій. Предусмотрительность вашего императорскаго величества въ политическихъ дѣлахъ ожидаетъ, конечно, самую крайность къ совершеннѣйшему убѣжденію всѣхъ въ твердомъ миролюбіи вашемъ... но великое терпѣніе ваше въ пользу общаго спокойствія Европы не можетъ, кажется, остановить нужныя приготовленія, дабы тогда, когда самая крайность заставитъ начать военныя дѣйствія, быть въ совершенной готовности рѣшительнымъ и безостановочнымъ ходомъ оныхъ окончить войну въ европейскихъ владѣніяхъ Турціи въ одной кампаніи; ибо опыты прежнихъ временъ доказываютъ несчастныя послѣдствія медленности, происходящей отъ степеннаго приведенія дѣйствующихъ войскъ или отъ лишняге раздѣленія оныхъ во время самыхъ дѣйствій... Нынѣшняя война противъ турокъ, по мнѣнію моему, требуетъ самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій. Уже одни политическіе виды заставляютъ желать, чтобы мы овладѣли Царьградомъ прежде всякой другой державы».

Залогомъ успѣха войны Дибичу казалось тогда «быстрое наступленіе достаточныхъ силъ, которыя поражаютъ и дѣятельностью и скоростью всѣ противостоящія войска, коихъ сообщенія сохраняются слѣдующими непосредственно за ними другими войсками нашими, которымъ ввѣряются блокады крѣпостей и устройство земли».

188. Насколько важно было открыть какъ можно ранѣе военныя дѣйствія противъ Турціи, можно видѣть изъ сообщенія, сдѣланнаго графомъ Виттомъ начальнику главнаго штаба еще 3-го сентября 1827 года: «La puissance turque n'a jamais été plus faible que dans ce moment; ils ne seraient pas en état de présenter une armée en campagne avant le mois de Juin 1828 et alors serait ce encore très insignifiant; ils ne peuvent compter que sur une cinquantaine de milliers de cavaliers qui viendraient de l'Asie et tout au plus 40.000 hommes de faible infanterie».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2599).

189. Генералъ-адъютантъ Киселевъ признавалъ эти силы недостаточными, такъ какъ, по его мнѣнію, занятіе княжествъ потребуетъ въ теченіе войны отъ 30 до 40.000 человѣкъ

190. Судя по именному списку «лицамъ, имѣющимъ быть при главной квартирѣ», подписанному генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, число ихъ (включая сюда прислугу, писарей, мастеровыхъ и проч.) простиралось до 300 человѣкъ.

При главной квартирѣ должны были состоять: дивизіонъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, взводъ лейбъ-гвардіи жандармскаго полуэскадрона, казачій его высочества наслѣдника полкъ и 6 фурштадтскихъ ротъ. Лошадей верховыхъ, упряжныхъ, обозныхъ насчитывалось до 550-ти.

191. Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій, генералъ-адъютантъ съ 30-го августа 1816 года.

192. Всеподданнѣйшее письмо генералъ-адъютанта Храповицкаго, отъ 30-го мая 1828 года, изъ Петербурга.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 959).

193. Сборникъ И. Р. И. О., т. 78, стр. 304.

Въ этомъ же письмѣ генералъ-адъютантъ Закревскій упоминаетъ о безденежьѣ. Тотъ же аргументъ выставлялся также цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ въ перепискѣ его съ братомъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 4-го (16-го марта) 1826 года онъ писалъ государю:

«Vous me dites de plus, que vos finances sont embarrassées,—comment donc voulez vous commencer une hostilité, puisque pour la guerre il faut: de l'argent et de l'argent et, certes, ce n'est pas dans les principautés que vous en trouverez».

194. Въ высочайшемъ приказѣ отъ 10-го (22-го) мая 1828 года объявлено было особенное благоволеніе его величества командиру 2-й бригады 4-й уланской дивизіи, генералъ-майору барону Гейсмару, за быстрое движеніе къ Букаресту отряда, ему ввѣреннаго, и предохраненіе тѣмъ сего города отъ нашествія непріятеля.

195. 1-го мая 1828 года графъ Дибичъ писалъ государю:

«Послѣднія извѣстія о возможности къ переправѣ на нижнемъ Дунаѣ неудовлетворительны; вода нимало не убыла и покрываетъ берегъ отъ пяти до десяти верстъ на два и на три аршина».

Въ донесеніи же отъ 15-го мая 1828 года графъ Дибичъ пишетъ о безпримѣрномъ въ семъ году разлитіи Дуная.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2518).

196. «On hâte tant que l'on peut les préparatifs du passage du Danube près d'Ismaïl, mais le débordement excessif du Danube rend l'opération difficile et longue; nous sommes à chercher un point près de Туртукай, pour y passer en cas qu'il fut plus aisé de l'y faire». Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 16-го (28-го) мая 1828 года изъ Одессы.

197. Изъ безчисленныхъ затрудненій, встрѣченныхъ при подготовленіи переправы у Туртукая, здѣсь достаточно указать на то, что 30-го мая 1828 года генералъ Ротъ доносилъ генералъ-адъютанту Киселеву, что для устроенія предположеннаго здѣсь моста нельзя достать якорей, канатовъ и смолы. Поэтому даже 22 лодки, собранныя на рѣкѣ Аржисѣ для употребленія при первоначальной переправѣ, оставались не осмоленными. Заготовленіе лѣса сопряжено было также съ величайшими затрудненіями.

198. Записки Іосифа Петровича Дубецкаго. «Русская Старина» 1895 года, т. 83.

199. Императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу отъ 16-го (28-го) мая изъ Одессы: «J'ai eu un fort accès de fièvre qui m'a tout à fait mis à bas pendant 36 heures. Le lendemain, j'ai dû rester en chambre; enfin le troisième jour, j'en ai été quitté par une forte diarrhée qui m'a remis tout à fait».

200. «Эта поѣздка, со всѣми ея удобствами, такъ отличалась отъ обыкновенныхъ путешествій государя, скакавшаго всегда день и ночь и безъ кухни, что показалась мнѣ настоящею прогулкою», пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ.

201. Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2754.

202. Осипъ Михайловичъ Гладкій, кошевой атаманъ Запорожской сѣчи. «Русская Старина» 1881 года, т. 30-й, стр. 384.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

203. Заблоцкій-Десятовскій: «Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ и его время». С.-Петербургъ. 1862 года, т. 1, стр. 275.

204. Посылая графу Дибичу диспозицію, императоръ Николай писалъ своему начальнику штаба:

«Voici, mon cher ami, crainte de confusion et de sois-disants ordres de ma part, mon idée sur l'ordre dans lequel le passage doit se faire; faites y vos remarques, et si vous n'y trouvez rien à changer, faites copier et donner à qui de droit la disposition en son temps. Si vous trouvez quelque chose à changer, marquez le moi».

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 968.

205. Заблоцкій-Десятовскій: «Графъ П. Д. Киселевъ», т. 1, стр. 277.

206. 3-го іюня 1828 года изъ лагеря при Бабадагѣ графъ Дибичъ сообщилъ графу Чернышеву слѣдующее высочайшее повелѣніе относительно запорожцевъ:

«Государь императоръ, одобривъ представленіе генералъ-лейтенанта Инзова о водвореніи въ Аккерманскомъ цинутѣ перешедшихъ къ намъ запорожцевъ, соизволилъ поручить ему надлежащія по сему предмету соображенія, а между тѣмъ высочайше повелѣть соизволилъ помянутыхъ запорожцевъ наименовать Дунайскимъ казачьимъ полкомъ и пожаловать имъ знамя съ надписью: «За храбрость и усердіе, оказанныя при переходѣ черезъ Дунай 27-го мая 1828 года».

Въ заключеніе графъ Дибичъ просилъ приказать изготовить въ Петербургѣ знамя, на подобіе пожалованнаго лейбъ-гвардіи Казачьему полку.

207. Der Russisch-Türkische Feldzug in der Europäischen Turkei 1828 und 1829 dargestellt durch Freiherr von Moltke, Major im königlich-preussischen Generalstabe. Berlin. 1845.

Французскій переводъ этого сочиненія появился въ 1854 году; въ Россіи же къ переводу классическаго сочиненія Мольтке приступлено было только въ 1873 году, и появилось оно подъ заглавіемъ:

«Русско-турецкая кампанія въ Европейской Турціи 1828 и 1829 годовъ. Сочиненіе графа Мольтке. Съ нѣмецкаго перевелъ Н. Шильдеръ. С.-Петербургъ. 1876».

Переводъ, прерванный Восточною войною 1877 года, былъ оконченъ лишь въ 1883 году. (Кампанія 1829 года).

208. Графъ Мольтке: «Русско-турецкая кампанія въ Европейской Турціи 1828 и 1829 годовъ. Съ нѣмецкаго перевелъ Н. Шильдеръ», стр. 87.

209. Въ Бабадагѣ получено было извѣстіе объ успѣшномъ ходѣ осадныхъ работъ, предпринятыхъ противъ крѣпости Анапы. Поздравляя князя Меншикова съ одержаннымъ успѣхомъ, графъ Дибичъ писалъ ему изъ Бабадагскаго лагеря 3-го (15-го) іюня 1828 года:

«Nos affaires ici vont en général bien, mais le siège de Brailof traine plus longtemps que je ne l'avais espéré. La saison nous protège, les chaleurs ne sont pas excessives et l'herbe est encore bien fraiche. Il n'existe point d'armée turque en deça du Balcan et à peine Hussein-Pacha pourra-t-il rassembler 20 à 30.000 à Choumla, ayant encore assez mal fourni toutes les places du Danube».

Очевидно, что настроеніе графа Дибича было въ ту пору еще вполнѣ оптимистическимъ; вскорѣ уже дальнѣйшій ходъ событій долженъ былъ навести его на другія размышленія.

210. Послѣ переправы черезъ Дунай, диспозиціи по 3-му корпусу, а затѣмъ при движеніи главныхъ силъ къ Базарджику, Енибазару и во время обложенія Шумлы, отдаваемыя за подписью генералъ-адъютанта Киселева, начинались словами:

«По соизволенію его императорскаго величества г. генералъ-фельдмаршалъ приказалъ объявить слѣдующее на завтрашній день распоряженіе».

Или: «Г. генералъ-фельдмаршалъ съ высочайшей его императорскаго величества воли приказать изволилъ».

Или: «По высочайшей волѣ г. генералъ-фельдмаршалъ приказалъ объявить къ исполненію слѣдующее».

211. 970 убитыхъ и 2.237 раненыхъ; въ этомъ числѣ находились 13 убитыхъ и 110 раненыхъ офицеровъ.

212. По мнѣнію графа Мольтке, Силистрійская крѣпость находилась въ такомъ неудовлетворительномъ положеніи, что до прибытія браиловскаго гарнизона нечаянное на нее нападеніе представляло вѣроятіе успѣха.

213. Изъ лагеря близъ Базарджика императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу 30-го іюня (12-го іюля) 1828 года:

«Hier nous avons été joints par le 7-me corps; je l'ai trouvé dans le plus grand ordre, malgré ses pertes et ses fatigues; les derniers jours étaient très fatiguants; pas d'eau et 44 degrés au soleil».

Относительно дальнѣйшаго пути къ Козлуджѣ государь писалъ:

«La route est fort étroite et difficile; les bois sont infestés par des habitants armés qui tirent et attaquent où ils peuvent impunément et sous ce rapport nous gênent beaucoup».

214. «Nous ne voulons rien précipiter, mais user de tous les moyens pour parvenir à un bon résultat sans rien compromettre».

Такъ писалъ императоръ Николай цесаревичу Константину Павловичу 2-го (14-го) іюля 1828 года изъ лагеря близъ Базарджика, когда уже рѣшено было двинуться къ Шумлѣ съ 3-мъ и 7-мъ корпусами. Результатъ получился какъ разъ обратный содержанію письма.

215. Lacroix: Histoire de Nicolas 1-r. T. 3, p. 360.

216. По поводу Буланлыкскаго сраженія императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу 18-го (30-го) іюля 1828 года:

«Nous avons eu une fort belle affaire contre près de 10.000 chevaux. C'était une vraie belle manoeuvre et pour la disposition et pour l'exécution».

Датскій посланникъ графъ Бломъ писалъ изъ-подъ Шумлы, 12-го (24-го) іюля 1828 года:

«Sa majesté l'empereur commandait en personne tous les mouvements, et les troupes les exécutèrent avec une précision qui n'aurait pu être plus parfaite aux manoeuvres de Krasnoe-Sélo. Le calme et la tranquillité avec lesquels sa majesté donnait ses ordres étaient admirables, digne du général le plus consommé. Aucun mouvement d'impatience, ni d'humeur, quand même les aides de camp qui avaient mal compris les ordres osèrent lui demander de les leur répéter. Il les leur expliquait avec une clareté et une précision, qui ont provoqué l'étonnement des officiers qui ont toute l'habitude de commander».

«Chaque jour ajoute à la haute opinion que dès le moment de son avénement au trône, ce souverain a su inspirer de son caractère, de ses moyens et de ses talents».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445).

217. Графъ Бломе въ письмѣ отъ 12-го (24-го) іюля 1828 года пишетъ:

«Sa majesté l'empereur en faisant des reconnaissances journalières, observe des précautions pour ne pas être reconnu par les avant-postes de l'ennemi; mais tout ce qui l'approche de près ne se méprend pas sur la violence que ce jeune et courageux prince s'impose, en se refusant de braver gratuitement les plus grands dangers de la guerre au milieu des boulets et des balles, et c'est un pénible sacrifice qu'il porte à l'amour de ses peuples, et j'ose ajouter à celui de tout être bien pensant, qui ne peut que reconnaître dans sa conservation le bonheur de la Russie et celui de toute l'Europe. On frissonne à l'idée seule d'un malheur qui puisse lui arriver et auquel sa situation présente ne prête que trop de chances funestes».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445).

218. «Les motifs sont fort simples; durant ces trois semaines il n'y avait rien à faire à l'armée qu'à continuer le blocus de Choumla et le siége de Varna; il m'importait de voir ce point moi-même, car je le regarde comme la clef de la campagne, bien plus que Choumla, notre véritable base d'opérations étant sur la mer et le long de la côte».

Изъ письма императора Николая цесаревичу Константину Павловичу отъ 11-го (23-го) августа 1828 года изъ Одессы.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ.

219. См. въ приложеніяхъ письмо императора Николая къ графу Дибичу изъ лагеря при Козлуджѣ, отъ 21-го іюля 1828 года.

220. Письмо князя Меншикова императору Николаю отъ 21-го іюля 1828 года, изъ лагеря при Дервенткіой.

«Je serai, sire, demain à la pointe du jour en position sur les hauteurs au N. E. de Varna et je tacherai d'établir un poste fortifié au bord de la mer, ce qui probablement ne pourra se faire qu'à la suite d'un combat. Ce poste établi il me servira de point de départ pour gagner successivement du terrain afin de bloquer la place de ce côté du lac. L'étendue est immense et dans un pays de chicane. Je ne puis me mouvoir que lentement, pour ne pas agir à tatons. Le plateau sur lequel je vais m'établir est une plaine qui prolonge vers Bazardjik et Kawarna, mais ma cavalerie n'est pas en état de la reconnaître, les chevaux sont exténués par défaut de fourage. Dans une reconnaissance que j'ai entrepris hier, un peloton de lanciers n'a pas pu atteindre deux turcs à pied dans la plaine. . . . . J'expédierai Dellingshausen à votre majesté dès que je pourrai entrer en communication avec l'escadre, et en attendant je l'ai expédié à Tetikiu avec le bataillon de Wellington, il doit revenir ce matin avec deux compagnies et les deux autres pousseront jusqu'à Kawarna, pour ouvrir la communication et revenir avec la brigade de chasseurs. Votre majesté ne pourra voyager qu'avec une forte escorte, le pays est infesté de brigands; il serait urgent avant votre arrivée, sire, de faire battre par de l'infanterie les environs de Kosludji».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2744).

Въ донесеніи къ графу Витгенштейну князь Меншиковъ жалуется на недостатокъ зерноваго фуража, благодаря которому Бугскій уланскій полкъ скоро спѣшится; артиллерійскія лошади также слабосильны. «Разъѣздовъ для открытія окрестностей почти не имѣю возможности посылать,—пишетъ князь Меншиковъ,—нападать же на турецкую конницу никакъ не осмѣлюсь, по худобѣ лошадей, отъ недостатка фуража происшедшей». Онѣ питались соломою съ крышъ деревни Дервенткіой.

Численный составъ отряда генерала Ушакова, поступившаго подъ начальство князя Меншикова, простирался до 6.500 человѣкъ.

221. Въ запискѣ князя Меншикова о дѣйствіяхъ подъ Варною въ 1828 году встрѣчается довольно странная замѣтка: «Осматривая съ позиціи въ зрительную трубу Варну, государь изволилъ отозваться князю Меншикову, что эта крѣпость болѣе недѣли держаться не можетъ». (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4448).

222. 25-го іюля 1828 года князь Меншиковъ писалъ графу Дибичу:

«L'empereur est escorté par la fregate le Standart, qui va prendre les ambassadeurs à Kustendji, le brig Mercure et un pyroscaphe».

223. «Tout est dans le vague pour moi quant à l'issue de cette campagne et je ne puis absolument rien préciser sur notre avenir. . . . . j'espère que le bon Dieu nous aidera à nous en tirer, comme il nous a aidé en des occasions bien plus difficiles».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 20-го августа (1-го сентября) 1828 года изъ Одессы.

224. См. въ приложеніяхъ письмо князя Волконскаго къ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ отъ 27-го іюля 1828 года изъ Одессы.

225. Въ дневникѣ князя Меншикова 9-го августа 1828 года записано:

«Послѣ обѣда вылазка. Непріятель прогнанъ, отбито у него два знамени. Послѣдній выстрѣлъ изъ крѣпости ранилъ меня ядромъ, коимъ вырвана внутренность обѣихъ лядвей. На правой ногѣ рана въ 6 вершковъ, а на лѣвой въ 4. Я могъ еще пройти нѣсколько шаговъ, потомъ упирался на адъютантѣ моемъ Д. П. Бурмейстерѣ. Встрѣтившійся лѣкарь Олейниковъ наложилъ первую перевязку. Пока несли меня въ лагерь, я могъ еще распорядиться войсками».

«10-го августа. Отправленъ въ Одессу флигель-адъютантъ Римскій-Корсаковъ съ извѣстіемъ къ государю о моей ранѣ. Хорошо переношу и съ веселымъ духомъ свое положеніе. Докторъ Павловской говоритъ по-латыни своимъ товарищамъ, что нечего

много хлопотать обо мнѣ, ибо не переживу. Приказанія по отряду отдаетъ моимъ именемъ начальникъ штаба, генералъ-майоръ Перовскій».

226. Графъ Воронцовъ 13-го (25-го) августа 1828 года писалъ императору Николаю:

«Le général Benkendorf m'a communiqué votre volonté à mon égard. Je suis non seulement prêt, mais heureux de vous obéir et je désire seulement justifier votre confiance».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2744).

16-го (28-го) августа графъ Воронцовъ принялъ уже подъ Варною начальство надъ отрядомъ князя Меншикова.

227. Записка начальника главнаго штаба арміи, генералъ-адъютанта Киселева, отъ 25-го іюля 1828 года (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2704).

Одна изъ побудительныхъ причинъ, склонившихъ Киселева къ наступательнымъ дѣйствіямъ, заключалась въ томъ, «что фуражирное довольствіе становилось съ каждымъ днемъ скуднѣе, и что фуражиры наши должны уже отъѣзжать на 20 и болѣе верстъ отъ лагеря, дабы имѣть нѣсколько сноповъ соломы для прокормленія лошадей».

Къ тому же по запискѣ сенатора Абакумова (отъ 23-го іюля) оказывалось, что продовольствіе арміи подъ Шумлою, съ отрядомъ при Праводахъ, можетъ безостановочно производиться (кромѣ фуража) до порчи дорогъ отъ дождей, ожидаемой въ концѣ августа.

Генералъ-адъютантъ Киселевъ придавалъ взятію Шумлы рѣшающее значеніе для исхода кампаніи, что̀ не свидѣтельствуетъ о вѣрности его военнаго взгляда. Въ одномъ изъ писемъ его, отъ 28-го іюля 1828 года, онъ пишетъ: «J'ai toujours pensé que la prise de Choumla déciderait de la campagne et peut-être de la guerre».

228. 13-го (25-го) августа 1828 года императоръ Николай писалъ цесаревичу изъ Одессы:

«Quelle sera notre direction ultérieure m'est encore indécis; je suppose cependant que ce devra être vers Choumla, pour ne pas laisser une verrue pareille à notre dos».

20-го августа (1-го сентября) 1828 года, императоръ Николай въ другомъ письмѣ изъ Одессы снова коснулся этого вопроса въ томъ же неопредѣленномъ смыслѣ:

«A Choumla tout reste dans le même état et ne pourra faire de progrès jusqu'à l'arrivée des gardes, alors il faudra agir vigoureusement pour en finir».

229. См. въ приложеніяхъ французскій подлинникъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 21-го августа (2-го сентября) 1828 года.

230. Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5322.

16-го (28-го) августа графъ Дибичъ писалъ по поводу здоровья графа Витгенштейна, еще до полученія имъ высочайшаго выговора: «Le maréchal est au désespoir sur ces événements et a été attaqué par une forte dyssenterie le 15, mais aujourd'hui cela va beaucoup mieux».

231. Даже графъ Дибичъ опомнился во̀-время и писалъ императору Николаю 16-го августа 1828 года:

«J'aime à me persuader que votre majesté sera aussi de l'avis que la prise de Warna est sinon plus importante, au moins plus nécessaire pour nous que celle de Choumla».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2757 (а)).

232. Великій князь Михаилъ Павловичъ выѣхалъ уже ранѣе навстрѣчу гвардіи, 5-го (17-го) августа, въ Кюстенджи.

233. Императрица Александра Ѳеодоровна и великая княжна Марія Николаевна выѣхали изъ Одессы 9-го (21-го) сентября и прибыли въ Петербургъ 3-го (15-го) октября 1828 года.

234. Въ этомъ мѣстѣ своихъ записокъ Бенкендорфъ пишетъ:

«Даже теперь, по прошествіи шести лѣтъ отъ событія, дрожь пробѣгаетъ по мнѣ, когда я только вспомню, что въ то время ѣхалъ одинъ, по непріятельской землѣ, съ русскимъ императоромъ, ввѣреннымъ моей охранѣ!»

Отсюда можно вывести заключеніе, что генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ писалъ свои воспоминанія въ 1834 году.

235. Въ то время въ Каварнѣ, въ одной изъ мечетей, нарочно къ тому приспособленной, лежало тѣло брата Александра Христофоровича Бенкендорфа, генералъ-

адъютанта Константина Христофоровича, въ ожиданіи перевозки въ Одессу. Онъ занемогъ отъ трудовъ и лишеній, сопряженныхъ съ этой войной, находясь съ отрядомъ въ Праводахъ, гдѣ не было ни лѣкаря ни лѣкарствъ, и умеръ безъ всякой врачебной помощи.

«Государь въ благодушіи своемъ,—пишетъ А. Х. Бенкендорфъ,—желая, чтобы я не видѣлъ этого дорогого гроба, велѣлъ скрывать отъ меня, что тѣло брата моего еще въ Каварнѣ, а самого меня во время осмотра имъ города услалъ въ лагерь».

236. При посѣщеніи князя Меншикова, государь пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго. 31-го августа раненаго князя перенесли на фрегатъ «Флора»; здѣсь его вторично посѣтилъ государь. На этомъ фрегатѣ князь Меншиковъ былъ перевезенъ въ Николаевъ.

237. «J'aime mieux que le maréchal reste à Шумла. . . . . montez la machine et revenez ensuite me rendre compte de tout l'état des choses», писалъ императоръ Николай 9-го (21-го) сентября 1828 года къ графу Дибичу съ корабля «Парижъ».

238. Принцъ Евгеній исполнилъ полученное приказаніе, признавая, однако, предписанную ему атаку: «entreprise trop téméraire».

До и послѣ боя 18-го сентября происходили большія несогласія между генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ и принцемъ Евгеніемъ, весьма невыгодно повліявшія на бывшія здѣсь операціи. Дошло до того, что послѣ боя принцъ написалъ графу Дубичу: поведеніе Сухозанета превосходитъ предѣлы возможнаго снисхожденія (dont la conduite a passée les bornes de l'indulgence). Интриговалъ также и графъ Дибичъ.

Впослѣдствіи императоръ Николай сказалъ принцу Евгенію: «Если тутъ кто виноватъ, то это я одинъ, такъ какъ я далъ повелѣніе къ нападенію, но бѣда учитъ разуму».

239. Moltke: Der Russisch-Türkische Feldzug 1828 und 1829.

240. Англійскій писатель Henry Bulwer справедливо замѣчаетъ: «Quoi que fassent les turcs, cherchez s'il existe une interprétation raisonnable de leur conduite. Quand vous l'aurez trouvée, écartez la complètement. Toute autre conclusion peut être possible; celle à ne l'est sûrement pas».

241. Въ дѣлѣ 3-го октября 1828 года принцъ Евгеній Виртембергскій въ послѣдній разъ распоряжался русскими войсками. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ разрѣшеніе императора Николая отправиться въ Петербургъ; здѣсь онъ присутствовалъ при похоронахъ императрицы Маріи Θеодоровны, послѣ чего удалился за границу.

242. «Le matin quand j'arrivais au camp, je vis la scène la plus extraordinaire possible: Ioussouf-Pacha avec un tas des siens établis dans notre quartier général le plus amicalement du monde; puis plus loin, un corps de près de 3.000 turcs armés, à pied et à cheval, approchant tranquillement, escortés par des hussards de la garde et quelques pelotons d'infanterie, s'arrêtèrent devant la 1-re brigade de la garde, sous les armes; puis un des officiers de Ioussouf-Pacha assis sur une caisse de tambour à nous, faisant approcher un à un tout ce monde et rendre les armes à un bas-officier Préobrajensky et cela avec le plus grand calme et l'ordre le plus parfait».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 1-го (13-го) октября 1828 года, съ корабля «Парижъ».

243. А. Волькенштейнъ: Исторія лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона 1812—1852. С.-Петербургъ. 1852.

Исторія баталіона была прочитана императоромъ Николаемъ въ рукописи и собственноручно имъ исправлена.

244. «Je fais hommage à Varsovie de 12 pièces comme souvenir historique remarquable, car il est particulier que ce fut une armée russe avec un roi de Pologne qui fut venue venger la mort d'un autre roi de Pologne; j'ai cru la chose convenable et pouvant faire plaisir au public. Si vous en jugez autrement, je vous demande pardon d'avance».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 1-го (13-го) октября 1828 года, съ корабля «Парижъ».

245. «Avec quel plaisir j'ai vu par la lettre que vous avez bien voulu adresser à Benkendorf la part que l'on a prise à Varsovie à l'heureuse reddition de Warna; puissent

polonais et russes s'identifier les uns aux autres de plus en plus, c'est là le but de tous mes voeux et de tous les efforts de mon entendement. Peut-être que le cadeau des pièces de canons pourra-t-il leur prouver ce que je vous exprime ici par ces mots».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 22-го октября (2-го ноября) 1828 года изъ С.-Петербурга.

Цесаревичъ писалъ государю 15-го (27-го) октября 1828 года:

«D'après vos ordres, j'ai communiqué à l'armée par un ordre du jour et au conseil d'administration, par un office, le don de 12 pièces de canons, trophée que vous daignez faire à ce pays en mémoire de la prise de Warna et des mânes vengées du roi Vladislas de Pologne. Je ne doute nullement que cette marque d'attention de votre part ne fut appréciée à sa juste valeur, ce qui prouve qu'au milieu de vos sérieuses occupations du moment, votre souvenir se rapportait nonobstant sur vos nouveaux sujets. . . . . . Je suis bien heureux d'apprendre par votre lettre que m.m. les officiers polonais aient justifié par leur conduite mon attente et mon choix et je ne doute nullement qu'il en serait de même de toute l'armée, si un jour elle aurait à combattre pour son souverain; c'est une justice facile qu'il m'est doux de lui rendre, que certainement ce n'est pas de leur côté que vient l'éloignement que je me suis efforcé de faire disparaître et qui existait entre les deux nations, mais bien de la notre. Je suis bien charmé que le colonel Haucke ait pu fixer votre attention, cher et excellent frère; j'en ai été constamment très content. . . . . . C'est un honneur de plus accordé à l'armée de ce pays que sa nomination à la place de votre aide de camp, puisqu'elle avait dans son sein un officier que vous avez jugé digne de l'être».

См. въ приложеніяхъ прикззъ цесаревича Константина Павловича по польской арміи отъ 16-го (28-го) октября 1828 года.

Въ исторіи императора Николая I-го Лакруа по поводу дара государя сказано:

«Замѣчательно, что поляки неблагосклонно встрѣтили благородную, истинно рыцарскую мысль императора Николая; она показалась имъ скрытымъ намѣреніемъ унизить ихъ, напоминая, что одинъ изъ польскихъ королей былъ побѣжденъ мусульманами, а русскій императоръ побѣдилъ ихъ».

Въ письмѣ цесаревича къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу (отъ 8-го (20-го) октября 1828 года), о которомъ упоминаетъ императоръ Николай, великій князь пишетъ:

«A peine les feuilles publiques, annonçant cet heureux événement, avaient elles été imprimées, qu'elles furent enlevées d'emblée. La joie est si grande et si universelle dans la troupe et dans toutes les classes, qu'il est impossible de la dépeindre. On est en extas e Et ce qui surtout y a contribué le plus, c'est de savoir que Warna a été prise sans qu'il y ait eu du sang répandu, ce que l'on craignait au dessus de tout... Pour célébrer ici cette victoire le mot d'ordre d'aujourd'hui est Warna. C'est un hommage rendu, dans notre eloignement, à un succès obtenu sous les yeux de notre auguste maître».

См. также въ приложеніяхъ письмо цесаревича Константина Павловича къ генералъ-адъютанту барону Розену, отъ 21-го октября (2-го ноября) 1828 года.

246. Владиславъ III, король польскій и венгерскій, погибъ подъ стѣнами Варны, въ битвѣ съ султаномъ Амуратомъ, 10-го ноября 1444 года.

247. Н. Лукьяновичъ: Біографія генералъ-адъютанта Бистрома. С.-Петербургъ. 1841 Стр. 42.

248. Гвардія перешла Дунай въ Сатуновѣ (въ августѣ) въ составѣ 25.518 человѣкъ нижнихъ чиновъ. При обратномъ переходѣ черезъ Дунай, когда войска возвращались въ предѣлы Россіи, въ строю находилось 19.474 человѣкъ.

249. Плѣнный Юсуфъ-паша позже отвезенъ былъ въ Одессу на фрегатѣ «Рафаилъ». Это былъ тотъ самый фрегатъ, который въ слѣдующемъ 1829 году сдѣлался добычею турокъ.

250. Въ донесеніи отъ 8-го (20-го) октября 1828 года генералъ-адъютанта Адлерберга графу Дибичу о плаваніи императора Николая отъ Варны до Одессы, написанномъ на кораблѣ по прибытіи его на рейдъ, событіе это изложено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«По снятіи съ якоря, попутный вѣтеръ, продолжавшійся до полудня 3-го числа, довелъ корабль «Императрица Марія» благополучно до высоты Георгіевскихъ Дунайскихъ гирлъ. Послѣ того сдѣлался совершенный штиль, который продолжался до 10-го часа вечера. Поднявшійся въ то время свѣжій противный NO вѣтеръ мало-по-малу сталъ крѣпчать и въ полночь 4-го числа сдѣлался сильнымъ штормомъ, который свирѣпствовалъ 36 часовъ сряду, началъ утихать только 5-го числа пополуночи въ шестомъ часу.

«Въ продолженіе сей бури корабль потерялъ на фокмачтѣ стенгу и брамстенгу и на бушпертѣ утлегеръ и бамутлегеръ съ парусами, и былъ увлеченъ отъ настоящаго курса своего назадъ, почти до высоты крѣпости Кюстенджи, а отъ берега слишкомъ на 70 миль. Качка была столь велика, что по всѣмъ палубамъ и на шканцахъ были перетянуты веревки, дабы матросамъ можно было за оныя держаться. Государь императоръ много страдалъ отъ морской болѣзни, и изъ всѣхъ сопровождавшихъ его величество особъ не было никого здороваго. Его величество при семъ случаѣ сожалѣлъ весьма, что не предпринялъ обратной дороги сухимъ путемъ. По окончаніи бури вѣтеръ продолжалъ дуть противный и только въ ночь съ 5-го на 6-е число сдѣлался попутнымъ, въ полдень же 6-го числа вновь сдѣлался противнымъ, что̀ и принудило лавировать, и лишь 8-го числа во второмъ часу утра корабль «Императрица Марія» бросилъ якорь въ Одесскомъ рейдѣ, и государь императоръ съѣхалъ на берегъ, гдѣ ожидали его величество дорожные экипажи».

Копія съ этого донесенія была послана цесаревичу Константину Павловичу и великому князю Михаилу Павловичу.

Императоръ Николай писалъ цесаревичу уже по пріѣздѣ въ Петербургъ 21-го октября (2-го ноября) 1828 года:

«Nous avons eu en mer la nuit du 3 au 4 et jusqu'à celle du 5 une tempête horrible qui a failli nous faire faire le voyage de Constantinople au lieu d'ici; vous m'avouerez que l'erreur eut été un peu forte; enfin, grâce au bon Dieu, c'est passé et n'y pensons plus».

251. Фрегатъ «Пантелеймонъ», на которомъ находились дипломаты, испыталъ одинаковую участь съ кораблемъ «Императрица Марія». Гибель его казалась неизбѣжною, и онъ спасся какимъ-то чудомъ. Буря привела фрегатъ въ Севастополь.

252. Къ концу осады Варны императоръ Николай обрадованъ былъ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной генераломъ Гейсмаромъ въ Малой Валахіи.

Сераскиръ виддинскій, Ибрагимъ-паша, собравъ 26.000 человѣкъ, вздумалъ овладѣть Краіовымъ. 14-го (26-го) сентября, генералъ-майоръ баронъ Гейсмаръ съ четырехтысячнымъ отрядомъ началъ съ турками бой при Бойлештахъ, а затѣмъ по наступленіи ночи нечаяннымъ нападеніемъ обратилъ Ибрагима-пашу въ бѣгство, овладѣлъ его лагеремъ и преслѣдовалъ до Калафата.

Императоръ Николай наградилъ барона Гейсмара чиномъ генералъ-лейтенанта и назначилъ генералъ-адъютантомъ. Городъ Букарестъ, въ знакъ признательности къ генералу Гейсмару, поднесъ ему богатую брильянтами украшенную саблю, съ благодарственнымъ письмомъ отъ лица всей Валахіи.

253. Графъ Мольтке справедливо называетъ операціи подъ Силистріей въ 1828 году «предпріятіемъ, невѣрно соображеннымъ, слабо выполненнымъ и совершенно неудавшимся».

Подъ Силистріею ощущался недостатокъ въ снарядахъ. На это обстоятельство встрѣчается указаніе въ письмѣ генерала Довре къ графу Дибичу отъ 14-го октября 1828 года:

«Le tout n'est pas bien consolant, cependant je ne perds pas courage; le seul article des munitions de siége est odieux. Que m.m. les artilleurs débrouillent la chose s'ils le peuvent. Il me semble que tout le monde a écrit, mais seulement trop tard. Personne n'a pensé que le temps marchait».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5323).

254. 21-го октября (2-го ноября) 1828 года императоръ Николай писалъ цесаревичу:

«J'ai retrouvé ma femme fort bien, à un gros rhume près, mes enfants, grâce au bon Dieu et aux soins bienveillants de ma mère, ont beaucoup prospéré, l'aîné a grandi et s'est développé beaucoup; les petites sont gentilles et votre filleul devient fort drôle et marche un peu. Enfin, quant à moi même, je me porte bien à 6 verchoks de culotte et d'habit de moins qu'à mon départ d'ici; j'étais plaisant à voir en arrivant dans les habits que j'avais laissé ici».

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 16-го октября 1828 года (№ 258) появилась слѣдующая статья по случаю возвращенія государя изъ заграничнаго похода:

«С.-Петербургъ, 14-го октября.

«Сего утра въ $11^{1}/_{2}$ часовъ государь императоръ изволилъ возвратиться изъ турецкаго похода въ вожделѣнномъ здравіи. Нельзя представить себѣ восхищенія жителей здѣшней столицы, когда они увидѣли развѣвающійся на Зимнемъ дворцѣ флагъ. Прибытіе его величества было для большей части жителей неожиданно: тѣмъ живѣе, тѣмъ сердечнѣе наша радость, наше счастіе».

255. «Rhul est parfaitement satisfait de son état et n'a aucun doute sur son prompt rétablissement».

Въ томъ же письмѣ императоръ Николай пишетъ еще брату: «la santé de ma mère depuis deux jours marche à grands pas vers son entier rétablissement».

256. Такъ писалъ императоръ Николай къ цесаревичу. Въ манифестѣ же отъ 24-го октября 1828 года сказано, что императрица Марія Θеодоровна скончалась въ два часа пополуночи.

Въ этомъ манифестѣ сказано, что всѣ минуты драгоцѣнной жизни ея «были посвящены исполненію обязанностей высшей добродѣтели», а въ заключеніе упомянуто о ея «кроткой душѣ, бывшей вмѣстилищемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ и доблестей».

257. «Prions Dieu pour celle qui fut tout pour nous sur cette terre! Que sa volonté soit faite et qu'Il nous accorde des forces pour supporter le plus affreux des malheurs! Tout est fini depuis ce matin à deux heures et demie. Le mal a empiré avec une promptitude telle qu'aucun remède n'a pu l'arrêter; le sang portant à la tête on l'avait saignée avant hier soir; cela parut faire du bien. La nuit fut passable; le matin la tête n'était pas libre, on fit l'essai de la purge; l'effet fut tel à prouver cette nécessité, mais les forces diminuaient après chaque effet; la langue servait mal et il y avait difficulté d'avaler; les médecins craignèrent de suite une paralysie de poumons; une cantharide au dos ne produisit aucun effet et les forces et la présence d'esprit décroissaient. Il fallut lui faire sentir son état et l'engager à remplir ses devoirs religieux. Ah, cher Constantin, figurez-vous mon état en m'acquittant de ce terrible devoir. Je lui fis comprendre qu'il était temps d'y penser; comme elle m'avait souvent fait la question: «Suis-je donc en danger?»—elle me dit: «Ah, je suis donc en grand danger?» — je lui répondis: «J'espère que non, mais je connais vos sentiments et il est bon de puiser de la force dans ce qui nous en donne toujours». Elle me répondit: «Je le ferai demain, je veux me préparer aujourd'hui»,—je lui dis: «Pourquoi remettre, vous êtes prête toujours»,—elle me dit: «Appelez Villamow». Il entra, mais il ne put rien comprendre, la langue allant déjà avec peine; alors un instant d'agitation suivit: elle voulut absolument passer dans son lit, puis s'asseoir et le tout sans se comprendre elle-même. Enfin, dans quelques instants, je parvins à lui faire entrevoir le confesseur, alors, elle redevint calme et confessa et communia avec toute sa tête, priant avec ferveur. Quel moment édifiant et affreux pour nous! Je priais seul près d'elle et toute la famille avec ma pauvre, mon excellente femme; je priais pour vous tous et Dieu aura entendu nos prières pour nous donner des forces et pour celle qui réunissait en elle toutes mes affections! Cela fait, elle nous appela près d'elle, et sans pouvoir parler elle nous prit par les mains avec force encore; je nommais tous les noms de la famille; elle leva les yeux et dit quelques paroles dont nous ne pûmes comprendre que «Aly»; je fis venir tous les petits, elle embrassa avec force ma petite Adine et les deux petites de Michel et sourit même. Les autres, elle ne put que leur mettre la main. Elle ne souffrait pas; les extrémités devenaient froides et la respiration accélérée, mais sans

râle ni effort; enfin, à deux heures et demie, sans aucune souffrance ni crampe, elle finit doucement de respirer par quelques soupirs!

«Nous voilà orphelins! Il ne nous reste que vous, vous — l'aîné et le chef de notre pauvre famille. C'est à vous que passent nos affections, ne les repoussez pas, cher Constantin, et remplacez pour nous tant que vous le pouvez celle qui fut tout pour nous tant que Dieu la conserva.

«Je remercie Dieu du fond de mon âme de m'avoir accordé la triste consolation d'avoir pu être près d'elle à cet affreux instant; j'en avais comme le besoin ou le pressentiment; quelque chose d'irrésistible me poussait vers ici; j'étais loin de prévoir pourquoi!—Je n'en puis plus, ma pauvre femme est abîmée; Dieu veuille la soutenir. Que sera ce de vous? de ma bonne soeur? c'est elle cependant sur qui je me fonde pour vous soutenir, qui mieux qu'elle saurait le faire. Croyant qu'il est peut-être de votre intention de venir ici lui rendre vos derniers devoirs, je puis vous dire que vous en avez tout le temps, les préparatifs durant au moins dix jours. Vous dire que ce serait un bonheur dans ces cruels moments d'être ensemble, ne peut vous étonner! Que Dieu de miséricorde nous soutienne.

«Je vous embrasse de coeur et d'âme et vous demande à vous la bénédiction comme je le demandais à elle pour moi, ma femme et mes bons, chers enfants.

«Nicolas».

(Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 24-го октября (5-го ноября) 1828 года).

Цесаревичъ получилъ письмо государя 28-го октября (9-го ноября) и отвѣчалъ: «Je ne vous parle pas de moi, cher frère; vous devez juger par vous même de l'état où je suis, ma seule consolation est dans les vertus éminentes de maman, qui rapporte à Dieu son talent non seulement doublé, mais centuplé et qui recevront leur recompense de Celui dont tout émane. Que Dieu daigne nous protéger dans ce bas et triste monde Je me représente vos prières, vos angoisses, votre seule position dans ces tristes et augustes moments! Dieu saura vous en recompenser, cher frère, certainement, dans votre femme et vos enfants. Songez, que vous êtes père et chef de votre famille; ménagez vous pour eux, c'est votre devoir et qui vous est imposé par Dieu même... J'emploierai la journée de demain pour mettre ordre à mes affaires et, si le bon Dieu le permet et que ma santé ne s'y oppose, je compte me mettre en route mardi, matin, 30 du courant; il me faudra 5 à 6 jours pour arriver, toutefois si les rivières n'y mettent obstacle, ainsi que les routes qu'on dit épouvantables. J'ose vous supplier d'une grâce que j'espère vous ne me refuserez pas, c'est celle de me laisser paisiblement arriver et m'établir chez moi. Je vous avoue qu'après un voyage aussi rude et violent, et avec toutes les émotions qui m'attendent pour le lendemain, je demande au préalable quelques heures de repos».

258. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ переночевалъ въ Стрѣльнѣ и здѣсь утромъ 17-го (29-го) ноября 1828 года получилъ письмо императора Николая, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Deux mots, cher et excellent Constantin, pour vous souhaiter un bon voyage et vous exprimer encore toute ma vive et profonde gratitude pour toutes les marques d'amitié et de bonté dont vous m'avez comblé durant votre séjour parmi nous; puissais-je en être toujours digne et vous le prouver. Mettez moi aux pieds de ma belle-soeur et que le bon Dieu nous réunisse le plutôt possible».

259. «Je suis persuadée et c'est l'opinion générale, que Ruhl, médecin de l'impératrice aura méconnu la maladie; c'est un sort que notre famille impériale s'entoure de médecins détestables et les aiment tellement qu'elle n'en veuille pas d'autres, et ce Ruhl a méconnu la maladie».

Государственный архивъ. Разрядъ III. № 43.

260. «J'ai dû, par ses ordres, brûler moi-même une caisse entière remplie d'une suite de volumes, année par année, d'une espèce de mémoires ou de journal de sa main remontant aux années 70 et finissant vers 1800. J'avoue que cela m'a fait beaucoup de peine. Il est incompréhensible où ma mère trouvait le temps pour écrire tout ce qu'elle a tracé de sa propre main».

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 14-го (26-го) января 1829 года.

261. «Je conçois la peine que vous avez dû éprouver en brûlant, d'ordre de ma mère, son journal depuis 1770 jusqu'à 1800; il aurait été fort curieux de lire, mais puisque telle fut sa volonté, il fallait l'exécuter ponctuellement».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 24-го января (5-го февраля) 1829 года.

262. Въ 1818 году императоръ Александръ сказалъ матери принца Евгенія въ Веймарѣ: «Je conviens de tous mes torts envers lui, mais on ne peut taxer les souverains d'après l'échelle des particuliers. La politique leur dicte des devoirs que le coeur réprouve».

Die nachgelassene Correspondenz zwischen dem Herzog Eugen von Württemberg und dem Chef seines Stabes von Hofmann-Cannstatt, 1883, p. 63.

263. 15-го декабря 1828 года въ госпиталяхъ дѣйствующей на Балканскомъ полуостровѣ арміи числилось 23.787 человѣкъ больныхъ, между тѣмъ какъ въ іюлѣ въ нихъ находились 11.315 человѣкъ, слѣдовательно, въ полгода число больныхъ возросло вдвое.

264. Представимъ здѣсь нѣкоторыя выписки изъ свѣдѣній, доставленныхъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, касающихся заграничныхъ разсужденій по поводу неудачнаго исхода войны 1828 года:

Варшава 1-го (13-го) декабря 1828 года.

«Les bruits qu'on répand à Vienne sur le compte de l'armée russe ne sauraient ce répéter; en un mot on la compare à la retraite de l'armée française en 1812. On dit que hors plusieurs régiments des gardes, qui ont leurs rangs garnis, le reste de l'armée, dont les bataillons ont passé la frontière forts de 1000 hommes, s'en reviennent à 200, et quelques uns moins que cela; que la cavalerie de la ligne est à peine sortie avec ses cadres et quant au materiel de l'armée, ce qui n'a pas été évacué avant la saison pluvieuse, les premiers froids et le dégel, a été perdu, tout est resté dans les neiges ou dans la boue. Enfin commence la critique des opérations de la campagne, où personne n'est épargné, ce qu'on dit ne saurait être rapporté comme dépassant les bornes de la convenance et de la justice».

Варшава 8-го (20-го) декабря 1828 года.

«On se livre avec plaisir et même avec enthousiasme à conter et détailler les différents désastres qu'éprouve l'armée russe en quittant les positions de la droite pour passer sur la gauche du Danube. Il n'est pas question de la mise à exécution d'un mouvement ordonné pour prendre les quartiers d'hiver; c'est envisagé comme la totalité de l'armée russe, y compris les gardes, désorganisée et forcée à se retirer devant un ennemi qui la poursuit avec vigueur et mine le reste de cette armée en masse ou en détail comme il la rencontre. On dirait que nourrissant des projets hostiles, l'Autriche a besoin d'inventer toutes ces misères pour donner du courage à ses troupes et faire consentir tacitement ses peuples à une guerre, pour ensuite en supporter le fardeau sans murmure».

(Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

Варшава 20-го декабря 1828 года (1-го января 1829 года).

«On conclut que les affaires de la Russie ne se trouvent pas entre les meilleures mains. Dès le commencement des hostilités on a fait l'observation que le général Wittgenstein n'avait jamais été heureux, qu'il s'était souvent laissé battre; que la présence de l'empereur à l'armée, sans que sa majesté prenne le commandement en chef, n'était pas faite pour favoriser cet ensemble que est de rigueur lorsqu'il s'agit d'opérations militaires, dont dépend le succès d'une campagne en pays ennemi. Aujourd'hui que toutes les craintes ont été outrepassées, que la retraite de l'armée russe paraît avoir été accompagnée d'affreux désastres; que la puissance morale de la Russie et sa renommée militaire ont subi une atteinte mortelle, on peut s'imaginer que les conversations de nos salons se ressentent plus ou moins de cette tournure désavantageuse, et que l'on trouve partout quelque partisan des turcs, qui croit devoir leur faire amende honorable aux frais du gouvernement russe, lequel on n'hésite pas d'accuser d'un manque absolu de prévoyance,

*

d'un mécompte complet dans le calcul des moyens de résistance de la Porte. A tout prendre la conviction est générale que la Russie se trouve dans une situation embarrassante. L'honneur lui défend de déposer le glaive, tandis que les conjectures ne sont pas aussi favorables pour une seconde campagne qu'elles l'ont été pour la première, qui cependant a été perdue... Cet exposé démontre assez la tournure désavantageuse qu'a pris l'opinion publique, qui ne veut pas voir des victoires là où l'on se retire, et qui embarrasse à vrai dire les partisans les plus zélés de la Russie.

«On remarque que l'activité qui a regné dans le ministère des affaires étrangères autrichien, dès le commencement des hostilités entre la Russie et la Porte Ottomane, a sensiblement augmentée depuis qu'on est instruit du malheureux résultat de la dernière campagne. Immédiatement après que les premières nouvelles officielles de la retraite des armées russes sont parvenues à la connaissance du cabinet de Vienne, on a expédié un officier d'état major au commandant en chef en Transylvanie, à ce qu'on présume avec l'instruction sur la conduite à tenir pour le cas où des corps détachés de l'armée russe, trop pressés par les troupes ottomanes, se verraient obligés de chercher une retraite sur le territoire transylvain. L'officier employé à cette mission et qui fut expédié au milieu de la nuit, avait reçu l'ordre de mettre toute la diligence possible, afin de parvenir à temps au but de sa destination.

«La conversation dans les salons de Vienne roule principalement sur les revers désastreux qui, à ce que l'on prétend, ont accompagné la retraite precipitée des armées russes, et on remarque que les nouvelles qui concernent cet événement malheureux, sont accueillies avec tous les symptomes d'une joie secrète».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445).

265. Недружелюбное къ намъ отношеніе Австріи не подлежало сомнѣнію, но оно сопровождалось не пролитіемъ крови, но только одныхъ чернилъ. Трудно было бы подвинуть императора Франца къ какимъ либо воинственнымъ предпріятіямъ, монарха, остроумно замѣтившаго русскому послу: «Mon empire est comme une maison vermoulue; si on veut en démolir une partie, on ne peut prévoir combien d'autres on en fera crouler».

266. Такъ, напримѣръ, 9-го (21-го) сентября 1828 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу: «Voilà un nouvel échantillon de l'insouciance du maréchal». Въ то время оказалось, что въ Каварнѣ имѣются только 500 четвертей сухарей; виновникомъ этого непріятнаго открытія оказался, конечно, главнокомандующій.

267. 29-го августа (10-го сентября) 1828 года императоръ Николай писалъ къ графу Дибичу съ корабля «Парижъ»:

«Vous direz au maréchal que j'ai reçu sa lettre avec peine; que puisqu'il sentait la honte de ce qui s'est passé je n'en parlerai plus; que quant à l'état de sa santé je pensais qu'elle n'était pas telle à le forcer à quitter le commandement avant la fin de la campagne, et que je désirais qu'il garde son poste au moins jusqu'à ce qu'elle fût finie».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2, № 2757б).

268. «En général la bêtise et l'insouciance du maréchal se fait voir en tout, et votre maladie, mon cher ami, lui a donné beau jeu pour faire voir son ineptie en plein».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 14-го (26-го) августа 1828 года, «à bord de l'Утѣха». Въ это время государь собирался отправиться въ Николаевъ.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2757б).

269. Всеподданнѣйшее письмо фельдмаршала графа Витгенштейна отъ 5-го (17-го) октября 1828 года изъ Варны:

«Всемилостивѣйшій государь.

«Имѣвъ счастіе удостоиться всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества рескрипта, во 2-й день сего октября послѣдовавшаго, коимъ ввѣряются моему попеченію всѣ войска дѣйствующей арміи, чувствую въ полной мѣрѣ столь высокомонаршую для меня милость и довѣріе. Но съ особеннымъ прискорбіемъ долженъ признаться, что

при всемъ желанiи моемъ оправдать оныя усердiемъ и рвенiемъ къ службѣ, чувствую себя не въ состоянiи того исполнить; ибо ваше императорское величество изволите быть извѣстны, что въ продолженiе настоящей кампанiи я имѣлъ неоднократно лихорадочные припадки, которые при нынѣшнемъ осеннемъ времени и по здѣшнему климату вновь начинаютъ оказываться. А потому, предположивъ, при всей слабости моего здоровья, отправиться по окончанiи дѣлъ къ Силистрiи для скорѣйшаго, если Богъ поможетъ, покоренiя оной нашему оружiю и по отправленiи войскъ на зимовыя квартиры, осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества соизволенiя на отъѣздъ мой въ Подольскую губернiю.

«Вашего императорскаго величества
«вѣрноподданнѣйшiй графъ Витгенштейнъ».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445).

270. Посылая приведенный здѣсь рескриптъ, императоръ Николай писалъ графу Дибичу 10-го (22-го) ноября 1828 года:

«Je vous charge de dire au maréchal, en lui remettant la lettre ci-jointe, que j'attends de son zèle et de son dévouement qu'il conserve le commandement en chef de l'armée; sa position actuelle l'exige impérieusement et l'expérience du passé et surtout le rôle que j'assigne à l'armée pour la campagne prochaine, le mettront parfaitement à même de remplir mes instructions à ma satisfaction. Je compte sur vous pour l'y persuader. Kisselef doit rester comme par le passé».

271. 20-го ноября (2-го декабря) 1828 года графъ Витгенштейнъ писалъ императору Николаю изъ Яссъ:

«Всемилостивѣйшiй государь!

«Удостоясь получить всемилостивѣйшiй рескриптъ вашего императорскаго величества отъ 11-го сего ноября мѣсяца и посвятивъ себя безусловно на службу вашу, государь, мнѣ не остается ничего болѣе, какъ превозмочь недуги мои и исполнить священную волю вашего императорскаго величества, оставаясь при армiи, доколѣ силы мои дозволятъ, и пока ваше императорское величество изволите найти, что могу еще быть полезнымъ вамъ и отечеству.

«Всемилостивѣйшiй государь,
«вашего императорскаго величества
«вѣрноподданный графъ Витгенштейнъ».

272. 5-го (17-го) октября 1828 года графъ Дибичъ писалъ императору Николаю изъ Варны:

«Le maréchal paraît vraiment sentir le besoin de se retirer, après avoir ramené l'armée dans les quartiers d'hiver. Dans le cas où votre majesté impériale jugerait bon d'acquiescer à sa prière, je compte de mon devoir de vous répéter, sire, que la troupe, surtout depuis le colonel jusqu'au dernier soldat, n'a pas perdu une juste confiance des anciens succès par quelques échecs partiels, qui sont arrivés pendant la prise de deux principautés et de la Bulgarie jusqu'aux monts Balcans avec toutes les forteresses très bien garnies, résultats plus grands que tous ceux des campagnes précédentes et plus que la somme de ceux de 1808—1811, si Dieu voudra nous donner la prise de Silistrie.

«Votre majesté jugera tout cela et je n'ose pas même porter un jugement, car je pourrais craindre que des sentiments inspirés par la reconnaissance et l'expérience ce qu'un quartier-maître général qui n'est mené que par ses devoirs doit produire, pourraient m'inspirer. Mais mon devoir impose de vous soumettre, sire, que d'après le caractère et les actions de personnes que ma situation et la confiance dont sa majesté feu l'empereur et votre majesté impériale ont bien voulu m'honorer, je suis persuadé que le maréchal comte Wittgenstein est bien difficile à remplacer; mais si votre majesté veut ce changement, je suis persuadé qu'il n'y a que le comte Sacken, qui g a r d a n t son é t a t m a j o r, pourrait le remplacer dans le cas que votre majesté ne voudrait pas être elle même à

la tête de ses armées, et que dans le cas de sa présence le comte Langeron me paraîtrait celui qui remplirait avec le plus de zèle et d'abnégation d'amour propre les ordres de votre majesté impériale. Mon devoir de serviteur fidèle et reconnaissant toutes les preuves non méritées de grâce et de confiance que votre majesté a bien voulu me donner, a dû me dicter ces lignes. En attendant vos ordres ultérieurs, sire, j'emploierais toutes mes forces à remplir ceux que vous m'aviez donnés».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2757а).

Императоръ Николай отвѣчалъ графу Дибичу 16-го (28-го) октября 1828 года:

«J'en viens à l'article le plus important de votre lettre, celui qui parle du remplacement du maréchal, puisqu'il ne veut pas rester, je ne puis le retenir, mais en tout cas il ne doit pas quitter, avant que tout ne soit emplacé dans les quartiers d'hiver. Passant par Mohileff j'ai vu le bon vieux Sacken et je crains que son état de faiblesse le rends impossible pour lui d'accepter ce nouveau commandement, qui pour le reste me conviendrait je crois qu'en attendant Langeron peut rester sans titre le plus ancien à commander en Moldavie et Roth en Bulgarie; s'il n'y a aucun espoir d'éviter une seconde campagne il faudra bien que j'y retourne et alors je commenderai moi-même ayant Langeron sous moi. En attendant au cas qu'il fût possible que Sacken accepte ce nouveau commandement, il faut que vous me disiez ce que vous pensez faire de Kisseleff et des autres membres de l'état major de la ci-devant seconde armée et que vous me disiez vos pensées sur le, mode d'administration pour ce qui reste en place de la première armée».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2757б).

273. Тѣ же мысли императоръ Николай высказалъ въ разговорѣ съ принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ, въ ноябрѣ 1828 года. «Обстоятельства и политика требуютъ пока однѣхъ оборонительныхъ мѣръ», сказалъ ему государь.

274. «Passons à l'essentiel pour l'année qui vient: au plan de campagne. Tout pensé, tout pris en considération, je m'arrête à l'idée qui suit. L'expérience de cette campagne nous a prouvé à l'évidence à quel pays et à quelle nation nous avions affaire. Répéter les pertes gratuites que nous devons à nos fausses mesures, provenant de nos données erronées sur ces deux points si importants, serait un crime, dont je ne chargerai jamais ma conscience. Il s'agit donc de décider: que devons nous faire d'après ce que nous pouvons faire ou entreprendre. Avant de commencer la guerre j'ai annoncé que je désirais obtenir des garanties qui puissent me faire espérer des conditions honorables pour la paix. Malgré que la campagne n'a pas répondue en entier à nos espérances, néanmoins la Providence a daigné mettre en nos mains deux provinces intactes et une autre, théatre de la guerre, dont la clef est Varna; en Asie, excepté Anapa et Poti, trois pachaliks sont en notre pouvoir. Ce sont des garanties considérables si elles ne sont pas suffisantes encore, pour obtenir notre but. Serait-ce prudent à moi de vouloir pousser au hasard une campagne au delà des Balkans, sans aucune sûreté de succès, si même j'en pouvais avoir l'espoir, tandis que pour s'assurer la possession des garanties, il me reste à m'emparer des places situées le long du Danube? Il me paraît donc que loin de pousser au delà du Balkan, le bon sens et la prudence exigent impérieusement d'abandonner l'idée d'une invasion au delà des monts, et à se borner d'occuper de pied ferme ce que nous possédons déjà, en achevant de s'emparer de ce qui n'est pas encore en notre pouvoir. Des expéditions partielles, exécutées par la flotte, avec des troupes de débarquement, peuvent être faits et seront utiles. Mais une division est suffisante pour cet objet; le reste, c'est à dire, les 6-e et 7-e corps, seront destinés à se maintenir à Varna et environs tandis que le 2-me et une du 3-me s'occuperont du siége de Silistrie et Jourja, tout en menaçant en flanc qui voudrait marcher vers Bazardjik. Par contre l'armée de Géorgie opérerait activement vers Erzeroum et Trebizonde, d'après l'opinion et les connaissances locales du comte Paskévitch. Enfin si le blocus des Dardanelles est faisable, il coopérera au plan général, qui est de se maintenir dans les pays occupés et de gêner, autant que possible, le sultan dans tous les besoins de la capitale et de son empire, pour l'amener à traiter, sans faire nous mêmes de grands sacrifices ni en hommes, ni en moyens pécuniers. Ce plan prouvera à l'univers entier que nous continuons non en conquérants,

mais en gens sages et prudents un plan qui ne peut que nous amener à de grands résultats. Il nous met en mesure de tenir l'Europe en respect et fermer la bouche à ceux qui sous prétexte d'arrêter mon ambition, voudraient contrecarrer nos opérations hasardeuses».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2757б).

275. «J'espère au reste que l'exécution du plan projeté ne peut pas trouver de grandes difficultés, excepté celle des approvisionnements, qui par l'extrême pauvreté et la mauvaise administration des principautés est devenue bien grande... D'après des calculs probables sur le nouveau plan d'opération, je ne crois pas que la prise de Silistrie, ainsi que celle de Roustchouk et Giurgevo devront nous mener au delà de la mi-juillet et tout au plus aux premiers jours d'août, il restera donc encore deux mois et peut-être même deux mois et demi de campagne. Il faudra les employer utilement et dans le sens politique et militaire du plan général. Il me paraît qu'il y a quatre points qui méritent dans ce cas à se disputer le choix. Sinope, si les opérations de l'armée d'Asie peuvent en assurer la possession pour l'hiver; Bourgas ou une autre place sur son golfe, si les localités permettent à s'y fortifier et y rester en permanence, soutenu du côté de la mer; Choumla, si nous aurons encore assez de moyens de siége et surtout si la grande armée turque se trouve au delà du Balkan; enfin Widdin avec toutes les petites places peu considérables du haut Danube.

«Chacune de ces places augmenterait d'une manière réelle les otages que votre majesté se désire procurer pour la paix. Sinope ne pourra être mise en ligne qu'à raison de nos succès en Asie. Widdin opposerait apparemment le moins de difficultés, surtout si le général Geismar passait le Danube beaucoup plus tôt et lui couperait les communications. Mais la prise de cette place éleverait la jalousie de l'Autriche au plus haut degré et il serait difficile même qu'elle n'eut pour effet la révolution en Servie, malgré tous nos conseils, ce qui me paraît entièrement contraire au plan proposé. La prise de Bourgas serait extrêmement importante, mais je crois que les puissances étrangères regarderaient cette conquête plutôt comme une base pour une campagne au delà du Balkan, que comme un gage de paix. Celle de Choumla, faite en automne, pourrait bien inspirer les mêmes idées, quoique dans un degré moins fort, mais nous avons vu les immenses difficultés d'un long séjour devant cette place. Si au contraire nous pouvons commencer la campagne assez de bonne heure, pour qu'il n'y eut point d'armée, mais seulement une garnison à Choumla, je pense autant pour l'opinion que pour intimider les turcs, de manière qu'ils penseraient sérieusement à la paix, on devrait commencer par là tout de suite après avoir investi Silistrie. En marchant avec le 3-me, 6-me et 8-me corps d'armée sur Choumla, nous pouvons y réunir six à sept divisions d'infanterie et trois de cavalerie, avec une douzaine de régiments de cosaques, et il faut marcher avec la ferme résolution d'emporter coûte qu'il coûte, d'assaut, premièrement les hauteurs et puis la ville même, et sans regarder à la perte de 8 à 10.000 hommes tués et blessés, en calculant qu'il nous en coûtera autant dans des petits combats que les liaisons entre Roth et l'armée demanderont et que nous perderons, en marches, contre-marches et positions, que nous devrons souvent choisir malgré nous, beaucoup plus encore en malades et morts de maladies.

«Cette expédition devrait être commencée avant le premier de mai et finie avant le 10; plus tard elle ne serait plus à conseiller, à moins que l'armée turque ne reste pas au delà du Balkan, supposition difficile à faire après la moitié du mois de mai. Choumla prise d'une telle manière serait rasée, mais un fort sur les hauteurs nous en assurerait la possession et le corps de Roth se mouvant entre Choumla, Pravody et Varna, serait assez fort pour défendre tout passage de la grande armée turque, et nous pourrions à notre aise nous occuper des places du Danube. Ce mouvement entièrement défensif et en quelque façon retrograde des forces principales prouverait en même temps de la manière la plus claire nos dispositions pacifiques et le système adopté».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445).

276. До этой мысли додумался въ концѣ 1828 года и графъ Витгенштейнъ. Передъ отъѣздомъ графа Дибича въ Петербургъ главнокомандующій вручилъ ему 12-го (24-го) декабря 1828 года слѣдующую записку:

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

«Исполнивъ обязанность вѣрноподданнаго, оставаясь согласно высочайшей волѣ въ званіи, на меня возложенномъ, доколѣ силы преклонныхъ лѣтъ моихъ сіе дозволятъ, я поставляю себѣ въ обязанность, при неограниченной преданности моей къ государю, представить на всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе тѣ истины, которыя почитаю полезными для службы его императорскаго величества. А какъ ваше сіятельство отправляетесь въ С.-Петербургъ, то не только по мѣсту, вами занимаемому, но и по долголѣтнему моему къ вамъ уваженію и пріязни, я за удобнѣйшее почитаю просить васъ изустно доложить его величеству, что прошлая кампанія доказала, что большая часть безпорядковъ въ арміи происходила не отъ чего другого, какъ отъ раздѣленія властей, которые тѣмъ болѣе вредны были, что затрудненія въ сообщеніяхъ не дозволяли своевременно исправлять ошибки, происходящія отъ разныхъ отдаленныхъ повелѣній; нынѣ къ душевному прискорбію вижу, что сіе можетъ возобновиться, ибо одному начальнику войскъ сообщено отъ вицеканцлера наставленіе для политическихъ сношеній съ сербами, другому же предписано отъ товарища начальника главнаго штаба доносить прямо его императорскому величеству не только объ экстренныхъ военныхъ происшествіяхъ, но и о всѣхъ внутреннихъ и хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Посему въ предупрежденіе невыгодныхъ послѣдствій, произойти могущихъ, я полагалъ не для личнаго желанія безраздѣльной власти, но для пользы службы:

«1) Если государю императору угодно будетъ командовать арміею, то всѣ высочайшія повелѣнія должны быть отдаваемы именемъ его величества начальникомъ его штаба, которому должно находиться безотлучно при немъ, главнокомандующему же поручить въ командованіе часть войскъ на общихъ правилахъ, какъ то и было въ прошлую войну, гдѣ князь Барклай и я командовали корпусами.

«2) По отбытіи государя отъ арміи главнокомандующій принимаетъ оную въ полное свое распоряженіе и всѣ высочайшія повелѣнія, какого бы то роду ни были, получаетъ отъ его величества или чрезъ его начальника штаба и передаетъ ихъ подчиненнымъ своимъ, которые затѣмъ ни отъ кого и ни въ какомъ случаѣ мимо главнокомандующаго таковыхъ не получаютъ.

«3) Строго воспретить корпуснымъ и отряднымъ командирамъ, равно и всѣмъ вообще лицамъ, находящимся при арміи, дабы никто не могъ доносить мимо главнокомандующаго государю императору.

«4) То же правило относится и къ полномочному предсѣдателю дивановъ княжествъ, всѣ повелѣнія къ нему должны быть объявляемы чрезъ главнокомандующаго, равно и предсѣдатель дивановъ не долженъ мимо его доносить; все, что главнокомандующій не можетъ разрѣшить, представляетъ по общему соображенію военныхъ обстоятельствъ на благоуваженіе и рѣшеніе его императорскому величеству.

«Въ сихъ статьяхъ заключаются, по моему мнѣнію, необходимыя основанія подчиненности, порядка и успѣховъ».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5323).

Приведенная нами записка доказываетъ, что упрекъ, сдѣланный фельдмаршалу Витгенштейну во время кампаніи 1828 года: «думаетъ ли онъ?»—и обвиненіе въ глупости, безпечности и неспособности не вполнѣ справедливы. Напротивъ того, теперь выясняется, что графъ Витгенштейнъ отлично понялъ и оцѣнилъ обстановку, среди которой ему приходилось и предстояло, можетъ быть, еще и впредь дѣйствовать; основываясь на пріобрѣтенномъ опытѣ, онъ откровенно заявилъ свои скромныя требованія во избѣжаніе повторенія въ будущемъ испытанныхъ имъ прежнихъ невзгодъ.

277. Замѣтимъ здѣсь, что еще во время кампаніи 1828 года генералъ-адъютантъ Васильчиковъ высказался въ пользу присоединенія гвардіи къ войскамъ, осаждавшимъ Варну, предостерегая двинуть ее къ Шумлѣ. По этому животрепещущему тогда вопросу онъ написалъ записку: «Projet d'opérations contre les turcs au mois de septembre 1828».

278. См. въ приложеніяхъ записку генералъ-адъютанта Васильчикова: «Aperçu sur la campagne de l'année 1828».

279. Министръ финансовъ, генералъ Канкринъ, не принималъ участія въ совѣщаніяхъ комитета 19-го ноября. Еще ранѣе, 7-го ноября 1828 года, Канкринъ предста-

вилъ записку: «Considérations sur la campagne suivante contre la Porte». Она состоитъ изъ слѣдующихъ четырехъ пунктовъ:

«1) Les puissances étrangères ont sans doute l'arrière pensée de nous affaiblir en hommes, en matériel et argent, et elles calculent qu'une guerre contre les turcs est coûteuse.

«2) En considérant la brièveté du temps, les difficultés naturelles et l'opiniâtreté des turcs, il n'est pas probable de finir la guerre par une campagne vigoureuse, si même on parvenait à rassembler tout ce qu'il y faut.

«3) En se bornant à l'observation et à tenir les forteresses conquises ayant une armée moyenne sur le Danube et une armée considérable sur le Dniestre on ferait la guerre avec le minimum de dépenses de toute nature; la population turque se lasserait du service, les ressources pécuniaires de la Porte tariraient, le blocus des Dardanelles fatiguerait la capitale et les intentions des puissances seraient déjoués.

«4) Si au contraire on se décidait de finir la guerre dans une campagne, elle doit être vite, vigoureuse, sanglante, entreprise avec de grandes forces et des grands moyens, et même dans ce cas si l'ennemi nous attendait à Adrianople, ce succès être précaire».

Припомнимъ здѣсь (см. «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе», т. 4-й), что еще въ 1819 году генералъ Канкринъ представилъ императору Александру записку: «Mémoire secret sur l'expulsion des turcs de l'Europe, surtout par rapport à l'administration militaire» (архивъ канцеляріи военнаго министерства), а въ 1821 году записку: «Военныя соображенія о походѣ противъ турокъ въ связи съ продовольствіемъ, основанныя на секретныхъ свѣдѣніяхъ депо картъ и на нѣкоторыхъ частныхъ матеріалахъ» (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2517А). Записки эти свидѣтельствуютъ, что генералъ Канкринъ уже давно изучалъ условія возможной войны Россіи съ Портою, въ особенности съ военно-административной точки зрѣнія.

У генерала Канкрина было немало враговъ, а назначеніе его министромъ финансовъ, конечно, послужило къ немалому ихъ увеличенію; послѣ воцаренія императора Николая приложено было немало старанія, чтобы поколебать довѣріе къ нему государя. Строгій критикъ тогдашнихъ порядковъ и дѣятелей, графиня Нессельроде, пишетъ въ 1827 году: «Le ministre des finances s'est ancré, malgré sa tête à l'envers». Конечно, нельзя было ожидать другого отзыва отъ дочери графа Гурьева.

Вѣроятно, къ концу 1828 года генералу Канкрину нанесены были какія-то особыя огорченія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ написалъ императору Николаю 30-го ноября слѣдующее письмо:

«Sire! M'apercevant que l'état de mes forces ne me permets plus de veiller au ministère des finances avec le succès indispensable et de résister aux contrariétés inséparables d'un emploi de cette nature: je me vois réduit à la nécessité de recourir à la clémence se votre majesté impériale et de la supplier humblement de bien vouloir me délivrer d'une charge, où je crains de rétrograder. Le budjet pour 1828 allant être conclus, mon successeur ne trouvera pas de difficulté au commencement de son administration; quant à moi, je me flatte que votre majesté ne me privera pas entièrement de ses bonnes grâces.

«Je suis avec respect et soumission, sire, de votre majesté impériale,

«le très fidele sujet

«G. de Cancrine».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 1048).

Императоръ Николай не согласился на просьбу, заявленную генераломъ Канкринымъ, который оставилъ должность министра финансовъ только 1-го (13-го) мая 1844 года, уже вслѣдствіе совершенно разстроеннаго здоровья.

Замѣтимъ здѣсь, что Канкринъ произведенъ былъ въ генералы отъ инфантеріи 25-го іюня (7-го іюля) 1828 года.

280. «Mémoire sur les discussions du 19 Novembre 1828». Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445.

Въ этой запискѣ отъ 26-го ноября 1828 года графъ Чернышевъ собственноручно изложилъ общій ходъ обсужденія вопросовъ, предложенныхъ государемъ комитету, и заключеній, на которыхъ тогда остановились.

281. Въ «Mémoire sur les discussions» графъ Чернышевъ пишетъ: «Votre majeste a jugé à propos de rappeler que le but de notre guerre actuelle contre la Turquie n'était point de conquérir Constantinople ou de renverser le sultan, mais d'obtenir le plus de garanties possibles, pour forcer la Porte Ottomane à conclure une paix qui puisse désormais assurer d'une manière solide et immuable l'exécution positive de tous les avantages que la Porte avait déjà concédés à la Russie par les traités précédents et que sept années de négociations n'avaient pu obtenir du cabinet Ottoman. En conséquence de ce principe et prenant en considération l'état politique de l'Europe, votre majesté a déclaré qu'elle ne croyait pas devoir employer pour la campagne prochaine plus de 110 à 120.000 hommes au plus. A la suite de divers raisonnements, à l'appui de cette détermination, votre majesté a daigné inviter les personnes que sa confiance a rassemblé autour d'elle, à émettre leur opinion sur le meilleur emploi à tirer de ses forces, pour obtenir le résultat que le gouvernement avait en vue en déclarant la guerre à la Turquie.

«D'un commun avis il a été soumis à votre majesté impériale qu'une guerre systématique qui se bornerait simplement à la prise de quelques forteresses sur le Danube, tout en conservant notre gauche dans sa position actuelle et en faisant quelques démonstrations de ce côté, ne pourrait dans aucun cas forcer le sultan à demander la paix, ni donner un espoir fondé d'attirer ses troupes dans la plaine, par suite du système que les turcs ont adopté de ne point se hasarder contre nous dans ce genre de combat. Que les progrès de nos opérations en Asie, fort essentiels, en ce qu'ils ne permettraient point au sultan de tirer de cette partie de ses états tous les renforts qui lui étaient nécessaires en Europe, ne pouvaient point produire d'effet assez immédiat pour forcer Mahmoud à plier. Que le seul moyen d'obtenir le but désiré était de chercher à porter à l'ennemi des coups sensibles, vigoureux et inattendus, propres à le jeter dans un véritable état de stupeur et de crainte. Que les glorieux efforts et sacrifices que cela nous coûterait eraient plus que compensés par la prompte fin d'une lutte qui, si elle devait durer plusieurs campagnes, nous occasionnerait gratuitement des pertes immenses en hommes et en argent, épuiserait les ressources de l'empire et nous maintiendrait dans une situation précaire vis-à-vis des autre puissances de l'Europe».

Изъ записки: «Mémoire sur les discussions du 19 Novembre 1828».

282. Въ заключеніе собранія 19-го ноября императоръ Николай выразилъ желаніе, чтобы присутствовавшія въ немъ лица изложили письменно мысли, которыя могли еще прійти имъ на умъ, по поводу обсуждавшихся въ совѣщаніи вопросовъ первостепенной важности. Приглашенію государя послѣдовали генералъ-адъютанты Васильчиковъ и Толь, а также графъ Кочубей.

Въ запискѣ Васильчикова (отъ 26-го ноября) сказано: «Mon opinion ne sera jamais que pour une paix solide, une paix signée au delà des Balkans. Si non, je la regarderai comme une trève qui nous fera perdre notre considération en Europe et nous mettra dans le cas de recommencer bientôt la guerre, avec des chances de succès bien moins favorables».

Противъ этого мѣста записки написано графомъ Дибичемъ: «c'est très vrai».

283. «Русская Старина», 1886 года, т. 51-й, стр. 42: Journal meiner Reise nach Russland im Jahre 1839. (Извлечено изъ сочиненія: «Das Leben des Generals Friedrich von Gagern. Leipzig. 1857. 3 Bände).

284. Графъ Сакенъ въ своемъ дневникѣ записалъ 4-го января 1829 года:

«General Toll macht durch einen Feldjäger aus Petersburg auf Befehl des Kaisers den Antrag die active Armee zu commandiren».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 411).

285. Военно-ученый архивъ. Отд. 1. №№ 441 и 959.

286. Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5322.

Въ этомъ же письмѣ графъ Витгенштейнъ писалъ о своемъ здоровьѣ:

«Pour ce qui regarde ma santé, elle est très bonne et si sa majesté l'empereur veut me confier son armée, il peut être persuadé que je mettrai tout le zèle possible pour exécuter le plan ci-dessus mentionné».

Генералъ-адъютантъ Киселевъ раздѣлялъ взгляды фельдмаршала и имѣлъ даже въ виду третью кампанію противъ Турціи! 11-го (23-го) января 1829 года Киселевъ писалъ графу Дибичу: «Il faut surtout rendre celle campagne préparatoire pour celle de l'année suivante». (Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

287. Генералъ Красовскій, находившійся въ 1827 году въ кавказскомъ корпусѣ, удалился оттуда вслѣдствіе несогласій съ графомъ Паскевичемъ.

288. 1-го (13-го) февраля 1829 года графъ А. Ѳ. Орловъ писалъ генералъ-адъютанту Киселеву:

«Я не понимаю, какимъ образомъ эти два характера сойдутся. Надо надѣяться, что они почувствуютъ необходимость не вредить другъ другу; иначе никакого толку не выйдетъ. Увѣряютъ, что свыше уже заручились ихъ обѣщаніемъ въ этомъ родѣ».

289. «J'ai eu la certitude que le maréchal ne pourrait pas conduire les opérations de la campagne prochaine, ses forces ayant réellement baissées et au moral et au physique, et qu'il fallait le remplacer; cependant j'ai attendu encore pour le décider que je le sus d'une manière plus positive; en attendant j'ai dû préparer un choix, l'autre maréchal étant tout aussi âgé et plus cassé encore que Wittgenstein, j'ai dû chercher parmi les autres aspirants ou candidats et, ne pouvant me passer près de moi de Tolstoy, je me suis décidé à donner le commandement à Diebitsch, non comme major général, mais comme un véritable главнокомандующій, en lui donnant pour chef d'état major Toll. Ce choix m'a paru être le meilleur et, je l'avoue, presque le seul à faire. Il n'y a que la similitude des défauts des deux individus qui m'a fait craindre qu'ils ne s'arrangeraient pas et, pour être sûr de ne pas compromettre à la légère des intérêts aussi graves, j'ai résolu de faire expliquer les individus entre eux d'abord et d'une manière privée, avant que d'en parler officiellement à Toll; celui-ci s'est montré en galant homme, en promettant à l'autre obéissance et zêle pour le seconder de son mieux et a promis de ce maitriser pour ne pas mériter le reproche que l'on fait souvent à son caractère. L'ayant alors appelé chez moi, je l'ai engagé de me dire franchement s'il croyait pouvoir me promettre de se charger du poste que je lui donnais, en sentant la difficulté de la position vis-à-vis de son chef, vu leurs caractères respectifs; il m'a donné sa parole et, le sachant honnête homme, je crois qu'il ne m'a pas donné en vain sa parole. Depuis lors, une lettre du maréchal nous a démontré qu'il ne pouvait décidement rester et j'ai décidé le changement. Diebitsch part ce soir. Il me reste à demander à Dieu de bénir cette détermination importante et à espérer qu'Il daignera bénir mes bonnes intentions».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 5-го (17-го) февраля 1829 года.

290. Quant à la nomination de Diebitsch et Toll et la retraite du maréchal, je ne puis rien en dire qu'à faire des voeux pour l'accomplissement de vos volontés; mais puisque vous daignez m'en parler je ne crois pas devoir passer sous silence le mécontentement général qui règne contre le général Diebitsch et surtout à l'armée dont il va prendre le commandement, où il a su indisposer tout le monde à peu d'exception près. Le général Toll n'est pas non plus des plus aimés, mais il réunit plus de formes et plus de suffrages. Je le dis avec franchise à vous, cher frère, ne sachant vous nier la verité et bien fâché de dire du mal de deux individus avec lesquels je suis au mieux et que j'estime particulièrement. La manière de faire du général Diebitsch a trop blessé d'amours-propres et de personnalités pour pouvoir être oublié de sitôt, et il aura une double campagne à faire: l'une contre les turcs et l'autre pour regagner la bonne opinion, l'estime et la confiance de son armée».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 16-го (28-го) февраля 1829 года.

291. «Votre opinion sur Diebitsch et Toll est bien juste; j'espère que le premier saura faire oublié le passé que je lui ai vivement placé sous les yeux; il sent

trop la responsabilité qui pèse sur lui et s'aime trop lui-même pour ne pas tout faire pour s'acquitter de sa charge au contentement de tout le monde».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23-го февраля (7-го марта) 1829 года.

292. Изъ письма графини Нессельроде къ своему брату, графу Николаю Гурьеву, отъ 13-го (25-го) февраля 1829 года. Государственный архивъ, разрядъ III, № 43.

16-го (28-го) февраля 1829 года генералъ-адъютантъ Адлербергъ писалъ графу Дибичу:

«Votre nomination n'a étonné personne, on s'y attendait et le fameux parti se tait; il n'agit point, parce qu'il sent son impuissance, mais il n'est point dissout; les circonstances ranimeront peut-être son activité, mais elle n'aura pas plus de succès, j'en ai l'intime conviction». (Военно-ученый архивъ, отд. 2, № 5322).

Къ сожалѣнію, въ перепискѣ Адлерберга съ Дибичемъ не выяснено, изъ кого состоялъ «le fameux parti». Можетъ быть, тутъ подразумѣвались сторонники опальнаго А. П. Ермолова.

«Перемѣна чрезвычайная и, по крайней мѣрѣ, неожиданная. Дай, Боже, ожидаемой отъ нея пользы.... а у меня изъ головы не выходитъ малороссійская пословица: старый быкъ борозды не портитъ»,—писалъ генералъ-адъютантъ Депрерадовичъ фельдмаршалу графу Сакену 28-го февраля 1829 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4518б).

293. Ф. П. Фонтонъ: Юмористическія, политическія и военныя письма изъ главной квартиры Дунайской арміи въ 1828 и 1829 годахъ. Лейпцигъ. 1862, т. I-й, стр. 256.

294. Ошибка, сдѣланная во время турецкой кампаніи 1828 года, сопровождавшаяся Шумлинскимъ сидѣніемъ, оставила въ умѣ императора Николая столь глубокое впечатлѣніе, что онъ вспоминалъ о ней даже во время Польской войны 1831 года и писалъ графу Дибичу 8-го (20-го) февраля: «Un long séjour devant Praga serait fatal sous tous les rapports possibles et serait pir que celui de Choumla».

295. Тѣло А. С. Грибоѣдова перевезено было въ Тифлисъ и похоронено въ монастырѣ св. Давида. Жена Грибоѣдова воздвигла надъ прахомъ его памятникъ, на которомъ написано съ одной стороны:

«Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795 года, января 4-го дня; убитъ въ Тегеранѣ 1829 года, января 30-го дня».

На другой сторонѣ:

«Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя?»

296. «Tous nos successeurs au royaume de Pologne sont astreints à se faire couronner rois de Pologne dans la capitale, suivant la forme que nous établirons, et ils prêteront le serment ci-après: «Je jure et promets devant Dieu et sur l'Evangile de maintenir et faire exécuter de tout mon pouvoir la charte constitutionnelle».

297. «Opotchinine m'a parlé de votre couronnement d'ici et m'a dit que vous désiriez avoir mon avis à ce sujet; avec toute la franchise que vous me connaissez et avec la meilleure volonté possible de satisfaire en vous énonçant mon opinion, je ne saurais le faire, puisque la charte constitutionnelle de ce pays parle bien de l'obligation de couronnement pour les successeurs de celui qui l'a octroyée, en y ajoutant la clause, qu'il se fera d'après ce qui aura été établi; mais comme rien ne l'a été, je suis dans le plus cruel embarras de vous rien dire de positif; veuillez me permettre d'agir d'après ma façon de faire du temps de feu l'empereur, alors j'en parlerai à Novossiltzoff, ce que je n'ai pu faire sans votre consentement, et nous arrangerons la chose ensemble pour vous la soumettre. J'attends vos ordres; j'avoue ma bêtise dans des cas pareils».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 24-го мая (5-го іюня) 1826 года.

298. «Vous désirez vous aboucher avec Novossiltzoff pour l'affaire du couronnement à Varsovie; veuillez le faire et m'informer des résultats. Je tiens beaucoup à ce que cela puisse se faire avec le moins de formes possibles et m'en remets à vous sur tout le reste; pour une cérémonie religieuse, il s'entend bien que c'est complètement impossible».

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 6-го (18-го) іюня 1826 года.

299. Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23-го іюня (5-го іюля) 1826 года.

Вообще въ перепискѣ съ цесаревичемъ императоръ Николай высказывалъ относительно варшавской коронаціи слѣдующіе взгляды:

«La cérémonie qui se répète à Varsovie n'est pas un sacre, mais la répétition pour les polonais du couronnement seul». Или же: «Le couronnement pour les russes du roi de Pologne s'est fait à Moscou et ne se répète à Varsovie que pour les polonais».

300. «J'ai prêté d'avance le serment exigé par la loi; je l'ai fait spontanément et de bon gré, comme le meilleur gage de la sincerité de mes intentions envers les sujets polonais, de l'empereur et roi; je me tiens donc quitte vis-à-vis d'eux, pour tout ce que l'article de la charte avait de formes obligatoires pour moi; quant au mode de couronnement, telle cérémonie que bon me semble aura force de loi; ainsi si j'ordonne une diète extraordinaire et que je réitère le serment déjà prêté par moi à la nation et que je le fasse ensuite suivre d'un Te Deum romain en actions de grâce, en plein champ pour éviter de le faire à la cathédrale et pour pouvoir y faire assister les troupes,—en voilà bien assez je le pense, si nous y ajoutons une entrée solennelle et les fêtes de rigueur en ville, il y en aura assez pour moi, votre pauvre diable de frère. Voilà franchement ma pensée pour vous que je vous soumets».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3-го (15-го) августа 1826 года изъ Москвы.

301. «J'espère que sous peu tout sera fini et cette éternelle et odieuse affaire terminée. J'espère alors que je pourrai enfin me rendre chez vous et voir de mes yeux ce qu'il est bien temps que je puisse voir et entendre, pour ne pas rester éternellement étranger à un pays où je ne puis être responsable de rien, ne le connaissant qu'à peine et encore moins les individus qui y agissent en mon nom, et certes, ce n'est pas l'envie qui m'a manqué pour le faire».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 2-го (14-го) января 1829 года.

302. «Permettez que je vous expose le voeu sincère et ardent de vous trouver à Varsovie le même pour moi comme par le passé: excellent frère et parfait ami; soyez indulgent pour moi et sentez toute la difficulté de ma position, unique dans le monde et plus difficile là, près de vous, dans le lieu de votre séjour habituel, qu'elle ne l'est déja partout ailleurs! Que votre indulgente amitié soit mon guide et mon soutien, que j'y puise le courage et que j'y trouve l'encouragement dont j'ai souvent besoin, quand mon moral fléchit sous le poids de mes peines. J'espère en Dieu; Il connait mes bonnes intentions; elles sont pures, car elles sont celles d'un frère qui vous a dévoué son existence; Il vous inspirera aussi».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 20-го марта (1-го апрѣля) 1829 года.

303. «Je pense qu'aucun acte religieux ne peut avoir lieu dans la salle du sénat, sans porter préjudice à la religion elle même, n'importe le rite, puisque l'on n'est que trop enclin à éliminer tout culte chrétien et ne l'envisager que comme une vaine cérémonie, et cette manière de faire n'encouragerait que trop les esprits à un ordre ou bien désordre semblable. A mon avis, tout en invitant processionnellement le clergé à se rendre au sein du sénat et votre serment prêté; vous devrez vous rendre pour le Te Deum dans la cathédrale, ce qui prouverait tolérance et protection de tous les cultes... Dieu vous a appelé à regner sur un peuple d'un autre rite que le vôtre, c'est à vous à le protéger, à le respecter et à le maintenir, et à ne pas le frapper pour ainsi dire de votre index. Il ne vous est pas donné comme à qui que ce soit de vous immiscer dans des controverses; laissez les croyances aux hommes, ils ne vous en seront pas moins fidèles et reconnaissants; au plus, assister à un Te Deum n'est pas un sacrement, vous y serez comme assistant... Voilà mon opinion et je ne puis la changer. Nos troupes russes assistent dans

les grandes solennités aux messes catholiques-romaines au camp et font ce que font les troupes polonaises; tel est l'ordre établi par feu notre immortel empereur et personne n'a rien à y redire; vous l'avez vu vous même lors de votre premier séjour ici à la S-t Alexandre; votre femme y a aussi assisté. Suivez mon conseil et vous-vous en trouverez bien, j'en ai la conviction».

(Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го марта (11-го апрѣля) 1829 года).

Цесаревичъ не довольствовался приведенными здѣсь доводами и въ письмѣ къ государю отъ 16-го (28-го) апрѣля 1829 года еще разъ возвратился къ защитѣ своей точки зрѣнія и продолжалъ настаивать на необходимости молебствія въ католическомъ соборѣ:

«Le clergé catholique assistant dans la salle du château prouverait parfaitement que le couronnement ne s'est pas fait à l'église catholique et personne n'y aurait rien à redire. Je dirai plus, que si, comme grand duc de Finlande, il y aurait dû y avoir un couronnement, je serai d'avis que vous assistiez au sermon luthérien comme un hommage rendu au culte professé par le peuple sur lequel la volonté de Dieu vous a appelé à régner et en prouvant une tolérance générale et universelle, sans vous arroger le droit de vous immiscer dans les affaires de conscience. Voilà mon avis, cher et excellent frère, d'après mon coeur et la pureté qui y règne devant Dieu et les hommes. J'y ajoute que tout ceci coincidera fort bien avec l'émancipation qui vient d'avoir lieu en Angleterre».

304. Въ письмѣ къ графу Дибичу отъ 13-го (25-го) апрѣля 1829 года генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ выразилъ ту же мысль въ болѣе рѣзкой и опредѣленной формѣ:

«Les fougeux patriotes y voient l'abaissement de la dignité impériale, les nuls s'occupent à discuter les fêtes, les cérémonies et les récompenses qu'il y aura à cette occasion; les raisonnables et les vrais amis de notre maître sentent l'urgence de ce voyage et font des voeux pour qu'il tourne au profit de la tranquillité et de la bonne harmonie; moi, je crains autant que j'espère et je plains de toute mon âme l'empereur, car je prévois les grandes difficultés qui se présenteront à lui, lorsqu'il s'agira de concluer en dernière analyse; elle est simple, mais l'exécution en est difficile: 1) Novossiltzow et... éloignés; 2) de bons remplaçants!!; 3) les provinces polonaises mises sur pied du reste de l'empire; 4) le royaume se gouvernant sans secousses arbitraires. Tout cela est aisé à dire. Que le Ciel protège l'empereur».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 13-го (25-го) апрѣля 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

305. «Partout présentation, parade et courses dans les établissements publics, c'est à dire que nous n'avons rien vus. C'était un peu le but de sa majesté l'empereur qui craignait de devoir voir ce qu'il n'aurait pas voulu voir; il fallait arriver satisfaif à Varsovie, et c'est ce qui a été: partout une population heureuse de voir son souverain; des démonstrations de joie sincère; de l'ordre, de belles troupes, enfin ce qui plait à l'oeil, et doit rejouir le coeur d'un maître, mais qui en même temps doit lui prouver qu'on attend tout de lui, et qu'il a une tâche bien sacrée à remplir, celle de justifier les grandes espérances de ses sujets».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 16-го (28-го) мая 1829 года изъ Варшавы.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

Великій князь Михаилъ Павловичъ, по просьбѣ цесаревича, изъ Динабурга прямо прослѣдовалъ въ Варшаву.

306. «Ce trait accuse la froideur que l'on opposa aux avances de Nicolas et l'ensemble des symptomes ne laissait aucun doute quant au présent et à l'avenir: la rupture entre les polonais et la dynastie était moralement consommée».

Lisicki: Le marquis Wielopolski, t. I, p. 82.

307. 21-го мая (2-го іюня) 1829 года генералъ-адъютантъ Нейдгартъ писалъ графу Дибичу изъ Тульчина:

«Благодареніе небу, въ Варшавѣ все прошло благополучно и продолжаетъ итти какъ нельзя лучше. Тѣмъ не мѣнѣе все вообще является чѣмъ-то уродливымъ. Черный двуглавый орелъ — отецъ бѣлаго одноглаваго; они различны по природѣ и останутся таковыми. (Doch ist das ganze eine Missgeburt. Der schwarze zweiköpfige Adler ist der Vater eines einköpfigen; sie sind verschiedener Natur und werden es bleiben)».

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 959.

308. «Un homme d'un caractère aussi entier avait dû se sentir obligé dans son for intérieur à satisfaire aux devoirs qu'il avait contractés envers la Pologne, lors de son avénement au trône. Il le fit d'ailleurs avec une bonne grâce parfaite, offrant aux polonais une excellente occasion d'effacer leurs torts, et de jeter de leur côté un voile d'oubli sur le passé. Lui, plus tard si impitoyablement dur à l'égard des polonais, s'évertuait pour lors à leur plaire personnellement, à évoquer les souvenirs glorieux de notre histoire, et à faire sonner bien haut son titre de roi de Pologne».

Lisicki, t. I, p. 81.

309. Въ письмѣ къ графу Дибичу отъ 16-го (28-го) мая изъ Варшавы генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ пишетъ:

«J'ai trouvé l'esprit raisonnable et préparé à recevoir les volontés du souverain; dans les provinces russes-polonaises, comme dans le royaume, on ne compte plus sur la réunion; on demande dans les premières le terme du régime militaire en temps de paix, dans le second, la fin de l'arbitraire qui s'y est glissé et qui effraye toutes les classes. Tout cela parait aisé et est bien difficile à obtenir. L'empereur est adoré par ses manières nobles et franches; hommes et femmes sont dans l'enthousiasme de lui, de l'amabilité de l'impératrice, des espérances futures que donne l'heritier. Varsovie est dans l'ivresse et Vienne je crois très désapointé... Nous sommes dans une capitale sous tous les rapports; la population est augmentée d'une foule de peuple arrivé des environs, de seigneurs et de dames venues jusque de Paris, pour voir le roi de Pologne. Le couronnement a été sous ce rapport l'acte le plus politique possible; les polonais datent de ce moment seulement la sécurité de leur existence nationale et les espérances dans l'avenir; ils disent, en parlant des provinces russes-polonaises, nous ne devons plus regarder derrière nous, c'est en avant que notre ambition et la gloire de notre souverain doit nous faire porter nos regards».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

310. Заграничныя свѣдѣнія, доставленныя цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, отъ 6-го (18-го) іюля и 6-го (18-го) октября 1829 года.

(Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

311. «Je suis parfaitement satisfait ici de tout, et les troupes sont réellement superbes».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 7-го (19-го) мая 1829 года изъ Варшавы:

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895б).

312. «Dieu veuille que le contentement que votre majesté impériale a éprouvé à Varsovie soit toujours stable et sans variations. J'en suis persuadé pour l'excellente armée polonaise, mais connaissant par des relations fréquentes que j'ai eu beaucoup et sous différents rapports la nation même, je suis persuadé qu'elle a aussi d'excellentes qualités, mais qu'il faut toujours lier à une générosité magnanime beaucoup de fermeté et même de sévérité beaucoup plus qu'avec toute autre, et qu'il faut surtout se garder de tomber avec les individus des classes élevées dans le piège d'une loyauté apparente, qui est une suite du pouvoir immense qu'exerce dans ce pays un sexe qui à toutes ses belles qualités joint dans ce pays là encore plus que dans les autres une espèce d'esprit chevaleresque, soi-disant national, et qui est bien loin de ressembler à l'esprit du chevalier sans peur et sans reproche. Pardonnez moi, sire, si j'ai osé faire entrer ces réflexions dans ma lettre, mais je crois l'époque trop importante pour ne pas vous dire tout ce que mon coeur m'inspire».

Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 16-го (28-го) мая 1829 года изъ лагеря близъ Силистріи.

(Военно-ученый архивъ. Отд. № 2. 2895а).

Письмо графа Дибича получено было въ Варшавѣ послѣ отъѣзда государя въ Берлинъ. Цесаревичъ, уполномоченный вскрывать письма главнокомандующаго, по прочтеніи его, писалъ императору Николаю 23-го мая (4-го іюня) 1829 года:

«D'après vos ordres, cher et excellent frère, j'ai décacheté les lettres en mains propres que vous adresse le général Diebitsch et qui, grâce à Dieu, sont assez satisfaisantes, hormis les progrès de la maladie contagieuse. Ayant lu avec la plus grande attention la lettre autographe du général Diebitsch, j'y ai vu les observations et les idées d'un homme de bien et je ne puis que partager entièrement ses conclusions au sujet de la nation polonaise et vous me rendrez justice, cher et excellent frère, qu'elles furent constamment les miennes».

313. «Je partage parfaitement votre opinion à l'égard des polonais».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 26-го мая (7-го іюня) 1829 года изъ Берлина.

314. На другой день послѣ пріѣзда государя въ Берлинъ король повезъ въ театръ также и императорскую чету, которую публика встрѣтила съ безконечными рукоплесканіями. Давали оперу «Нѣмая въ Портичи» (Фенелла). Бенкендорфъ сопровождаетъ разсказъ объ этомъ представленіи слѣдующими разсужденіями. По его мнѣнію, революціонныя сцены этой оперы, восхищавшія въ то время всю Европу своею музыкою, испугали бы даже на театрѣ всякое другое монархическое правительство, кромѣ прусскаго, сильнаго любовію къ нему народа и общимъ благоденствіемъ.

315. «Que vous dire d'ici? que nous avons été reçus avec cette cordialité, cette bonhomie qui caractérise tout le monde ici, que l'on ne s'est pas douté de mon arrivée et que le roi est presque tombé à la renverse de surprise en me voyant derrière lui. Toujours excellent, mais il souffre, et selon sa manière de faire ne se ménage pas du tout».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 26-го мая (7-го іюня) 1829 года изъ Берлина.

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ государь писалъ графу Дибичу (26-го мая):

«C'est d'ici, du cher Berlin que je réponds à votre lettre. . . . Que vous dirai-je d'ici? que je suis arrivé tellement inattendu, que je me tenais derrière le roi, qui ne me voyait pas et qui ne s'en doutait pas encore; il est presque tombé à la renverse en m'apercevant. Enfin je me repose ici, après quatre années de peines! Tout le monde nous a reçu, non avec plaisir, mais avec enthousiasme et nous avons l'air d'appartenir ici».

316. Müffling: Aus meinem Leben. Berlin. 1855. S. 255.

317. «Русскій Инвалидъ» 1829 года, № 155. (Письмо къ издателю «Сѣверной Пчелы», напечатано по приказанію высшаго начальства).

318. «Il serait difficile de dépeindre à votre excellence la sensation que la nouvelle dont vous avez bien voulu me faire le porteur a produite sur l'empereur. Au comble de la joie ou plutôt du bonheur, il m'a couvert de baisers, s'est jeté à genoux pour rendre grâces à Dieu et m'a tout de suite félicité comme son aide de camp et colonel, deux grâces auxquelles je ne m'attendais nullement à la fois; puis sans me laisser le temps de me reconnaître, m'a enlevé pour ainsi dire dans son drochky pour aller communiquer cette agréable nouvelle au grand duc Constantin; j'ai ajouté de vive voix tout ce que je savais en fait de détails sur cette journée, ainsi que sur tout le temps de notre marche de Silistrie. L'empereur ne se lassait pas d'écouter et de témoigner son extrême satisfaction sur tout ce qui s'est passé; l'artillerie du vizir surtout entre nos mains le rendait heureux. . . . Le soir du jour de mon arrivée, l'empereur m'a fait revenir dans son cabinet, et tout en me faisant prendre le thé ensemble, a causé près de deux heures avec moi en tête à tête sur l'ordre des choses chez nous en général».

Изъ письма князя Трубецкого къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 959).

319. Цесаревичъ сообщилъ слѣдующія извѣстія изъ Австріи отъ 29-го іюня (11-го іюля) 1829 года:

«La nouvelle de la défaite de l'armée du grand vizir a presque généralement produit une sensation désagréable à Vienne et a intimidé le parti Metternich. Le prince a de suite annoncé la nouvelle aux archiducs, ainsi qu'au prince de Hohenzollern et après une entrevue avec l'ambassadeur d'Angleterre, le prince s'est rendu en personne auprès de son souverain. L'empereur était à sa toilette au moment où le premier ministre entra pour lui annoncer la nouvelle en question. L'empereur lui répondit en allemand: «eh bien, vois-tu». Les gens de service sortirent de la chambre, on ne connait point la suite de la colloque, mais «Nu siehst du» circule à la cour et dans la capitale».

(Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

320. «Que Dieu soit mille fois béni, mon cher ami, et qu'il vous récompense dans l'autre vie pour le service signalé que vous venez de rendre à notre patrie! Vous connaissez mes sentiments pour vous et vous savez aussi la confiance que je mets dans les vôtres; je suis heureux que vous avez prouvé à la face du monde que je l'avais bien placée en la plaçant en vous. Recevez ma reconnaissance de coeur et d'âme. Voilà votre nom inscrit dans les fastes de notre armée d'une manière immortelle! . . . . La joie ici a été grande et toute l'armée sous les armes a assissté sous mes ordres au Te Deum, que nous avons chanté ce matin au bruit des salves de toute l'artillerie et en présence de tout Varsovie . . . . Quant à la possibilité d'une tentative sur Choumla, j'aime mieux en douter, que de me flatter d'un vain espoir; au reste je suis persuadé que vous ne voudrez pas perdre les fruits de la victoire, en compromettant les troupes sans certitude de succès. Choumla est un accessoire utile, mais non indispensable, tandis que les préparatifs du passage des Balkans sont le but que vous devez avoir constamment devant les yeux et vers lequel vous devez tourner tous vos efforts. Je ferai ce que je puis pour vous en faciliter le succès».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895б).

321. «Vos talents, votre persévérance, votre fermeté, votre entreprenante résolution ne pouvaient être mis en doute, tant de faits les ont attesté, mais la fortune pouvait vous manquer; vous venez de prouver au monde, qu'à toutes les grandes qualités qui constituent le général, vous joignez encore cet accessoir si indispensable, cette fortune qui fait le grand capitaine. L'armée, la Russie, l'empereur avaient besoin d'une victoire pour reprendre aux yeux de l'Europe jalouse, leur ancienne attitude d'importante supériorité; vous en aviez besoin vous même pour faire taire l'envie et l'intrigue; vous avez atteint ce double but d'une manière éclatante; en battant le vizir, en détruisant son armée, vous avez terrassé vos ennemis et ceux de l'état secrets et déclarés. Encore une fois je vous en félicite, que je m'en félicite moi-même et tous les gens de bien! Puisse le Ciel continuer à bénir vos efforts, puissiez vous ajouter bientôt aux beaux lauriers de la victoire, ceux non moins glorieux de pacificateur... Je n'essayerai pas de vous peindre la joie de l'empereur, elle est en proportion de l'importance de l'événement qui en est la cause, elle est à l'unisson de son amour pour le bonheur et la gloire de son peuple et de son armée, de sa bienveillante amitié, sa confiance illimitée pour vous».

Изъ письма генералъ-адъютанта Адлерберга къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5322).

322. «Dieu soit loué et grâce en soit rendu à la force que l'empereur a sur lui-même, tout s'est bien terminé et les deux augustes frères se sont séparés très satisfaits l'un de l'autre; les polonais enchantés de leur roi et plein de confiance en sa sagesse. Je vous assure qu'il n'est pas possible d'être plus raisonnables qu'ils ne sont, et plus soumis au décret de la Providence qui les a mis sous l'influence militaire du grand duc. J'ai vu maintenant, mon cher comte, par mes propres yeux et ne croirai qu'à mes yeux. Les provinces russes-polonaises sont encore bien plus à plaindre; pas d'appel, pas de constitution à opposer à la volonté d'un chef militaire. Tous espèrent et attendent avec resignation les décrets de l'empereur.

«La division d'infanterie la 25-e est très belle, et Dieu soit loué restée ou redevenue russe; Rosen est parfaitement à sa place; c'est là que nous avons entendus de nouveau ces hourras bien nourris que la contrainte étouffe à Varsovie».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 25-го іюня 1829 года изъ Кіева.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

323. 16-го іюля, 94 знамени, отбитыя у непріятеля въ Европейской и Азіатской Турціи, возимы были по улицамъ Петербурга. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

324. По окончаніи главнѣйшихъ занятій въ лагерномъ сборѣ подъ Варшавой, цесаревичъ Константинъ Павловичъ и княгиня Ловичъ отправились на воды за границу. Императоръ Николай назначилъ брату на путевыя издержки 100.000 рублей.

Цесаревичъ отправился въ путь 5-го (17-го) августа 1829 года и въ тотъ же день писалъ государю:

«Je laisse ici tout sous le commandement de mon vieil et fidèle Kourouta qui saura, Je n'en doute pas, maintenir le tout dans l'ordre établi et auquel il a travaillé sans relâche depuis 15 ans concurremment avec moi. Je pars donc comblé de vos bienfaits et avec un coeur rempli de reconnaissance, et je m'en vais me rincer, me laver et remettre tant mon physique que mon moral et qui a ressenti, je ne le cache pas, une rude atteinte par toutes les calomnies infâmes et la lâcheté des moyens dont on s'est servi contre moi, sans égard aucun à 34 années de service passées sans tâche, ni au zèle, ni au dévouement qui n'ont cessé de me guider».

Цесаревичъ возвратился изъ поѣздки и снова вступилъ въ должность 20-го ноября (2-го декабря) 1829 года.

325. Императоръ Николай писалъ 12-го (24-го) августа графу Дибичу:

«Avant-hier Hozrew-Mirza a eu son audience de pardon; c'était très réel et fort beau et imposant».

326. Графъ Дибичъ распорядился во время этой операціи слѣдующимъ образомъ: генералъ Красовскій послѣ занятія Силистріи оставленъ былъ для наблюденія за Шумлою, въ то время какъ три корпуса: 6-й, 7-й и 2-й, двинулись черезъ Балканы.

327. «Mon cher ami, avec quelle joie je puis vous dire: спасибо, Забалканскій; ce nom vous revient de droit et je vous l'ai donné de bien bon coeur. Mais avant tout que le bon Dieu soit mille et mille fois bénit de ce qu'il vous aie secondé d'une manière si visible; reconnaissons sa protection dans tout ce qui nous arrive d'heureux. Ensuite recevez toute ma reconnaissance pour votre mouvement aussi heureusement qu'habilement combiné et parfaitement exécuté par vos braves aides. Vous avez raison de dire que l'on doit se convaincre maintenant combien avaient raison ceux qui soutenaient qu'il était complétement faux de s'acharner à prendre Choumla, tandis que le vrai point à attaquer et à pénétrer était celui des Balkans. La preuve est là. La victoire de Kulevtcha a mis la base de tout et vous, vous en cueillez les fruits».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 4-го (16-го) августа 1829 года изъ Александріи близъ Петергофа.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895б).

328. «Après 17 jours d'inquiétude j'ai reçu hier, cher ami, votre excellente lettre du 9 d'Adrianople! Que le bon Dieu soit mille fois béni pour cette nouvelle grâce et recevez toute ma vive et sincère reconnaissance pour le résultat brillant et solide obtenu par vos excellentes dispositions et par suite de l'exécution parfaite qui y fut apportée. Votre nom, cher ami, appartient désormais à jamais à l'histoire et il illustrera les fastes de notre armée... que Dieu vous guide et vous assiste dans vos dernières oeuvres et vous permette le plus tôt possible de signer une belle paix d'Adrianople».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 28-го августа (9-го сентября) 1829 года изъ Царскаго Села.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895б).

329. «Un homme sûr, d'esprit et un nom russe».—Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы.

330. Генералъ-майоръ Михайловскій-Данилевскій былъ вызванъ графомъ Дибичемъ въ Адріанополь для исправленія должности дежурнаго генерала, вмѣсто заболѣвшаго генерала Обручева. Въ началѣ кампаніи 1829 года онъ командовалъ бригадой въ 6-й пѣхотной дивизіи и находился въ отрядѣ, блокировавшемъ крѣпость Журжу, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Киселева.

331. Портой были присланы два уполномоченныхъ: Мегметъ-Садикъ-Ефенди, великій дефтердаръ, и Абдулъ-Кадиръ-Бей, кази-аскеръ анатолійскій.

332. Письмо за подписью англійскаго и французскаго пословъ отъ 28-го августа (9-го сентября) 1829 года заключалось въ слѣдующемъ:

«Monsieur le comte.

«Dans les circonstances actuelles, il est un devoir impérieux que nous ne saurions nous dispenser de remplir, c'est d'informer votre excellence des conséquences infaillibles, qu'entrainerait la marche des armées impériales sur Constantinople. La Sublime Porte nous a formellement déclaré et nous n'hésitons point à attester la vérité de sa déclaration, que, dans ce cas, elle cessera d'exister et que la plus terrible anarchie, en anéantissant son pouvoir, livrera indistinctement sans défense aux chances les plus déplorables, l'existence des populations chrétiennes et musulmanes de l'empire. En vous taisant cet état de choses, monsieur le comte, nous eussions assumé sur nous vis-à-vis de nos cours, de sa majesté impériale elle même, en un mot de l'Europe entière, une responsabilité que nous devons repousser avec toute l'énergie dont nous sommes capables: ce devoir, nous le remplissons aujourd'hui, en vous adressant la présente lettre. Nous n'avons plus désormais qu'à nous occuper des moyens qui pourraient encore dépendre de nous, pour chercher à préserver, autant que possible, les chrétiens de cette capitale du désastre imminent qui plane en ce moment sur leurs têtes.

«Nous avons l'honneur de renouveler à votre excellence, monsieur le comte, l'assurance de notre haute considération.

«R. Gordon.
«Comte Guilleminot».

(Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Замѣтимъ здѣсь, что, несмотря на то, что Порта продолжала упорствовать въ признаніи Лондонскаго договора 24-го іюня (6-го іюля) 1827 года, сэръ Робертъ Гордонъ и графъ Гильемино все-таки явились въ Константинополь въ самый разгаръ кампаніи 1829 года и 6-го (18-го) іюня приняты были въ торжественной аудіенціи султаномъ.

333. Письмо императора Николая графу Дибичу отъ 12-го (24-го) сентября 1829 года.

Въ письмѣ графа Дибича къ вице-канцлеру графу Нессельроде отъ 30-го августа (11-го сентября) 1829 года главнокомандующій по поводу заявленія пословъ замѣчаетъ, что оно представляетъ собою: «le plus beau monument que la politique européenne puisse élever à la gloire de l'empereur Nicolas, l'hommage le plus éclatant rendu à sa puissance et à sa magnanimité».

334. 17-го (29-го) сентября императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«Enfin, cher et excellent Constantin, je suis heureux de pouvoir vous annoncer que la divine Providence, qui a si évidemment béni nos armes, a daigné nous accorder la paix tant désirée, et une paix digne de la Russie. Cet heureux événement a eu lieu le 2 (14) Septembre, dix-sept ans après l'entrée des français à Moscou! rapprochement singulier qui ne vous échappera point. Tout ce que nous pouvions désirer obtenir l'a été et nos garanties sont immenses... L'envoi de Muffling a été des plus utiles et cet officier s'est acquitté de la commission avec une intelligence vraiment au dessus de tout éloge; au reste, il lui a été assez aisé de faire les commentaires des progrès de nos armes à deux marches de Constantinople. Le rôle de l'ambassadeur d'Autriche a été le plus plat possible, car il n'en a pas même été fait mention. Ceux de France et d'Angleterre bon gré mal gré ont fait ce qu'il fallait pour faire chorus avec celui de Prusse».

*

335. «Mon cher et bon ami. La paix d'Adrianople a été signée aujourd'hui, dix-sept ans après l'entrée des français à Moscou et cinq mois après le départ du quartier général de la seconde armée de Iassy. Le maximum des conditions qui m'ont été donné pour base en est le résultat, regardé certainement par toute l'Europe pour un excès de magnanimité de notre maître chéri, au moment où rien ne pouvait arrêter ses armées victorieuses de s'emparer de Constantinople et du Bosphore et où la Porte par des ambassadeurs étrangers faisait l'aveu qu'elle cessait d'exister si nous continuons notre marche. Vous verrez les détails dans mes offices à l'empereur et à Nesselrode et il m'est impossible de vous écrire beaucoup aujourd'hui. Les prussiens ont agi dans cette occasion en vrais et fidèles amis; vous pouvez vous imaginer que cela m'a rendu bien heureux».

Изъ письма графа Дибича къ графу Чернышеву отъ 2-го (14-го) сентября 1829 года изъ Адріанополя (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 4445).

336. «J'approuve en tout point vos mesures; mais j'insiste pour qu'au cas que les négociations soient rompues, vous poussiez un corps vers les Dardanelles, pour être sûr que des незваные гости ne s'y présentent pour se mêler et gâter nos affaires... Enfin si vous êtes aux Dardanelles, vous refuserez positivement le passage à toute autre flotte qu'à la nôtre. Et si l'on forçait, vous répondrez par des coups de canon. Mais que Dieu nous en préserve».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 28-го августа (9-го сентября) 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2.805б)).

337. «Maintenant passons aux possibilités que je prie Dieu de ne pas nous faire voir arriver! Celles de nous voir maîtres de Constantinople et par conséquent de la disparition de l'empire Ottoman en Europe. Cependant je ne veux pas vous laisser sans quelques directions générales, pour le cas où effectivement nous en fussions déjà là. Si les négociations manquaient il faut que vous marchiez sans délai sur Constantinople en vous assurant des Dardanelles; ne faites pas attention à votre peu de force numérique, elle est plus que compensé par votre force morale. Maître de Constantinople vous refuserez positivement d'entrer dans aucun pourparler quel qu'il fut et avec qui que ce fut. A plus forte raison vous ne permettrez à aucune flotte étrangère d'entrer dans les Dardanelles jusqu'à nouvel ordre... Mes nouvelles de Londres de ce matin par courrier disent positivement que le ministère anglais est complétement terrassé par le succès de nos armes, au point qu'Aberdeen a dit aux nôtres: au nom de Dieu ne nous traitez pas à la Diebitch et ménagez notre honneur.... Enfin c'est un triomphe complet. Dieu soit béni et à vous спасибо, c'est plus que toutes les phrases. Mais, cher ami, maintenant plus que jamais tout à Dieu et soyons plus calmes, plus modestes, plus généreux et plus conséquents que jamais; voilà les triomphes que moi je cherche et que Dieu m'en préserve d'en chercher d'autres, et je suis sûr que vous me comprenez.... Ainsi donc si tout est fini revenez, si non впередъ».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) сентября 1829 года изъ Елагина острова.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895б).

338. Etude historique sur la politique russe dans la question d'Orient, par F. Martens. Gand. 1877.

См. въ приложеніяхъ свѣдѣнія о секретномъ комитетѣ, извлеченныя изъ писемъ графа Нессельроде и графа Чернышева къ графу Дибичу.

339. «Veuillez recevoir mes félicitations et mes voeux les plus sincères à la fête que nous célébrons aujourd'hui, et dans laquelle les belles espérances d'un avenir qui nous n'appartiendra plus se lient dans les coeurs fidèles au bonheur présent et aux souvenirs les plus chers. Le Grand Dieu qui a si visiblement béni les armes de votre majesté impériale, nous a donné encore le bonheur de pouvoir annoncer à une telle journée la certitude d'une paix glorieuse. D'après tout ce que l'envoyé de la Prusse, envoyé par la Porte pour en hâter la conclusion m'a écrit et dit, et surtout en lisant la pièce mémorable signée par R. Gordon et le comte Guilleminot, et qui porte la déclaration de la Porte

confirmée par m. m. les ambassadeurs, qu'un mouvement de vos armées victorieuses sur Constantinople mettra fin à l'existence de l'empire Ottoman, cela me paraît non seulement un monument de gloire pour vos armes, sire, mais en même temps le garant le plus sûr de la paix, car on ne fait pas de pareils aveux quand il reste encore un espoir de combattre».

Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 30-го августа (11-го сентября) 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895а).

340. «Je ne puis commencer mon épître autrement qu'après avoir remercié Dieu de vous dire bravo, bravo et bravo. Le premier de s-t George, que je vous envoie, est ma réponse, au reste il vous est dû en plein. Maintenant recevez encore tous mes sincères remerciments pour votre conduite aussi ferme, habile, que noble et modérée. Votre position est digne du commandant en chef d'une armée russe aux portes de Constantinople. Militairement elle est fabuleuse et l'esprit à peine peut se l'imaginer: la droite appuyée à la flotte partie de Cronstadt, la gauche à celle de Sevastopol, un ministre de Prusse arrivant à votre quartier général, porter les supplications du sultan et un certificat de ruine, signé par les ambassadeurs de France et d'Angleterre! Après cela il ne reste qu'à dire: Великъ Богъ русскій et спасибо Забалканскому».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 12-го (24-го) сентября 1829 года изъ Александріи.

(Военно-ученный архивъ. Отд. 2. № 2895б).

За занятіе Адріанополя графъ Дибичъ награжденъ былъ алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго, а графиня Дибичъ пожалована въ статсъ-дамы.

Такія же награды удостоился получить графъ Паскевичъ за занятіе Эрзерума.

341. Въ дневникѣ князя А. С. Меншикова 17-го сентября 1829 года записано:

«Государь пріѣхалъ въ городъ по случаю полученнаго извѣстія о мирѣ съ турками и ѣздилъ со мною поклониться Казанской иконѣ въ соборъ».

342. Изъ письма флигель-адъютанта Чевкина къ графу Дибичу отъ 22-го сентября (4-го октября) 1829 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 959).

Графъ Нессельроде писалъ дѣйствительному статскому совѣтнику Фонтону 10-го (22-го) сентября 1829 года:

«Je n'ai pas une seule observation à faire sur le projet du traité. Comme vous dites tout y est au maximum. Avec Batoum de plus et une cinquantaine de millions de moins, le traité serait parfait, et je défierai les plus hargneux de trouver un seul mot à y réduire».

(Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Черезъ два дня графъ Нессельроде писалъ графу Дибичу 12-го (24-го) сентября 1829 года:

«Quant aux acquisitions en Asie je pense comme vous qu'il ne faudrait pas les porter trop loin. Je n'attache pas une grande importance à Kars et Bayazid, mais Batoum nous serait nécessaire et j'espère encore que vous nous l'obtiendrez contre une diminution de l'indemnité pécuniaire».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5329).

343. Манифестъ о заключеніи мира съ Турціею объявленъ былъ 19-го сентября (1-го октября) 1829 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай повелѣлъ по объявленному уже манифестомъ отъ 10-го (22-го) августа 1829 года рекрутскому набору, вмѣсто трехъ рекрутъ съ пяти сотъ душъ, собрать только по два рекрута.

344. 22-го сентября 1829 года графъ Чернышевъ писалъ графу Дибичу:

«Aujourd'hui nous vous devons la plus belle journée; une grande parade au champ de Mars, au milieu duquel était placé un autel ouvert comme lors du Te Deum à Paris, ont servi à célébrer la bienheureuse conclusion de la paix».

Замѣтимъ здѣсь, что недавно (5-го августа 1829 года) состоялось освященіе вновь отстроеннаго, по проекту архитектора Стасова, Преображенскаго собора, вмѣсто сгорѣвшаго въ 1825 году.

6-го (18-го) августа 1829 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу:

«Aujourd'hui nous avons chanté le Te Deum à la nouvelle église de Preobrajensky, et votre nouveau surnom a été proclamé pour la première fois dans le temple de Dieu, que cela vous porte bonheur! Après la messe et le Te Deum, les régiments des chevaliers gardes et de la garde à cheval y ont porté les trophées des deux campagnes au nombre de 562 pièces; c'était un beau et imposant spectacle».

345. Насчетъ этихъ орудій императоръ Николай, при чтеніи записокъ графа Бенкендорфа, написалъ по поводу ошибочно изложенныхъ въ нихъ фактовъ:

«Ils furent pris à Varna et donnés aux polonais par moi comme souvenir de la mort du roi Wenceslas sous ces mêmes murs de Varna; les polonais, par reconnaissance de ce don, les tournèrent un an après contre nous; la garde les reprit: j'en fis cadeau à ceux qui deux fois en firent la conquête au prix de leur sang».

346. «Après avoir rendu grâce au Tout-Puissant sur le champ de Mars au milieu des troupes et d'une foule immense, je vous adresse à vous, mon cher ami, mes bien sincères remerciments pour l'heureuse fin qui couronne votre belle campagne. La paix d'Adrianople est une des plus glorieuses qui jamais eut été conclue, et vous avez su lui imprimer le caractère qui convenait à une paix, issue d'une pareille guerre; notre modération doit fermer la bouche à tous nos détracteurs, pour nous même elle nous met d'accord avec notre conscience. Encore une fois toute ma reconnaissance vous est vouée pour la vie. Le grade de maréchal auquel je vous ai promu aujourd'hui vous appartient de droit».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 22-го сентября (4-го октября) 1829 года изъ Петербурга.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895б).

347. Князь Щербатовъ: Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, т. 3-й, стр. 228.

Когда Паскевичъ награжденъ былъ чиномъ фельдмаршала, ему было 47 лѣтъ.

348. «Les gazettes étrangères commencent déjà à déraisonner sur notre traité de paix. Laissons les dire, allen kann man es ja nicht recht machen, mais tout ce qu'il y a de gens raisonnables, jugeant sans passion et avec impartialité, ne trouve rien à redire et pense que la paix unit aux avantages que tant de victoires nous autorisaient à réclamer cette modération qui caractérise si noblement la politique de l'empereur. Contentons nous, mon cher maréchal, de leur suffrage et moquons nous du reste. Avec cette maxime on est toujours sûr de faire de la bonne besogne».

Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 13-го (25-го) октября 1829 года. (Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 5329).

349. По вѣрному замѣчанію Поццо-ди-Борго, подобное обѣщаніе очень мало цѣнится въ началѣ дѣла, а при завершеніи его бываетъ крайне вреднымъ.

350. Prokesch-Osten: Geschichte des Abfalls der Griechen. Wien. 1867. B. 2, S. 384.

351. «Exigez absolument d'abord Batoum, et même Kars si c'est possible. Batoum nous est des plus utiles et Kars pourrait être l'équivalent de quelques millions».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 10-го (22-го) сентября 1829 года изъ Александріи.

352. «Je vous prie de vous rappeler que des raisons que j'avais présenté par vous à sa majesté sur la question d'Asie m'avaient paru être recu avec approbation, car vous m'avez communiqué alors son auguste volonté de ne tenir qu'au seul Akhalzyk au delà du minimum. C'est pour cela que je n'ai pas demandé ni Kars, ni Batoum, d'autant plus que je n'ai reçu les dépêches avec le mémoire de Paskéwicz que deux jours après que j'avais déjà donné officiellement aux négociations le maximum de nos demandes, auquel j'aurai certainement mis le tout, si ce mémoire et les ordres de l'empereur me seraient parvenu trois jours plus tôt, tout peiné que je suis été de devoir démander une place comme Batoum qui n'a pas même été menacée par nos troupes pendant la guerre et pourra guère l'être vu sa situation géographique».

Изъ письма графа Дибича къ графу Нессельроде отъ 8-го (20-го) октября 1829 года изъ Адріанополя.

(Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

353. Князь Меншиковъ въ дневникѣ своемъ 7-го ноября 1829 года записалъ:

«Государю вчера пускали кровь; рѣшительно горячка воспалительнаго свойства. Не дай Боже потерять его и Россіи оставить регентство».

Князь Меншиковъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ 24-го августа; но онъ еще не вполнѣ оправился отъ полученныхъ имъ подъ Варною ранъ. Государь разрѣшилъ ему для облегченія не носить шпаги, а кортикъ.

2-го сентября подписанъ былъ указъ о вступленіи князю Меншикову, по выздоровленіи, въ должность начальника морского штаба.

354. Это былъ фрегатъ «Blonde», которому разрѣшено было пройти Дарданеллы, съ орудіями, хотя и маскированными, еще во время кампаніи 1829 года. Турки смотрѣли на него въ ту пору, какъ на предвѣстника англійскаго флота, который освободитъ Черное море отъ русскаго владычества. Осенью капитанъ этого фрегата (какъ увѣряли потомъ) вздумалъ совершить прогулку по Черному морю.

355. 27-го ноября (9-го декабря) 1829 года императоръ Николай продиктовалъ генералъ-адъютанту Адлербергу письмо къ графу Дибичу, въ которомъ сказано:

«J'apprends que vous avez été tout aussi furieux que moi de l'apparition de la fregate anglaise dans la mer Noire; c'est encore un tour de la façon de nos amis de Londres. Ma fureur en a été telle que j'ai failli en reprendre la fièvre et j'espère que les ordres que je vous ai adressés en conséquence ne s'en ressentent pas et que vous aurez trouvé que j'ai eu raison d'exiger des représailles pareilles. L'ami Orloff n'a qu'à s'escrimer».

Въ этомъ же письмѣ государь сообщалъ графу Дибичу, что онъ провелъ четыре недѣли въ постели: «digne d'appartenir à la С.-Петербургская инвалидная команда, car non seulement j'étais dans l'impossibilité de me mouvoir, mais parfaitement incapable de m'occuper, ni même d'entendre parler d'affaires».

356. «Enfin, mon cher ami, me voilà grâce au bon Dieu en état de vous répondre. Je suis presque retabli en entier de la forte secousse que j'ai éprouvé, mais la miséricorde divine, pour cette fois, m'a conservé à ma femme et à mes enfants; je n'ai plus que les pieds qui sont faibles: cependant j'ai pu aujourd'hui monter à cheval, ainsi готовъ на службу».

357. «Vous concevez, cher et bien respectable comte, combien nous avons dû être inquiets ici pour la santé de l'empereur. Sachant combien l'éloignement devait encore aggraver vos alarmes à ce sujet, je priais tous les jours Czernichew de vous donner le plus souvent possible des nouvelles sur la maladie. Maintenant Dieu soit loué, notre excellent maître est tout à fait bien, et il ne lui reste qu'une faiblesse et une maigreur, qui sont la plus forte preuve du danger que nous avons courus. Cette idée s'était emparée de tout le monde et faisait dresser les cheveux. On a vu dans toute son horreur les suites de la perte de l'homme, que le plus mal intentionné ou le plus indifférent, voit être indispensable, non seulement pour notre bonheur, mais pour notre existence. L'effet que la nouvelle de cette maladie a fait à Moscou et dans les provinces sont les plus belles preuves de l'attachement que l'empereur a su inspirer. Tout a été absorbé par ce grand intérêt; on ne parlait que de l'empereur; il fallait peut-être cette épreuve pour donner à l'empereur la juste valeur des soins qu'il doit à sa conservation, et la recompense de ses travaux, que l'amour seul des sujets peut donner au souverain».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 25 ноября (7-го декабря) 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

358. «Je ne me rappelle pas d'hiver à Petersbourg qui ait été plus rempli de bals, de fêtes et de plaisirs. Grâce à vos victoires et aux sages dispositions qui les ont arrêtées, nous jouissons ici d'une joie véritable, dans l'Europe entière d'une attitude imposante, et dans l'intérieur d'une tranquillité et d'une confiance envers le gouvernement qui ne peuvent qu'amener de bons résultats. Nous sommes libres maintenant de toute entrave, forts plus que jamais dans l'opinion de tous les peuples; rien n'empêche de se livrer avec suite aux améliorations, aux revirements nouveaux que demande la Russie. Ce sera le beau fruit de quatre années de guerre et d'efforts qui ont commencés le règne de notre

maître. Il ne reculera pas plus devant les difficultés de l'administration qu'il n'a reculé devant celle de la guerre, il n'y trouvera pas des instruments aussi prompts, aussi brillants que les Забалканскіе et les Эриванскіе, mais ces difficultés une fois surmontées, il en retirera une gloire aussi belle et plus utile encore pour ses nombreux sujets».

Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 6-го (18-го) октября 1829 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 961).

359. По поводу дѣятельности графа Орлова въ Константинополѣ императоръ Николай писалъ графу Дибичу 17-го (29-го) января 1830 года: «Je suis extrêmement satisfait d'Orloff; il agit au delà de mes souhaits et vous pouvez vous applaudir de l'avoir désigné»,—и 27-го февраля (11-го марта): «Je ne puis assez vous dire combien je suis satisfait d'Orloff; il agit vraiment à me surprendre moi-même, malgré mon tendre pour lui».

(Военно-ученый архивъ. Отд. 2. № 2895б).

360. 1-го (13-го) февраля 1830 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу:

«Nesselrode vous transmet le récit le plus exact de la mémorable conversation que j'ai eue avec les deux envoyés, n'ayant pour quatrième que Fonton; vous verrez que je leur ai dit leur fait avec ma franchise ordinaire, et les ai amenés à poser de fait que la fameuse instruction du Reiss-Effendi était désormais déclarée nulle et non avenue, ce dont j'ai pris acte en leur faisant remettre sur papier le lendemain tout ce que je leur avais dit et ce qu'ils m'ont répondu. Je dois leur rendre la justice que je les ai trouvés parfaitement dans la bonne voie; ils m'ont répété que le sultan était fermement résolu d'accomplir le traité. Il paraît qu'ils sont satisfaits, car je les comble de politesses; Halil me suit partout et il est extraordinaire qu'il aie paru pour la première fois à la rentrée de la 3-me brigade de la garde, et que le premier exercice auquel il a assisté est celui des chasseurs de la garde».

361. Письмо графа Чернышева къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) февраля 1830 года.

362. Во время переговоровъ въ Петербургѣ была сдѣлана попытка относительно замѣны части денежной контрибуціи новыми территоріальными уступками въ Азіи, но турки благоразумно уклонились отъ подобной сдѣлки; то, что не было додѣлано въ Адріанополѣ, нельзя было дополнить новыми поправками.

18-го (30-го) апрѣля 1830 года графъ Нессельроде писалъ графу Дибичу:

«Il nous a été impossible d'amener les envoyés turcs à nous offrir quelques cessions territoriales en Asie comme équivalant d'une partie de l'indemnité de guerre. Toutefois je dois leur rendre la justice qu'ils ont eu le bon esprit de ne point mettre en avant les réclamations qu'ils avaient ordre de faire valoir relativement à Akhaltzik et de reconnaître en général que le mode de payement et de garantie de l'indemnité de guerre devait faire le seul et unique objet de la négociation».

363. L'Empire Ottoman 1839 — 1877. — L'Angleterre et la Russie dans la question d'Orient, par un ancien diplomate. Paris. 1877, p. p. 52—54.

364. Freiherr von Müffling: Aus meinem Leben. Rerlin. 1855. S. 335.

365. Изъ дневника Адріана Моисеевича Грибовскаго, статсъ-секретаря императрицы Екатерины.

366. 15-го (27-го) мая 1830 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу изъ Варшавы:

«Je bénis Dieu de vous savoir hors de tout cet horrible pays. L'idée de vous revoir sous peu et de faire partie de la route ensemble me réjouit sincèrement».

Фельдмаршалу графу Дибичу разрѣшено было для отдыха отправиться за границу въ Силезію, для свиданія съ родными.

30-го іюля (11-го августа) графъ Дибичъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ ему отведена была квартира въ Шепелевскомъ дворцѣ.

367. Поццо-ди-Борго давно уже остроумно замѣтилъ: «Le gouvernement de la France est un cone placé sur la pointe».

368. Souvenirs d'histoire contemporaine. Episodes militaires et politiques, par le baron Paul de Bourgoing. Paris. 1864, p. 471.

369. Въ 1830 году посѣтилъ также Петербургъ другой молодой фельдмаршалъ: графъ Паскевичъ Эриванскій. Его служебное положеніе на Кавказѣ осталось за нимъ и послѣ заключенія мира; нѣсколько инымъ являлось положеніе графа Дибича. Съ возвращеніемъ второй арміи изъ Турціи въ предѣлы имперіи она была расформирована; войска, ее составлявшія, вошли въ составъ первой арміи. Тогда наступила для графа Чернышева непріятная минута; представлялось возможнымъ, что графъ Дибичъ снова займетъ мѣсто начальника главнаго штаба. Дѣйствительно, 16-го (28-го) марта 1830 года, императоръ Николай писалъ графу Дибичу, находившемуся тогда еще въ Бургасѣ:

«Je vous fais libre, mon cher ami, de faire tout ce qui vous agrée, venir ici, aller à l'étranger d'ici ou directement, enfin je vous rends maître complet de vos actions. Quand vous serez parfaitement remis, alors je vous attends de nouveau près de moi dans vos anciennes fonctions, mais avec de toutes autres attributions, qui ne vous abîmeront plus de détails, mais vous permettront d'avoir tout le loisir pour soigner la véritable partie d'un chef d'état major de l'empire de Russie! Voilà, mon cher ami, mes projets; le reste dépend de vous et je vous le répète, vous avez champ libre».

Въ письмѣ отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1830 года государь снова коснулся этого вопроса:

«Voici à peu près l'arrangement que je me propose pour le partage des affaires à votre rentrée en fonction. Etant parfaitement satisfait de Чернышевъ pour les deux années d'administration, je pense le confirmer ministre de la guerre en continuant à travailler avec lui journellement en votre présence, comme nous l'avons déjà fait. Vous n'auriez donc que le département d'inspection pour les grandes dispositions et celui du quartier-maître à diriger en personne. De cette façon je pense que tout le temps vous resterait pour être mon chef d'état major en grand, c'est à dire de diriger tout ce qui est mesure d'état, et ce qui a plus particulièrement trait aux mesures. Vous seriez mon aide pour m'éclairer dans toutes les grandes questions, sans vous surcharger de détails minutieux, qui resteraient à Чернышевъ pour sa partie, comme à Tolstoy pour les colonies».

Всѣ высказанныя государемъ предположенія были донельзя милостивы, но довольно неопредѣленны и едва ли удовлетворяли графа Чернышева. Въ этомъ убѣдился фельдмаршалъ тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ. Графъ Дибичъ сказалъ барону Тизенгаузену: «Благодарность и любовь къ монарху налагаютъ на меня святую обязанность принять опять бремя прежней моей службы при его величествѣ, бремя тяжкое при разстроенномъ моемъ здоровьѣ». Затѣмъ фельдмаршалъ признался, что вступленіе въ новую должность, назначенную государемъ, сопряженно съ затрудненіями, такъ какъ оно касается до особы, которую онъ привыкъ уважать и любить, какъ друга. «Я предвижу,—говорилъ онъ,—что даже при соблюденіи крайней скромности и дружелюбномъ уваженіи предмѣстникъ мой (графъ Чернышевъ) будетъ огорченъ, а вслѣдствіе этого прежняя наша пріязненная связь ослабнетъ. Но воля государя требуетъ отъ меня и этой жертвы; единственно воля монарха избрала меня на новую должность, я ея не искалъ и исполняю лишь то, что мнѣ, какъ повелѣніе, всегда было священно».

На другой день графъ Дибичъ узналъ о парижскихъ событіяхъ и предвидя, что государь снова будетъ нуждаться въ немъ, какъ въ полководцѣ, онъ сталъ выжидать ходъ дальнѣйшихъ событій, оставаясь въ сторонѣ отъ дѣлъ. «Я полагаю этимъ самымъ заслужить благоволеніе его величества, сохраняя ему вельможу, который въ занимаемомъ имъ мѣстѣ усердно исполнялъ обязанности свои»,—признался графъ Дибичъ тому же Тизенгаузену.

Когда фельдмаршалъ послѣ возвращенія государя изъ Финляндіи высказалъ ему причину, по которой не вступилъ въ новую должность, Николай Павловичъ одобрилъ предусмотрительность Дибича.

370. За отсутствіемъ графа Нессельроде, уволеннаго для поправленія здоровья къ Карлсбадскимъ водамъ, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ управлялъ посолъ нашъ въ Лондонѣ, князь Ливенъ. На него легло все бремя первыхъ распоряженій государя, вызванныхъ іюльскою революціею.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

30-го іюля (11-го августа) 1830 года, Бургоэнъ получилъ отъ князя Ливена слѣдующую записку:

«Le prince de Lieven s'acquitte des ordres exprès de l'empereur en portant à la connaissance de m. le baron Bourgoing les pièces ci-jointes qu'il vient de recevoir de Berlin. Désirant s'entretenir elle-même avec m. de Bourgoing sur l'objet des nouvelles affligeantes que renferment ces pièces, sa majesté impériale l'invite à se rendre chez elle, à son palais particulier, dit le palais Anitchkoff, aujourd'hui mercredi, à huit heures du soir, en frac».

Приложенныя къ запискѣ бумаги заключали въ себѣ свѣдѣнія о революціи, вспыхнувшей въ Парижѣ.

Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ ошибочно говоритъ, что государь, собираясь въ путь, принималъ Бургоэна въ Елагинскомъ дворцѣ.

371. «Cette pièce était si voisine de celle où l'impératrice était couchée que, quelques ours après, cette princesse me dit qu'elle avait entendu tout notre entretien, et que nous l'avions empêchée de dormir».

Baron de Bourgoing: Episodes militaires et politiques, p. 507.

372. «Мы жили въ то время (то-есть въ началѣ сентября) въ Царскомъ Селѣ,—пишетъ Бенкендорфъ,—государю, недовольному самимъ собою, нужно было развлечься, и мы отправились въ военныя поселенія. Весь гренадерскій корпусъ былъ собранъ лагеремъ у Княжева двора. Государь, расположившись въ палаткѣ напротивъ лагеря, сдѣлалъ большой парадъ, а на другой день ученье и маневры. Потомъ мы поѣхали по полковымъ штабамъ и наконецъ въ Старую Руссу. Французскій повѣренный въ дѣлахъ Бургоэнъ сопровождалъ государя въ этой поѣздкѣ; онъ не могъ довольно надивиться всему, что онъ видѣлъ, въ особенности же общему довольству, замѣченному имъ въ Старой Руссѣ и въ нѣсколькихъ многолюдныхъ селеніяхъ, черезъ которыя мы проѣзжали».

Бургоенъ въ своихъ запискахъ выражаетъ, однако, умѣренный восторгъ: «Je me bornais à être content, sans être surpris ni emerveillé, des beaux maniements d'armes et des magnifiques alignements de ces trente mille grenadiers».

373. «Je doute fort pourtant que, s'il advenait une seconde croisade européenne contre la France comme de 1813, 1814 et 1815, nous y trouvions le même zèle et le même enthousiasme de la bonne cause. Il y a eu depuis bien des promesses non exécutées ou éludées et bien d'intérêts lésés; on s'est servi alors de voies populaires partout pour abattre la tyrannie de Bonaparte, qui pesait sur le continent, et l'on ne prévoyait pas que ces mêmes mesures tôt ou tard pouvaient tourner contre nous-mêmes. Depuis il y a une époque de 16 ans, durant laquelle les événements se sont rapidement succédés et qui n'ont prouvé que trop qu'il ne faut pas démuseler le peuple, comme disait Mirabeau au commencement de la révolution, puisque personne ne saurait le remuseler. Bonaparte l'a prédit haut à Leipzig, en disant que l'alliance employe des moyens populaires contre moi qui tourneront contre elle-méme, et je crois qu'il n'a pas eu tort. J'ai vu afficher en 1813 et publier en Silésie, lors de l'armistice, que si le roi voudrait faire la paix, il faudrait ne pas lui obéir et continuer la guerre, en le déclarant indigne de régner sur ce peuple généreux qui veut reconquérir ses droits. Que d'émancipations n'avons nous pas vu depuis, grand Dieu! Quant à l'esprit public de ce pays, je puis l'attester bon pour le moment dans la majorité, aux incorrigibles près qui ne sont pas en majorité; pourtant il ne faut pas se laisser induire en erreur que, malgré le bien-être du pays, il y a toujours l'ancien pactum conventa qui tient à coeur, c'est à dire que si le souverain enfreint en quoi que ce soit la constitution, l'on est délié envers lui des serments de fidélité et que la confédération est autorisée par le fait même; pourtant malgré cela, je garantis que vous pouvez compter sur l'armée et la majorité de la population . . . . . La bourgeoisie est très bonne et fort devouée; la petite noblesse l'est de même, la grande par intérêt; il n'y a que la race des juges et avocats, des professeurs et étudiants, qui ne me donne pas de sécurité, malgré qu'il y en a de bons sujets parmi eux . . . . . Tout est tranquille chez nous jusqu'à ce moment, et je me flatte de l'espoir que cela restera de

même avec l'aide et la grâce de Dieu; qu'Il me soit en aide! Les polonais vous prouveront leur fidélité, j'ose l'espérer de Sa clémence, et feront tomber le doute à ce sujet».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 13-го (25-го) августа 1830 года.

374. «Il y a quelques heures que mom courrier est revenu, porteur de votre lettre du 13 (25). Recevez en, cher Constantin, toutes mes actions de grâces. Je suis réellement heureux, plus que je ne puis vous le rendre, de ce que nous nous rencontrions si parfaitement dans notre manière de voir; au point que même la divergence au sujet du pavillon tricolore n'existe même plus, l'ayant levé aussitôt que nous avions reçu officiellement la nouvelle que ce n'était plus la couleur de la rébellion, mais que le gouvernement du lieutenant-général du royaume, confirmé par Charles X et par conséquent rendu légal à nos yeux, l'avait solennellement adopté. La légation française d'ici a parfaitement compris la chose, et il n'y a pas un seul français ici, qui ait pensé de prévenir ou devancer l'ordre ou la permission de porter ces nouvelles couleurs. . . . . Le jugement que vous portez quant aux polonais est exactement celui que je croyais en porter, et quant à ma confiance dans cette belle et brave armée, elle est pleine et entière et je n'en ai pas seulement douté un seul instant.

«Tout ce qui a été fait diplomatiquement ici, vous a été envoyé; j'espère que vous trouverez nos déterminations conformes à l'honneur et aux principes que nous avons hérité de feu notre ange. Nous ne nous pressons point d'agir, mais il me paraît, qu'en fait de principes immuables, sacrés, il ne faut jamais laisser subsister de doute; or c'eut été le faire que de ne pas exposer franchement notre manière d'envisager l'usurpation du duc d'Orléans. Au reste les événements marchent avec une telle rapidité qu'à la lettre à peine a-t-on le temps de murement peser une chose, de préparer les dépêches, qu'un nouvel incident survient et change l'apparence des choses. Telle est, selon moi, la circonstance du moment, car le roi légitime à mes yeux, — Henri V, est emmené par son grand père hors de France; ainsi de fait, il émigre et abandonne le pays. Ce pays ne peut rester sans chef et sans tomber, à son défaut, dans l'anarchie la plus affreuse; ainsi, de fait, le plus proche du trône, présent dans le pays, au défaut de ceux qui étaient avant lui, devient de fait roi de France pour nous; ainsi, si mes alliés trouvent à l'unanimité que nous devons en passer par le duc d'Orléans, il me paraît qu'il vaut mieux reconnaître la royauté de ce fait là que de celui du choix du peuple! Effrayant exemple, subversif de tout ordre et qui saperait notre propre existence; je le répète il me répugnerait trop de le reconnaître ainsi. . . . . On m'a annoncé de Paris l'arrivée du général Athalin; j'ai même la copie de la lettre du duc pour m'annoncer sa royauté; elle est aussi raisonnable que possible; l'individu m'est connu de Londres; c'est le confident le plus intime et un homme de bien, il en a fait choix pour se justifier verbalement de ce qui nous paraît avec grande raison inexcusable. Je compte le recevoir en attendant comme envoyé par le chef du gouvernement, jusqu'à ce que l'avi de mes alliés me fut connu sur cet important objet».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 17-го (29-го) августа 1830 года.

375. «Vous sentez et vous appréciez les événements du jour en vrai homme d'honneur, pardonnez moi cette expression toute simple, mais à côté de cela, il ne faut pas oublier que vous êtes souverain et maître d'un empire immense, et que votre premier devoir est de concilier les intérêts de vos sujets et de vos alliés, qui sont placés dans des positions respectives bien différentes. Je place en premier lieu votre respectable et vénérable beau-père qui, certes, serait le premier compromis envers la France, si vous vous en détachiez; sa position géographique lui impose des devoirs peut-être durs, j'en conviens, mais que l'on ne saurait éviter. Il y a de cela 40 ans, et je m'en souviens parfaitement, que la révolution à son début inspirait une horreure à tout être pensant et à toutes les classes de la société, grands et petits, nobles et bourgeois, négociants et indistruels, en un mot tout le monde la voyait en horreur. Depuis ce temps les choses ont bien changé de face et je suis certain que jadis sur 100 et 200 personnes il n'y en

*

avait pas une qui eut seulement osé ouvrir la bouche pour en faire l'apologie et se compromettre par là envers la société entière, lorsque maintenant sur 100 personnes bien pensantes il y en a certainement 25 qui sont pour la révolution. Les unes le sont par esprit du siècle, les autres par intérêt, d'autres par insouciance, d'autres enfin par cosmopolitisme. Les nations ont été dans ces derniers temps trop en contact entre elles pour ne pas se connaître à fond et, certes, le bien être matériel a fait place aux principes professés naguère. Il dépend de vous de commencer la guerre, mais non de la finir. A la première guerre de la révolution tout marchait avec enthousiasme provenant du devoir et de l'horreur que l'on ressentait; tous voulaient conserver leurs positions sociales et l'on était sûr de ses derrières. A la seconde, s'il y a lieu, on marchera par devoir et à contre coeur pour le grand nombre. Les nouvelles idées ont germé trop dans toutes les têtes et se sont trop enracinées dans la généralité de la nouvelle génération pour pouvoir croire au contraire. En outre il y a eu trop d'intérêts lésés, trop de promesses faites et non réalisées pour pouvoir compter sur un concours unanime de la bonne cause . . . . . Au mot de guerre, au mot de la reprise des frontières du Rhin, de la Belgique, les partis cessent en France, la France devient une et se bat pour propager des principes subversifs au dehors et se donne par là de la consistance que lui oppose le courage seul des maîtres; c'est bien peu lorsque les intérêts des individus ne sont pas de la partie, lorsqu'au contraire, laissant la France à elle-même avec tous les germes de discorde qui réyent par tous les intérêts froissés, l'on y amène nécessairement une guerre civile, et ils s'entre-détruiront eux mêmes et du désordre jaillera l'ordre plus tôt que l'on ne s'y attendra et, si même la France a la bêtise de vouloir commencer une guerre au dehors, on a l'argument pour les siens que l'agression est venue de leur part, malgré notre reconnaissance bassée sur la promesse de rester dans leurs frontières. Alors on est quitté envers sa conscience et, je le répète, en finissant ce long article, que telle est mon opinion . . . . . Au nom de Dieu, pas de précipitation, mais du calme et du sang froid».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 21-го сентября (3-го октября) 1830 года.

376. «J'en ai fait choix, parce qu'il voit les choses exactement comme vous et moi et qu'il m'importe que mes paroles et mes pensées soient rendues au roi avec le ton que je mets à cette musique et pour recevoir de bouche la même chose du roi».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 17-го (29-го) августа 1830 года.

377. См. въ приложеніяхъ записку фельдмаршала графа Дибича, составленную имъ послѣ разговора съ императоромъ Николаемъ передъ отъѣздомъ въ Берлинъ въ августѣ 1830 года.

378. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, убѣждая императора Николая не начинать войны безъ вызова со стороны Франціи, сошелся мыслями съ королемъ прусскимъ. Цесаревичъ писалъ: »Feu notre immortel empereur dans son manifeste au sujet de la guerre de 1812 concluait en disant: «на начинающаго Богъ», et les faits l'ont prouvé du reste».

(Изъ письма отъ 21-го сентября (3-го октября) 1830 года).

379. Письмо короля Людовика-Филиппа императору Николаю отъ 7-го (19-го) августа 1830 года.

380. «J'ai reçu des mains du général Athalin la missive dont il était porteur. Des événements à jamais déplorables ont placé votre majesté dans une cruelle alternative. Votre majesté a pris une résolution qui seule lui paraissait propre à epargner à la France de plus grands maux. Je ne dirai rien des motifs qui ont inspiré la conduite de votre majesté en cette occasion, mais j'adresse les voeux les plus ardents à la divine Providence, pour qu'il lui plaise de bénir les desseins de votre majesté, et vos efforts pour le bien-être du peuple français. De concert avec mes alliés je reçois avec satisfaction le désir exprimé par votre majesté d'entretenir des relations de paix et d'amitié avec tous les états européens.

«Aussi longtemps que ces relations seront fondées sur les traités existants, et sur la ferme volonté de maintenir les droits et les obligations solennellement reconnus par ceux-ci, ainsi que les propriétés territoriales, l'Europe y verra une garantie de la paix qui est si nécessaire même pour le repos de la France.

«Appelé conjointement avec mes alliés à continuer avec la France sous son nouveau gouvernement ces relations conservatrices, je m'empresserai de mon côté de mettre nonseulement tous les soins qu'elles exigent, mais je manifesterai encore sans cesse les sentiments de la sincérité desquels je me fais un plaisir d'assurer votre majesté, en échange de ceux qu'elle m'a exprimés».

381. Читая впослѣдствіи записки Бенкендорфа, императоръ Николай написалъ на поляхъ рукописи слѣдующую замѣтку:

«Cette nouvelle me parvint à Moscou, le soir même du jour où je me trouvais mal et le même soir j'expédiais les ordres au ministre de la guerre, au maréchal Sacken et à mon frère Constantin pour mettre l'armée sur le pied de guerre».

Бенкендорфъ ошибочно относитъ сдѣланныя тогда распоряженія къ пребыванію государя въ Твери.

382. См. въ приложеніяхъ письмо императора Николая къ графу Чернышеву отъ 5-го (17-го) октября 1830 года изъ Москвы.

383. «Si les autres cabinets avaient la même énergie que l'empereur imprime au notre, comme les artisans de troubles et de rébellion auraient à trembler; il faudra bien avoir recours aux moyens de repression, mais le germe du mal aura gagné du terrain».

Изъ письма графа Чернышева къ графу Дибичу отъ 7-го (19-го) октября 1830 года.

384. «Et nous aussi, mon cher comte, nous ne sommes pas sur des roses. Le choléra-morbus règne dans un grand nombre de gouvernements qu'il a fallu exempter du recrutement, le commerce intérieur est arrêté par les mesures qu'il a fallu prendre pour empêcher le fléau de s'étendre, et nous ne sommes pas sûrs qu'il ne nous atteigne ici, car on dit qu'il est déjà près de Tikhvin; la récolte a été mauvaise et les impôts rentrent mal. C'est sous de pareils auspices que nous allons faire les préparatifs d'une guerre, dont Dieu seul peut prévoir les conséquences. Il ne faut certainement pas se décourager et tomber plus bas que les événements, mais j'ai pensé qu'il était indispensable de vous tracer le triste tableau de notre situation intérieure, afin que vous puissiez le prendre en considération dans toutes les combinaisons que vous aurez à arrêter avec le cabinet prussien».

Исъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 10-го (22-го) октября 1830 года.

385. Упомянутое здѣсь имя Леопольда (принца Саксенъ-Кобургскаго) служитъ указаніемъ, что записка императора Николая написана имъ въ 1831 году. Избраніе принца бельгійскимъ королемъ состоялось 23-го мая (4-го іюня) 1831 года.

Въ виду того, что записка исключительнымъ образомъ останавливается на оцѣнкѣ событій іюльской революціи 1830 года и совершенно умалчиваетъ о польскомъ мятежѣ, начавшемся въ концѣ того же года, мы признали умѣстнымъ предпослать эту записку изложенію событій, вызванныхъ варшавской революціей.

Императоръ Николай вообще не жаловалъ принца Леопольда. Еще во время кандидатуры принца на греческій престолъ государь въ письмѣ къ графу Дибичу жаловался на «conduite plus qu'équivoque» Леопольда, прибавивъ: «Je n'aime pas les êtres faux, vous le savez».

386. «Sa majesté m'a donné ce matin une audience à Charlottenbourg. J'ai eu l'honneur de lui présenter les mesures énergiques que votre majesté a bien voulu prendre au moment de l'appel du roi des Pays-Bas. Sa majesté m'a dit qu'elle s'était toujours attendu de la part de votre majesté à cet élan généreux d'énergie et de promptitude; elle me chargea de vous en porter sa plus vive reconnaissance, sire, mais d'y ajouter que depuis déjà de nouvelles circonstances avaient amené de nouvelles considérations, que l'envoi du prince d'Orange et les mauvaises suites qu'ils paraissent avoir présageaient que l'affaire Belgique ne pourra plus être décidée que par le commum accord établi par les conférences de Londres ou de la Haye; qu'elle regarde cependant la mobilisation de

l'armée russe et le rapprochement des troupes éloignées pour une mesure des plus salutaires, ne doutant nullement elle-même de la nécessité dans laquelle on se trouvera de finir par les armes. Le roi croit cependant qu'il serait utile sous le rapport politique de ne pas mettre définitivement en était de guerre les troupes polonaises et leurs corps de réserve qui se trouvent sur la même hauteur que le 1-er corps prussien, pour ne pas faire naître des soupçons sur une différence d'intention entre les deux puissances, car les prussiens ne peuvent pas encore rassembler leurs landwehrs, mesure qui pèse extrêmement sur toutes les branches de l'administration et à laquelle le roi ne pourra se résoudre qu'au moment où déjà il ne restera plus une lueur d'espérance pour la paix . . . . . . Sa majesté croyait qu'il serait utile de faire tant des idées politiques sur les différentes questions que l'état actuel et ses suites vraisemblables font naître, que des idées militaires sur les opérations qui pourraient en être une suite, deux résumés raisonnés pour les communiquer à l'Autriche et l'Angleterre par des organes de confiance afin de demander leur adhésion ou les changements qu'elles trouveraient indispensables à y faire, et qu'en suite de cela sa majesté désirait que je reste encore peu de temps ici, tant pour y participer que pour pouvoir les porter ensuite moi-même à votre majesté».

Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 18-го (30-го) октября 1830 года изъ Берлина.

387. «N'ayant reçu aucune direction de votre part, ni des renseignements sur les mesures adoptées par la cour de Prusse, dans la situation actuelle des affaires de la Belgique, voyant d'un autre côté par les nouvelles publiées par l'Observateur autrichien que l'Autriche déclare ne point vouloir se mettre sur le pied d'agression, j'ai lieu de croire que si nous sommes les seuls à adopter des mesures à l'effet d'amener une intervention armée en Belgique, en faisant de grands préparatifs de guerre et en nous exposant à de grands frais, sans que de pareilles dispositions soient unanimement adoptées par d'autres puissances, cette grande précipitation de notre part ne ferait qu'augmenter la fermentation actuellement existante et pourrait compromettre les intérêts de la Prusse.

«Si le roi Charles X régnait encore en France et qu'une insurrection de cette nature eut éclatê dans les états du roi des Pays-Bas, l'intervention armée de la Russie collectivement avec celle des autres puissances eussent été placées dans un autre jour, et tout en se légitimant par le fait même et par la teneur des traités, auraient emposées à ces mêmes puissances une obligation irrévocable dans le retablissement de la tranquillité dans ce pays et la réinstallation du roi, dans toute la plénitude de son pouvoir. Mais l'esprit de trouble et de fermentation qui règne non seulement en France, mais encore dans plusieurs parties de l'Europe, ne pourrait qu'augmenter au bruit de ces préparatifs de guerre, produirait un embrasement général, dans lequel la France elle-même pourrait participer et dont les conséquences seraient difficiles à apprécier pour le moment.

«Comme les ordres suprêmes de sa majesté, communiqués au comte Czernichef, fixent au 10 (22) Décembre prochain le terme pour les troupes d'être prêtes à marcher et comme cette époque est rapprochée, je vous adresse ce feldjaeger, monsieur le comte, en vous priant de m'informer dans le plus bref délai possible et par ce même courrier, si je dois mettre ces mesures à exécution ou non. J'aurai soin de préparer en attendant tous les ordres nécessaires à ce sujet».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ графу Дибичу отъ 14-го (26-го) октября 1830 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 676).

388. Статья «Между двумя войнами. Эпизодъ изъ царствованія императора Николая. 1830 годъ».

(«Русская Старина», 1881 года, т. 31-й).

389. См. въ приложеніяхъ письмо императора Николая къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) ноября 1830 года.

390. См. въ приложеніяхъ письмо графа Чернышева въ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) ноября 1830 года.

391. «Je n'ai pas besoin de vous dire avec quelle impatience j'attends l'ouverture des conférences de Londres et leurs premières délibérations, car c'est là notre ancre de salut».

Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 5-го (17-го) ноября 1830 года.

392. «J'ai passé ma matinée dans un bien triste comité où Cancrin nous a déroulé le tableau de notre pénurie financière. Sans partager en entier son opinion sur nos impossibilités, je dois cependant convenir que la source des emprunts et de quelques autres moyens extraordinaires est complétement tarie. Sans les subsides de l'Angleterre, je ne sais pas trop où nous puiserions les ressources pour faire une guerre dont personne ne saurait prévoir la durée».

Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) ноября 1830 года.

Графъ Дибичъ не одобрялъ политики графа Неесельроде, клонившейся къ отстраненію неумѣстнаго вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Европы, вызваннаго Іюльскою революціею.

18-го (30-го) ноября 1830 года фельдмаршалъ писалъ вице-канцлеру, въ отвѣтъ на письмо его отъ 9-го (21-го) ноября.

«Si nos finances ne nous permettent pas de défendre la paix de l'Europe, alors elles nous permettront encore bien moins de soutenir le combat quand cette même Europe émancipera la Pologne. Telle est au moins ma conviction. Comme je n'ai jamais eu l'honneur de servir dans les armées autrichiennes, je ne puis encore comprendre l'axiome de Montecuculi; je crois au contraire avec notre grand dernier maitre dans l'art de guerre: que la guerre donne l'argent pour la faire, si on la fait de bonne manière: vorwärts ou ура! Alors elle dure moins et coûte moins d'argent et surtout en hommes, ce que je dois pourtant compter en ancien gentilhomme et en bon serviteur, bien au dessus de ce malheureux mobile d'argent, dont un système de juifs et d'athées veut faire la base des institutions futures de l'Europe, — en remplaçant par du métal et des papiers la foi et l'honneur de nos pères et ceux d'entre nous qui s'honorent de leur ressembler.

«Si on me reproche quelquefois de voir trop en rose, vous voyez du moins, cher comte, que mon humeur n'est pas toujours de cette couleur. Elle changera du reste dès que je verrai qu'on se persuadera que les délais gâtent plus les affaires qu'ils ne les font avancer. Ce qui est arrivé heureusement dans notre affaire d'Orient qui n'a pu et dû être débrouillée que par le glaive arrivera encore, et ce n'est que ce même glaive qui coupera le noeud gordien de la Belgique, mais il faudra un coup d'autant plus fort qu'on aura donné plus de temps pour entrelacer les liens, et la perte de tout genre en deviendra plus grande, même en argent et en crédit.

«Ne m'en voulez pas, cher comte, mais je ne sais jamais parler que d'après mon coeur; je ne crois pas l'avoir mauvais; je ne puis donc désirer aucune guerre, que je regarde toujours comme le plus grand fléau, mais je crois que ce fléau s'aggrandit et se prolonge quand dans des cas inévitables on se trompe sur cette inévitabilité».

393. «Toutes mes dispositions guidées par la prudence ont pour objet de ne pas compromettre par trop de précipitation et par des mesures intempestives les intérêts de notre auguste, respectable et vénérable allié le roi de Prusse. Au reste quelque sages que soient tous les ordres qui me viennent de St.-Pétersbourg, ils ne sont pour moi, dans la position où je me trouve, que de l'histoire ancienne, puisque je suis avancé de 15 jours sur les événements. J'attends donc mes lumières de votre part, mon cher maréchal, et j'avoue en mon particulier, que c'est avec le plus grand regret, que je vous verrai quitter Berlin. Je me croirai alors placé entre le marteau et l'enclume, position très précaire et fort difficile. Les motifs qui me déterminent à persévérer de plus en plus dans cette voie se fondent sur les notions politiques qui me parviennent au sujet des opinions et de la conduite de l'Angleterre, dans lesquelles je ne vois qu'une espèce de désunion et un démenti formel à l'accord unanime qui doit présider aux vues des augustes alliés. Quant à la France, elle ne peut sans manquer de logique et sans se contredire elle-même, publier à l'étranger d'autres principes, que ceux qu'elle a professés chez elle, en se déclarant ouvertement contre les révolutions au dehors, tandis qu'elle ne respire elle-même que révolution. Au

reste, d'après mon faible avis, il faut la laisser se déchirer et s'entre-déchirer à elle seule, non par des émeutes ou des insurrections éphémères, mais par une guerre civile bien fomentée; autrement une guerre européenne contre la France ne ferait qu'y réunir tous les partis, dans la vue de maintenir l'intégrité du sol français et de le mettre hors de toute atteinte. Cela ne doit point nous empêcher d'être en mesure d'agir; mais je le dis et le répéterai toujours, que cela soit sans précipitation et en usant de calme et de sang froid.

«C'est là, mon cher maréchal, ma profession de foi, pure et entière; je la soumets en toute confiance à vos lumières. Enfin, si je devais agir contre mon opinion je le ferai avec l'obéissance que vous me connaissez, mais en conservant toujours ma manière de voir».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ графу Дибичу отъ 6-го (18-го) ноября 1830 года изъ Варшавы.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 967).

Мысли, высказанныя въ этомъ письмѣ, цесаревичъ высказывалъ уже ранѣе въ письмѣ къ императору Николаю отъ 21-го сентября (3-го октября) 1830 года, выдержки изъ котораго приведены нами выше.

394. Мѣсяцемъ ранѣе, 12-го (24-го) октября 1830 года, цесаревичъ въ письмѣ къ Ѳ. П. Опочинину выражалъ тѣ же мысли:

«Какой несчастный нынѣшній годъ: возмущенія, повальная болѣзнь и сверхъ того во всемъ полуденномъ краю совершенный неурожай. Chez nous jusqu'à ce moment tout est tranquille et j'espère dans la clémence de Dieu que tout restera de même».

395. Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 22-го ноября (4-го декабря) 1830 года.

(Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 676).

Принцъ Евгеній Виртембергскій смотрѣлъ на событія, разыгравшіяся въ Варшавѣ, съ нѣсколько иной точки зрѣнія. Онъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «Одновременно съ береговъ Невы прогремѣла вѣсть: «я иду съ 200.000 русскихъ», а полякамъ сказано: «вы будете моимъ авангардомъ». Французы же воскликнули: «авангардъ, обратись противъ главныхъ силъ»,—и авангардъ парировалъ. Поляковъ воодушевляла не столько ненависть къ русскимъ, сколько озлобленіе противъ системы русскаго правительства. Напротивъ того, я постоянно видѣлъ въ Варшавѣ, что поляки и русскіе братались и часто бранили сообща правительство».

396. «Je reçus ce soir là (т.-е. 25-го ноября) la nouvelle de la révolution par un rapport de mon frère qui n'était pas le premier, mais me parlait d'un autre qu'il m'avait envoyé, mais que je ne reçus que 14 heures plus tard, de façon que j'ignorais tout ce qui c'était passé et ne sus d'abord que les noms des officiers généraux tués et le nombre et le nom des troupes restées près de mon frère. Ce fut là première nouvelle telle que je la reçus et qui me fit apprendre la révolution polonaise».

Собственноручная замѣтка императора Николая, написанная имъ при чтеніи записокъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа.

397. Дневникъ князя А. С. Меншикова 1830 года.

Замѣтки генералъ-адъютанта Павла Николаевича Игнатьева о царствованіи императора Николая I-го.

398. Изъ письма императора Николая къ цесаревичу отъ 27-го ноября (9-го декабря) 1830 года.

399. «Voici donc un ouvrage de 16 ans détruit totalement par des sous-officiers, de jeunes officiers et des étudiants et compagnie. Je n'en dis pas davantage, puisqu'il est de mon devoir de vous certifier que les propriétaires, les gens de la campagne et tout ce qui est seulement avec quelque avoir en sont en désespoir. Officiers, généraux, ainsi que les soldats n'ont pu d'empêcher de suivre le mouvement, entraînés par la jeunesse et les sous-officiers qui ont égaré tout le monde. Bref les choses sont au pire et je ne sais ce qui en adviendra de la clémence de Dieu. Tous mes moyens de surveillance ont été nuls, malgré que tout se découvrait . . . . . Nous voilà, nous autres russes à la frontière, mais grand Dieu dans quel état, presque nus-pieds, sortis comme pour une alerte et

croyant rentrer en casernes et au lieu de cela ayant fait des marches terribles. Les officiers ont tout perdu et n'ont que ce qu'ils ont sur le corps . . . . . J'ai le coeur navré; à $51^1/_2$ ans et après $35^1/_2$ de service, je ne croyais pas finir ma carrière d'une manière aussi déplorable».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 1-го (13-го) декабря 1830 года изъ Влодавы.

400. «Tous mes voeux sont adressés au bon Dieu, afin que la masse de cette armée à laquelle j'ai consacré 16 années d'existence, fasse un retour sur elle même et rentre dans le chemin de l'honneur et du devoir et reconnaisse son égarement avant que les mesures coercitives fussent employés contre elle. Ceci est trop beau pour le siècle où nous vivons et, malgré mes voeux, j'en doute fort».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 26-го декабря 1830 года (7-го января 1831 года).

401. «Si des deux nations et des deux trônes l'un doit périr, puis-je balancer un instant?—Vous même ne le ferez pas? Ma position est grave, ma responsabilité terrible, mais ma conscience ne me reproche rien vis-à-vis des polonais et je puis assurer qu'elle ne me reprochera rien, je m'acquitterai envers eux jusqu'à la dernière possibilité de tous mes devoirs, je n'ai pas prêté en vain serment, et je ne l'ai pas vidé, que le reproche donc des suites affreuses de cet événement, si elles ne pouvaient être évitées, retombe en entier sur ceux qui en sont coupables! Аминь».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 8-го (20-го) декабря 1830 года.

402. Dês que je fus informé de l'arrivée de Lubecki et Ieserski, je fis donner ordre de ne pas les laisser avancer plus loin que Narwa, et je leur fis adresser un avis par Grabowski que, s'ils arrivaient comme députés d'un gouvernement ou d'un pouvoir que je ne puis reconnaitre, ils ne pouvaient être admis ni devant moi, ni même rester ici: sur quoi Lubecki adressa une réponsse au nom de tous deux, que je fis mettre dans les journaux, qu'il n'eut jamais accepté une commission pareille et qu'il arrivait comme membre de *mon* gouvernement pour rendre compte de ce qui s'était passé; que m-r Ieserski l'accompagnait. C'était ce qu'il me fallait et pour *moi-même*, et pour ici, et pour là bas. Ils arrivèrent donc; je réunis chez moi Michel Wolkonsky, Tolstoy, Nesselrode et Grabowski (*dont je suis on ne peut plus content*) et je fis venir Lubecki seul; il arriva, comme toujours, le nez en l'air, et d'un air très gai commença le recit . . . . . je le traitais très froidement . . . . . après une heure et demie de conversation, je le congédiais. Le même soir, je fis dire à Ieserski, *voyageur*, par Benkendorf que j'aurai plaisir à le voir chez moi. Il me l'amena; dès qu'il entra dans la chambre, il se jeta à deux genoux devant moi, sanglotant comme un enfant; j'eus peine à le calomer, et, après l'avoir embrassé, nous nous assimes tous trois et je lui dis de me raconter tout ce qu'il avait à me dire. Il me répéta à peu-près tout ce que je savais déjà par vous, Haucke et Lubecki. Tout ce qu'il disait était dans le meilleur sens possible. Après qu'il eut fini, je le priais de se mettre un instant à ma place et de me dire *ce que j'avais à faire*?—Il fit une grande exclamation et me dit que c'était Dieu seul qui pouvait m'inspirer. Je lui demandais s'il avait lu la proclamation; il me dit que «oui», et qu'elle était bonne pour les honnêtes gens, mais qu'elle ne pardonnait pas les coupables et que ces diables avaient exprès compromis le plus de monde possible pour être surs de ne pas être abandonnés et livrés. Je lui répondis que je n'en voulais qu'aux assassins, que le reste devait être sûr de son pardon. Je lui citais que ce même 14 Décembre le hasard voulait que le bataillon qui me donnait la garde était ces mêmes marins de la garde qui furent contre moi, il y avait 5 ans, que par conséquent cet exemple prouvait que je trouverai moyen non seulement de pardonner, mais aussi de donner à la troupe l'occasion de se rehabiliter à ses propres yeux. Il trouva cette idée fort bonne, surtout si ce n'était pas *en Asie*; en Asie ou non, je dis, qu'il fallait chercher l'occasion de regagner l'honneur,—et il convint que c'était juste. L'idée lui vint alors que je convoque la Diète; je lui observais que j'eusse pu le faire sans doute, mais qu'eux-mêmes avaient pris l'initia-

tive et qu'il ne me convenait plus de m'en mêler; mais, lui dis-je, je vous offre un autre moyen, tout aussi efficace: vous reviendrez à Varsovie, vous êtes nonce, faites en sorte que l'on confirme le dictateur, faites plus, si vous êtes sûr de la plupart de vos collègues, proposez et même exigez du dictateur qu'il fasse justice des coupables, c'est à dire de ceux qui ont tué leurs chefs et enfreint toute discipline, vous me rendrez le plus grand service possible, car, je vous le répète, je repousse le rôle de boureau, et je ne veux user que de mon droit de gracier. Soyez jaloux de vous laver de la tâche qui souille votre armée, votre nation, et vous vous rehabiliterez aux yeux de votre souverain, de votre patrie et de l'Europe entière?—Eh bien, je le ferai, me dit-il avec chaleur, et on vous pendra, lui répondis-je. C'est égal, je le ferai.

«Nous nous quittâmes ainsi, fort contents l'un de l'autre. Deux jours après, il arrive chez Benkendorf, tout fringant, et il lui dit: j'ai trouvé un moyen infaillible de tout arranger!—Quoi donc?—Que l'empereur dise: «Polonais! je suis mécontent de vous, vous avez forfait à l'honneur, mais je vous offre le moyen de tout réparer: marchez à l'instant sur la Galicie et Posen, je vous les donne!» — Benkendorf fit de grands yeux et lui demanda s'il était fou?—Pourquoi? fut sa réponse. Alors l'autre lui énumera tout ce qu'il y avait d'insensé dans une pensée pareille,—et le charme se dissipa; il convint de tout. En un mot, ils sont tous plus ou moins malades de raison! Je ne sais l'expliquer autrement».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 19-го (31-го) декабря 1830 года.

403. 1-го декабря 1830 года даны были два указа:

1) «Главнокомандующимъ дѣйствующей арміею, собираемою къ западнымъ границамъ имперіи, повелѣваемъ быть генералъ-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому со всѣми правами, властію и преимуществами, присвоенными званію сему учрежденіемъ объ управленіи большою дѣйствующею арміею».

2) «Губерніи: Гродненскую, Виленскую, Минскую, Подольскую и Волынскую, и Бѣлостокскую область повелѣваемъ объявить состоящими въ военномъ положеніи, подчинивъ оныя главнокомандующему дѣйствующею арміею, генералъ-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому.

404. Фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій въ его воспоминаніяхъ, записанныхъ въ 1830 году барономъ Тизенгаузеномъ. «Русская Старина», 1891 года, т. 69.

405. Едва открылась кампанія 1831 года, какъ уже начались сѣтованія графа Дибича по поводу своего потрясеннаго здоровья. 8-го (20-го) февраля, за нѣсколько дней до Гроховскаго сраженія, фельдмаршалъ писалъ императору Николаю изъ Милосны:

«Nous sommes tous harasté de fatiguss, surtout moi qui malheureusement me ressent toujours d'une faiblesse de nerfs qui m'est resté des fièvres orientales et peut-être des émotions morales que la faiblesse humaine n'a pas permis de supporter avec toute la résignation que notre religion divine nous prescrit».

406. «Dites vous bien que j'ai épuisé tous les moyens pour ramener des insensés à la raison; faire plus dépasse ma conception, comme cela serait incompatible avec l'honneur du personnage que je représente et de l'empire indignement insulté: ce n'est donc pas la vengeance qui nous fera combattre mais la nécessité».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 27-го декабря 1880 года (8-го января 1831 года).

407. «Voulant me préparer à tout, j'ai engagé ma femme à faire nos dévotions, ne sachant pas si, à l'époque où nous sommes dans l'habitude de le faire, Dieu nous permet d'être ensemble; du moins nous allons communier et je viens vous demander à tous deux mon pardon et votre bénédiction; puissé-je dans l'acte que je vais consommer trouver cette force et cette présence d'esprit qui de jour en jour me deviennent plus nécessaires, et que je chercherai en vain ailleurs que là d'où émanent la miséricorde et la force».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 19-го (31-го) декабря 1830 года.

408. «Mais je ne saurais le faire sans oser encore recommader à votre clémence une nation égarée et dont tous les membres ne sont pas tous coupables, mais bien ceux qui

les ont induits dans le sentier du crime et de la perversité de tous genres. Grâce pour eux, cher et excellent frère, et indulgence pour tous, — c'est le voeu d'un frère qui a eu le malheur de passer la plus belle epoque de sa vie et par obéissance à former une troupe qui malheureusement a tourné ses armes contre son pays natal. Mon rôle public est fini après tout ce qui vient de m'arriver; tout commandement ne me flatte aucunément. . . . . . Souffrez que je reste avec elle (la garde); leur sort sera le mien. Si toutefois vous jugez, cher et excellent frère, que je dusse la quitter, souffrez que je me retire entièrement et que je devienne absolument nul, ce que je sens de plus en plus que je le suis».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 1-го (13-го) января 1831 года.

409. «Il est difficile de pénétrer dans l'avenir, mais en combinant humainement parlant les diverses chances, il paraît difficile qu'elle put être pire pour nous que celle de 1830, et fasse le ciel que je ne me trompe pas. Je voudrais vous voir tranquillement établi dans votre Belvédère et tout rentré dans l'ordre, mais que de choses à faire avant que de pouvoir en venir là. — Qui des deux doit périr, car il paraît que périr il faut, est-ce la Russie ou la Pologne? Décidez vous même. J'ai épuisé tous les moyens possibles pour prévenir un pareil malheur; les seuls moyens compatibles avec l'honneur et ma conscience, ces moyens sont épuisés, ou du moins rien ne peut me faire croire que l'on en veuille là bas; que me reste-t-il à faire?».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3-го (15-го) января 1831 года.

410. Донося императору Николаю 28-го января (9-го февраля) 1831 года изъ Высоко-Мазовецка о благополучномъ вступленіи арміи въ предѣлы царства Польскаго, графъ Дибичъ украсилъ письмо свое тяжеловѣснымъ разсужденіемъ, могущимъ служить образцомъ стилистики Забалканскаго героя:

«L'absence totale des troupes régulières, même de tout poste d'avertissement dans une espace aussi grande et vis-à-vis nos forces concentrées paraît indiquer une grande nullité dans les mesures défensives du gouvernement qui a osé prendre sur lui la conduite de la rébellion criminelle, soutenue malheureusement par la soi-disante noblesse en presque totalité, ainsi que par le clergé, avec cette chaleur insensée qui a toujours distinguée les sarmates des slaves du nord et qui me paraît une suite de l'éducation faite toujours dans un sens semi republicain aristocratique et des séductions d'un sexe qui s'est distingué dans ce malheureux pays depuis des siècles plus encore par son immoralité et son penchant pour les intrigues, et qui est mené encore par un clergé ignorant et inconséquent et plus immoral encore».

411. Пузыревскій: Польско-русская война, 1831 года. С.-Петербургъ, 1890. Т. 1. Стр. 106. Т. 2. Стр. 108.

412. Записки генералъ-адъютанта Бенкендорфа были послѣ его смерти прочитаны императоромъ Николаемъ; при малѣйшемъ уклоненіи отъ истины или неточности разсказа, государь дѣлалъ на поляхъ поправки; поэтому историкъ не можетъ оставить безъ вниманія обстоятельство, что разсказъ Бенкендорфа о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ не вызвалъ со стороны императора Николая ни малѣйшаго возраженія. Не служитъ ли отсутствіе всякой поправки косвеннымъ доказательствомъ справедливости разсказа Бенкендорфа?

Въ неизданной части записокъ Эразма Ивановича Стогова разсказъ о вмѣшательствѣ Константина Павловича въ исходъ Гроховскаго сраженія переданъ со словъ очевидца, съ нѣкоторымъ фантастическимъ оттѣнкомъ, слѣдующимъ образомъ:

«Полы у палатки были подняты, Дибичъ передъ палаткой сидитъ на барабанѣ, пригнулся къ колѣнямъ и грызетъ ногти правой руки; замѣтно, что онъ слышитъ каждый выстрѣлъ; штабные, адъютанты, ординарцы — всѣ разосланы. Говорили, что сраженіе къ концу, поляки разбиты. При палаткѣ Дибича оставался я одинъ. Вижу: галопомъ ѣдетъ великій князь Константинъ Павловичъ, подъѣхалъ и громко сказалъ: «Фельдмаршалъ, поздравляю васъ съ побѣдой!» — Дибичъ будто не видитъ, не пошевелился и продолжалъ кусать ногти. Я думалъ, не хватилъ ли онъ черезчуръ. Великій

князь громко говоритъ: «Фельдмаршалъ, поляковъ рѣжутъ, какъ барановъ! Фельдмаршалъ, милосердія!» — Дибичъ не шевелился. Великій князь вспылилъ: «Фельдмаршалъ, съ вами говоритъ старшій братъ вашего государя!» — Дибичъ, точно кто ткнулъ шиломъ, быстро вскочилъ, руку къ шляпѣ и проговорилъ: «Что угодно приказать вашему высочеству?» — «Прекратить рѣзню!» — Дибичъ обернулся къ съѣхавшимся штабнымъ и адъютантамъ и повелительно скомандовалъ: «Отбой на всѣхъ пунктахъ».

413. «Toute la ligne s'étant avancée et Grokhowa se trouvant occupée, les polonais ont fui en désordre et ont abandonné le champ de bataille, couvert de morts et parsemé de fusils, de schakos, etc. Le prince Schakhowskoy s'étant rapproché, j'ai formé ses bataillons en colonnes d'attaque; son artillerie démontait pendant ce temps les dernières batteries de campagne polonaises. Infanterie, cavalerie, tout cherchait son salut dans la fuite. Le jour étant cependant tombé je n'ai pu faire attaquer le faubourg lui-même, garni encore de nombreux canons. J'ai fait cesser le feu; les rebelles se sont retirés à Prague où se sont placés sous le canon de cette place; ils n'y pouvaient tenir et comme j'ai eu déjà l'honneur de le dire, ils ont évacué dans la nuit ce faubourg».

Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 14-го (26-го) февраля 1831 года изъ Грохова, которое начинается слѣдующимъ общимъ обзоромъ боя 13-го числа: »La journée d'hier a été sanglante et décisive. Les troupes de votre majesté impériale ont battu les rebelles, les polonais fuyent derrière la Vistule; les approches de Prague avaient été occupées et le faubourg a été évacué durant la nuit, la tête de pont tient seule encore et ne peut contenir que 4 ou 5 bataillons au plus».

414. «Si tout le monde s'eut trouvé à sa place, comme il y avait à prévoir, la journée eut été décisive et la campagne terminée; mais le bon Dieu en a décidé autrement et c'est pour une autre fois que la partie est remise. Si le prince Schakhowskoy serait arrivé à notre aile droite, comme il devait le faire, jamais les polonais n'eussent revu Prague, mais je ne sais il y a eu hésitation. Au reste le proverbe dit que sans des si et des mais, l'on met des villes dans des bouteilles».

Изъ письма цесаревича къ императору Николаю отъ 14-го (26-го) февраля 1831 года.

415. «C'est hier à 3 heures qu'est arrivé Boudberg porteur de votre lettre du 14 (26). Je bénis Dieu pour le succès qu'il a daigné nous accorder; la bravoure de nos excellentes troupes ne saurait me surprendre, je ne m'étonnerais que du contraire. Mais je vous avoue, mon cher ami, que je m'attendais à de plus grands résultats, et surtout plus décisifs, vu l'immense supériorité de nos forces et les autres avantages que la position vous offrait. Il est presque incroyable qu'aprés de telles chances, l'ennemi ait pu sauver toute son artillerie et repasser en entier la Vistule sur un seul pont. L'on pouvait au moins s'attendre à lui voir perdre une grande partie de son artillerie et voir répéter un second Bérézina. Maintenant c'est partie remise. Il faut le dire que le bon Dieu l'a voulu ainsi et s'y résigner, en continuant cette guerre odieuse avec toute la vigueur possible».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 21-го февраля (5-го марта) 1831 года. Въ томъ же письмѣ государь снабдилъ фельдмаршала слѣдующими наставленіями на случай сдачи Варшавы:

«Reste enfin la supposition d'une redditisn; elle ne doit être qu'à discretion. Vous ferez dans ce cas arrêter tous les grands coupables, en faisant amnistie à la мелочь; j'appelle grands coupables les auteurs de l'attaque contre Belvédère et les assassins, les membres du gouvernement illégal et surtout Tchartorisky et Lélével, et autres faquins semblables. Vous établirez dans la ville telle administration que vous trouverez convenable pour le moment. Je vous autorise de transformer le château royal en hopital militaire, en ne respectant que le cabinet de feu l'empereur. Tous les objets, tels que l'uniforme de l'empereur et autres objets qui lui ont appartenus, me seront envoyé sur le champ. Les objets royaux comme trône etc. devront être mis en lieux de sûreté et scellès jusqu'à nouvel ordre. Vous ferez de même mettre les scellés sur la bibliothèque de l'université et celle de la société des belles-lettres. Les canons de Varna devront être enlevés et envoyés à Dunabourg. Du reste la plus exacte discipline, le moins de troupes possible

en ville et l'indispensable en casernes. Le mieux serait de confier la garde de la ville à la garde, qui y possède ses ètablissements et ses habitudes».

Въ письмѣ отъ 4-го (16-го) марта 1831 года государь снова возвращается къ этому предмету и пишетъ:

«Ma lettre précédente vous a délié les bras et mis au fait de mes résolutions irrévocablles: 1) soumission compléte, 2) amnistie pour tous, hors les grands coupables, et rien de plus; il s'entend que je conserverais au pays ses lois d'administration, mais rien d'engagements constitutionels et surtout de conditions de soumission. Plus que l'on tardera à se soumettre et plus que l'on aura versé de sang et moins l'on pourra espérer d'indépendance».

416. «Ainsi 8.000 hommes hors de combat, et excepté une perte pour le moins égale en hommes chez l'ennemi, aucun autre résultat! C'est bien, bien fâcheux. Mais que la volonté de Dieu se fasse!».

Изъ письма императора Николая графу Дибичу отъ 24-го февраля (8-го марта) 1831 г.

417. Въ письмѣ отъ 8-го (20-го) февраля 1831 года императоръ Николай писалъ. между прочимъ графу Дибичу:

«D'après ce que vous me dites, je vous crois maintenant devant Varsovie, mais je me demande ce que vous y ferez? Une fois que l'ennemi a su se refuser à un combat en rase campagne, où le nombre vous assurait un avantage probable et qu'il se sera renfermé dans les retranchements, quel avantage aurez vous? Voudrez vous faise le second volume de l'assaut de Praga? Je n'y vois rien d'avantageux! Ainsi que reste-t-il à faire? Il me parait, comme je vous l'ai toujours dit, qu'en tournant Varsovie et en l'isolant ainsi de tous les moyens physiques et moraux, c'est à dire en la privant par là de ses relations avec l'Europe, vous forcerez probablement l'armée à sortir et venir vous offrir le combat où toute chance de succès est pour vous et cette armée tombée, détruite, Varsovie est à vous et par conséquent la Pologne soumise».

Приведенныя строки изъ письма государя подали поводъ къ ошибочному заключенію, будто бы императоръ Николай, не одобряя повторенія Суворовскаго штурма, вызвалъ бездѣйствіе графа Дибича послѣ Гроховской побѣды. Между тѣмъ письмо государя написано при томъ очевидномъ предположеніи, что поляки въ виду наступавшей русской арміи откажутся отъ намѣренія принять сраженіе въ открытомъ полѣ впереди Праги; сверхъ того, упомянутое здѣсь письмо получено было графомъ Дибичемъ 14-го (26-го) февраля, на другой день послѣ Гроховскаго сраженія, въ то время, когда фельдмаршалъ собирался послать въ Петербургъ донесеніе о происшедшемъ наканунѣ боѣ; слѣдовательно письмо государя, даже ложно понятое, не могло повліять на несвоевременный отбой, данный, по приказанію главнокомандующаго, вечеромъ 13-го (25-го) февраля.

Графъ Дибичъ пишетъ государю 14-го (26-го) февраля: «C'est au moment où je voulais envoyer le colonel Boudberg avec la nouvelle de la sanglante bataille d'hier, qui après des chances quelquefois presque douteuses par le retard du détachement du prince Chakhowskoi à reprendre l'offensive, a eu pour résultat décisif la retraite de l'armée rebelle dans un état bien dérangé au delà de Vistule, que j'ai eu le bonheur de recevoir avec une grande célerité la lettre de votre majesté impériale du 8 Février».

Дѣйствительно письмо императора Николая отъ 8-го (20-го) февраля, снабженное еще припискою отъ 9-го (21-го) февраля, доставлено было графу Дибичу съ необычайною скоростью, пробывъ въ дорогѣ всего шесть дней. Отвѣтъ же главнокомандующаго полученъ былъ государемъ только по прошествіи восьми дней, т.-е. 20-го февраля (4-го марта).

Замѣтимъ здѣсь, что императоръ Николай былъ вообще того мнѣнія, что драма, разыгравшаяся въ Польшѣ, должна быть окончена рѣшительнымъ ударомъ, и писалъ графу Дибичу 17-го февраля (1-го марта) 1831 года, еще до полученія донесенія о Гроховскомъ сраженіи: «Il est temps que ce drame finisse d'une manière éclatante».

418. «Que la volonté de Dieu soit faite! et je m'y resigne; mais il m'est très permis de vous exprimer ma surprise et ma douleur de ce que dans cette malheureuse guerre

vous m'annoncez bien plus d'échecs que de bonnes nouvelles; qu'avec 189.000 hommes dans votre rapport, nous ne faisons rien devant à peu près 80.000, que l'ennemi est partout en nombre pour le moins égal, et nous partout presque toujours en forces inférieures et insuffisantes . . . . . Mon inquiétude ne peut se décrire, parce que je ne vois rien dans toutes vos dispositions, qui puisse faire présager un succès, qui puisse enfin vous assurer l'issue de la campagne, parce que je ne vois enfin rien de fixe dans vos propres idées . . . . . Ne vous étonnez pas alors que je sois navré de la tournure qu'a prise une guerre juste, commencée avec des moyens immenses et tranchons le terme, dont dépend l'existence politique de la Russie, — tout cela repose sur votre tête! Que puis-je moi dans cet éloignement si non me désoler après coup et prècher toujours la même chose. Prouvez-moi que je me trompe et j'en serais heureux; mais je ne rève pas, je parle sur des faits . . . . . Ne vous offensez pas de mon langage, il est celui qui convient à celui qui seul a le droit de vous parler vrai, et qui vous aime sincèrement malgré qu'il n'approuve pas toujours vos déterminations trop peu stables. Que le bon Dieu vous inspire».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 2-го (14-го) апрѣля 1831 года.

419. «Souvorof savait battre les polonais avec peu de monde».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 5-го (17-го) апрѣля 1831 года.

420. «Que Sa sainte volonté soit faite! Je suis prèt et résigné à tout. Je prends de grands moyens, mais ne désespère, ni ne désespérerais de rien. Des russes ne peuvent pas être toujours vaincus par des polonais; les siècles sont là pour le prouver. Dieu nous aidera pour le prouver encore. Courage donc, fermeté; ayez en vous-même et sachez la faire passer dans l'âme de ceux qui pourraient faiblir, съ нами Богъ et tout pourra se remettre».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) апрѣля 1831 года.

Въ такомъ же духѣ государь писалъ 13-го (25-го) апрѣля 1831 года:

«Il ne faut pas ni se laisser abattre par un grand revers, ni surtout laisser voir aux autres ce que l'on éprouve et faire ainsi tomber l'esprit de l'armée. Dites positivement à tous, officiers et soldats, que j'attends la nouvelle d'une victoire, que des russes doivent toujours finir par battre les polonais, et que je croirais jamais le contraire Il faut les conduire et vous le saurez faire, je n'en doute pas avec l'espoir que nous mettons en Dieu, tous tant que nous sommes . . . . . constance et persévérance et tout ira bien et à bonne fin».

421. «En vérité je ne sais plus ce que vous faites ni ce qui se passe en vous et je défie qui que ce soit de le comprendre . . . . . Tout cela est réellement inexplicable et fort triste et pour ici et pour l'armée, que vos continuelles irrésolutions, marches et contre-marches ne font que épuiser et abattre; elle doit perdre toute confiance en son chef, quand elle ne voit d'autre résultat de ses efforts inutiles que la misère et la mort! . . . . . Au nom de Dieu, ne perdez pas de temps, soyez ferme dans vos résolutions, ne tergiversez pas continuellement, et tachez par une action brillante et hardie à prouver à l'Europe que l'armée russe est toujours celle qui a été deux fois à Paris. L'effet détestable de cette malheureuse campagne sur nos ennemis et même sur nos amis est pire que l'on ne peut se l'imaginer. Tout peut-être réparé, si à la fin des fins vous redevenez ce que vous avez été. Constance, force et fermeté inébranlable et plus d'activité et d'ordre nous raméneront avec l'aide de Dieu à des journées de gloire. La nation russe ne peut comprendre et moi avec, que ses armées ne soient pas menées à la victoire, quand il s'agit de mener des russes combattre des polonais. Il faut le lui prouver de rechef, et avec l'aide de Dieu, nous y arriverons».

422. «Je ne comprends rien à tout ce qui se passe, ni à vos intentions, et j'attends avec soumission aux volontés de Dieu ce qu'il voudra dans sa miséricorde faire dériver e tout cela. C'est la première fois qu'une armée russe forte d'aprè s votre propre rapport

de 180.000 combattants, se trouve sur la défensive devant 40.000 à 50.000 revoltés. Souvorof avec la moitié des forces de l'ennemi savait le battre, parce qu'il savait persuader aux soldats russes qu'ils devaient battre toujours deux ennemis; je crains que bientôt l'armée n'en perde la tradition et ne croie le contraire».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 27-го апрѣля (9-го мая) 1831 года.

423. Въ письмѣ къ императору Николаю отъ 2-го (14-го) апрѣля графъ Дибичъ пишетъ:

«En général il est certain qu'il faut les plus grands moyens pour dompter cette révolution et qu'il faudra employer contre l'incendie dans nos provinces même toutes les forces militaires et même nationales de la Russie. Je répéte que c'est la plus cruel malheur pour moi d'avoir si mal rèpondu par les opérations de l'armée aux justes espérances de votre majesté impériale. Je prie Dieu de vouloir me donner les forces pour ne pas succomber à l'abattement du chagrin profond qui me dévore et de m'inspirer le moyens pour rètablir autant que possible les malheurs essuyés».

Всего болѣе долженъ былъ безпокоить императора Николая полнѣйшій упадокъ духа, замѣченный имъ въ фельдмаршалѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо графа Дибича отъ 12-го (24-го) апрѣля 1831 года:

«Que je serais heureux de pouvoir réparer le passé au moins en partie, mais je serais pas digne de vous servir, sire, si je ne vous avouerai pas avec franchise, que je sens avoir baissé sensiblement dans mes facultés morales et physiques, et que malgré toute la peine que je me donne pour reprendre mes anciens sentiments de confiance dans le succès, les revers continuels et surtout la non réussite de toutes les opérations que j'ai cru pouvoir mener à un but heureux avec les forces principales, m'ont inspiré une espèce de timidité morale qui m'a été inconnue autrefois dans les plus grands revers et qui d'après moi est un des plus grands défauts d'un commandant en chef. Je ferais tout mon possible pour vaincre ce malheureux sentiment; les conseils du brave Toll m'aideront en cela, mais je répète que je craindrais de manquer à mon devoir si je n'exprimais pas devant votre majesté mes appréhensions, d'autant plus qu'une faiblesse toujours augmentante de nerfs, irrités par des effets moraux pourra augmenter le mal. Votre majesté connait mon dévouement entier à remplir exactement ses volontés, j'espère qu'elle est aussi persuadé que je sacrifie avec plaisir toute personnalité et tout amour propre, si elle trouverait un chef plus digne que moi pour commander ses armées, et qu'elle l'est aussi de mes sentiments que je suis dans tous les temps, et partout à ses ordres, sans bornes et sans limites».

Спрашивается, что же можно было ожидать отъ полководца, утратившаго всякую вѣру въ свои собственныя предначертанія, который самъ произнесъ надъ собою приговоръ, выраженный въ приведенныхъ выше строкахъ, и, будучи удрученъ постоянными неудачами, называлъ себя: «le plus malheureux des hommes»?

Графъ Толь находился не въ лучшемъ положеніи; о немъ фельдмаршалъ писалъ 4-го (16-го) мая 1831 года:

«Il y a dans plusieurs chefs et surtout dans ceux que l'âge et les fatigues de tant de guerres ont vieilli, une certaine fatigue, suite d'une rude campagne d'hiver et dont le succès n'a pas répondu aux espérances qu'on s'était formé. Je ne m'exclus pas de ce nombre, sire, malgré toutes les peines que je me donne, et mon moral est encore plus abattu que mon physique. Le mécontentement de notre majesté impériale exprimé d'une manière aussi douloureuse pour moi, m'abat encore tout les jours davantage. Je prie Dieu qu'Il veuille bien me donner des nouvelles forces et je cherche à employer celles qui me restent aussi bien que je l'entends, mais je sens bien qu'elles ne répondent pas à mes voeux et je serai coupable si je ne répétai pas cette malheureuse conviction à votre majesté. En vertu d'elle je n'aurais pas hésité un moment de supplier votre majesté de permettre que je remette les hauts intérêts qu'elle a daigné me confier au comte Toll, mais malheureusement il sent aussi ses forces décliner et m'a formellement déclaré qu'il ne pourrait jamais accepter le commandement de l'armée; si

donc votre majesté n'a pas d'autre en vue, je ne puis qu'à me fier à la grâce de Dieu qu'Il m'inspirera mieux dans le sens de vos augustes intentions et dans vos intérêts, sire, et qu'Il voudra dans Sa misèricorde suprême augmenter mes forces et me laisser surpasser avec résignation les cruelles épreuves, pour pouvoir recouvrir votre confiance».

Упадокъ силъ, замѣченный главнокомандующимъ въ графѣ Толѣ, побудилъ 11-го (23-го) мая 1831 года фельдмаршала написать о немъ государю еще слѣдующія строки:

«Malheureusement ma triste situation est encore bien empirée par le changement visible qui s'est opéré dans l'état physique de mes premiers et fidèles aides Toll et Neidhart. Les fatigues énormes de la campagne d'hiver et l'âge, qui ne permet pas de supporter pareille chose, les a rendu méconnaissables et tous les deux viennent encore me répéter aujourd'hui leur ferme persuasion qu'il leur est impossible de remplir leurs fonctions avec cette activité que les circonstances actuelles demandent si sérieusement et qu'ils ont au moins besoin d'un repos, après lequel le premier se fera un devoir de revenir à l'armée comme chef de corps et le second sera disponible pour le poste que votre majesté impériale lui destinera.

«Je ne puis pas leur refuser de présenter cette persuasion à votre majesté; je vous ai fait mes aveux sur le même article depuis assez longtemps, sire, mais si votre majesté impériale malgré cela et la fatalité dont le Providence divine paraît vouloir punir toutes mes entreprises, veut cependant me conserver dans mon poste, j'espérerai comme toujours dans l'aide de Dieu de trouver des forces, et dans ce cas je ne pourrai demander que Gortchakoff et Berg à la place de Toll et Neidhart. Ayant exposé cette conviction à votre majesté en serviteur malheureux mais fidèle, il me reste à répéter avec la même franchise, que j'ai la parsuasion qui peut être fausse comme tant de mes suppositions l'ont été, mais que je crois jusqu'à présent vraie, que même le passage de la Vistule ne donnera pas une souveraine décision aux affaires, tant que les insurgés ne sont pas comprimés dans nos provinces».

На это заявленіе императоръ Николай отвѣчалъ 23-го мая (5-го іюня) 1831 года:

«Je ne vous réponds rien au sujet de ce que vous m'avez écrit au nom de Toll et Neidhart, quoique j'aie peine à croire qu'ils vous aient chargé de me demander à s'en aller dans le moment le plus décisif de la guerre. Si à leur honte c'est le cas, alors je dis hardiment qu'ils ne sont plus dignes de porter l'uniforme russe; l'on meurt à son poste, mais on ne le quitte pas, et c'est vous qui auriez dû le leur dire».

Вообще въ то время государь былъ недоволенъ штабомъ графа Дибича и писалъ главнокомандующему 2-го (14-го) мая:

«En attendant il m'est revenu que Toll s'est permis de donner un soufflet à un officier polonais prisonnier; je vous laisse à penser l'effet qu'une pareille cochonnerie a produit sur moi. Je vous prie de lui dire que je suis étonné de ce qu'un aide de camp général à moi aie osé se souiller au point de faire chose pareille».

Еще ранѣе, 22-го апрѣля (4-го мая), государь писалъ: «Je dois à cette occasion vous dire que toutes les notions qui nous arrivent de l'armée s'accordent à dire que l'on se plaint généralement de la grossiéreté de Toll qui l'est surtout envers les généraux».

Графъ Дибичъ на послѣднее обвиненіе отвѣчалъ 30-го апрѣля (12-го мая):

«J'ai parlé à Toll de ce que votre majesté impériale m'écrit sur son compte; il a été extrêmement sensible et peiné d'un pareil reproche qu'on lui fait, ne se rappelant positivement pas d'avoir dit des grossiéretés à aucun général, tout en ayant souvent fortement exigé l'exécution des ordres donnés. Il supplie de lui citer un fait pour pouvoir s'en rappeler et être plus sur ses gardes, ou se laver du reproche s'il serait injuste».

Относительно пощечины, данной графомъ Толемъ, въ перепискѣ графа Дибича не встрѣчается никакихъ разъясненій.

Но если графъ Дибичъ до извѣстной степени отстаивалъ въ глазахъ государя своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, графа Толя и Нейдгарта, то онъ, съ другой стороны, съ полною безпощадностью обвинялъ большинство генераловъ своей арміи въ

неспособности и отсутствіи соображеній. Такъ, напримѣръ, главнокомандующій неодобрительно отзывался о генералъ-адъютантѣ баронѣ Розенѣ, равно какъ о графѣ Паленѣ 2-мъ; князя Щербатова признавалъ: «une nullité des plus tristes pour toute disposition militaire»; одинъ графъ Паленъ 1-й удостоился особенной похвалы, но и тому фельдмаршалъ желалъ побольше здоровья. Вообще же графъ Дибичъ въ письмѣ отъ 27-го апрѣля (9-го мая) произнесъ надъ своими сотрудниками слѣдующій безпощадный приговоръ:

«Dans plusieurs de mes rapports précédents j'ai eu occasion de soumettre à votre majesté toute la gêne que m'impose constamment le manque d'aides capables de bien diriger une opération ou un commandement isolé. Parmi mes généraux, sans en excepter même les chefs de corps, la grande majorité remplie de bravoure personnelle et même de très bonne volonté, se trouve dénuée soit de moyens, soit de l'habitude de toute disposition et surtout de toute combinaison militaires. Une fois soumis à une direction supérieure ils pensent que leur devoir se borne uniquement à obéir et exécuter, pour tout objet soit grave, soit peu important, ils attendent des ordres, sans même les demander, et toute mesure, tout détail que les instances du chef n'auraient point prévus restent négligés. C'est ainsi que parvenus eux-même à un commandement isolé, ils se trouvent manquer de l'aplomb et de l'expérience nécessaires pour le mener habilement, surtout au milieu de circonstances un peu graves ou compliquées. Une semblable gêne m'est principalement pénible au milieu de la guerre actuelle, lorsque le système dont l'ennemi a fait choix, son extrême activité, la hardiesse de ses partis et tous ses efforts pour attiser une guerre nationale m'obligent impérieusement à détacher des troupes, tantôt pour maintenir nos communications, tantôt pour défendre quelque point menacé sur l'immense étendue que nous avons à couvrir, ou bien pour escorter nos convois et préserver nos depôts et nos hôpitaux, ou enfin pour étouffer quelques germes de rébellion naissante. Dans toutes ces opérations secondaires j'ai pu jusqu'à présent soit trouver quelques officiers actifs parmi les plus jeunes des généraux, soit remédier à l'inhabilité du chef par un surcroit de forces à sa troupe. Tel ne pourrait plus être le cas dans une combinaison stratégique; là je me trouve limité pour le choix d'un chef détaché aux seuls commandants des corps, et la force numérique elle-mêmê ne sait remédier à l'impéritie du commandant ou au manque de vigilance».

Много лѣтъ спустя, императору Николаю пришлось вторично услышать нѣчто подобное въ 1854 году, но при несравненно болѣе тягостныхъ политическихъ и военныхъ обстоятельствахъ, когда князь Меншиковъ началъ жаловаться на своихъ крымскихъ сотрудниковъ.

424. См. въ приложеніяхъ: «Ecrit autographe de l'empereur Nicolas sur la question polonaise».

(Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

425. Припомнимъ здѣсь, что въ манифестѣ императора Николая отъ 25-го января 1831 года сказано: «возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей нашей имперіи и положить навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи».

426. Князь Щербатовъ: Князь Паскевичъ. Т. 4-й. Стр. 175—179.

427. 23-го апрѣля (5-го мая) 1831 года графъ Паскевичъ писалъ графу Чернышеву:

«Отношеніе вашего сіятельства отъ 5-го апрѣля № 180 я имѣлъ честь получить 20-го числа сего мѣсяца. Для исполненія высочайшей государя императора воли во всей точности, я въ то же время приступилъ къ необходимымъ распоряженіямъ, а по окончаніи оныхъ, поставлю себѣ въ непремѣнную обязанность выѣхать изъ Тифлиса сего мѣсяца 26-го числа, хотя и теперь страдаю лихорадочными припадками. Прося покорнѣйше васъ, милостивый государь, доложить о семъ его императорскому величеству, съ истиннымъ почтеніемъ» и пр.

(Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

Еще до вызова графа Паскевича въ Петербургъ болѣзненное состояніе фельдмаршала Паскевича возбудило нѣкоторыя опасенія со стороны государя, о чемъ свидѣтельствуетъ помѣщенная въ приложеніяхъ переписка по этому предмету.

428. См. въ приложеніяхъ планъ войны, указанный императоромъ Николаемъ въ собственноручной запискѣ отъ 7-го (19-го) апрѣля 1831 года.

Въ письмѣ отъ того же числа императоръ Николай писалъ:

«Je vous propose donc dans la note ci-jointe mon plan de campagne que j'abandonne tout à fait à votre jugement, quoique convaincu de l'immense avantage qu'il vous présente. Je désire que vous le raisoniez avec Toll et Neidhart, décidez ensuite, et au cas qu'il vous convienne, tout en me répondant, procédez de suite à son exécution; dans le cas contraire suivez votre plan, arrêté avec Toll dans la note que vous m'avez envoyé».

429. «La réponse à mon projet me prouve que vous êtes charmé de vous décharger de la responsabilité de tout ce qui se fait sur moi, en pouvant dire pour le futur, que c'est moi qui vous ait empêché de suivre vos projets, et je prévois déjà que c'est peut-être cela qui vous a fait renoncer à l'attaque que vous aviez commencé. Je ne caractériserai pas ce qu'une pareille manière de faire aurait de blàmable, d'autant plus, que tout en étant convaincu, que ce que je proposais était le seul parti à prendre, je vous ai expressément ordonné de ne suivre que votre propre conviction. Il n'y avait qu'une prompte et immédiate exécution qui pouvait rendre cette opération aisée et décisive; mais si ce n'est qu'en quatre semaines que vous comptez vous mettre en mouvement, et que le tout soit conduit avec la même faiblesse, la même irrésolution et le même désordre, je ne prévois que le malheur et désastre, au lieu d'un succès presque certain».

Когда графъ Дибичъ усмотрѣлъ изъ этихъ строкъ гнѣвъ государя, онъ отвѣчалъ 30-го апрѣля (12-го мая):

«Je suis bien malheureux du mècontentement de votre majesté impériale avec les opérations, mais je m'y soumets aves résignation,—je ne me sens pas au contraire coupable du reproche accablant d'avoir cédé au plan d'agir par la droite et basse—Vistule par un calcul qui serait, j'ose le dire, infàme de ma part. Si votre majesté peut me croire coupable d'une telle conduite, je ne puis trouver de consolation que dans la conviction que l'Être suprême qui lit dans tous les coeurs me donne la force de supporter comme homme ce malheur si inattendu pour quelqu'un qui trouvait une consolation réelle, dans les malheurs de la carrière politique, dans des intentions toujours fidèles et à toute épreuve; mais ces mêmes sentiments qui ne me quitteront jamais, sire, me font un devoir, sire, de vous avouer franchement que je ne conçois pas comment avec une pareille supposition de l'intention infàme (je dois répéter le seul mot applicable à une telle conduite) de vouloir rejeter mes torts sur mon souverain, ne fussiez vous pas même mon bienfaiteur, ne m'eussiez vous pas même comblé de cette confiance qui est bien au dessus de toutes les grâces,—vous pourriez garder la moindre confiance pour les temps futurs, confiance sans laquelle tout sera glacè».

Императоръ Николай остался при своемъ мнѣніи и писалъ 6-го (18-го) мая:

«Vous vous ètes offensé de ce que j'ai dû vous écrire, en recevant la singulière note qui a motivé ma réponse. Je suis persuadé que vous n'avez pas voulu donner un sens pareil à ce que vous écriviez, le fait est cependant que vous l'avez écrit, et que l'effet que cela a produit sur moi d'abord, a été partagé par tous ceux qui l'ont lu comme moi».

Когда въ письмѣ отъ 4-го (16-го) мая графъ Дибичъ выражалъ свое глубокое горе по поводу того, что совершенно лишился довѣрія государя,—императоръ Николай отвѣчалъ фельдмаршалу 10-го (22-го) мая:

«Vous me dites que vous voyez avoir perdu ma confiance; si c'était entièrement le cas, vous me connaissez assez pour savoir que je ne vous aurai pas conservé le commandement de l'armée; ce n'est pas dans mon caractère. Mais rappelez vous de ce qui s'est passé avant votre départ d'ici, de ce que je n'ai cessé de vous répéter depuis, de ce que vous avez persisté de faire depuis, et des résultats que tout cela a eu et jugez

vous-même si ma confiance a été complétement justifée . . . . Ici tout va bien, le commerce est pareil à celui de l'année 1817, c'est à dire immense; l'année dernière il n'y avait que 15 vaisseaux d'arrivés à cette époque; il y en a plus de 400 déjà à Cronstadt, et plus de 800 à Riga; des victoires à coté de cela et une prompte fin et tout serait bien,—mais!»

Изъ этихъ строкъ письма императора Николая видно, насколько ошибочна была сложившаяся легенда о томъ, что графъ А. Ѳ. Орловъ, отправляясь въ дѣйствующую армію, былъ вѣстникомъ увольненія графа Дибича отъ должности главнокомандующаго.

430. «Tout ce mouvement de sa part serait une vraie folie, s'il n'avait pas été habitué par vous de pouvoir tout entreprendre impunément et en face de vous, sans que même vous le sachiez. J'espère dans la misericorde Divine qu'il vous donnera dans ce moment décisif assez d'énergie pour ne pas laisser échapper cette occasion précieuse de punir l'ennemi de son audace et de le battre dans la position la plus avantageuse possible pour vous et la plus fatale pour lui, si vous savez en profiter. Aussi mon angoisse n'est pas à décrire; il est temps que nous sachions enfin que l'armée russe existe, car en vérité on pourrait en douter d'après tout ce qui arrive . . . . L'ennemi vous dérobe le mouvement de toutes ses forces, vous brûle votre pont de communication et vous n'en savez rien; enfin depuis trois jours la garde se bat et se tire par son audace et la sagesse de Michel de la position la plus difficile, et c'est à peine alors que vous daignez vous convaincre qu'elle mérite la peine que vous marchiez à son secours! — Je défie qui que ce soit de vous comprendre.—Enfin voici la dernière occasion pour vous justifier aux yeux de tout militaire; espérons en Dieu que vous ne la laisserez pas échapper; cela serait trop fort . . . . Il y a mesure à toute patience et je crois en avoir eu assez . . . . Enfin je veux encore espérer de la bonté Divine, que vous redeviendrez ce que vous devez être, et personne n'en sera plus heureux et sous tous les rapports que moi».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 14-го (26-ло) мая 1831 года.

431. 23-го мая (5-го іюня) 1831 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу:

«J'ai reçu hier soir votre lettre du 15 (27) d'Ostrolenka; la bravoure de nos grenadiers, ainsi que des autres troupes qui ont pris part au combat sanglant du 14 (26), est admirable comme toujours. Il est d'autant plus triste de voir que ces braves ont été sacrifiè comme le 13 (25) sous Praga, dans une affaire sans résultat, comme sans vrai but dans cette occasion, tandis qu'une autre direction prise depuis Nur, amenait imanquablement la destruction de l'amée polonaise . . . . L'on peut encore moins comprendre pourquoi vous n'avez pas profité du succès du 14, pour poursuivre l'ennemi, et ayez attendu 24 heures pour le faire suivre par un détachement. Tout cela est inexplicable et fait craindre de nouvelles pertes sans plus de résultats».

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 27-го мая (7-го іюня) 1831 года государь снова возвращается къ оцѣнкѣ Остроленскаго сраженія и пишетъ:

«Les détails sur la bataille sont d'un grand intérêt et relévent encore plus l'éclat de la bravoure admirable de nos excellentes troupes; d'autant plus je regrette que ce succès nous ait coûté si cher. Je crois toujours aussi que si vous aviez poussé de suite fortement ce qui ne s'était pas battu aux trousses de l'ennemi, le succès eut été bien plus grand encore . . . . Activité, prudence et vigueur et que le Ciel vous soit en aide, un grand pas est fait, sachez en profiter et prouvez que vous êtes encore le старый Забалканскій».

432. «Hier soir est arrivée votre lettre du 25; elle n'a fait qu'augmenter mon étonnement et mon affliction par les lenteurs inexplicables que vous mettez à vos opérations. C'est elles qui vous ont privé de tous les avantages que la glorieuse journée d'Ostrolenka vous offrait pour abîmer encore plus un ennemi battu. Toutes les lettres de Varsovie prouvent unanimement leur surprise et leur joie de ce que vous ne les avez pas poursuivi. Maintenant ils auront tout le temps pour se refaire de leurs pertes, fortifier ce qui leur convient, en un mot effacer toutes les traces de leur défaite, pour nous faire acheter par de nouveaux et cruels sacrifices les avantages que nous avons déjà si chère-

ment payés, et que nous abandonnons gratuitement .... Adieu, mon cher ami, faites enfin de façon que je puisse vous comprendre».

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) іюня 1831 года.

433. См. въ приложеніяхъ всеподданнѣйшее донесеніе и письмо графа Толя отъ 29-го мая 1831 года.

Сообщая 4-го (16-го) іюня 1831 года цесаревичу Константину Павловичу извѣстіе о кончинѣ графа Дибича, императоръ Николай писалъ:

«Vous vous êtes dit d'avance avec quel pénible sentiment j'ai appris hier soir la triste nouvelle de la mort de notre digne maréchal; j'y perds un ami, et vous, cher Constantin, un être qui vous était sincèrement dévoué et vous conservait un profond sentiment de reconnaissance».

Цесаревичъ по поводу того же событія писалъ государю 2-го (14-го) іюня:

«Malgré les défauts du maréchal et ses fautes stratégiques, dont certes je ne suis pas juge, je ne saurais m'empêcher de le plaindre ainsi que sa perte, l'ayant sincérement aimé. Sa mort est trop prompte au dire du courrier pour qu'elle soit toute naturelle; est-ce choléra, est-ce autre chose?»

Въ письмѣ отъ 7-го (19-го) іюня цесаревичъ снова возвращается къ смерти графа Дибича, высказывая о немъ слѣдующее сужденіе:

«Je regrette infiniment le maréchal, qui certainement était un homme de bien et de rare probité et ayant des principes moraux et de soumission qui ne sont plus de ce siècle. Pour les défauts, et qui n'en a pas?—et il serait fort injuste et de peu d'équité de vouloir prétendre qu'il n'en ait pas, lorsque chacun en a plus ou moins».

Ѳ. П. Опочинину цесаревичъ писалъ изъ Витебска 3-го (15-го) іюня 1831 года: «полагаютъ, что Дибичъ умеръ: 1) или отъ холеры, 2) или отъ отравленія въ ядѣ, 3) или отъ отравленія своевольнаго, и 4) или отъ удара. Вотъ слухи. Странно и странно, въ два часа будучи здоровымъ и гуляющимъ по саду въ 11 часовъ вечера, умереть въ часъ пополуночи».—Разсуждая о скоротечности человѣческой жизни, цесаревичъ не предчувствовалъ, что уже онъ самъ стоитъ на краю могилы; ему лично предстояло въ скоромъ времени испытать, что можетъ сотворить холера въ нѣсколько часовъ времени.

Подробности кончины фельдьмаршала, дошедшія до цесаревича, оказались невѣрными: Дибичъ заболѣлъ ночью на 29-е мая и скончался утромъ въ $11^1/_4$ часовъ.

434. Князь Щербатовъ: Князь Паскевичъ, т. 4-й, стр. 19.

435. См. въ приложеніяхъ: «Предположеніе графа Паскевича о дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ, составленное въ маѣ 1831 года» (Архивъ канцеляріи военнаго министерства). Эта записка была составлена въ Петербургѣ еще при жизни графа Дибича, и въ сущности, не заключая въ себѣ ничего новаго, имѣетъ только предметомъ развитіе нѣкоторыхъ частей плана императора Николая отъ 7-го (19-го) апрѣля 1831 года.

Въ запискахъ П. К. Менькова (томъ 2-й, стр. 183) воспроизведенъ со словъ Паскевича фантастическій разсказъ фельдмаршала о томъ, какъ «отецъ-командиръ» на вопросъ государя, какому плану онъ намѣренъ слѣдовать, внезапно вдохновившись, указалъ на Осьскъ, какъ на мѣсто будущей переправы черезъ Вислу, и получилъ благословеніе государя на совершеніе этого подвига. Однимъ словомъ изъ этого разсказа оказывается, что переправа на нижней Вислѣ была придумана Паскевичемъ, какъ нѣчто новое, не приходившее никому въ голову, равно какъ и продовольствованіе арміи изъ Пруссіи; въ дѣйствительности же подобный планъ дѣйствій былъ уже давно предначертанъ государемъ, и подготовительныя къ тому работы приведены въ исполненіе графомъ Дибичемъ.

436. Briefe des Feldmarschalls Grafen Gneisenau an seinen Schwiegersohn Wilhelm Scharnhorst.—Historische Zeitschrift. 1896.

Большинство напечатанныхъ въ этомъ историческомъ журналѣ писемъ графа Гнейзенау относятся къ 1831 году.

437. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ по этому поводу императору Николаю:

«Le maréchal, n'ayant rien en vue pour le moment, a bien voulu me permettre de prolonger mon sejour ici (т.-е. въ Бѣлостокѣ) jusqu'á ce qu'il entreprenne quoique ce soit».

438. Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Өедору Петровичу Опочинину отъ 13-го (25-го) марта 1831 года изъ Бѣлостока.

439. «Vous avez bien voulu me dire souvent que vous me serviriez avec zèle et dévouement; eh bien, permettez que ce soit au nom de cette promesse de votre part et à titre de service que vous me rendrez que je vous la demande, que je l'exige. Toute cette guerre change de caractère; elle devient de jour en jour plus grave, plus acharné par l'impulsion que les meneurs savent lui donner en profitant de notre longue inaction; déjà un des prêtextes dont ils se servent entre autre pour animer la troupe contre nous est celui de votre présence passée à l'armée comme une preuve de vengeance directe. Eloignons même cette apparence de raison. Je vous l'ai dit et vous le répéte: personne n'est en droit de vous faire le reproche de ne pas avoir partagé les périls de vos braves; le moment pour le faire est passé; d'autres motifs plus impérieux doivent s'opposer à votre retour là bas. Vous refusez aussi le commandement de la garde, quoique je vous avais proposé de le reprendre, ce qui eut été parfaitement naturel et en règle et plus tard réunissait le tout sous vos ordres. Vous ne voulez pas, vous devez avoir probablement vos raisons pour le refuser, cependant je le répète, c'est là ce que je désire. L'état souffrant de mon excellente socur, dont Michel me donne les détails, est aussi un puissant motif pour vous fixer près d'elle dans ce moment. En un mot, cher Constantin, je dois insister à ce que vous renonciez pour le moment à cette intention, à laquelle il m'est impossible de consentir».

Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 16-го (28-го) марта 1831 года.

440. Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 30-го марта (11-го апрѣля) 1831 года.

441. Изъ писсма цесаревича Константина Павловича къ Ө. П. Опочинину отъ 1-го (13-го) мая 1831 года изъ Бѣлостока.

442. Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ө. П. Опочинину отъ 5-го (17-го) мая 1831 года.

Въ припискѣ къ этому письму цесаревичъ написалъ:

«Pro memorio:

«1° сего дня 52 года, какъ я крещенъ.

«2° сего дня 36 лѣтъ, какъ я поступилъ на службу.

«3° сего дня 2 года, какъ былъ торжественный въѣздъ государя въ Варшаву для коронацiи».

443. «J'ose vous supplier instamment d'entrer dans ma pénible situation du moment et du faux rôle que je suis forcé de jouer; errant comme je le suis, séparé des tristes restes des miens, avec lesquels j'aurais dû ne me séparer qu'avec l'existence et par gratitude de la fidélité qu'ils m'ont prouvée et témoignée depuis tous mes malheurs, quelle mine et quelle figure voulez vous, cher et excellent frère, que j'apporte auprès de vous à Pétersbourg où déjà grâce à Dieu l'on m'a, j'espère, presque oublié? Est-ce avec la mine de honte que je pourrai vous approcher?—est-ce avec la mine d'un mécontent que certes je ne serai jamais?—est-ce avec une mine peinée et qui sera interprêtée par les siens et les étrangers comme mécontentement et brouille de famille partout?—est-ce enfin pour me claquemurer chez moi, sans en sortir puisque, je l'avoue, que je ne pourrai me présenter nulle part sans honte du triste rôle que je suis forcé de jouer après 36 années de service. De plus, veuillez songer combien de monde me demanderont compte de leurs parents et enfants qu'ils m'avaient confiés et que j'ai l'air d'avoir abandonnés et auxquelles je ne pourrai répondre preuves en mains et, malgré cela, ils y croiront avec peine. Je ne pourrai présenter mes justifications dans les lettres, que vous avez daigné m'écrire, à tous ces parleurs et dans lesquelles ils ne verraient que ma soumission et mon obéissance à exécuter vos ordres suprêmes . . . . en m'éloignant d'après vos désirs de l'armée».

Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 7-го (19-го) іюня 1831 года изъ Витебска.

444. «Witebsk ce $\frac{15}{27}$ 1831. Mon frère, vous serez bien malheureux, car je le suis et une chose au monde pouvait me rendre malheureuse. A quatre, il est tombé malade, mais à huit du soir.... O mon Dieu, prenez pitié de nous, de l'empereur, de moi, de nous.... Mon frère, qu'ordonnez vous à propos de lui?»

445. Кончина цесаревича Константина Павловича возвѣщена была манифестомъ, подписаннымъ 17-го іюня 1831 года на дачѣ Александріи близъ Петергофа, въ которомъ сказано:

«Среди печальныхъ сердцу нашему событій Всевышнему угодно было усугубить горесть нашу. Любезнѣйшій братъ нашъ цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ, пораженный заразительною болѣзнію, въ Витебскѣ свирѣпствовавшею, послѣ сильныхъ, но скоротечныхъ страданій скончался отъ холеры въ пятнадцатый день сего мѣсяца. Съ душею скорбною, но съ смиреніемъ къ неисповѣдимымъ опредѣленіямъ Царя царей, возвѣщаемъ всенародно о постигшей домъ нашъ печали».

446. См. въ приложеніяхъ донесенія, представленныя генералъ-адъютанту Бенкендорфу изъ III Отдѣленія по поводу событій, сопровождавшихъ появленіе холеры въ Петербургѣ въ 1831 году.

447. Графу П. А. Толстому государь писалъ 29-го іюня (10-го іюля) 1831 года:

«Здѣсь появилась холера, и уже около 2.000 ею заболѣло, и половина померла. Были безпокойства и буйства, но съ помощію Божіею прекращены безъ оружія; но гибель это большая!»

Военно-ученый архивъ. Отд. 1. № 645.

448. И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ: Холера въ С.-Петербургѣ въ 1831 году. «Русская Старина» 1884 года. Т. 44-й. Стр. 395.

449. Когда начался бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ, графъ Аракчеевъ, опасаясь за свою безопасность, поспѣшилъ удалиться изъ Грузина въ Новгородъ. Но здѣсь графа ожидало новое, не менѣе чувствительное огорченіе; мѣстное начальство не только не озаботилось принять мѣры къ его успокоенію, но поступками своими даже побуждало его къ выѣзду въ Тверскую губернію. Тогда Аракчеевъ обратился къ императору Николаю съ письменною жалобою.

По поводу этого письма государь написалъ графу Чернышеву нижеслѣдующія строки:

«Изъ прилагаемаго письма графа Аракчеева увидите, сколь неприлично поступаютъ съ генераломъ, въ службѣ считающимся. Напишите предписаніе г. Люце и г. губернатору, что на личную ихъ отвѣтственность возлагаю блюсти за безопасностью графа Аракчеева во время его пребыванія въ Новгородѣ; что ихъ дѣло охранять отъ обидъ каждаго, подавно же тѣхъ, коихъ удостаиваю носить мой военный мундиръ. Г. Люце, какъ времениому коменданту, поставить слѣдующихъ по уставу часовыхъ къ дому графа Аракчеева и принять всѣ мѣры, еслибъ, чему не вѣрю, была точная опасность, чтобъ съ нимъ ничего не приключилось. Напишите въ сильныхъ и положительныхъ выраженіяхъ».

Вслѣдствіе высочайшей воли, выраженной въ приведенной нами резолюціи, графъ Чернышевъ обратился изъ Царскаго Села 1-го (13-го) августа 1831 года къ новгородскому коменданту, генералъ-майору Люце, съ слѣдующимъ отношеніемъ:

«До высочайшаго свѣдѣнія дошло, что г. генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ, по случаю разнесшихся слуховъ объ угрожающей будто бы ему опасности отъ буйства военныхъ поселянъ, пріѣхалъ изъ имѣнія своего Грузина въ Новгородъ, полагая быть тамъ безопаснѣе; но что вопреки сего ожиданія мѣстное начальство не только не озаботилось принять зависящія мѣры къ его успокоенію, но напротивъ того совершенно несоотвѣтственными ни званію, ни лѣтамъ его, своими поступками показало рѣшительную наклонность побудить его къ выѣзду въ Тверскую губернію.

«Въ чувствахъ негодованія на столь неприличное отношеніе къ полному генералу, состоящему на службѣ его величества, государь императоръ высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ немедленно предписать вашему превосходительству, что его величество изволитъ возлагать на личную вашу и г. новгородскаго гражданскаго губернатора отвѣтственность имѣть за безопасностію графа Аракчеева, во все пребываніе его въ Новгородѣ, самое дѣятельнѣйшее попеченіе, поставя притомъ на видъ вамъ, что ежели вы по настоящему своему званію и г. губернаторъ облечены непремѣнно обязанностію ограждать отъ обидъ всѣхъ и каждаго, то кольми паче были обязаны обратить сугубое вниманіе ваше къ особѣ генерала высшей степени, и что сверхъ того въ особенности ваше превосходительство, какъ временный комендантъ города, имѣли долгомъ своимъ поставить къ дому генерала графа Аракчеева слѣдующихъ по уставу часовыхъ, и вообще употребить къ охраненію его всѣ способы, ежели бы ему дѣйствительно могла угрожать какая либо опасность, что, однако же, государь императоръ изволитъ полагать совершенно невѣроятнымъ.

«Такую высочайшую волю объявляя вашему превосходительству къ точному и непремѣнному исполненію, долгомъ считаю присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ предписано уже объ оной и г. новгородскому гражданскому губернатору».

450. Подверглись наказанію:

Розгами 150 человѣкъ.

Шпицъ-рутенами 1.599 человѣкъ.

Кнутомъ 88 человѣкъ.

Исправительно 773 человѣка.

Послѣ тѣлеснаго наказанія и во время такового умерло 129 мятежниковъ.

451. Въ письмѣ къ графу П. А. Толстому императоръ Николай 28-го іюля (9-го августа) пишетъ: «Богъ меня наградилъ за поѣздку мою въ Новгородъ, ибо, спустя нѣсколько часовъ послѣ моего возвращенія, Богъ даровалъ женѣ счастливое разрѣшеніе отъ бремени сыномъ Николаемъ».

Въ тотъ же день государь писалъ по тому же поводу графу Паскевичу:

«Богъ благословилъ жену мою, давъ ей вчера счастливое разрѣшеніе отъ бремени сыномъ Николаемъ. Наша радость велика, и нельзя отъ глубины души не признавать милость Божію, что среди всѣхъ несчастій и скорбей поддержалъ здоровье жены моей столь удивительнымъ образомъ».

452. См. въ приложеніяхъ письмо императора Николая къ князю Варшавскому отъ 4-го (16-го) и 5-го (17-го) сентября 1831 года. Приложенная къ письму собственноручная записка государя не напечатана въ сочиненіи князя Щербатова.

453. 6-го (18-го) октября 1831 года послѣдовалъ указъ правительствующему сенату:

«Члена государственнаго совѣта и сенатора тайнаго совѣтника князя Чарторижскаго, нарушившаго присягу вѣрности и съ упорствомъ участвовавшаго во всѣхъ преступныхъ предпріятіяхъ польскихъ мятежниковъ, до самаго окончательнаго ихъ усмиренія и покоренія оружіемъ нашимъ всего края, признавая недостойнымъ присутствовать въ государственномъ совѣтѣ и правительствующемъ сенатѣ, повелѣваемъ изъ списковъ службы исключить».

454. Изъ письма князя Варшавскаго императору Николаю отъ 19-го (31-го) октября 1831 года.

455. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 24-го октября (5-го ноября) 1831 года.

456. См. въ приложеніяхъ манифестъ императора Николая отъ 6-го (18-го) октября 1831 года.

Одновременно съ манифестомъ императоръ Николай отдалъ еще приказъ по арміи, который также помѣщенъ нами въ приложеніяхъ.

457. Достопамятныя черты изъ жизни генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго и храбрыхъ его сподвижниковъ. Москва. 1833. Стр. 193—201.

458. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 24-го сентября (6-го октября) 1831 года изъ Царскаго Села.

459. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 18-го (30-го) октября 1831 года изъ Москвы.

460. «Avant de vous écrire ces lignes je me suis prosterné devant la Divinité. Je L'ai priée de purifier mon cœur de toute faiblesse et mon esprit de toute prévention. Je L'ai suppliée de me sanctifier pour vous donner des conseils. Honorez, sire, cette prière d'un vieillard désintéressé qui ne voit que vous, votre véritable intérêt, votre gloire. J'ai sondé mon cœur, j'ai calculé le présent et l'avenir et mon âme entière vous crie: clémence! clémence! Confisquer le bien des rebelles, c'est s'enrichir d'une manière odieuse. Vouloir venger le sang russe qui a coulé, c'est une erreur. On ne ressuscite pas les morts par le supplice des vivants. La vengeance est de la passion. Pardonner, c'est fraterniser les hommes, c'est prévenir la vengeance dans un moment critique. Et qui vous répondra, sire! que le moment critique ne viendra pas pour vous? ou pour votre fils chéri? N'avez vous pas, sire, quelque péché à expier. Eh bien! la clémence envers la Pologne les expiera tous».

Изъ письма Паррота къ императору Николаю отъ 2-го (14-го) марта 1831 года.

461. «Que devient Pétersbourg après la prise de Varsovie? Au nom de Dieu, s'il y en a un, et de l'humanité, s'il y en a une, propagez des sentiments de pardon, de générosité, de commisération. Paix aux victimes! Le droit du plus fort a eu le dessus. La Providence est donc en règle; gloire lui soit rendue, ainsi qu'à tous à qui de droit; mais n'imitons pas les sauvages, qui dansent autour des buchers de leurs ennemis. Redevenons européens».

Изъ письма князя П. А. Вяземскаго къ Елисаветѣ Михайловнѣ Хитровой, отъ 7-го (19-го) октября 1831 года изъ Москвы. «Русскій Архивъ», 1895 года. Книга 2-я. Стр. 111.

462. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 18-го (30-го) октября 1831 года изъ Москвы.

Фельдмаршалъ отвѣчалъ 27-го октября 1831 года:

«Восторгъ жителей Москвы меня не удивляетъ; это восторгъ благороднаго народа, который чувствуетъ, чѣмъ онъ обязанъ своему царю».

463. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ забылъ упомянуть, что въ качествѣ трофеевъ также присланы были въ Москву тронъ королевскій и дворцовый флагъ. Всѣ эти знаки прежняго существованія Польши, какъ самостоятельнаго королевства, сданы были, подобно знаменамъ и штандартамъ, на храненіе въ оружейную палату.

464. Къ этимъ словамъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ прибавляетъ, что императоръ Александръ въ послѣдній годъ царствованія оплакивалъ дарованную имъ царству Польскому конституцію, «какъ актъ великодушія, столь же предосудительный для политической будущности царства, сколько оскорбительный для самолюбія Русской имперіи». Здѣсь, кажется, Бенкендорфъ приписываетъ собственныя свои мысли и разсужденія императору Александру; едва ли мы имѣемъ достаточное основаніе утверждать, что творецъ соглашенія 1815 года съ Польшею измѣнилъ своимъ кореннымъ убѣжденіямъ по поводу этого вопроса и оплакивалъ принятое имъ рѣшеніе? Напротивъ того, существуютъ несомнѣнныя доказательства, что императоръ Александръ помышлялъ даже объ увѣнчаніи водруженнаго имъ политическаго зданія новыми мѣропріятіями въ прежнемъ духѣ. Поэтому нельзя приписать императору Александру мыслей и чувствъ, вызванныхъ въ душѣ его преемника неумолимымъ ходомъ позднѣйшихъ событій.

465. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 15-го (27-го) октября 1831 года изъ Москвы.

466. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 24-го октября (5-го ноября) 1831 года изъ Москвы.

467. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 3-го (15-го) ноября 1831 года изъ Москвы.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ императора Николая къ князю Варшавскому отъ 14-го (26-го) декабря 1831 года изъ Петербурга гнѣвное настроеніе государя выразилось еще болѣе рѣзкимъ образомъ. Упоминая о безпорядкахъ, происшедшихъ въ

Данцигѣ, Николай Павловичъ пишетъ: «Поляки въ Данцигѣ до того начудили, что самихъ французовъ испугали; очень здорово и здорово и пруссакамъ за всѣ ихъ комплименты съ этими мерзавцами».

468. Въ такихъ же мало сочувственныхъ выраженіяхъ императоръ Николай отозвался въ своей перепискѣ съ княземъ Варшавскимъ и о князѣ П. А. Вяземскомъ и А. И. Тургеневѣ: «Довольно странно, что всѣ извѣстные говоруны, какъ-то князь Вяземскій и А. Тургеневъ, зашаркались, и первый усердно служитъ».

Изъ письма императора Николая князю Варшавскому отъ 3-го (15-го) ноября 1831 года изъ Москвы.

Камергеръ, коллежскій совѣтникъ князь П. А. Вяземскій, въ то время занималъ мѣсто чиновника по особымъ порученіямъ въ министерствѣ финансовъ; въ 1831 году онъ былъ командированъ въ Москву членомъ комиссіи по устройству выставки россійскихъ произведеній и промышленности въ большомъ кремлевскомъ дворцѣ.

469. Денисъ Давыдовъ пишетъ, что Ермоловъ, будучи позванъ къ императорскому столу, едва не навлекъ гнѣва государя принятіемъ участія въ нѣкоторыхъ польскихъ генералахъ, которые, какъ онъ выразился, поступили, какъ благородные граждане. Государя, начавшаго возвышать голосъ и намекать на то, что эти любезные ему граждане будутъ сосланы въ Сибирь, Ермоловъ успокоилъ лишь словами: «никто ихъ, конечно, не убѣдитъ, что милосердіе государя никогда не обратится на нихъ».

470. А. П. Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи, собранные М. Погодинымъ. Москва. 1864.

471. Когда Ермоловъ находился уже въ Петербургѣ, ему было сдѣлано странное предложеніе. Графъ Чернышевъ спросилъ Алексѣя Петровича, согласился ли бы онъ принять на себя званіе предсѣдателя въ главномъ аудиторіатѣ.. Ермоловъ отклонилъ сдѣланное ему лестное предложеніе, сказавъ: «Единственнымъ утѣшеніемъ была для меня всегда привязанность ко мнѣ войска, и я не хочу потерять ее. Готовъ принять всякую должность, какую государю угодно возложить на меня, но только не могу быть наказателемъ». Такъ пишетъ М. П. Погодинъ.

Денисъ Давыдовъ формулируетъ отказъ Ермолова почти въ тѣхъ же выраженіяхъ: «Единственнымъ для меня утѣшеніемъ была привязанность войска; я не приму этой должности, которая бы возлагала на меня обязанности наказывать». Государь замѣтилъ на это: «Ермоловъ не такъ это понимаетъ».

472. Государственная уставная грамота напечатана въ приложеніяхъ къ 4-му тому сочиненія: «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе».

Въ предисловіи Городискій объясняетъ слѣдующимъ образомъ причину появленія въ печати государственной уставной грамоты:

«Nous laissons à la nation russe le soin d'apprécier les motifs pour lesquels une idée aussi grande, une oeuvre aussi importante est tombée dans l'oubli. Les polonais désirent ardemment, que cette découverte fortuite rappelle au gouvernement russe, qu'il serait temps enfin, que la nation dont il se fait obéir et qui attend depuis si longtemps l'amélioration de son existence politique, que cette nation composée de tant de millions d'êtres opprimés par le despotisme, commence enfin à goûter les fruits d'une monarchie constitutionnelle. Les polonais s'estimeront heureux, si en portant ce projet à la connaissance du public ils se trouvent avoir rendu service à ce grand peuple».

473. Архивъ канцеляріи военнаго министерства.

474. Въ томъ же письмѣ отъ 20-го ноября (2-го декабря) 1831 года къ князю Варшавскому императоръ Николай пишетъ: «Я ѣду въ среду съ тѣмъ, чтобы быть на похоронахъ. Въ Петербургѣ будемъ съ женой въ субботу 28-го числа; признаюсь, съ сожалѣніемъ оставляю Москву».

475. Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ приводитъ слѣдующую записку, полученную имъ 4-го (16-го) іюля 1831 года отъ графа Кочубея изъ Царскаго Села, подтверждающую повсемѣстный ропотъ, вызванный мѣропріятіями графа Закревскаго: «Изъ докладной записки г. министра внутреннихъ дѣлъ вы увидите, что онъ наконецъ и самъ почувствовалъ все неудобство мѣръ, прежде имъ къ охраненію отъ холеры

предписанныхъ. Страшно подумать, что по одному московскому тракту скопилось въ карантинахъ до 12.000 душъ. Нѣтъ добрѣе и смирнѣе нашего народа!»

Впрочемъ неудовольствіе, высказанное императоромъ Николаемъ противъ графа Закревскаго, началось ранѣе 1831 года. Приведемъ здѣсь примѣръ, относящійся къ 1828 году. Во время пребыванія государя въ арміи въ Турціи главнокомандующій въ Петербургѣ графъ П. А. Толстой представилъ графу Дибичу отзывъ Закревскаго, въ которомъ сообщалось, что министръ внутреннихъ дѣлъ не принимаетъ сношеній съ нимъ помощника начальника штаба по военнымъ поселеніямъ, а требуетъ, чтобы въ этомъ случаѣ былъ соблюдаемъ порядокъ, начертанный въ общемъ учрежденіи министерствъ, относительно сношеній министровъ съ одними только главноначальствующими лицами, а не съ подчиненными ихъ.

20-го августа (1-го сентября) 1828 года послѣдовала въ Одессѣ нижеслѣдующая собственноручная резолюція императора Николая:

«Поручить графу Толстому, призвавъ генералъ-адъютанта Закревскаго къ себѣ, объявить ему, что я съ удивленіемъ и съ крайнемъ неудовольствіемъ узналъ странную прихоть его, и что я подтверждаю и впредь не отступать отъ данныхъ главному штабу правилъ».

Слово «прихоть» было три раза подчеркнуто государемъ.

476. 29-го ноября (11-го декабря) 1831 года князь Варшавскій писалъ императору Николаю: «Здѣсь вездѣ утихло и успокоилось; въ провинціяхъ гораздо лучше приняли манифестъ вашего императорскаго величества. Варшава издавна была гнѣздо революціонистовъ; надобны годы на ихъ исправленіе. Въ провинціяхъ же даже въ продолженіе самой войны, гдѣ жители въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все имущество потеряли, не находилъ я того ожесточенія, каковое встрѣчалось въ другихъ войнахъ и противъ другихъ народовъ. Я думаю, что если уменьшится власть помѣщиковъ надъ крестьянами, такъ какъ я буду имѣть счастіе представить проектъ, то Польша можетъ со временемъ быть если не привержена, то, по крайней мѣрѣ, во время войны съ другими націями неопасна.

477. Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 26-го декабря 1831 года (7-го января 1832 года).

478. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. T. 4. S. 158.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Два письма графа Аракчеева императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ.

1.

Ваше императорское величество!

Всемилостивѣйшая государыня императрица Марія Θеодоровна!

По крайне разстроенному моему здоровью, послѣдуя совѣту врачей, я долженъ былъ просить всемилостивѣйшаго государя императора объ увольненіи меня за границу къ водамъ Карлсбадскимъ.

Его величество, всемилостивѣйше снисходя на просьбу мою, изволилъ облагодѣтельствовать меня пожалованіемъ 50.000 рублей на дорожныя мои издержки.

Всемилостивѣйшая государыня! Я не имѣлъ еще ни времени, ни случая заслужить сіе монаршее благодѣяніе. Оно есть награда за службу мою въ Бозѣ почившему государю императору Александру Павловичу, моему отцу и благодѣтелю.

Обезпечивъ уже издержки предпринимаемаго мною пути продажею бывшаго у меня столоваго серебра и фарфора, я нашелся въ способахъ свободно расположить всемилостивѣйше пожалованною мнѣ суммою.

Я предназначилъ сію сумму на доброе христіанское дѣло, и не могу лучше употребить оной, какъ на прославленіе великаго имени и благоговѣйное почитаніе памяти того, кто и за гробомъ, чрезъ августѣйшаго брата, благодѣтельствуетъ слугѣ его вѣрному — императора Александра Благословеннаго.

Всемилостивѣйшая государыня! Удостойте, съ свойственною вамъ милостію и благоволеніемъ, внять всеподданнѣйшему прошенію, которымъ дерзаю утруждать ваше императорское величество. Оно заключается въ слѣдующемъ:

1. Приказать принять отъ меня въ ломбардъ наличныхъ денегъ пятьдесятъ тысячъ рублей для составленія вѣчнаго капитала, въ принадлежность императорскаго военно-сиротскаго дома, первому отдѣленію дѣвичьяго училища.

2. Ежегодные проценты съ сей суммы, двѣ тысячи пятьсотъ рублей, употреблять на воспитаніе пяти дѣвицъ, сверхъ положеннаго въ семъ заведеніи штатнаго числа.

3. Назначать на сію сумму преимущественно тѣхъ дѣвицъ, коихъ отцы служатъ въ военномъ поселеніи новгородскаго отряда; когда же ихъ не будетъ, то назначать дочерей дворянъ Новгородской губерніи.

4. Дѣвицамъ симъ именоваться пансіонерками императора Александра Благословеннаго.

Милостивое вашего императорскаго величества благоснисхожденіе на сіе всеподданнѣйшее прошеніе мое, хотя нѣсколько усладитъ разлуку мою съ милымъ отечествомъ и огорченія, глубоко напечатлѣнныя въ моемъ сердцѣ кончиною обожаемаго мною государя, отца и благодѣтеля. Праведная душа Александра Благословеннаго, по благочестивой здѣсь жизни, навѣрное предстоитъ нынѣ тамъ, на небеси, у престола славы Божіей. Она подкрѣпляетъ всегдашнія молитвы наши ко Всевышнему о продолженіи здравія и спокойствія вашего императорскаго величества, толико драгоцѣнныхъ для отечества, толико нужныхъ для удовольствія и облегченія государственнаго бремени царствующаго императора.

Вашего императорскаго величества до конца моей жизни

вѣрноподданный

генералъ графъ Аракчеевъ.

Апрѣля 17-го дня
1826 года.

2.

Ваше императорское величество,
всемилостивѣйшая государыня
императрица Марія Θеодоровна.

Приношу вашему императорскому величеству всеподданнѣйшую благодарность мою за милостивый рескриптъ, мною полученный, который навсегда пребудетъ вѣчнымъ памятникомъ благоволенія вашего императорскаго величества ко мнѣ.

Всеподданнѣйше доношу вашему императорскому величеству, что капиталъ 50.000 рублей мною въ сохранную казну внесенъ, и билетъ на оный препровожденъ къ генералъ-майору Арсеньеву; но желаю вмѣстѣ съ симъ, дабы бѣдныя дѣвицы въ семъ же году еще воспользовались дарованною мнѣ отъ государей императоровъ милостію. Я при билетѣ препроводилъ къ генералъ-майору Арсеньеву и денегъ 2.500 рублей, то-есть годовые проценты съ вышеписанной суммы на сей годъ, испрашивая вашего императорскаго величества всемилостивѣйшаго соизволенія, дабы оныя деньги нынѣ же употреблены были на воспитаніе тѣхъ дѣвицъ, кои будутъ вашимъ императорскимъ величествомъ назначены.

Гдѣ бы я ни находился, то вездѣ буду, до конца моей жизни, вашего императорскаго величества

вѣрноподданный слуга

графъ Аракчеевъ.

С.-Петербургъ,
3-го мая
1826 года.

II.

Приказъ графа Аракчеева и критическій его разборъ, сдѣланный неизвѣстнымъ лицомъ.

Приказъ.

По отдѣльному корпусу военныхъ поселеній.

С.-Петербургъ, мая 1-го дня, 1826 года.

№ 153.

1) Господа генералы и офицеры войскъ поселенныхъ! къ удовольствію моему многіе изъ васъ, почтенные мои сотоварищи, находятся въ сихъ войскахъ съ самаго открытія военныхъ поселеній; я не могу имѣть справедливѣйшихъ цѣнителей трудовъ по сей части, какъ васъ, достойные мои сотрудники, и особенно васъ, г.г. генералы и командиры поселенныхъ полковъ 1-й гренадерской дивизіи, принимавшихъ дѣятельное участіе въ образованіи округовъ, отъ первоначальнаго плана до настоящаго ихъ положенія.

Возраженіе.

По пунктамъ сего приказа.

1) Всѣ г.г. генералы и офицеры поступили въ его команду поневолѣ, а оставались донынѣ еще болѣе по сей же причинѣ, ибо жестокіе примѣры съ тѣми, кои осмѣливались просить увольненія оттуда, удерживали ихъ въ политичной ссылкѣ. А какое множество достойнѣйшихъ чиновниковъ, которые, предвидя, что части войскъ, ими командуемыя, должны вскорѣ поступить въ его же команду, рѣшились вовсе оставить службу, чтобы только избавиться сего несчастія, чрезъ что̀ государь императоръ и отечество лишились усердныхъ и вѣрныхъ слугъ, и особливо, когда графъ Аракчеевъ, не удовольствуясь тиранствомъ своимъ, съ тѣми, кои желали избавиться поселенія, не исключая и раненыхъ, въ вящшее поощреніе противъ дворянской грамоты, успѣлъ выпросить высочайшій приказъ, чтобы всѣхъ тѣхъ, кои выйдутъ изъ поселенія въ отставку, никуда не опредѣлять. Можно ли же было послѣ сего кому либо оставить поселеніе? Обращаясь со всѣми варварски, теперь называетъ почтенными сотоварищами и достойными сотрудниками, исключая, однако же, прочія поселенія, которыя вѣрно не меньше трудились 1-й гренадерской дивизіи. Повидимому, надѣется больше успѣть въ своей лести.

Бѣсъ преданъ лести!

Девизъ, милымъ отечествомъ, какъ онъ называетъ, давно справедливо данный ему.

2) Сіе новое никогда нигдѣ на принятыхъ основаніяхъ небывалое великое государственное предпріятіе, справедливо обратившее на себя вниманіе цѣлой Европы, обязано своимъ началомъ и существованіемъ величайшему изъ царей, въ Бозѣ почившему государю императору Александру Благословенному. Въ его всеобъемлющемъ умѣ родилась счастливая мысль о военныхъ поселеніяхъ; его мудрыми соображеніями получила свою зрѣлость, и ему только одному въ началѣ извѣстны были тѣ основанія, на какихъ надлежало сію великую мысль произвести въ дѣйствіе.

3) Мнѣ первому и единому, мнѣ она была открыта. Удостоенный довѣренности его величества, я одинъ имѣлъ счастіе принимать его приказанія, руководствоваться его наставленіями.

2) Правда—какъ то, что новое, никогда, нигдѣ небывалое предпріятіе, такъ и то, что обратило вниманіе всей Европы, но для чего онъ не приложилъ многихъ письменныхъ иностранныхъ сужденій? Извѣстно, что оныя совершенно противны мнѣнію Аракчеева и ясно доказываютъ, что предпріятіе сіе несравненно больше приноситъ государству вреда, чѣмъ пользы. Кажется, мысль сія родилась въ Аракчеевѣ единственно для прославленія своего имени и чтобы, окруживъ Грузино свое войскомъ, могъ удобнѣе тиранствовать надъ своими крестьянами и удовлетворять непомѣрному своему честолюбію.

3) Подтверждаетъ сказанное въ концѣ 2-го пункта возраженія: ибо великое государственное предпріятіе должно быть открыто всему государству, а не единому Аракчееву. По распространившемуся отъ него слуху, якобы цѣль сія клонится къ тому, что поселеніе само собою продовольствуется: до сихъ поръ не только что поселенія довольствуются отъ казны, но навѣрное можно положить третью часть дороже противу всѣхъ войскъ. Стоитъ только исчислить отпуски суммъ какъ на продовольствіе, такъ на заведеніе вновь магазейновъ и на постройки по смѣтамъ, имъ же представляемымъ, и разсмотрѣть расходы,—тогда откроется настоящая экономія, имъ сдѣланная, которая состоитъ въ разореніи государства не только деньгами, но и людьми. Изъ ста баталіоновъ знаменитой арміи, поступившихъ въ его команду, едва ли третья часть осталась въ живыхъ, а прочіе всѣ въ гробѣ въ землѣ лежатъ отъ египетской работы и чистоты и украшенія его Грузина, облитаго кровью человѣческою. Якобы рекрутскихъ наборовъ не будетъ, а вмѣсто того 14 лучшихъ въ государствѣ губерній, составляющихъ половину рекрутскаго набора, комплектуютъ, не на баталіяхъ за

отечество убитыхъ и отъ ранъ умершихъ, но погибшихъ отъ варварскихъ работъ Аракчеева.

4) Приводя въ исполненіе священную волю его величества, я самъ былъ новъ въ семъ важномъ дѣлѣ и долженъ былъ съ людьми совершенно новыми въ одно и то же время учить, учиться, объяснять, растолковывать каждому благую, но еще никому тогда неизвѣстную цѣль военныхъ поселеній и защищать устройство оныхъ противъ несправедливыхъ разглашеній, устрашившихъ не только нижнихъ чиновъ, но, можетъ быть, нѣкоторыхъ и изъ васъ самихъ.

4) Какое противорѣчіе безумное! быть нову въ важномъ дѣлѣ, дѣйствовать съ людьми совершенно новыми, учить, учиться, объяснять, растолковывать благую цѣль военныхъ поселеній (и донынѣ только ему извѣстную),—какихъ же должно ожидать послѣдствій отъ такой школы, когда и учитель сознается въ незнаніи,—доказываютъ издержанныя чрезвычайныя суммы и ужасная потеря людей! Какія же и кому Аракчеевъ давалъ баталіи, защищая устройство поселеній отъ несправедливыхъ, по его мнѣнію и словамъ, разглашеній? Кажется, для него сія защита не только ни трудна, ни изнурительна не была, но напротивъ доставляла пищу кровожадной душѣ его. Если только кто осмѣлился, по истинной преданности своей государю императору и отечеству, проговорить о частицѣ неистовыхъ дѣяній Аракчеева и могущемъ отъ того быть общемъ несчастіи, то стоило только Аракчееву пожаловаться на помѣшательство въ его злодѣяніяхъ, тотъ навѣрное былъ жертвою его злобы и мщенія.

5) Сего же довольно, чтобы истощить силы человѣка въ моихъ преклонныхъ лѣтахъ и со слабымъ моимъ здоровьемъ, но вы были свидѣтелями, какихъ трудовъ мнѣ стоилъ выборъ для военныхъ селеній мѣстъ, которыя бы по своему положенію соединяли въ себѣ всѣ удобности для жительства предполагаемаго числа людей и достаточно обезпечивали будущее ихъ положеніе. Вы часто видѣли меня, съ сею цѣлію ѣдущаго въ телѣгѣ и верхомъ, видѣли пробирающагося пѣшкомъ по мѣстамъ, до того непроходимымъ, и въ грязи и въ лѣсахъ назначающаго сіи самыя столь хорошо съ Божіею помощью обработанныя нынѣ поля и за-

5) Что, защищаясь отъ несправедливыхъ, по его мнѣнію, заглашеній, онъ нисколько не могъ изнуриться, о томъ ясно сказано въ предыдущемъ пунктѣ, а развѣ отъ трудовъ, которые онъ ко всеобщему посмѣянію честолюбія его выставилъ выше дѣяній—графа Румянцова, князя Суворова, князя Барклая де-Толли и имъ подобныхъ. Нѣсколько верстъ проѣхалъ въ телѣгѣ, верхомъ, прошелъ пѣшкомъ,—возможно ли о семъ писать въ приказѣ? И для чего же такіе геройскіе труды? думаютъ дать баталіи, рѣшить войну, доставить безсмертную славу и выгоды отечеству, ничего не бывало! назначить мѣсто вреднѣйшему селенію, вы-

строенныя мѣста, которыя составляютъ предметъ хвалы пріѣзжающихъ видѣть настоящее положеніе военныхъ поселеній.

строитъ домики, по наружности блестящіе, а въ самомъ дѣлѣ гробы, стоящіе государству разоренія несмѣтныхъ суммъ, а и того важнѣе истребленія народа, столь нужнаго Россіи. О чемъ умалчиваетъ, какъ и о томъ, чего еще будетъ стоить поддерживать сіи строенія и селенія, отъ коихъ въ послѣдствіи времени ожидать должно общей погибели.

6) Постоянство нашихъ трудовъ могло поддерживать единымъ только моимъ усердіемъ и безпредѣльною моею приверженностію къ блаженной памяти государя, отца-благодѣтеля моего, на служеніе которому посвятилъ я 30-ть лучшихъ лѣтъ моей жизни. Его милостивый взоръ награждалъ меня за всё; его отеческое вниманіе облегчало бремя трудовъ и заботъ моихъ и укрѣпляло слабыя силы мои, но судьбамъ Всевышняго угодно было воззвать отъ насъ къ себѣ сего отца монарха. Внезапная, горестная для всего свѣта кончина его величества поразила мой духъ и сердце и до того разстроила мое здоровье, что я ни днемъ, ни ночью не имѣлъ спокойствія.

6) Возможно ли, чтобы постоянство имъ же описанныхъ въ предшедшемъ пунктѣ трудовъ его, то-есть, что нѣсколько верстъ проѣхалъ въ телѣгѣ, верхомъ и пѣшкомъ прошелъ,—позволяло ему хвастаться единымъ своимъ усердіемъ и безпредѣльною приверженностію, которая состоитъ въ нижеслѣдующемъ. Когда внезапная и подлинно для всего свѣта горестная кончина его величества поразила духъ и сердца всѣхъ, то тогда одинъ только онъ, Аракчеевъ, выздоровѣлъ отъ приключившейся ему болѣзни чрезъ смерть истиннаго его друга, простой бабы Анастасіи, которой за тиранства ея, въ угодность ему, дворовые его люди, числомъ до 60 человѣкъ, потерявши терпѣніе, согласились отрѣзать ей голову. И съ того-то времени, съ 10-го числа сентября 1825 года, пораженъ былъ духъ и сердце Аракчеева; онъ не устыдился цѣлаго свѣта показать свое малодушіе, не остановился огорчить общаго отца и благодѣтеля великаго государя, имѣвшаго несчастіе въ отсутствіе свое поручить ему важныя государственныя дѣла; дерзновенно отъ всѣхъ порученій отказался: для чего же? что нечестивой бабѣ достойно отрѣзали голову. Вотъ тогда-то не имѣлъ онъ подлинно ни днемъ ни ночью покоя, лишившись достойнаго своего друга, сходнаго съ его правилами, сколько отъ горести, столько и отъ страха, чтобы и его подобная Анастасіи участь не постигла. Теперь прилично возразить. Такъ, какъ онъ начи-

наетъ въ приказѣ своемъ, 5-го пункта сего уже довольно, чтобы доказать, что и весь его приказъ исполненъ такой же наглой лжи, лести, коварства, какъ и сей его пунктъ. Такимъ же точно образомъ и въ то же время на дѣлѣ оказалъ онъ таковое же свое усердіе и безпредѣльную преданность блаженныя памяти государю императору Павлу I-му, отцу и благодѣтелю своему, подъ бюстомъ въ церкви высочайшей особы сдѣлавъ девизъ: «Сердце и духъ правъ предъ тобою». Приготовя себѣ могилу и гробъ, удостоилъ положить туда же бабу Анастасію, любезнаго своего друга, какой чести удостоилъ царскую фамилію; и вотъ какъ онъ всѣмъ безъ лести преданъ.

7) По совѣту врачей мнѣ осталось одно средство: испытать Карлсбадскія воды.

7) Лучше бы ему послушаться сдѣланной ему умной епитафіи: милымъ отечествомъ, какъ онъ называетъ, подъ камнемъ симъ покоится прахъ непотребной Анастасіи: пора, нечестивецъ, и тебѣ туда же отправляться для блага Россіи.

8) Съ душевнымъ прискорбіемъ я долженъ былъ просить всемилостивѣйшаго государя императора Николая Павловича объ увольненіи меня за границу для пользованія минеральными водами.

8) Такой же отвѣтъ, какой на 7-й пунктъ сдѣланъ.

9) Его величество, всемилостивѣйше снисходя на мою просьбу, изволилъ пожаловать мнѣ увольненіе высочайшимъ рескриптомъ, въ 30 день апрѣля на имя мое послѣдовавшимъ и при семъ въ копіи прилагаемымъ, повелѣвая управленіе отдѣльнымъ корпусомъ военныхъ поселеній на время отсутствія моего оставить по общимъ правиламъ въ вѣдѣніи начальника штаба военныхъ поселеній.

9) Въ высочайшемъ рескриптѣ при увольненіи его хотя сказано поручить по общимъ правиламъ въ вѣдѣніе начальника штаба военныхъ поселеній, но, прилагая уже при приказѣ своемъ копію высочайшаго рескрипта, казалось, не нужно было выписывать изъ онаго ничего, или уже весь повторить, но онъ слова въ концѣ высочайшаго рескрипта: въ важныхъ случаяхъ относиться къ начальнику главнаго штаба его величества, исключилъ. Какая примѣрная дерзость! единственно, чтобъ показать свое величіе и возвеличить Клейнмихеля, котораго отецъ началъ свою службу гусаромъ, стоя за каретою.

10) Всемилостивѣйшій государь императоръ при увольненіи меня высочайше изволилъ прислать мнѣ на собственные мои расходы 50 тысячъ рублей. Принимая сію царскую награду милостивымъ ко мнѣ его благоволеніемъ, я долгомъ моимъ считаю о сей высочайшей милости объявить по корпусу военныхъ поселенныхъ войскъ, прилагаемая же при семъ копія со всеподданнѣйшаго моего просительнаго письма къ ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ покажетъ моимъ сослуживцамъ сдѣланное мною оной суммѣ употребленіе.

10) Безстыдный, безсовѣстный льстецъ, имѣя пребольшое состояніе, безъ заслугъ, по единой велицѣй щедротѣ блаженныя памяти государя императора Павла I-го, не имѣя покоя въ семъ знаменитомъ имѣніи отъ угрызенія совѣсти, что за отрѣзаніе головы бабы Анастасіи онъ пролилъ кровь болѣе 40 человѣкъ, изъ коихъ иные подъ кнутомъ лишились жизни, а прочіе, варварски пересѣченные, сосланы въ Сибирь. Не устыдился послать въ кабинетъ его величества табакерки съ портретами въ Бозѣ почившаго государя императора Александра, общаго и своего особаго отца и благодѣтеля, на продажу, дабы могъ на сію сумму сдѣлать вояжъ въ чужіе края, гдѣ его такъ же любятъ, какъ и въ называемомъ имъ миломъ отечествѣ. По всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ нынѣ царствующему государю императору, его величество высочайше повелѣть изволилъ выдать ему на сей вояжъ 50 тысячъ рублей. А онъ, Аракчеевъ, долгомъ поставилъ по своимъ единственнымъ чувствамъ похвастаться поселенію о сей милости, утаивъ, однако же, въ приказѣ продажу портретовъ, а также и въ письмѣ своемъ ея императорскому величеству умолчавъ объ оной; говоритъ, что, обезпечивъ уже издержки предпринимаемаго пути продажею бывшаго у него столоваго серебра и фарфора, предназначаетъ 50 тысячъ рублей на доброе христіанское дѣло. Не есть ли это лесть, подлость и глупость совершенная? и могутъ ли служить памятникомъ величайшему изъ государей 5 пансіонерокъ Аракчеевскихъ, когда всѣ чрезвычайныя благодѣтельныя училища и заведенія обязаны существованіемъ великому монарху?

11) Оставляя такимъ образомъ васъ, почтенные мои сотоварищи, я вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ принести вамъ истинную и совершенную мою благодарность за тѣ опыты вашего усердія къ

11) Подлинно особеннымъ Божескимъ благоволеніемъ спасена Россія, что ни одинъ изъ гнусныхъ заговорщиковъ не рѣшился адресоваться въ поселеніе, по всеобщему тамошнему огорченію и раз-

службѣ, которые оказывали вы во все время бытія подъ моимъ начальствомъ. Ваша вѣрность обязаностямъ вашего званія имѣетъ уже лестную награду: она ознаменована особеннымъ Божескимъ благоволеніемъ ко всѣмъ войскамъ поселеннымъ, ибо ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ не причастенъ извѣстному гнусному заговору, объявленному отъ правительства во всенародное извѣстіе. Сіе дѣлаетъ честь корпусу военныхъ поселеній и, конечно, будетъ отличительною чертою въ исторіи государства Россійскаго.

12) Теперь къ вамъ обращаюсь, добрые солдаты войскъ поселенныхъ. Я васъ благодарю за ту довѣренность, которую вы ко мнѣ имѣли съ самаго начала вашего поселенія. Вы мнѣ повѣрили, что поселеніе ваше будетъ источникомъ вашего благополучія, и видите на дѣлѣ событіе сей истины. Служа царю, вы наслаждаетесь всѣми удовольствіями жизни семейной: вы не разлучны съ своими женами и дѣтьми, съ своими родными, пріятелями, друзьями, вы не обязаны уже разлучаться съ ними и переходить на квартиры изъ одной страны въ другую. Благодарю васъ также за усердіе ваше при всѣхъ бывшихъ смотрахъ въ Бозѣ почившаго государя: осматривая васъ, онъ, какъ отецъ, входилъ въ ваше положеніе. Особенно же благодарю васъ, солдаты 1-й Гренадерской дивизіи и всего Новгородскаго отряда. Удостоиваясь ежегодно счастія быть представленными сему отцу монарху, вы доставляли своимъ устройствомъ истинное ему удовольствіе, и время высочайшаго его величества смотра было всегда временемъ вашего торжества, временемъ особеннаго къ вамъ благоволенія, что всякому извѣстно изъ печатныхъ моихъ приказовъ. Награды, кои отъ него вы ежегодно получали, и которыя составляютъ значительную не-

драженію; сомнительно, чтобы такъ и скоро и благополучно уничтоженъ былъ злодѣйскій умыселъ. О томъ же, что настоящая причина сего гнуснаго заговора есть варварскія дѣянія Аракчеева, какъ и о томъ, что во время общей присяги всѣ начальники находились при своихъ мѣстахъ и сами читали присягу своимъ подчиненнымъ, а онъ съ Клейнмихелемъ въ то время находился въ Петербургѣ, повидимому, опасаясь участи Анастасіи, вовсе умалчиваетъ.

12) Можетъ ли тотъ имѣть понятіе о добромъ солдатѣ, который въ жизнь свою нигдѣ противъ непріятеля не бывалъ? находясь во всю войну, при безсмертномъ своими дѣяніями государѣ императорѣ, не щадившемъ жизни своей для пользы и славы своихъ подданныхъ, безъ стыда признался и ни въ одномъ сраженіи не былъ. Теперь благодаритъ добрыхъ солдатъ за довѣренность къ нему, которую, якобы съ начала поселенія, они имѣли. Всей Россіи и даже Европѣ извѣстна сія довѣренность: какъ около Бронницы несчастные крестьяне, бывъ окружены войскомъ, нѣкоторые предпочли голодную смерть, чѣмъ воспользоваться обѣщаемымъ имъ благополучіемъ, многіе засѣчены кнутомъ и сосланы въ Сибирь,—подобное совершалось въ Чугуевѣ. И онъ безъ стыда и совѣсти говоритъ, что солдаты видятъ на дѣлѣ событіе сей истины! Да неугодно ли ему и теперь одному безъ конвоевъ и предосторожностей показаться въ томъ же поселеніи? Они вѣрно докажутъ ему какъ вѣру, такъ и любовь свою къ нему, подобно Анастасіи. Ихъ должно спросить объ упоминаемомъ имъ наслажденіи жизнію семейною! Человѣкъ, который тиранствомъ своимъ заставилъ благороднѣйшихъ чувствъ и поведенія законную жену свою оставить его, и

чатную книгу, будутъ вѣчнымъ памятникомъ его къ вамъ милостей.

13) Наконецъ прошу васъ, добрые солдаты, молите Бога объ успокоеніи души великаго основателя вашихъ селеній, общаго нашего благодѣтеля и отца, государя Александра, который, по благочестивой, праведной здѣсь жизни, предстоя навѣрное тамъ, на небеси, у престола славы Божіей, молитъ Его Всемогущество: да сохранитъ насъ отъ всякихъ дурныхъ дѣлъ, и да будемъ мы въ нашемъ служеніи великому его преемнику, государю императору Николаю Павловичу, одушевлены тѣмъ же усердіемъ и вѣрностію, которыя всегда отличали русскія войска.

14) Прошу гг. полковыхъ командировъ, баталіонныхъ и командировъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ сей приказъ прочитать въ каждой ротѣ и въ каждомъ эскадронѣ и раздать военные печатные его экземпляры.

Генералъ графъ Аракчеевъ.

который предпочелъ ей и избралъ себѣ другомъ подлую Анастасію, можетъ ли говорить солдатамъ о неразлукѣ ихъ съ женами, изъ которыхъ большая часть, по приказу его, насильно соединена. Но одинъ можетъ увѣрять, но никто не повѣритъ, чтобы 1-я Гренадерская дивизія и прочее войско могли вѣчно недвижимо оставаться въ выстроенныхъ имъ гробахъ: при первой войнѣ и они должны попрежнему переходить изъ страны въ другую, и это настоящая участь солдата, которою онъ справедливо гордиться можетъ, чтобы защищать и успокоивать отечество, Аракчеевъ о семъ понятія не имѣетъ.

13) Безъ просьбы Аракчеева, навѣрное, не только все поселеніе, вся Россія, но даже и вся Европа, молятъ Бога объ успокоеніи души государя императора Александра. А ему, Аракчееву, самому весьма нужно прилежнѣе и не по-фарисейски молить Бога, чтобы обратилъ его на путь истины и сохранилъ отъ всякихъ дурныхъ дѣлъ.

14) Вѣроятно, всѣ благомыслящіе нашли приказъ сей исполненнымъ наглой лжи, лести, коварства, само и честолюбія. А если прочтутъ возраженіе, то всякій благомыслящій скажетъ, хотя и жестоко, но справедливо.

III.

Собственноручныя резолюціи императора Николая на докладныхъ запискахъ графа Нессельроде, 1826—1832 годовъ.

1.

Note particulière et secrète du grand duc Constantin.

31 Janvier / 12 Février 1826

Le propriétaire polonais Morawski, impliqué dans un délit politique préjudiciable aux intérêts de notre gouvernement, réussit à s'évader en Prusse et ayant été réclamé auprès des autorités locales à titre de conscriptible, le président du grand duché de Posen refusa de le livrer, en alléguant que, selon le cartel en vigueur, il fallut que le délit fut spécifié. En conséquence de quoi le grand duc le réclama comme étant impliqué dans une affaire qui intéressait la tranquillité de l'état, mais on lui répondit que Morawski s'était évadé en Angleterre.

Son altesse observant que c'est déjà pour la seconde fois que le gouvernement Prussien favorise l'invasion d'un individu de ce genre, prie l'empereur de déterminer les mesures à prendre, afin de prévenir le retour d'un pareil déni de justice et de réciprocité, que, s'il devait se renouveler, nous placerait, dans une fausse position à l'égard d'une puissance voisine, amie et alliée.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Il faut répondre que je crois éviter une fois pour toutes ces sortes de façon de faire des employés prussiens, en m'adressant toujours, ainsi que mon frère, directement au roi, comme je l'ai déjà indiqué au roi».

2.

Графъ Нессельроде императору Николаю.

10-го іюля 1827 года.

Nesselrode, en mettant sous les yeux de l'empereur des dépêches arrivées au chargé d'affaires de France, avec la première nouvelle de la signature du traité [1], qui a eu lieu à Londres le 6 Juillet n. s., félicite sa majesté sur l'heureux résultat de nos longues négociations qui paraissaient exposés au plus fâcheuses vicissitudes.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Que Dieu soit mille fois béni, et espérons que tout sera pour le mieux. Faites part à Capodistrias» [2].

[1] Трактатъ этотъ былъ заключенъ между Россіею, Франціею и Англіею, съ цѣлью возстановить миръ и спокойствіе между Турціею и греками.

[2] Бывшій статсъ-секретарь его величества, въ то время уже избранный въ президенты временнаго греческаго правленія, но проживавшій еще въ С.-Петербургѣ.

3.

Татищевъ[1] графу Нессельроде.

$\frac{7}{19}$ августа 1827 года.

Je transmet en copie des instructions que le prince Metternich vient d'adresser au comte Apony[2] pour le charger d'engager le gouvernement français à démentir formellement les assertions calomnieuses des journaux, relatives au prétendu projet de l'Autriche sur le Piémont, et ajoute que Metternich, attachant une importance particulière à ces publications, qui lui semblent tenir à un vaste plan de faction révolutionnaire, dirigé non pas contre l'Autriche en particulier, mais en général contre les bases, sur lesquelles repose la paix de l'Europe, exprime le désir que sa majesté daigne faire adresser des représentations au ministère français sur la tendance dangereuse de la presse périodique.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Nous pouvons le faire, mais il est bon de répéter aux autrichiens ce que nous leur avons dit, je crois, déjà une fois, que nous nous moquons des articles des gazettes — du Beobachter en tête».

4.

Татищевъ графу Нессельроде.

$\frac{2}{31}$ декабря 1827 года.

Il fait part que le 6 (18) Décembre l'empereur d'Autriche a envoyé son grand chambellan pour complimenter notre ambassadeur à l'occasion de la fête de sa majesté et ui porter l'expression des voeux qu' il forme pour la prospérité du règne de son auguste ami et allié.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Vous voyez quelle tendresse, il faut bien y répondre».

Сверхъ сего, его величество изволилъ въ подлинной депешѣ послѣ слова «ami» поставить три знаки восклицанія.

5.

Графъ Нессельроде императору Николаю.

29-го сентября 1830 года.

Il soumet à l'empereur des dépêches du comte Gouriew[3] qui annoncent que tous les efforts du prince Frederic des Pays-Bas pour se rendre maître de la ville basse de Bruxel-

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Je suis navré de ce terrible résultat de nos espérances, j'avoue que la cho-

[1] Русскій посланникъ въ Вѣнѣ.

[2] Австрійскій посланникъ въ Парижѣ.

[3] Нашъ посланникъ при Нидерландскомъ дворѣ.

les sont restés infructueux, et qu' il a même été forcé, après les combats les plus acharnés, à se retirer de la position qu' il occupait dans la ville haute [1]. Les conséquences de ce désastreux événement—ajoute Nesselrode—sont incalculables pour le royaume des Pays-Bas comme pour l'Europe entière, et dans le premier moment, où nous ne faisons que recevoir ces nouvelles, lui, Nesselrode, se trouve dans l'impossibilité de soumettre ses réflexions sur les mesures qu'elles réclament. D'ailleurs il est nécessaire de connaître les idées qui auront été échangées entre Diebitsch [2] et le cabinet Prussien et surtout la détermination que l'Angleterre, si intéressée au sort de la Belgique, proposera à ses alliés.

se m'est incompréhensible militairement parlant, à moins de raisons qui ne nous soient pas connus. J'attends avec grande impatience les nouvelles de Diebitsch et celles de Londres, vous conviendrez qu'il n'y a pas une minute à perdre, surtout après ce que Pozzo nous dit, et je crois qu'il faut insister tant qu' il en est encore temps; plus tard, la chose sera tout à fait irréparable».

6.

Графъ Нессельроде императору Николаю.

11-го октября 1830 года.

Nesselrode soumet à sa majesté deux lettres de l'empereur d'Autriche, qui lui ont été remises par le comte Orlow [3] ainsi qu'un mémoire du prince Metternich sur la situation actuelle de l'Europe et ajoute qu'une dépêche de Tatischew lui annonce que l'on compte beaucoup à Vienne sur la formation d'un parti royaliste en France [4], mais cependant il pense qu'il serait plus sûr de ne pas trop fonder nos calculs sur des espérances et des données tant qu'elles ne seront pas confirmées par des indications positives et plus dignes de foi.

En sus Nesselrode porte à la connaissance de l'empereur que le comte Orlow vient de perdre sa sœur mariée au sénateur Bésobrasow, morte en couche.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«La lettre de l'empereur prouve que l'ami Orlow a eu le succès que je lui désirais; d'après les paroles de l'empereur, il peut prétendre au titre de vicaire de Fiquelmont; je vous charge de le dire à tous deux.

«Beaucoup de vrai, beaucoup de paroles et, en réalité, nous nous comprenons; et il n'y a rien à changer à notre marche.

[1] По вѣнскому конгрессу Голландія и Бельгія были соединены подъ управленіемъ Вильгельма 1-го Оранскаго въ Нидерландское королевство. Бельгія, при извѣстіи о Іюльской революціи, будучи ближе всѣхъ къ Франціи и связана съ нею родствомъ языка и нравовъ, возмутилась.

Вслѣдствіе сего для усмиренія мятежниковъ король отправилъ въ Брюссель войска подъ начальствомъ принца Фридриха.

[2] Графъ Дибичъ находился тогда въ Берлинѣ, съ порученіемъ склонить Пруссію къ подавленію бельгійской революціи вооруженною силою.

[3] Графъ А. Ѳ. Орловъ, въ то время возвратившійся съ коронованія австрійскаго императора королемъ венгерскимъ.

[4] Т.-е. партія, желавшая имѣть королемъ герцога Бордоскаго, въ пользу котораго Карлъ X отрекся отъ престола.

«Je ne doute pas qu'il n'existe un parti, celui des renvoyés, s'entend, qui désire le retour du duc de Bordeaux. Mais Dieu nous préserve de dévier de notre marche pour nous fier à leurs chimères ou projets seuls.

«Dites lui combien j'ai été péniblement frappé par ce cruel malheur. Une mère de 14 enfants enlevée de cette affreuse manière est une idée qui peut nous frapper de terreur, tous, pères de famille, c'est vraiment horrible!»...

7.

Записка императора Николая графу Нессельроде.

Je vous transmets une lettre de mon beau-frère d'Orange [1], c'est celle que vous m'avez fait parvenir; elle vous mettra au fait de la manière dont le roi des Pays-Bas considère la forme indigne dont on lui a fait part des décision de la conférence. Vous savez que je partage tout à fait son opinion sous ce rapport. Je suis peiné de devoir vous engager à témoigner à Lieven et Matuszewicz qu'ils ont outre passé leur pouvoir, en consentant à opposer leur signature à un acte pareil; s'il pouvait être admissible vis-à-vis des traîtres et des rebelles, jamais il n'était permis vis-à-vis d'un roi justement offensé, mon ami et mon parent.

8.

Татищевъ графу Нессельроде.

$\frac{\text{23 января}}{\text{4 февраля}}$ 1831 года.

Il annonce que Metternich a reçu une lettre du prince Adam Czartoriski (prèsident du sénat révolutionnaire de Varsovie) dans laquelle il offre la couronne de Pologne à

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Vous demanderez par Tatischew que l'on n'accorde point de passeports,

[1] Письма этого въ архивѣ министерства императорскаго двора не оказалось; вѣроятно, оно было возвращено государю.

l'archiduc Charles et demande si l'Autriche lui accorderait un asile, ainsi qu'aux polonais qui chercheraient à s'y réfugier, en cas d'une catastrophe en Pologne. Le gouvernement Autrichien a répondu à Czartoriski qu'il ne serait donné aucune suite à sa proposition, mais que le consul d'Autriche à Varsovie était autorisé à lui délivrer un passeport sous un nom supposé, s'il en demandait un pour l'Autriche, et qu'il y serait gardé suivant les règles établis à l'égard des réfugiés polonais.

et à personne; mais que l'on nous livre, au contraire, tous ceux, qui chercheraient à se réfugier en Autriche».

9.

Князь Меттернихъ графу Фикельмону.

4-го февраля 1831 года.

Il le prie de porter à la connaissance du gouvernement russe la copie d'une lettre, adressée de Paris au ministre de France à Constantinople Guilleminot, et dont l'auteur inconnu propose, en cas de guerre entre la Russie et la France, le plan suivant: 1) de décider la Porte et la Perse de reprendre les armes contre la Russie; 2) d'intéresser dans cette alliance l'Angleterre et 3) de soustraire la Grèce à l'influence russe, en changeant son président le comte Capodistrias. Ensuite, comme la Turquie peut mettre sur pied 300.000 hommes, la France n'enverrait qu'une division de 10.000 à 15.000 hommes, qui passerait, ainsi que les troupes turques, sous le commandement de Guilleminot. Cette division serait transportée aux Dardanelles par la flotte française, qui, aussitôt après le débarquement des troupes, irait détruire les forces navales russes de la mer Noire, ainsi que les établissements d'Odessa, de Sévastopol etc., tirerait tout parti de la Crimée et appuyerait, au moins moralement, les opérations des persans. Ces dispositions combinées mettraient évidemment la Russie dans la nécessité de diviser ses forces et par conséquent serviraient puissamment à la France.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Le projet n'est pas mauvais; cela coïncide assez avec les nouvelles que nous avions déjà».

10.

Графъ Дибичъ графу Нессельроде.

11-го апрѣля 1831 мода.

Il fait part, qu'étant dans l'impossibilité d'entreprendre le passage de la haute Vistule, il a prié le comte Alopéus de

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Je doute infiniment que la permission puisse nous

demander au roi de Prusse le passage à travers le pont de Thorn, car cette mesure, tenue en secret et dissimulée à l'ennemi par des démonstrations sur d'autres points, nous livrerait Varsovie après la première bataille avec les polonais.

être accordée; ce n'est pas avec des dispositions aussi peu amicales du ministère qui l'on peut l'espérer, et le roi seul ne s'y décidera pas».

11.

Татищевъ графу Нессельроде.

$\frac{17}{29}$ августа 1831 года.

Il fait part que pour donner suite à la proposition du cabinet de St. Pétersbourg d'établir un accord parfait et resserrer les liens entre les trois puissances continentales, Metternich propose d'établir à Vienne une conférence entre lui et les représentants de Russie et de Prusse.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Voilà le grand désir de Metternich, celui d'être à la tête des affaires, clair et nettement prononcé; or, comme nous savons à quoi nous en tenir sur lui par les antécédents, je n'y consentirai qu'en cas où la Prusse le voudrait et nous le proposerait de son côté».

12.

Татищевъ графу Нессельроде.

$\frac{13}{25}$ ноября 1831 года.

Il annonce que le prince Metternich, en lui donnant connaissance du traité, signé à Londres sur la base des 24 articles, auxquels le roi des Pays-Bas avait refusé d'accéder ne lui a pas caché combien il est mécontent de cette transaction et ne voyant pas dans son opinion particulière, comment les puissances pourraient refuser de ratifier ce traité, signé par leurs plénipotentiaires, désire que les cours de Russie, de Prusse et d'Autriche veuillent consigner dans une déclaration leurs principes, afin de constater l'irrégularité de la marche suivie par la conférence.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Vous connaissez mon opinion, je n'ai rien de plus à ajouter».

13.

Князь Ливенъ графу Нессельроде.

$\frac{8}{20}$ декабря 1831 года.

Ayant appris avec un profond regret l'impression défavorable qu' a causé à l'empereur la réception des décisions

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Je ne change en rien l'opinion que j'ai de cet

de la conférence de Londres, Lieven ne saurait, pourtant, trouver dans sa conscience le moindre reproche à s'adresser dans cette grave circonstance. Il croit avoir agi selon les intérêts du service de sa majesté et même avoir compris parfaitement l'esprit des instructions dont il a été honoré, en adoptant la seule voie propre à maintenir l'union entre les cinq puissances et à conserver à l'Europe le bienfait de la paix.

acte, aussi honteux, qu'il nous a été dangereux par ses conséquences»

14.

Князь Ливенъ[1] графу Нессельроде.

Лондонъ. $\frac{15}{27}$ апрѣля 1832 года.

Il demande les ordres de sa majesté, s'il entre dans son intention de consommer l'élection du prince Othon[2], en cas qu'il n'y ait aucune perspective de le voir embrasser la religion grecque, car à la conférence il n'est plus question de ce sujet et on ne parle même que faiblement de faire élever ses enfants dans la sus-dite religion.

Собственноручная резолюція императора Николая.

«Je ne puis nullement consentir à l'élection du prince Othon, sans l'engagement formel d'embrasser la religion grecque».

IV.

Декларація о войнѣ съ Турціей 1828 года.

Искреннее желаніе Россіи оставаться въ мирѣ съ Турецкою имперіею не исполнилось. Тщетно было долговременное терпѣніе нашего правительства, тщетны и тягостныя пожертвованія, сохраненію общаго спокойства имъ принесенныя: Россія наконецъ видитъ себя въ необходимости силою оружія обезпечить свои права и пользы на Востокѣ и принудить Оттоманскую Порту къ должному соблюденію договоровъ. Но, прибѣгая съ прискорбіемъ къ сему послѣднему средству удовлетворенія, государь императоръ желаетъ, чтобы причины объявляемой имъ войны, равно праведной и неизбѣжной, были въ полной мѣрѣ извѣстны свѣту.

Протекло шестнадцать лѣтъ отъ заключенія мира въ Бухарестѣ, и во все сіе время правительство оттоманское почти непрестанно отступало отъ постановленій, имъ утвержденныхъ, непрестанно изыскивало способы подъ разными предлогами останавливать или замедлять исполненіе данныхъ имъ обѣщаній. Случаи, доказывающіе сіе слѣпо непріязненное стремленіе турецкой политики, были многочисленны. Министерство его императорскаго величества означитъ ихъ въ сей деклараціи. Нѣ-

[1] Уполномоченный посланникъ на Лондонской конференціи, занимавшейся греческими дѣлами.

[2] Послѣ отказа принца саксенъ-кобургскаго Леопольда принять греческую корону, лондонская конференція положила избрать въ греческіе короли баварскаго принца Оттона.

сколько разъ, и особенно въ 1821 году, Порта открытыми оскорбительными дѣйствіями изъявляла свою ненависть къ Россіи; нынѣ она снова обнаруживаетъ свои враждебныя чувства всенародными актами и принятіемъ насильственныхъ мѣръ, уже извѣстныхъ Европѣ.

Въ тотъ самый день, когда, оставляя Константинополь, министры трехъ державъ, соединенныхъ безкорыстными для защищенія святой вѣры и страждущаго человѣчества постановленными условіями, еще объявляли Портѣ о живѣйшемъ желаніи своихъ монарховъ не разрывать съ нею мирныхъ связей и указывали ей вѣрныя къ сему средства, когда и Порта съ своей стороны также увѣряла въ миролюбіи [1], въ тотъ самый день она уже готовилась воззвать всѣ магометанскіе народы къ возстанію противъ Россіи, провозглашая, что наше правительство есть вѣчный неукротимый врагъ мусульманства, что оно умышляетъ разрушеніе Оттоманской имперіи и, торжественно признаваясь предъ вселенною, что въ переговорахъ о мирѣ она только искала времени и способовъ къ принятію мѣръ для войны и что, рѣшась заранѣе не исполнять важнѣйшихъ постановленій Аккерманской конвенціи, заключала ее съ тѣмъ, чтобъ нарушить,—Порта не могла не знать, что симъ признаніемъ она уничтожаетъ и всѣ прежніе договоры, Аккерманскою конвенціею подтвержденные: все показываетъ, что она предвидѣла слѣдствія и соображала съ ними свои поступки и намѣренія.

За воззваніемъ султана къ народу послѣдовали притѣснительныя для русскихъ распоряженія; нарушены преимущества присвоенныя нашему флагу, русскія суда задержаны, и начальники оныхъ силою принуждены продавать свои захваченные грузы по цѣнамъ, произвольно назначаемымъ; даже сіи неисправно платимыя несоразмѣрныя съ истинною цѣною товаровъ суммы еще уменьшены пониженіемъ достоинства монеты; вскорѣ потомъ объявлено всѣмъ подданнымъ Россіи, что они должны быть рабами Порты, или немедленно выѣхать изъ владѣній ея, и закрытіемъ Босфора остановлено всякое движеніе торговли въ Черномъ морѣ. Цвѣтущіе сею торговлею города наши терпятъ разорительные убытки, и весь полуденный край имперіи лишается единственнаго пути для сбыта своихъ произведеній, единственнаго средства выгодными промѣнами умножать свои богатства и оживлять промышленность жителей. Но симъ еще не ограничились непріязненныя дѣйствія Турціи. Въ то самое время, когда въ Константинополѣ принимались мѣры, столь явно противныя пользамъ Россіи, генералъ Паскевичъ послѣ ознаменованной славными успѣхами войны вступалъ въ мирные переговоры съ Персіею. Дворъ Тегеранскій уже изъявилъ согласіе на предложенныя ему условія, и вдругъ, противъ всѣхъ ожиданій, со стороны полномочныхъ Персіи стали оказываться холодность, желаніе отдалить заключеніе предначертаннаго договора: за отлагательствами слѣдовали споры, затрудненія; наконецъ обнаружилось и намѣреніе продолжать военныя дѣйствія. Причины сего нынѣ извѣстны Россіи изъ самыхъ достовѣрныхъ показаній: извѣстно, что паши въ сосѣдственныхъ турецкихъ областяхъ спѣшили вооружиться, и что Порта втайнѣ обѣщала помощь персіянамъ, чтобы занять нашу армію въ семъ краѣ.

[1] Въ письмѣ верховнаго визиря къ графу Нессельроде, за коимъ почти непосредственно слѣдовалъ гатти-шерифъ $\frac{8}{20}$ декабря.

Такимъ образомъ правительство турецкое, объявляя свѣту, что оно рѣшилось расторгнуть узы связующихъ его съ Россіею трактатовъ, уже на самомъ дѣлѣ ниспровергаетъ всѣ постановленія оныхъ, угрожая скорымъ начатіемъ войны, уже обременяетъ всѣми ея бѣдствіями подданныхъ Россіи, подрывая нашу торговлю и усиливаясь, хотя безъ успѣха, возжечь снова пламень сей войны тамъ, гдѣ онъ готовъ былъ угаснуть.

Нужно ли доказывать, что Россія не можетъ сносить сихъ оскорбленій и попускать продолженію столь явно враждебныхъ дѣйствій. Отказаться отъ естественныхъ выгодъ своего положенія, дозволить лишить себя правъ, пріобрѣтенныхъ побѣдами и договорами, равно славными и полезными, сіе значило бы унизить достоинство державы, измѣнить чести, измѣнить первому долгу правительствъ.

Права и обязанности Россіи въ семъ случаѣ тѣмъ священнѣе и очевиднѣе, что ея миролюбіе и умѣренность не могутъ подлежать сомнѣнію. Сколько разъ съ той незабвенной эпохи, какъ положенъ конецъ и успѣхамъ мятежей, и стремленію къ завоеваніямъ, Россія жертвовала своими особенными драгоцѣннѣйшими выгодами для обезпеченія тишины всеобщей. Европа отдаетъ справедливость ея безкорыстію, и память дѣйствій сей великодушной политики, спасительныхъ для свѣта, спасительныхъ для самой Турціи, навѣки сохранится въ бытописаніяхъ нашего времени. Но Турція, не имѣя правъ на снисходительность Россіи, не умѣетъ и цѣнить ее: она не знаетъ, сколь сообразны съ собственными ея пользами постановленія главныхъ трактатовъ ея съ нашимъ дворомъ, постановленія, коими Россія въ Кайнарджи, въ Яссахъ, въ Букарестѣ, признавъ и оградивъ политическое существованіе Порты и цѣлость владѣній ея, безъ сомнѣнія, способствовала продолженію бытія сей державы. Но едва былъ заключенъ послѣдній изъ сихъ трактатовъ, и Порта уже спѣшила воспользоваться тогдашними, славными по своимъ послѣдствіямъ, но затруднительными для Россіи обстоятельствами, чтобы невозбранно и безнаказанно измѣнять обязанностямъ, лишь только принятымъ ею. Народу сербскому было обѣщано всеобщее прощеніе: въ противность данному слову турецкія войска вторглись въ Сербію и ознаменовали свое шествіе грабежемъ и кровопролитіемъ. Княжествамъ Молдавскому и Валахскому предоставлялись на время льготы и разныя преимущества; Порта обременила ихъ новыми налогами, истощила доходы, довершила разореніе сего несчастнаго края. Она обязывалась препятствовать набѣгамъ Закубанскихъ горцевъ, и напротивъ явнымъ образомъ побуждала ихъ къ нападеніямъ на Россію. Съ тѣмъ вмѣстѣ продолжались споры о владѣніи крѣпостей, необходимыхъ для безопасности Азіатскихъ границъ нашихъ, споры, коихъ неосновательность Порта сама признала впослѣдствіи положеніями Аккерманской конвенціи, но, домогаясь возвращенія сихъ крѣпостей, она своими дѣйствіями доказывала, сколь онѣ нужны Россіи, ибо въ самомъ сосѣдствѣ нашемъ, на берегахъ Чернаго моря, заводила, ободряла противоестественный торгъ невольниками, благопріятствовала грабительствамъ, безпорядкамъ всякаго рода. Сего еще было недовольно: и тогда уже, какъ нынѣ, остановлены русскія суда въ Босфорѣ, конфискованы ихъ грузы, нарушены всѣ постановленія торговаго трактата 1783 года. Въ сіе самое время побѣды, благословенныя человѣчествомъ, вознаграждали подвиги незабвеннаго императора Александра чистѣйшею славою. Довершивъ святое дѣло освобожденія Европы, онъ могъ однимъ словомъ устремить свое могущественное воинство на Оттоманскую Порту. Но великая, миролюби-

вая душа его не знала побужденій мести. Онъ пренебрегъ оскорбленія и не спѣшилъ требовать должнаго удовлетворенія за обиды, чтобы не возмутить всеобщей тишины, лишь водворенной въ Европѣ его попеченіемъ и усиліями. Не пользуясь особенными безчисленными выгодами тогдашняго положенія своего, императоръ Александръ хотѣлъ дѣйствовать однимъ убѣжденіемъ, и въ 1816 году вступилъ съ правительствомъ Оттоманскимъ въ переговоры, коихъ цѣлію было только обезпеченіе порядка, исполненіе взаимныхъ обязанностей, продолженіе мирныхъ, на обоюдной пользѣ основанныхъ сношеній. Залоговъ твердости сего порядка и мира онъ могъ бы искать силою оружія; Порта была не въ состояніи противиться ему.

Она не умѣла и постигнуть истинныхъ причинъ его умѣренности. Во все время переговоровъ турецкое правительство какъ будто старалось истощить великодушное терпѣніе императора Александра, отвергая съ упорствомъ его дружественныя предложенія, изъявляя сомнѣнія въ его миролюбіи, оспаривая права Россіи, даже явно пренебрегая могущество ея, не зная, что дѣйствія сего могущества были удерживаемы одною мыслію: жертвовать частными пользами общему благу и спокойству Европы. Но сіе спокойство едва ли могло быть возмущено разрывомъ съ Турціею. Имъ не нарушались связи Россіи съ ея союзниками; Турецкая имперія не была ни участницею, ни предметомъ негоціацій, коими въ 1814-мъ и 1815-мъ году, послѣ столькихъ раздоровъ, установленъ новый политическій порядокъ для просвѣщенныхъ народовъ міра, подъ щитомъ правительствъ, соединяемыхъ и воспоминаніями общей славы, и согласіемъ правилъ и намѣреній.

Въ теченіе пяти лѣтъ нашъ дворъ и посланникъ нашъ въ Константинополѣ съ неутомимымъ доброжелательствомъ старались объ утвержденіи мира; несмотря на нерѣшимость и умышленную медлительность Порты, наконецъ переговоры объ исполненіи нѣкоторыхъ статей трактата Букарестскаго приходили къ окончанію, какъ внезапно возстаніе морейскихъ грековъ и вторженіе въ Молдавію измѣнившаго долгу своему русскаго чиновника возбудили въ народѣ и правительствѣ турецкомъ слѣпую, яростную ненависть ко всѣмъ христіанамъ, данникамъ Порты, безъ различія виновныхъ и невинныхъ. Россія немедленно изъявила, сколь было противно ея видамъ и правиламъ безразсудное предпріятіе князя Ипсиланти. Какъ держава, покровительница княжествъ Молдавскаго и Валахскаго, она безъ затрудненія дала свое согласіе на принятіе нужныхъ мѣръ для обороны и законнаго наказанія; но требовала отъ Порты, чтобы народъ, ни въ чемъ не преступившій своихъ обязанностей, не страдалъ за виновниковъ безпорядка. Сіи совѣты благоразумія отвергнуты, презрѣны; посланнику его императорскаго величества въ самомъ домѣ его нанесены личныя оскорбленія; почтеннѣйшіе сановники греческаго духовенства и патріархъ, глава ихъ, среди совершенія священныхъ обрядовъ нашей церкви, преданы въ руки палачей на смертную позорную казнь, и всѣ знатнѣйшіе христіане, ограбленные, поруганные, безъ суда и изслѣдованія гибли въ мукахъ; немногіе спасались бѣгствомъ. Сіи мѣры не могли прекратить смятеній: христіане гонимые вооружались, пламя войны распространялось повсюду. Вотще нашъ посланникъ еще старался быть полезенъ Портѣ, и въ нотѣ своей отъ 6-го іюля 1821 года означалъ ей вѣрнѣйшія, единственныя средства для возстановленія тишины; наконецъ, изъявивъ праведное негодованіе двора нашего противъ сихъ дѣйствій свирѣпаго изувѣрства, почти безпримѣрныхъ въ исторіи, онъ исполнилъ данное ему высочайшее повелѣніе и оставилъ Константинополь.

Тогда всѣ союзныя съ Россіею державы, побуждаемыя однимъ чувствомъ желанія обезпечить всеобщій миръ, спѣшили своимъ посредствомъ и увѣщаніями отвратить опасности, грозившія Турціи и ослѣпленному ея правительству. Наше правительство съ своей стороны рѣшилось не требовать немедленнаго удовлетворенія, надѣясь еще согласить свои права и достоинство съ мѣрами предосторожности, кои въ тогдашнемъ положеніи Европы казались необходимы для сохраненія спокойства ея. Сіи новые знаки снисхожденія, сіи важныя пожертвованія Россіи были напрасны. Усилія нашихъ союзниковъ не могли побѣдить упорства Турціи. Вѣроятно, обманываясь и насчетъ истинныхъ побужденій императора Александра, и насчетъ своихъ собственныхъ силъ, она неуклонно стремилась къ истребленію христіанскихъ народовъ, ей подвластныхъ: война съ возставшими греками становилась день ото дня кровопролитнѣе, свирѣпѣе, несмотря на старанія, и тогда уже употребленныя для возстановленія мира въ Греціи. Порта угрожала и Сербіи, хотя спокойной и вѣрной въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей. Военное занятіе Молдавіи и Валахіи продолжалось, вопреки постановленій объ управленіи сихъ княжествъ, вопреки данныхъ великобританскому послу точныхъ обѣщаній и тогда уже, когда Россія, вѣря симъ обѣщаніямъ, рѣшилась возобновить свои прежнія сношенія съ правительствомъ Оттоманскимъ. Столь постоянная непріязненность наконецъ превзошла мѣру терпѣнія императора Александра. Въ октябрѣ 1825 года по его повелѣнію вручена министерству турецкому сильная протестація противъ дѣйствій его, и когда смерть безвременная пресѣкла дни сего обожаемаго подданными монарха, имъ было уже объявлено намѣреніе принудить Порту къ уваженію правъ Россіи.

Начало новаго царствованія ознаменовано новыми доказательствами умѣренности и любви къ миру. Вступая на престолъ прародителей, государь императоръ немедленно повелѣлъ открыть негоціацію съ Портой для соглашенія въ тѣхъ дѣлахъ, кои въ особенности касались Россіи. Вскорѣ потомъ, $\frac{23 \text{ марта}}{4 \text{ апрѣля}}$ 1826 года, его величество вмѣстѣ съ королемъ великобританскимъ предположили мѣры для посредничества, коего требовало общее благо Европы. Всѣми поступками, всѣми планами его императорскаго величества, видимо управляло постоянное, ревностное желаніе избѣгнуть крайностей. Съ одной стороны, государь императоръ, надѣясь, что согласнымъ дѣйствіемъ двухъ могущественныхъ державъ легко и скоро будетъ положенъ конецъ войнѣ, опустошающей Востокъ Европы, отказывался отъ всякаго отдѣльнаго, непосредственнаго участія и вліянія въ семъ важномъ дѣлѣ; съ другой, продолжая особенные переговоры съ Портою, его величество старался прекращеніемъ нашихъ съ нею споровъ устранить и сіе препятствіе къ примиренію грековъ съ правительствомъ турецкимъ. Въ сихъ обстоятельствахъ и въ семъ расположеніи открыта негоціація въ Аккерманѣ: она заключилась подписаніемъ дополнительной конвенціи къ трактату Букарестскому. Постановленія сего акта снова доказали умѣренность нашего правительства, всегда подчиняющаго расчеты политики требованіямъ справедливости и не дозволяющаго себѣ употреблять во зло ни выгодъ положенія, ни превосходства силъ и средствъ успѣха. Слѣдствіемъ Аккерманскаго соглашенія, столь полезнаго Портѣ, было назначеніе постоянной россійской миссіи въ Константинополь, и вскорѣ затѣмъ трактатъ $\frac{24 \text{ іюня}}{6 \text{ іюля}}$ 1827 года явилъ свѣту, что Россія не измѣняетъ правиламъ безкорыстной политики, кои служили основаніемъ постановленій протокола $\frac{23 \text{ марта}}{6 \text{ апрѣля}}$. Предначертанными въ семъ трактатѣ мѣрами соглашаются права и же-

ланія народа злосчастнаго съ цѣлостію, съ спокойствіемъ, съ истиннымъ благомъ Турецкой имперіи. Сіи спасительныя мѣры предложены Портѣ, и дворы союзные сильными, но исполненными дружелюбія увѣщаніями старались склонить ее къ прекращенію кровопролитія. Ей съ совершенною откровенностію сообщены всѣ планы союзныхъ державъ; объявлено, что въ случаѣ отказа флоты ихъ будутъ принуждены остановить продолженіе войны, которая по свойству своему равно противна и безопасности морей, и потребностямъ торговли, и нравственному чувству европейскихъ народовъ. Порта пренебрегла и сіи совѣты и предостереженія. Одинъ изъ ея военачальниковъ, заключивъ перемиріе, внезапно нарушилъ его и отважился на битву. Но и сраженіе Наваринское, необходимое слѣдствіе измѣны данному слову и нападенія безъ причины, было для державъ союзныхъ поводомъ къ новому изъявленію миролюбія, къ новымъ стараніямъ убѣдить Порту въ необходимости примиренія, доказать, сколь для нея важно утвердить спокойство Востока взаимными ручательствами и въ то же время посредствомъ благоразумныхъ, нетягостныхъ уступокъ оградить свою безопасность въ будущемъ.

На сіи представленія, на сіи усилія доброжелательства, правительство турецкое отвѣчало своимъ воззваніемъ къ народу $\frac{8}{20}$ декабря и принятіемъ мѣръ, изъ коихъ каждая есть нарушеніе договоровъ и правъ Россіи, и всѣ устремлены ко вреду ея, къ возбужденію въ сосѣдяхъ ея враждебныхъ противъ нея чувствъ и намѣреній, къ подрыву ея торговли и уменьшенію благосостоянія.

Долгъ чести, обязанность охранять пользы своихъ подданныхъ не дозволяютъ Россіи оставаться въ такихъ отношеніяхъ съ Турціею. Государь императоръ объявляетъ войну Оттоманской Портѣ; онъ объявляетъ ее съ прискорбіемъ, но и съ твердою увѣренностію, что въ теченіе минувшихъ шестнадцати лѣтъ истощены всѣ средства для спасенія Турціи отъ бѣдствій, коихъ она сама будетъ виною.

Причины сей войны достаточно показываютъ, что будетъ предметомъ ея.

Она есть слѣдствіе политики правительства турецкаго; сіе правительство должно быть обязано удовлетворить Россію за убытки отъ войны и за убытки торгующихъ подданныхъ его императорскаго величества. Государь императоръ предпринимаетъ сію войну для необходимаго охраненія трактатовъ, нарушенныхъ, какъ бы не признаваемыхъ Портою; успѣхи оной должны на будущее время обезпечить надежными ручательствами дѣйствительность и точное исполненіе договоровъ. Наконецъ сей войны требуютъ важнѣйшія пользы Черноморской торговли, коей благосостояніе зависитъ отъ свободы сообщеній чрезъ Босфоръ, и однимъ изъ предметовъ усилій и попеченія Россіи будетъ открытіе свободнаго плаванія въ Босфорѣ всѣмъ народамъ Европы.

Но и принужденная употребить силу для защиты правъ своихъ, Россія, вопреки разглашеніямъ Порты, не имѣетъ ненависти къ сей державѣ, не умышляетъ ея разрушенія. Если бы намѣренія нашего правительства были устремлены къ войнѣ непримиримой и къ сокрушенію Турецкой имперіи, оно давно бы воспользовалось однимъ изъ безчисленныхъ, непрестанно представлявшихся случаевъ къ разрыву. Россія не имѣетъ и видовъ честолюбія; довольно предметовъ для заботливой попечительности ея правительства въ обширныхъ странахъ, ему подвластныхъ. Объявляя войну Портѣ по особеннымъ не имѣющимъ связи съ трактатомъ $\frac{24 \text{ июня}}{6 \text{ июля}}$ причинамъ, оно не отступаетъ отъ постановленій сего договора. Заключая оный, Россія не могла

отказаться отъ охраненія своихъ собственныхъ правъ, или взять на себя обязанность сносить оскорбленія и не требовать должныхъ вознагражденій. Но всѣ условія. всѣ правила, въ семъ актѣ начертанныя, будутъ ею въ точности наблюдаемы. Союзники ея всегда найдутъ въ ней готовность вмѣстѣ съ ними изыскивать средства для исполненія положеній лондонскаго трактата. И долгъ христіанства, и влеченіе чувствъ, коими человѣчество справедливо гордится, равно требуютъ совершенія взаимно данныхъ союзными державами обѣщаній; Россія во всякомъ случаѣ будетъ содѣйствовать имъ постоянно, усердно, и выгодами своего особеннаго положенія воспользуется лишь для того, чтобы скорѣе достигнуть цѣли договора $\frac{24\ \text{іюня}}{6\ \text{іюля}}$, не измѣняя ни въ чемъ ни свойства, ни дѣйствій его.

Государь императоръ рѣшился не покидать оружія, доколѣ безопасность и пользы державы его не будутъ обезпечны на основаніяхъ, въ сей деклараціи означенныхъ. Онъ твердо уповаетъ на помощь Всевышняго. Богъ, сильный въ браняхъ, слышитъ молитвы чистыхъ сердцемъ и благословитъ правое дѣло.

V.

Переписка по поводу предполагавшагося участія польской арміи въ войнѣ съ Турціей.

Note particulière et secrète

(цесаревича Константина Павловича).

№ 87.

Варшава.

19-го ноября (1-го декабря) 1827 г.

Le colonel Katassanoff, commandant le cordon des cosaques frontières du côté de Kalisz, vient d'arriver à Varsovie pour me rendre compte de l'avis qui lui est parvenu quant à l'ordre de mobilisation donné au 5 corps Prussien cantonné dans le grand duché de Posen. Son rapport coïncidant avec des notions qui me sont parvenues d'autre part, j'ai dû y attacher la plus sérieuse attention, et jugeant que dans ce cas le 1-er et 2-me corps cantonnés à Koenigsberg, Danzig et Thorn, ainsi que le 6-me corps occupant la basse Silésie du côté de Breslau u. Neisse devaient avoir reçu des dispositions semblables, j'ai mis des agents intelligents et sûrs en campagne, afin de recevoir à cet égard les renseignements les plus précis...

Des notions qui font suite à celles que j'ai eu l'honneur de transmettre à votre majesté imperiale et royale par mon rapport du 5 (17) dernier, et que je joins ici, confirment pleinement l'avis reçu par le colonel Katassanoff sur la mobilisation du 5-e corps Prussien. Votre majesté y verra de plus par les adoucissements apportés aux peines encourues par Uminski, Krzyzanowski et Milzynski à Posen, et prévenus de complicité dans l'affaire de l'association patriotique Polonaise, combien le gouvernement Prussien semble user de ménagement envers les polonais, combien aussi toutes leurs démonstrations patriotiques paraissent tolérées et même encouragées [1].

[1] Изъ нихъ одинъ Уминскій приговоренъ былъ къ заключенію въ крѣпости на 6 лѣтъ, но съ зачисленіемъ ареста въ этотъ срокъ.

«La manière dont le roi s'exprime surtout sur le général Um'nski, donne lieu à penser qu'il sera bientôt gracié.

«Le cri de guerre paraît être unanime; polonais ou prussiens, ils sa souhaitent ous, quoique chacun sous un autre rapport. Les polonais croient que la guerre deviendra générale et que le résultat ne pourra être que propice pour leur patrie; les allemands espèrent que le roi prendra les armes pour affaiblir la prépondérence de la Russie, et ils espèrent que conjointement avec l'Autriche, l'Allemagne cherchera à la diminuer. Le public a déjà aperçu l'appareil guerrier, il ne sait cependant pas quel en est le véritable motif.

Voici un fait qui, à la suite d'une infinité d'autres vient à l'appui de cette observation. Depuis quelque temps on remarquait que le mot de Portorico était devenu une espèce de mot d'ordre parmi les polonais de Posen, qui se signalent par leur patriotisme, c'était toujours entre eux de Portorico dont il était question, accompagné d'un grand éloge du tabac de Portorico. C'est récemment en fin que l'un de mes agents est parvenu à decouvrir l'allusion cachée sous ce terme d'argot. Il se vend sous l'adresse de Sponner à Ohlau en Silésie du tabac de Portorico, l'inscription est sur l'envelloppe, mais lorsqu'après avoir vidé le tabac, on retourne la feuille, elle offre alors l'effigie de Kosciuszko entouré de toutes les armes de l'insurrection.

«Le 13 (25) il y a eu à Posen un bal patriotique (soi-disant pour les députés) chez m-r Mikorski, président de la cour de justice dans cette ville. Il n'y a eu d'invités que ceux de la noblesse, en omettant les individus qui portent des noms allemands, comme p. e. le comte Blankensee, le comte Unruh etc. et ceux des polonais qui ne sont pas envisagés comme bon polonais. Aussi n'y avait-il aucun employé prussien, ni aucun militaire. Les dames étaient en grande partie costumées à la polonaise; des habits de velour cramoisi brodés en argent, des robes en satin blanc avec des cocardes cramoisies; telle était aussi la toilette de plusieurs jeunes gens, qui s'étaient habillés à la polonaise. On a ouvert le bal par la polonaise de Kosciuszko, qu'on a répétée une douzaine de fois, et on a dansé ensuite presque toujours la masure de Dębrowski...

Sa majesté l'empereur et roi témoigne sa reconnaissance à son altesse impériale monseigneur le grand duc Constantin pour les notions importantes communiquées dans la note part. et secr. du 19 Novembre (1 Décembre) № 87. Sa majesté pense que la nouvelle donnée par le colonel Katassonoff et confirmée par l'agent secret sur l'armement de la Prusse, tout en méritant considération, n'est pourtant pas de nature à motiver des appréhensions sérieuses, sa majesté ne pouvant concilier dans son opinion des projets et des préparatifs hostiles, avec les sentiments d'amitié et le désir constant de maintenir le bon accord, que ne cesse pas manifester sa majesté le roi de Prusse, son beau-père, dont le caractère franc et loyal est aussi bien connu de monsegnieur le grand duc Constantin que de l'empereur et roi. Il en coûte d'autant plus à sa majesté d'ajouter foi à l'indication d'une conduite perfide de la part du gouvernement prussien, que dans ce moment elle attend l'arrivée du prince Grillaume, son beau-frère, qui n'aurait point choisi pour une visite d'amitié fraternelle, le moment où dans le cabinet du roi son père on travaillerait à rompre avec la Russie la bonne intelligence fondée par les actes[1] de feu sa

[1] Въ черновомъ отпускѣ зачеркнуто «bienfaits» и замѣнеоо «actes».

majesté l'empereur Alexandre de glorieuse mémoire et cimentés par les liens les plus sacrés. Sa majesté pense même que ce prince pourra porter quelques eclaircissement sur les vues de la Prusse qu'on n'a pas voulu confier à la route ordinaire. Cependant sa majesté ne désire rien négliger pour savoir la vérité la plus exacte et se mettre en mesure de résister à une attaque imprévue, ou à déjouer des projets aussi injustes que perfides; elle est en outre persuadée que sa majesté imperiale donnera de son côté, avec le zèle et la profonde intelligence dont elle a donnée tant d'éminentes preuves, tous ses soins à être bien instruite des menées secrètes et des démarches de nos voisins pour être prêt à s'y opposer quand elles deviendront évidentes. Sa majesté ne manquera pas de tenir monseigneur le grand duc au courant de tout ce qu'elle apprendra et espère que son altesse en agira de même à son égard comme elle l'a toujours fait jusqu'ici.

Quant au nouvelles de Posen découvrant la fermentation des esprits dans le sens soi-disant patriotique, l'empereur et roi les juge de la plus haute importance et suppose que cet état de choses n'est pas isolément à Posen un cas accidentel, mais pourrait bien être qu'une suite des trames des sociétés secrètes dans les provinces qui ont appartenues à l'ancien royaume de Pologne.

Monseigneur le grand duc étant à même d'observer de près les individus et les choses, et par là de juger si cette idée est fondée, sa majesté s'en repose entièrement sur son altesse impériale[1].

Цесаревичъ Константинъ генералъ-адъютанту Киселеву.

Варшава. 20-го ноября 1827 года.

№ 118.

Павелъ Дмитріевичъ.

За доставленныя мнѣ свѣдѣнія при письмѣ вашего превосходительства къ начальнику главнаго штаба моего отъ 6-го сего ноября о заграничныхъ происшествіяхъ я обращаюсь къ вамъ съ особенною благодарностію и прошу ваше превосходительство принять увѣреніе моего къ вамъ всегдашняго уваженія.

Константинъ.

P. S.

Подполковникъ Катасановъ, стоящій на кордонѣ въ городѣ Калишѣ, донесъ, что 5-й Прусскій корпусъ, стоящій въ великомъ княжествѣ Познанскомъ, получилъ по экстрапочтѣ 8 (20) ноября предписаніе о приведеніи себя на военное положеніе. Сіе повелѣніе подтверждается и донесеніемъ секретнаго агента изъ Познани, который прибавляетъ, что поляки выводятъ изъ онаго свои виды, а прусскіе офицеры предполагаютъ, что ежели начнется война между Россіею и Турціею, то пруссаки, соединясь съ австрійцами, будутъ препятствовать Россіи увеличиться и уничтожатъ вліяніе ея надъ Германіею. Поляки въ своемъ смыслѣ и пруссаки въ своемъ громко говорятъ о войнѣ. Съ моей стороны взяты всѣ возможныя мѣры объ узнаніи истины. Прошу довести сіи извѣстія до свѣдѣнія господина главнокомандующаго.

[1] Списано съ черновего отпуска, писаннаго рукою г.-а. Адлерберга и исправленнаго рукою графа Дибича.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Генералъ-адъютантъ Киселевъ цесаревичу.

Тульчинъ. 26-го ноября 1827 г.

Ваше императорское высочество.

Удостоясь получить письмо вашего высочества отъ 20-го текущаго мѣсяца, я немедленно исполнилъ приказаніе ваше, представивъ оное для свѣдѣнія г. генералу Ф—ла.

Съ нынѣ отходящею экстрапочтою я отправилъ черезъ Радзивилловскаго почтмейстера къ графу Курутѣ расписаніе австрійскаго корпуса, на границѣ нашей и турецкой расположеннаго. По свѣдѣніямъ (которыя, однако же, требуютъ подтвержденія) войско сіе стягивается въ Трансильваніи, гдѣ учреждаются большіе хлѣбные запасы, и куда валахскій господарь отправилъ уже нѣсколько транспортовъ съ пшеницею.

Между боярами появилась партія, явно провозглашающая, что покровительство Австріи есть для нихъ спасительное и которымъ отклонится разореніе, имъ нынѣ угрожающее.

Другія свѣдѣнія болѣе или менѣе положительныя даютъ право заключить, что преднамѣренія сей державы весьма противны нашимъ, и что они готовятся предупредить насъ въ занятіи Валахіи. Г. главнокомандующій о семъ представилъ на благоуваженіе его императорскаго величества и ожидаетъ рѣшительнаго повелѣнія на случай внезапнаго перехода границы и встрѣчи съ австрійскими войсками.

Почитая за особенное счастіе быть угоднымъ вашему императорскому высочеству и со всѣмъ усердіемъ исполнять волю вашу, я по настоящимъ обстоятельствамъ буду доводить до свѣдѣнія вашего высочества о всѣхъ тѣхъ пограничныхъ свѣдѣніяхъ, которыя вниманія достойны быть могутъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго высокопочитанія имѣю счастіе пребыть
вашего императорскаго высочества
всепокорнѣйшій слуга
П. Киселевъ.

Всеподданнѣйшій рапортъ цесаревича.

Варшава. 3-го мая 1828 г.

Доходили до меня свѣдѣнія, что прусское правительство принимаетъ мѣры къ укрѣпленію города Познани; но я не давалъ сему вѣры, какъ слухамъ неосновательнымъ. Послѣ того сіе начало подтверждаться по получаемымъ письмамъ и разсказамъ пріѣзжающихъ, а нынѣ находящіеся въ Калишѣ начальникъ польской жандармской команды и командиръ донского казачьяго полка, подполковникъ Катасановъ 2-й, доносятъ, что на построеніе крѣпости ассигновано прусскимъ правительствомъ два милліона талеровъ, и пріѣхалъ туда для сего инженерный генералъ Раухъ съ 5-ю офицерами, да и посыланный отъ меня навстрѣчу ея императорскому высочеству, великой княгинѣ саксенъ-веймарской Маріи Павловнѣ, состоящій при мнѣ генералъ-майоръ Феншъ слышалъ сіе на границѣ отъ прусскихъ офицеровъ.

Изъ всеподданнѣйшихъ донесеній и рапортовъ цесаревича.

Свѣдѣнія изъ Австріи и Пруссіи.

18-го ноября 1827 года.

Генералъ отъ кавалеріи Редеръ въ Познани получилъ эстафетой 8 (20) ноября изъ Берлина повелѣніе о приготовленіи 5-го корпуса, коимъ онъ командуетъ, къ совершенной военной готовности.

22-го ноября 1827 года.

Прусскія войска приготовляются къ походу, только не извѣстно куда. Всѣ корпусные командиры вызываются въ Берлинъ.

25-го ноября 1827 года.

Транспортъ съ военными снарядами и полный экипажъ подвижныхъ походныхъ печей отправленъ изъ Ольмюца въ Лембергъ и Буковину.

Idem.
(Notes recueillies par un agent du grand duc à l'etranger).

La Prusse est vivement alarmée des mouvements qui ont eu lieu en France; elle a de l'inquiétude pour ses provinces Rhénanes; on a surpris plusieurs correspondances d'un très haute importance; si la chose continue, des troupes de toutes armes seront envoyées pour renforcer le corps d'armée qui se trouve sur le Rhin.

Un courrier est arrivé il y a quelques jours de Berlin à Posen avec des ordres secrets de sa majesté le roi pour les généraux qui commandent les troupes, de se tenir prêts au premier signal. Dès que l'Autriche osera faire la moindre démarcüe hostile, le corps d'armée Prussien, qui occupe maintenant la Saxe, la Silésie et le grand duché de Posen, et qui est fort de 100.000 hommes, doit aussitôt avancer et s'emparer de la Bohême. Cet ordre est tenu dans le plus grand secret par les généraux, et ce n'est que par un heureux hasard qu'il est parvenu à la connaissance du correspondant, qui a lu lui même la dépêche qui n'est encore connue que des généraux Roeder (командиръ 5-го корпуса) et Bothe (командиръ дивизіи).

28-го ноября 1827 года.

1) Нѣкоторымъ австрійскимъ полкамъ дано приказаніе, чтобы они сблизились къ россійскимъ границамъ и расположились по квартирамъ, начиная занимать оныя отъ австрійскаго мѣстечка Черновицъ, что въ Буковинѣ, до конца россійской границы; также имѣютъ занять сіи войска мѣста противу турецкаго мѣстечка Стефанешти, на границѣ состоящаго. Движеніе сихъ войскъ должно начаться въ будущемъ декабрѣ мѣсяцѣ.

2) Австрійцы не вѣрятъ, чтобы весь турецко-египетскій флотъ былъ сожженъ, или, по крайней мѣрѣ, не хотятъ дать тому вѣры, а утверждаютъ, что малая и совсѣмъ незначительная часть флота истреблена, почему никакихъ толковъ о семъ пораженіи турокъ еще не открывается.

3) Въ Австріи предписано сдѣлать резервнымъ войскамъ разборъ.

Цесаревичъ графу Сакену.

3-го декабря 1827 года.

Начальникъ 25-й пѣхотной дивизіи генералъ-майоръ Рейбницъ, вслѣдствіе секретнаго моего ему предписанія, дабы по мѣстному его нахожденію близъ австрійской границы всемѣрно старался узнавать въ подробности секретнѣйшимъ образомъ посредствомъ тайныхъ агентовъ о всемъ происходящемъ въ австрійской Галиціи и въ особенности въ г. Лембергѣ, отъ 29-го ноября доноситъ, что въ австрійской Галиціи формируется обсерваціонный корпусъ, по словамъ однихъ—изъ 30.000, а по словамъ другихъ—изъ 60.000 человѣкъ; ожидаютъ также тамъ въ скорости большого рекрутскаго набора. Запасные провіантскіе магазейны долженствуютъ быть въ непродолжительномъ времени учреждены, но въ какихъ именно мѣстахъ и въ какомъ количествѣ, еще не извѣстно, какъ только то, что въ Лембергѣ назначено 300 человѣкъ хлѣбопековъ.

Онъ получилъ также отъ Радзивилловскаго пограничнаго почтмейстера секретное увѣдомленіе, что австрійскій 30.000-й корпусъ формируется въ Офенѣ.

По другимъ свѣдѣніямъ, обсерваціонный корпусъ въ 30.000 человѣкъ формируется въ Венгріи въ Офенѣ.

Извѣстіе объ истребленіи соединенными эскадрами большой части турецко-египетскаго флота въ бывшемъ морскомъ сраженіи при Наваринѣ крайне изумило всѣхъ въ Галиціи, при чемъ въ разговорахъ многіе изъявляли большое сожалѣніе о потерѣ, понесенной Портою, и утвердительно говорили о войнѣ съ нею Россіи.

3-го декабря 1827 года.

Во всей австрійской арміи получено повелѣніе быть въ совершенной готовности и произвесть рекрутскій наборъ для укомплектованія войскъ.

...Un corps prussien de la province septentrionale composé de 50.000 h. a reçu l'ordre secret de se tenir prêt pour marcher vers les frontières autrichiennes. On fait rentrer les congédiés dans leurs corps. On parle en Prusse que l'Autriche s'arme et qu'elle a fait des contrats en Dalmatie pour différents objets de la marine.

Свѣдѣнія изъ Австріи:

3-го декабря 1827 года.

Le général Hohenegg qui depuis quelque temps se trouve de sa personne à Czernowitz, a de fréquentes communications avec la Turquie. C'est encore lui qui est chargé de surveiller le mouvement des troupes Russes sous les ordres du maréchal Wittgenstein; il expédie tous les jours des estafettes à Léopold, adressées au général Fresnel.

Варшава. 5-го (17-го) декабря 1827 года.

Le commandant de la gendarmerie des palatinats de Kalisz annonce qu'il n'y a plus de doute que 3 corps prussiens ont reçu l'ordre secret de se tenir prêt pour marcher et que la seconde levée (Landwehr 2-te Aufgeboth) soi aussi disposée au premier ordre don é pour occuper les forteresses.

Le general Ziethen qui commande à Breslau reçoit maintenant très souvent des estafettes. La gendarmerie prussienne depuis quelques semaines fait très souvent des enquêtes sur nos frontières, pour savoir ce qui se passe chez nous. Les Landraths du pays avoisinant nos frontières doivent de même prendre des renseignements du mouvement de notre pays et ont l'ordre de faire leurs rapports aux autorités supérieures.

Варшава. 7-го (19-го) декабря 1827 г. (Свѣдѣнія изъ Данцига отъ 1-го (13-го) декабря).

Les bruits sur l'ordre de mobilisation donné aux corps d'armée prussiens se sont rependus ici depuis quelques jours par des lettres particulières de Berlin.

Отъ цесаревича.

Варшава. 10-го (22-го) декабря 1827 года.

Изъ Пруссіи.

Toute l'armée est moralement sur le pied de guerre, car l'on présume qu'il est de toute impossibilité que la Prusse reste dans l'inaction si ses deux formidables voisins tirent l'épée. Ainsi chaque militaire de tel grade que ce soit fait d'avance ses plans de campagne, le public civil se mêle de la conversation, et en général le royaume entier, anticipant ainsi sur les événements, semble être prêt à marcher.

Ce qu'il y a de positif porte: que l'on travaille dans les arsenaux et les laboratoires, chose qui dans cette saison n'avait pas eu lieu aucune année.

Que les officiers de cavalerie qui sont moins biens montés cherchent à se procurer de meilleurs chevaux.

Que dans les instructions des régiments de toutes armes on s'occupe beaucoup plus des détails qui ont rapport à la guerre qu'à d'autres fins.

Que les officiers de génie et ceux qui ont rapport avec cette arme, se pourvoient d'instruments de papier à dessein et autres petites bagatelles relatives à leur branche de service militaire.

Le dire général est:

Que le corps de Magdebourg servira d'abord de réserve à celui du Rhin et il s'y rendrait aussitôt, si la France était révolutionnée. Que celui de la vieille Prusse et celui de Berlin et Poméranie se rendront en Silésie, ainsi l'évacuation de la vieille Prusse et de la Poméranie ne font pas présumer qu'on ait conçu de l'inquiétude du côté de la Russie.

Изъ Австріи.

La politique ainsi que la partie militaire est beaucoup plus mobilisée en Autriche qu'en Prusse.

Il est presque indubitable que l'on formera deux grands corps d'armée, l'un dans les environs de Semlin et l'autre en Transylvanie. Il est à présumer que les troupes de la Galicie se réuniront dans la Bukovine et environs, car l'on a commencé à former des magasins de cette contrée.

Его императорскому величеству

отъ его императорскаго высочества цесаревича

рапортъ.

Начальникъ 25-й пѣхотной дивизіи, генералъ-майоръ Рейбницъ, отъ 6-го сего декабря доноситъ, что получены имъ извѣстія изъ Лемберга, что 60-ть тысячъ австрійскихъ войскъ уже тронулись въ походъ къ границѣ турецкой, для лучшаго оной укрѣпленія. Таковое же свѣдѣніе получилъ одинъ австрійской службы офицеръ отъ родственниковъ своихъ изъ Вѣны, и слухъ о семъ носится по Лембергу; войска же, расположенныя въ окрестностяхъ Лемберга, получили уже вторичное предписаніе быть въ готовности къ походу, но куда — неизвѣстно. Въ прочемъ подтверждаются всѣ тѣ же слухи, о которыхъ вслѣдствіе донесеній генералъ-майора Рейбница было доведено до высочайшаго вашего императорскаго величества свѣдѣнія отъ меня.

О чемъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу.

Генералъ-инспекторъ всей кавалеріи

Константинъ цесаревичъ.

№ 177.
14-го (26-го)
декабря 1827 года.
Варшава.

Австрія.

1-го января 1828 года.

Il est très possible que le corps de réserve cantonné en Hongrie se réunisse à celui qui se trouve en Galicie et qu'alors le prince de Hesse-Hombourg prendrait le commandement des troupes réunies.

Составъ резервнаго корпуса . . .	28 баталіоновъ,
	48 эскадроновъ.
Корпусъ въ Галиціи	29 баталіоновъ,
	2 полка драгунскихъ,
	3 » chevaux légers,
	2 » гусарскихъ.

Соединенная сила этихъ двухъ корпусовъ простирается до 70.000 человѣкъ.

Cette armée devra être opposée aux troupes sous les ordres de son altesse impériale, si jamais la Russie voulait faire la guerre à la Turquie, pour réaliser des projets particuliers, et non dans le but de soustraire la Grèce de la persécution des musulmans.

Пруссія.

7-е января.

Le 5-me, ainsi que le 6-me corps d'armée sont prêts à marcher, mais personne ne bouge.

La négligence dans laquelle on laisse toutes les places fortes situées aux frontières autrichiennes et le soin avec lequel on approvisionne et l'on répare les fortifications du côté de la Pologne, l'activité qu'on met à achever les forti-

fications de Thorn, sans égard à la saison, à côté de la proche parenté des souverains, l'étroite amitié qui les unit, l'appel clandestin des semestriers, tout cela déroute les combinaisons politiques de ceux qui ont l'habitude de les faire, et jusqu'à ce moment il n'y a pas d'opinion fixe en Prusse, ni dans le civil, ni dans l'armée.

Турція.

La nouvelle de la prise d'Erivan ayant été connue à Constantinople a produit une sensation désagréable et a intimidé les esprits. Ce n'est plus la paix de la Perse avec la Russie qu'on craint dans la capitale, c'est l'acceptation d'un traité d'alliance offensif et défensif qu'on y disait exister en projet entre la Russie et la Perse, et comme la Porte ne compte pas beaucoup sur la fidélité des pachas de Bagdad et de Bapora, qui n'ont pas encore aboli les janissaires et vers les pachalics desquels tous les individus qui ont appartenu à ce corps et ont eu le bonheur de se soustraire à la persécution, se sont portés en masse ne pouvant non plus compter sur les chrétiens de l'Arménie et de la Natolie, la Porte se trouve vivement alarmée de ce côté là, et il ne serait pas étonnant qu'une grande partie des renforts attendus d'Asie reçoivent l'ordre de veiller à la sureté des frontières de l'Arménie.

...L'organisation des corps d'armée turcs ne pourrait avoir lieu qu'après l'arrivée des troupes d'Asie, lesquelles ne sont attendues à Constantinople que les derniers jours du mois de Mars, ou au commencement d'Avril.

Пруссія.

Варшава. 14-го февраля 1828 года.

L'armée est prête à être mise sur le pied de guerre; deux corps d'armée sont mobiles, c'est à dire prêts à marcher dans les 24 heures; le reste peut être rendu mobile en très peu de temps, vu que depuis plusieurs mois on s'est déjà préparé à cette opération. Si une levée de boucliers a lieu en Europe et si rien ne fait changer la politique que la Prusse vient d'adopter, il est évident que, dans les circonstances présentes, la Russie n'a rien à craindre de ce côté là, puisque en cas d'allerte, les troupes de la vieille Prusse auraient à quitter leurs cantonnements et marcher en arrière, pour se placer dans le talon de la Silésie.

Австрія.

Le prince Metternich désire une réunion en congrès des monarques ou des plénipotentiaires pour s'entendre, dit-il, sur les affaires de l'Europe, car vu les distances et souvent le défaut d'intelligence des différents ministres, l'on peut compromettre le sort des monarchies, allumant une guerre générale, et combien n'éviterait on pas de calamités à la pauvre humanité, si l'on voulait s'entendre. Car, dit-il, il ne faut se fier à la Russie, ni à cette espèce de politique stationnaire qu'elle semble avoir adoptée, non seulement qu'elle veut passer pour ne vouloir toucher à rien, mais elle semble reculer; oui, dit-il, mais c'est pour mieux sauter; et si l'on n'empêche pas l'empereur Nicolas de faire le

plus petit pas en avant, on ne saurait déterminer où il voudrait s'arrêter, si jamais il prend la résolution de faire ce petit pas.

Quant à l'Angleterre et à la France, elles auront, dit-on, assez à faire chez elles, pour penser au dehors; ce sera encore à l'Autriche à arrêter le débordement des torrents, c'est encore à elle, dit-il, à maintenir l'éqnilibre, à elle à sauver l'humanité.

Отъ цесаревича.

Варшава. 4-го (16-го) мая 1828 года.

Изъ Австріи.

Le prince de Metternich ainsi que tous ceux reconnus être de ses amis, ou ceux partisans de son système sont au désespoir de ne pouvoir pas détourner la Russie des projets qu'elle va mettre à exécution, de la résolution qu'elle a adoptée. On a pris à Vienne pour ainsi dire un deuil politique, on attend avec anxiété l'issu des événements, on ne doute pas de sa réussite et des avantages que la Russie en retirera.

On se déchaîne contre le duc de Wellington, on boude l'ambassadeur d'Angleterre, on fait la mine à celui de Prusse. En attendant tout s'est arrêté. Aucun envoi d'hommes, ni même de munitions, ni en Hongrie, ni d'aucun côté; seuls les courriers sont en activité.

...On vient de faire une nouvelle levée de recrues, avec lesquelles on a mis au 1-er Mai tout le corps de Galicie au grand complet de guerre.

On procède à l'achat de 6.000 chevaux de cavalerle, afin de mettre tous les régiments de cavalerie, faisant partie du corps d'armée de Galicie à 950 chevaux de dragons et chevaux légers et à 1.200 chevaux ceux des hussards.

Всеподданнѣйшая записка цесаревича Константина Павловича.

Варшава.
1-го (13-го) іюня 1828 года.
№ 43.

En exécution des ordres qu'il a plu à votre majesté impériale et royale de m'adresser, j'ai choisi 18 officiers de son armée royale polonaise, pour être détachés auprès de l'armée activement employée contre les turcs. En mettant ci près sous vos yeux la liste de ces militaires, j'ai l'honneur de vous exposer, sire, que parmi eux se trouvent 7 sous-lieutenants, qui, bien qu'il n'appartiennent point au quartier-maîtrat général, ni au corps du génie, ainsi que votre majesté a daigné le prescrire, n'ont été placés dans la ligne, à leur sortie de l'école d'application, que faute de vacances et pour ne pas demeurer inactifs, car selon leurs études et leurs connaissances, ils auraient du être agrégés au quartier-maîtrat général et au corps du génie.

Comme dans le nombre de ces 18 officiers se trouve le colonel du quartier-maîtrat général Hauke, qui a été employé jusqu'à présent auprès du général d'infanterie d'Auvray, pour la démarcation avec l'Autriche et qui, à cet effet, séjourne actuellement à Kamieniec-Podolski, je fais diriger tous ces officiers vers cette ville, en enjoignant au colonel Hauke de se rendre conjointement avec eux à l'armée active et de s'y mettre à la disposition du major-général comte Diebitsch.

Constantin.

Liste nominative des officiers destinés à se rendre à l'armée impériale qui agit contre les turcs.

1828.

Quartier-maîtrat général.

Отмѣтки графа Чернышева.

Hauke, Joseph, colonel . . . . auprès de sa majesté l'empereur et roi.

Quartier-maîtrat général de la garde royale.

Szymanowski, Félix	auprès du major-général comte Diebitsch. capitaines.
Chrzanowski, Albert	auprès du feldmaréchal comte Wittgenstein.

Quartier-maîtrat général:

Breza, Joseph . . . . auprès du général Kisseleff, chef de l'état major de la 2-de armée.

Kijeński, Ignace	sous-lieutenants, à l'état major général de la 2-de armée.
Matgorzewicz, Jacques	
Potkanski, Adolphe	

Piedzicki, Julien . . . . auprès du comte Souchtelen.

Corps du génie.

Wilson, Joseph . . . . capitaine, auprès du général Trousson, chef du génie de la 2-de armée.

Szultz, Auguste . . . . lieutenant, auprès du général Kisseleff.

Szymonski, Michel . . . . sous-lieutenant, auprès du général Trousson.

Régiments de ligne.

Sous-lieutenants:

Malczewski, Julien. . . .	du 4-e de ligne . . .	Ces officiers se sont trouvés à l'école d'application et ont été placés, à leur sortie de l'école, dans ces régiments; mais d'après leurs études et leurs connaissances ils étaient destinés à entrer au quartier-maîtrat.
Stryjeński, Alexandre . . .	du régiment des chasseurs à pied de votre majesté impériale et royale № 1	
Ledochowski, Francois. . .	du 6-e de ligne . . .	
Borchard, Conrad	du 2-e de ligne . . .	
Swieszewski, Jean. . . .	du 4-e chasseurs à pied	id. destinés au corps du génie.
Strzemieczny, Mathieu . .	du même	
Nynkowski, Constantin . .	du 3-e chasseurs à pied	

Constantin.

Въ аттестаціи каждаго изъ поименованныхъ здѣсь офицеровъ упомянуто о его знаніяхъ по своей спеціальности и языкамъ. По русскому языку большинство comprend le russe.

Отмѣтки графа

Чернышева.

Malczewski, Julien. . . .	— auprès de son altesse impériale monseigneur le grand duc Michel.	Полковникъ Гауке сопровождалъ императора Николая, при отъѣздѣ его изъ арміи осенью 1828 г. моремъ, имѣя порученіе въ Варшаву къ его высочеству цесаревичу.
Stryjeński, Alexandre . . .	— auprès de colonel Hauke.	1-го (13-го) октября въ рапортѣ графу Дибичу (à bord du «Paris») сказано:
Ledochowski, François . . Borchard, Conrad . . . . Swieszewski, Jean . . . . Strzemieczny, Mathieu. . .	à l'etat major général de la 2-de armée.	....«le capitaine Szymanowski du quartier-maîtrat général de la garde est après moi le plus ancien officier. Votre excelence daignera donc pendant mon absence faire adresser à cet officier les ordres concernant les officiers polonais détachés à l'armée impériale».
Nynkowski, Constantin . .	— à Varna auprès du comte Souchtelen.	Тотъ же капитанъ завѣдывалъ вновь посланными офицерами и въ 1829 г.

Всеподданнѣйшая записка цесаревича Константина Павловича.

№ 24.

Варшава. 15-го (27-го) марта 1829 г.

J'ai l'honneur de porter à la connaissance de votre majesté impériale et royale que conformément à ses hautes intentions, qui m'ont été communiquées par son aide de camp général comte Czernicheff, j'ai fait choix de 19 officiers du quartier-maîtrat général et du corps du génie de l'armée royale polonaise, pour être détachés auprès de l'armée activement employée contre les turcs. Ces officiers dont les noms se trouvent consignés dans la liste ci-jointe, quitteront incessamment Varsovie, et à leur arrivée au quartier général de la 2-de armée ils se mettront à la disposition du commandant en chef général d'infanterie comte Diebitsch.

Constantin.

Liste nominative des officiers destinés à se rendre à l'armée impériale activement employée contre les turcs.

Quartier-maîtrat général.

Szymanowski, Félix . .	capitaines aux gardes.
Chrzanowski, Albert . .	
Potkanski, Adolphe . .	lieutenants.
Matgorzewicz, Jacques. .	
Butryn, Nicodème . . .	
Breza, Joseph	
Kijeński, Ignace . . .	
Zandrowicz, François . .	
Piędzicki, Julien . . .	sous-lieutenant.

Corps du génie.

Szymanowski, Vincent. .	lieutenants.
Rossmann, Frédéric . .	
Iodko, Constantin . . .	
Wieszniewski, Félix . .	
Szultz, Auguste. . . .	
Leszcyńśki, François . .	
Bielinski, Edouard . . .	
Szymonski, Michel . . .	
Dunin, Félix	
Zelewski, Theophile . .	sous-lieutenant.

Constantin.

Во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 21-го марта (2-го апрѣля) 1829 г. великій князь доноситъ, что вмѣсто поручика Лесчинскаго назначенъ поручикъ инженернаго же корпуса Brodowski (Joseph).

Etat nominatif de m.m-rs les officiers du corps du génie de l'armée polonaise, détachés à l'armée impériale russe, activement employée contre les turcs en 1829.

Lieutenants:	Brodowski,
	Szymanowski,
	Rossmann,
	Iodko,
	Wiszniewski,
	Szultz,
	Bielinski,
	Dunin,
Sous-lieutenant:	Zelewski,

Ce 13-го (25-го) Mai 1829.

Le lieutenant du génie Brodowski.

Войскъ польскихъ, корпуса инженеровъ.

Поручики: Бродовскій.
Шимановскій.
Росманъ.
Іодко.
Вишневскій.
Шульцъ.
Бѣлинскій.
Дунинъ.
Подпоручикъ: Желевскій.

Etat major général impérial et royal.

St.-Pétersbourg,
ce $\frac{26 \text{ Mars}}{9 \text{ Avril}}$ 1829.

Section de l'armée polonaise.

A son altesse impériale monseigneur le grand duc Constantin Césarewitch

rapport

de l'aide de camp général comte Czernicheff dirigeant l'état major général de sa majesté impériale et royale.

L'empereur et roi ayant pris lecture du rapport de votre altesse impériale du $\frac{15}{27}$ Mars № 24, relativement au choix qu'elle a fait de 19 officiers polonais pour être détachés auprès de l'armée activement employée contre les turcs, m'a chargé, monseigneur, de vous témoigner sa pleine et entière satisfaction pour l'empressement que votre altesse impériale a bien voulu mettre dans l'exécution de ses hautes intentions.

L'aide de camp général comte Czernicheff.

Графъ Дибичъ цесаревичу.

С.-Петербургъ, 9-го ноября 1827 года.

№ 472.

Государь императоръ высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ донести вашему императорскому высочеству, что полученныя на-дняхъ извѣстія о бывшемъ морскомъ сраженіи между флотами союзныхъ державъ и турецкимъ подъ командою Ибрагима-паши, въ которомъ надъ послѣднимъ одержана совершенная побѣда, дѣлаютъ войну съ турками весьма вѣроятною.

Хотя до сего времени не получено еще достовѣрныхъ извѣстій о разрывѣ Портою существующихъ между нами мирныхъ отношеній, но легко статься можетъ, что

турки, можетъ быть, рѣшатся перейти Дунай и разорить княжества Молдавію и Валахію, или, можетъ быть, дерзнутъ нанести какое либо оскорбленіе послу нашему въ Константинополѣ, или кому либо изъ пословъ союзныхъ державъ.

Если бы случилось то или другое, то сіе будетъ уже явнымъ знакомъ разрыва Портою существующаго между нами мира, и тогда должно будетъ съ нашей стороны принять рѣшительныя мѣры къ войнѣ.

По симъ обстоятельствамъ нынѣ же дано повелѣніе генералъ-фельдмаршалу, графу Витгенштейну, что если бы онъ получилъ отъ пребывающаго въ Яссахъ консула нашего, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Минчіаки, въ сходство особаго даннаго ему предписанія, офиціальное донесеніе о переходѣ турокъ чрезъ Дунай въ княжества Молдавію и Валахію, или что турки сдѣлали какое либо оскорбленіе послу нашему въ Константинополѣ, либо которому нибудь изъ пословъ союзныхъ державъ, въ таковомъ случаѣ приказалъ бы немедленно войскамъ, подъ начальствомъ его состоящимъ, перейти черезъ Прутъ и занять княжества Молдавію и Валахію, сходно съ предначертаннымъ для сего планомъ.

По таковому положенію дѣлъ государь императоръ на случай могущей быть войны съ турками изволитъ имѣть слѣдующія предположенія.

1) Коль скоро 2-я армія перейдетъ черезъ Прутъ, то въ подкрѣпленіе оной назначить 3-й пѣхотный корпусъ.

2) Въ то же время ближайшія къ театру войны губерніи, въ томъ числѣ и Подольскую, объявить на военномъ положеніи.

3) Какъ политика Австріи до сего времени была въ томъ сомнительномъ положеніи, что въ случаѣ открытія войны съ турками мы должны опасаться, дабы она не сдѣлала противъ насъ непріязненныхъ движеній, то для необходимой въ семъ случаѣ осторожности и для охраненія границъ нашихъ отъ стороны Австріи учредить изъ войскъ польской арміи, изъ отдѣльнаго Литовскаго корпуса и изъ резервнаго корпуса войскъ, подъ начальствомъ вашего императорскаго высочества состоящихъ, обсерваціонную армію подъ предводительствомъ вашего высочества, присоединивъ 1-ю гусарскую дивизію попрежнему къ 1-му пѣхотному корпусу.

4) Въ подкрѣпленіе же сей обсерваціонной арміи назначить изъ 1-й арміи 1-й и 2-й пѣхотные и гренадерскій корпуса и резервную кавалерію подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала графа Сакена.

О сихъ предположеніяхъ государь императоръ повелѣлъ мнѣ донести вашему императорскому высочеству только для предварительнаго вашего свѣдѣнія, съ тѣмъ, чтобы ваше высочество, впредь до дальнѣйшаго объясненія дѣлъ съ турками и до полученія особеннаго высочайшаго разрѣшенія, не дѣлая еще никакого исполненія въ отношеніи составленія обсерваціонной арміи, благоволили нынѣ сдѣлать одно только соображеніе: какимъ образомъ предположеніе сіе можетъ быть выполнено, и что для того нужно? а какъ на приведеніе польскихъ войскъ въ военное положеніе потребуются издержки, равномѣрно таковыя же потребуются и для войскъ Литовскаго корпуса по военному времени, то на что именно и какая сумма нужна особо для польской арміи и особо для войскъ Литовскаго корпуса? и обо всемъ ономъ почтили бы меня заблаговременно увѣдомленіемъ для доклада его величеству.

Цесаревичъ графу Дибичу.

14-го апрѣля 1828 года.

Графъ Иванъ Ивановичъ.

Видя изъ объявленныхъ распоряженій, что составляется резервъ войскъ для 2-й арміи, гвардія выступаетъ въ походъ, и по дошедшимъ извѣстіямъ воспослѣдуетъ отбытіе государя императора къ арміи. Насчетъ же войскъ, подъ начальствомъ моимъ состоящихъ, была только извѣстная вашего сіятельства переписка о предполагаемомъ составѣ обсерваціонной арміи, какъ же по заведенному съ нѣсколькихъ лѣтъ по волѣ блаженной памяти государя императора Александра Павловича порядку къ 1-му іюня каждаго года войска Литовскаго корпуса и польской арміи собираются всегда въ кампаменты и въ лагери, именно литовская уланская дивизія къ Несвижу, 24-я пѣхотная дивизія къ м. Скиделю, 25-я къ м. Млынову, съ ихъ артиллеріею, гренадеры резервнаго корпуса къ м. Цехановцу, а польская армія къ Варшавѣ, а какъ таковой сборъ можетъ отдалить нѣкоторыя войска отъ австрійской границы, какъ-то: Брестской и Бѣлостокской пѣхотные полки находятся первой въ Брестъ-Литовскѣ, а другой въ Кобринѣ, имъ же надобно итти въ лагерь за Гродно; также изъ м. Шерешева 24-й артиллерійской бригадѣ, что̀ сдѣлаетъ разницы дней 15, равномѣрно литовская уланская дивизія изъ Слонима къ Несвижу отдалится назадъ, и нѣкоторые полки и артиллерія польской арміи равно̄ отдалятся отъ австрійской границы къ Варшавѣ, то по сему случаю и въ теперешнемъ положеніи дѣлъ я остаюсь въ нерѣшимости дать мои приказанія насчетъ свода войскъ въ кампаменты и лагери, время же къ сему уже приближается, и потому нужнымъ почелъ обратиться къ вашему сіятельству не офиціальнымъ отношеніемъ и чрезъ сіе письмо и просить не оставить увѣдомить меня, можетъ ли быть сдѣлано распоряженіе, какъ прежде было, къ своду войскъ въ кампаменты и лагери, въ тѣ же мѣста, или не назначатся ли другіе, и не имѣется ли въ виду особенныхъ какихъ распоряженій.

Въ ожиданіи на сіе вашего извѣщенія прошу ваше сіятельство принять увѣреніе всегдашняго моего къ вамъ особеннаго уваженія.

Константинъ.

Высочайшій отвѣтъ на письмо цесаревича къ графу Дибичу отъ 14-го апрѣля 1828 года.

По случаю отсутствія начальника главнаго штаба, государь императоръ, раскрывъ письмо его императорскаго высочества цесаревича къ графу Дибичу отъ 14-го сего апрѣля, поспѣшаетъ имѣть честь увѣдомить его высочество, что по настоящимъ сношеніямъ австрійскаго двора съ нами не только не предвидится настоятельной надобности къ приведенію въ исполненіе извѣстныхъ его высочеству предположеній насчетъ гласнаго состава обсерваціонной арміи, но напротивъ поведеніе австрійскаго кабинета подаетъ теперь еще менѣе сомнѣній, нежели прежде. Основываясь на семъ, государь императоръ не видитъ никакого затрудненія въ томъ,

чтобы сборъ польскихъ войскъ не могъ производиться нынѣшнимъ лѣтомъ, какъ обыкновенно, въ окрестностяхъ Варшавы; желательно только, чтобы нѣкоторая часть пѣхоты въ видѣ гарнизона оставалась въ крѣпости Замостьѣ для вящшей безопасности отъ наглаго нападенія.

Въ отношеніи войскъ Литовскаго корпуса его величество столь же мало видитъ препятствій въ сборѣ 25-й пѣхотной дивизіи къ мѣстечку Млынову и гренадеръ резервнаго корпуса къ м. Цехановцу. Что касается до 24-й пѣхотной дивизіи, то удобнѣе бы казалось собрать оную вмѣсто мѣстечка Скиделя къ Бресту-Литовскому, а литовскую уланскую дивизію, если есть возможность, также у Бреста, или въ недальнемъ отъ онаго разстояніи. Впрочемъ всѣ сіи предположенія государь императоръ совершенно предоставляетъ благоусмотрѣнію его высочества, ибо и къ самому изложенію мнѣнія своего его величество приступилъ потому единственно, что его высочество въ обыкновенной предусмотрительности своей изволилъ обратиться по сему предмету съ вопросомъ къ начальнику главнаго штаба.

VI.

Письмо А. П. Ермолова императору Николаю [1].

Орелъ. 16-го января 1828 года.

Ваше императорское величество.

Щедрую награду вашего императорскаго величества, изліянную на меня, даже за предѣлы служенія моего, даръ сей единаго великодушія, превосходящій заслуги мои, превышающій силы содѣлаться его достойнымъ, пріемлю я съ чувствами чистѣйшей благодарности вѣрноподданнаго—съ благоговѣніемъ!

Знаю, государь, сколько мала жертва сія передъ милостію высокою, скорблю, не имѣя случая посвятить достойнѣйшую!

Исполненный щедротъ вашего императорскаго величества, дерзаю возносить единое желаніе: да воззрѣніе на меня благотворящаго мнѣ государя не возбудитъ завиствующихъ моему счастію.

Вашего императорскаго величества

вѣрноподданный

отставной генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ.

---

1 Это письмо написано Ермоловымъ по случаю того, что императоръ Николай повелѣлъ увеличить его пенсію до 30.000 р. вмѣсто получаемыхъ имъ 14.000 р.

*

VII.

Письмо князя П. М. Волконскаго императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ.

Odessa.
27 Juillet 1828.

Madame.

Il m'est impossible d'exprimer à votre majesté impériale tout ce que nous avons éprouvés ce matin par la surprise la plus agréable que nous a fait sa majesté l'empereur par son arrivée inattendue. A midi étant tranquillement dans ma chambre à préparer une expédition de courrier pour l'empereur, j'entends tirer le canon sur mer. J'envoie mon secrétaire reconnaître ce que c'était, et ne le voyant pas venir, j'entendis redoubler la canonade, et je sors pour m'en assurer moi-même. J'apperçois une fregate suivie d'un pyroscaphe, qui saluaient le pavillon de l'impératrice, et je vois en même temps flotter l'étendart impérial au gros mât du bâtiment; j'ai tout de suite dit à l'impératrice qui était venue également pour voir le vaisseau, que cela ne pouvait être que l'empereur, et en braquant notre télescope nous reconnûmes l'empereur. Je ne saurais vous exprimer, madame, le bonheur de l'impératrice et de la grande duchesse, qui toutes les deux courraient et criaient de joie. Un moment après nous vîmes la fregate jeter l'ancre et faire descendre à mer les bateaux sur lesquels est arrivé à terre l'empereur avec le grand duc Michel, les généraux Wassiltchikoff, Alex. Benkendorff, Adlerberg, le comte de Nesselrode, le comte Stanislas Potocki, le comte Matoussevicz, les aides de camp de l'empereur Serge Strogonoff, Lazareff, Korsakoff, l'aide de camp du grand duc Bibikoff, celui de Benkendorff Tolstoi, m-r Taneeff, le médecin du grand duc Wyllie et le peintre Worobieff.

L'entrevue de leurs majestés était extrêmement touchante, et grâce à Dieu l'empereur et le grand duc se portent à merveille. Sa majesté après avoir ordonné au maréchal de continuer à fortifier la position de Choumla, est allé voir celle devant Varna, et de là s'est embarqué à bord d'une fregate pour nous faire une visite, pendant que l'on travaille aux fortifications devant Choumla.

Il n'y a pas de doute qu'il ne pouvait mieux employer son temps, et faire une surprise plus grande que celle là, aussi sa majesté nous a rendue tous extrêmement heureux par sa présence.

J'ai tout de suite pensé à votre majesté impériale, combien cela pourrait vous faire plaisir, si vous pouviez vous trouver ici pour le moment, et je n'ai pas voulu manquer l'occasion de la poste pour annoncer à votre majesté impériale le bonheur que nous éprouvons.

Je suis,
madame, etc.
le prince Pierre Volkonsky.

VIII.

Письмо императора Николая графу Дибичу.

Лагерь при Козлуджѣ.

21-го іюля 1828 года.

Мы дошли благополучно сюда. До Енибазара ничего не произошло, и я уже отпустилъ свой полкъ съ шестью орудіями, ибо рота ждала насъ у большого кургана. Тутъ встрѣтилъ я и осадное артиллерійское отдѣленіе и въ конвоѣ 328 выздоровѣвшихъ и раненыхъ изъ-подъ Браилова, въ совершенномъ порядкѣ. Но едва прошли ихъ, какъ прискакалъ казакъ отъ кургана, гдѣ стояла рота, съ донесеніемъ, что тутъ до 200 турокъ. Мы остановились, и покуда одинъ эскадронъ казаковъ пошелъ развѣдывать, я послалъ за артиллеріею и за своимъ полкомъ; они скоро прибыли; между (тѣмъ) мы слышали нѣсколько выстрѣловъ и (видѣли) въ трубкѣ налѣво на горѣ человѣкъ 15 турокъ съ ружьями. Посланный адъютантъ донесъ, что генералъ Свѣчинъ привелъ уже другую роту, и что дорога пуста; тогда прошли мы весьма спокойно, но я продержалъ при себѣ весь конвой; послѣ привала у Туркъ-Арнаутлара пошли мы сюда съ 19-мъ Егерскимъ полкомъ и остальными конными орудіями. На дорогѣ видѣлъ я роту Одесскаго полка въ редутѣ и работы у фонтана. Но мнѣ кажется, что необходимо при самомъ фонтанѣ имѣть постъ, ибо съ редута нельзя мѣшать разбойникамъ стрѣлять по тѣмъ, которые за водой ходятъ; я приказалъ сіе исправить. Также необходимо на горѣ близъ большого кургана имѣть постоянно роту; вода есть напротивъ въ колодцѣ; а мѣсто сіе такъ важно, что тутъ бываютъ всѣ разбои, и сегодня нашли тамъ нѣсколько головъ; велите сіе сейчасъ исполнить.

Здѣсь нашелъ я жандармскаго офицера съ (почтою) посылкою отъ Меншикова ко мнѣ и къ фельдмаршалу; я не сомнѣваюсь, что онъ успѣетъ занять позиціи у берега; но жалкое состояніе лошадей отъ непростительнаго безпорядка меня крайне огорчаетъ; посему я рѣшился свой полкъ и всю Донскую роту вести туда, но не ранѣе, какъ пріѣдетъ ко мнѣ донесеніе чрезъ Деллингсгаузена. Завтра же пошлю Строгонова съ двумя ротами очистить и занять опасный постъ. Здѣсь есть 4 воловъ и рота; но она двигаться не можетъ отъ падежа воловъ, которыхъ пало множество по всей дорогѣ, но всего болѣе позади самаго лагеря и здѣсь, и очевидно, что отъ безкормицы. При Енибазарѣ корму много, и тамъ пало ихъ меньше; надо испробовать велѣть имъ все за лагеремъ сгрузить и сейчасъ порожнія фуры отправить, или складку дѣлать въ Енибазарѣ и оттуда возить ежедневно только нужную пропорцію. Надо велѣть Абакумову сейчасъ устроить продовольствіе овсомъ для Варны. Здѣсь стоитъ эскадронъ 1-го Бугскаго полка; они шесть недѣль не видали овса; пятый только день что начали получать. На нихъ тоже считать нельзя. Велите отправить всѣ обозы моего полка и Донской роты сюда, гдѣ если и не застанутъ насъ, то могутъ подъ прикрытіемъ слѣдовать. Вотъ покуда все, что узналъ. Про Бенкендорфа ничего не знаемъ, но около двухъ часовъ былъ пресильный дымъ къ сторонѣ Праводъ.

Меня крайне тревожитъ состояніе транспортовъ, ибо здѣсь нигдѣ никакого корму имъ нѣтъ; потому надо непремѣнно усилить мѣры противъ Варны, дабы, по крайней

мѣрѣ, сократить имъ путь, и хотя нѣсколько облегчить ихъ трудъ, иначе мы скоро станемъ въ пень. Призовите Абакумова и сами потрудитесь повѣрить всѣ его распоряженія. Если мнѣ дорога на Варну отсюда будетъ заперта, я рѣшусь итти на Базарджикъ, хотя кругомъ, но хочу быть въ Варнѣ, чтобъ судить своими глазами.

Желаю покуда, чтобъ у васъ все шло хорошо и по нашему вчерашнему условію, въ чемъ поручаю вамъ особенно имѣть строгій присмотръ и настояніе моимъ именемъ. Да благословитъ Богъ наше предпріятіе; оно трудно, но смѣлымъ Богъ владѣетъ!

Мой поклонъ графу; прощайте, любезный Иванъ Ивановичъ, вѣрьте дружбѣ вамъ

искреннаго

Николая.

IX.

Распоряженіе императора Николая по случаю отъѣзда къ арміи въ Турецкую кампанію въ 1828 году.

Графъ Викторъ Павловичъ, графъ Петръ Александровичъ и князь Александръ Николаевичъ. Находя нужнымъ на время отсутствія моего изъ столицы учредить для однообразнаго и безостановочнаго отправленія дѣлъ, на усмотрѣніе мое поступающихъ, особенную комиссію и назначивъ васъ членами оной, признаю за благо изложить здѣсь кратко волю мою касательно ея состава и дѣйствій.

1) Любезнѣйшій братъ мой, великій князь Михаилъ Павловичъ, имѣетъ быть членомъ сей комиссіи и присутствовать во всѣхъ засѣданіяхъ оной, когда находится въ С.-Петербургѣ.

2) Должность предсѣдательствующаго на сихъ собраніяхъ будетъ исправлять старшій изъ присутствующихъ.

3) Комиссія въ представленіи дѣлъ на усмотрѣніе мое, а равно и въ сношеніяхъ съ министромъ финансовъ и управляющимъ военнымъ министерствомъ, съ морскимъ министромъ и статсъ-секретаремъ, управляющимъ моею собственною канцеляріею, и вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ должна слѣдовать правиламъ, подробно опредѣленнымъ въ наказѣ ея, въ двухъ секретныхъ отъ сего числа на имя ваше указахъ и двухъ также секретныхъ указахъ правительствующему сенату отъ сего же числа.

4) Порядокъ для внесенія дѣлъ въ комиссію и для исполненія рѣшеній ея по министерствамъ финансовъ, военному и морскому и по собственной канцеляріи моей установляется особенными съ симъ вмѣстѣ данными министру финансовъ, управляющему военнымъ министерствомъ, морскому министру и статсъ-секретарю моему тайному совѣтнику Муравьеву инструкціями. Они обязаны предъявить сіи инструкціи въ комиссію.

5) Всѣ дѣйствія комиссіи за исключеніемъ лишь чрезвычайныхъ случаевъ, кои означены въ секретныхъ на имя ваше указахъ, должны оставаться въ тайнѣ.

Пребываю благосклонный къ вамъ

Николай.

С.-Петербургъ
24 апрѣля
1828 года.

Господамъ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Кочубею, генералу отъ инфантеріи графу Толстому и дѣйствительному тайному совѣтнику князю Голицыну.

Поручивъ вамъ главное наблюденіе за сохраненіемъ порядка и тишины въ государствѣ, я на ваше общее попеченіе возлагаю принятіе нужныхъ для сего мѣръ и въ томъ случаѣ, если Всевышнему будетъ угодно пресѣчь дни мои во время отсутствія моего изъ столицы. Для руководства вашего въ сихъ обстоятельствахъ постановляются слѣдующія правила.

1) Официальное извѣстіе о кончинѣ моей долженствуетъ быть сообщено вамъ любезнѣйшимъ братомъ моимъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, если онъ будетъ свидѣтелемъ оной; въ противномъ же случаѣ начальникомъ моего главнаго штаба или тѣмъ, кто въ сіе время при мнѣ старшій находиться будетъ.

2) Къ извѣстію имѣетъ быть приложено подробное описаніе всѣхъ обстоятельствъ кончины моей, утвержденное подписью медицинскихъ чиновниковъ и другихъ свидѣтелей.

3) До полученія сего официальнаго извѣстія вы обязаны наблюдать, чтобы, несмотря на большую или меньшую достовѣрность всякихъ иныхъ свѣдѣній, всѣ правительственныя и судебныя мѣста въ имперіи продолжали дѣйствовать именемъ моимъ, на основаніи законовъ; получивъ же оное по означенному выше сего порядку, вы имѣете немедленно донести о томъ любезнѣйшему брату моему, великому князю Михаилу Павловичу, который въ силу постановленія манифеста моего отъ 28-го января 1826 года облекается саномъ и властью правителя государства и за подписаніемъ своимъ издаетъ манифестъ отъ лица наслѣдника моего, сдѣлавъ всѣ надлежащія распоряженія для приведенія къ вторичной ему присягѣ.

4) Если въ сіе время любезнѣйшій братъ мой, великій князь Михаилъ Павловичъ, будетъ въ отсутствіи, то манифестъ наслѣдника моего, вслѣдствіе даруемаго вамъ чрезъ сей указъ полномочія, подписывается вами, и до прибытія правителя государства въ С.-Петербургъ вамъ предоставляется право завѣдывать всѣми дѣлами управленія, посылая указы и повелѣнія отъ имени новаго императора, за общимъ вашимъ подписаніемъ.

Николай.

С.-Петербургъ.
24 апрѣля
1828 года.

Господамъ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Кочубею, генералу отъ инфантеріи графу Толстому и дѣйствительному тайному совѣтнику князю Голицыну.

Оставляя столицу мою на неопредѣленное время и желая, чтобы и въ продолженіе отсутствія моего могли всегда и съ надлежащею скоростію быть принимаемы дѣйствительныя мѣры для охраненія общественнаго спокойствія, я призналъ за благо ввѣрить вамъ главное о семъ попеченіе. Вслѣдствіе сего вы имѣете непрестанно и тщательно наблюдать за положеніемъ и ходомъ дѣлъ въ государствѣ, отличая между оными тѣ, въ коихъ по самому свойству ихъ или особеннымъ обстоятельствамъ времени можетъ быть нужно приступить немедленно къ какимъ либо распоряженіямъ, выходящимъ изъ круга обыкновенныхъ дѣйствій управленія. Къ дѣламъ сего

рода принадлежатъ всѣ относящіяся къ чрезвычайнымъ случаямъ, въ коихъ можетъ быть угрожаема внутренняя или внѣшняя безопасность государства: бунты, открытіе злоумышленій, нашествіе непріятеля, голодъ, появленіе моровой язвы или иной опустошительной заразы и т. д. Въ сихъ случаяхъ и вообще въ обстоятельствахъ чрезвычайной важности вы имѣете, послѣ предварительнаго между вами соглашенія, предъявивъ государственному совѣту, правительствующему сенату и комитету министровъ, какъ сей секретный указъ, такъ и приложенный къ оному также секретный указъ правительствующему сенату, дѣйствовать по благоусмотрѣнію вашему съ полною властію, предписывая, если будетъ нужно, небыкновенныя выдачи денежныхъ казенныхъ суммъ, движеніе войскъ, удаленіе чиновниковъ, не исключая и самыхъ высшихъ, арестованіе изобличенныхъ или подозрѣваемыхъ въ государственномъ преступленіи людей и дѣлая всѣ распоряженія, кои будутъ признаны необходимыми для соблюденія или возстановленія порядка и тишины въ государствѣ. Въ силу даннаго вамъ чрезъ сей указъ полномочія всякій главноначальствующій по военной и гражданской части обязанъ исполнять ваши предписанія, какъ именные указы мои, и дѣйствіе сей ввѣряемой вамъ чрезвычайной власти будетъ продолжаться до полученія отъ меня новыхъ о семъ повелѣній. О всѣхъ происшествіяхъ и открываемыхъ умыслахъ, коими общественное спокойствіе можетъ быть болѣе или менѣ нарушено или угрожаемо, а равно и о принимаемыхъ вами мѣрахъ противодѣйствія или предосторожности, вы имѣете безъ малѣйшаго отлагательства доводить до моего свѣдѣнія.

Николай.

С.-Петербургъ.
24-го апрѣля
1828 г.

Указъ правительствующему сенату.

Признавая необходимымъ для пользы ввѣренныхъ намъ отъ Бога подданныхъ, чтобы и во время отсутствія нашего изъ столицы могли всегда и съ надлежащею скоростію быть принимаемы дѣйствительнѣйшія мѣры для охраненія общественнаго спокойствія, мы разсудили за благо снабдить особеннымъ на чрезвычайные случаи полномочіемъ членовъ государственнаго совѣта: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Кочубея, главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ генерала отъ инфантеріи графа Толстого и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Голицына. Давъ имъ нужныя для руководства ихъ предписанія въ секретномъ отъ сего числа на имя ихъ указѣ, мы повелѣли имъ предъявить сей указъ правительствующему сенату, когда по усмотрѣнію ихъ будетъ въ семъ надобность, а правительствующему сенату повелѣваемъ сообразоваться въ точности съ волею нашею, въ ономъ указѣ изъявленною.

Николай.

С.-Петербургъ.
24-го апрѣля
1828 г.

Наказъ

учрежденной на время отсутствія моего комиссіи.

I.

По случаю отъѣзда моего къ дѣйствующей арміи учреждается на время моего отсутствія изъ столицы особенная комиссія, которая будетъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи часть дѣлъ, по установленному нынѣ порядку на усмотрѣніе мое подносимыхъ.

II.

Для сего статсъ-секретарь, управляющій моею собственною канцеляріею, вноситъ въ сію комиссію всѣ поступающіе въ сію канцелярію журналы и мемоpiи государственнаго совѣта и комитета министровъ, доклады и рапорты правительствующаго сената, представленія и донесенія комиссіи прошеній, министровъ и другихъ главноначальствующихъ, а равно и военныхъ генералъ-губернаторовъ, военныхъ губернаторовъ и прочихъ начальствъ, не исключая изъ того и дѣла, подлежащія тайнѣ. Министры финансовъ и морской и управляющій военнымъ министерствомъ, руководствуясь данными особенными постановленіями, вносятъ сами въ присутствіе комиссіи означенныя въ сихъ наставленіяхъ дѣла.

III.

Доклады святѣйшаго синода также поступаютъ на предварительное разсмотрѣніе комиссіи чрезъ I отдѣленіе собственной моей канцеляріи. По дѣламъ, коихъ разрѣшеніе будетъ зависѣть отъ комиссіи, объявляются моимъ именемъ повелѣнія оберъ-прокурору святѣйшаго синода чрезъ посредство управляющаго моею собственною канцеляріею статсъ-секретаря.

IV.

Комиссія для разсмотрѣнія и отправленія поручаемыхъ ея вѣдѣнію дѣлъ собирается въ комнатахъ Зимняго или одного изъ загородныхъ дворцовъ моихъ; старшій изъ находящихся въ собраніи членовъ, исправляющій должность предсѣдателя, въ присутствіи прочихъ вскрываетъ вступающія въ оную бумаги.

V.

Комиссія, въ силу особеннаго симъ даннаго ей на время отсутствія моего изъ столицы права, можетъ объявляемыми отъ имени моего, чрезъ предсѣдателя государственнаго совѣта и комитета министровъ, или чрезъ главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, или же чрезъ управляющаго моею собственною канцеляріею статсъ-секретаря, повелѣніями дѣлать слѣдующія распоряженія.

1) Обращать къ исполненію мнѣнія государственнаго совѣта, единогласно или большинствомъ голосовъ принятыя, по дѣламъ тяжебнымъ и уголовнымъ, по коимъ

не требуется указа за собственнымъ моимъ подписаніемъ, а равно и положенія комитета министровъ на томъ же основаніи.

2) Также обращать къ исполненію мнѣнія комиссіи прошеній.

3) Разрѣшать не опредѣленныя въ общемъ расписаніи расходовъ выдачи денежныхъ и казенныхъ суммъ, на основаніи даннаго о семъ наставленія министру финансовъ.

4) Разрѣшать назначеніе чрезвычайныхъ слѣдствій.

5) Разрѣшать увольненіе въ отпускъ на срочное время.

6) Утверждать удаленіе отъ мѣстъ и преданіе суду чиновниковъ, изобличаемыхъ въ преступленіи.

7) Разрѣшать выдачу пенсій на основаніи правилъ утвержденнаго мною въ 6-й день декабря 1827 года устава о пенсіяхъ.

Всѣ прочія дѣла и въ особенности проекты какихъ либо новыхъ законовъ, учрежденій и уставовъ комиссія представляетъ на мое усмотрѣніе. Она также представляетъ мнѣ сокращенныя вѣдомости о дѣлахъ, ею рѣшенныхъ, означая, когда сіи дѣла имѣютъ нѣкоторую важность, и причины постановляемыхъ ею рѣшеній.

VI.

Всѣ указы мои и повелѣнія, препровождаемыя въ комиссію, отъ нея сообщаются или объявляются по принадлежности, чрезъ предсѣдателя государственнаго совѣта и комитета министровъ, или чрезъ главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, или же чрезъ статсъ-секретаря, управляющаго собственною моею канцеляріею.

VII.

Комиссія съ особеннымъ вниманіемъ печется о предохраненіи государства отъ всего, что можетъ явно или тайно угрожать общественному спокойствію. Для сего главнокомандующій въ С.-Петербургѣ сообщаетъ ей всѣ нужныя посредствомъ полиціи или инымъ образомъ получаемыя имъ свѣдѣнія. Извѣстія сего рода отъ прочихъ начальствъ поступаютъ въ 1-е отдѣленіе моей собственной канцеляріи и управляющимъ оною статсъ-секретаремъ представляются комиссіи.

VIII.

Комиссія рѣшаетъ всѣ представляющіеся въ разсматриваемыхъ ею дѣлахъ вопросы по большинству голосовъ, и отвѣтственность за принимаемыя ею мѣры остается на тѣхъ, кои составляли большинство.

IX.

Въ дѣлахъ важныхъ и вообще, когда сіе будетъ признано нужнымъ, комиссія составляетъ журналы своихъ засѣданій. Въ оныхъ означаются рѣшенія комиссіи, а равно и особенныя мнѣнія членовъ ея и присутствующихъ въ оной по дѣламъ своего вѣдомства министровъ морского и финансовъ, и управляющаго военнымъ министерствомъ. Сіи журналы могутъ быть составляемы или статсъ-секретаремъ, управляю-

щимъ моею собственною канцеляріею, или министрами финансовъ и морскимъ, и управляющимъ военнымъ министерствомъ, по дѣламъ, ими въ комиссію вносимымъ, или же по особеннымъ распоряженіямъ и подъ надзоромъ комиссіи. Рѣшенія ея приводятся въ исполненіе по установленному въ V-й статьѣ порядку объявляемыми отъ имени моего повелѣніями. Въ случаяхъ, когда нужны указы за моимъ подписаніемъ, комиссія представляетъ мнѣ проекты сихъ указовъ съ подробными реестрами или записками.

X.

1-е отдѣленіе собственной канцеляріи моей принимаетъ и отправляетъ дѣла по существующему нынѣ порядку, соображаясь съ постановленными въ семъ наказѣ правилами.

Николай.

X.

Письмо императора Николая I-го графу Дибичу отъ 21 августа 1828 года.

Odessa. le 21 Août. / 1828.

Yvélitch vient d'arriver dans ce moment même, et je ne sais que vous dire, cher ami, si je suis plus indigné ou plus affligé de ce qui s'est passé chez vous. Depuis mon départ et votre maladie, il me paraît que tout s'est endormie et va à l'envers du sens commun. L'affaire du 14 n'a pas de nom et vous pouvez dire de ma part au maréchal que je ne comprends pas comment il peut se faire, s'il sait qu'il commande une armée russe, que les turcs ont pu rester en possession d'une redoute Russe sous son nez pendant 12 heures de suite. La perte des canons est encore plus honorable; en voila déjà 8 au pouvoir des turcs, et qu'a-t-on fait depuis que l'on est à Choumla? Est ce ainsi que l'on remplit les ordres bien positifs que j'y ais laissé. Quand dans votre dernier rapport vous me disiez que les turcs ont détruit le village de Straja, je me suis d'abord douté qu'il voulait soit y faire une nouvelle batterie soit y placer une redoute ou bien nous attaquer sur ce point; comment personne ne s'en est il douté chez vous?— L'abandon d'Eski Stamboul est une autre belle chose! Et que fait-on donc de toute l'immense artillerie qui est là; est elle là uniquement pour faire crever les chevaux d'inanition et sans tirer un coup de cânon; enfin qu'est ce que le maréchal pense donc, s' pense! Enfin tout cela est pitoyable et détestable. Le rapport d'Abakoumof est ce qui m'inquiéte le plus; tout peut se refaire mais si nous n'avons pas de quoi nourir l'armée[1] que reste t-il à faire que de s'en aller au plustôt et c'est un beau résultat d'atteint après tous les sacrifices inutiles de portés. Je vous autorise de suite à accorder le plan que vous proposez; cependant j'ordonne que le maréchal reste avec son état major près du corps qui restera à Enibazar, c'est là sa place et je saurais me passer de lui à, Warna; vous venez me joindre avec le reste du 3-e corps et le 20-me chasseurs et laissez la division de chasseurs à cheval à Kosloudgi comme grande réserve pour couvrir nos communications, et pour appuyer soit à droite le maréchal soit Madatof si on le repous-

sait, soit nous, si nous avions besoin d'elle. Je pars cet après dîner. Les batteries de complétement du 3 corps doivent être près de vous déjà d'après la marcheroute que je tiens de Witt; celui de la 9-e division est à Bazardjik pour le 1 Septembre; et celui de la 8-e le 14; faites les venir de suite vous joindre. Je vous ai déjà dis que ceux de la 7 et 10 sont déjà à Warna. Vous aurez vu que nous nous sommes presque rencontré d'idée avec vous. La batterie de siège devra marcher vers Warna et non par l'autre rive du Liman. Je ferais arriver la garde si déjà elle ne l'aura pas fait de manière à y être pour le 29. Ayez bien soin de faire évacuer les malades et blessés sur Varna ou Kowarna, et j'espère aussi que vous aurez pensé à ne pas compromettre l'artillerie que vous renvoyez. Il faut aussi songer à ne pas compromettre la route de Silistrie, et en tous cas prévenir Rott de prendre bien garde à lui. Quelles mesures avez vous pris pour nourrir le corps de Scherbatof? j'espère que l'on n'aura pas négligé d'y songer à temps. Tout ce que je vous écris est pour le cas probable que Varna ne soit pas tombé; s'il l'était ce que Dieu veuille, alors il faut tenir devant Choumlà et nous attendre.

Je suis navré de tout ce tableau, et je vous assure que je ne sais trop comment nous nous en tirerons. Faites connu haut que je suis fort mécontent des chefs et que c'est eux seuls que j'accuse de tout ce qui arrive. A revoir, mon cher ami.

Tout à vous

N.

Ma femme vous dit mille choses. J'ai signé le manifeste pour 4 de 500.

P. S. Dans votre note vous me dites être disposé à ne faire ce mouvement que quand, arrivé devant Warna, j'en voyais la nécessité; mais je préfère vous délier les bras dès ce moment pour prévenir les événements et ne pas vous laisser dans l'inactitude sur ce que vous avez à faire. Ainsi, si après son arrivée, le comte Woronzof jugeait qu'après l'arrivée de la garde il peut cerner complètement la place et se flatter de la réduire bientôt, et que vous, vous ne voyez point de danger à rester devant Choumla, et que vous y ayez encore de quoi vivre, vous pourrez rester. Si non, suivez le plan proposé et auquel j'accède, mais de grâce sauvez les malades et les blessés et l'artillerie. Si vous restez à Choumla, il faut par un coup d'éclat remonter l'esprit de la trouppe; l'on s'était toujours proposé de prendre la redoute de Мачинъ, ne serait-ce donc pas possible à tenter? Si vous quittez Choumlà, probablement l'on vous suivra; il serait possible même qu'on le fasse avec imprudence, et que nous pourrions en profiter; une fois dans la pleine il serait plus que probable qu'avec notre nombreuse artillerie et notre bonne infanterie nous pourrions les battre; pensez y bien et que Dieu vous assiste.

XI.

Манифестъ императора Николая о кончинѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны 24-го октября 1828 года.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ.

Всевышнему было угодно поразить Насъ новымъ страшнымъ ударомъ. Мы лишились Любезнѣйшей Родительницы Нашей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Болѣзнь, слабая вначалѣ и внезапно усилившаяся, двадцать четвертое сего мѣсяца въ два часа пополуночи положила конецъ Ея драгоцѣнной жизни, коей всѣ минуты были посвящаемы исполненію обязанностей высокой добродѣтели. Въ терзаніяхъ сердца, смиряясь предъ таинственнымъ испытующимъ Насъ Промысломъ, Мы обращаемся и къ любезному Намъ народу. Горесть наша есть горесть всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, и только въ ихъ усердномъ участіи Мы можемъ находить услажденіе. Оплакивая незабвенную Родительницу Нашу, они вмѣстѣ съ Нами вознесутъ мольбы къ Благому и въ строгостяхъ Богу, да успокоитъ Онъ на лонѣ Своемъ Ея кроткую душу, бывшую вмѣстилищемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ и доблестей; а Намъ и всему отягченному скорбію Дому Нашему, да ниспошлетъ силы и утѣшенія свыше. Данъ въ столичномъ градѣ Нашемъ Санктпетербургѣ, двадцать четвертое октября въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ двадцать восьмое, царствованія же Нашего въ третіе.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Николай.

(Мѣсто печати).

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ октября 24 дня 1828 года.

XII.

Приказъ цесаревича Константина Павловича польской арміи 16-го октября 1828 года.

Ordre de jour
à
l'armée polonaise.

Au quartier général
à Varsovie.

Le $\frac{16}{28}$ Octobre 1828.

№ 44.

Le succès des armes de sa majesté l'empereur et roi, ayant subjugé à son pouvoir Varna le $\frac{29 \text{ Septembre}}{11 \text{ Octobre}}$, sa majesté impériale et royale daigna se rappeller que depuis près de quatre siècles révolues le roi Vladislas III, un de ses prédécesseurs, perdit la vie au milieu d'un combat mémorable livré aux turcs sous les murs de cette ville.

Voulant honorer les mânes du jeune héros d'un souvenir éclatant, sa majesté l'empereur et roi de Pologne a bien voulu ordonner, que 12 pièces d'artillerie, du nombre de celles prises dans cette forteresse, soyent conduites à Varsovie afin d'y être gardées en mémoire de la chute décisive de Varna.

Publiant par le présent ordre cette preuve de la sollicitude paternelle de sa majesté pour ses sujets polonais, je ne doute point, connaissant l'esprit dont est animée l'armée polonaise, qu'elle saura apprécier cette haute faveur à laquelle désormais seront attachés tant de souvenirs brillants, qui, je suis sûr, lui présenteront un nouveau sujet de s'en rendre digne par une fidélité inébranlable et un dévouement sans bornes.

Le commandant en chef

Constantin.

XIII.

исьмо цесаревича Константина Павловича барону Розену 21-го октября 1828 года.

Любезнѣйшій баронъ Григорій Владимировичъ.

Препровождаю при семъ къ вамъ два полученныя мною донесенія отъ подольскаго гражданскаго губернатора, которыя по прочтеніи прошу ко мнѣ возвратить. Изъ оныхъ вы усмотрите: 1) что изъ-подъ Шумлы наши войска отступили 8-го октября, простоявъ тамъ напрасно три мѣсяца и сдѣлавъ большую потерю въ людяхъ,

а объ лошадяхъ можете судить, какъ велика оная, изъ препровождаемой при семъ записки, выписанной изъ доставленнаго мнѣ журнала отъ генералъ-адьютанта Киселева, которыхъ въ 10 дней отъ 5-го до 16-го сентября пало болѣе 800, и, по сему разсчитывая, можно себѣ вообразить, сколько оныхъ пропало до 8-го октября и далѣе, и 2) главная квартира 2-й арміи будетъ въ г. Бузео, дальше даже отъ Дуная, какъ бывало въ прежнія войны, ибо оная обыкновенно располагалась въ Букарестѣ, а гвардія будетъ стоять въ Подольской губорніи. Изъ журнала же генералъ-адъютанта Киселева видно, что получено было донесеніе отъ генералъ-адьютанта князя Щербатова, что тогда, когда онъ шелъ съ своимъ корпусомъ къ Силистріи, онъ по недостатку продовольствія въ крѣпости Гирсовѣ и по дорогѣ отъ оной къ Силистріи принужденъ былъ дать войскамъ другое направленіе, — коли нѣтъ продовольствія даже внутри по сю сторону Дуная, какъ же судить о томъ, что далѣе.

Вы въ письмѣ ко мнѣ отъ 15-го октября говорите, что при началѣ войны не полагали, чтобы турки послѣ уничтоженія янычаръ могли въ такое короткое время замѣнить ихъ столь храбрыми и преданными войсками, скажу вамъ на сіе, что государь императоръ изволилъ прислать мнѣ нынѣ одного турецкаго барабанщика нынѣшнихъ регулярныхъ войскъ, ему лѣтъ 20-ть отъ роду, весьма проворенъ и остръ; онъ сынъ янычара, который убитъ во время истребленія ихъ, и у него самого, имѣвъ онъ тогда 15 лѣтъ, прострѣлена насквозь шея. Коль скоро онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, то съ перваго взгляда на его стойку я тотчасъ увидѣлъ, что это французское дѣло; когда же онъ сталъ дѣлать ружьемъ, то я въ семъ болѣе еще удостовѣрился, и несмотря на то, что барабанщикъ меня чрезвычайно удивилъ, такъ ловко, проворно и твердо прометалъ всю экзерцицію, что никакъ ожидать сего нельзя было, а руку откидывалъ такъ живо, что, можетъ быть, не лучше сего дѣлаютъ здѣсь въ 4-мъ польскомъ полку; онъ, кромѣ турецкаго, не знаетъ другого языка, но манера и звукъ командныхъ словъ, которыя онъ произносилъ по-турецки, есть совершенно французскіе, да и всѣ бои на барабанѣ, которые онъ билъ, французскіе же. Онъ мнѣ самъ сказывалъ, что въ турецкой арміи множество теперь французскихъ и итальянскихъ офицеровъ, считаютъ ихъ до 2.000 и даже въ каждой ротѣ по два и по три [1]; англичанъ же и нѣмцевъ вовсе нѣтъ. Слѣдственно у насъ весьма ошиблись, начиная войну, что съ турками весьма легко будетъ управиться, и вышло совсѣмъ тому противное, что́ и на дѣлѣ теперь подтвердилось.

Препровождаю еще для любопытства вашего приказъ, отданный по флоту, который прошу ко мнѣ возвратить. Изъ онаго вы замѣтите объявленную благодарность за вырѣзку турецкаго флота. Таковое выраженіе предоставить бы дѣлать султану и его капитанъ-пашѣ, а не нашимъ морскимъ начальникамъ употреблять.

Всегда васъ съ дружбою уважающій

«Константинъ».

---

[1] «Это дѣйствія французскихъ либераловъ, которые за то, что покойный государь укротилъ ихъ при Наполеонѣ, мстятъ теперь Россіи. И французскіе журналисты и газетчики, которые насъ прежде подстрекали къ войнѣ противу турокъ, теперь острятъ свое жало насчетъ нашихъ неудачъ и порицаютъ оную войну. Журналъ, доставленный отъ генералъ-адъютанта Киселева, при семъ препровождается, который по прочтеніи прошу ко мнѣ возвратить».

XIV.

Записка генералъ-адъютанта Васильчикова по поводу кампаніи 1828 года.

Aperçu sur la campagne de l'année 1828.

La campagne qui vient de se terminer par un beau fait d'arme, n'a cependant pas répondu à l'attente de l'Europe; elle n'a pas eu les résultats qu'on s'en était promis; elle a laissé la question de la paix à résoudre, elle a ouvert un vaste champ aux intrigues des cabinets. Il faut donc se préparer à une nouvelle campagne en mettant à profit l'expérience que l'on a acquise, éviter de retomber dans les mêmes fautes qui ont empêché d'arriver à des résultats plus positifs.

Le but de cet aperçu consiste à rechercher les causes qui ont fait manquer la campagne et indiquer les moyens propres à assurer les succès de celle qui doit se faire. Je n'ai pas l'intention de présenter un plan d'opérations, encore moins celle de m'ériger en critique sévère, je veux uniquement mettre sous les yeux de mon souverain les remarques que j'ai été à même de faire. A la fin de ma carrière militaire, malade comme je le suis, je ne puis être taxé ni d'ambition, ni d'intrigues; je serai trop heureux, si une seule des idées que contient cet aperçu, pourra être reconnu utile et servir à la gloire de mon souverain.

Il ne faut pas rechercher les causes qui ont fait manquer cette campagne ni dans une ligne d'opération mal choisie, ni dans des fautes de stratégie ou de tactique, ni enfin dans la supériorité et les talents de l'ennemi; il est facile de les reconnaître dans les erreurs de calculs sur le nombre des troupes qui devaient être employés et dans les faux renseignements que l'on a eu sur les moyens offensifs du sultan et l'esprit qui animait ses troupes; on a méprisé son ennemi, on a malheureusement cru pouvoir faire une marche triomphale jusqu'à Constantinople et l'on a voulu méconnaître les difficultés sans nombre que cette guerre présentait. Pour s'en convaincre il s'agit seulement de jeter les yeux sur les forces avec lesquelles on faisait marcher un empereur de Russie à la conquête de l'empire Ottoman; on verra que cette armée de Xerxès, comme l'appelait les diplomates étrangers ä St.-Petersbourg, comptait à peine 90.000 hommes sous les armes. C'est avec ces forces que l'on devait occuper la Moldavie et la Walachie, bloquer les forteresses du Danube, faire le siège de Braïloff et marcher sur Varna et Schoumla; n'est-il pas clair que l'espoir de réussir avec d'aussi faibles moyens, ne pouvait être basé que sur la conviction, que les forteresses du Danube tomberaient à notre approche et que Choumla était une position ouverte, comme le disaient des individus qui prétendaient l'avoir reconnu.

On a voulu rejeter les résultats de cette campagne sur l'occupation de la petite Valachie et sur le siège de Braïloff; mais en supposant même que ce fut une faute (quoique je suis bien loin d'en convenir), cela ne change en rien mon raisonnement; car nous n'avions dans la petite Valachie que 6.000 hommes, le corps de Voïnoff ne depassait pas 25.000 combattants; en convertissant le siège de cette place en blocus, il était impossible d'y employer moins de 10.000 hommes, car c'est un point beaucoup

trop rapproché de nos communications; la chute de Braïloff a entraîné celle de Hirsowa, Matchine, Toultchi et Kustendjy, sans elle il est certain que toutes ces places auraient tenues et auraient occupés quatre brigades au moins; où est donc le surcroit de forces que nous avons perdu en assiégeant Braïloff? Est-ce les 6.000 hommmes que nous avions en Petite Valachie qui nous manquaient pour avancer sur Varna et Choumla. A peine la campagne commencée que les militaires expérimentés au camp de Karatay, prévoyaient déjà qu'elle était manquée; au lieu de 100.000 hommes qui auraient du s'y trouver, l'oeil étonné en comptait à peine 18.000; cinq semaines du temps le plus précieux furent perdus à concentrer les corps isolés et pour accélérer la réunion de 50.000 hommes, on fut obligé de permettre la libre sortie des garnisons des forteresses du Danube, qui allèrent renforcer les troupes que nous allions combattre. Certes la réunion d'aussi faibles moyens ne peut s'expliquer, que par de faux renseignements sur les localités et la résistence qu'on devait rencontrer. Mais pouvait-on s'y méprendre? pouvait-on méconnaître le caractère ferme et résolu du sultan? pouvait-on ignorer, que si les turcs sont faciles à vaincre en plaine, ils défendent aussi bien qu'aucune autre troupe leurs retranchements et leurs murailles? pouvait-on ne pas savoir qu'en marchant sur Varna et Choumla, on entrait dans un pays de défilés et de montagnes, et qu'outre les troupes, on aurait sur les bras une population armée et fanatique? pouvait-on enfin ignorer la force de la position de Choumla et croire que 50.000 hommes, dans un terrain coupé et difficile, suffiraient pour frapper des coups décisifs? Il est donc clair que le chef d'état major a basé les préparatifs de cette guerre sur des renseignements peu exactes, et qu'il a évité toute discussion avec des militaires dont l'expérience pouvait en fournir de plus positifs. Le génie même ne sanrait faire tout par lui-même, et il n'y a pas d'hommes de talent qui puissent se passer des idées d'autrui. C'est sur cette vérité que j'ose appeler l'attention de l'empereur; la majesté impériale n'a pas d'homme d'un génie supérieur ni dans ses armées, ni dans ses conseils, auquel pourrait exclusivement et avec pleine sécurité remettre le soin des préparatifs d'une seconde campagne; mais elle a plusieurs hommes de talents, dont l'expériences et les idées ne sont pas à négliger; en réunissant en comité ceux d'entre eux dont les qualités inspireraient le plus de confiance, et leur faisant discuter en sa présence le plan d'opération, et les mesures nécessaires pour en assurer le succès, elle se mettrait à même de juger le pour et le contre, et adopterait l'opinion qui lui conviendrait. Une discussion partielle avec ces mêmes individus serait plus tôt nuisible qu'utile; on ne raisonne bien qu'entouré de tous les renseignements nécessaires et ce n'est que du choc des opinions que jaillit la vérité. Il ne faudrait pas que ce comité fût nombreux, trois ou quatre individus suffiraient; on y appelerait les généraux gouverneurs des provinces qui doivent fournir les subsistances; on réglerait le tout avec eux et environné de tous les renseignemeuts, on combinerait les moyens de faire peser également sur toute la Russie les sacrifices que la guerre éxigerait. Cette mesure inspirerait de la confiance et mettrait la personne de l'empereur à couvert de tout reproche.

Cet aperçu comme je l'ai déjà dit n'ayant pour but que de relever les fautes commises dans les préparatifs de cette guerre, afin de les éviter dans la campagne qui doit se faire, je commencerai par signaler comme faute principale l'admission d'un maréchal au commandement de l'armée lorsque l'empereur la dirige en personne; un pareil conflit de pouvoir ne saurait être utile; l'histoire des temps modernes nous en fournit plus

d'une preuve; car si le maréchal est un homme de talent et de mérite, il ne voudra pas jouer le simulaire d'un général en chef, si au contraire le choix tombe sur un homme sans moyens, qui se laisse faire, je ne vois pas de qu'elle utilité il pourrait être. En vain me dira-t-on que l'empereur ne peut entrer lui-même dans les détails de l'administration de l'armée, et que c'est pour cela qu'un général en chef nécessaire; je ferai à cette objection la même réponse, qu'un homme de talent ne voudra pas se borner à faire l'intendant de l'armée, et qu'un homme sans moyens ne l'administrera pas, mais la désorganisera. En supposant même que l'on trouve un homme de mérite qui voulut faire abnégation totale d'amour propre, son chef d'état major se trouvera dans une position aussi fausse que difficile, le conflit des deux autorités, du général en chef et du chef de l'état major de l'empereur, embarrassera et entravera son travail; il se trouvera sous la direction de l'un et de l'autre, obligé de complaire à tous les deux, il n'osera exécuter les ordres de son général en chef, sans avoir l'approbation du chef d'état major de l'empereur, il perdra son temps en négociations puériles, les affaires s'accumuleront, les décisions se ressentiront du trop de précipitation et le désordre s'en suivra. J'ai été à même de juger, combien, ce que j'avance ici, est positif et je ne crains pas d'être contredit; or en partant du principe que la centralisation et l'unité du pouvoir est une des premières conditions d'une armée bien organisée, je persiste à croire, que lorsque l'empereur commande en personne, un général en chef est un rouage de trop, qui entrave le mouvement de la machine. La faute que je viens de signaler a été, j'ose le dire, la source de bien des erreurs; au lieu de réunir à St.-Petersbourg tous les individus qui devaient coopérer aux préparatifs de la guerre et entourés de tous les renseignements possibles, discuter et arrêter un plan qui embrassa toutes les parties administratives; par ménagement pour le maréchal on lui abandonna le soin de régler l'approvisionnement et l'administration de l'armée; son chef d'état major homme de beaucoup d'esprit, de loyauté et d'activité manquait d'expérience; voyant la nullité des moyens de son chef, il craignit de prendre une trop grande responsabilité sur lui, de là vinrent des questions, des correspondances, des retards et même des bévues. Le siège de Braïloff éprouva des entraves faute de matériaux nécessaires; le passage du Danube ne dut son exécution qu'a la ferme volonté de l'empereur; à peine entré en Bulgarie, les communications se trouvèrent interrompues par l'oubli des chevaux nécessaires pour transporter les courriers; à peine la campagne commencée, que les troupes se trouvèrent sans viande et sans sel; ce dernier article avait été totalement oublié, le premier devait être fourni par des réquisitions, dans un pays ou jamais nos troupes n'avaient rencontré une poule; les hôpitaux dénués de tout, manquaient même de chirurgiens pour soigner les malades; les bâtiments qui apportaient l'approvisionnement de l'armée, restaient plusieurs semaines dans la rade, faute de bras pour les décharger; les convois marchaient sans escortes et si nous n'en avons perdu que peu, ce n'est qu'à l'ordre admirable dans lequel ils marchaient et la sottise de notre ennemi; on avait accumulé des equipages de ponts, tandis qn'on n'avait pas de rivières à passer et on avait négligé de se donner des ponts à chevalets portatifs, indispensables pour traverser un pays où chaque ruisseau devient un torrent à la moindre pluie.

Ces erreurs inouies prouvent non seulement l'incohérence et le peu d'ensemble que l'on a mis dans les préparatifs de la guerre, mais mettent au jour l'incapacité des employés de l'administration de l'armée. Si le chef d'état major manquait d'expérience,

le quartier maître général en avait non seulement moins, mais était encore dénué d'activité et de coup d'oeil. Le général de service était un homme au dessous du médiocre, sans ordre, sans activité, sans la moindre prévoyance; l'intendant général était bien loin d'avoir les qualités nécessaires pour un poste aussi essentiel; ignorant, incapable de grandes combinaisons, sans prévoyance, sans aucune idée de la guerre. Voilà sur qui roulait l'administration d'une armée commandée par l'empereur en personne.

Mais, qui prendre, me dira-t-on, où sont les hommes de talent et d'expérience? C'est là où j'en voulais venir pour signaler un principe dont je ne puis admettre l'utilité. Rien de plus juste que d'employer un géneral à la tête d'une troupe qu'il a commandé en temps de paix, pour peu qu'on lui reconnaisse de la capacité; mais si ce général n'est arrivé aux grades supérieurs que grâce à son ancienneté et à des promotions trop fréquentes, s'il n'a ni instruction, ni moyens, s'il n'est bon enfin qu'à former des troupes et non à les mener au combat, ce principe peut devenir la source de bien des malheurs. Les promotions par tour de rôle sans égard à la capacité de l'individu promus, écrasent le vrai mérite, lui inspirent du dégoût et avilissent les rangs. Un bon colonel peut devenir un bien mauvais général, et un bon général de division peut se trouver très déplacé à la tête d'un corps. Or avancer 30 généraux sur lesquels il n'y en a peut-être pas dix d'employables, c'est augmenter inutilement les dépenses, jeter de la défaveur sur les rangs et faire par là un mal réel à l'armée. C'est au principe que je viens de signaler qu'il faut attribuer la composition d'un état major aussi étrange; on n'a voulu déplacer personne, et au lieu d'entourer l'empereur de gens dont l'expérience et les talents promettaient de ne pas compromettre sa gloire, on préféra d'en abandonner le soin à des mains novices et sans antécédents. Pourquoi n'avoir pas appelé Toll à St.-Pétersbourg et ne lui avoir pas donné la place de Kissélef, qui aurait très bien commandé une division, et ne pouvait pas se trouver offensé d'être remplacé par le général Toll? Pourquoi n'avoir pas fait commander la cavalerie par le comte Pahlen, qui certes aurait mieux fait que Ridiger, que l'on n'a que trop employé? On conviendra qu'un général de service plus capable que Baikoff et un intendant général plus distingué que Melgounoff était aisé à trouver. Ce n'est donc pas les hommes qui manquaient, c'est l'application du principe que je viens de combattre, qui a donné lieu à une réunion d'hommes d'une capacité aussi nulle.

Je finirai par une vérité que personne j'espère ne me contestera: c'est que ni le passage du Danube, ni la prise de Varna n'auraient eu lieu, sans la ferme volonté et la prévoyance de l'empereur; on se serait obstiné à attaquer de vive force ou à bloquer Choumla, on y aurait mené les gardes et on aurait consumé la saison des opérations sans aucun résultat. Toutes les erreurs que je viens de relever viennent à l'appui d'un principe que je crois incontestable, c'est que dans les opérations de la guerre, en présence de l'ennemi, celui qui commande ne doit prendre conseil que de ses lumières; mais pour préparer une campagne, on ne saurait assez s'entourer de gens expérimentés et capables. Je persiste donc à croire, que pour assurer le succès de celle qui va se faire, il faudrait que l'empereur, sans perdre de temps, appela près de lui les individus dont les lumières et l'expérience lui sont connus; qu'il les chargea de discuter en sa présence le plan de campagne, aussi bien que les moyens à employer pour en assurer le succès; qu'il les entoura de tous les renseignements possibles et que tous ceux qui doivent coopérer à l'éxécution administratif du plan qui sera arrêté, se trouvassent à St.-Pétersbourg pour recevoir leurs instructions. Je ne puis assez le répéter: la guerre contre la Turquie est

purement administrative, l'empereur a bien autre chose à faire que de s'occuper des détails minutieux qu'exigent les préparatifs d'une campagne, son chef d'état major est trop surchargé d'affaires pour pouvoir suffire seul à cette besogne; il est donc indispensable qu'il se trouve entouré d'individus capables de l'aider dans une opératton aussi compliquée. Cette mesure me paraît d'autant plus nécessaire, que l'horizon politique n'est pas clair, que l'hiver peut nous amener plus d'un ennemi que les circonstances exigeront peut-être un grand développement de forces, que le temps presse, et qu'il est urgent de prendre les mesures les plus efficaces, pour que la campagne prochaine puisse commercer les premiers jours d'Avril et que les retards et le désordre qui ont eu lieu dans la formation des réserves sous les ordres du comte de Witt, ne puissent se répéter, si non, les plus belles combinaisons militaires ne produiront que de tristes résultats.

XV.

Переписка по поводу секретнаго комитета 4 сентября 1829 года.

Графъ Нессельроде графу Дибичу.

С.-Петербургъ. 7 (19) сентября 1829 г.

Vous avez désiré obténir pour la mi-Septembre des reponses aux différentes questions que vous avez, mon cher comte, soumises à l'empereur dans votre note du 13 Août. Nous cherchons aujourd'hui à tous satisfaire autant qu'il peut être au pouvoir des hommes de prévoir et de juger d'aussi loin tous les cas qui peuvent se présenter. La quintessence de notre conseil s'est réuni; l'empereur a bien voulu honorer nos aperçus de son suffrage et vous recevez par le premier courrier les conclusions de notre première séance. Je vous invite surtout à lire un mémoire de Dachkoff fait vraiment de main de maître, et où les avantages de la conservation de l'empire Ottoman en Europe sont exposés avec tant de clareté qu'ils crèvent les yeux par leur évidence. Dieu veuille que notre travail et nos délibérations soient inutiles, car plus on médite l'immense question de la chute de l'empire Ottoman, plus on s'enfonce dans un labyrinthe de difficultés et de complications les unes plus inextricables que les autres. Ainsi, mon cher comte, faites nous la paix et comptez sur la reconnaissance que vous porteront tous ceux qui savent un peu penser et raisonner en Russie. C'est la plus belle gloire qui puisse rejaillir sur le règne de l'empereur.

Conformément à mes promesses, je vous envoie, mon cher comte, les dernières dépêches de Londres; j'y ajoute un rapport du prince Lieven reçu hier et qui est encore plus satisfaisant. Sie werden daraus ersehen, wie die Leute alle von Kreutz gekrochen sind; tout ce que vous diront et vous insinueront Gordon et Guilleminot n'a plus la moindre valeur aujourd'hui. L'affaire est entre vos mains, ces officieux ambassadeurs ne peuvent plus faire aucun bien aux négociations et très peu de mal, lorsqu'on considère l'attitude magnifique où nous placent vos victoires. Vous en tirerez sûrement tout le fruit possible, et c'est dans cette conviction que je vous renouvelle mes plus invariables amitiés.

Nesselrode.

Voici une lettre de notre excellent comte Kotchubey.

Графъ Чернышевъ Дибичу.

7-го сентября 1829 г.

Le motif de l'expédition du présent courrier, cher comte, est tout diplomatique; il vous porte le premier protocole de nos discussions sur la plus grave et la plus importante des questions du temps présent. L'empereur a parfaitement approuvé les vues et les principes qui y sont développés, tout en désirant que vous n'ayez nullement besoin de ces bases générales pour vos opérations ultérieures et qu'une paix honorable et solide soit déjà définitivement arrêtée, au moment où les dépêches d'aujourd'hui vous parviendront. Notre comité se composait du comte Kotschoubey, le prince A. Galitzine, Tolstoy, Nesselrode, Dachkoff et moi; nous avons mûrement pesé la question et notre vote unanime a été la nécessité de faire tout ce qui dépendra de nous pour conquérir au plutôt la paix sans en venir au bouleversement de l'empire Ottoman en Europe, à moins que la force des circonstances ne nous y oblige par des causes indépendantes de notre volonté. En adoptant ce principe nous avons pesé les avantages et les désavantages de l'un et de l'autre de ces cas et nous avons été à même de nous convaincre combien le premier serait préférable pour nous que le second, qui ne manquerait pas d'entraîner des complications à l'infini et devenir une nouvelle source de calamités quelques glorieuses qu'en soyent les apparences. Tout ce qui nous revient même de Constantinople nous fait espérer qu'en tenant un langage ferme, sévère et imposant, vous êtes déjà parvennu opposer votre signature à un traité le plus glorieux et le plus avantageux qu'ait jamais connu la Russie. Nous attendons de vos nouvelles avec la dernière impatience, pénétrés comme nous le sommes tous de l'impérieuse nécessité de ne pas perdre de temps; à l'heure qu'il est, non seulement Constantinople, mais tous les cabinets de l'Europe sont frappés de stupeur, tous ont été pris au dépourvu par vos victoires, ce dont nous pouvons nous permoder par le changement de langage que l'on tient vis à vis de nous, mais si on leur donnait le temps de se reconnaître il en serait assurément autrement. Nesselrode vous instruit de tout cela en détail, cher comte, en mon particulier je jouis de toute mon âme de ce que la majeure partie des voeux que j'ai formé pour vous ce réalise et le Ciel vous a accordé déjà une gloire historique à laquelle j'espère vous allez mettre le comble. Les nouvelles que nous avons reçues directement de Constantinople, en date $\frac{29}{17}$ août, nous ont instruit de l'émeute qui y a eu lieu ainsi que des exécutions commandées par le sultan; quelqu' affligeantes qu'elles soyent, elles ont au moins le côté favorable de ce que le gouvernement existant a pris le dessus et qu'il désire sincèrement la conclusion de la paix. Que Dieu bénisse tous vos efforts et les couronne d'un entier succès, chaque bruit de voiture que nous entendons nous fait croire à l'arrivée d'un courrier de votre part, vu que vos dernières dépêches étaient du 17 et que nous devons en recevoir incessamment.

L'extra-poste d'aujourd'hui a apporté les rapports de Paskévitch en date du 7 août; ils n'annoncent rien d'important depuis son combat de Harti, il va se porter en avant sur la route de Sivas pour disperser quelques nouveaux rassemblements, mais il paraît qu'ils ne sont pas bien considérables; différents pachas entrent en accommodement avec lui, ce qui améliore sa position; la forteresse de Millisherd lui a envoyé ses clefs. Il est toujours un peu inquiet pour Bajazet, il l'a cependant renforcé autant qu'il a pu.

Je vous demande pardon pour ma lettre, elle est écrite très à la hâte à la suite d'une manoeuvre sur la route de Vibourg et au moment d'un départ pour Czarskoyé Selo et vous savez, cher comte, tout ce qui vous tombe sur le corps dans un pareil moment.

Agréez l'expression de tous mes voeux pour vous, ainsi que de mes sentiments aussi sincères que devoués et cela pour la vie.

Czernicheff.

Графъ Дибичъ графу Чернышеву.

Адріанополь. 23-го сентября 1829 г.

Recevez, mon bon et cher ami, mes remercîments pour vos lettres du 7, 10 et 12 Septembre; tous ces feldjegher sont allé supérieurement bien et surtout Sigismond 2 et Bravoi qui nous sont arrivés en moins de 9 jours, avec tous les entraves des quarantaines—chose presqu'incroyable; je les recommande, comme les connaissant de longue date, à votre protection, étant persuadé que dans ce corps il faut toujours une égale et prompte justice, en récompense comme en sévérité.

Je vous suis bien reconnaissant pour la part que vous prenez à la brillante récompense que notre chéri et auguste maître a daignè m'accorder, je m'honore de connaître les saints devoirs qu'elle m'inspire et je prie Dieu qu'il me donne les forces de les remplir.

J'ai lu avec une attention extrême votre mémoire du comité sècret sur nos relations avec la Porte Ottomane; partageant sur l'ensemble entièrement l'opinion de nos premiers hommes d'état, persuadé que la gloire de notre maître et celle de la Russie, qui en est inséparable, demandent dans le cas actuel supérieurement une telle décision; je voudrais cependant qu'on ne se fasse pas illusion sur la nécessité de prévoir la mort d'un malade qui ne vit plus que des remèdes palliatifs et qu'on s'occupe sans délai et sans préjuger du danger et en augmentant même si l'on le croit possible pour le guérir tous les moyens qu'on possède — des conséqnences énormes de cette mort politique — qui malheureusement me paraît inévitable encore de notre temps d'après tout ce que je vois.

Je crois que le soutien que Paskéwitch a accordé aux janissaires n'est pas dans les règles de la politique droite et loyale de notre souverain — ainsi que de trop grandes espérances données aux arméniens, malgré je crois les opinions personelles dn comte Erivansky, qui je crois extrêmement justes sous ce rapport depuis qu'il est devenu chef. Son caractère loyal et entreprenant ne lui permettra pas des démarches révolutionnaires, mais lui fera passer outre, là, où il ne voit pas une instigation directe et où des espérances vagues pourraient contribuer à la gloire de nos armes. C'est j'espère le seul point où nos vues et nos principes ne sont pas les mêmes, avec ce digne camarade: les expériences de 1813 et 1814 et ceux des années plus paisibles de 1815—1818 ont assis mes idées sur ces points de vue politique; je puis me tromper, mais je suis sur que je ne changerai pas d'une conviction, dont les exemples les plus augustes m'ont prouvé la justice.

Veuillez, cher comte, porter aux pieds de sa majesté ma reconnaissance profonde pour la nomination de Laczinoff et de Tolstoy; j'aime à être persuadé qu'ils seront des serviteurs utiles et fidèles. Je suis bien reconnaissant, cher comte, de l'attention que vous avez eu de communiquer à ma femme la récompense que sa majesté a daigné m'accorder; comme

elle a toujours vu mon coeur à ouvert elle aura pressentie d'avance ma joie et ma reconnaissance et je vous le dois, cher ami.

Je ne comprend pas comment vous avez pu prendre sur vous le reproche que j'adresse au département de médecine sur le manque de médecins; je sais fort bien que ce n'est pas vous et pas même le département, qui en soit la cause et c'est sous ce point de vue même, que je vous ai envoyé le papier, croyant que cela vous donnerait une meilleure occasion d'insister contre les préjugès de Wyllie qui dans des pareils cas aime à s'adresser directement au souverain, fort des mérites incontestables qu'il a dans sa partie, mais qu'il diminue quelquefois par une opiniâtreté et un amour propre exagérés.

Je vous suis bien reconnaissant, cher ami, pour ce que vous me dites sur les sentiments que me portent mes braves frères d'armes. Je sais que j'ai eu le bonheur de m'acquérir leur confiance et leur amour, mais je les défie aussi de m'aimer plus que je ne les aime. Cet amour est un noble héritage de notre immortel bienfaiteur commun et je m'honore de le partager avec celui qui suit si dignement ses traces — aussi ce sentiment pur et profond ne se relâchera jamais en faiblesse.

Ce n'est que par le courrier prochain que je pourrai vous répondre sur la dislocation de la 1-re armée, que vous m'avez envoyé. Vous ne dites rien de la 2-me à laquelle il ne resterait que 3 divisions d'infanterie jusqu'au de la 20.000; de ces trois divisions, il faudra deux pour occuper le pays qui nous restera en garantie pendant plusieurs années, il n'en resterait donc qu'une pour occuper les provinces qui sont d'une richesse immense en blé, qui ont une quantité de places fortes et des ports de mer qui demandent des garnisons considérables; et elle devrait encore servir de garde de cordon en cas d'un danger de contagion. Il me paraît donc qu'il faudrait un corps de plus à la 2-de armée ou si l'empereur ne veut pas le conserver, de rapprocher un corps d'armée de la 1-ére dans les cantonnements de la Podolie et des cercles polonais du gouvernement de Kieff. Je vous répète que je vous répondrai plus au long avec le feldjegher prochain.

Le pacha de Scodra qui n'a rien fait pendant toute la campagne commence à faire le fier, apparemment pour sauver la tête; je méprise ces fanfaronnades, mais je saurai les punir avec l'aide de Dieu, s'il ferait la moindre chose contraire aux stipulations de la paix.

Adieu, cher et bon ami, encore une fois bien de remercîments pour l'amitié dont vos dernières lettres me sont un si fidèle témoignage.

Tout à vous J. Diebitsch Zabalkanski.

XVI.

Всеподданнѣйшее донесеніе секретнаго комитета императору Николаю.

Его императорскому величеству.

Вашему императорскому величеству угодно было при отъѣздѣ вашемъ къ дѣйствующей арміи составить особую комиссію и избрать насъ къ отправленію въ оной дѣлъ.

Бывъ удостоены таковой монаршей довѣренности, мы старались всѣми силами оправдать оную и если дѣйствія наши въ чемъ либо не отвѣчали ожиданіямъ вашего величества, то, конечно, не отъ недостатка рвенія, не только исполнять, но и угадывать волю вашу.

Благополучное и столь желанное всѣми возвращеніе вашего величества въ столицу оканчиваетъ дѣйствія наши, посему мы поставляемъ непремѣннымъ долгомъ отдать вашему императорскому величеству сокращенный, но на строгой истинѣ основанный отчетъ о тѣхъ предметахъ, кои по ходу дѣлъ и по вліянію, какое настоящія обстоятельства на общее мнѣніе имѣли, заслуживать могутъ нѣкоторое вниманіе.

Вашему императорскому величеству, конечно, пріятно будетъ, что во все время отсутствія вашего не имѣли мы никогда надобности прибѣгать ни къ какимъ строгимъ или рѣшительнымъ мѣрамъ, на кои, по уполномочію вашему, мы имѣли право.

Сему не обязаны мы какимъ либо распоряженіямъ нашимъ, какому либо направленію, отъ высшаго правительства данному. Расположеніе умовъ внутри имперіи есть вообще совершенно удовлетворительно. Спокойствіе вездѣ было сохранено, и не видно было нигдѣ и ни въ какомъ сословіи никакихъ порывовъ къ новизнамъ. Владѣльцы, имѣющіе недвижимую собственность, естественно и желать оныхъ не могутъ; но не знаменовалось ничего, что̀ бы заключать заставляло, что и классъ, имъ подвластный, сноситъ досель съ нетерпѣніемъ зависимость свою, и если открывались иногда въ продолженіе сего времени небольшія движенія крестьянъ, то сіе происходило или отъ притѣсненія ихъ или отъ невѣжества и иногда отъ непонятія при исполненіи рѣшеній судебныхъ и другихъ случаяхъ.

Такое положеніе, безъ сомнѣнія, долго еще сохранено быть можетъ, если правительство въ дѣйствіяхъ своихъ постоянно руководствоваться будетъ благоразуміемъ и справедливостью, съ твердостію соединенными.

Извѣстно, что намѣренія вашего величества, частно въ разныхъ случаяхъ ознаменованныя, произвели весьма полезное внутри государства вліяніе, таковы суть: предписанія и наблюденіе за успѣшнымъ производствомъ дѣлъ и въ особенности уголовныхъ; уменьшеніе колодниковъ въ тюрьмахъ; распоряженія къ прекращенію злоупотребленій при рекрутскихъ наборахъ; облегченіе при производствѣ самой тягостной для народа повинности, исправленія и содержанія дорогъ, на тѣхъ стѣснительныхъ правилахъ, коими до послѣднихъ временъ въ отбываніи сей повинности руководствовались; сокращеніе отчасти въ многихъ губерніяхъ земскихъ повинностей вообще и многія другія мѣры въ частности, выгодное впечатлѣніе произведшія. Но должно признаться, что именно, по мѣрѣ оказаннаго же вашимъ величествомъ благорасположенія къ подданнымъ вашимъ, всѣ внутри пребываютъ въ нѣкоторомъ ожиданіи, что симъ не ограничите вы, всемилостивѣйшій государь, благотворныя намѣренія ваши, и что общими и существенными мѣрами довершите вы великое предназначеніе ваше. По мѣрѣ сихъ ожиданій и чувствъ признательности, благословенія общія доселѣ на васъ вездѣ распространялись.

Если столь удотлетворительныя свѣдѣнія можно рѣшительно представить вашему императорскому величеству о расположеніи умовъ внутри государства, то не можно ничего сказать и въ предосужденіе здѣшней столицы. Главнокомандующій оною, по начальству своему и по подчиненности ему III-го отдѣленія собственной вашего величества канцеляріи, утвердительно всегда удостовѣрялъ, что не доходило до него

ничего, что бы хотя малѣйшее сомнѣніе о расположеніи умовъ или о какихъ либо замыслахъ порождало. По свѣдѣніямъ графа Толстого, кромѣ шалостей, либо молодости, либо разврату свойственныхъ и во всѣхъ большихъ городахъ неизбѣжныхъ, ничего здѣсь не происходило.

Обративъ вниманіе вашего величества на таковое положеніе государства въ отношеніи внутренняго спокойствія его, мы должны привлечь оное на одно весьма важное обстоятельство. Мы уже имѣли счастіе представлять вашему императорскому величеству о дѣлахъ раскольниковъ. Мысль, что гоненіе на нихъ обращается, начинаетъ между ими утверждаться. Духовенство наше всегда было склонно преслѣдовать ихъ за вѣру, но какъ въ прошедшія времена таковое дѣйствіе не имѣло не только никакихъ успѣховъ и напротивъ утверждало еще болѣе ихъ въ расколѣ и ожесточало, такъ и нынѣ отъ одинакихъ началъ ожидать должно тѣхъ же послѣдствій. Неудовольствіе столь значительной массы простого и грубаго народа (до 4-хъ милліоновъ душъ) можетъ имѣть во всякое время важныя неудобства, наипаче же нынѣ, когда желать должно, чтобы и малѣйшее волненіе не тревожило правительства. Нужно, чтобъ въ секретномъ комитетѣ о раскольникахъ свѣтскіе члены, послѣдуя постоянно симъ началамъ, старались удерживать духовныхъ сотоварищей своихъ отъ всякихъ покушеній, сему противныхъ.

Въ войнѣ принимаемо было всѣми большое участіе. Независимо отъ самолюбія и нѣкоторой гордости, русскимъ свойственной, войны съ турками вообще у насъ въ народѣ всегда производили болѣе впечатлѣнія, нежели войны европейскія. Въ настоящемъ случаѣ, когда съ войною сопряжена въ народѣ мысль угнетенія единовѣрцевъ нашихъ, и что мы дѣйствуемъ для спасенія ихъ, она привлекла особое участіе въ среднемъ классѣ и въ простомъ народѣ, чувствами духовенства нашего подкрѣпляемое.

Отъ таковыхъ расположеній порождалась живѣйшая радость, когда доходили извѣстія объ успѣхахъ оружія нашего, и скорбь, столь же сильная, когда въ послѣднее время разносились слухи о неудачахъ нашихъ. Не должно, однакожъ, скрыть отъ вашего величества, что и въ семъ послѣднемъ случаѣ, когда много происходило толковъ о недостаткѣ способовъ, противъ непріятеля употребленныхъ, о разныхъ распоряженіяхъ военныхъ, о планахъ операцій и проч.,—ничего лично вашему величеству не было приписуемо и напротивъ, когда положеніе войскъ нашихъ подъ Шумлою завязалось, и когда изъявляемо было опасеніе, что, можетъ быть, должно будетъ оставить и обложеніе Варны, то единое и общее желаніе изъявляемо было, чтобъ ваше величество сюда возвратились. Сохраненіе ваше было предметомъ всѣхъ желаній. Всѣ изъявляли опасеніе, чтобы при усиліяхъ непріятеля, которыя, можетъ быть, и въ увеличенномъ видѣ представлялись, при сильныхъ покушеніяхъ его и при вредномъ вліяніи климата, а наипаче въ трудное осеннее время, жизнь ваша или здоровье не подверглись опасности. Тутъ слышанъ былъ отголосокъ, что война съ Турціею заслуживаетъ ли, чтобъ ваше величество арміею предводительствовали? Не должно умолчать, однакожъ, о многихъ сужденіяхъ, насчетъ начальства надъ арміею происходившихъ, и нерѣдко встрѣчался вопросъ: кому начальство сіе ввѣрено быть можетъ? Здравый разсудокъ въ заключеніяхъ своихъ не позволялъ ошибаться. Въ семъ отношеніи есть мнѣніе общее, довольно рѣшительное, и ваше величество нынѣ сами въ томъ удостовѣриться изволите.

Внутреннее положеніе государства въ отношеніи богатства есть довольно страдательное. Государство не имѣло еще времени поправиться послѣ отечественной войны, потому ли, что не были приняты мѣры исправленія, или что мѣры сіи были недостаточны. Произведенія наши изобилуютъ почти вездѣ, но нѣтъ онымъ сбыту, и цѣны на все удерживаются самыя низкія; обороты денежные почти ничтожны, и министръ финансовъ въ комиссіи неоднократно отзывался, что онъ ожидаетъ, и сіе вѣроятно, большихъ въ сборѣ податей недоимокъ.

Въ семъ положеніи, если война продолжится, и будетъ вторая кампанія, не можно будетъ прибѣгать ни къ какимъ новымъ прямымъ налогамъ, они разорили бы остальной классъ зажиточныхъ въ простомъ народѣ людей, нынѣ за неимущихъ подати уплачивающихъ. Должно будетъ обращаться къ другимъ средствамъ, къ займамъ, къ какимъ либо косвеннымъ налогамъ или способамъ, какъ-то: къ таможеннымъ сборамъ, къ оборотамъ по банкамъ (кромѣ выпуска новыхъ ассигнацій) и проч. и въ особенности къ возможному уменьшенію расходовъ вездѣ, гдѣ только можно, и къ введенію въ расходахъ самаго строгаго порядка и отчетности во всѣхъ частяхъ, разумѣя тутъ и издержки на войну.

Учрежденіе реквизицій внутри государства произвело вообще невыгодное впечатлѣніе. Въ прошлыя наши съ турками войны, если и были иногда чинимы требованія разныхъ вещей, то всегда платили за нихъ деньги. Реквизиціи чинимы были только въ отечественную войну. Впрочемъ какъ бы ни были онѣ учреждаемы, реквизиціи не могутъ быть уравнительны для тѣхъ жителей, на коихъ онѣ упадаютъ, и несравненно полезнѣе было бы покупать предметы, для войскъ нужные, или и, требуя оные отъ земли, платить деньги, ибо симъ способомъ обращеніе оныхъ могло бы увеличиться; недоимки могли бы успѣшнѣе поступать, и тягость пала бы не на нѣсколько губерній, но на государство, обязанное совокупно нести все бремя войны.

Изъ опыта нашего и вообще изъ опыта болѣе или менѣе всѣхъ государствъ заключить можно, что немалая осторожность нужна въ разрѣшеніи мѣръ, нерѣдко министрами финансовъ предлагаемыхъ. Многіе изъ нихъ при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ занимаются предпочтительно тѣмъ, чтобъ удовлетворять требованіямъ, не останавливаясь на томъ, какое дѣйствіе способы, ими предлагаемые, произведутъ. Не могутъ ли они разстроить благосостоянія частнаго, на коемъ основано общественное? Не произойдетъ ли справедливыхъ жалобъ на правительство? Не знаменуя здѣсь никого, мы только хотѣли изложить передъ вашимъ величествомъ примѣры, вездѣ и всѣмъ извѣстные, и обратить вниманіе вашего величества, при случаѣ какихъ либо новыхъ финансовыхъ мѣръ. Драгоцѣнно будетъ, конечно, для васъ, всемилостивѣйшій государь, всегда имѣть въ виду все то, что сохранить и утвердить можетъ къ вамъ любовь и приверженность подданныхъ вашихъ.

Въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ дѣла производились съ успѣхомъ, соотвѣтствующимъ намѣреніямъ вашего величества. Мы никогда не упускали принимать въ нихъ участіе, и развѣ только по болѣзни кого нибудь изъ насъ, или по какимъ либо особеннымъ занятіямъ, дозволяли мы себѣ, и то весьма рѣдко, въ собраніяхъ сихъ верховныхъ установленій не присутствовать. Въ правительствующемъ сенатѣ, сколько извѣстно, болѣе успѣшности въ производствѣ дѣлъ примѣчается. По крайней мѣрѣ, менѣе поступаетъ изъ сената дѣлъ въ государственный совѣтъ за разногласіемъ.

Рескрипты вашего императорскаго величества, на имена наши данные, имѣемъ счастіе у сего представить, донося, не благоугодно ли будетъ повелѣть государственному совѣту и правительствующему сенату внести къ вашему величеству тѣ секретные указы, кои вашимъ величествомъ при отъѣздѣ вашемъ имъ были даны.

Вѣдомость о дѣлахъ въ комиссіи, собственно вашимъ императорскимъ величествомъ учрежденной, произведенныхъ, у сего имѣемъ счастіе повергнуть на высочайшее усмотрѣніе. Число онымъ было велико, но не можемъ мы не донести вашему величеству, что въ множествѣ тѣхъ предметовъ, кои по установившемуся порядку вашему величеству представляются и въ отсутствіе ваше въ комиссію поступившихъ, находятся не въ маломъ числѣ такіе, которые, обременяя ваше величество и похищая столь драгоцѣнное время ваше, могли бы при постановленіи правилъ опредѣлительныхъ быть безъ всякаго неудобства министрами разрѣшаемы.

Счастливы будемъ мы, если ваше величество въ семъ краткомъ изложеніи найти изволите доказательство нашего усердія и приверженности къ священной особѣ вашей. Никакія другія побужденія нами не руководили.

Графъ В. Кочубей.
Графъ П. Толстой.
Князь Александръ Голицынъ.

16-го октября 1828 года.

Реестръ бумагамъ, рѣшеннымъ и принятымъ къ свѣдѣнію:

Итого 3199

Представлено его императорскому величеству прямо отъ комиссіи	290
Чрезъ I-е Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи	97
Итого докладныхъ записокъ	387
Изъ нихъ возвращено	322
» » не возвращено	65
Сверхъ сего утверждено объявляемыхъ высочайшихъ повелѣній	297
По всѣмъ симъ бумагамъ было составлено журналовъ	575
Всего въ комиссіи въ производствѣ было	4458

Реестръ журналамъ.

1) Журналовъ, поступившихъ въ I-е Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи: общихъ дневныхъ.	175
особенныхъ.	381
Журналовъ, поступившихъ въ III-е Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи.	5
Журналовъ, поступившихъ въ комиссію прошеній.	27

XVII.

Письма графа Чернышева графу Дибичу по поводу болѣзни императора Николая I въ 1829 году.

6-го ноября 1829 г.

Je commence, mon cher comte, par accuser la réception de votre lettre et de vos dépêches du 16 Octobre et de vous en exprimer toute ma reconnaissance. Malheureusement sa majesté n'a pu voir de toute votre expedition que votre lettre particulière. Le 29 au soir l'empereur s'est trouvé indisposé et depuis ce jour une fièvre catharale, suite d'un gros refroidissement, s'est déclarée avec assez de violence pour l'obliger à garder le lit depuis quatre à cinq jours, avant ce temps sa majesté m'appelait sans papiers et j'avais la possibilité de lui soumettre verbalement quelques affaires pressées, mais depuis qu'elle est alitée, Chreyton et Rauch qui le traitent, ont absolument exigé qu'elle suspende toute espèce d'occupation et ni moi, ni personne n'a plus travaillé avec sa majesté; lorsque j'ai quelque chose de très intéressant à porter à sa connaissance, c'est l'impératrice qui a la bonté de se charger de le lui dire et de me transmettre ses ordres. Connaissant votre coeur et votre dévouement pour notre cher souverain, je me hâte de vous dire que les médecins n'ont aucune espèce d'inquiétude, la fièvre est forte, mais n'offre aucun symptome alarmant; dans les commencements l'empereur se faisait lire les papiers, mais l'attention soutenue qu'il devait y donner augmentait la chaleur et c'est pour éviter toute irritation que les médecins ont défendu le travail; les deux dernières nuits il a dormi assez bien, la fièvre sans céder d'une manière marquante, a cependant perdu de son intensité et tous les efforts des médecins tendent à rétablir la transpiration; ils ne sont jusqu' à présent parvenu à leur but que partiellement, mais dès qu'elle sera générale, l'objet de tous nos voeux, le rétablissement de notre auguste malade sera très prompt. J'ai pris le parti de vous expédier ce courrier principalement pour vous instruire du véritable état des choses et afin d'éviter toute autre manière d'expliquer l'indisposition de sa majesté. J'espère que par le prochain courrier j'aurai le bonheur de vous informer de l'entier rétablissement de l'empereur, ou du moins que son état sera tel qu'il n'éxigera plus les précautions que l'on a jugées nécessaires aujourd'hui.

J'ai instruit le comte Nesselrode de ma présente expédition et il va répondre à vos dernières dépêches; le courrier que vous avez dû recevoir du prince Lieven, vous a porté une communication qui vous a probablement indigné. L'empereur m'a dtt à cette occasion qu'il était sûr, qu'en apprenant ce nouvel acte de mauvaise foi, de duplicité et en même temps de sottise, de la part des turcs, vous sauteriez bien haut. En effet cet acte ne peut être qualifié que de démence et on ne sait plus quel nom donner à ceux, qui après avoir été à vos pieds pour sauver l'empire Ottoman, ont probablement conseillé ou du moins reçu cet acte et l'ont transmis à leurs cours sans vous en faire part!! Heureusement que le langage ferme et énergique de nos plénipotentiaires à Londres est parvenu à faire reculer le ministère anglais devant l'idée de profiter de cet acte de félonie et il est probable, que cette misérable machination tombera à plat, comme toutes

celles, que nos envieux et soi-disants amis n'ont cessé de tramer depuis deux ans à leur propre honte et détriment!

Le rapport que je vous adresse aujourd'hui sur la rentrée des troupes, est entièrement dans le sens des ordres suprêmes, que je vous ai transmis par notre dernier courrier. L'empereur vous ayant déjà autorisé à garder pour l'hiver en Moldavie le 2-d et le 3-ème échelons, ce qui outre les raisons de sollicitude et de ménagement pour les troupes elles mêmes, peut aujourd'hui avoir aussi un but politique et renforcer votre influence morale, je n'y vois rien de changé, si ce n'est qu'en place du 1-er échelon que vous nous aviez indiqué précédemment, vous dirigez le 2-d échelon, et comme le comte Worontzoff nous a écrit, qu'il pourrait facilement cantonner trois divisions d'infanterie en Bessarabie, l'établissement des 5-ème et 6-ème divisions ne peut souffrir aucune difficulté; quant à la 2-de des hussards, s'il ne pourra pas la garder dans cette contrée à défaut d'écuries, il dépend de lui de la mettre en quarantaine et après sa purification la diriger, d'après son opinion, au delà du Dniestre. C'est dans ce sens que j'ai écrit hier au comte Worontzoff et je l'ai engagé au nom de l'empereur de se mettre en fréquentes communications avec vous et demander vos décisions sur les différents cas qui peuvent survenir, car les ordres suprêmes qu'on pourrait donner d'ici sur chacun d'eux, arriverait toujours trop tard.

La sottise des turcs a encore été cause d'une nouvelle effusion de sang, toute à leur détriment du côté de Paskévitch et que vos sages dispositions auraient pu prévenir; vous en connaîtrez les détails par la feuille ci-jointe, c'est fâcheux, mais c'est une leçon des plus que ces maraboux reçoivent et dont l'impressiou leur restera.

Les nouvelles que je reçois dans ce moment sur la santé de notre cher empereur sont grâce au Ciel de plus en plus meilleures, il vient de passer une troisième bonne nuit et son état est plus satisfaisant; si j'ai encore quelques détails à vous donner sur ce sujet si important pour notre coeur avant le départ du courrier je le ferai sans faute; en attendant agréez, cher comte, l'expression de mon tendre et inaltérable attachement pour vous.

Czernicheff.

Czeffkine va se marier ces jours-ci.

6-го ноября вечеромъ
1828 г.

L'empereur, comme je vous l'ai écrit ce matin, mon cher comte, a passé une très bonne nuit, mais comme la fièvre était toujours là et ne diminuait pas, les médecins ont jugé nécessaire de le saigner, ce qui a eu lieu à 2 heures; le sang tiré a prouvé, que sa majesté avait une fièvre inflammatoire et combien cette opération était indispensable; c'est Arendt qui a été appelé pour la faire; lui et ses autres collègues m'ont dit positivement que sa majesté n'avait aucune des parties intérieures de son corps affectées; ils n'attendaient de résultat marquant que 24 heures après la saignée; ils assurent que la maladie est sérieuse, mais que jusqu'à ce moment il n'y a pas de danger réel. Dieu veuille nous accorder ce mieux que nous appellons de tous nos voeux et de toutes les facultés de l'âme: ce soir l'empereur a pris deux tasses de thé avec plaisir et paraît assez calme. Je vous envoie les bulletins d'hier et d'avant hier, quant à celui d'aujourd'hui, je vous l'ai décrit. Indépendamment des inquiétudes et des angoisses que me cause

la maladie de l'empereur, je me trouve dans un cruel embarras pour l'expédition des affaires; j'en termine plusieurs dans le sens des ordres suprêmes que j'avais déjà reçu, mais beaucoup d'autres s'accumuleront et comme la convalescence de sa majesté sera longue et qu'il lui faudra de grands ménagements, j'aurai de la peine de remettre les affaires au courant.

Adieu, cher comte, j'espère d'expédier un courrier dans quelques jours et que la Divine Providence de la Russie me procurera l'inexprimable bonheur de pouvoir vous annoncer des nouvelles tout à fait tranquillisantes.

Tout à vous

Czernicheff.

13-го ноября 1829 года.

Je ne vous expédie ce courrier, cher comte, que pour vous tranquilliser sur la santé de notre cher empereur. Les 7-ème et 8-ème jours de la maladie, les médecins n'avaient plus aucun doute sur l'existence d'une fièvre inflammatoire, aussi se sont-ils décidé à une saigné au bras, exécutée par Arendt, qui depuis ce moment a été adjoint aux deux autres; cette saignée n'a pas produit de soulagement marquant; le pouls quoiqu' un peu tombé, était toujours resté entre 96 et 100 par minute; la peau continuait à être sèche et aucun indice de transpiration n'avait annoncé cette salutaire crise; la nuit du 9-me au 10-me jour avait été très agitée et comme on s'était aperçu d'une forte chaleur à la tête et d'une espèce d'assoupissement durant la journée, on a jugé nécessaire l'application des sangsues; le lendemain nous avons été ivres de joie en apprenant d'abord le matin qu'une forte sueur couvrait la tête de notre auguste malade et ensuite que tout le corps avait transpiré copieusement durant près de 4 heures. Depuis ce bien heureux moment le mieux continue progressivement; hier matin encore le pouls était 76 par minute, et après l'excellente nuit d'aujourd'hui il est tombé à 62, même au dessous de la pulsation ordinaire. Actuellement il ne reste plus qu'une grande faiblesse, signe évident d'une absence totale de la fièvre. Sa majesté se trouve dans un véritable état de convalescence, qui d'après l'avis des médecins nécessitera les plus grands ménagements; ils nous conjurent tous de ne soumettre à l'empereur de quelque temps que des sujets qui ne lui fassent pas de peine et ne l'assujetissent pas à un travail trop prolongé; ces précautions sont tout à fait essentielles pour éviter une rechute. Vous ne pouvez pas vous faire d'idée, cher comte, dans quel état nous nous sommes trouvés, tant que la crise n'avait pas eu lieu; la consternation était générale; chacum cherchait à lire sur le visage des médecins ce qu'il avait à craindre ou à espérer, et la cruelle épreuve par laquelle nous venons de passer, a donné la mesure de tous les sentiments que l'on a voué à sa majesté et de la manière dont l'apprécie. Qnant à moi personnellement, je ne chercherai point à vous décrire ce que j'ai éprouvé, car personne plus que vous ne peut le comprendre; j'étais écrasé et par les angoisses présentes et par les déchirants souvenirs du passé. Dieu dans sa miséricorde nous a accordé le plus cher de nos biens, l'entière et pleine sécurité sur la santé de notre maître chéri et je me trouve heureux de pouvoir vous l'annoncer.

Outre ce sujet principal et essentiel, je n'ai rien de particulier à vous annoncer aujourd'hui. Je vous envoie les bulletins jusqu'au 12 inclusivement, mes lettres y servent de complément.

J'ai vu le comte Toll; il a beaucoup changé et ne s'est pas bien trouvé d'abord après son retour; actuellement il va mieux; comme il est arrivé les tous premiers jours de la maladie de l'empereur il n'a pas pu voir sa majesté, qui m'a chargé d'ailleurs d'aller le voir et de lui dire de sa part de commencer par se bien soigner et de ne songer à sortir que lorsqu'il se trouverait entièrement remis. Le sénateur Besrodnoy est aussi arrivé depuis 5 à 6 jours; il est venu chez moi et je l'ai trouvé assez bien portant quoiqu' un peu maigri.

Vous concevez que ne pouvant point travailler avec l'empereur, j'ai peu de papier de service à vous transmettre; si quelques unes de vos présentations seront un peu arriérées, ne m'en voulez point, car il se passera encore un peu de temps avant que je puisse soumettre à sa majesté tout ce qui s'est encombré depuis ces 15 jours.

Je vous demande pardon de ne pas vous répondre aujourd'hui sur votre question au sujet des épaulettes; je vais faire venir chez moi Bittner et après l'avoir consulté, je soumettrai mes idées à l'empereur; vous savez comme il aime à décider ces questions lui même.

A l'empressement que je mets à vous instruire de notre joie commune, cher comte, vous reconnaîtrez un ancien ami qui connaît et apprécie votre coeur et vous restera éternellement et sincèrement dévoué

A. Czernicheff.

Nesselrode vous accuse la réception des ratifications qui nous ont été apportées par un feldjeger il y a trois jours. Boudberg n'est pas encore arrivé; si tôt qu'il viendra je le rappelerai à la bienveillance de l'empereur.

Czeffkine s'est marié avant-hier et a l'air fort heureux.

16-го ноября 1829 года.

Le comte Tolstoy nous a mis tous dans un cruel embarras; veuillez bien, cher comte, garder pour vous seul, ce que mon entière confiance en vous m'engage à vous dire. Malgré que l'empereur se trouve en pleine convalescence, que grâce au Ciel tout indice de fièvre a cessé et qu'à dater d'avant hier on ne publiera plus de bulletins sur son état de santé; cependant vu son état de faiblesse et d'irritation de nerfs, il est encore alité et les médecins et surtout l'impératrice ont trouvé nécessaire de lui défendre tout espèce de travail durant quelques jours encore et comme il commence à faire venir quelques uns de nous chez lui iniquement pour causer, les médecins nous ont bien recommandé à tous de ne lui rien dire qui puisse lui déplaire ou lui causer la moindre irritation. Le prince Gallitzin, Wolkonsky, Menchikoff, moi et Adlerberg, ainsi que Benkendorff avons été les seuls appelés jusqu' à la journée d'hier et avons fidèlement observé ce qui nous a été recommandé.

Hier matin sa majesté a fait venir le comte Tolstoy, qui n'a rien eu de plus pressé, que de lui dire qu'une fregate anglaise La Blonde ayant passé le détroit a été à Sévastopol, s'est rendu ensuite à Odessa. Nesselrode, Menchikoff et moi avions reçu le même avis, mais présumant que cette nouvelle fâcherait l'empereur, nous nous étions arrangés à ne porter cette circonstance à la connaissance de sa majesté que dans quelques jours; il ne nous était pas entré en tête que Tolstoy aurait eu la même nouvelle par les colonies militaires et encore moins qu'il aurait l'imprudence d'en parler sans consulter personne.

Effectivement ce que nous avions craint est arrivé; l'empereur a été extrêmement irrité, en apprenant qu'un bâtiment de guerre anglais avait paru et dans la mer Noire et devant nos ports et a ordonné qu'on vous expédie immédiatement un courrier, afin que vous exigiez de la Porte le libre passage d'un de nos vaisseaux de guerre qui se trouvent dans le golphe de Bourgas, pour aller au devant de Ribeaupierre et son retour dans la mer Noire, ainsi que celui de la frégate qui amenerait ce ministre. Tout ce que Nesselrode et Menchikoff ont soumis à sa mejesté pour mitiger ces conditions a échoué et les offices que vous recevrez en date d'aujourd'hui en feront preuve. Il est certain que le prétexte que le capitaine anglais met en avant d'avoir voulu exercer son équipage, ne peut-être consideré comme valable dans aucun cas et ne peut point tromper; mais d'un autre côté la dureté des conditions exigées peut compliquer nos relations amicales avec la Porte à peine établies et faire naître des discussions désagréables avec l'Angleterre. Aussi Nesselrode compte-t-il sur votre esprit conciliant pour arranger la chose aussi bien que vous en aurez la possibilité; je vous réitère, cher comte, ma demande de garder tout cela pour vous seul.

N'ayant eu jusqn' à ce moment que des conversations avec l'empereur, je n'ai presque pas d'offices à vous expédier, mais j'espère que d'ici à très peu de jours je commencerai à soumettre à sa majesté les papiers les plus pressés; il faudra encore du temps pour déblayer tout ce que j'ai sur ma table, car il faudra y aller avec beaucoup de ménagement.

Ne sachant pas trop comment décider la question que vous m'avez adressée au sujet des épaulettes de votre régiment, orné du chiffre, du N-os et des marques de votre dignité actuelle, j'en ai parlé à l'empereur; sa majesté a eu la bonté de me dire qu'elle se chargeait de vous en commander une paire et d'expliquer à Bittner comment il faut qu'il s'y prenne.

Vous n'avez pas à vous plaindre de notre paresse, voici au moins de dix jours le 3-me courrier que je vous expédie; j'étais sûr de vous rendre service, en vous tenant parfaitement au fait de ce qui se passe chez nous.

Agréez l'expression réitérée de tous les sentiments que vous me connaissez pour vous.

Comte A. Czernicheff.

28-го ноября 1829 года.

Je vous suis bien reconnaissant, mon cher comte, pour vos deux lettres du 31 Octobre et du 7 de ce mois; l'empereur a dicté lui même à Adlerberg une lettre pour vous; son contenu vous prouvera que j'ai eu raison en vous prévenant qu'on ne vous accorderait pas Neidhart; je n'ai rien à me reprocher à cet égard; j'ai rappelé cette affaire plus de dix fois à sa majesté et en ai toujours reçu des réponses évasives; quant à Neidhart lui même, je dois lui rendre la justice de dire qu'il était tout disposé à partir et que la détermination de sa majesté à son égard a paru lui faire de la peine. L'empereur vous désignera quelques individus pour le poste que vous lui assigniez, je ne sais jusqu'à quel point ils pourront vous convenir.

L'empereur va grâce à Dieu infiniment mieux, mais il est encore faible et son état exige de grands ménagements; les jambes surtout le servent encore mal; jusqu'à ce moment je n'ai pas encore eu de travail réglé avec sa majesté, mais de simples conversations, je me suis borné à lui soumettre les lettres particulières de votre part, ainsi que de la part du grand duc et de Paskévitch; depuis quelques jours il s'est fait lire par Adler-

berg les papiers qui s'étaient accumulés dans son cabinet. Il m'a dit lui même qu'il tenait essentiellement à déblayer ce fatras et se mettre en courant; mais ces occupations forcées l'ont parfois bien fatigué en dépit des médecins; l'empereur m'a dit que ce serait fini aujourd'hui et que dès demain il commencerait avec moi pour terminer ce qui s'est encombré durant sa maladie. Vous concevez que je ferai tout mon possible pour lui abréger le travail.

J'ai profité d'un de mes entretiens avec sa majesté pour lui parler de votre demande du 1.600.000 r. des sommes conditionnelles pour le foin et les portions de viande; j'ai déjà intimé au ministre des finances l'ordre suprême de vous délivrer ces sommes; j'espère que vous ne serez pas en attendant dans un embarras d'argent, vu que toutes les sommes des appointements pour le tierçal vous ont été déjà envoyées et qu'il y a beaucoup de troupes qui dépassent la frontière dans le courant de ce mois et qui n'auront plus droit à la paye de guerre.

J'ai été désolé d'apprendre la mort de Hermann; l'empereur ne le sait pas encore et m'avait ordonné d'après votre opinion de le mettre à l'ordre du jour comme chef d'état major du premier corps. Comme Paskévitch ne veut pas de Hastford et qu'il s'est entiché de Joukoffsky qui a été дежурный штабъ-офицеръ près du grand duc, nous lui garderons son poste précédent jusqu'à son retour. Le choix de Paskévitch est tout à fait inconvenant, d'abord parce que l'individu n'a pas les qualités requises pour un pareil poste, et puis parce que c'est le frère de l'intendant, de manière que toute l'administration serait une oeuvre de famille; d'un autre côté, avec un caractère comme celui de Paskévitch il est impossible de lui imposer un chef d'état major contre son gré, les affaires en souffriraient, ainsi que l'individu envoyé d'ici.

J'ai soumis à l'empereur votre désir concernant Pierre Pahlen; sa majesté m'a répondu que probablement en faisant cette demande vous avez encore ignoré qu'elle l'avait nommé chef du régiment de Soumm et le rescrit qui lui a été adressé et qu'on pourrait avoir cette récompense en vue pour l'avenir.

Toll va presque tout à fait bien et m'a fait dire avant hier qu'il était prêt à sortir; je crois que l'empereur va le voir un de ces jours.

Adieu, cher comte, recevez l'expression de mon ancien et invariable attachement pour vous.

Comte A. Czernicheff.

28-го декабря 1829 года.

Je vous remercie infiniment, cher comte, pour votre lettre du 5 de ce mois. J'ai été charmé de voir que vous ne vous plaignez plus de votre santé, ce qui me fait espérer qu'au moyen des mesures de précaution que vous avez prises, le petit accès dont vous m'aviez parlé dans la précédente ne s'est plus renouvellé.

Grâce au Ciel le rétablissement de l'empereur est parfait et sa majesté a repris toutes ses habitudes, même la parade où elle va à cheval, vu que ses jambes ont encore conservé de la faiblesse. D'après l'avis des médecins l'empereur travaille peu le soir et l'arrange de manière à terminer toutes ses affaires le matin à moins de cas extraordinaires. Sa majesté a ét parfaitement contente du premier résultat de la mission d'Orloff et de sa manière d'agir; la position brillante où il se trouve, le langage qu'il peut tenir, sont la conséquence non seulement de vos victoires, mais aussi de la conduite ferme, juste

et bienveillante que vous avez tenu et fait observer d'une manière si exemplaire dans les pays conquis; c'est un hommage sincère que tout le monde se plait à vous rendre.

La situation du 2-d corps est très affligeante et demande de promptes mesures pour réparer ses pertes; l'empereur a déjà fait partir le comte Paul Pahlen pour en prendre le commandement en Bessarabie; vu la maladie de Habbe, sa majesté lui a donné Weymarn pour remplir les fonctions de chef d'état major, jusqu'à ce que le corps arrive à ses quartiers permanents; plus tard Weymarn ira prendre le 1-r corps dont il a été nommé chef d'état major. Avant d'avoir reçu vos lettres, l'empereur avait déjà décidé que les troupes du 2-d corps séjourneraient provisoirement dans les quartiers qu'avait occupé la garde; elles y resteront assez longtemps pour se reposer, recevoir tous les renforts de leurs réserves, ainsi que les effets d'habillements et d'équipement de Balta et ce n' est qu'après leur complète organisation, qu'on décidera leur marche à leurs quartiers permanents. Dans la dislocation approuvée par sa majesté pour ces cantonnements de repos il y a place pour les 4-e, 5-e, 6-e et 8-e d'infanterie, la 2-me de hussards et le 4-me corps de cavalerie; plus tard ces troupes seront remplacées pour le même but par celles que vous renverrez aussi en Russie. Les nouvelles que Mouhanoff vient de nous apporter de la 1-re brigade de la 4-me de lanciers (du Boug) sont très satisfaisantes; elle a été bien plus heureuse pour sa marche, elle a peu de malades et n'a pas éprouvé de pertes d'hommes; nous ne savons encore rien de la 8-me d'infanterie.

L'empereur a daigné accorder la 3-me Wladimir à Boudberg et la 2-de St. Anne à Mouhanoff; en sus sa majesté a fait nommer Boudberg votre aide de camp, voulant poser en principe que les maréchaux pouvaient avoir des colonels pour aides de camp. Boudberg vient d'obtenir un congé de 15 jours pour aller voir sa mère et à son retour vous sera expédié de suite.

Je suis dans toutes les horreurs des derniers moments qui précèdent la confirmation du budjet; j'ai fait l'impossible pour la réduire autant que possible avec toutes les troupes que l'on veut garder; le total est même moindre que ce qui a été donné en 1828, eh bien, malgré cela Cancrin crie tapage et demande d'une manière fort peu polie des diminutions tout à fait extravagantes; je sais que lui même est embarrassé; mais il n'y a que l'empereur lui seul qui puisse décider de nouvelles réductions de troupes, ou de bâtisses, car celles qui ont été ordonnées sont de très peu d'importance. Je vous avoue qu'après tous les déboires que j'ai éprouvé depuis près de trois ans à cet égard épuisent ma patience.

Mon humeur n'est pas couleur de rose, au milieu de toutes mes tribulations, c'est pourquoi je vais terminer ma lettre, d'ailleurs l'empereur vous écrit lui même. Je joins ici un ordre du jour pour les nouveaux boutons que nous allons mettre à dater du 1-er de Janvier; la chose ayant été ordonnée assez tard, nous n'en aurons que très peu de prêts pour ce jour, cependant je vous en envoie pour l'uniforme de général; plus tard je vous en enverrai d'autres.

Adieu, cher comte, recevez l'assurance de toute mon amitié et de mon sincère dévouement.

Comte A. Czernicheff.

Je vous félicite sur la nouvelle année et vous la désire bonne et heureuse; celle qui vient de s'écouler a été bien glorieuse pour vous.

XVIII.

Политическая записка императора Николая Павловича.

Ecrit autographe de sa majesté l'empereur Nicolas.

(Sans date).

La gravité des circonstances présentes, dans leur rapport avec les intérêts directs de la Russie, m'a amené à me rendre compte à moi même des impressions qu'elle me fait éprouver. Le résultat de cet examen devant le tribunal de ma conscience semble me tracer mes devoirs.

La position géographique de la Russie est si heureuse qu'elle la rend presqu'indépendante, quant à ses propres intérêts, de ce qui se passe en Europe; elle n'a rien à appréhender; ses frontières lui suffisent, elle ne peut rien désirer sous ce rapport et par conséquent elle ne devrait être inquiétante pour personne. Les circonstances qui ont amené la conclusion des traités existants datent d'une époque, où la Russie, après avoir vaincu et anéanti l'agression inouie de Napoléon, venait en libératrice aider l'Europe à secouer le joug qui l'oppressaits. Mais le souvenir des bienfaits s'efface plutôt que celui des injures; déjà à Vienne la mauvaise foi faillit rompre l'union à peine cimentée et il ne fallut rien moins qu'un nouveau danger connu pour rallier franchement les puissances à celui qui, déjà une fois leur libérateur, était toujours généreux.

Durant les 10 années qui suivirent, l'union parut étroite entre la Russie, l'Autriche et la Prusse. Cependant plus d'une fois, ces deux puissances s'écartèrent du sens littéral ou des principes fondamentaux, sur lesquels étaient basés les traités d'alliance. Ce fut toujours la patience ou la modération de l'empereur qui sut ramener à la vraie soie, ou cacher la divergence d'opinion, par son inépuisable désir de sauver l'apparence de l'intimité la plus parfaite. Lorsque la Providence l'enleva à la Russie, nous vîmes bientôt qu'à côté des plus belles assurances l'Autriche trahissait ses arrières pensées; la Prusse nous fut plus longtemps fidèle il est vrai, mais une différence notable se fit voir entre les rapports personnels avec le roi et ceux avec son ministère.

Toute fois, il n'y eut point de divergence éclatante jusqu'à l'infâme révolution de Juillet. Nous avions des longtemps prévu cet affreux événement et nous avions épuisé près de Charles X et de ses ministres tous les moyens de persuasion que l'amitié et nos bons rapports admettaient. Tout fut en vain. Dès lors nous n'hésitâmes pas à prononcer fortement le blâme contre les démarches illégales de Charles X, mais pouvions nous en même temps reconnaître un maître légitime à la France que celui qui par tous les droits y devait être appelé? C'était faire notre devoir et rester fidèle aux principes qui avaient dirigé toutes les démarches des alliés depuis 15 ans. Cependant nos alliés sans se conseiller avec nous sur une démarche aussi grave, aussi décisive, s'empressèrent par leur reconnaissance de couronner la révolte et l'usurpation, démarche fatale, incompréhensible et à laquelle il faut attacher le chaînon des désastres qui depuis cet instant n'ont cessé de pleuvoir sur l'Europe. Nous resistâmes, car nous le devions; je ne cédai que pour le

seul motif de conserver l'union; mais il était facile à prévoir, qu'après un pareil exemple de lâcheté aussi subversive, la série d'événements et de démarches en conséquence ne pouvait s'arrêter là, et en effet Bruxelles suivit bientôt l'exemple de Paris. Là, l'autorité royale avait eu tort, car c'était elle qui avait donné présence à la révolte pour éclater; à Bruxelles, au contraire, rien de ce genre n'avait eu lieu, si non des bienfaits de la part du souverain. Cependant, le même principe fut adopté, il fut dit: le pays ne reconnaît plus un ancien maître, donc c'est un pays indépendant; hâtons nous de le reconnaître pour tel et constituons le, en lui donnant un maître. Mais le souverain était encore maître de son ancien patrimoine, qui, ne pensant qu'à son honneur, n'hésita pas à s'épuiser en efforts pour le soutenir, exemple sublime et qui eut mérité un meilleur sort et un maître plus digne de l'apprécier!

Ainsi qu'il fut fait pour la France, sans en consulter au préalable avec leur ancien allié, l'Autriche et la Russie se sont hâtées de promettre leur accession, mais nous avons, dès le commencement, suivi une voie plus noble et, seuls champions du principe de justice, nous avons su braver le courroux de l'Angleterre et de France. Pouvons nous sans nous déshonorer changer de conduite?

Mais laissons là la question d'honneur et parlons seulement intérêt. Y en a-t-il pour nous à consentir à ce nouvel acte d'iniquité? est-ce conserver l'union antique que de travailler en commun à détruire notre propre ouvrage? L'antique alliance existe-t-elle encore, quand deux des puissances vont directement dans le sens contraire de ce qui motiva l'antique alliance? existe-t-elle encore quand la Prusse nous fait pressentir que même en cas d'une invasion française en Autriche, elle n'accordera que son appui moral à cette dernière! Est-ce là, grand Dieu, l'alliance créée par notre immortel empereur? conservons ce feu sacré intact et ne le déshonorons pas par une accession muette aux actes de lâcheté et d'iniquité des puissances qui ne prétendent à notre alliance que quand elles veulent de nous pour complices à de pareils actes; conservons, dis-je, le feu sacré pour le moment solennel, qu'aucune force humaine ne peut éviter, ne peut retarder, moment où la lutte entre la justice et le principe infernal doit éclater. Ce moment est proche, soyons pour lors, nous la bannière, à laquelle forcément et pour leur propre salut viendront se rallier une seconde fois ceux qui tremblent dans ce moment.

Nous avons reconnu le fait de l'indépendance de la Belgique, parce que le roi des Pays-Bas l'a reconnu lui-même; mais ne reconnaissons pas Léopold [1], car nous n'avons aucum droit de pouvoir le faire, tant que le roi des Pays-Bas ne le reconnait pas. Mais en même temps, ne cachons pas notre désaprobation manifeste de la conduite double et fausse du roi et retirons nous de la conférence.

Si la France et l'Angleterre s'unissent pour tomber sur la Hollande, nous protesterons, car nous ne pouvons faire plus, mais du moins le nom russe n'aura pas été souillé par la complicité d'un pareil acte. Notre langage à l'Autriche et à la Prusse doit toujours être le même, il doit leur faire connaître constamment le danger de la route qu'ils suivent et leur démontrer que c'est eux qui s'éloignent des principes de l'alliance; que nous ne ferons jamais la même faute, car nous y verrions la perte irréparable de la bonne cause, qu'au moment du danger l'on nous verra toujours prêts à voler au secours de nos

[1] Принцъ Леопольдъ Кобургскій, избранный въ бельгійскіе короли Лондонскою конференціею.

alliés qui reviendraient à nos anciens principes; mais que, dans le cas contraire, jamais la Russie ne sacrifiera ni ses trésors, ni le sang précieux de ses soldats.

Voilà ma confession, elle est grave, décisive; elle nous place dans une position neuve, isolée, mais j'ose le dire honorable et digne de nous. Qui oserait nous attaquer? et si l'on osait, je serais sûr de l'appui de la nation, car elle apprécierait sa position et saurait punir, avec l'aide de Dieu, l'audace des agresseurs.

XIX.

Прибавленіе къ №. 39 «Сѣверной Пчелы».

1-го апрѣля 1830 года.

Письмо изъ Москвы, отъ 19-го марта.

Живая радость обитателей древней столицы русской была непродолжительна. Москва снова опустѣла по отбытіи царя, явившагося среди насъ на немного дней и уже оставившаго насъ. Наши русскія сердца говорятъ намъ, что нынѣшнее пребываніе государя императора въ Москвѣ отрадно было его великой душѣ: свѣтлый сердечнымъ удовольствіемъ взоръ его высказывалъ сію утѣшительную мысль, при каждомъ воззрѣніи нашемъ на надежду-государя.

Воспоминаніе о пребываніи государя въ Москвѣ теперь стало дорого намъ, и каждая подробность сего событія такъ же драгоцѣнна намъ, какъ надежда, что вскорѣ, можетъ быть, онъ опять также нежданнымъ вѣстникомъ счастія посѣтитъ свою добрую Москву. Мы обѣщали передать соотечественникамъ нашимъ извѣстія о пребыванія государя въ Москвѣ: исполняемъ наше обѣщаніе.

Государь императоръ выѣхалъ изъ С.-Петербурга марта 2-го числа и, по краткомъ пребываніи въ военныхъ поселеніяхъ, предпринялъ путь изъ Новагорода въ Москву. Во 2-мъ часу ночи на 7-е марта онъ былъ уже въ стѣнахъ Кремля. Рано поутру узнали о семъ въ Москвѣ, какъ будто земля голосъ дала, и Кремль былъ уже полонъ народа; толпы ожидали вокругъ дворца, когда въ 12 часу государь вышелъ изъ дворца и пѣшкомъ отправился въ Успенскій соборъ. Народъ радостно зашумѣлъ, стѣснился, не давалъ дороги, ловилъ руки государя и цѣловалъ, восхищенный любовью и веселостью, какія видны были на лицѣ монарха. Полагая, что государь изъ собора пройдетъ чрезъ большой дворецъ, иные бросились туда; другіе побѣжали къ экзерциргаузу, гдѣ собранъ былъ 30-й Егерскій полкъ. Когда государь явился на разводъ сего полка, Моховая и Кремлевскій садъ были усѣяны народомъ, и множество экипажей стояло тамъ. Шумъ, говоръ, кликъ: «ура», раздавались повсюду. По всей Москвѣ гремѣлъ въ то же время колокольный звонъ, послѣ отправленія благодарственнаго молебствія о благополучномъ прибытіи государя въ Москву. Послѣ сего государь посѣтилъ Чудовъ монастырь, примыкающій къ Николаевскому дворцу, гдѣ онъ остановился, и священный Москвѣ по мощамъ

св. Алексія митрополита, доставившаго Москвѣ житіе мирное, какъ говорилъ Димитрій Донской, срѣтая святителя. Засимъ, государь выѣхалъ изъ Кремля, и осматривалъ два заведенія, коими ознаменовала для Москвы память свою матерь его, императрица Марія Ѳеодоровна: институтъ ордена св. Екатерины, гдѣ съ 1803 года воспитывается всегда болѣе 200 дворянскихъ дѣвицъ, и Маріинскую больницу для бѣдныхъ, гдѣ безденежно врачуется по царскому милосердію множество безпомощныхъ больныхъ. Ввечеру вся Москва была иллюминована.

Марта 8-го по утру, было во дворцѣ представленіе государю императору гг. сенаторовъ и почетнаго дворянства. Потомъ государь присутствовалъ на разводѣ 2-го Учебнаго Карабинернаго полка, въ экзерциргаузѣ, а по возвращеніи во дворецъ было представлено ему московское почетное купечество. Въ сей день государь посѣтилъ кадетскій корпусъ, нѣкогда бывшій въ Смоленскѣ и Костромѣ, но въ послѣдніе годы царствованія императора Александра переведенный въ Москву и нынѣ именующійся Московскимъ; также находящееся рядомъ съ корпусомъ Военно-сиротское отдѣленіе кантонистовъ. Каждый шагъ въ Москвѣ говоритъ памяти: кадетскій корпусъ помѣщается въ обширномъ Головинскомъ дворцѣ, гдѣ нѣкогда былъ домъ сподвижника Петрова, Лефорта, и гдѣ построена была юнымъ Петромъ первая потѣшная крѣпость, отъ которой отгрянули потомъ русскіе громы въ концахъ міра. Къ обѣденному столу во дворецъ приглашены были особы первыхъ двухъ классовъ. Вечеромъ въ домѣ благороднаго собранія данъ концертъ, въ которомъ присутствовали государь императоръ и его высочество принцъ Прусскій.

Марта 9-го, въ воскресенье, послѣ обѣдни въ церкви Чудова монастыря, былъ въ присутствіи государя, въ экзерциргаузѣ, смотръ Рязанскаго пѣхотнаго полка и 15-й артиллерійской бригады, батарейной № 1-го роты. Потомъ посѣщалъ онъ важнѣйшее изъ благотворительныхъ Московскихъ заведеній, Воспитательный Домъ—городъ благотворенія, въ Москвѣ воздвигнутый, если можно такъ выразиться, смотря на обширныя зданія Воспитательнаго Дома, гдѣ живетъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и гдѣ, въ умилительномъ воспоминаніи, соединяется для насъ память объ основательницѣ его, великой Екатеринѣ, и матери сиротъ, Маріи. Вечеръ провелъ государь императоръ у генералъ-адъютанта князя Щербатова, въ небольшомъ семейномъ его кругѣ.

Марта 10-го, послѣ смотра Рижскаго пѣхотнаго полка въ экзерциргаузѣ, государь посѣтилъ Вдовій домъ, еще одинъ изъ памятниковъ незабвенной императрицы Маріи, основанный въ 1803 году, откуда, призрѣнныя благотвореніемъ, вдовы сердоболія несутъ отраду и попеченіе къ одрамъ болящихъ. Великолѣпный обѣденный столъ былъ у князя Н. Б. Юсупова. Посѣтивъ потомъ князя А. М. Урусова, государь императоръ былъ на большомъ вечерѣ у московскаго военнаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына. Здѣсь было повторено представленіе живыхъ картинъ, въ первый разъ представленныхъ 29 декабря прошлаго 1829 года. Особы избраннаго общества московскаго составляли и публику, и дѣйствующія лица въ картинахъ. Антракты заняты были пѣніемъ и игрою на фортепіано отличныхъ талантами любителей и любительницъ музыки.

Марта 11-го, въ присутствіи государя отправлена была въ Чудовомъ монастынѣ панихида. Исполнивъ долгъ сына, благоговѣющаго къ памяти родителя, государь спѣшилъ доставить подданнымъ неожиданную радость. По изъявленному

государемъ императоромъ наканунѣ желанію лично видѣть состояніе русской промышленности, находящимся въ Москвѣ (по особенному порученію министра финансовъ) чиновникомъ барономъ Мейендорфомъ, въ однѣ сутки устроена была въ залахъ дворца выставка произведеній московской промышленности. Тутъ находились московскіе фабриканты и заводчики. Мы разскажемъ подробнѣе о семъ событіи впослѣдствіи, чтобы не прерывать здѣсь журналъ пребыванія государя, излагаемый въ краткомъ очеркѣ. Послѣ смотра въ экзерциргаузѣ 29-го Егерскаго полка государь въ сей день посѣтилъ два благотворительныя заведенія: Петропавловскую больницу, основанную родителемъ его въ 1763 году, въ благодарность Богу за исцѣленіе отъ тяжкой болѣзни, и больницу Голицынскую, памятникъ человѣколюбія, оставленный потомству княземъ А. М. Голицынымъ. Отсюда, обозрѣвъ строящуюся подлѣ Голицынской, огромную Градскую больницу, государь былъ въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ.

Такъ протекли пять дней. Жители Москвы не вѣдали, что 12-го марта назначенъ былъ выѣздъ государя императора изъ Москвы. Въ 1 часу по полудни, въ сей день происходилъ въ экзерциргаузѣ смотръ 30-го Егерскаго полка; въ ознаменованіе монаршаго благоволенія, подполковникъ Пантелеевъ произведенъ былъ въ полковники, и капитанъ Куртьяновъ въ майоры. Потомъ государь посѣтилъ Военный госпиталь, находящійся на Введенскихъ горахъ и основанный Петромъ Великимъ. Ввечеру назначенъ былъ въ домѣ благороднаго собранія концертъ въ пользу Глазной лѣчебницы. Его составляли любители и любительницы музыки, не ожидавшіе, что ихъ безкорыстное состраданіе къ болящимъ братіямъ будетъ награждено столь блистательно посѣщеніемъ монарха. Государь прибылъ въ концертъ въ 10 часу. Никогда, кажется, не являлись съ такимъ блескомъ музыкальные таланты лучшаго московскаго общества, какъ въ сей вечеръ, оживленные его присутствіемъ. Артистовъ наемныхъ не было ни одного; но мы забывали ихъ, слушая арію Меркаданте, пѣтую (съ хоромъ) Е. А. Акуловою; речитативъ и романсъ изъ Теобальда и Изолины, пѣтые А. С. Шереметевою, дуэтъ изъ Семирамиды, пѣтый Е. А. Акуловою и П. А. Бартеневою. Игра на фортепіано Е. А. Рахмановой (рондо Гуммеля) и превосходная игра Е. П. Озеровой (концертъ Рисса) и отлично разыгранныя увертюры Керубини и Вебера, и финалъ Регини (П. А. Бартенева, гг. Фе и Фельцманъ, тріо, съ хоромъ) дополнили удовольствіе многочисленной публики. Провожая государя взорами и сердцами, и все еще мало наглядѣвшись на него, мы думали, что увидимъ его завтра, что онъ еще погоститъ въ Москвѣ. Печально услышали мы на другой день, что, возвратясь изъ концерта во дворецъ, въ самую полночь онъ выѣхалъ изъ Москвы.

Вотъ всѣ извѣстныя намъ подробности пребыванія государя императора въ Москвѣ, продолжавшагося шесть дней, столь краткаго, столь неожиданнаго, столь незабвеннаго для насъ и—осмѣливается прибавить—для него. Эти шесть дней будутъ прекрасны не только въ лѣтописяхъ Москвы, но и въ лѣтописяхъ его царствованія: ихъ означитъ не громъ побѣдъ, не звукъ оружія, но память народная, переживающая преданія браней.

Государь провелъ сіи дни среди неожидавшаго его народа и видѣлъ, что можетъ одинъ взоръ, одно слово его. Народъ видѣлъ царя своего, и это великодушіе, эта внушающая благоговѣніе, неизмѣняемая кротость и простота, съ какою

всюду являлся, всюду виденъ былъ повелитель шестой части Свѣта[1], возвышали и умиляли душу. Посвящая въ тишинѣ кабинета большую часть дня трудамъ, которыми рѣшаются жребій царей и народовъ, счастіе и судьба нѣсколькихъ сотъ милліоновъ, въ остальное время государь былъ въ Москвѣ или благотворителемъ, или добрымъ собесѣдникомъ, участникомъ радости и веселія своихъ подданныхъ. Мы исчислили посѣщенныя имъ благотворительныя и учебныя заведенія; но надобно знать, каковы были сіи посѣщенія. Въ каждомъ являлся онъ попечительнымъ, ободрялъ, награждалъ, хвалилъ доброе, кротко наставлялъ неисправное, входилъ во всѣ подробности; въ кадетскомъ корпусѣ онъ говорилъ и игралъ съ дѣтьми, довольный отличнымъ порядкомъ сего заведенія. — «Не жалѣйте издержекъ для добра— пусть только будетъ хорошо»!—сказалъ онъ въ другомъ заведеніи. Золотыя слова!— Мы упоминали о 50-ти тысячахъ, опредѣленныхъ имъ для бѣдныхъ обитателей Москвы. За билетъ для концерта Глазной лѣчебницы онъ приказалъ выдать 5.000 рублей. Милости, награды, ободренія изливались отъ него на все, заслужившее награду.

Выставка издѣлій московской промышленности будетъ для насъ всегда памятна. Огромная зала во дворцѣ заставлена была столами, около стѣнъ поставлены были нарочно сдѣланныя рамы, и блестящая выставка, составленная въ нѣсколько часовъ, слѣдственно, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, была неоспоримымъ доказательствомъ истины, какъ быстро, какими исполинскими шагами идетъ Россія по всѣмъ частямъ общественнаго богатства и образованія. Тутъ находились произведенія русскихъ прядиленъ хлопчатой бумаги, шелки русской размотки, мериносовая шерсть съ русскихъ овчарень, бумажныя, шелковыя, хрустальныя издѣлія, столовое бѣлье, стальныя вещи, иглы, перчатки, табакерки, фарфоръ, бронза, шали, химическія произведенія. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробное исчисленіе того, что являла любопытная выставка во дворцѣ, и потому не упоминаемъ ни обо всѣхъ находившихся на ней предметахъ, ни объ именахъ гг. фабрикантовъ и заводчиковъ. Чтобъ судить хотя нѣсколько правильно объ успѣхахъ нашей промышленности въ послѣдніе годы, приведемъ только слѣдующіе немногіе примѣры: въ Россіи выпрядено уже было въ прошломъ году до 55.000 пудовъ хлопчатой бумаги, а въ нынѣшній годъ сіе число удвоится; изъ 32.000 пудовъ шелка, употребляемыхъ промышленностію Москвы ежегодно, 14 тысячъ получается уже изъ Закавказскихъ областей, въ томъ числѣ 4.000 пудовъ изъ новопріобрѣтенныхъ отъ Персіи областей. Въ 1803 году у насъ вовсе не было мериносовой тонкой шерсти; теперь мы отпускаемъ оной ежегодно за границу на нѣсколько милліоновъ рублей, и въ Англіи рѣшительно не различаютъ русской шерсти отъ лучшей саксонской. Химическія произведенія нынѣ всѣ у насъ туземныя, и въ послѣдніе годы доведены до такого совершенства, что удивляютъ дешевизною и не могутъ бояться соперничества иностранцевъ. На выставкѣ можно было вдругъ видѣть и многообразіе, и совершенствованіе, и пользу промышленности русской. Многіе заводчики и фабриканты находились тутъ,

[1] Говорятъ, что Петръ Великій составилъ карту земного шара и раздѣлилъ ее не на четыре извѣстныя тогда части свѣта, но на пять: пятая — была Россія. Мысль геніальная: почитать Россію выходящею изъ границъ всѣхъ другихъ обыкновенныхъ государствъ, совершенно оправдывается огромностію, многообразіемъ и исторіею Россіи.

каждый при своихъ издѣліяхъ. Государь разсматривалъ все съ величайшимъ вниманіемъ, разговаривалъ со всѣми безъ различія, разспрашивалъ каждаго, слушалъ замѣчанія, сужденія, заставлялъ каждаго забывать, съ кѣмъ онъ говоритъ, и изливать душу въ простыхъ, неприготовленныхъ словахъ. «Стоило пріѣхать въ Москву для того только, чтобы видѣть это изображеніе нашей промышленности»,—сказалъ наконецъ монархъ, оставляя восхищенное собраніе фабрикантовъ и заводчиковъ, обѣщая имъ всѣ пособія и поощренія и не различая въ словахъ своихъ себя отъ своихъ подданныхъ.

Счастлива Русская земля! И простое описаніе, простое изложеніе того, что мы видѣли, слышали, чувствовали, можетъ показаться пристрастнымъ. Мы не имѣемъ повторить здѣсь, что говорятъ и въ слухъ мыслятъ въ Москвѣ о государѣ; не смѣемъ, ибо не дерзаемъ оскорбить высокаго чувства души, съ какимъ отвергаетъ онъ всякую наружную почесть, всякій блескъ, все, что можетъ показаться лестію. Но мы желали бы, чтобы всѣ слова, все пребываніе въ Москвѣ государя были записаны и пересказаны будущимъ поколѣніямъ историкомъ, скрывшимся въ толпѣ добраго Русскаго народа, который достоинъ своего государя.

О, сколь монархъ благополученъ,
Что знаетъ россами владѣть!

— сказалъ безсмертный пѣснопѣвецъ, и мы невольно повторяемъ слова его, ибо надобно было видѣть Москву, съ 7-го по 13-е марта, чтобы понять духъ русскій, горячій въ любви, пламенный въ изъявленіи чувства. Не знаемъ, какъ узнавалъ народъ, гдѣ будетъ государь; толпа бѣжала за нимъ повсюду. Едва успѣвалъ онъ пріѣхать куда нибудь, какъ улица стѣснялась народомъ и пестрѣлась экипажами. Въ концертѣ Глазной лѣчебницы сборъ, за всѣми расходами, простирался до 30.000 рублей; послѣ сего, не диво, что въ огромныхъ залахъ и на хорахъ главной залы было тѣсно; что экипажи тянулись на нѣсколько верстъ, и разъѣздъ, при всемъ порядкѣ и быстротѣ, продолжался съ 12-ти до 5-ти часовъ по полуночи. Въ одинъ изъ выѣздовъ государя, на Троицкомъ мосту, ведущемъ изъ Кремля къ экзерцир-гаузу, народъ тѣсно окружилъ сани государя.—«Перестаньте, уроните!»—говорилъ государь ласково народу.—«Нѣтъ, нѣтъ, батюшка: русскіе не уронятъ своего государя!»—восклицалъ народъ, и едва согласился оставить сани: такихъ словъ не выдумаютъ...

Казалось, монархъ нашъ хотѣлъ пощадить насъ отъ горести разлуки съ нимъ и удалить всѣ изъявленія народнаго восторга при отъѣздѣ своемъ: Москва подвигнулась бы за нимъ, если бы знала, что разстается съ своимъ государемъ.

Но нѣтъ! Москва не разсталась съ нимъ, и до сихъ поръ всюду о немъ только слово, о немъ только бесѣда, и въ богатыхъ чертогахъ, и въ бѣдныхъ домахъ. Разсказъ о праздникѣ московскихъ мануфактуристовъ лучше нашихъ словъ покажетъ, что чувствуетъ Москва, покажетъ, что и въ его отсутствіи Онъ съ нами любовью къ нему.

Бывшіе на выставкѣ мануфактурныхъ издѣлій во дворцѣ, фабриканты и заводчики хотѣли ознаменовать сіе радостное для нихъ событіе празднествомъ въ кругу своемъ. Марта 18-го, собрались они въ залѣ Купеческаго собранія, гдѣ приготовленъ былъ богатый обѣдъ; въ собраніи ихъ находились г. московскій гражданскій губер-

наторъ, многіе вельможи и чиновники. Порядокъ, при общемъ удовольствіи, былъ совершенный. Провозглашены были тосты за здравіе государя императора, его августѣйшаго семейства; чувство яркое являлось при сихъ священныхъ именахъ, но все еще молчаливо скрывалось оно въ душахъ собесѣдниковъ. Послѣ желанія здравія уважаемому всѣми г. министру финансовъ, его сотрудникамъ, начальникамъ Москвы, предложено было за здоровье барона Мейендорфа, бывшаго учредителемъ выставки во дворцѣ. Тогда почтенный старецъ, гражданинъ московскій, М. И. Титовъ, просилъ удостоить вниманія, и одинъ изъ бывшихъ тутъ гражданъ, обращаясь къ барону Мейендорфу, сказалъ ему слѣдующее:

«Милостивый государь!

«По русскому обычаю, пожелавъ долголѣтія православному русскому царю и здравія добрымъ его вельможамъ, просимъ дать мѣсто нашей рѣчи и позволить высказать вамъ немного сердечныхъ словъ, которыя залегли въ душахъ нашихъ.

«Мы собрались здѣсь торжествовать тотъ счастливый день, когда въ стѣнахъ нашей старой, бѣлокаменной Москвы явился царь нашъ, когда мы увидѣли среди насъ того, кто потрясаетъ одною рукою Тегеранъ и Стамбулъ, и въ другой держитъ судьбу полуміра, прикрывъ державною порфирою треть Азіи и треть Европы. Онъ явился такъ, какъ по преданіямъ являлись нѣкогда его благочестивые отчичи и дѣдичи: не царемъ — но отцемъ; не грознымъ — но милостивымъ; не великолѣпнымъ — но великимъ. Такъ! только нынѣ поняли мы, что̀ значитъ величіе, когда безъ стражи, безъ громовъ, безъ царедворцевъ, мы видѣли избранника Божія, и благоговѣніе проникало въ насъ отъ одного взора его; душа русская кипѣла отъ одного слова его; любовь къ нему сливалась съ счастіемъ нашимъ, какъ душа съ тѣломъ.

«Какое же чувство вспыхнуло въ насъ, когда въ его царскіе чертоги мы принесли плоды нашего труда, разостлали предъ нимъ наши издѣлія и говорили ему: «Взгляни, государь! когда твои воины громятъ твердыни Азіи и Царьграда; когда ты проводишь ночи безъ сна и дни въ трудахъ, мысля, заботясь о правосудіи, о истинѣ, о благѣ нашемъ, мы также не хотимъ остаться недостойными тебя, мы въ своихъ хижинахъ, въ своихъ домахъ, среди мирныхъ семействъ нашихъ, трудимся для общаго благоденствія; хотимъ умножить богатства и преуспѣяніе нашего отечества фабриками, мануфактурами, издѣліями; хотимъ отнять не оружіемъ, но умомъ, дѣятельностью, трудомъ вѣковыя богатства изъ рукъ чужеземцевъ, разлить ихъ въ нѣдрахъ отечества, споспѣшествовать ими — и тебѣ крѣпить землю Русскую, и согражданамъ нашимъ быть полезными и помогать тебѣ, и дѣтямъ нашимъ быть полезными и помогать Тебѣ, и дѣтямъ нашимъ просвѣщаться, въ страхѣ Божіемъ и любви къ добру и правдѣ.

«Вы, милостивый государь, были свидѣтелемъ того времени, когда онъ, какъ въ родной семьѣ, сталъ среди насъ, бесѣдовалъ съ нами, ободрилъ насъ привѣтливымъ словомъ, освѣтилъ пріязненнымъ взоромъ... Красный былъ этотъ для насъ день, и долго, долго будемъ мы бесѣдовать, говорить, вспоминать объ немъ: онъ оживилъ насъ новою жизнію въ трудахъ нашихъ.

«Вамъ принадлежитъ честь, вы были виною сего незабвеннаго для насъ событія... Не думайте, чтобы мы хотѣли оскорбить васъ хвалою, чтобы мы заставили васъ гордиться словами нашими! Близъ царя нѣтъ гордости; у русскаго нѣтъ слова

на лесть! Скажемъ, какъ говорили предки наши: да будетъ намъ стыдно, если мы васъ забудемъ! Вы, какъ вѣрный сынъ отечества, еще будете полезнымъ землѣ Русской — да сопутствуетъ же вамъ наше благословеніе — останетесь ли вы въ предѣлахъ отчизны, или, по волѣ царя, перейдете на берега Рейна, Сены и Темзы! Въ грустный часъ, когда тяжело будетъ вашему сердцу, въ преклонной старости, когда вы станете отдыхать послѣ трудовъ вашихъ, вспомните 11 марта 1830 года, вспомните, что васъ любятъ и помнятъ въ Москвѣ, и вамъ будетъ радостно, какъ радостно теперь намъ съ вами, добрымъ нашимъ гостемъ.

«Но, если вы и оставите на время Россію для пользы Россіи, то прежде будете вы въ Сѣверной столицѣ, счастливой пребываніемъ нашего Монарха: вы увидите его, будете съ нимъ бесѣдовать, и мы препоручаемъ вамъ наше душевное слово:

«Передайте ему наши чувства; скажите ему, какъ любятъ его въ Москвѣ; скажите ему, что мы, простые граждане, понимаемъ его царскую душу, душу великаго человѣка; мы, простые граждане, горячо молимся за него, и крѣпкою стѣною стоимъ и всегда станемъ окрестъ престола его; что мы понимаемъ достоинство человѣка, имъ признанное въ обхожденіи съ нами, въ словахъ и дѣлахъ его; что мы готовы на дѣло, на просвѣщеніе, на обогащеніе Россіи промышленностью, наукою, честью гражданскою... Пусть вѣритъ онъ, что мы уже сознаемъ добро, честь и просвѣщеніе... Передайте ему и то, чего нельзя пересказать вамъ словами: жаръ сердецъ нашихъ; слезы радости, какія заставилъ онъ насъ проливать; руки, воздѣтыя за Него къ Богу; передайте ему перлъ вѣнца его — любовь народную, и то чувство, съ какимъ мы повторяемъ: «Боже, храни царя!» Пусть идетъ онъ впереди насъ, благословенный Богомъ, а мы не посрамимъ земли Русскія!

«Простите, что желая мы не можемъ, не умѣемъ говорить много. Вотъ все, что мы хотѣли сказать вамъ, милостивый государь, и если вы не забудете Москвы, будете помнить объ ней, помнить объ этой минутѣ, — намъ не останется прибавить ничего болѣе, кромѣ того, что да сохранитъ васъ Промыслъ всегда въ радости и счастіи».

Впечатлѣнія, произведеннаго сими простыми, безыскусственными словами, невозможно описать: всѣ присутствовавшіе, безъ изъятія, плакали во время рѣчи; громкое «ура!» загремѣло послѣ окончанія оной, и шумный восторгъ продолжался нѣсколько времени. Трогательно было видѣть, какъ безъ различія чиновъ и званій сердца чувствовали одно, рѣчи выражали одно. Сіи слезы, сіи слова — ихъ ничто не изгладитъ въ лѣтописи царствованія Николая, и чего не обѣщаетъ въ будущемъ Русскій народъ при такомъ царѣ!

XX.

Записка, поданная графомъ Дибичемъ, передъ отъѣздомъ въ Берлинъ, императору Николаю.

Copie de la note rédigée par feu m-r le maréchal comte Diebitsch Zabalkanski en sortant de son audience de congé près de sa majesté impériale à l'occasion de son départ pour Berlin le — de l'année 1830 et dont l'original a été brûlé d'après la volonté du défunt.

Sa majesté l'empereur croit de la plus haute importance dans les circonstances actuelles de s'entendre avec son auguste beau-père en tout et de la manière la plus précise, tant sur la conduite à tenir pour le moment, que sur les mesures à prendre pour l'avenir. Sa majesté croit, que dans un cas aussi important les explications par écrit ne seraient pas suffisantes, qu'elles ne pourraient pas rendre toujours avec assez de précision le sens même de la pensée et comme elle désire surtout que sa majesté le roi connaisse entièrement les plus secrétes pensées de son coeur dans cette importante affaire, elle a choisi le maréchal comte Diebitsch-Zabalkanski et s'étant ouvert à lui avec une entière confiance elle l'a chargé de rendre à sa majesté le roi tous les détails de ces sentiments.

Sa majesté désire en tout et avec une entière confiance se régler d'après les conseils de son auguste beau-père suivre dans sa politique une marche entièrement conforme à celle de la Prusse et regarder l'opinion de sa majèsté le roi comme si elle venait de son frère, feu l'empereur d'auguste mémoire. Elle croit d'un autre côté devoir prononcer de sa part son opinion avec une entière franchise. L'empereur en déplorant les malheurs dans lesquels la conduite inconcevable et illégale du roi Charles X a rejeté de nouveau la France et l'Europe entière et étant indigné de la conduite faible des princes de la branche aînée, ainsi que du jacobinisme du duc d'Orléans, ne peut pourtant pas se refuser de reconnaître ce dernier comme devenu le chef légitime de la France par sa nomination comme lieutenant du royaume par le roi Charles X, que lui a même renvoyé le reste de ses braves et fidèles gardes, mais ce n'est que dans cette qualité de l i e u t e n a n t de Henri V que sa majesté peut regarder le duc d'Orléans comme pouvoir légitime et sa majesté ne pourra changer la persuasion de son coeur que le duc de Bordeaux est le seul légitime roi de France, et que ce n'est qu'après sa mort ou son abdication personnelle que le duc d'Orléans deviendrait roi légitime.

L'empereur malgré cette opinion inébranlable n'est pas d'avis qu'une intervention immédiate dans les affaires intérieures de la France serait désirable. Le roi Charles X ayant signé le premier la charte qui a été octroyée sous l'égide des cours alliées a renoncé par là même au droit de demander leur secours. Une invasion en France sans aggression préalable de la part du gouvernement actuel serait donc probablement regardé par tout le peuple français comme suite de désirs ambitieux d'affaiblir encore leur pays et si même les succès des alliés les rendraient victorieux dans une guerre vraisemblablement devenue nationale, il serait difficile de fixer après le sort de la France vu l'extrême enfance du duc de Bordeaux qui ne pourrait trouver de tuteurs légitimes que dans la famille d'Orléans même.

Mais d'un autre côté l'empereur croit de la plus haute importance de garder dans les déclarations des cours alliées le langage fort de la légitimité pure et simple seul garant solide d'une tranquillité stable des empires et qui ne peut voir dans le duc d'Orléans que le lieutenant du royaume. Si des raisons majeures porteraient les autres cours alliées a réconnaître l'état actuellement existant en France, sa majesté croit que cela ne pourrait être qu'avec de fortes garanties des intentions du chef actuel du gouvernement ou peut-être en suite d'une abdication faite par Charles X au nom de son petit-fils, quoiqu'une telle abdication serait toujours une chose très peu légitime. Elle ne se refuseroit pas à suivre alors l'exemple de ses alliés en sacrifiant sa conviction intérieure au bonheur et à la tranquillité de l'Europe, mais elle garderait toujours dans son coeur le sentiment qu'il n'y a de roi légitime en France que Henri V. Elle s'honorera de n'avoir cédé que le der-

nier à la persuasion de ses augustes alliés et elle ne pourra jamais changer le sentiment intime de mépris que la conduite jacobine du duc d'Orléans lui a suggéré.

Sa majesté prévoit encore la possibilité que le roi Charles X ou le dauphin voyant la conduite du duc d'Orléans contraire à leurs espérances reviennent sur leur résolution et voudraient reprendre les rênes du gouvernement. L'empereur regarderait une telle conduite non seulement comme inconvenante mais comme intièrement illégitime; elle ne pourrait au contraire ne pas voir un principe légitime dans des mouvements pour soutenir la cause de Henri V.

L'empereur partage de tout son cosur les voeux de sa majesté le roi sur le maintien de la paix générale, mais elle ne peut pas se faire illusion sur le peu d'espérances que les circonstances actuelles peuvent donner à ce désir générale. Le bouleversement actuel accéléré par les mesures illégales du gouvernement précédent a été marqué par une marche entièrement démocratique, les changements subversifs faits dans la charte dans le moment même ou on prétend ne s'être insurgé que pour la maintenir, sont tous dans le même sens et entre les déclarations du duc d'Orléans sur les raisons qui le font restaurer les couleurs soi-disant nationales, ses discours à la Chambre des députés, l'entier abandon de celle des pairs et les mesures tout à fait illégales par lesquelles on veut la réduire à une entière soumission et surtout ce gouvernement créé et sanctionné par la popularité du roi et une foible partie d'une chambre qui n'existait pas encore légalement ne peuvent pas rassurer sur les suites. L'empereur voyant l'extrême faiblesse avec laquelle le duc d'Orléans cède à toutes les propositions du parti révolutionnaire a la persuasion que ce dernier ira de pas à pas à demander des concession jusqu'aux institutions entièrement républicaines on forcera le prince à revenir à une opposition tardive qui selon toute vraisemblance amenera les mêmes résultats et avec elles toutes les suites aggressives et tous les malheurs qu'avait produit la première révolution.

Sa majesté désire de tout son coeur que ses appréhensions ne se réalisent pas, mais elle ne se pardonnerait pas de ne pas les avoir montrés d'après sa conviction et de ne pas prendre d'avance toutes les mesures pour rencontrer avec force et énergie toute agression qu'un pareil ordre de choses pourra amener. Elle ne croit pas que dans ce moment des démarches ostensibles puissent être utiles; elles pourraient au contraire augmenter le mouvement des esprits en France, mais il est de toute urgence d'unir les idées des cours alliées pour un cas d'agression qui peut arriver plutôt qu'on ne s'y attend et de se préparer même aux cas d'une guerre d'intérêt national auxquels la conservation d'Alger disputée par l'Angleterre pourra donner la première occasion.

Dans tous les cas l'empereur désire agir d'un entier accord avec ses alliés, mais il lui importe surtout d'en être avec son auguste beau-père. Le désir le plus vif de sa majesté est qu'en cas de guerre contre la France les troupes prussiennes et russes agissent avec la même unité de sentiments qui leur a fait remporter les glorieux succès de 1813 et 1814; elle désire qu'autant que possible l'action de ses troupes dont la masse sera conforme à la grandeur et l'importance du but, se lie entièrement à celle des armées prussiennes, qu'elles soient entremêlées autant que cela ne peut nuire à l'unité de l'organisation générale et que les armées puissent contribuer de toutes leurs forces au plan général d'opération que sa majesté le roi aurait approuvé ou approuverait pour le cas d'une guerre.

Ayant destiné le maréchal comte Diebitsch Zabalkanski au commandement des troupes destinées pour cette guerre, qui du premier moment se trouveront composées de 14 divisions d'infanterie et de 12 divisions de cavalerie tant russes que polonais et connaissant la confiance que daigne lui accorder sa majesté le roi, l'empereur l'a chargé de la communication des détails nécessaires. Il est autorisé de même de convenir avec les personnes que sa majesté le roi désignerait sur tout ce qui toucherait la marche et les opérations des troupes.

D'après la règle ci-dussus énoncée de ne donner pour le moment aucun signe hostile, l'empereur attendra de sa majesté le roi l'avis quand les événements en France se prononceront de manière que sa majesté ne pourra plus croire la guerre inévitable, pour mettre ses troupes en état de guerre et les faire rapprocher de la frontière ce qui demande un temps de 4—5 mois pour les plus éloignées. Si cependant une invasion des français, surtout dans les provinces rhénanes ou en Belgique rendra un secours partiel prompt et surtout la certitude publique sur la coopération russe désirable et que la saison le permis l'empereur se propose de faire transporter par mer à l'endroit qu'il plairait à sa majesté le roi la 2-de division de la garde russe avec son artillerie.

L'empereur en attendant l'appel de sa majesté le roi pour le départ des troupes compte après avoir donné les ordres nécessaires voler à Berlin pour se consulter encore personnellement avec son auguste beau-père et pour combattre à ses côtés les ennemis du repos général.

Рукою графа Чернышева:

St.-Pétersbourg,
le 11 Février 1832.

Conforme à l'original.
L'aide de camp général comte Czernicheff.

XXI.

Письмо императора Николая графу Чернышеву отъ 5 октября 1830 года.

Moscou, 5 Octobre 1830.

Москва. 5-го октября 1830 г.

Les dépêches que je viens de recevoir, mon cher ami, sont de telle nature, qu'il s'agit sans délai de prendre des mesures d'exécution pour notre entrée en campagne. Le roi des Pays-Bas vient de m'écrire pour me demander en vertu des traités existants un secours militaire. Son impatience à cet égard est telle, que Guillaume me demande en son nom, s'il est possible, l'envoi d'une partie des troupes par eau. Vous sentez vous même que la chose n'est pas faisable dans cette saison. Cette demande tardive, si elle était venue

un mois plus tôt, toutes mes mesures étaient prises pour pouvoir y adhérer. Voici ce dont il s'agit maintenant. Vous commencerez par informer le maréchal Sacken que le 1-r et le 2-d corps, ainsi qne le 3-e et 5-e de cavalerie de réserve, doivent immédiatement être mis lur le pied de guerre. Vous savez déjà par l'office d'Edouard, que l'ordre a été donné directement au 5-e corps de cavalerie de réserve de marcher en Wolhynie pour se rapprocher de la frontière. J'envois demain l'ordre au 3-e de cavalerie de réserve (déjá sur le pied de guerre) de marcher en Podolie et d'y prendre des cantonnements en passant provisoirement sous les ordres de Sacken; de même l'ordre a été donné à la 3-e division d'infanterie de se concentrer vers Wilna. Voilà à quoi se bornent les mesures déjà prises. Il faut immédiatement commencer l'achat des chevaux d'artillerie pour les 12 pièces et ceux du trains (фурштаты) et pour que cette mesure soit le plus promptement exécutée, vous communiquerez l'ordre d'y procéder directement au comte Pierre Pahlen pour son corps; vous informerez de même mon frère Constantin, qu'il ait à exécuter immédiatement la même mesure pour toute son armée dans la composition qui lui avait été prescrite pour le cas de marche. Vous aurez soin à ce que toutes les mesures soient exécutées avec le plus d'épargnes possibles, et vous vous concerterez la dessus avec le ministre des finances et Grabovsky. Je ne parle pas encore ni des grenadiers, ni de la garde, car je ne les ferai bouger qu'à la dernière nécessité; d'ailleurs les grenadiers peuvent marcher dans 15 jours et nos mesures sont prises en conséquence. Vous écrirez aussi à Pierre Pahlen, tout en informant le maréchal Sacken, de faire passer les 4 bataillons des 4 régiments de ligne de la 4-e division à Riga, pour y faire garnison et les deux bataillons de chasseurs de la même division à Dunabourg. La 1-re division devra être concentrée le plus près possible de la frontiëre Prussienne, de façon à faire tête de colonne. Je propose pour accélérer la mise au complet des chevaux de la 4-e et 8 brigade d'artillerie pour les fondre dans les autres, quitte à les remplacer par des chevaux nouvellement achetés. Vous informerez de même mon frère, que du moment où le 1-r corps se met sur le pied de guerre, la 1-e division de hussards doit rentrer sous les ordres de Pahlen, il s'entend de soi même, que tous les semestriers des corps, qui doivent marcher, doivent être immédiatement rappelés. Vous informerez de toutes ces mesures Constantin par courrier et de même Dieblitsch, qui doit se trouver près de lui, ou qui est sur son retour. Faites en part à Nesselrode, à qui cette lettre à vous servira d'ample réponse. Le premier contingent dont comme membre de l'alliance je suis contribuable, sera formé de l'armée aux ordres de mon frère, je lui en écris moi-même demain. D'après mon calcul, à moins de deux mois de temps nous ne pouvons être prêts à marcher, du moins avec le tout. Ainsi chaque instant de gagné là dessus sera d'un grand prix. Reste à savoir si rien que la connaissauce de ces préparatifs formidables, dont loin de faire un secret vous pouvez parler hautement, quoique sans affectation, ne préviendra déjà une guerre, que nous désirons tous sincèrement éviter. Vous informerez directement le général Witzleben des mesures, qui viennent d'être ordonnées, en lui disant, pour être soumis au roi, que dès ce moment ci je regarde nos armées comme déjà rèunies, que je désire par conséquent, que pour tout ce qui est rapports militaires entre nous, toute forme diplomatique soit mise de côté, que vous avez ordre de le tenir constamment au courant de tout ce qui se fera chez nous et que je serai trés reconnaissant au roi, s'il daignait permettre qu'on en usât de même à mon égard, dans les formes les plus simples et les plus directes. En voila assez j'espère pour le premier moment, où avec

l'aide de Dieu je serai hors du choléra et des quarantaines, auxquelles je ne pourrai échapper. Grâce au bon Dieu, la maladie diminue chez nous et surtout en intensité. Calmez Cancrin sur ces premières dépenses et tachez de les diminuer le plus possible.

Tout à vous

N.

Hâtez la marche des cosaques.

XXII.

Письмо императора Николая Павловича графу Дибичу.

С.-Петербургъ. $\frac{1}{13}$ ноября 1830 года.

St.-Pétersbourg, le $\frac{1}{13}$ Novembre 1830.

Pour le coup, mon cher ami, je perds patience; d'une lettre à l'autre vous m'annoncez ou le départ d'un courrier décisif ou bien votre prochain départ; et voilà bientôt deux mois que ni l'un ni l'autre n'arrive, voilà pour vous l'énigme de ce que je ne vous répondais pas à vos lettres; je voulais répondre à du positif, et ce positif n'arrivait pas. Enfin hier ma femme a reçu une lettre du roi qui lui dit vous avoir encore gardé près de lui pour des raisons importantes. Je veux du moins que vous sachiez que nous nous portons bien, qu'avec l'aide de Dieu nos préparatifs de guerre vont bien et que pour le $\frac{10}{22}$ Décembre nous pourrons marcher avec les 1-r, 2-d, Lithuanie, Polonais et grenadiers, et la cavalerie de réserve; pour ôter même le doute aux résolutions que j'ai fortement et irrévocablement prises, j'ai fait annoncer le tout dans les journaux. Je suis plus convaincu que jamais, que s'il y a encore un moyen de prévenir la guerre, c'est en prouvant aux jacobins de tous les pays que l'on n'a point peur d'eux, que l'on est partout sous les armes et que si même dans ses impénétrables décrets la Providence a résolu que nous devons périr, nous périrons avec honneur et sur la brèche; tel est mon sentiment depuis cinq ans; tel il sera toute ma vie; je voudrais communiquer cette manière de voir partout et à tous; en attendant fesons notre devoir.

L'empereur d'Autriche désire que les armées soient mises sous votre commandement, je n'ai eu garde de refuser, comme une marque de confiance flatteuse et comme un gage de ses intentions. Je suis parfaitement satisfait des sentiments de nos militaires, tous sont prêts et enchantés de marcher, et moi je prie Dieu, qu'il n'en soit pas besoin. Constantin ne veut pas marcher comme commandant en chef; il demande être placé sous les ordres de qui je voudrai.

Mille choses à toutes mes connaissances, si vous êtes encore à Berlin, où je vous adresse ces lignes. Ma femme vous dit mille choses et moi je vous embrasse, étant pour la vie votre sincèrement affectionné.

Nicolas.

XXIII.

Письмо графа Чернышева графу Дибичу.

9-го ноября 1830 года.

Il règne une si grande incertitude sur l'époque de votre retour ici et même sur votre arrivée à Varsovie, cher comte, que j'ai obtenu la permission de sa majesté de vous expédier un courrier par Varsovie à Berlin, afin d'être sûr de ne pas vous manquer. Le but de cette expédition est de vous mettre parfaitement au fait de tout ce qui a été fait ici concernant les préparatifs militaires, ainsi que de la direction que sa majesté compte donner aux différents corps destinés à marcher, pour atteindre le premier point du rassemblement général de l'armée. J'entrerais dans quelques détails sur ces divers points, indépendamment de ceux que vous trouverez dans les annexes à ma lettre. J'espère, cher comte, que vous serez content des mesures ordonnées et de l'extrême activité que nous avons mise à leur exécution.

Malgré qu'il y ait encore des gens assez aveugles pour croire à la possibilité de conjurer l'orage par des conférences et des négociations, la question actuelle est une question d'existence, une question de vie et de mort entre les gouvernements légitimes et la démagogie dans ce qu'elle peut avoir de plus dégoûtant et de plus cynique; il est temps d'opposer une barrière d'airain à cet horrible débordement, qui dans un an, dans quelques mois peut être, embrassera une bonne partie de l'Europe et alors où seraient les moyens de répression. Si les cabinets de Londres, de Berlin et de Vienne avaient pensé là dessus comme l'a fait notre maître chéri, qui dés les premiers instants n'a pas hésité à évaluer toutes les conséquences de ces déplorables événements à leur juste valeur, il y a bien longtemps que le mal aurait dejà été coupé jusque dans sa racine. Quoiqu'il en soit, comme il est de notre devoir de persévérer dans notre marche, de prêcher d'exemple et d'être prêts à tout événement, je vais vous parler de nos formidables préparatifs et de l'époque où toutes les troupes vont être prêtes à marcher.

Vous savez déjà par ma dernière communication que les 1-er et 2-d corps d'infanterie, les 3-e et 5-e de cavalerie, le corps de Lithuanie, celui de réserve sous les ordres de monseigneur le grand duc Constantin et l'armée polonaise ont reçu l'ordre d'achever leurs préparatifs pour le 10 Décembre. Depuis l'empereur a ordonné que la 1-re division de hulans et la 3-ème de grenadiers se tiennent aussi prêtes à marcher le 20 Décembre.

Les détails de toutes les mesures administratives qui ont été prescrites sont consignés dans les notes sub lit. A et B. vous y trouverez aussi tout ce qui a trait aux parcs d'artillerie, aux hôpitaux. à l'habillement des troupes etc.

Les préparatifs pour l'armée polonaise et les corps de réserve de son altesse impériale ont été suspendus, par suite de votre communication à son altesse; leur mise à exécution dépend uniquement de ce que vous lui annoncerez à votre passage par Varsovie; les ordres suprêmes lui ont déjà été expédiés à cet égard, ainsi que les sommes dont elle peut avoir besoin. Monseigneur vient de me prévenir cependant qu'il a ordonné de procéder à l'achat des chevaux pour la brigade des grenadiers comme étant plus éloignée des frontières extérieures du royaume.

Indépendamment de la 3-ème de grenadiers, l'empereur a déjà décidé l'achat des chevaux d'artillerie et de train pour les 1-ère et 2-de de grenadiers de manière que tout le corps deviendra disponible à peu près à la même époque.

Malgré les difficultés et embarras extrêmes qu'éprouve l'administration militaire à cause de ce maudit choléra morbus, et par suite de l'établissement des quarantaines dans la pluspart des gouvernements de l'Europe et de la suspension totale des affaires dans les commissions de Moscou, de Kasan, de Varsovie et autres, et la stagnation des fabriques, ce qui nous place dans une situation telle qu'il n'en a jamais existé de pareille, j'espére qu'avant le départ des troupes tous les corps auront reçu les годовыя вещи et le drap gris pour les capotes по сроку 1831 года; c'est un tour de force dont je serai redevable à l'activité et à l'énergie de Linden.

Je puis vous assurer que toutes les troupes seront décidement prêtes à marcher avant le 1-er de Janvier; le 2-d corps a reçu beaucoup de vieux soldats et sa force ne sera pas de beaucoup moindre que celle du 1-er corps. En général la suspension du nouveau recrutement ne portera pas beaucoup de préjudice aux corps destinés à marcher, car d'après les dispositions de l'empereur, les réserves ont versé dans les troupes actives tout ce qu'elles ont pu d'hommes formés et recevront en place des recrues, de plus nous en avons pris aussi au corps de Finlande.

Je vous envoye, cher comte, pour votre propre connaissance un petit tableau en résumé de toutes les dépenses que coûteront à l'état ces grands préparatifs et ce que l'administration militaire a pris sur son propre compte indépendamment d'effets, d'habillements pour plus de $\frac{1.500}{m.}$r. que nous livrerons en sus; il y aura encore à défalquer du total ce que les colonies militaires dépensent de leur côté et dont je n'ai pas encore une connaissance exacte, ainsi que le nombre de chevaux de train qui sont revenus de Turquie et que le comte Sacken a en ordre d'employer pour les parcs au lieu d'en acheter de nouveaux. Je dois ajouter que d'après ce tableau les dépenses sont partagés en deux cathégories: 1-e, en предварительные, c'est à dire, celles qui ont été nécessaires pour mettre les troupes en ètat de marcher et qui toutes sont déjà partis, et 2-d, en послѣдующіе qui resteront à faire dès qu'il sera décidé qu'on se mettera en campagne.

Voici, mon cher comte, un résumé de tout ce qui a été fait pour les préparatifs, j'espère que cela obtiendra vos suffrages; je n'ai pas parlé de la garde, parcequ'il n'y a pas eu encore d'ordre pour la préparer, mais comme l'empereur la destine à marcher, nous avons pris toutes nos mesures pour qu'il n'y est pas de retard pour la bouger dès qu'il en sera question.

Actuellement je vais vous parler de la direction que l'empereur compte donner à toutes ces troupes et de ce qu'il désire que vous fassiez à ce sujet à Varsovie; j'espère que la détermination de sa majesté sera entièrement dans votre sens, car elle est dans vos principes et que vous n'aurez rien contre. L'intention de l'empereur est de profiter de la position saillante du royaume de Pologne pour y réunir toute l'armée, à l'exception de la garde, qui prendrait par Tilsitt, Koenigsberg, la grande chaussée de Berlin.

Sa majesté m'a ordonné da faire un projet de dislocation à grand trait de tous les corps qui devraient occuper le royaume et préparer les marches routes par divisions dans l'ordre dans lequel elle devraient se placer dans leurs quartiers. L'empereur considère cette concentration de toutes les forces comme un point de rassemblement et de

repos indispensable pour les troupes après la longue marche qu'elles exécuteront et leur court séjour sur les lieux donnera le temps à toutes les branches de l'administration intérieure de l'armée de s'organiser: le but de l'empereur consiste aussi dans l'épargne que l'entretient momentané de l'armée produira au trésor impérial, car sa majesté est dans l'intention d'en charger le gouvernement polonais qui doit à notre trésor plus de 30 millions, qu'on avait l'idée d'employer aux fortifications de Brest et dont on pourra défalquer cette dépense. Le désir de l'empereur est donc que vous communiquiez cela confidentiellement à monseigneur le grand duc et au prince Lubecky et preniez vos arrangements avec eux pour tout ce qui concerne la subsitance des troupes; malgré que sa majesté pense que ce point d'arrêt ne doit pas dépasser les 15 jours, cependant elle voudrait que l'on prépare tout ce qu'il faut aux troupes pour un mois comme je le dis dans ma note. Dès que vous m'instruirez du résultat de vos conférences à cet égard, j'enverrai sur les lieux un colonel de l'ètat major pour tous les arrangements de détails. Vous verrez sur la carte que tous les corps sont placés de manière à pouvoir suivre les directions que vous leur avez indiquées dans votre note; du reste les ayant tous sous la main, il dépendra de vous de les porter dans telle direction que les circonstances du moment pourront l'exiger. Le comte Toll que l'empereur designe comme votre chef d'état major a été invité par moi avant hier pour voir et entendre tout ce qui a été fait chez nous, il a partagé entièrement ces dispositions premières et notre avis à cet égard.

Ma lettre est si longue et je suis si pressé que je vous demande pardon de son décousu; j'espère cependant que je suis parvenu à vous mettre au fait de ce dont il s'agit.

Les nouvelles de Moscou sont bien meilleures; la mortalité diminue et le nombre de ceux qui se rétablissent augmente. Dans le gouvernement de Vladimir, de Jaroslaw elle a presque cessé, mais par contre la maladie fait des grands ravages à Kharkoff et Kherson ainsi qu'à Nicolaïeff; à Odessa il n'y a eu que de légers indices.

Quelques désastreux que soyent les résultats de ce fléau, je considère la contagion morale qui règne en Europe encore plus funeste; pourrions nous y appliquer un remède décisif et l'extirper entièrement.

L'empereur, grâce au Ciel, se porte bien et me charge de vous dire mille choses de sa part; sa majesté vous a écrit depuis peu par une estafette qui est partie pour Berlin. Nous allons attendre de vos nouvelles avec impatience; c'est de ce que vous nous manderez que dépendront nos dispositions ultérieures et la marche des troupes.

N'oubliez pas de sonder Lubecky quant à la direction de l'intendance à laquelle il est si important de songer d'avance; jusqu'à ce moment nous n'avons personne en vue pour ce poste si important.

Agréez, cher comte, l'expression réitérée de mon inaltérable dévouement et amitié.

Tout à vous

comte A. Czernicheff.

XXIV.

Манифестъ императора Николая отъ 25-го января (6-го февраля) 1831 года.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Манифестомъ Нашимъ отъ 12 Декабря минувшаго года Мы объявили вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ о возникшемъ въ Царствѣ Польскомъ возмущеніи. Тогда, въ самомъ праведномъ Нашемъ негодованіи на мятежниковъ, готовясь смирить и наказать ихъ, Мы еще утѣшали Себя надеждою спасти заблуждающихся и обольщенныхъ. Гласомъ истины и новыми знаками милосердія Мы хотѣли возвратить ихъ къ долгу и съ тѣмъ вмѣстѣ, ожививъ бодрость въ благомыслящихъ устрашенныхъ первыми ужасами бунта, дать имъ возможность остановить успѣхи онаго и счастливымъ противодѣйствіемъ доказать свѣту, что не весь народъ Царства Польскаго достоинъ презрѣннаго названія измѣнниковъ. Мы и нынѣ удостовѣрены, что сей народъ несчастный есть токмо слѣпая жертва не многихъ злодѣевъ. Но сіи вѣроломные продолжаютъ имъ властвовать: они готовятъ оружіе на Россію, въ безумствѣ своемъ призываютъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ къ предательству и наконецъ, 13 сего мѣсяца, среди мятежнаго противозаконнаго сейма, присвоивая себѣ имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что Царствованіе Наше и Дома Нашего прекратилось въ Польшѣ, а что Тронъ, возстановленный Императоромъ Александромъ, ожидаетъ инаго Монарха. Сіе наглое забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ, сіе упорство въ зломысліи исполнили мѣру преступленій; настало время употребить силу противъ незнающихъ раскаянія, и Мы, призвавъ въ помощь Всевышняго, Судію дѣлъ и намѣреній, Повелѣли Нашимъ вѣрнымъ войскамъ итти на мятежниковъ. Россіяне! Въ сей важный часъ, когда съ прискорбіемъ Отца, но съ спокойною твердостію Царя, исполняющаго священный долгъ Свой, Мы извлекаемъ мечъ за честь и цѣлость Державы Нашей, соедините усердныя мольбы свои съ Нашими мольбами предъ Олтаремъ Всевидящаго, Праведнаго Бога. Да благословитъ Онъ оружіе Наше, для пользы и самихъ Нашихъ противниковъ; да устранитъ скорою побѣдою препятствія въ великомъ дѣлѣ успокоенія народовъ, Десницею Его Намъ ввѣренныхъ, и да поможетъ Намъ, возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей Нашей Имперіи, и положить навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи. Вѣрные под-

данные Наши! Сія цѣль достойна вашихъ трудовъ и усилій; вы привыкли не щадить ихъ за Насъ и Отечество. Данъ въ Санктпетербургѣ, 25-го Генваря, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ тридцать первое, Царствованія Нашего въ шестое.

XXV.

Письмо фельдмаршала Гнейзенау графу Чернышеву.

Познань. 12-го іюля 1831 года.

J'ai l'honneur d'accuser la réception de la lettre dont votre excellence m'a honor sous la date du 5/17 Juin. Je me sens profondement touché des paroles gracieuses dont sa majesté l'empereur votre auguste maître a daigné m'honorer, dévoué de coeur et d'âme que je suis à un monarque si vertueux, l'ami du roi mon auguste maître.

La mort prématurée du maréchal comte Diebitsch Zabalkanski m'a amèrement affligé. J'ai perdu en lui un digne ami dont j'ai eu occasion de reconnaître les qualités éminemment militaires dans nos guerres contre Napoléon.

A son successeur le maréchal comte Paskiewicz-Erivanski je continuerai tous les bons offices qui sont dans les limites de mes devoirs et dans notre position particulière. Les hautes qualités dont il a fait preuves en Asie laissent favorablement augurer pour la prompte réussite de ses dispositions militaires contre les insurgés, et j'espère qu'il mettra bientôt fin à la guerre scandaleuse que les turbulents polonais ont suscité à la Russie, eux qui jamais, depuis que la Pologne existe, n'ont joui du plus de tranquillité, ni de plus de prospérité nationale que sous le sceptre de l'empereur Alexandre de glorieuse mémoire et sous celui de sa majesté l'empereur actuellement regnant.

Sujet et serviteur de sa majesté le roi de Prusse et jaloux du bonheur et de la gloire de la monarchie Prussienne, je regarde comme un devoir de reconnaissance les voeux que je porte aux armes russes dans la lutte actuelle. Si l'empereur Alexandre, après la retraite de Napoléon du territoire russe, n'eut pas continué la poursuite de l'envahisseur de son empire, s'il n'eut pas continué la guerre, s'il se fut contenté de faire la paix avec lui, la Prusse serait encore sous l'influence de la France et l'Autriche n'aurait pas levé le bouclier contre elle. Alors point d'isle de S-te Hélène. Napoléon vivrait encore et Dieu sçait comment il aurait vengé sur d'autres les désastres qu'il avait essuyé chez vous. Notre indépendance actuelle, nous la devons à votre alliance et vous nous rendrez la justice que nous avons taché de la consolider par nos efforts.

Dans ce moment les correspondances de Varsovie nous apprennent que Skrzynecki avec son armée va passer par Modlin, apparemment pour se jeter sur les derrières de votre armée dont 15.000 hommes se trouvent déjà à Plock; je m'imagine qu'il y aura bataille sur la rive droite de la Vistule; qu'elle soit propice!

Votre excellence veuille agréer l'expression réitérée des sentiments d'amitié et d'affection avec lesquels j'ai l'honneur d'être son très humble ei très obéissant serviteur, le maréchal

comte de Gneisenau.

По ошибкѣ Гнейзенау поставилъ 1813 годъ.
Posen. 12 Juillet 1813.

XXVI.

Собственноручная записка императора Николая о польскомъ вопросѣ [1].

Ecrit autographe de sa majesté l'empereur Nicolas.

La Pologne fut de tous temps la rivale, l'ennemie la plus implacable de la Russie; ce fut évident lors des événements qui amenèrent l'invasion de l'année 1812, et dans cette campagne ce furent encore les polonais, qui, plus acharnés que tous les autres contribuables de cette guerre, commirent le plus d'excès [2], par les mêmes sentiments de haine et de vengeance, qui les animaient dans toutes les guerres avec la Russie. Dieu ayant béni notre sainte cause, nos armées conquirent la Pologne. Ce fait est incontestable. L'an 1815, la Pologne a été donnée à la Russie par droit de conquête. L'empereur Alexandre crut assurer les intérêts de la Russie, en recréant la Pologne comme partie intégrante de l'empire, mais avec le titre de royaume, une administration et une armée distinctes. Il lui octroya une constitution, qui, en réglant son état futur, payait par un bienfait spontané tous les maux que la Pologne n'avait cessé de verser sur la Russie. C'était la vengeance d'une belle âme! mais ce but a-t-il été atteint?

J'ai dit plus haut, que le premier but était d'assurer les intérêts de l'empire, en recréant la Pologne heureuse et prospérant sous la protection et par les liens de la Russie. Il est bien positif que ce petit pays, ruiné, abîmé par des guerres continuelles, par les efforts d'une suite de révolutions, par le passage fréquent d'une domination à une autre, en 15 années de temps est parvenu à un état de prospérité remarquable; ses finances étaient non seulement suffisantes pour les besoins du pays, mais offraient un effectif dans le trésor, qui seul suffit, depuis près d'un an, à tous les besoins de la lutte actuelle. Enfin, une armée, créée à l'instar de celle de l'empire, fournie de tout et richement dotée dans les arsenaux, sans que le pays ait supporté aucune charge, parvenue à une rare perfection, a suffi pour former les cadres pour 100.000 hommes. Quel bien en est donc résulté à l'empire? Des sacrifices énormes ont été faits pour sa conquête, quoique confondus avec les autres opérations de l'année 1813 et 1814; d'autres tout aussi forts, durant 15 ans, ont été faits tant pour entretenir et doter l'armée, que pour armer les places et fournir à l'entretien onéreux du noyeau des troupes qui leur servait d'instructeur.

L'empire était inondé des produits polonais au détriment de sa propre industrie, enfin l'empire portait toutes les charges de son acquisition nouvelle, sans en avoir retiré d'autre avantage que l'effet moral d'un titre de plus à ceux du souverain. Mais le mal a été réel. Les provinces anciennement polonaises, voyant près d'eux leurs frères jouir d'une nationalité réelle, abusive même, pensèrent plus que jamais à se soustraire à la domination

[1] Записка эта написана собственною рукою императора Николая карандашемъ, отчасти уже стершимся, но при ней находится копія, переписанная рукою графа Нессельроде съ нѣкоторыми, впрочемъ, незначительными измѣненіями въ словахъ и фразахъ. Настоящій списокъ снятъ съ подлинника и только въ тѣхъ его мѣстахъ, которыхъ невозможно было разобрать, съ копіи графа Нессельроде.

[2] Не разобрано. Вѣроятно, d'excès.

de l'empire. Aussi à la première étincelle, on a vu ces provinces prêtes à se bouleverser et influencer ainsi de la manière la plus désastreuse sur les opérations de l'armée. Un autre mal, plus réel encore, était celui de l'exemple d'un ordre de choses conforme aux idées du jour, presqu'impraticable dans le royaume et par conséquent impossible dans l'empire. Les espérances qu'on a conçues portèrent un coup terrible au respect et à l'ordre public et amenèrent pour la première fois aux malheureux résultats découverts à la fin de 1825. Le coup porté, l'exemple donné, il est difficile de supposer que dans un temps de troubles et de bouleversements universels, ces idées ne continuent à germer, malgré l'expérience de leur illusion et de leurs suites désastreuses. En un mot, c'était détruire ce qui faisait la force de l'empire, c'est à dire, la conviction qu'il ne pouvait être fort et grand que sous un gouvernement monarchique et un souverain autocrate. Ce qui était faux dans la base, ne pouvait se soutenir longtemps. A la première secousse, l'édifice a croulé, les intérêts étant différemment compris dans les deux pays, il en résulta une divergence d'opinions sur une question vitale, sur celle d'envisager et de juger les crimes contre la sûreté de l'état et la personne du souverain. Ce qui fut regardé et puni comme tel dans l'empire fut justifié et trouva même des apologistes dans le royaume. Des embarras inextricables s'en suivirent, les esprits s'aigrirent, les polonais se fortifièrent dans leur dessein de se soustraire à la domination russe et amenèrent enfin à la catastrophe de l'année 1830.

Néanmoins toutes les voies de conciliation compatibles avec la dignité de la Russie furent encore tentées, mais en vain. Les serments furent partout violés, la trahison devint générale et toute possibilité d'un accommodement disparut. Ce fut alors que les armées russes s'ébranlèrent. Elles marchèrent pour venger leur honneur national blessè dans ce qu'il y a de plus sacré et par la plus noire des ingratitudes. D'inouis sacrifices en tout genre se font tous les jours pour atteindre ce but. Mais quand il aura été rempli et lorsque la question aura été tranchée par la voie des armes, que sera le résultat auquel il faudra viser? ou plutôt quel sera dans cette circonstance le véritable intérêt de la Russie?

Tout ce qui se fait et tout ce qui passe encore en Pologne prouve évidemment que le moment de la générosité est passé, l'ingratitude des polonais l'a rendue impossible et dans les arrangements qui la concernent tout doit être subordonné, à l'avenir, aux vrais intérêts de la Russie. Ce point admis, il est impossible de ne pas convenir que l'intérêt russe ne saurait se trouver dans la construction d'un royaume de Pologne, tel qu'il fut crée en 1815 et conservant sa constitution. Il s'agit non seulement de mettre la Pologne matériellement hors d'état de nuire à la Russie, mais il faut encore considérer quel dédommagement elle peut obtenir de ses pénibles sacrifices et quels avantages elle peut retirer de la possession de la Pologne? Le premier point est facile à répondre: rien ne peut payer la Russie des sacrifices et des pertes qu'elle n'a faits que pour venger l'honneur national. Quant à la seconde question, il me paraît que la Russie ne peut retirer de la Pologne, telle qu'elle est, aucun avantage réel, et ce qui est plus important encore, qu'il n'y a pas même de garantie pour l'empire, pour l'avenir, qui puisse lui assurer la paisible possession de ce pays. Fidèle donc au principe que j'ai mis en tête, c'est à dire, celui du véritable intérêt de la Russie, je crois que la seule manière de se rendre compte de cette question est la suivante.

La Russie est une puissance forte et heureuse par elle-même, elle ne doit jamais être menaçante pour les autres puissances ses voisines, ni pour l'Europe. Mais elle doit avoir

une position imposante, défensive, telle à rendre toute agression impossible. En jettant les yeux sur la carte, l'on est effrayé de voir la frontière du territoire polonais de l'empire toucher presqu'à l'Oder, tandis que les flancs se trouvent retirés derrière le Niemen et le Boug pour s'appuyer à la Baltique près de Polangen et à la mer Noire près des bouches du Danube. Cette pointe contient une armée pour la maintenir dans la soumission. Ce pays ne rapporte rien à l'empire. Il ne peut au contraire exister que par les sacrifices continuels que l'empire doit lui faire pour qu'il puisse suffire aux besoins de son administration. Il est donc convaincant que les avantages de cette incommode possession sont nuls, les inconvenients graves, même menaçants. Reste à décider, comment pouvoir y remédier? Je n'y vois qu'un seul moyen, et le voici.

Déclarer que l'honneur russe a été amplement satisfait par la conquête du royaume, mais que la Russie n'avait pas d'intérêt à posseder une province dont l'ingratitude avait été aussi flagrante; que ses véritables intérêts lui dictaient de fixer ses frontières à la Vistule et au Narew, qu'elle abandonne le reste comme indigne de lui appartenir, en laissant à ses alliés le soin d'en faire l'usage qu'ils voudraient. Que fidèle, cependant, à ses principes, la Russie accordait à la portion du royaume qui lui resterait la jouissance de ses lois et institutions, en tant qu'elles seraient compatibles avec les vrais intérêts futurs. Que le titre de royaume de Pologne resterait attaché à cette portion du pays et pour que ce nom porté par une autre fraction ne recréa point un nouvel état hostile à la Russie, ce qu'elle ne souffrirait en aucun cas.

XXVII.

Собственноручная записка императора Николая отъ $\frac{7}{19}$ апрѣля 1831 года о планѣ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ.

Tous les avantages que nous possédions à l'ouverture de la campagne ont été totalement perdus par une suite de circonstances malheureuses, qu'il est inutile de répéter ici, mais qui pour le moment rendent l'issue de la guerre problématique. Notre armée est forcée de se replier vers les frontières pour se concentrer et pour tâcher de trouver les moyens de subsistance qui lui manquent totalement et qui menacent de ne pouvoir être rassemblés ni bientôt, ni même en quantité suffisante, par la pénurie et l'on peut même dire la famine qui régne en Wolhynie, et le manque total de tout ce que nous pouvoins espérer de la Lithuanie, depuis que ce pays est en insurrection.

Il est permis de douter que l'ennemi nous permette de réunir même, par son inaction, nos nouveaux moyens et le plus probable est, que profitant de son initiative il cherchera soit à surprendre nos cantonnements fort étendus, ou à battre nos détachements fort isolés à Zéléchof et surtout à Tyrchin, où même à tenter un coup contre la garde. Quand même il vous serait permis de reprendre l'offensive dans la direction de la haute Vistule, nous serons forcés de passer de rechef par un pays épuisé, fort mal disposé contre nous et qui stratégiquement ne nous offre aucun avantage, nous portant après le passage dans un pays, où la résistance sera opiniâtre, car cette partie du royaume est connue pour

être la plus belliqueuse. Toute communication de l'empire se fera difficilement et tous nos transports devront toujours passer par le même pays épuisé, que nous sommes forcés d'abandonner dans ce moment-ci. Après le passage il faudra se couvrir de la gauche exposée aux insultes de tout ce qui se forme du côté de Cracovie et rétraverser un pays, en approchant de Varsovie, que l'ennemi a épuisé à dessein, nous attendant de ce côté. Je propose en échange un tout autre plan. Le voici.

Faire à l'instant même les marchés, même les plus onéreux, pour former des magasins en blé et fourage tout le long de la frontière prussienne, en Prusse même, ce dont il est facile de convenir avec ce gouvernement, directement par Tengoborsky. Au lieu de faire appuyer la garde sur la gauche vers le Bug, de la laisser où elle est, ou même de la retirer plus au fond du Palatinat vers Augustof, de faire filer tout ce qui arrive du 2-e corps vers Lomza. En même temps tout le 3-e corps approcherait des frontières avec le 4-e de cavalerie de réserve et la 5-e de lanciers pour renforcer Rüdiger dans ses positions actuelles. Tous ces corps seraient remplacés à fur et mesure par les nouveaux bataillons de réserve des 24, 25, 26 divisions qui sont déjà à la hauteur de Novgorod—Wolynsk, et par une partie de la 18-e division à Kamenetz. Le 6-e corps (les restes) réuni aux bataillons de réserve, qui devaient former la nouvelle 26-e seraient réunis près de Brest, où près de Terespol, où l'on ferait incontinent commencer une tête de pont, et le tout sous les ordres de Sacken le maréchal.

En même temps tout le reste de l'armée, c'est à dire les 1-r et le corps de grenadiers avec le 3-e corps de cavalerie de réserve et le détachement de la garde de Varsovie avec sa brigade de grenadiers, fileraient à droite par Droguitschin, Melniky ou Nur sur Ostrolenka, où tous les derniers moyens de subsistance devraient être dirigés de suite.

Tout le pays entre le Weprj et le Bug devrait être abandonné à des forts partisans, et bien choisis pour être tenu au courant des mouvements de l'ennemi. Kreutz avec la 1-re de dragons couvrirait Rüdiger, et en cas de nécessité se retirerait comme Rüdiger lui même dans nos frontières et ne rentrerait en Pologne, que pour talonner ce qui se riplierait. L'armée étant parvenue à Ostrolenka, marcherait ayant fait rentrer le détachement de Sacken, le 2-e corps sur Pultusk et Sierotsk, suivis par les grenadiers; arrivé à ce point important, l'on y laisserait un bataillon de sapeurs et une ou deux brigades pour le remettre en état de défense, et y tenir garnison. Le 1-r corps suivi de la garde marcherait par la route parallèle sur Pzaznitz et Ciehanof, et toute l'armée se réunirait à Plonsk; si l'ennemi débouchait de Modlin, pour chercher une bataille on la lui livrerait avec des forces supérieures, s'il ne bougeait pas, l'armée laisserait momentanèment le 2-e corps à Plonsk et chercherait un passage à Plotzk ou au dessous, pour lequel on ferait louer ou acheter des bateaux en Prusse. Il va sans dire que la droite du 1-r corps et de celui de la garde aurait un détachement léger pour marcher par Mlava, Biezun sur Lipno, pour explorer tout ce pays et en assurer la tranquillité. A Néchava l'on pourait aussi faire lancer un partisan sur l'autre rive pour nettoyer la rive opposée.

Le point le plus avantageux sur la carte me paraîtrait devoir être Plotsk; il est possible qu'il s'en trouve de meilleur. Le passage effectué le cours de la Vistule nous assure nos subsistances. Il faudra tâcher de se porter de suite avec toutes les forces réunies par Gombin pour gagner la chaussée et marcher directement contre l'ennemi pour le chercher et le battre, s'il n'aura pu empêcher le passage, ce sera à Sochatschef probablement qu'il cherchera à livrer bataille, la position y étant forte et bonne.

Ce plan d'opération hardi, mais nullement avantureux, offre l'immense avantage d'assurer nos approvisionnements et d'en être à fort peu de distance et de surprendre l'ennemi qui ne s'y attendra nullement, car l'on fera toujours mine de vouloir conserver ses préparatifs à Tirchin, et enfin, il coupe la communication morale de l'ennemi avec l'Europe qui passe par la Prusse.

Telle est mon opinion, vous me répondrez et ferez selon votre conviction à vous deux avec Toll, mais j'en exige la réfutation par écrit.

XXVIII.

Два всеподданнѣйшихъ донесенія графа Толя о кончинѣ графа Дибича.

29-го мая 1831 г., подъ Полтускомъ д. Клещево.

1.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ я вижу себя въ обязанности донести вашему императорскому величеству о горестной внезапной кончинѣ господина главнокомандующаго, графа Дибича Забалканскаго, умершаго нынѣ въ 12-мъ часу до полудни, отъ припадка холеры въ одной изъ высшихъ ея степеней.

Вчерашняго 28-го числа рано утромъ онъ нѣсколько жаловался, что дурно себя чувствуетъ; но, однако, весь день казался совершенно здоровымъ, обѣдалъ и вообще кушалъ по-обыкновенному, былъ веселъ и ни малѣйшаго не подавалъ поводу къ какому либо не только опасенію, но даже сомнѣнію. Вечеромъ легъ онъ, по обыкновенію, въ послѣдніе дни принятому, около 10-ти часовъ; вскорѣ послѣ былъ разбуженъ для нѣкоторыхъ нужныхъ по службѣ дѣлъ, и во все время сіе казался столь же здоровымъ, какъ и веселымъ. Вдругъ около третьяго часа ночи почувствовалъ себя дурно, призвалъ людей, запретя имъ, однако, кого либо будить и даже доктора призвать. Въ четвертомъ только часу видя нездоровіе свое усиливающимся, онъ приказалъ позвать лейбъ-медика Шлегеля, но кого либо другого возбранилъ тревожить. Вслѣдъ за прибытіемъ своимъ докторъ усмотрѣлъ признаки холеры, кои постепенно увеличились до самой несомнѣнной и даже сильной степени. Изверженія и испорожненія продлились нѣсколько часовъ. Немедля пущена была кровь, поставлены пьявки, употреблены сильнѣйшія средства къ оттиранію и преподаны всѣ возможныя пособія. Графъ оставался все въ совершенной памяти; подходящихъ къ нему лицъ, кромѣ медицинскихъ, просилъ немедля удаляться, опасаясь сообщить имъ заразу. Около семи часовъ усилія медиковъ вывели потъ, и больной нѣсколько успокоился; до того времени корчи немного показывались, и страданія ограничились болѣе жаромъ и дрожью; послѣ осьмого часа они начались частью въ ногахъ; частью же боль бросилась во внутренность, и терзанія, съ перемежками продолжавшіяся до 10-ти почти часовъ, казались чрезмѣрными. Около 10-ти часовъ вопль страждущаго нѣсколько уменьшился, но силы жизненныя видимо ослабѣвали; дыханіе дѣлалось постепенно труднѣе;

вскорѣ наступилъ родъ безжизненности, прерываемой лишь рѣдкими движеніями головы; взглядъ совершенно потухъ, и наконецъ въ $11^{1}/_{4}$ часовъ невозвратная потеря наша свершилась, и Всевышнему Промыслу угодно было лишить армію достойнаго ея предводителя.

Среди столь горестнаго положенія я знаю всю важность лежащихъ на мнѣ обязанностей и смѣю завѣрить ваше императорское величество, что къ усерднѣйшему выполненію оныхъ направлены будутъ всѣ мои усилія и вся безусловная моя къ службѣ преданность. Главнокомандующему угодно было уже утромъ приказать мнѣ принять командованіе арміею. Я съ симъ вмѣстѣ исполню сіе и приму временное, до полученія повелѣній вашего императорскаго величества, начальство надъ арміею, согласно съ правилами, въ учрежденіи о большой дѣйствующей арміи изложенными. Всѣ дѣйствія мои будутъ направлены къ той же цѣли и сходно съ тѣми же видами, о коихъ главнокомандовавшій самъ неоднократно доводилъ уже до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, особенно въ послѣднихъ собственныхъ донесеніяхъ своихъ.

По важности настигшихъ насъ обстоятельствъ я считаю обязанностью отправить сіе донесеніе мое немедля и вдвойнѣ, чрезъ Брестъ и чрезъ Пруссію.

Тѣло покойнаго будетъ вскрыто и бальзамировано и до времени сложено въ Ломзѣ, а буде возможнымъ окажется, то въ Пруссіи. Насчетъ дальнѣйшаго отправленія онаго я испрашиваю повелѣнія вашего императорскаго величества.

Генералъ-адъютантъ графъ Толь.

2.

29-го мая 1831 г., д. Клещево.

Изъ всеподданнѣйшаго донесенія моего вашему императорскому величеству усмотрѣть изволите роковую участь, постигшую побѣдоносную армію вашего императорскаго величества. Я, согласно учрежденія большой дѣйствующей арміи, принялъ временно командованіе надъ оною и посвящу всѣ мои слабыя силы и способности слѣдовать видамъ и предположеніямъ покойнаго генералъ-фельдмаршала. За всѣмъ тѣмъ, я, какъ истинный сынъ отечества и вѣрный слуга вашего императорскаго величества, не могу умолчать, что скорое назначеніе главнокомандующаго надъ оною необходимо, ибо я чувствую себя неспособнымъ принять на себя столь важную обязанность, о чемъ предварительно въ письмахъ покойнаго фельдмаршала сіе чистосердечное мое признаніе доведено было до свѣдѣнія вашего императорскаго величества. Съ назначеніемъ же новаго главнокомандующаго я готовъ, буде вашему императорскому величеству угодно, остаться въ нынѣ занимаемой мною должности; въ противномъ же случаѣ всеподданнѣйше прошу о назначеніи меня, согласно представленія покойнаго генералъ-фельдмаршала, въ письмѣ его отъ 11-го числа къ вашему императорскому величеству изложеннаго[1]. Въ заключеніе еще присовокупить обязываюсь, что для пользы службы полагаю я необходимымъ, хотя на первое время

[1] Въ письмѣ графа Дибича отъ 11-го мая 1831 года главнокомандующій сообщалъ о необходимости даровать графу Толю временный отдыхъ вслѣдствіе совершеннаго упадка его физическихъ силъ послѣ трудной зимней кампаніи.

*

командованія новаго главнокомандующаго, оставить всѣхъ главныхъ начальниковъ управленія главнаго штаба арміи въ теперешнемъ его составѣ.

Съ чувствами всеподданнѣйшей преданности имѣю счастіе быть, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшій

графъ К. Толь.

XXIX.

Предположеніе графа Паскевича-Эриванскаго о дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ въ маѣ 1831 года.

1.

Предполагая переходъ Вислы ниже Варшавы, нужно настоятельно просить прусское правительство, дабы оно позволило заготовить въ крѣпости Торнѣ 100.000 четвертей провіанта и 100.000 четвертей овса. Тѣмъ лучше, если и въ другихъ мѣстахъ въ Пруссіи, по назначенію главнокомандующаго, фельдмаршала графа Дибича Забалканскаго, будетъ сдѣлано таковое заготовленіе; также въ Торнѣ приготовить мостъ, или суда для моста, и притомъ до ста большихъ лодокъ, называемыхъ берлинскими, ходящихъ по Вислѣ и подымающихъ до ста человѣкъ, на коихъ 10.000-й корпусъ можетъ быть переправленъ въ одинъ разъ, для сдѣланія тотъ же часъ на той сторонѣ тетъ-де-пона и потомъ для устроенія моста. Такимъ образомъ переправа можетъ быть готова въ 48 часовъ.

2.

На мѣстѣ переправы при устроеніи моста сдѣлать сильныя укрѣпленія съ обѣихъ сторонъ; въ сихъ укрѣпленіяхъ должны быть сложены: 1) магазейны, 2) всѣ военные запасы, 3) госпитали и 4) обозы, неудобные къ движенію.

3.

Имѣть осадную артиллерію и осадный паркъ, хотя одну комплектную роту и по 100 выстрѣловъ на орудіе.

4.

Нанять въ Пруссіи для поднятія магазейновъ до 4.000 большихъ повозокъ, которыхъ тамъ можно найти большое количество. Симъ самымъ можно уменьшить обозы, столь обременительные при переправѣ. Денегъ не жалѣть для заплаты подводчикамъ.

5.

Если бы по непредвидимымъ обстоятельствамъ найдено было выгоднѣе сдѣлать переходъ на верхней Вислѣ, то и въ такомъ случаѣ сіи приготовленія въ Пруссіи весьма нужны, ибо, обошедши по лѣвой сторонѣ Вислы Варшаву, можно стать такимъ

образомъ, чтобы имѣть соединеніе съ магазейномъ, находящимся въ Торнѣ, и притомъ предполагаемое на Вислѣ близъ Торна укрѣпленіе, заключая въ себѣ депо и переправу, будетъ нужно, какъ для доставленія запасовъ, такъ и во избѣжаніе двухъ комуникаціонныхъ линій.

6.

Устроивши такимъ образомъ сей пунктъ, итти на Варшаву.

XXX.

Письмо императора Николая князю Паскевичу отъ 4-го сентября 1831 года.

Царское Село. 4-го (16-го) сентября 1831 года.

Слава и благодареніе всемогущему и всемилосердному Богу! Слава тебѣ, мой старый отецъ командиръ, слава геройской нашей арміи! Какъ мнѣ выразить тебѣ то чувство? Безпокойство, которое вселило во мнѣ письмо твое отъ 24 часла, все, что происходило во мнѣ тѣ три безконечные дня, въ которые между страха и надежды ожидалъ роковой вѣсти, и наконецъ то счастіе, то неоцѣнимое чувство, съ коимъ обнялъ я твоего вѣстника?

Ты съ помощію Бога всемилосерднаго поднялъ вновь блескъ и славу нашего оружія, ты наказалъ вѣроломныхъ измѣнниковъ, ты отомстилъ за Россію, ты покорилъ Варшаву—отнынѣ ты свѣтлѣйшій князь Варшавскій! Пусть потомство вспоминаетъ, что съ твоимъ именемъ неразлучна была честь и слава россійскаго воинства; а имя твое да сохранитъ каждому память дня, вновь прославившаго имя русское. Вотъ искреннее изреченіе благороднаго сердца твоего государя, твоего друга, твоего стараго подчиненнаго. Ахъ! зачѣмъ я не летѣлъ за тобой попрежнему въ рядахъ тѣхъ, кои мстили за честь Россіи, больно носить мундиръ и въ таковые дни быть приковану къ столу, подобно мнѣ, несчастному.

Потеря наша велика, но благодарю Бога, что не больше; если вспомнить, что брать должно было, и что симъ пріобрѣтено, такъ почти сказать можно, что даже весьма умѣренна. Надо надѣяться, что безуміе поляковъ не доведетъ ихъ до того, чтобы вновь начать дѣйствія на другомъ пунктѣ, для того важно будетъ, что заключатъ съ Бергомъ, который отлично дѣйствовалъ.

Армію, то-есть нижнихъ чиновъ, кромѣ плѣнныхъ, лучше всего распустить всю по домамъ, отобравъ, разумѣется, все оружіе. Офицерамъ считаю лучше дать пашпорты на выѣздъ за границу царства. Тогда мы ихъ избавимся и возвратно не впустимъ. Генераламъ нашего времени велѣть ѣхать всѣмъ въ Москву, придавъ офицеровъ для провожанія, но не арестуя. Чарторижскаго, Лелевеля и подобныхъ арестовать и подъ строгимъ карауломъ отправить въ Кіевъ или Бобруйскъ, впредь до повелѣнія. Такъ же поступить со всѣми редакторами газетъ и журналовъ, кои въ Варшавѣ, или индѣ попадутся.

Ты назначилъ графа Витта и весьма хорошо избралъ, ибо его я тебѣ предложить хотѣлъ. Теперь не могу немного не побранить тебя за то, что вопреки обѣщанію мнѣ ты столько подвергался опасности, что надо одной милости Божіей приписать, что хуже съ тобой не случилось. Всѣ въ одинъ голосъ тебя въ томъ винятъ; и точно что бъ было съ арміею и со всѣмъ дѣломъ, ежелибъ тебя не стало! ужасно и подумать, и ты самъ видишь, что при такихъ герояхъ, какъ тѣ, которые у тебя служатъ, некого ободрять своимъ примѣромъ. Стало, полно шалить, отецъ-командиръ.

Ты хорошо сдѣлалъ, что отпустилъ и Толя и Нейдгарта, а Горчакова и Берга я утверждаю, но послѣдняго не балуй; его надо держать сильно въ рукахъ, а то занесется. Ежели Богъ привелъ къ тому, что точно кончено, то въ особой запискѣ найдешь мои предположенія и предложенія по нѣкоторымъ предметамъ, которые тебѣ предоставляю принаровить къ твоимъ намѣреніямъ, елико сіе возможно будетъ. Главный предметъ—успокоеніе края и возстановленіе въ немъ порядка; второй, столь же важный—устройство арміи, дабы къ веснѣ быть ей сильну, готову и бодру физически и морально, дабы духъ заразы умственной до нея не добрелъ; сіе отмѣнно важно. Все означено въ моей запискѣ.

Необходимо, не теряя времени, приступить къ устройству крѣпкой цитадели въ Варшавѣ. Пунктъ я избираю близъ, или, лучше сказать, вокругъ Александровскихъ казармъ, какъ мѣсто въ краю города, на возвышенномъ открытомъ мѣстѣ, и гдѣ есть казармы и строенія на 6 тысячъ гарнизону; сверхъ того, тутъ былъ мостъ новый, который тѣмъ важенъ намъ, что переправа черезъ него—не черезъ городъ. Вотъ планъ, на которомъ примѣрно начертилъ я главныя линіи. Вели сообразить на мѣстѣ тщательно и пришли мнѣ детальный планъ съ твоими мыслями и не медля вели начать работу, употребя нашихъ саперъ и жителей по наряду или найму, но лучше по наряду, платя хорошую плату изъ городскихъ суммъ.

Чѣмъ скорѣе цитадель поспѣетъ, тѣмъ лучше. Хорошо бы и Модлинъ намъ получить поскорѣе, тогда весь край нашъ. Извѣстія изъ Персіи лучше, и кажется, что теперь еще будетъ тише; Геленджикъ также занятъ.

5/17. Сейчасъ я возвратился отъ молебна, гдѣ мы усердно за тебя и всѣхъ героевъ молились; дай Богъ, чтобы все уже кончено было. Поручаю тебѣ изъявить всей арміи мою благодарность и удовольствіе за ихъ безсмертный подвигъ и поспѣшить представленіемъ къ наградамъ достойныхъ.

Къ тебѣ отправляется всего для 1, 2 и 3 корпусовъ по 5.400 человѣкъ въ каждый, а въ Гренадерскій 9 тысячъ человѣкъ; сверхъ того, по 200 артиллеристовъ въ каждый корпусъ и въ гренадерскую артиллерію 300 человѣкъ; вотъ все, что нынѣ прислать можно. Къ веснѣ же подойдетъ больше, такъ что съ ними и съ выздоравливающими и плѣнными будетъ комплектъ. Жена тебѣ сама пишетъ. Сегодня вышла въ первый разъ въ церковь. Да хранитъ тебя Богъ, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, и дастъ тебѣ счастливо довершить святое дѣло къ чести, и славѣ, и пользѣ Россіи. Моя благодарность и дружба тебѣ принадлежитъ навѣки.

Твой искренно доброжелательный Н.

Дѣйствующую армію составить изъ:

Гренадерскаго,
1 пѣхотнаго,

2 пѣхотнаго,
3 пѣхотнаго,
3 резервнаго кавалерійскаго,
4 резервнаго кавалерійскаго,
20 казачьихъ полковъ.

Гренадерскій корпусъ, какъ сильнѣйшій и самый готовый къ дѣйству, поставить корпусной квартирой въ Калишѣ. 1-й пѣхотный въ Плоцкомъ воеводствѣ, 2-й пѣхотный въ Ловичѣ корпусной квартирой и 3-й пѣхотный влѣво отъ него до краковскихъ окрестностей, 3-й резервный кавалерійскій въ Варшавѣ и Ловичѣ по казармамъ, а 4-й резервный кавалерійскій въ Кутнѣ и и Колло до Петрокова.

Въ Варшаву присылать поочередно по дивизіи помѣсячно отъ 1 и 2 корпусовъ, дабы долгой стоянкой не обременять и не баловать въ соблазнахъ города.

Сводная бригада 8-й дивизіи перейдетъ въ Модлинъ для постояннаго гарнизона; гвардія и кавалерія ея пойдутъ покуда въ Вильно и Гродно зимовать, доколь обстоятельства не объяснятся.

Казачьи полки станутъ по границѣ или индѣ, гдѣ нужно будетъ.

Укрѣпленія Варшавы срыть жителями, по непремѣнному наряду, какъ строены ими же были.

Обратить все вниманіе на возстановленіе устройства полковъ по всѣмъ частямъ, пославъ, коль скоро можно будетъ, генералъ-адъютанта Исленьева, Шипова и генералъ-майора Бергмана, произвесть инспекторскіе смотры всѣмъ полкамъ 1, 2 и 3-го корпусовъ, дабы имѣть настоящее понятіе объ ихъ состояніи и нуждахъ, и указать сейчасъ, какъ способы все привесть въ должный видъ и порядокъ, и основать правильную доучку молодыхъ полковъ и ожидаемыхъ къ нимъ резервовъ.

Уравнять полки плѣнными.

Стараться заподрядить сукно для шинелей изъ фабрикъ края.

Въ артиллерію послать генералъ-майора Сухозанета для осмотра и устройства. Въ кавалерію изъ флигель-адъютантовъ, знающихъ кавалерійскую службу. Для всего дать печатныя образцовыя вѣдомости, по образцу того, что сдѣлано было послѣ Турецкой кампаніи, что долженъ знать генералъ Обручевъ.

Велѣть въ Варшавѣ обыскать всѣ польскія знамена и штандарты бывшей нашей арміи и прислать ко мнѣ. Найти и у насъ взятыя и отослать въ комиссаріатъ. Всѣ революціонныя вещи, какъ-то: шпагу или шарфъ Костюшки, взять и прислать сюда въ Преображенскій соборъ, равно изъ церквей убрать всѣ турецкія знамена.

Отыскать и прислать ко мнѣ всѣ мундиры покойнаго императора, равно всѣ вещи, собственно ему принадлежавшія въ его кабинетѣ. Убрать троны и прочія къ сему вещи и отправить въ Брестъ. Черезъ нѣкоторое время велѣть генералу Бергу поручить кому знающему взять и, осторожно уложивъ, отправить въ Брестъ университетскую библіотеку и кабинетъ медалей, равномѣрно и библіотеку de la Société des belles lettres.

Словомъ, убрать понемногу все, что имѣетъ историческую національную цѣнность, и доставить сюда; равно и флагъ съ королевскаго замка. Велѣть опечатать архивы и банкъ.

Поручить дипломатическому чиновнику найти всю переписку мятежнаго правительства съ заграничными своими агентами, въ особенности въ Лондонѣ и Парижѣ. Оно важно, ибо многое намъ откроетъ коварство, которое хорошо изобличить.

Съ прибытіемъ Энгеля, велѣть временному правительству открыть свои дѣйствія и обратить особое вниманіе на то, чтобъ скопить всѣ могущія остаться индѣ суммы.

Новыя бумажки, революціоннымъ правительствомъ въ ходъ пущенныя, уничтожить и объявить, что ни онѣ, ни другія какія либо квитанціи, или бумаги сего правительства, нигдѣ въ платежѣ не будутъ приняты и не имѣютъ болѣе никакого значенія.

Революціонныхъ кокардъ носить не дозволять.

Насчетъ національной гвардіи ожидать буду твоего мнѣнія.

Школу піаристовъ, подъ предлогомъ постройки цитадели, велѣть закрыть, а монаховъ сего ордена имѣть подъ самымъ строгимъ присмотромъ.

Вотъ и все на первый случай.

XXXI.

Манифестъ объ окончаніи польской войны 1831 года.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Возженная измѣной война прекратилась: народъ Царства Польскаго освобожденъ отъ насилія мятежниковъ, и тѣ слабые остатки ихъ полчищъ, кои до конца упорствовали въ заблужденіи, тѣснимые отовсюду Нашими храбрыми войсками, удалились въ предѣлы сосѣдственныхъ съ Нами Державъ и тамъ положили оружіе. Вѣрные подданные Наши! возвѣщая васъ о семъ торжествѣ истинно утѣшительномъ, ибо имъ возстановляются спокойствіе и порядокъ, Мы такъ же, какъ при началѣ сей горестной для сердца Нашего борьбы, обращаемся вмѣстѣ съ вами къ Тому, Кто, владычествуя судьбами Царствъ и народовъ, столь видимо благословилъ Наше правое дѣло. Первая мысль Наша, первая жертва хвалы и благодаренія да вознесутся къ Престолу Его. Онъ въ неисповѣдимомъ совѣтѣ Своемъ положилъ подвергнуть Насъ новымъ, тягостнымъ испытаніямъ, но посреди ихъ явилъ и новые знаки Своей къ Намъ благости, показалъ твердость могущества Россіи, и вѣрныя Наши войска, сію необоримую ограду Отечества, покрылъ новымъ блескомъ славы. Храбрые воины Наши оправдали Нашу довѣренность. Прославленные подвигами на берегахъ Езфрата, на высотахъ Балкана, Тавра и на поляхъ Румеліи, они въ семъ достопамятномъ бо-

лѣе семи мѣсяцевъ непрерывавшемся походѣ умѣли еще превзойти себя, презирая опасности, перенося неимовѣрные труды и нужды, сражаясь съ препятствіями, самою природою поставляемыми, и съ отчаяннымъ сопротивленіемъ враговъ, не щадившихъ достоянія и крови народа, ими вовлеченнаго въ преступленіе, и рядъ блистательныхъ успѣховъ достойно заключенъ покореніемъ Варшавы, гдѣ непріятель былъ равно изумленъ великодушнымъ мужествомъ побѣдителей и уваженіемъ ихъ къ жизни и собственности побѣжденныхъ. Но сею кротостію въ побѣдѣ, симъ безкорыстіемъ и человѣколюбіемъ ознаменованы и всѣ дѣйствія Нашихъ воиновъ въ Царствѣ Польскомъ. Помня слова Наши, они среди самыхъ кровопролитій старались уменьшать ужасы сей междоусобной брани, вездѣ щадили падшихъ заблуждающихся и всѣхъ возвращающихся къ долгу принимали, какъ братьевъ. Россіяне! съ помощью Небеснаго Промысла, Мы довершимъ начатое Нашими храбрыми войсками. Время и попеченія Наши истребятъ сѣмена несогласій, столь долго волновавшихъ два соплеменные народа. Въ возвращенныхъ Россіи подданныхъ Нашихъ Царства Польскаго вы также будете видѣть лишь членовъ единаго съ вами великаго семейства. Не грозою мщенія, а примѣромъ вѣрности, великодушія, забвенія обидъ вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ Нами мѣръ, тѣснѣйшему, твердому соединенію сего края съ прочими областями Имперіи, и сей Государственный неразрывный союзъ, къ утѣшенію Нашему, ко славѣ Россіи, да будетъ всегда охраняемъ и поддерживаемъ чувствомъ любви къ одному Монарху, однихъ нераздѣльныхъ потребностей и пользъ и общаго никакимъ раздоромъ не возмущаемаго счастія.

Данъ въ Санктпетербургѣ въ шестый день Октября въ лѣто отъ Рождестаа Христова тысяча восемь сотъ тридцать первое, Царствованія же Нашего въ шестое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Николай.

XXXII.

Донесеніе о холерѣ въ 1831 году.

1.

Начальникъ 1-го округа корпуса жандармовъ отъ 22-го іюня 1831 года донесъ, что въ Каретной и Рождественской частяхъ, на улицахъ, въ коихъ учреждены временныя больницы по случаю болѣзни холеры, со дня ея появленія собиралась ежедневно толпа праздныхъ и любопытныхъ людей, болѣе изъ низшаго сословія, трактующихъ о ходѣ сей болѣзни. Вчерашняго же числа, вѣроятно, по случаю праздника собралось въ Рождественской части болѣе, чѣмъ въ прочіе дни, народа, окружили больницу и начали выходить изъ послушанія полиціи. Въ 5-мъ часу пополудни частный приставъ донесъ о семъ сборищѣ оберъ-полицмейстеру, который, пріѣхавъ туда, приказалъ собравшейся толпѣ разойтиться. Въ это время одинъ пьяный изъ толпы бросилъ камнемъ въ окно больницы и вышибъ два стекла, не причинивъ впрочемъ дальнѣйшаго вреда. Какъ этотъ человѣкъ, такъ и другіе, около семи, замѣченные въ буйствѣ, взяты полиціею подъ стражу.

Оберъ-полицмейстеръ приказалъ полиціи рѣшительно разогнать народъ и въ ту же минуту послалъ къ плацъ-майору просить наряда караула для охраненія больницы и отъ С.-Петербургскаго жандармскаго дивизіона приказалъ выслать конную команду на случай усиленія безпорядковъ; почему, по полученіи такого приказанія, въ 10 часу вечера отряжены отъ дивизіона 2 оберъ, 3 унтеръ-офицера и 16 рядовыхъ, съ коими отправился и самъ командиръ дивизіона. Команда прибыла къ Рождественской больницѣ въ 10 часовъ, но народъ почти весь уже разошелся. Въ 11 часовъ прибылъ караулъ, и по приказанію оберъ-полицмейстера оставлена половина команды жандармовъ для ночного патруля.

Утромъ сего числа собирался также народъ небольшими кучками у больницы въ домѣ Таирова, на Сѣнной.

2.

Записка дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Фока къ графу Бенкендорфу.

Ce lundi matin.

Nous avons eu quelques accidents fâcheux et tumultueux; mais on les exagère trop. Je suis persuadé qu'avec de l'énergie et des mesures sages on parviendra à bout de les prévenir pour l'avenir. En voici les détailes véridiques.

Aujourd'hui à 8 heures et demi du matin on a amené à l'hôpital central, placé à la Sennoï maison Taîroff, un malade frappé de choléra. Tout d'un coup se sont attroupés une foule de peuple: on a ouvert la voiture qui a été brisée et on en a tiré le malade qui n'a été pas encore retrouvé jusqu'à 10 heures et demi du matin. De plus la foule a brisé les vitres dans deux fenêtres du rez-de-chaussée de la maison Taîroff. Les propos étaient virulentes: «point de guérison; qu'avons nous à faire des médecins; ce sont eux et la maudite police qui font plus de mal que le choléra. On encombra les hôpitaux des dens qui sont pour la plupart incommodés seulement, ou même bien portants. Nous sommes tous des russes, nous sommes tous compatriotes, nous réprimerons les injustices de la police et des médecins. L'empereur est notre père, il va arriver; nous nous jeterons à ses pieds, les persécutions cesseront; au reste, en réprimant celles-ci chacun ne fait que son devoir comme russe et bon citoyen...».

Des mesures de sûreté ont été prises de suite par la présence d'esprit de l'officier de police du second quartier, nommé Kretchetoff. Un officier allait à la tête de 30 hommes relever la garde de la Sennoï; Kretchetoff lui dit: c'est ici qu'il faut monter la garde, voilà un mouvement populaire, il s'agit de défendre l'hôpital. Le colonel de la gendarmerie Panoff se trouvait par hasard sur la place et persuada l'officier de suivre ce conseil, et l'ordre fut rétabli de suite. Plus tard, des détachements de cosaques et de gens d'arme arrivaient sur la place. Il paraît que l'ordre ne sera pas troublé d'avantage.

D'après le premier aperçu, les colporteurs-boulangers paraissent avoir donné l'impulsion au mouvement; on en a arrêté trois, ainsi qu'un individu qui avait arrêté la voiture, où se trouvait le malade. Pour le moment il est impossible de donner des renseignements plus positifs sur la direction du mouvement. Très certainement il y a des moteurs et des instigateurs. Le fait est que l'esprit dans la classe ouvrière et mercantile, surtout des colporteurs (разносчики), est foncièrement mauvais.

Je viens de recevoir des rapports que la nuit déjà il y avait eu des attroupements à la Sennoï et qu'on y avait maltraité des guéritiers (будочники).

Il y a eu également un mouvement populaire à l'hôpital central Рождественской части, mais beaucoup moins violent et qu'on a d'abord appaisé.

Des propos circulent avec véhémence de bouche en bouche et il ne faut pas se dissimuler que le mouvement et la disposition des esprits doivent attirer l'attention du gouvernement. La vigilance et la modération doivent caractériser les mesures de celui-ci, pour ne pas augmenter le mal.

J'ajoute ici un exposé que j'avais ordonné avant-hier déjà à Kobervein de coucher sur papier et qu'il m'a remis hier. Je n'ai pas le temps de le rendre un peu plus lisible; mais vous le comprendrez tel quel.

Je viens de sortir de chez le général Essen, qui m'a reçu parfaitement bien. J'y ai rencontré le général Vassiltchikoff et m-r Peroffsky. Le comité se rassemblera ce soir à six heures. Dieu veuille que le général Vassiltchicoff y introduit plus d'énergie, c'est ce qui manque au brave et excellent général Essen, ainsi que le nom russe et partant la popularité. Attributions inmanquables dans ces circonstances si graves.

Demain je vous entretiendrai avec plus de détail sur toutes ces choses.

Je n'ai qu'un seul désir, c'est celui de pouvoir suffir à ma besogne.

Je vous expédie encore sous ce pli une lettre populaire, projetée par Gretch, qu'il proposera aujourd'd'hui au comité, pour être inserée dans son journal. Je la trouve très bonne et, après avoir parlé moi-même à plusieurs individus de la classe des colporteurs, je suis persuadé qu'elle ne manquera pas d'effet. Je me suis abouché aussi avec Ritter, qui m'a donné une petite note que je n'ai pas le temps de traduire.

Les plaintes contre quelques majors de quartier sont très forts et je crois qu'elles ne sont pas tout à fait dénuées de fondement. M'autorisez vous à en parler au général Essen, ou au comité?

3.

Записка Кобервейна.

On a remarqué dès le commencement de la maladie affligeante de la choléra dans cette ville, d'un côté des appréhensions exagérées, d'un autre côté une insouciance comdamnable dans les classes plus élevées et formées de la société—tandis qu'une apathie, presque totale, paraissait régner dans les classes inferieures. Que ces classes moins instruites voyent tout de travers, et qu'influencées peut être par des meneurs malveillants jugent presque toujours mal et faux en fait de politique et qu'elles croyent bonnement à des choses qu'elles ne voyent pas; ceci est peut-être naturel et même inséparable de l'insuffisance de leurs moyens intellectuels; mais qu'elles refusent la croyance à ce qu'ils voyent et qui est palpable—qu'elles méconnaissent la sollicitude paternelle pour leur sort—qu'elles s'y opposent non seulement, mais qn'elles osent anéantir d'une main rebelle ce que la clémence du souverain a fait pour leur bien dans la prévoyance paternelle; ceci serait un phénomène inexplicable si on attribuait a eux mêmes la source de pareils traits d'ingratitude, qui sous tous les rapports font leur malheur. A portée par les localités depuis deux jours à être témoin attentif des événements, et dépourvu de toute partialité, je crois de mon devoir d'en dire ce que j'ai remarqué.

*

Dès le commencement de la maladie on pouvait aisement remarquer que les mesures prises par le gouvernement pour le salut physique des habitants ne convenaient pas trop au peuple puisqu'elles rétrécissent un peu les habitudes de l'intempérance; mais ces mesures mêmes offraient au moins un asyle contre les suites malheureuses de cette intempérance et le malheureux coupable ou non y trouvait le moyen de mourir soigné, ou de se sauver la vie. La mortalité rapide qui se manifestait aurait du être la meilleure preuve pour ces brutes, que la maladie existait effectivement, malgré ce qu'assuraient les fausses insinuations de gens perfides du contraire. Il n'y a ouvertement que les insinuations de coquins qui ont séduits cette populace effrénée et malheureuse aux excès tumultueux des dernières journées. On a remarqué partout dans les attroupements sur les rues ainsi que dans les cabaks des gens, inconnus au reste, qui menaient la parole faisant accroire qu'il n'existait pas de choléra et comme l'évidence de la mortalité et des malades parlait contre eux, on se donnait la peine de faire sentir au peuple que l'établissement des hôpitaux n'avait d'autres buts que d'y laisser périr les malheureux faute de soin et de nourriture soutenant la connivence des médecins pour le même but par leur traitement se prévalant pour preuve de leurs assertions des anecdotes forgées sur le compte de la choléra à Moscou où on avait agi de même.

Les malades arrivaient en voitures avec un valet de police sur le derrière; tous ces transports excitaient des attroupements et surtout dans la rue qui donne sur l'hôpitale et on raisonnoit déjà dimanche assez haut, pour évoquer quelques mesures de sûreté plus énergique, il aurait suffi si on avait d'abord garni les deux issues de cette rue de trouppes suffisantes, au lieu que tout le dimanche il n'y en a eu que quelques soldats de police au lasaret. Ce n'est qu'après les excès de la nuit dans d'autres quartiers, et qu'on a cru voir quelque mécontentement que quelques gendarmes sont survenus, par malheur les médecins ou la police ont commis des bévues assez grossières exprès ou non. On a envoyé comme atteints de maladie de la choléra des gens en voiture qui ont été ivres la veille et qu'à la suite de l'ivresse on a pris pour malades. A l'arrivée à l'hôpital on a forcé la voiture qui a été cassée par le peuple et on a affranchi le soi-disant malade avec des cris de hourrah la choléra et de là et toute la journée la rue a été obstruée de peuple et de curienx. Vers deux heures le commandant Bachutzky y est venu mais encore sans rien effectuer. Enfin vers neuf heures du soir passé le gouverneur militaire y a passé ainsi que Bachutzky une seconde fois; j'ignore ce qu'ils ont parlé mais quelqu'un m'assura que le gouverneur lui-même a dit au peuple qu'il n'y a pas de choléra, que l'empereur viendrait le lendemain (comme aujourd'hui) qu'ils devaient être tranquiles et partant ventre à terre ainsi que le sieur Bachutsky dans la 2 voiture ils ont été accompagnés des hourras ou plutôt des huées d'un peuple très nombreux le long de la rue des jardins jusqu'à la rue de Catherinenhof traversant à moitié. Dans le même moment ou plutôt déjà un peu avant on a forcé le peu de soldats et on a pillé, en jettant tous les ustensils dans la rue, la maison en affranchissant les malades; on m'assure même qu'on a emporté des morts. Cette expédition finie j'ai entendu moi-même que des mutins se sont mis en marche pour la Подьяческая où il y avait un autre hôpital primaire auquel on a fait subir le même sort et à d'autres peut-être encore. Aussi m'assure-t-on aujourd'hui que les mutins ont pillé dans le Щукинъ дворъ. Aureste tout le sandale provient d'insinuations de malve-

-illants, de la faiblesse de la police dont je n'ai vu le dimanche que deux à trois officiers, de la bévue, je ne sais à qui la faute d'envoyer comme malades des gens qui n'étaient qu'à demi ivres encore. Des mesures trop faibles ne faisant venir du militaire que vers les onze heures, ou au moins dans ce quartier là, aulieu que dans la journée tout aurait été calmé et fini sans effusion de sang ni pillage et de la participation de la canaille qui une fois en train ne cesse pas si facilement.

Il faut que j'observe encore que d'après tous les renseignements on craint que l'affaire n'est pas encore appaisée et que d'après des propos de gens dans la nuit on n'attendait pour recommencer que la journée d'aujourd'hui. Aussi m'averti-t-on qu'à entendre parler d'une intention de révolte dans les fabriques de la couronne de fonderie et chez le fabricant Berthe et d'autres menaces.

4.

Записка, на которой рукою фонъ-Фока написано:

«Jamais la caricature n'a existé: ce ne sont que de mauvais propos, auxquels il faut s'attendre, mais très heureusement, ils sont très rares jusqu'à l'heure qu'il est».

L'apparition enfin de la choléra dans la ville, les aveux du gouvernement sur son existence, ainsi que les mouvements qu'on se donne pour en restreindre la propagation et la crainte de cette maladie persécutrice, tout ceci ne laisse pas de faire une profonde impression sur l'esprit du public, en même temps cependant cela n'empêche pas de provoquer les mauvaises têtes à faire courir une caricature dont on m'assure positivement l'existence quoique jusq'à présent je n'ai pu parvenir à la voir moi-même, le sujet en est pris à ce qu'on prétend de la maladie en question même et des moyens employés par le gouvernement pour l'éviter ou en retenir aumoins les ravages. On assure qu'on y voit le rassemblement de differentes personnes du gouvernement en forme de comité de discussion et de personnes de l'art médical, que la personne du ministre Zakrewsky y joue un grand rôle; qu'on voit dans les airs au dessus flotter l'ordre de S-e André et d'autres rubans de décorations, beaucoup d'assignats et des mottos analogues à l'idée de caricature de l'inventeur etc.

5.

Записка начальника 1-го округа конныхъ жандармовъ отъ 23-го іюня 1831 года.

Послѣ отправленія вчерашней моей записки я былъ на Сѣнной площади, гдѣ нашелъ небольшое число народа разнаго званія, но больше, однако, обыкновеннаго, были и во фракахъ какъ бы для любопытства.

Тутъ узналъ я, что передъ симъ толпа народа насильно освободила везомыхъ въ лазаретной каретѣ больныхъ въ холерную гошпиталь, но потомъ усмирилась. Въ 8 часовъ вечера узналъ я, что толпы вновь собираются, отправился тотчасъ къ генералъ-губернатору, который объявилъ мнѣ, что онъ приказалъ собираться войскамъ, а мнѣ велѣлъ собирать сколько можно болѣе жандармовъ и съ ними быть какъ наискорѣе на Сѣнную площадь, что̀ немедленно и было мною учинено.

По прибытіи, толпы разсѣялись и попрятались въ домахъ. Нѣсколько подозрительныхъ лицъ взято и отведено въ крѣпость. Находились тутъ всѣ генералы: Васильчиковъ, Закревскій, Депрерадовичъ, Перовскій, оберъ-полицмейстеръ и проч.

Безъ особенныхъ строгихъ мѣръ, я полагаю, обойтиться нельзя.

6.

Записка 23-го іюня.

La nouvelle enfin décidée sur la mort du grand duc Constantin qui déjà depuis avant-hier existait partout a été précédée les derniers jours de nouvelles l'une plus folle et absurde que l'autre, dont le bruit de trahison et de sa connivance avec les polonais n'a pas été le moindre. On se permettait de soutenir que cette triste découverte avait enfin forcé sa majesté l'empereur de le rappeler très serieusement et de prendre des mesures de sûreté, qu'enfin la mort a mis fin à tous ces embarras de politique. Mais on ne cesse pas pour cela de jaser encore sur le compte du défunt. Il n'est pas difficile de remarquer que la conduite de ce prince en Pologne lui avait totalement éloigné l'esprit du peuple. On assure qu'on a fait d'ici des envois à la rencontre du corps pour le faire ammener ici.

Et on a désapprouvé même cette mesure, disant (ceux qui prétendent qu'il est mort aussi de la choléra) qu'après le mal, qu'il a causé avant sa mort, on veut encore le propager après son décès. On remarque peu de part a ce triste événement.

7.

Tableau du mouvement de l'émeute populaire depuis le matin du 22 Juin 1831 jusqu'á 3 heures après midi du 23.

Рукою государя написано:

«Tout cela est l'exacte vérité; il faut que vous partez de suite, si vous le pouvez, pour aider de vos conseils sur les lieux et me tenir au conrant de tout».

Après la tentative qui a échouée le 21 въ Рождественской части pour enfoncer l'hôpital central, on en a fait une pareille au Marché au foin. L'hôpital, maison Таировъ, était le but de mire. Le mouvement a commencé à 8 heures et demi par le brisement d'une voiture où il y avait deux malades; ceux ci furent renvoyés et le peuple menaça hautement la police et surtout les médecins de les assommer, comme causes des abus, qui se commettaient, en mettant au nombre des malades des gens qui étaient gris ou se portaient bien. Le désordre alla toujours en croissant, et cela de deux en deux heures. Le gouverneur militaire se décida à paraître lui-même sur la place; il était sept heures et demi du soir, la force armée n'avait point encore été appelée.

Il pérora les mutins, mais tout en ourrah, ceux-ci brisérent encore une autre voiture sous ses yeux. Il quitta la

place. Le désordre était à son comble. L'hôpital central, maison Таировъ, n'offrit dans l'espace d'une demi-heure qu'un amas de décombres, rien n'échappa à la fureur des mutins; tout fut brisé en éclats. Il était huit heures et demi du soir. On se décida alors à appeler la force armée, dont la présence seule suffit pour en imposer au peuple; après avoir fait tout le mal possible et assommé le médecin de l'hôpital, ce même peuple ne fit pas le moindre opposition, ce qui prouve que le mouvement n'a point eu de but politique. Cependant, il faut avouer d'autre part, que la continuation de ce même mouvement pendant la matinée d'aujourd'hui, 23 Juin, doit nécessairement faire supposer que le peuple cherche encore à faire quelque chose et qu'il doit être fortement incité par des moteurs. Cela est palpable. Plus de cent personnes ont été arrêtées. Le résultat des interrogatoires qu'on leur a fait subir, n'est pas encore connu, de sorte qu'il n'y a que des suppositions vagues à faire pour le moment sur cet objet. Pour rendre hommage à la vérité, il faut dire que la menace de cerner les maisons a fait une impression défavorable, que peut être il y a eu des irrégularités de commises par la police, et le moyen que cela soit autrement, qu'enfin au lieu d'appeler la force armée le soir, il eut été bien plus avantageux de la faire douze heures plutôt. L'événement l'a prouvé, car personne n'a bougé et il est probable qu'on parviendra bientôt à rétablir l'ordre, mais le désordre a été commis impunément, la populace a obtenu une victoire sur le pouvoir public, et les souffleurs, les provocateurs, enfin les Erostrates se tiennent à l'ombre et rient sous cape. C'est là un mal affreux, il faut le dire; mais espérons que la présence du souverain mettra un terme aux mouvements tumultueux d'une populace insensée. Elle demande à grands cris la clôture des hôpitaux pour arrêter les progrès du mal, dit-elle, et celui-ci doit naturellement recevoir de nouvelles forces par le rassemblement de masses de cinq mille forcenés ou bêtes brutes. Beaucoup de personnes pensent, que le motif allégué par la populace n'est qu'apparent, car comment supposer que la multitude se décide, sans une raison majeure, à abandonner ses occupations pour imiter la populace de Rome dans le Forum, et prendre un si vif intérêt à l'abolition des mesures sanitaires. Il n'y a, surtout parmis les militaires, qu'un cri, le coup part des sarmates. Le 23 environ à une heure avant midi, l'empereur s'est rendu à la Сѣнная. Le peuple s'inclina devant lui; il s'écria aussitôt: «Prosternez vous devant l'Être Suprême, que vous avez offensé, à genoux, tous à genoux». On obéit, c'était

en face de l'église. Ensuite il continua de la sorte: «Qu'avez vous fait insensés? Je rougis de honte pour vous aux yeux de l'univers. Êtes vous des français ou des polonais, je ne reconnais plus en vous des russes. J'ai perdu un frère chéri; la conduite des mutins de Pologne a été cause de sa mort, voulez vous par la vôtre être cause de la mienne? Me voila, je ne vous crains pas! Dieu me donnera la force de vous ramener à l'ordre. Vous avez pêché en versant le sang d'un médecin, bienfaiteur de vos frères souffrants. Oui, vous avez pêché contre le Ciel; comment répondrai-je à l'Etre Suprême, auquel par mon serment je suis responsable de vos actions. Oui, vous avez gravement pêché. Retirez vous, rentrez dans vos maisons, et je vous ordonne d'obeir, comme à moi-même, au gouverneur militaire, il a pour vous les sentiments d'un père. Obéissez!»—La foule se dissipa sur le champ. Demain on pourra donner des détails plus positifs sur le résultat et les effets du discours paternel de l'empereur.

8.

Другая записка о томъ же.

Mardi, le 23 Juin 1831.

A onze heures et vingt minutes sa majesté l'empereur est arrivée à l'isle Ielaguine, où l'attendaient le général gouverneur et le grand-maître de police, le ministre comte Zakréwsky, le général en chef Vassiltchikoff, le général Perowsky et le comte Moden.

A une heure et dix minutes sa majesté s'approcha de la Сѣнная en arrivant par la Садовая et à commencer de la Bibliothèque Impériale tout le cortège allait à petits pas comme suit:

En avant, à trois pas de la calèche impériale le comte Orloff à cheval, alors en calèche sa majesté l'empereur et le prince Menchykoff, puis le général Perowsky, le général Vassiltchykoff, Zakréwsky, des aides de camps, Arndt, le docteur, et le feldjeger. Tout l'ensemble faisant un beau aspect solennel, en approchant près du ou entre le corps des gardes et l'église Спасъ, sa majesté fit halt, se leva en calèche, y resta de bout, jetta bas son manteau, et ordonna au peuple: «Поближе! Поближе! Я никого не боюсь!» puis: «На колѣнки! падайте на колѣнки!» Montrant sur l'église: «Креститесь! молитесь Богу!» Tout le monde se mit à genoux et fit la croix; alors l'empereur, menaçant du doigt droit, dit au peuple d'un ton ferme: «Что вы вчера надѣлали?» (выражаясь съ большимъ гнѣвомъ). «Вы меня предъ всѣмъ свѣтомъ осрамили! Что вы—французы или поляки! (Все громче). Вы лѣкаря убили; русскій ли это сдѣлаетъ? (mit mehr erzürnt). Вы предъ Богомъ грѣшны! Какъ я буду отвѣчать за васъ Богу! Я присягалъ, а вы меня осрамили. Знали скорбь мою, что я любимаго брата поте-

рялъ, котораго огорченія уморили, вы и меня хотите уморить! Уморите! (mit Schmerz). Кто изъ васъ хочетъ приступить?» et dans ce moment présente au peuple sa poitrine (mit Tränen in Augen). C'était si touchant que tout le monde pleurait à chaudes larmes comme l'empereur lui-même; cela dura certes une minute et demi, lorsque sa majesté recommença: «Подумайте, что вы надѣлали, что вы не французы, не поляки, но русскіе! за мною на колѣни, на колѣни, просите у Бога прощенія!» Tout tomba à genoux et c'est là qu'on voyait du véritable repentir dans la pluspart des présents. «Чтобъ мнѣ этого болѣе не было! буду наказывать! Не боюсь никого, сошлю туда, туда! Помните мои слова! Я все сдержу!» Là-dessus on commença à avancer et après avoir fait le tour de la Сѣнная en s'arrêtant plusieurs fois, sa majesté retourna chez elle en recommendant au peuple d'obéir au général-gouverneur et à chaque place au nom de sa majesté l'empereur. Un панихида au Спасъ conclut le tout.

Le 23 Juin, à 2 heures après-midi.

9.

Третья записка.

Le 23 Juin, soir.

Les attroupements de la populace dans les environs de l'hôpital dans la maison Taïroff sur le Marché de foin et la rue des Jardins augmentait depuis ce matin malgré les patrouilles militaires nombreuses, lorsque vers une heure après midi arriva sa majesté l'empereur qui fit le tour de la petite rue où se trouve l'hôpital et la partie de la rue des Jardins ainsi que sur le Marché de foin.

Sa majesté y fut reçu aux acclamations du peuple nombreusement rassemblé. L'empereur leur parla serieusement en les engageant à l'obéissance aux ordres des autorités, en ajoutant que ce n'étaient ni des français ni des polonais qu'il leur convenait d'écouter, de suivre les ordres du général qu'il leur avait fixé en montrant sur le gouverneur militaire, et qu'il punirait rigoureusement toute desobéissance à ses ordres; et remarquant dans la foule un homme, une sorte de bonnet sur la tête, sa majesté daigna s'informer qui il était; apprenant que c'était un polonais, elle le fit arrêter. Sa majesté avait aussi ordonné d'arrêter un homme parmi la foule qui avait osé se pleindre de la manière dont on traitait les malades, mais elle lui pardonna, d'après ce que m'assurent des gens qui se trouvaient très près. En partant avec les mêmes acclamations sa majesté engagea (en partant) les spectateurs de se dispercer et d'aller à leurs affaires sans s'attrouper dans la rue, en ordonnant aux militaires présents sous les armes de faire leur devoir sans égard pour les contrevenants, en promettant de punir rigoureusement toute contrevention, aussi le peuple après le départ de l'empereur s'écoula peu à peu et tout fut tranquille pendant toute la journée. Les patrouilles de toutes armes se suivaient dans la journée. La seule observation a été faite, que les rues donnants des deux côtés sur le Marché de foin étaient remplies pendant toute la journée jusque vers onze heures du soir de promeneurs, parmi lesquels le beau sexe ne manquait pas malgré la crainte de choléra,— beaucoup de monde a parcouru même l'hôpital, apparemment que c'était permis, quoique j'ignore quelle peut être le but de cette permission pour la déracination de la maladie. Au reste tout a été parfaitement tranquille.

Après le départ de sa majesté on a célébré une панихида en pleine rue sur le Marché de foin en présence du gouverneur militaire.

10.

Записка дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Фока къ графу Бенкендорфу (возвращена отъ государя).

Ce mercredi, à 3 heures après-midi.

Quoique les esprits se trouvent encore dans une fermentation assez saillante, mais il n'y a absolument rien d'inquiétant pour le moment. La publication d'aujourd'hui fera beaucoup de bien et ôtera aux moteurs le moyen d'exciter le peuple. Au reste les mesures sont prises en tout cas. Il y a aujourd'hui une grande fête à la Yamskaja et au Глазовъ кабакъ; mais j'espère que cela passera sans grand tumulte.

Je vous expédie un tas de notices et d'autres papiers. Je n'ai pas le temps de me résumer; à chaque mot que j'écris, on vient m'interrompre; et il faut absolument écouter tout le monde. Je n'ai pas un moment à moi. Le soir derechef comité. Je prierai qu'on me dispense au moins d'assister à ce grand tas de discussions de contabilité et autres futilités avec les curateurs; je me chargerai volontiers de tout ce qui a trait aux réglements administratifs et de tout ce qui regarde la police. Mais en perdant six heures de la journée à siéger dans le salon du général Essen, je me déroute parfaitement dans ma propre besogne qui pour le moment est plus important que jamais.

11.

Записка, писанная рукою дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Фока къ графу Бекендорфу.

Рукою государя:

«Nous en parlerons au long; je puis dire avec vérité que hier j'ai été fort content; et cela doit aller de mieux en mieux».

Ce jeudi matin.

Je vous expédie les notices qui me sont parvenues sur la journée d'hier en y ajoutant les observations suivantes.

Quoique les attroupements continuaient en plusieurs endroits et que la fermentation se prononçait avec force, les propos et les raisonnements avaient cependant parfaitement changés de couleur. La masse se prononçait hautement en faveur du gouvernement. On entendait dire qu'il fallait absolument prouver à l'empereur qu'il était trompé et que le peuple avait raison de soutenir qu'on le tuait gratuitement. La suite de cela fut que la populace se mit à arrêter et à molester des individus qu'elle soupçonnoit de distribuer du poison et de provoquer les esprits, comme c'est dit dans les bulletins.

J'ai parlé moi-même avec plusieurs разносчики qui comprennent parfaitement le mal de la chose. Ils me disaient tous: «Вотъ Батюшка насъ побранилъ и прогнѣвался на

насъ! Надо быть каменному, чтобы не прослезиться; да и самъ Батюшка плакалъ. Но вотъ вамъ Богъ, ни одинъ изъ нашихъ братій ярославскихъ и коренныхъ русскихъ не буянилъ—это одни фабричные!»

La circonstance la plus désastreuse est celle, que la foule ne veut absolument pas croire à l'existence de la maladie. Rien ne peut le convaincre en cela; et plus malheureusement encore on rencontre un grand nombre de vieux gens de la classe des marchands et même de celle des employés, bien intentionnés, qui sont du même avis.

Vous entendez encore dans la foule les propos suivants: «Государь Батюшка самъ сказалъ, что нѣтъ холеры; что поляки и французы на насъ ее насылаютъ, и что надо ловить мошенниковъ».

Mais le plus grand malheur et le plus réel est celui, que nous n'avons pour le moment point de police. Les officiers de police sont tellement effarouchés qu'on n'en voit plus sur les rues. Je viens de sortir de chez le comte Orloff, auquel j'ai été heureux de pouvoir parler tout franchement à coeur ouvert. Il m'a beaucoup tranquillisé en m'assurant que vous nous arriverez ces jours-ci, mon excellentissime chef, pour rester chez nous quelque temps. J'ai commencé à respirer un peu plus librement après cette nouvelle.

Je ne vois rien d'éminement dangereux dans l'état actuel des choses; mais il faut immanquablement mettre fin à ces attroupements et à cette effervescence de la populace. Cela peut devenir de jour en jour plus grave et en fatiguant trop la troupe, nous pourrions aisement corrompre l'esprit de celle-ci, qui jusqu'à ce moment est excellent.

Aujourd'hui tout a en ville, jusqu' a l'heure qu'il est, un aspect plus tranquille. On ne voit point d'attroupements, chacun semble vaquer à sa besogne. Mais dans le moment même on vient de me dire qu'il y a eu un attroupement à la Yamskaja, mais que tout a été dispersé par la présence de quelques troupes armées.

Il y a une vingtaine de personnes qui m'entourent. Je vous envoie quelques papiers et vous embrasse très respectueusement de tout mon coeur.

12.

Приложенныя записки.

I.

Le 25 Juin 1831.

La journée d'hier a offert un nouvel objet d'attention publique. Jusque vers le midi la tranquillité paraissait régner partout ce n'est qu'à cette époque qu'on a vu commencer des arrestations, exécutés pour la plus grande parti par des gens du peuple même, sur des individus qui presque tous étaient bien habillés, parmis lesquels on a remarqué même des employés et même un officier de police, il y en avait très peu qui eussent l'air d'appartenir à la populace. Les arrestations ont continuées jusque vers minuit et plus tard elles étaient sous escorte militaire. Des patroulles parcourraient les différentes rues en grand nombre et chaque transport d'arrestants ne manquait pas d'être accompagné d'un attroupement de peuple. Non-seulement parmi le peuple, mais aussi dans le public de meilleures classes on soutenait que ces arrestations se faisaient contre des polonais suspects d'empoisonnement—plusieurs personnes de tout état m'ont assurés avoir été témoins oculaires d'empoisonnements intentionnés par des inconnus chez des colporteurs de pain, de boissons etc.—et mille anecdotes se repandent là-dessus dans le publique et généralement on a trouvé le moyen de faire sentir au peuple que la maladie régnante n'a été causée que par les empoisonnements, à la poursuite desquels on était dans ce moment. On ne parle partout que de cet objet; on assure que jusqu'à 1500 même 3000 personnes, la plus grande partie étrangers, appartiennent à ce complot, et que ceux qui y appartiennent tâchent de se fourrer partout dans les restaurations, cabaks, marchés publics, le camp, parmi les soldats, et pour chercher à exercer leur métier. On inculpe même des médecins et jusqu'à la police d'y appartenir—en appuyant ces assertions d'histoires et anecdotes controuvées apparemment. Si le tout est une invention, cela a été au moins très bien exécuté; car il serait difficile, même de la peine perdue, de vouloir disvader quelconque, tant on en paraît convaincu presque généralement. Parmi les arrestants on ne remarquait que peu d'individus maltraités et tous furent remis aux autorités militaires. Quant à la police qui est en très mauvais odeur chez le peuple, elle était invisible en uniforme, mais il en fourmillait en frac. On assure que par ordre de sa majesté trois généraux ont été nommés encore pour aides de gouverneur militaire, parmi lesquels on nomme Wassiltchykoff et le prince Troubetskoy.

On raconte que de deux frères médecins Leblanc l'un a manqué d'être tué par la populace et que l'autre s'est suicidé; et on raconte publiquement des horreurs sur le compte des médecins et la police.

On m'assure que les arrestations recommencent déjà aujourd'hui, et comme c'est un jour de fête et une foule de gens oisifs dans les rues, ne serait ce pas nécessaire de continuer les patrouilles et même d'en doubler et augmenter le nombre.

II.

25 Juin 1831.

La journée d'hier a été presqu'aussi orageuse que celle du 22 d. c. Provoquer le désordre est toujours le point de mire des malveillants. Ils ont seulement changé de mode d'agression. Lundi on a combattu le choléra, les médecins; hier, 24 d. c., on s'est déchaîné contre les empoisonneurs, vrais ou prétendus; car jusqu'à présent, il n'y a pas encore de preuves matérielles pour établir le fait. Hier encore la populace intimement convaincue de la vérité de ce fait, s'est arrogée le droit de faire la police elle-même, et une foule d'incarcérations ont eu lieu. Въ Ямской, ainsi que dans tous les carrefours du quartier de la Владимирская, il y a eu force attroupements, et les vociférations contre a police n'ont pas discontinués un seul instant. Il est vrai de dire, que la sûreté individuelle n'était rien moins qu'étayée, que l'état d'érection où nous sommes est pénible, et qu'enfin il est à craindre, que la foule armée ne perde et ses forces et sa patience. Cependant autant que l'état actuel des choses durera, sa présence est et sera notre palladium. Beaucoup de militaires, de gens comme il faut, de prêtres mêmes, ont l'idée fixe, que c'est l'action des empoisonneurs, et les exactions de la police, surtout la protection qu'elle accorde à ceux-ci, qui constituent la véritable cause du mal. Il est plus vraisemblable de poser en fait, que ce mal provient et peut augmenter par l'absence de la police qui est frappée de paralysie dans ce moment, et par l'avantage qu'a eu la populace le 22 Juin de faire à sa guise impunément, pendant une demi journée seulement. Le bas peuple et la moyenne classe presqu'entière ont la conviction intime, que les empoisonneurs sont la cause des décès qu'ont eu lieu jusqu'aujourd'hui. A l'église de la Сѣнная, pendant la messe, on a arrêté, en ma présence, un homme soupçonné d'avoir du poison dans ses poches. Plusieurs faux délateurs, qui avaient amené des prétendus empoisonneurs au corps de garde de la Сѣнная, ont été fustigés publiquement sur le perron par les cosaques. La promenade d'hier à la Ямская a été plutôt tumultueuse que populeuse. On y a répandu la fausse nouvelle qu'un médecin y avait été assommé. Un mal bien grand est que bien de gens s'obstinent à croire que les empoisonnements et les empoisonneurs existent réellement, tandis que le bulletin d'aujourd'hui signale officiellement ces deux faits comme faux et controuvés.

III.

Le 25 Juin 1831.

Рукою государя:

«Malheureusement il est vrai de dire qu'un homme a été amené au régiment Séménoffsky par le peuple, comme empoisonneur; et il s'est trouvé qu'il avait quelque chose de semblable à l'exament de médecin. L'on

Après avoir été hier dès le matin partout où l'on pouvait juger de la disposition du peuple, j'ai l'honneur de soumettre les remarques sur ce dont j'ai pu me convaincre sur les lieux. L'aspect alarmant des tumultes depuis trois jours a changé de face et n'offre plus cette inquiétude d'une cohérence dangereuse pour le moment; l'apparition de sa majesté l'empereur au milieu de ce peuple excité, son énergie, sa conduite souveraine divine, mémorable à jamais, ont été couronnés de l'effet salutaire qui nous rapproche dès hier à l'espoir que sous peu des jours l'impression de sa haute

fait une enquête dessus, et il paraît que c'était un polonais».

volonté prononcée avec tant d'influance dominera sur tout le peuple.

Déjà dans tous les attroupements hier on entendait généralement: Спаси Богъ, государя! онъ не виноватъ! Спаси Богъ его! побранилъ насъ, но, какъ отецъ, охраняетъ насъ отъ гибели! Partout on voyait des groupes autour d'un грамотей qui lisait à haute voix l'annonce du gènéral-gouverneur et un ура général: Ура, государь! отецъ нашъ! спаситель!—était le signe pour se disperser de tous les côtés et rapporter aux siens le contenu de l'annonce.

La fête à la Ямская en général s'est passé en ordre; vers la fin l'esprit de vin par ci et là encore agissait, mais ce n'était plus l'esprit excité des premiers jours.

Un officier de police fut encore maltraité près de la maison Бѣлозерской и Пашкова, les autres se cachérent dans la première et cela finit par là. J'ai vu cet officier encore à une heure la nuit,—il était lui-même ivre mort! à peine pouvant se porter sur ses pieds, il radotait чепуху en se cachant de maison en maison.

La police malheureusement est à bas! soit ce qu'il en est de sa faute, mais à tout pas elle est encore en danger et cependant il en faut une! C'est le plus pressant de la remettre sur pied respecté!

La nomination du comte Orloff et prince Troubetskoy se porte de bouche en bouche avec ravissement! Le peuple et les habitants de Pétersbourg le partagent.

Toutes les troupes sont d'une conduite distinguée, même jusqu' aux tartars, respectés et craints. La gendarmerie donne preuve de tout son mérite, à travers le plus grand tumulte l'on voyait partout ce crédit et cette considération qu'on lui porte. La morale et le savoir faire qui les guide du premier au dernier sont admirables, leur apparition déjà intimide et influe respect, on n'entend que de tout côté: полно, полно, смотри, жандармъ ѣдетъ! Jamais il n'y en aura de trop sur le pied où ils se trouvent.

Aujourd'hui tout est tranquille excepté une petite répétition des empoisonneurs pris par des dworniks.

C'est un objet sur lequel je n'ose pas encore me prononcer, mais d'après ce que j'ai vu de mes propres yeux en 7 occasions; établissez une enquête sûre et d'abord, car il y en a—ne fut ce que du chlore en poudre ou liquide qui dissipent et versent de tous les côtés.

Les prêtres catholiques—croyez le moi—y sont compris. Les polonais n'osent plus sortir. Cela doit se débrouiller.

13.

Записка, писанная рукою дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Фока.

Рукою государя:

«Les bruits sur le compte de notre famille sont singuliers et me paraissent prouver que l'on travaille le peuple uniquement pour l'inquiéter».

Ce dimanche, à 3 heures après-midi.

La fête d'hier a été chômée avec la retenue la plus prononcée. Les années passées, à pareil jour, il y a eu ordinairement un rassemblement de plusieurs milliers de personnes, et cela avait toujours l'air d'une foire de village—cette fois-ci il y a eu à peine trois cent personnes. Tous les individus du bas peuple parlaient de leur désir de quitter Pétersbourg, et ceux qui sont domiciliés à une couple de centaine de verstes se mettent déjà en route.

Les разносчики, que j'ai vu le matin, m'assurent la même chose. Je crois qu'il sera bon de ne pas les empêcher dans l'exécution de ce dessein. Les propos qui circulaient étaient les suivants: воля ихъ, а отравляютъ, и это дѣло поляковъ (la troupe même commence par-ci par-là à partager cet opinion).—Мы правду говоримъ.—Все будетъ скоро ладно... можетъ быть, еще немного поиграютъ, но бѣды не будетъ.

Dans toute autre circonstance que celle-ci, la présence de la force armée eut été foncièrement inutile; mais hier elle n'a rien gâté. Certes, rien de marquant ne serait arrivé, mais cependant il y aurait eu de bruit. Or, personne n'a soufflé.

On a eu occasion de remarquer, pendant le courant de la journée, que le peuple et principalement les marchands reconnaissent qu'il n'y a pas de doute sur la présence de l'épidémie. Vous rencontrez déjà souvent des marchands et surtout des femmes des classes inférieurs qui tiennent un mouchoir trempé de vinaigre devant le nez.

Les réglements sanitaires sont encore très défectueux. Pas plus tard que hier il y avait à l'hôpital d'Oboukhoff (la partie des cholériques) 60 cadavres exposés sur l'herbe qui attendaient l'inhumation, manque de cercueils. On a d'abord pris de mesures sérieuses. Au comité d'hier, Kounoff fit le rapport qu'il avait déjà trouvé de l'emplacement pour 4 hôpitaux et que le reste s'arrangerait de même.

Chaque dimanche, vers les trois heures après midi, tous les ouvriers et toute la populace oisive se rassemble ordinairement près de l'Apraxin Dwor. Il faut donc observer tout ce que s'y fera. Toutes les mesures sont prises pour

cela. Humainement pensant, je suis parfaitement tranquille, mais comme employé public je dois être sur mes gardes et parler après coup.

On prédisait l'arrivée pour ce soir de quelques masses d'ouvriers du Стеклянный заводъ, du Чугунный заводъ, etc., j'ai expédié des furets sur les différentes routes; mais l'on m'assure qu'on ne laissera partir personne.

Ce lundi, à 3 heures après-midi.

Рукою государя:

«Il faut vous arranger avec Wolckonsky pour employer à cette mesure les gendarmes revenant de Ropcha, que l'on pouvait distribuer par égales personnes à Красный кабакъ et Соломенный et avec l'autre mettre aussi à quatre bras et sur la Néva».

Рукою графа Бенкендорфа:

L'empereur a voulu mettre Wassiltckihoff, dites le lui et à Essen et faites donner de suite les ordres, Пановъ surveillera le tout. On peut employer à cela ce même peloton en y ajoutant un officier et plus de gendarmes encore s'il le faut».

Dieu soit béni! chez nous tout est parfaitement tranquille, hormis les propos, qui vont toujours leur train. Le bas peuple quitte en masse la capitale pour retourner dans ses foyers. D'après les nouvelles que j'ai pu recueillir je porte le compte de ces émigrants à 6 milles, mais le calcul de la police le fait monter au delà de 10 milles individus. La mortalitè parmi cette classe est très forte et ils commencent à se convaincre de l'existence du fléau et manifestent déjá beaucoup de terreur.

J'ai entendu de mes propres oreilles que quelques individus de la basse classe, mieux disposés, disaient aux autres, qui manifestaient leur envie de quitter la ville: «Ступайте съ Богомъ, у насъ чище воздухъ будетъ».

Il faudrait nécessairement lever les quarantaines qui étaient établies pour nous préserver du mal. Cela continue toujours avec les mêmes exactions, et cela désespère la basse classe. Un cocher qui m'a servi plusieurs années, en est arrivé hier et m'a raconté des horreurs. A Ladoga même il y a eu un tumulte, mais qui a été d'abord apaisé. Mais pourquoi ces mesures si le mal se trouve dèjà au milieux de nous?

Une mesure serait encore indispensable et elle serait d'abord exécutée si l'on pouvait la faire glisser d'en haut. Il est constaté que la plupart des chalands des cabaks fuyent pour le moment la capitale, craignants d'être pris en partie dans leurs propres filets. Ces gueux se sont pour la plupart dispersés dans les cabarets et tavernes qui se trouvent hors de la ville sur les grandes routes de Царское Село et de Péterhof. Mes limiers en poursuivent plusieurs, mais ils ne peuvent que voir et rapporter. Ils ne peuvent guère agir, crainte d'être assommés.

Il faut en charger la police districtoriale. J'en ai prévenu le comte Orloff qui m'a conseillé de vous en parler.

Dans le nombre de malades que montre le gouverneur général ne se trouvent pas ceux du militaire. C'est ce que m'assure le comte Orloff, qui m'a dit de même que le nom-

bre de ces derniers ne se monte qu'à 50 et quelques individus. C'est qu'on vient de m'affirmer aussi dans la chancellerie du général Essen.

Ce vendredi, à 3 heures après-midi.

Dieu soit loué, chez nous tout reprend de nouveau une physionomie calme et tranquille. L'empereur a été hier soir inopinément en ville et s'en est persuadé lui-même. Je ne dirai pas que la fermentation parmi le peuple se soit totalement apaisée, mais cela ne manquera pas d'arriver. Malheureusement, nous avons encore quelques fêtes publiques ces jours-ci: demain Самсонія, après demain dimanche et lundi Петра и Павла. Les cabaks seront beaucoup hantés et les ouvriers paresseux cherchent à se récréer. J'espère cependant que tout passera au mieux; ou que le petit camp sur l'esplanade de la forteresse impose beaucoup et que les mesures prises en général sont bonnes et approuvées. Malgré cela, l'idée fixe des empoisonneurs est trop enracinée dans la foule pour être combattue de sitôt avec succès.

Hier soir tard, dans la nuit, j'ai rencontré, ainsi que ce matin, de bonne heure, quelques troupes de paysans, parmi lesquels je reconnu quelques uns de ceux qui viennent dans ma maison comme разносчики. Ils étaient tous un peu gris et m'apostrophèrent ainsi: «Полно, батюшка, полно; теперь все кончено, ужъ болѣе ничего не будетъ». — «Да не врете ли?» — «Вотъ вамъ Христосъ, батюшка, не будетъ».

J'ai passé quelques heures de la matinée chez le comte Orloff, pour concerter le plan de nos enquêtes sous main. Le comte a prié l'empereur de lui subordonner le général Чихачевъ. Cet individu peut nous rendre beaucoup de services dans ces circonstances. Il connaît la capitale comme personne et se mettra en quatre pour se remettre dans l'opinion de l'empereur. Le comte le connaît parfaitement et ne lui permettra pas de se donner des airs. Au reste je suis persuadé qu'il prendra la peau de mouton.

Ce samedi, à 3 heures après-midi.

Рукою государя написано: Dieu soit béni!

Votre commission concernant l'expédition des gendarmes dans les environs de Ropcha a d'abord été mise à exécution, et le colonel Panoff avec le détachement des gendarmes s'est mis en route vers minuit. Je crois cependant que tout ceci n'est qu'une fausse alarme. Personne n'en sait rien ici. Il est vrai qu'il y a eu un village débrûlé, et si la sécheresse continue, il y en aura certainement encore d'autres qui subiront le même sort, mais par suite de négligence, comme c'est ordinairement le cas dans cette saison et par toute la Russie. Mais on n'a entendu rien, même parmi le peuple, des incendiaires ou de quelque chose de pareil. Au reste l'expédition partie nous éclairera à ce sujet.

Hier il y a eu un petit tumulte parmi les gens de la fonderie du ministre des finances. On y avait envoyé du militaire qui l'a d'abord apaisé et l'on a arrêté les principaux mutins.

En ville tout se passe tranquillement et on n'attend rien de saillant jusqu'à l'heure qu'il est. Le peuple se rassemble pour chômer la fête de l'église de Sampson sur le côté de Vibourg. On a pris des mesures sous main, en tout cas. Comme c'est presque vis à vis de ma petite cabane d'été, je surveillerai moi même de près tout ce qui s'y passera.

XXXIII.

Манифестъ по поводу холеры въ 1831 году.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Посвятивъ всѣ дѣйствія и мысли Наши попеченію о благѣ Богомъ врученнаго и любезнаго Намъ народа, Мы видѣли съ сокрушеннымъ сердцемъ распространеніе эпидемической болѣзни холеры въ предѣлахъ Имперіи Нашей. Покорствуя неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, Мы не преминули употребить всѣ возможныя усилія для поданія помощи страждущимъ и для огражденія отъ заразы тѣхъ мѣстъ, въ кои она еще не проникла. Въ минувшемъ году, при первомъ извѣстіи, что свирѣпствовавшая за Кавказомъ холера миновала сей оплотъ и приближалась постепенно ко внутреннимъ губерніямъ, Правительство нашлось въ необходимости предписать строгія полицейскія и врачебныя мѣры: но въ самомъ началѣ приведеніе оныхъ въ дѣйство встрѣтило въ иныхъ мѣстахъ нѣкоторыя затрудненія со стороны простого народа. Вмѣсто того, чтобы съ христіанскимъ смиреніемъ нести сіе тяжкое испытаніе, отъ Бога ниспосланное, и охотно подвергнуться мѣрамъ, для общаго спасенія предпринимаемымъ, люди легкомысленные во многихъ мѣстахъ старались противодѣйствовать симъ мѣрамъ, единственно потому, что оныя не могли согласоваться съ обыкновеннымъ ихъ образомъ жизни и выгодами ихъ промышленности. Но бдительнымъ и строгимъ надзоромъ затрудненія сіи были отклонены: дѣятельныя врачебныя средства ослабили силу болѣзни въ Москвѣ и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ она уже появилась; а соблюденіе карантинныхъ правилъ спасло отъ нея многіе города и самую Столицу, отъ коей зараза и тогда была въ близкомъ разстояніи. При семъ съ признательностію вспоминаемъ Мы отличный подвигъ, оказанный всѣми сословіями первопрестольной столицы Москвы. Пламенѣя всегда рвеніемъ къ пользамъ и славѣ Отечества, они и при постигшемъ ихъ бѣдствіи явили всякой хвалы и подражанія достойный примѣръ христіанскаго смиренія, единодушнаго усердія и безусловнаго повиновенія всѣмъ мѣрамъ, Правительствомъ предписаннымъ.

Съ наступленіемъ нынѣшней весны, появленіе холеры сперва въ Ригѣ, а потомъ въ Рыбинскѣ, средоточіи водяныхъ сообщеній столицы съ внутренними губерніями,

снова указало необходимость учредить карантины для безопасности С.-Петербурга; но между тѣмъ болѣзнь, быстро распространяясь по пути водяного сплава, около половины Іюня достигла столицы. Немедленно всѣ нужныя мѣры, еще въ минувшемъ году приготовленныя, были приняты. Но простой народъ, сомнѣваясь въ необходимости и пользѣ оныхъ и подстрекаемый злонамѣренными людьми, покусился насильственно сопротивляться распоряженіямъ начальства: въ безразсудной злобѣ устремился на блюстителей порядка и на врачей, жертвовавшихъ жизнію для облегченія страждущаго человѣчества, и пришелъ въ чувство тогда только, когда личнымъ присутствіемъ Нашимъ увѣрился въ справедливомъ негодованіи, съ какимъ узнали Мы о его буйствѣ; когда увѣрился, что нарушители общаго покоя и благоустройства не избѣгнутъ достойнаго наказанія.

Вслѣдъ за симъ разнеслись нелѣпые слухи о мнимыхъ причинахъ видимой въ народѣ смертности. Не взирая на объявленія, изданныя Правительствомъ для всеобщаго успокоенія, лековѣрные усомнились въ существованіи заразительной болѣзни, донынѣ въ Россіи не знаемой, но извѣстной во многихъ странахъ Востока и ужасными опустошеніями бытіе свое ознаменовавшей, и приписали бѣдствіе свое отравѣ. Сіи разглашенія не имѣли въ столицѣ важныхъ послѣдствій, но, распространясь въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, и особливо на пути изъ С.-Петербурга въ Москву, подали поводъ къ смятеніямъ и неустройствамъ. Злодѣйства, несвойственныя доброму и православному народу Русскому, совершены въ городѣ Старой Руссѣ и въ округахъ Военнаго Поселенія Гренадерскаго Корпуса, гдѣ поселяне, ожесточенные слухами объ отравѣ, обратили подозрѣнія свои на врачей и на собственныхъ начальниковъ, и забыли Святою Церковію повелѣваемое повиновеніе властямъ предержащимъ. Нынѣ возстановленъ уже тамъ повсемѣстно должный порядокъ: виновные предаются въ руки Правительства самими заблужденными и главнѣйшіе изъ нихъ подвергнутся примѣрному, законному наказанію.

Мы увѣрены, что всѣ Наши вѣрноподданные съ равнымъ негодованіемъ узнаютъ о преступныхъ покушеніяхъ людей, дерзнувшихъ противодѣйствовать Отеческимъ Нашимъ попеченіямъ. Сколь болѣзненно будетъ сердцу каждаго истинно русскаго, когда, преклонивъ слухъ свой къ ложнымъ и нелѣпымъ внушеніямъ, онъ потомъ увидитъ себя виною или участникомъ неустройствъ, коихъ жаждутъ враги Россіи; когда убѣдится, что неразуміемъ или легкомысліемъ своимъ препятствовалъ успѣху распоряженій, имѣющихъ единственною цѣлію общее спасеніе и многими примѣрами уже оправданныхъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители съ вѣрою и надеждою на Бога встрѣтили ниспосланное отъ Него бѣдствіе и съ вѣрноподданническою покорностію послѣдовали всѣмъ велѣніямъ Правительства, сѣмя заразы истреблено въ непродолжительномъ времени: и въ самой столицѣ, по возстановленіи порядка, нынѣ болѣзнь видимо прекращается. Такъ и вездѣ да будетъ! Да не дерзаетъ никто подъ видомъ сомнѣнія въ существованіи болѣзни возставать противъ властей, закономъ установленныхъ! На мѣстныя начальства и на помѣщиковъ возлагаемъ Мы особенное попеченіе о томъ, чтобы предписанія высшаго Правительства были вездѣ непремѣнно и съ точностію исполняемы; чтобы никто не дозволялъ себѣ ни малѣйшаго самоуправства: и чтобы неповинующіеся своему начальству или же помѣщику, а также роспространители ложныхъ объ отравѣ слуховъ, были подвергаемы всей строгости законовъ. Но каждый сынъ Церкви, каждый сынъ Отечества да пріемлетъ

безъ ропота постигшее насъ зло за дѣйствіе гнѣва Божія и да способствуетъ пресѣченію онаго, возсылая молитвы къ милосердію Всевышняго и употребляя средства, кои данный отъ Него разумъ указуетъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ въ шестой день Августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ тридцать первое, Царствованія же Нашего въ шестое.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

Николай.

XXXIV.

Письма императора Николая къ графу П. А. Толстому.

1.

Царское Село. 18-го іюля 1831 г.

Послѣ 14 дней совершенной безызвѣстности о тебѣ и арміи твоей, сего дня утромъ получилъ я письмо твое, Петръ Александровичъ, изъ Вильны отъ 15-го числа. По смыслу онаго полагать долженъ, что ты писалъ мнѣ 10-го числа, но сіе письмо до меня не дошло, и, какъ выше сказалъ, даже постороннихъ свѣдѣній или слуховъ никакихъ сюда не доходило, и ставило насъ въ самое затруднительное положеніе. Имѣвъ отъ Ѳ. И. Паскевича извѣстія уже отъ 8-го числа, послѣ благополучной переправы всей арміи чрезъ Вислу, подобная неизвѣстность становилась еще менѣе понятна, тѣмъ болѣе, что и графъ Паскевичъ до 8-го числа никакихъ отъ тебя увѣдомленій не получалъ съ самаго твоего пріѣзда въ армію. Одни пруссаки извѣщали его кое-какъ о томъ, что въ Литвѣ происходило. Положеніе его было самое затруднительное, но Богъ помогъ ему оное превозмочь славно и совершить безъ выстрѣла переправу, которая столь долго казалась непреодолимою преградой. Ты весьма хорошо сдѣлалъ, что отправилъ войска, къ арміи принадлежащія; но крайне жаль, что голова оныхъ могла пройти Ковно только 13-го числа, ибо ранѣе 1-го августа никто изъ нихъ не дойдетъ до Вислы! Минута важная, ибо нынѣ на-дняхъ все рѣшиться должно! Да поможетъ намъ всемогущій и всемилосердый Богъ!

Движеніе Дембинскаго крайне непріятно, боюсь, чтобъ не направился онъ на Несвижъ, дабы истребить наши артиллерійскіе запасы; въ семъ случаѣ Станкевичъ не довольно будетъ силенъ, чтобъ его отбить, въ особенности, если край въ возстаніи.

Между тѣмъ здѣсь у насъ въ военномъ поселеніи произошло для меня самое прискорбное и весьма важное происшествіе. Тѣ же глупые толки и разглашенія, что и въ Петербургѣ, произвели бунтъ сначала въ Старой Руссѣ, гдѣ звѣрски убиты Манжосъ, Мевесъ и лѣкаря; прибытіе 2 бат. съ 4 орудіями остановило своеволіе; но въ то же время въ округахъ 1-й и 3-й бригадъ, но въ особенности въ артиллерійскомъ округѣ бунтъ сдѣлался всеобщій; били и терзали всѣхъ почти баталіонныхъ командировъ и офицеровъ, кои едва, и то не всѣ, спаслись. Эйлеръ принялъ хорошія мѣры, и 1-я бригада приведена уже въ порядокъ; по баталіону, отправленному въ въ артиллерію, стрѣляли и даже изъ орудій, но посланный баталіонъ подъ командой спасителя Малеева прогналъ ихъ за 20 верстъ и занялъ штабъ. Между тѣмъ толпы

артиллеристовъ разграбили сосѣднiе помѣщичьи дворы и дѣлаютъ ужасъ окрестностей. Тоже были безпорядки и въ Коростени. Но что всего хуже, въ Австрiйскомъ полку убили баталiоннаго командира Бутовича, и, кажется, резервный сей баталiонъ въ томъ участвовалъ. Въ Старой же Руссѣ 10-й рабочiй почти весь участвовалъ въ бунтѣ. Я посылаю завтра Орлова, графа Строгонова и князя Долгорукова, чтобъ моимъ именемъ возстановить порядокъ. Но не ручаюсь, чтобъ успѣли, и тогда поѣду самъ. Все сiе крайне меня огорчаетъ.

Такъ какъ на Литвѣ почти все кончено, и скоро войска 4-го корпуса и 2-го резервнаго кавалерiйскаго сойдутся съ войсками, подчиненными графу Сакену, то я считаю твое пребыванiе гораздо полезнѣе здѣсь, чѣмъ въ Вильнѣ. Если завтра не получу лучшихъ извѣстiй отъ Эйлера, коему велѣлъ себѣ ежедневно доносить, то велю тебѣ не медля сюда быть съ Клейнмихелемъ, чтобы возстановить должный порядокъ. 4-й корпусъ и 2-ю резервную кавалерiйскую подчиню графу Сакену, равно какъ и 4-ю сводную дивизiю; а резервы могутъ относиться по формировкѣ сюда. Бунтъ въ Новгородѣ важнѣе, чѣмъ бунтъ въ Литвѣ, ибо послѣдствiя быть могутъ страшныя! Не дай и сохрани насъ отъ того милосердый Богъ, но я крайне безпокоюсь. Войска, участвовавшiя въ бунтѣ, велѣлъ я обезоружить, раскассировать и отправить не медля врозь и малыми частями въ 13-ю и 15-ю дивизiи на распредѣленiе, чтобъ изъ корня вырвать. Вообще надо сдѣлать примѣръ самый строгiй.

Повторяю, пиши чаще и обстоятельнѣе, ибо наиболѣе догадкой узнаю, что дѣлалось, и ни одного подробнаго рапорта не получалъ.

Вѣрь моей дружбѣ.

Н.

Здѣсь болѣзнь скоро уменьшается.

2.

Царское Село. 22-го iюля 1831 г.

Донесенiе твое, Петръ Александровичъ, отъ 10-го числа получилъ я третьяго дня, а сейчасъ дошли два письма твои: первое—съ извѣстiемъ о появленiи Ромарино, второе—въ отвѣтъ на мое письмо отъ 15-го числа. Сличая числа отправленiя твоихъ донесенiй съ тѣми, въ кои они до меня доходятъ, ты долженъ самъ видѣть ясно, въ какомъ я положенiи нахожусь и могъ ли быть симъ доволенъ. Послѣ рапорта отъ 3-го, рапортъ отъ 15-го числа получилъ я здѣсь 18-го, стало, пробылъ пятнадцать дней безъ малѣйшаго свѣдѣнiя о тебѣ, тогда какъ рапортъ твой отъ 10-го прибылъ сюда 20-го числа! И только отъ того, что вмѣсто должнаго направленiя посланъ былъ курьеръ съ посторонними порученiями на Минскъ. Нынѣ обстоятельства столь трудны, столь сложны, что каждая минута дорога, потеря одной минуты можетъ быть причиною неисчислимыхъ бѣдствiй. Я никакъ не могу согласиться на отъѣздъ твой, даже по причинѣ болѣзни, ибо, сколько бъ ни желалъ, по тому, что происходитъ въ поселенiяхъ, имѣть тебя при себѣ, но присутствiе твое на Литвѣ, по вновь открывшимся обстоятельствамъ, признаю необходимымъ. Признаюсь, что я ожидалъ подобнаго новаго покушенiя, ибо сiе одно можетъ продлить войну, въ чемъ весь расчетъ поляковъ, по наущенiю Францiи. Такъ какъ, къ несчастiю, не удалось уничтожить Дембинскаго, и нынѣ онъ, соединясь съ Ромарино, составитъ

вновь сильный отрядъ, тебѣ должно не медля соединить все и употребить всѣ усилія, чтобъ совершенно уничтожить сей замыселъ. Для того считай г. Крейца съ его войсками въ твоемъ распоряженіи, если бъ весь его корпусъ или часть онаго потребовалась къ скорѣйшему достиженію уничтоженія Дембинскаго и Ромарино. Считаю присутствіе твое въ Гроднѣ, какъ ближайшемъ пунктѣ, необходимымъ; надо стараться не раздроблять силъ, но придвинуть и соединить все, что можно, чтобъ нанести рѣшительный ударъ, вѣроятно, въ то же время, какъ и генералъ Розенъ съ своей стороны дѣйствовать будетъ. Не полагаю, чтобъ на Ломзу или на Герстенцвейга обратились большія силы, иначе что жъ останется противъ графа Паскевича, который по вчерашнему его рапорту отъ 14 (26-го) числа изъ Нешавы пишетъ, что на другой день выступаетъ къ Варшавѣ, и то подъ Сухачевымъ непріятель его ждетъ, сильно укрѣпясь. Ты изъ сего видишь, что довѣренность моя къ тебѣ не переставала, но не переставало во мнѣ никогда чувство требовать отъ тѣхъ, кои облечены моей довѣренностію, чтобъ исполняли свой долгъ, какъ то подобаетъ. Аминь!

Сейчасъ получилъ я первый рапортъ Орлова. Въ Австрійскомъ полку пришло опять все въ должный порядокъ; есть надежда и на прочіе округа 1-й дивизіи, коихъ посланные были у меня. Въ Медвѣдѣ все пребыло спокойно; но въ Коростенѣ подобно прочимъ, кромѣ одного округа 2-й дивизіи, буйства и злодѣйства были страшныя; коростенскіе были у меня въ искреннемъ раскаяніи, жду послѣдствій. Резервные баталіоны Кіевскій и графа Аракчеева рѣшительно вышли изъ повиновенія, прочія 2 дивизіи мало надежны, также и артиллерія гренадеръ. Тѣ же двѣ роты, кои остались въ своемъ округѣ, дѣйствуютъ заодно съ бунтовщиками, перебивъ офицеровъ. Надо итти смѣло, осторожно и взять строгія мѣры. Орловъ дѣйствуетъ умно и прекрасно. Но Эйхеръ, Леонтьевъ и Томашевскій совершенно потеряли голову, и боюсь, чтобъ не уронили совершенно духъ въ остальныхъ войскахъ. По всему этому и дабы имѣть хоть одно довѣренное лицо при себѣ, знающее порядокъ дѣлъ военнаго поселенія, крайне бы нуженъ мнѣ былъ Клейнмихель, если ты его одного можешь мнѣ прислать, оставя весь штабъ при себѣ. Такъ какъ ты не довѣряешь Довре, я предлагаю тебѣ на время Деллингсгаузена, если Крейцъ тобой употребленъ будетъ. Подумай и рѣшись скорѣе. Вотъ все, что имѣлъ тебѣ сказать; говорю всегда всю правду, какъ есть, это долгъ мой и нравъ мой. Я на правду себѣ никогда не сержусь; позволь себя поставить въ примѣръ. Прощай и вѣрь моей дружбѣ.

Н.

3.

Царское Село. 28-го іюля 1831 г.

Въ дорогѣ на обратномъ пути изъ поселеній получилъ я письмо твое, Петръ Александровичъ, за которое благодарю, какъ и за нынѣшнюю твою исправность въ перепискѣ со мной. Богъ меня наградилъ за поѣздку мою въ Новгородъ, ибо, спустя нѣсколько часовъ послѣ моего возвращенія, Богъ даровалъ женѣ счастливое разрѣшеніе отъ бремени сыномъ Николаемъ. Вели возвѣстить пушечными выстрѣлами вѣрной Вильнѣ; пусть они видятъ, что Богъ не оставляетъ тѣхъ, кои на него одного возлагаютъ свою надежду. Въ Новгородѣ нашелъ я всѣ власти съ длинными запуганными лицами сверхъ всякаго вѣроятія; все голову потеряло, и вотъ причина

всѣмъ убивствамъ и невѣроятнымъ неистовствамъ, кои къ несчастію были почти вездѣ. Но пріѣздъ Орлова, потомъ мой приказъ, все сіе кончилъ. Я одинъ пріѣхалъ прямо въ Австрійскій полкъ, который велѣлъ собрать въ манежѣ и нашелъ все на колѣняхъ и въ слезахъ и чистомъ раскаяніи. На другой день въ Новгородѣ видѣлъ три резервныхъ баталіона Австрійскихъ и 1 и 2-й Карабинерныхъ и три кадровыхъ баталіона 1-й и 2-й дивизій, равно 24 орудія своднаго артиллерійскаго 1-го и 2-го корпуса. Пѣхота посредственна и требуетъ взять въ руки по фронту, артиллерія въ порядкѣ, но нова. Потомъ поѣхалъ въ полкъ наслѣднаго принца, гдѣ менѣе было грѣха, но нашелъ то же раскаяніе и большую глупость въ людяхъ, потомъ въ полкъ короля Прусскаго; они всѣхъ виновнѣе, но столь глубоко чувствуютъ свою вину, что можно быть увѣрену въ ихъ покорности. Тутъ инвалидная рота прескверная, которую я уничтожу. Потомъ—въ полкъ графа Аракчеева; то же самое, покорность совершенная и раскаяніе. Но тутъ мастеровая рота готова была къ бунту; и я ихъ при себѣ отправилъ вонъ въ походъ. Я тутъ обѣдалъ и вездѣ все по дорогѣ нашелъ въ порядкѣ. Замѣть, что, кромѣ Орлова и Чернышева, я былъ одинъ среди ихъ, и все лежало ницъ! Вотъ русскій народъ! Въ Старой Руссѣ все приходитъ къ порядку, а въ Медвѣдѣ все такъ оставалось и во все время; безподобно. Есть черты умилительныя, но долго все описывать. Всѣ резервные баталіоны я вывожу съ артиллеріей въ Гатчино, а тамъ ставлю кадры одни и 3 гренадер. 4 бат.—Холера, слава Богу, совсѣмъ пропадаетъ.

Жду съ нетерпѣніемъ возвращенія Клейнмихеля. Если же самъ можешь пріѣхать, то и то бы лучше. Отвѣчай скорѣе. Изъ арміи имѣю извѣстія отъ 19-го изъ Гомбина, и все шло хорошо. Тылъ войска поставленъ очень хорошо, но въ Ковнѣ нужно бы хоть два орудія на случай.

Прощай и вѣрь моей дружбѣ

Н.

Жена тебѣ кланяется.

4.

Царское Село. 1-го августа 1831 г.

Письмо твое отъ 27-го числа получилъ я третьяго дня, Петръ Александровичъ, и радуюсь, что все начинаетъ приходить въ порядокъ, и дѣло, на тебя возложенное, приведено симъ къ окончанію. Клейнмихель прибылъ, но за карантиномъ я его еще не видѣлъ. Хотя, благодаря Богу, дѣла въ Новгородѣ и Старой Руссѣ улучшились, но требуютъ непремѣнно строгаго разбора, а, можетъ быть, и силы, дабы прійти въ должное устройство. Не сомнѣваюсь, что графъ Орловъ исполнитъ первое, второе же и разборъ грѣховъ одинъ ты можешь сдѣлать, ибо мнѣ нѣтъ возможности ни часто, ни долго отлучаться; потому считаю твой пріѣздъ сюда нынѣ же необходимымъ, потомъ ѣхать въ Москву можешь и на сколько тебѣ потребуется. Открываются важныя упущенія г. Полуектова и нѣкоторыхъ его подчиненныхъ, и все сіе требуетъ строгаго и безпристрастнаго разбора, но безъ слабости и съ полнымъ познаніемъ сего дѣла. Увѣдомивъ о твоемъ отъѣздѣ графа Сакена и велѣвъ Савоини вступить въ командованіе сходно предписанію, отправься тѣмъ путемъ, который предпочтешь сюда, отпустивъ и г. Довре и прочій штабъ. Здѣсь все въ порядкѣ. Изъ арміи получилъ извѣстія изъ Ловича, который намъ отданъ безъ выстрѣла, что̀ отмѣнно важно. Одно затрудненіе отъ карантиновъ Пруссіи для нашего продовольствія, что̀ крайне все затрудняетъ. Но съ

помощію Божіею и это превозмочь можно. Жена поправляется и тебѣ кланяется. Вчера тяжелый былъ мнѣ день, свиданіе съ сестрой и съ тѣломъ брата; больнымъ я пріѣхалъ домой.

Прощай, вѣрь моей дружбѣ.

Н.

5.

Царское Село. 6 августа 1831 г.

Я получилъ два письма твои, Петръ Александровичъ: одно—третьяго дня, отъѣзжая въ Красное Село, другое—отъ 2-го августа, за которое весьма благодарю, равно какъ и за сообщеніе добрыхъ вѣстей отъ Розена; дай Богъ, чтобъ они оказались справедливыми. По извѣстіямъ изъ Полангена носилась тамъ молва, будто новыя шайки мятежниковъ изъ Августовскаго воеводства намѣревались ворваться къ намъ; хорошо бы сему помѣшать, дабы не дать вновь разстроиться порядку, съ толикими трудами нынѣ только еще возстановленному. Въ Красномъ Селѣ видѣлъ я Клейнмихеля, который мнѣ передалъ всѣ твои порученія. Я утвердилъ предположеніе объ отправленіи пѣхотныхъ резервовъ, съ тою только разницею, чтобъ направить ихъ не на Ковно, а на Гродно, дабы на всякій случай имѣть ихъ подъ рукою и ближе. Здѣсь, слава Богу, идетъ все очень хорошо. Въ поселеніяхъ приходитъ все въ порядокъ, зачинщиковъ и убійцъ выдаютъ сами поселяне. Резервные баталіоны частью уже прибыли, частію уже идутъ. Екатеринославскій баталіонъ покрылъ себя славой примѣрнымъ духомъ своимъ и дѣйствіемъ противъ бунтовщиковъ своего округа, точно геройски. Когда всѣ соберутся, я ихъ осмотрю въ Гатчинѣ и отошлю къ арміи по двѣ роты съ баталіона, ибо пора полки усилить, а къ намъ пришло и идетъ довольно рекрутъ. Я тебя жду въ такомъ случаѣ, если въ Литвѣ спокойно, въ противномъ случаѣ увѣренъ, что ты не выѣдешь, не обезопасивъ вновь ввѣренный тебѣ край. Такъ какъ Храповицкій убѣдительно проситъ его уволить отъ должности, то я назначаю на его мѣсто сенатора Горголи, человѣка способнаго, проворнаго и строгаго. Вотъ и все. Жена благодаритъ тебя и кланяется; она уже другой день какъ встала. Уланъ мой здоровъ. Прощай, вѣрь моей дружбѣ.

Н.

Въ видѣ дополненія къ настоящему тому помѣщаемъ двѣ статьи покойнаго Н. К. Шильдера, относящіяся къ болѣе поздней эпохѣ царствованія императора Николая Павловича. Одна изъ нихъ «Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 годахъ» была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1899 года, а другая «Императоръ Николай I и освобожденіе христіанскаго Востока»—въ «Русской Старинѣ» 1892 года.

Кромѣ того, считаемъ умѣстнымъ также помѣстить здѣсь списанные Н. К. Шильдеромъ съ подлинной рукописи отрывки изъ записокъ генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа, обнимающіе время 1832—1837 годовъ и заключающіе въ себѣ весьма важный матеріалъ для біографіи императора Николая. Изъ этихъ отрывковъ одинъ, относящійся къ 1832 году, былъ напечатанъ Н. К. Шильдеромъ въ «Русской Старинѣ» 1898 года, а два, относящіеся къ 1835 и 1837 годамъ,—въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1903 года.

Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 годахъ.

I.

Весело встрѣтили въ Петербургѣ масленицу 1848 года; начался рядъ ежедневныхъ баловъ, привлекшихъ къ себѣ вниманіе всего столичнаго общества. Всѣ эти увеселенія должны были завершиться 22-го февраля, въ воскресенье, folle journée у наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Въ Петербургѣ никто не предвидѣлъ въ то время приближенія той страшной политической грозы, которая готова была разразиться надъ Европою; о подобномъ бѣдствіи также мало думали, какъ и о возможности вторичнаго появленія холеры въ нашей столицѣ,— несчастія, также выпавшаго на долю злосчастнаго 1848 года. Всѣ эти печальныя событія надолго повергли умы въ самое тревожное состояніе.

21-го февраля, въ субботу, государь получилъ изъ Варшавы телеграфическую депешу, сообщавшую, что парижскія волненія побудили короля Людовика-Филиппа отказаться отъ престола въ пользу своего внука, графа Парижскаго, съ назначеніемъ регентства, въ лицѣ матери послѣдняго, вдовствующей герцогини Орлеанской.

Это извѣстіе быстро разнеслось по городу, но никто не предугадывалъ, что за отреченіемъ короля немедленно послѣдуетъ полное крушеніе Іюльской монархіи и провозглашеніе республики. Великій князь Михаилъ Павловичъ говорилъ всѣмъ: «Vous verrez que dans deux mois ils auront une révolution complète»,—его высочество ошибся лишь двумя мѣсяцами въ своей оцѣнкѣ парижскихъ событій.

22-го февраля, состоялся назначенный балъ у наслѣдника цесаревича. Танцующіе званы были къ двумъ часамъ передъ обѣдомъ, а въ девять часовъ вечера должны были присоединиться къ нимъ и прочіе приглашенные.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Гриммъ въ своей біографіи императрицы Александры Θеодоровны представилъ намъ слѣдующую картину этого достопамятнаго дня.

«Залы были наполнены какъ блескомъ огней, такъ и блескомъ туалетовъ; взглядъ на беззаботную танцующую массу людей могъ породить увѣренность, что находишься въ вѣчномъ царствѣ мира и счастія. Но вдругъ раскрываются двери шумной залы; взоры всѣхъ устремляются туда, и черезъ дверь выходитъ на середину залы императоръ, съ сумрачнымъ видомъ, съ бумагой въ рукѣ, подаетъ знакъ, музыка обрывается на полутактѣ, и танцующее общество по его мановенію замираетъ въ безмолвной неподвижности. Послѣ нѣсколькихъ секундъ боязливаго ожиданія услышали, какъ государь громовымъ голосомъ возвѣстилъ на всю залу: «Sellez vos chevaux, messieurs: la république est proclamée en France!» Затѣмъ онъ покинулъ залу, и балъ прекратился».

Такъ пишетъ Гриммъ.

Въ дѣйствительности же обстановка, при которой парижскія вѣсти нарушили общее веселіе собраннаго во дворцѣ общества, была нѣсколько иная.

Въ 5 часовъ, въ залу, гдѣ происходили танцы, быстро вошелъ императоръ Николай Павловичъ съ какими-то бумагами въ рукѣ и сказалъ нѣсколько отрывистыхъ словъ о переворотѣ во Франціи и о бѣгствѣ короля изъ Парижа,— слова, оставшіяся непонятными для большинства присутствовавшаго здѣсь общества. Затѣмъ государь направился въ кабинетъ наслѣдника цесаревича; за нимъ послѣдовала сперва царская фамилія, а за нею понемногу устремились туда же и прочіе приглашенные. Здѣсь государь громко прочелъ депешу, полученную отъ посланника нашего въ Берлинѣ, барона Мейендорфа, а вслѣдъ затѣмъ поручилъ принцу Александру Гессенскому (брату цесаревны) прочесть также громко чрезвычайное прибавленіе къ Берлинской газетѣ, приложенное къ этой депешѣ. Въ депешѣ было сказано, что изъ Парижа нѣтъ ни газетъ, ни писемъ, но что пріѣхавшій оттуда въ Брюссель путешественникъ сообщилъ вѣсти, которыя находящійся въ этомъ городѣ прусскій повѣренный въ дѣлахъ передалъ своему двору, а Мейендорфъ спѣшилъ представить государю съ особою эстафетою: во Франціи была провозглашена республика.

Вечеромъ того же 22-го февраля къ цесаревичу должны были собраться остальные приглашенные. Государь вышелъ позднѣе обыкновеннаго и, увидѣвъ стоявшихъ вмѣстѣ князя Александра Сергѣевича Меншикова, нашего посланника въ Вѣнѣ графа Медема и статсъ-секретаря барона Модеста Андреевича Корфа, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Qu'en dites vous? Voilà donc la comédie jouée et finie et le coquin à bas. Voilà bientôt dix huit ans qu'on me taxe d'imbécile, quand je dis que son crime trouvera sa punition encore ici-bas, et pour-

tant mes prévisions viennent de s'accomplir: и подѣломъ ему, прекрасно, безподобно! il sort par la même porte par laquelle il est entré». Государь продолжалъ еще говорить нѣсколько времени въ этомъ же духѣ и повторялъ то же самое въ разныхъ концахъ залы, привѣтствуя особенно милостиво командировъ гвардейскихъ полковъ, но прибавляя, что «даетъ слово, что за этихъ бездѣльниковъ французовъ не будетъ пролито ни одной капли русской крови».

Въ дальнѣйшихъ затѣмъ разговорахъ государь высказывалъ мнѣніе, что было бы любопытно знать, что скажетъ обо всемъ случившемся Англія, и какъ желательно было бы, чтобы французы въ минутномъ неистовствѣ своемъ тотчасъ устремились на Рейнъ, «тогда, прибавилъ онъ, нѣмцы воспротивятся имъ изъ національной гордости, а не то, если французы завяжутъ дѣло у себя и дадутъ нѣмцамъ опомниться, то коммунисты и радикалы между послѣдними легко могутъ, пожалуй, затѣять что нибудь подобное и у себя».

Наслѣдникъ цесаревичъ съ своей стороны замѣтилъ, что если вообще нечего много жалѣть Людовика-Филиппа, то важенъ тутъ «le principe», и отвратителенъ тотъ вандализмъ, съ которымъ французы посягнули на истребленіе королевскихъ дворцовъ, галлерей и проч.

Очевидецъ приводитъ съ своихъ замѣткахъ и такое мнѣніе: одинъ изъ присутствовавшихъ восхвалялъ допетровскую Русь, когда мы были отдѣлены отъ Европы, и благодаря одушевлявшимъ въ то время русское населеніе чувствамъ, событія, подобныя случившимся теперь во Франціи, прошли бы для насъ совсѣмъ незамѣтнымъ образомъ.

Императоръ Николай оставался на балѣ очень недолго и вскорѣ удалился во внутренніе покои, сопровождаемый графомъ Нессельроде. Среди разнородныхъ чувствъ и мыслей, овладѣвшихъ собравшимся обществомъ, самый балъ уже имѣлъ видъ какой-то аномаліи. Хотя танцы и продолжались, но, повидимому, даже молодежь участвовала въ нихъ какъ бы нехотя, а изъ нетанцовавшихъ образовались во всѣхъ углахъ залы кружки, среди которыхъ толковали о случившемся до пресыщенія. Наконецъ наступило время разъѣзда. Високосный годъ взялъ таки свое, говорили многіе. Другіе, не понимавшіе духа времени и не слѣдившіе за проявленіемъ различныхъ зловѣщихъ движеній, ознаменовавшихъ въ послѣднее время жизнь европейскихъ народовъ, «витали, какъ слѣпые или какъ бы въ другомъ мірѣ», пишетъ очевидецъ. Не можетъ быть,— восклицали эти голоса,—статочное ли дѣло: все казалось такъ спокойно, мы были такъ увѣрены, что живемъ среди самой прозаической эпохи, и вдругъ, неожиданнымъ образомъ попадаемъ въ полный разгаръ революціи 1789 года!

На другой день, въ чистый понедѣльникъ, было обычное засѣданіе государственнаго совѣта, но и оно, подобно вчерашнему балу у цеса-

ревича, утратило свой обычный характеръ. Никто не слушалъ предложенныхъ дѣлъ, и шопотъ съ сосѣдями объ извѣстіяхъ изъ Парижа угрожалъ обратиться почти въ громкій разговоръ. Обычное затишье въ столичной жизни, неразлучное съ наступленіемъ великаго поста, на этотъ разъ вполнѣ отсутствовало. Общественное вниманіе до такой степени сосредоточилось на парижскихъ происшествіяхъ, всѣ такъ были заняты высшими интересами, такъ жаждали развязки начавшейся грозной драмы, что почти не оставалось мѣста ни другимъ разговорамъ, ни другимъ помысламъ. Весь городъ былъ, такъ сказать, на ногахъ; всѣ скакали изъ дома въ домъ за новыми вѣстями, осаждали газетную экспедицію, и тѣмъ болѣе недоумѣвали и тревожились, когда оказывалось, что самыя газеты, ожидаемыя съ такимъ нетерпѣніемъ, приносили одни противорѣчія, недомолвки или извѣстія мало достовѣрныя.

22-го февраля государь, пригласилъ къ себѣ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Мерсье (Mercier de Lostende), котораго очень жаловалъ; принимая его, уже какъ частнаго человѣка, Николай Павловичъ, не стѣсняясь, высказалъ ему со всею откровенностію истинныя мысли свои о Людовикѣ-Филиппѣ, заключавшіяся въ томъ, что Іюльская монархія рушилась, какъ и возникла, путемъ революціи.

Въ тотъ же день, когда Мерсье имѣлъ аудіенцію у императора, всѣ находившіеся въ Петербургѣ французы были собраны къ шефу жандармовъ, графу А. Ѳ. Орлову. Онъ передалъ имъ, именемъ государя, что они будутъ продолжать пользоваться прежнимъ покровительствомъ нашего правительства, разумѣется, при соблюденіи съ ихъ стороны совершенной тишины и спокойствія, но что, впрочемъ, каждому изъ нихъ, кто самъ пожелаетъ, предоставляется право выѣхать изъ Россіи.

Февральская революція, взволновавшая собою не только всѣ высшіе слои русскаго общества, вызвала также толки среди народа и солдатъ, которые по-своему старались объяснить смыслъ совершившихся за границею событій. Приведемъ здѣсь для примѣра одно забавное истолкованіе слова «республика» и смысла парижскаго переворота, придуманное нашими солдатами въ эту смутную пору.

Государь нашъ,—говорили они,—далъ французскому королю денегъ въ займы. Наступилъ срокъ уплаты; король не платитъ. Нечего дѣлать, государь пишетъ, пишетъ, а все толку нѣтъ; вотъ напослѣдокъ онъ и велѣлъ написать французскому народу, что дескать вашъ королъ занялъ у меня деньги, и срокъ прошелъ, а уплаты все нѣтъ; заставьте же его. И народъ разсудилъ, что государь требуетъ дѣло, и приступилъ къ своему королю: заплати да заплати, а король взялъ да и убѣжалъ съ деньгами. Вотъ народъ и разсердился, что король его такой невѣрный въ своемъ дѣлѣ; потолковали промежъ себя и положили распубликовать его по всей землѣ, сдѣлали распублику.

Явилась также остроумная карикатура. Представлены три бутылки, одна съ шампанскимъ, пробка вылетѣла, и въ искристомъ фонтанѣ вышибаетъ изъ бутылки корону, тронъ, конституцію, короля, принцевъ, министровъ и проч. Это — Франція. Другая съ чернымъ густымъ пивомъ; изъ мутной влаги выжимаются короли, гросгерцоги, герцоги и т. п. Это — Германія. Наконецъ третья бутылка — съ русскимъ пѣнникомъ; пробка обтянута крѣпкой бичевкой и на ней казенная печать съ орломъ. Не нужно прибавлять, что это — Россія.

II.

Начавшееся въ февралѣ революціонное движеніе въ Европѣ не ограничилось одною Франціей. Опасенія, высказанныя императоромъ Николаемъ Павловичемъ, не замедлили оправдаться: нѣмцы дѣйствительно затѣяли нѣчто подобное и у себя. Вскорѣ послѣдовали одна за другою вѣсти о смутахъ въ Германіи и наконецъ даже въ Вѣнѣ, въ тогдашнемъ центрѣ европейскаго консерватизма, восторжествовавшая революція обратила въ бѣгство князя Меттерниха.

Переворотъ, совершившійся съ такою легкостью въ Парижѣ, не замедлилъ отразиться на настроеніи императора Николая Павловича, придавъ ему на первыхъ порахъ воинственный оттѣнокъ.

Владимиръ Ивановичъ Панаевъ сохранилъ въ своихъ запискахъ любопытный разсказъ князя Петра Михайловича Волконскаго о первомъ докладѣ его у государя, 23-го февраля, на другой день послѣ описаннаго нами бала у наслѣдника цесаревича.

«Министръ возвратился отъ доклада съ раскраснѣвшимися щеками, — пишетъ Панаевъ. — Это было всегда для меня знакомъ, что онъ имѣлъ съ государемъ какое нибудь преніе.

«— Вы, кажется, взволнованы, ваша свѣтлость?

«— Да.

«— Отъ чего?

«— Поспорилъ съ государемъ.

«— О чемъ?

«— Хочетъ воевать.

«Хотя сейчасъ догадался, въ чемъ дѣло, но, желая болѣе ввести князя въ разговоръ, спросилъ: «съ кѣмъ?»

«— Съ французами.

«— За что?

«— За то, что прогнали Филиппа.

«— Да вѣдь онъ не жалуетъ Филиппа.

«— Ну, вотъ, подите. Говоритъ, что черезъ два мѣсяца поставитъ на Рейнъ 300.000 войска. На это я замѣтилъ ему, что у него не

найдется столько войскъ, чтобы отдѣлить на Рейнъ 300.000, а есть ли деньги, безъ которыхъ нельзя воевать? — «Деньги? — возразилъ государь: — да какъ же вы съ Александромъ Павловичемъ вели три года такую большую войну? Нашлись же деньги». — «Но развѣ вы не знаете, что мы вели ее на чужія деньги? Англія осыпала насъ субсидіями, а попробуйте-ка попросить теперь — не дадутъ ни гроша». — «Ну, — продолжалъ князь, — кажется, я прохладилъ его жаръ, думаю, что отступится отъ своего намѣренія».

Князь Волконскій былъ правъ, сдѣлавъ это заключеніе. Такъ и случилось. Благоразуміе и государственная предусмотрительность одержали верхъ въ умѣ государя надъ этими порывами личнаго мужества, направленными къ безкорыстному поддержанію законнаго порядка въ Европѣ. Онъ остановился на томъ, чтобы отнюдь не предпринимать ничего ни противъ Франціи, ни противъ другихъ государствъ, пока они будутъ ограничиваться одними внутренними своими дѣлами, но быть всегда готовымъ на случай, если бы дѣйствія ихъ нарушили внѣшній миръ. Руководствуясь этими соображеніями, императоръ Николай Павловичъ предназначилъ выдвинуть съ весны сильную армію къ нашимъ западнымъ границамъ. Въ этомъ смыслѣ посланы были инструкціи нашимъ дипломатическимъ представителямъ за границею.

Не всѣ, однако, приближенныя къ императору Николаю Павловичу лица рѣшились бы, подобно князю Волконскому, высказать государю въ минуты его воинственнаго одушевленія столько правды и въ столь рѣзкой формѣ; едва ли старый ветеранъ Александровскаго царствованія нашелъ бы много подражателей. Для подтвержденія этой истины достаточно указать на образъ дѣйствій князя Варшавскаго, находившагося во время этихъ происшествій въ Петербургѣ. На взглядахъ, высказываемыхъ фельдмаршаломъ, ясно отражалось то же воинственное увлеченіе, черезъ которое прошелъ и государь. «Къ веснѣ, — говорилъ знаменитый «отецъ-командиръ», — мы можемъ выставить 370.000 войска и съ нимъ пойдемъ и раздавимъ всю Европу».

— Очень хорошо, да гдѣ жъ возьмете вы на эту армію деньги? — возразилъ ему графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ.

— Деньги! всякій дастъ, что у него есть, и я самъ пошлю продать послѣдній мой серебряный сервизъ.

— Ну, не велики еще будутъ эти деньги; да другой вопросъ: кому же командовать вашей арміей? — спросилъ графъ Киселевъ.

— Кому? А на что жъ Паскевичъ? — отвѣтилъ разгнѣванный фельдмаршалъ. — Кто поправилъ Ермолова грѣхи, кто Дибичевы? кто во всей новѣйшей исторіи счастливо и съ полнымъ успѣхомъ совершилъ пять штурмовъ? Все тотъ же Паскевичъ. Авось, Богъ дастъ ему теперь не ударить лицомъ въ грязь!

Но по прошествіи нѣсколькихъ дней Паскевичъ совершенно перемѣнилъ тонъ: онъ уже началъ говорить о безполезности внѣшнихъ съ нашей стороны дѣйствій и о большей необходимости охранять внутреннее спокойствіе. Однимъ словомъ, при своемъ отъѣздѣ, 29-го февраля, въ Варшаву, фельдмаршалъ уже былъ настроенъ совсѣмъ на другой ладъ и являлся сторонникомъ мира.

III.

Въ эти смутныя времена положеніе императора Николая Павловича было, конечно, однимъ изъ самыхъ тягостныхъ. Съ его привязанностью къ монархическому началу, имѣя близкихъ ему или его семьѣ лицъ почти во всѣхъ дворахъ Германіи, а въ одномъ изъ нихъ и родную дочь, онъ принужденъ былъ оставаться въ бездѣйствіи, смотрѣть, какъ рушились вокругъ него престолы, и попирались среди революціоннаго вихря, охватившаго всю Европу, священныя преданія прежнихъ политическихъ вѣрованій. Каждая телеграфическая депеша сообщала, каждый курьеръ привозилъ извѣстія о новыхъ требованіяхъ народовъ и о новыхъ уступкахъ, сдѣланныхъ правительствами, потерявшими окончательно голову. Революція повсемѣстно торжествовала, а потому можно было быть увѣреннымъ, что молчаніе Россіи не будетъ продолжительнымъ.

9-го марта, во время прогулки по Большой Морской, государь встрѣтилъ статсъ-секретаря барона Корфа. «Ну, что,—сказалъ ему императоръ,—хороши вѣнскія штуки! Я сбираюсь позвать тебя къ себѣ и поручить новую работу. Надо будетъ написать манифестъ, въ которомъ показать, какъ всѣ эти гадости начались, развились, охватили всю Европу и, наконецъ, отпрянули отъ Россіи. Le tout ne doit pas être long, mais énoncé avec dignité et énergie, чтобъ было порѣзче. Подожду еще нѣсколько, посмотримъ, какія будутъ дальше извѣстія, а тамъ позову тебя и надѣюсь, что ты не откажешься отъ этого труда».

Дѣйствительно, государь призвалъ къ себѣ барона Корфа черезъ нѣсколько дней, 13-го марта, въ субботу, къ 12-ти часамъ, по полученіи извѣстія о революціи въ Берлинѣ. Баронъ Корфъ явился въ назначенное время и взялъ съ собою составленный имъ послѣ разговора съ государемъ проектъ манифеста. Передъ кабинетомъ императора Корфъ встрѣтилъ выходившаго оттуда графа Нессельроде. — «L'empereur veut vous charger d'écrire un manifeste apprоргіé aux circonstances», сказалъ графъ. Въ отвѣтъ на эти слова Корфъ разсказалъ канцлеру о встрѣчѣ съ государемъ и о заготовленномъ проектѣ. Нессельроде сообщилъ тогда, что государь уже написалъ свой проектъ мани-

феста, котораго онъ, канцлеръ, еще не читалъ; но прибавилъ, что просилъ государя приказать сообщить ему окончательную редакцію, для соображенія ея въ видахъ дипломатическихъ. Тогда Корфъ предложилъ графу Нессельроде выслушать привезенный проектъ манифеста, канцлеръ не только вполнѣ его одобрилъ, но и просилъ доложить государю, что съ своей стороны не видитъ надобности перемѣнить въ немъ ни одного слова.

Спустя нѣсколько минутъ, когда Нессельроде уже уѣхалъ, изъ кабинета государя вышелъ графъ А. Ѳ. Орловъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи, утирая рукою слезы: «Ахъ, Боже мой, — сказалъ онъ, обратившись къ барону Корфу, — что за человѣкъ этотъ государь! Какъ онъ чувствуетъ, какъ пишетъ! Сейчасъ прочелъ онъ мнѣ свои идеи по манифесту, который хочетъ поручить вамъ написать; я отвѣчалъ, что это не идеи, а уже совсѣмъ готовый манифестъ, и что лучше, конечно, никто не напишетъ. Et effectivement, vous pourriez y mettre un peu plus de style, plus d'élégance, mais jamais personne ne pourra parler avec autant d'énergie, de sentiment et de cœur. C'est juste ce qu'il faut à notre nation. Impossible de faire mieux».

Едва Орловъ успѣлъ это сказать, какъ его собесѣдника позвали къ государю.

Императоръ Николай Павловичъ стоялъ въ кабинетѣ у письменнаго стола. — «Qu'est ce que vous avez là?» — спросилъ государь.

«У меня былъ въ рукахъ мой проектъ, — пишетъ баронъ Корфъ въ своихъ запискахъ.

«— Sire, comme vous avez daigné m'énoncer vos idées au sujet du manifeste, j'ai cru de mon devoir d'en tracer un canevas.

«— Ну, хорошо, nous verrons cela après, а теперь я прочту тебѣ свои идеи, которыя ты потомъ потрудишься привести въ порядокъ.

«И государь началъ читать мнѣ свой проектъ, прерывая нѣсколько разъ чтеніе для словесныхъ объясненій. Многозначительность предмета, торжественность минуты, выражавшіяся въ проектѣ высокія чувства, образъ чтенія, наконецъ, можетъ быть, и то впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго отъ словъ Орлова я вошелъ въ кабинетъ, привели и меня въ невольный восторгъ. Когда государь кончилъ, я бросился къ его рукѣ, но онъ не допустилъ и обнялъ меня. — Какое счастіе, какое благословеніе неба, — вскричалъ я, — что въ эти страшныя минуты Россія имѣетъ васъ, государь, васъ съ вашею энергіею, съ вашею душею, съ вашею любовію къ намъ!

«Содержаніе отвѣта состояло въ томъ, что мыслимъ и чувствуемъ мы всѣ одинаково, а, бывъ поставленъ во главѣ, онъ, конечно, не можетъ оставить и никогда не оставитъ дѣла. Но моего проекта государь уже не спросилъ и болѣе о немъ не вспоминалъ.

«— Теперь, — сказалъ онъ, — поѣзжай домой и уложи все это хорошенько на бумагу.

«— И потомъ прикажете прислать къ вашему величеству?

«— Нѣтъ, принеси опять самъ. Я буду дома въ три часа, или, пожалуй, и вечеромъ.

«Въ передней камердинеръ объявилъ мнѣ волю наслѣдника цесаревича, чтобы отъ государя я зашелъ къ его высочеству. Цесаревичъ уже зналъ, зачѣмъ я былъ у государя, но, кажется, еще не видалъ проекта; по крайней мѣрѣ, взявъ его отъ меня, тутъ же прочелъ про себя и, прослезившись, сказалъ: «Я очень радъ, что выборъ государевъ въ этомъ дѣлѣ палъ на васъ; вотъ вамъ еще одно драгоцѣнное воспоминаніе на цѣлую жизнь».

«Дома, въ тиши кабинета и съ перомъ въ рукѣ, нѣкоторыя изъ выраженій проекта, казавшіяся мнѣ, при живомъ чтеніи государя и при собственной моей восторженности, превосходно-умѣстными, предстали въ другомъ свѣтѣ. Иное имѣло видъ вызова къ войнѣ; другое какъ бы указывало на угрозы намъ извнѣ, которыхъ ни отъ кого не было; третье, наконецъ, проявляло надежды на побѣду, когда не имѣлось еще въ виду никакой брани. Но такъ какъ собственный мой проектъ, веденный отъ другой основной идеи, остался непрочитаннымъ, то мнѣ и надо уже было, въ качествѣ просто редактора, ограничиться однимъ изложеніемъ даннаго эскиза съ сохраненіемъ, по возможности, даже самыхъ его словъ. Въ три часа я былъ опять во дворцѣ.

«Поутру государь принялъ меня въ официальномъ своемъ кабинетѣ, наверху, а въ это время — въ домашнемъ, внизу.

«— Какъ, ты уже готовъ? — спросилъ онъ, увидѣвъ меня.

«— Мой трудъ, государь, былъ не великъ: мнѣ оставалось почти только переписать написанное вами.

«— Ну, нѣтъ, я, признаюсь, не великій мастеръ на редакторство; voyons.

«И я вслѣдъ затѣмъ прочелъ привезенную бумагу, а кончивъ взглянулъ на государя. У него текли слезы. Видно было, что онъ всею душою слѣдилъ за этимъ выраженіемъ завѣтныхъ его мыслей и чувствъ.

«— Очень хорошо, — сказалъ онъ, — передѣлывать тутъ, кажется, нечего.

«— Дозвольте, государь, повергнуть на ваше усмотрѣніе одну только мысль.

«— Что такое? Говори.

«— Не позволите ли включить въ минифестъ хотя два слова о дворянствѣ: оно всегда окружало престолъ своею преданностью, и особенный призывъ отъ васъ польститъ лучшему его чувству.

«— Я самъ объ этомъ думалъ, и сперва, въ черновомъ моемъ проектѣ, именно сказано было: всѣ государственныя сословія; но послѣ мнѣ показалось, что слово сословіе не совсѣмъ умѣстно при теперешнемъ духѣ и обстоятельствахъ. Гдѣ же полагалъ бы ты сказать о дворянствѣ?

«Я указалъ мѣсто. Онъ перечелъ раза два или три громко это мѣсто и, пробѣжавъ потомъ снова про себя весь проектъ, сказалъ:

«— Нѣтъ, право, и такъ очень хорошо; если упоминать отдѣльно о дворянствѣ, то прочія состоянія могутъ огорчиться, а вѣдь это еще не послѣдній манифестъ; вѣроятно, что за нимъ скоро будетъ и второй, уже настоящее воззваніе, и тогда останется время обратиться къ дворянству, а теперь пусть будетъ такъ, какъ есть. Я попрошу только тебя съѣздить къ Нессельроде и показать ему нашъ проектъ; онъ очень взыскателенъ на выраженія и въ теперешнихъ обстоятельствахъ совершенно въ томъ правъ. Если онъ сдѣлаетъ какія нибудь замѣчанія, то пріѣзжай опять ко мнѣ сказать объ нихъ, если жъ нѣтъ, такъ отдавай съ Богомъ въ переписку, или... знаешь что, перепиши лучше самъ своею рукою, а теперь покуда прощай, и большое спасибо».

Изъ дворца баронъ Корфъ, согласно приказанію государя, отправился къ канцлеру. Нессельроде, прочитавъ проектъ, остановился именно на тѣхъ же замѣчаніяхъ, о которыхъ упоминаетъ редакторъ манифеста въ своемъ разсказѣ; но какъ они относились къ основнымъ идеямъ, отъ которыхъ, по предположенію графа Нессельроде, государь ни въ какомъ случаѣ не отступилъ бы, то канцлеръ отказался отъ всякихъ возраженій и предпочелъ оставить все, какъ было написано.

Манифестъ, переписанный рукою барона Корфа, былъ подписанъ въ тотъ же день, въ субботу, 13-го числа; но государь выставилъ на немъ 14-е марта. Въ ночь успѣли его напечатать, а въ воскресенье манифестъ былъ прочитанъ всенародно во всѣхъ петербургскихъ церквахъ, а вслѣдъ за нимъ, по распоряженію государя, пропѣтъ вездѣ тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя».

Въ воскресенье, рано утромъ, у наслѣдника цесаревича всегда собирались полковые командиры и адъютанты всей гвардейской пѣхоты, которою онъ въ то время начальствовалъ. Цесаревичъ самъ прочелъ имъ манифестъ. По мѣрѣ чтенія все болѣе и болѣе, видимо для всѣхъ, возрастало его волненіе, такъ что послѣднія строки были произнесены совершенно дрожавшимъ и прерывавшимся голосомъ. Окончивъ чтеніе манифеста, онъ первый возгласилъ «ура». Тутъ раздался общій нескончаемый крикъ; всѣ бросились цѣловать ему руки, и, по свидѣтельству современника, «сцена достигла высшей степени умиленія». Между тѣмъ находившіяся тутъ же маленькія дѣти цесаревича, испуганныя страшнымъ крикомъ, съ своей стороны также начали плакать, такъ что пришлось ихъ унести.

Грозный манифестъ императора Николая Павловича 1848 года возвѣщалъ слѣдующее:

«Послѣ благословеній долголѣтняго мира западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.

«Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи, и, разливаясь повсемѣстно съ наглостію, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся, наконецъ, и союзныхъ намъ имперіи Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ въ безуміи своемъ и нашей Богомъ намъ ввѣренной Россіи.

«Но да не будетъ такъ!

«По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ на помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ съ святою нашею Русью защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.

«Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподданный нашъ, отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя; что древній нашъ возгласъ: за вѣру, царя и отечество, и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святого на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ:

«Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!»

Появленіе манифеста 14-го марта навело В. И. Панаева на слѣдующія размышленія:

«Этотъ грозный манифестъ, въ которомъ порядочно досталось всѣмъ революціонерамъ, произвелъ на тогдашнихъ демагоговъ, а ихъ полна была Европа, самое непріятное и враждебное для насъ впечатлѣніе, которое и не замедлили они выразить въ своихъ журналахъ и выказать на дѣлѣ, стараясь возмутить Польшу. Думаю, что государь поступилъ бы осмотрительнѣе, если бы вмѣсто барона Корфа потребовалъ къ себѣ старика князя Волконскаго. Можетъ быть, тогда манифестъ этотъ остался бы не изданнымъ, и мы имѣли бы менѣе враговъ за границею. Но Николай Павловичъ зналъ, что встрѣтитъ въ князѣ противорѣчіе, и потому, къ сожалѣнію, не позвалъ его».

Благодаря полному отсутствію въ Россіи въ 1848 году политической прессы, нельзя встрѣтить въ изданіяхъ того времени какой либо оцѣнки правительственнаго акта 14-го марта; единственное исключеніе составлялъ «Journal de St.-Pétersbourg», издававшійся при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Графъ Нессельроде призналъ необходимымъ помѣстить въ своемъ органѣ объясненіе истиннаго смысла и значенія обнародованнаго манифеста.

Приведемъ здѣсь содержаніе статьи, напечатанной тогда въ «Journal de St.-Pétersbourg»:

«Мы надняхъ сообщили высочайшій манифестъ, изданный по случаю смутъ, волнующихъ нынѣ Западную Европу. Всякій вѣрноподданный царя, конечно, понялъ значеніе сего манифеста. Это возгласъ вѣры, возгласъ отечества, намъ сродный языкъ, которымъ русскіе цари во дни испытанія обыкновенно взываютъ къ своему народу. Но за границею дѣйствія нашего правительства часто перетолковываются совершенно въ превратномъ смыслѣ, а потому мы считаемъ не излишнимъ войти въ нѣкоторыя объясненія, дабы предупредить тѣ ложныя заключенія, которыя иностранцы вздумали бы выводить изъ означеннаго манифеста.

«Весьма заблуждались бы тѣ, которые полагали бы, что въ этомъ манифестѣ заключается что либо, могущее возбудить опасенія касательно нарушенія мира. Ничего подобнаго нѣтъ въ помыслахъ нашего правительства. Но при непріязненныхъ чувствахъ, явно возбуждаемыхъ противъ насъ за границею, ничего не могло быть естественнѣе воззванія царя къ русскимъ сердцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, не только во Франціи, гдѣ даже власти принимаютъ участіе въ замыслахъ польскихъ выходцевъ, но въ Венгріи, въ Пруссіи и въ Германіи, вездѣ раздавались враждебные противъ Россіи клики. Эти клики повторяемы были въ публичныхъ совѣщаніяхъ разныхъ сословій, въ представительныхъ собраніяхъ и даже въ полуофиціальныхъ газетахъ. Правительствамъ, которыя были низвергнуты или преобразованы были мятежемъ, ставили въ вину, что они находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нашимъ дворомъ. Лишь только узнали о событіяхъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ провозглашеніе республики во Франціи, намъ тотчасъ стали приписывать воинственные замыслы. Громогласно отвергали союзъ съ Россіей тогда, когда не могли даже знать, намѣрены ли мы проливать кровь свою изъ-за чуждыхъ намъ распрей. Россію старались представлять какимъ-то страшилищемъ. Тогда какъ мы никому не думали грозить, стали угрожать намъ самимъ, какъ бы желая тѣмъ предупредить всякое со стороны нашей вмѣшательство.

«Мы только можемъ удивляться подобнымъ изъявленіемъ; ибо мы не мнимъ, чтобъ въ нашъ вѣкъ Россія когда либо нарушила права Германіи, или въ чемъ либо посягнула на ея независимость.

«Достопамятныя событія 1812 года свидѣтельствуютъ о томъ, съ чьей стороны предпринято было непріязненное нападеніе; исторія указываетъ, въ пользу ли или во вредъ германскимъ народамъ послужило участіе, тогда принятое нами въ ихъ дѣлахъ.

«Пусть же успокоятся умы, напрасно встревоженные. Ни въ Германіи, ни во Франціи Россія не намѣрена вмѣшиваться въ правительственныя преобразованія, которыя уже совершились, или же могли бы

еще послѣдовать. Россія не помышляетъ о нападеніи: она желаетъ мира, нужнаго ей, чтобы спокойно заниматься постепеннымъ развитіемъ внутренняго своего благосостоянія.

«Пусть народы Запада ищутъ въ революціяхъ того мнимаго благополучія, за которымъ они гоняются. Пусть каждый изъ этихъ народовъ по своему произволу избираетъ тотъ образъ правленія, который признаетъ наиболѣе себѣ свойственнымъ. Россія, спокойно взирая на таковыя попытки, не принимаетъ въ нихъ участія, не будетъ противиться онымъ; она не позавидуетъ участи сихъ народовъ даже и въ томъ случаѣ, если бы и дѣйствительно изъ нѣдръ безначалія и безпорядковъ возникла наконецъ для нихъ лучшая будущность.

«Что касается до Россіи, то она спокойно ожидаетъ дальнѣйшаго развитія общественнаго своего быта какъ отъ времени, такъ и отъ мудрой заботливости своихъ царей.

«Всякое общественное устройство, всевозможныя, даже самыя усовершенствованныя, формы правленія имѣютъ свои недостатки. Зная это, Россія почитаетъ первымъ для себя благомъ незыблемость существующаго въ оной законнаго порядка; такъ какъ безъ этого не можетъ существовать ни политическаго могущества внѣ государства, ни кредита, ни торговли, ни промышленности, ни народнаго богатства внутри онаго, то Россія не попуститъ, чтобы поколебали благонадежныя и прочныя ея установленія, столь для нея драгоцѣнныя. Она не потерпитъ, чтобы чужеземные возмутители раздували въ предѣлахъ ея пламя мятежа; чтобы подъ предлогомъ возстановленія исчезнувшихъ народностей покусились отторгнуть какую либо изъ частей, составляющихъ въ совокупности своей цѣлость и единство имперіи.

«Если же наконецъ изъ хаоса всѣхъ политическихъ переворотовъ, всѣхъ возбужденныхъ вопросовъ о взаимныхъ правахъ, всѣхъ противоположныхъ стремленій суждено возникнуть войнѣ, то Россія въ свое время разсмотритъ, соотвѣтственно или нѣтъ ея выгодамъ вмѣшиваться, и до какой именно степени, въ распри между тѣмъ и тѣмъ государствомъ, тѣмъ и тѣмъ народомъ.

«Но она не упуститъ изъ виду того распредѣленія границъ между государствами, тѣхъ взаимныхъ правъ владѣнія, кои освящены ея ручательствомъ, и рѣшительно не потерпитъ, чтобы въ случаѣ измѣненія политическаго равновѣсія и иного какого либо распредѣленія областей подобное измѣненіе обратилось въ ущербъ имперіи.

«Дотолѣ она будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ. Не предпринимая никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, она будетъ бдительнымъ окомъ слѣдить за ходомъ событій. Однимъ словомъ, Россія не станетъ нападать ни на кого, если только на насъ самихъ нападать не будутъ; она строго воздержится отъ всякаго посягательств на независимость и

неприкосновенность сосѣдственныхъ областей, если и сосѣдственныя области съ своей стороны не посягнутъ на собственную ея неприкосновенность и независимость».

Въ заключеніе остается сказать, что, несмотря на всѣ комментаріи графа Нессельроде, въ Западной Европѣ продолжали смотрѣть на манифестъ 1848 года, какъ на вызовъ со стороны Россіи. Въ самой же имперіи манифестъ далеко не способствовалъ къ успокоенію умовъ. Одни видѣли въ немъ воззваніе къ войнѣ, другіе полагали, что предстоитъ готовиться уже и внутри Россіи къ смутамъ и безпорядкамъ; многіе же признавали изданіе манифеста преждевременнымъ. Между тѣмъ, вникая ближе въ свойства характера императора Николая Павловича, слѣдуетъ признать, что избранная имъ форма проявленія своей державной воли была вполнѣ естественною и не могла быть иною. Одушевлявшее государя чувство возстановить мощною рукою нарушенный въ Европѣ законный порядокъ настолько соотвѣтствовало самымъ завѣтнымъ его мыслямъ, что никакія убѣжденія, никакіе доводы, внушаемые благоразумною осторожностію, не могли бы отклонить его отъ принятаго рѣшенія; поле для дѣйствія въ желаемомъ государемъ смыслѣ пока еще не открывалось, а потому тѣмъ болѣе неудержимо влекло его высказаться, по крайней мѣрѣ, во всеуслышаніе о политическомъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, и, конечно, сдѣлать это со свойственнымъ ему рыцарскимъ прямодушіемъ.

19-го марта 1848 года, въ годовщину занятія нашею арміею Парижа въ 1814 году, началось выступленіе первыхъ частей войскъ къ нашей западной границѣ, на случай возможной войны.

IV.

Хотя въ Россіи господствовало въ 1848 году полнѣйшее спокойствіе и, по выраженію одного писателя, «все казалось поконченнымъ, запакованнымъ и за пятью печатями сданнымъ на почту для выдачи адресату, котораго заранѣе предположено не разыскивать», но, тѣмъ не менѣе, политическое броженіе на западѣ Европы все-таки отразилось на нашихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Явилась возможность провести въ жизнь нѣкоторую реакцію. Задача была не изъ легкихъ при тогдашнихъ условіяхъ жизни въ Россіи, но усердіе нѣкоторыхъ сторонниковъ реакціоннаго направленія добилось осуществленія своихъ предположеній.

Уже во время описаннаго выше бала въ Зимнемъ дворцѣ, 22-го февраля, князь А. С. Меншиковъ нашелъ возможнымъ сказать цесаревичу, что у насъ явно идетъ «подкопная работа либерализма», которая отзывается и въ преподаваніи наукъ и въ направленіи журналовъ.

«Да, очень дурны журналы, — отвѣчалъ ему цесаревичъ, — и ежели что въ нихъ такое встрѣтится, то покажите мнѣ» [1].

Подобная же мысль пришла въ голову и статсъ-секретарю, барону М. А. Корфу. Но онъ не ограничился разговоромъ, а прибѣгъ и къ перу. По его мнѣнію, нельзя было не обратить вниманія на нашу журналистику, въ особенности же на два журнала «Отечественныя Записки» и «Современникъ». Оба журнала, пользуясь, какъ пишетъ баронъ Корфъ, «малоразуміемъ тогдашней цензуры, позволяли себѣ печатать Богъ знаетъ что и, по проповѣдуемымъ ими подъ разными иносказательными, но очень прозрачными для посвященныхъ формами, коммунистическимъ идеямъ, могли сдѣлаться небезопасными для общественнаго спокойствія. Безпрерывно размышляя о томъ, чѣмъ можно было бы его оградить и упрочить въ виду судорожныхъ движеній Запада, я набросалъ нѣсколько мыслей о дѣйствіяхъ нашихъ періодическихъ изданій и цензуры; но долго колебался дать имъ ходъ изъ опасенія явиться въ глазахъ другихъ, а еще болѣе въ своихъ собственныхъ, какимъ-то доносчикомъ. Разсудивъ, однако, что жертвовать на общее благо ничтожною своею личностію есть священный долгъ каждаго изъ насъ въ такое опасное время болѣе, чѣмъ когда либо, что я буду тутъ дѣйствовать, не какъ частный человѣкъ, а въ качествѣ члена правительства, и что, говоря лишь о фактахъ, а не о лицахъ, удалю отъ себя, въ собственной совѣсти, всякое нареканіе въ презрѣнномъ доносѣ, я рѣшился отвезти мою записку къ наслѣднику цесаревичу. Не заставъ его высочество, я зашелъ съ нею къ великому князю Константину Николаевичу, который остался чрезвычайно доволенъ моею запискою и совѣтовалъ непремѣнно отослать къ наслѣднику, не теряя времени».

Баронъ Корфъ исполнилъ данный ему совѣтъ и отослалъ записку къ цесаревичу 23-го февраля вечеромъ, на другой день по полученіи извѣстія о провозглашеніи во Франціи республики.

23-го февраля баронъ Корфъ былъ приглашенъ обѣдать къ наслѣднику, который объявилъ своему гостю, что государь учредилъ подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова особый комитетъ, состоящій изъ графа Александра Григорьевича Строганова (бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ), Дмитрія Петровича Бутурлина и барона Корфа. «Ваша записка пришла какъ нельзя болѣе кстати», — прибавилъ цесаревичъ. — «Вчера вечеромъ у государя былъ разговоръ именно объ этомъ, а, воротясь къ себѣ и найдя вашу бумагу, я сегодня же отнесъ ее къ батюшкѣ, и онъ, прочитавъ, оставилъ у себя для объясненія съ Орловымъ, котораго ждалъ въ эту минуту».

[1] Изъ дневника князя А. С. Меншикова 1848 года.

27-го февраля члены вновь созданнаго комитета получили отъ шефа жандармовъ, графа Орлова, слѣдующее официальное извѣстіе:

«По дошедшимъ до государя императора изъ разныхъ источниковъ свѣдѣніямъ о весьма сомнительномъ направленіи нашихъ журналовъ, его императорское величество, по докладѣ моемъ по сему предмету, собственноручно написать изволилъ:

«Необходимо составить особый комитетъ, чтобы разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура, и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы. Комитету донести мнѣ съ доказательствами, гдѣ найдетъ какія упущенія цензуры и ея начальства, т.-е. министерства народнаго просвѣщенія, и которые журналы и въ чемъ вышли изъ своей программы. Комитету состоять подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, статсъ-секретаря Корфа, генералъ-адъютанта графа Строганова 2 и статсъ-секретаря Дегая[1]. Увѣдомить о семъ кого слѣдуетъ и занятія комитета начать немедля».

Князь Меншиковъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

«Получилъ отъ графа Орлова сообщеніе высочайшаго повелѣнія, что мнѣ быть предсѣдателемъ комитета о проступкахъ цензуры въ пропускѣ недозволенныхъ статей въ журналахъ, т.-е. родъ слѣдствія надъ министромъ просвѣщенія графомъ Уваровымъ; порученіе весьма непріятное».

4-го марта состоялось у князя Меншикова первое засѣданіе комитета, а 7-го марта государь призвалъ его «для отмѣны послѣдовавшаго сего же дня приказанія призвать редакторовъ журналовъ въ Третье Отдѣленіе для внушенія имъ не либеральничать въ газетахъ. Порученіе это,—пишетъ князь Меншиковъ,—возложено на мой цензурный комитетъ. Причиною тому графъ Орловъ, который не хотѣлъ принять на свою часть этого порученія и съ такимъ сердцемъ, что государь ему уступилъ. По этому случаю я имѣлъ съ Орловымъ размолвку. При семъ государь приказалъ мнѣ объявить Уварову, чтобы съ завтрашняго дня всѣ статьи журнальныя были подписаны редакторами. По этому случаю я былъ у Уварова, который убѣдился, что я не инквизиторъ».

11-го марта на засѣданіе цензурнаго комитета, собраннаго въ залѣ адмиралтействъ-совѣта, призваны были редакторы журналовъ, издаваемыхъ въ Петербургѣ, и имъ объявлено, что «за напечатаніе либеральныхъ и коммунистическихъ статей они подвергнутся личному взысканію, независимо отъ отвѣтственности цензуры».

Учрежденный тогда комитетъ просуществовалъ слишкомъ мѣсяцъ; онъ привелъ къ тому, что у государя родилась мысль учредить подъ

[1] Вслѣдъ затѣмъ къ составу комитета присоединенъ былъ еще начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ Дубельтъ.

непосредственнымъ своимъ руководствомъ всегдашній безгласный надзоръ за дѣйствіями нашей цензуры. Съ сею цѣлью вмѣсто прежняго временнаго комитета учрежденъ былъ 2-го (14-го) апрѣля 1848 года постоянный, изъ члена государственнаго совѣта, Д. Н. Бутурлина, и статсъ-секретарей, барона Корфа и Дегая, съ обязанностію представлять свои замѣчанія и предположенія непосредственно государю. Сначала надзоръ этого комитета предполагалось ограничить одними лишь періодическими изданіями; но потомъ онъ распространенъ былъ на всѣ вообще произведенія нашего книгопечатанія. Призвавъ къ себѣ трехъ членовъ вновь образованнаго комитета, императоръ Николай объявилъ, что поручаетъ имъ это дѣло по особому, какъ онъ выразился, безграничному своему довѣрію. «Такъ какъ самому мнѣ некогда читать всѣ произведенія нашей литературы,—сказалъ государь,—то вы станете дѣлать это за меня и доносить мнѣ о вашихъ замѣчаніяхъ, а потомъ мое уже дѣло будетъ расправляться съ виновными».

Комитетъ этотъ, какъ его называетъ баронъ Корфъ, родъ нароста въ нашей администраціи, существовалъ до 1856 года подъ названіемъ Комитета 2-го апрѣля; личный составъ комитета только видоизмѣнялся, и въ заключеніе косвенный творецъ его, баронъ Корфъ, сдѣлался предсѣдателемъ комитета до упраздненія имъ же вызваннаго къ жизни нароста въ нашей администраціи. Такимъ образомъ образовалась у насъ двойная цензура въ 1848 году, предварительная, въ лицѣ обыкновенныхъ цензоровъ, просматривавшая до печати, и взыскательная, или карательная, подвергавшая своему разсмотрѣнію только уже напечатанное и привлекавшая, съ утвержденія и именемъ государя, къ отвѣтственности, какъ цензоровъ, такъ и авторовъ за все, что признавала предосудительнымъ или противнымъ видамъ правительства [1]. Спрашивается: какимъ образомъ могла существовать при такихъ условіяхъ какая бы то ни было печать? Кончилось тѣмъ, какъ ниже будетъ разсказано, что даже государь получилъ, по невѣдѣнію комитета, такъ сказать, выговоръ отъ этого учрежденія.

[1] Разсуждая впослѣдствіи уже въ царствованіе императора Александра II-го объ этомъ комитетѣ въ своихъ запискахъ, баронъ Корфъ нашелъ возможнымъ разомъ похвалить учрежденіе комитета и вмѣстѣ съ тѣмъ его упраздненіе. Этотъ бюрократическій фокусъ заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь дословно:

«Если въ эпоху своего учрежденія, когда министерствомъ народнаго просвѣщенія управлялъ еще графъ Уваровъ, цѣль и надобность особаго тайнаго надзора оправдывались тѣмъ, что министръ утратилъ прежнее довѣріе государя, и если въ началѣ своего существованія комитетъ нашъ, по глубокому моему убѣжденію (?), принесъ большую и существенную пользу, то дальнѣйшее продолженіе этого внѣшняго посторонняго надзора, при преемникахъ Уварова, когда все постепенно вошло въ законные предѣлы, сдѣлалось уже совершенною аномаліею и только парализировало дѣйствіе и власть самого министерства, вредя косвенно всякому полезному развитію и успѣхамъ отечественной письменности. Эти обстоятельства были удостоены высочайшаго вниманія (въ 1856 году), и вслѣдствіе того комитетъ 2-го апрѣля, по всеподданнѣйшему докладу моему, закрытъ».

*

. . . .

Князь Меншиковъ разсказываетъ, что по учрежденіи комитета 2-го апрѣля Д. П. Бутурлинъ былъ въ большихъ попыхахъ и признавался ему, что онъ находится въ затруднительномъ положеніи, ибо не можетъ себѣ дать отчета, въ чемъ состоять должны обязанности комитета, котораго онъ былъ предсѣдателемъ. Встрѣтивъ барона Корфа въ государственномъ совѣтѣ, князь Меншиковъ нашелъ его блѣднымъ, желчнымъ и разстроеннымъ негласнымъ доносомъ; ударъ направленъ былъ противъ графа Уварова, и Корфъ надѣялся быть министромъ народнаго просвѣщенія и вмѣсто того назначенъ былъ «въ цензурно-фискальный комитетъ, то-есть уже не скрытнымъ, а явнымъ доносчикомъ».

Положеніе дѣлъ того времени и духъ его выясняются позднѣйшимъ разговоромъ императора Николая съ барономъ Корфомъ, случившимся на платформѣ Царскосельской желѣзной дороги.

Государь заговорилъ о цензурномъ комитетѣ и замѣтилъ, что послѣднее замѣчаніе о какомъ-то анекдотѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» неважно, но прибавилъ: «однако хорошо, что и это отъ васъ не ускользнуло».

— Государь,—отвѣчалъ Корфъ,—мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность доводить до вашего свѣдѣнія о всѣхъ нашихъ замѣчаніяхъ, даже и мелочныхъ, предпочитая представить даже что нибудь мелочное, чѣмъ пропустить важное.

— Такъ, такъ и надо,—замѣтилъ Николай Павловичъ,—прошу и впредь также продолжать; ну, а что теперь Краевскій съ своими «Отечественными Записками» послѣ сдѣланной ему головомойки?

— Я въ эту минуту именно читаю майскую книжку и нахожу въ ней совершенную перемѣну; совсѣмъ другое направленіе, и нѣтъ уже слѣда прежняго таинственнаго арго. Повѣшенный надъ журналистами Дамокловъ мечъ видимо приноситъ добрые плоды.

— Надѣюсь,—заключилъ государь,—и признаюсь, не могу только надивиться, какъ прежде допустили вкрасться противному.

Продолжая затѣмъ рѣчь о томъ же предметѣ, государь сказалъ еще барону Корфу:

— Больше всего мнѣ досадны глупые возгласы противъ Петра Великаго; досадно, когда и говорятъ, а тѣмъ больше нестерпимо, когда печатаютъ. Петръ Великій сдѣлалъ, что могъ, и даже болѣе, чѣмъ могъ, и въ правѣ ли мы теперь при такомъ отдаленіи отъ той эпохи и въ нашемъ незнаніи тогдашнихъ обстоятельствъ критиковать его дѣйствія, унижать его славу, унижая черезъ то славу самой Россіи?

Графиня Блудова, вспоминая въ своихъ запискахъ о дѣятельности Бутурлина въ 1848 году, признаетъ Дмитрія Петровича, котораго когда-то въ шутку называли «Boutourline-Jomini», остроумнымъ и увлекательнымъ собесѣдникомъ, но замѣчаетъ, что батюшка ея и предсѣдатель негласнаго комитета совершенно разошлись въ мнѣніи насчетъ цензуры.

Она пишетъ, что Бутурлинъ по врожденной рѣзкости и деспотизму характера доходилъ до такихъ крайнихъ мѣръ въ этомъ отношеніи, что иногда приходилось спросить себя: не плохая ли это шутка? «Напримѣръ, онъ хотѣлъ, чтобы вырѣзали нѣсколько стиховъ изъ акаѳиста Покрову Божіей Матери, находя, что они революціонны. Батюшка сказалъ ему, что онъ такимъ образомъ осуждаетъ своего собственнаго ангела, святого Дмитрія Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѳистъ и никогда не считался революціонеромъ; преосвященный же Иннокентій только поновилъ въ этомъ акаѳистѣ, такъ сказать, слогъ устарѣвшій.

«— Кто бы ни сочинилъ, тутъ есть [1] опасныя выраженія,—отвѣчалъ Бутурлинъ.

«— Вы и въ Евангеліи встрѣтите выраженія, осуждающія злыхъ правителей?—сказалъ мой отецъ.

«— Такъ что жъ? — возразилъ Дмитрій Петровичъ, переходя въ шуточный тонъ:—если бы Евангеліе не была такая извѣстная книга, конечно, надобно бъ было цензурѣ исправить ее».

Трагикомическій эпизодъ произошелъ съ комитетомъ 1851 году. Бутурлинъ уже умеръ, и въ комитетѣ предсѣдательствовалъ баронъ Корфъ. Знаменитая танцовщица Фанни Эльслеръ давала представленія въ Москвѣ и привела зрителей въ неописуемый восторгъ, который превзошелъ даже предѣлы приличія. Кончилось тѣмъ, что москвичи изъ-подъ ея экипажа выпрягли лошадей и возили ее на себѣ, при чемъ должностныя лица садились на козлы, на запятки и т. п. Въ Петербургѣ стало извѣстно, что всѣ эти неумѣстныя выходки возбудили большое неудовольствіе государя, но что, впрочемъ, выраженію ихъ не препятствовали офиціально.

Вдругъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (21-го марта 1851 года, № 64) появились стихи, порицавшіе и осмѣивавшіе эту восторженность, но въ такомъ тонѣ и съ такой точки зрѣнія, которые представились барону Корфу почти столько же неумѣстными, какъ и восторженность москвичей.

Приведемъ здѣсь содержаніе стиховъ въ статьѣ, озаглавленной:

«Отрывокъ изъ московской жизни на сырной недѣлѣ 1851 года.

«Несмѣтное множество экипажей и пѣшихъ съ букетами, вѣнками и разными драгоцѣнными коврами неистово стремятся къ театральной площади.

[1] Графиня Блудова приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ акаѳиста, которыя Бутурлинъ признавалъ опасными:

«Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ . . . .
«Совѣты неправедныхъ князей разори; зачинающихъ рати погуби» и пр. и пр.

ПРОХОЖІЙ ГОВОРИТЪ:

«Куда народъ нашъ православный
Стремится съ радостью такой?
Не торжество ль побѣды славной
Россіи матушки святой?
Куда несутъ дары златые,
Алмазы, яхонты, цвѣты
И жемчугъ, и парчи драгія,
Весь причетъ міра суеты?
Зачѣмъ народъ нашъ православный
На сырной вдругъ затѣялъ пиръ?
Аль прибылъ къ намъ царь державный,
Нашъ европейскій богатырь?
Скажи мнѣ, старичекъ почтенный,
Скажи, пожалуй, наконецъ,
Ужъ не въ Москвѣ ли нашъ безцѣнный,
Нашъ ненаглядный царь-отецъ?

СТАРИКЪ.

«Эхъ, батюшка, вѣдь молвить стыдно
(Старикъ невольно отвѣчалъ),
Бѣгутъ зачѣмъ, ей-ей, обидно,
Народъ дурить ужъ очень сталъ.
Какой тутъ царь! А лишь приманкой
Въ кіатеръ сатана завлекъ,
Прельстить насъ хочетъ басурманкой,
Что ноги мечетъ въ потолокъ.

ПРОХОЖІЙ.

«Такъ вотъ причина восхищенья
Въ столицѣ-матушкѣ Руси!
Спаси насъ Богъ отъ посрамленья,
И паче отъ грѣховъ спаси.
Знать, нѣтъ грѣхамъ твоимъ и счету,
О грѣховодница Москва!
Что ты бѣсовскому причету
Готовишь нынѣ торжества».

Въ Петербургѣ заговорили, что эти стихи напечатаны были по высочайшему повелѣнію; но какъ высшему цензурному комитету ничего не было о томъ сказано, то предсѣдатель призналъ противнымъ долгу службы удержаться отъ представленія государю замѣчаній о неприличіи напечатанныхъ стиховъ.

Въ виду указанныхъ соображеній въ комитетѣ состоялся слѣдующій журналъ:

«Комитетъ по разсмотрѣніи напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» стиховъ, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ московской жизни», нашелъ, что, содержа въ себѣ, можетъ статься, и справедливое, но весьма, однако же, рѣзкое порицаніе всего московскаго населенія по случаю преувеличеннаго чествованія Фанни Эльслеръ, они едва ли могутъ быть признаны приличными въ томъ отношеніи, что сравниваютъ и какъ бы ставятъ въ параллель преходящія похвалы нѣсколькихъ восторженныхъ лицъ съ тѣми общими, священными чувствами вѣрноподданнической любви и преданности, за которыя вся Москва удостоивалась всегда изъявленій монаршаго благоволенія.

«Считая, что включеніе въ напечатанные для публики стихи подобнаго сравненія не можетъ не быть огорчительно для самой большей части московскихъ жителей, не участвовавшихъ въ этихъ смѣшныхъ изліяніяхъ восторга, и потому неумѣстно, комитетъ долгомъ признаетъ такое заключеніе свое повергнуть на высочайшее воззрѣніе».

Излишнее усердіе не всегда бываетъ полезнымъ; эта истина получила новое подтвержденіе и въ разсматриваемомъ случаѣ. Слухи о томъ, что стихи были напечатаны по высочайшему повелѣнію, оказались справедливыми. Къ ужасу членовъ комитета и его чрезъ мѣру усерднаго предсѣдателя, представленный журналъ возвращенъ былъ государемъ съ слѣдующею собственноручною надписью: «Напечатано съ моего дозволенія, какъ полезный урокъ за дурачество части московскихъ тунеядцевъ».

Виновникомъ происшедшаго недоразумѣнія оказался графъ Орловъ; онъ позабылъ своевременно предупредить комитетъ о томъ, что въ «Сѣверной Пчелѣ» появятся стихи, высочайше одобренные. Государь, попрекнувъ въ этомъ упущеніи графа Орлова, прибавилъ: «За то комитетъ порядкомъ погонялъ меня».

Императоръ Николай и освобожденіе Христіанскаго Востока.

Въ «Русской Старинѣ», въ замѣткахъ по поводу Восточной войны 1853—1856 годовъ, была высказана мысль, что если со временемъ появится въ печати обширная собственноручная переписка императора Николая, прервавшаяся только за нѣсколько дней до кончины государя и обнимающая собою всѣ политическіе и военные вопросы того времени, то это будетъ лучшимъ памятникомъ, воздвигнутымъ этому державному вождю Россіи. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но каждое вновь открываемое историческое свидѣтельство, касающееся этой эпохи и вообще тридцатилѣтія съ 1825 по 1855 годъ, служитъ только подтвержденіемъ справедливости высказаннаго тогда взгляда.

Къ числу такихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, доселѣ еще не сдѣлавшихся достояніемъ исторіи, относится, безъ сомнѣнія, помѣщенная ниже собственноручная записка императора Николая о восточномъ вопросѣ, предназначавшаяся для государственнаго канцлера графа Нессельроде; она написана государемъ въ началѣ ноября 1853 года, въ то время, когда недоброжелательство западныхъ державъ (въ особенности же Англіи) къ Россіи обрисовалось уже съ достаточною ясностію. До сихъ поръ ни одинъ историкъ Восточной войны 1853—1856 годовъ не упомянулъ объ этой запискѣ, и никто не подозрѣвалъ о томъ новомъ направленіи русской политики, которое намѣревался придать ей императоръ Николай въ 1853 году. Преданія священнаго союза, связавшія Россію по рукамъ и по ногамъ, готовы были, наконецъ, прерваться, и русскому государственному эгоизму предстояло вступить въ свои законныя права. Но злой рокъ воспрепятствовалъ осуществленію благихъ намѣреній государя, и на Россію обрушились безпримѣрныя испытанія...

Вотъ что начерталъ императоръ Николай для вразумленія своего канцлера.

«Les déclarations inqualifiables de lord Aberdeen, l'intention avouée d'entraver nos opérations sur mer et de permettre, cependant, d'agir contre nous par cette voie, exigent de notre part une combinaison telle à nous mener directement à notre but, en augmentant nos moyens d'action et en les mettant à l'abri des atteintes anglaises.

«Il semble que le gouvernement anglais, tout en prenant fait et cause pour les turcs, entrevoit dans un prochain avenir que cet empire ne peut durer en Europe et combine déjà comment il pourra faire tourner contre nous les conséquences de cette crise, en se mettant peut-être à la tête de l'émancipation des chrétiens d'Europe, quitte à les organiser ensuite de façon à créer leur future existence dans les conditions qui seraient contraires à nos plus grands intérêts.

«N'est-il donc pas de notre devoir impérieux de prévenir cet infâme calcul, en déclarant dès à présent à toutes les puissances que, reconnaissant l'inutilité des efforts communs pour ramener le gouvernement turc à des sentiments de justice, et forcés à une guerre dont l'issue ne peut être définie, nous restons fidèles à notre principe déjà proclamé de renoncer, s'il est possible, à toute conquête, mais que nous reconnaissons que le moment est venu de rétablir l'indépendance des états chrétiens en Europe, tombés depuis des siècles sous le joug Ottoman. Qu'en prenant l'initiative de cette résolution sainte, nons en appelons à toutes les nations chrétiennes, pour se joindre à nous dans ce but sacré! Qu'il ne s'agit pas seulement des chrétiens du rit orthodoxe grec, mais du sort de tous les chrétiens sans distinction, soumis à la domination musulmane en Europe. Ainsi donc que nous déclarons vouloir l'indépendance réelle des moldavo-valaques, des serbes, des bulgares, des bosniaks et des grecs; que chacune de ces nations entre dans la jouissance du pays qu'elle habite depuis des siècles, que chacune se gouverne par l'homme de son choix, élu par eux-mêmes et pris parmi leurs nationaux.

«Je pense qu'un appel ou déclaration faite ainsi doit subitement faire changer de face à l'opinion de toute la chrétienté et ramener, peut-être, à des idées plus justes sur ce grave événement, et au moins le faire échapper à la direction exclusive et mal intentionnée du gouvernement anglais.

«Je ne vois que ce seul moyen d'en finir avec le mauvais vouloir anglais, car il n'est pas croyable, après une déclaration semblable qu'ils puissent encore se joindre aux turcs pour combattre contre les chrétiens.

«Il s'entend que l'organisation future des provinces émancipées doit être remise à une entente commune, après que le premier but sera atteint. Il n'est pas douteux qu'il offrira encore maintes difficultés, mais elles ne seront pas invincibles, j'en ai l'intime conviction, et d'ailleurs,

si nous réussissons dans ce que nous voulons, nous aurons plus de chances à faire prévaloir nos intentions pour le reste.

«Il serait urgent de sonder les dispositions de ces provinces, en envoyant sur les lieux des individus intelligents et sans plus tarder pour obtenir le plus vite possible des données exactes sur le véritable esprit des populations et sur le secours que l'on pourrait en attendre. Des individus comme Ковалевскій seraient précieux pour cela. Il s'agirait des serbes et des bosniaks, car nous savons ce qui en est des bulgares, et il faudrait faire appeler ici incontinent une députation de notables moldaves et valaques, pris parmi ce qu'il y a de plus raisonnable, parmi les boyars et le clergé, pour leur faire connaître nos intentions pour leur avenir, à les gagner à ce projet».

[Переводъ]. «Непозволительныя заявленія лорда Абердина, заключающія въ себѣ явное намѣреніе затруднить наши дѣйствія на морѣ и въ то же время дозволеніе дѣйствовать противъ насъ этимъ же путемъ [1], вынуждаютъ насъ обратиться къ комбинаціи, способной вести насъ прямо къ нашей цѣли, увеличивъ наши средства дѣйствія и обезпечивъ ихъ отъ нападеній англичанъ.

«Кажется, что англійское правительство, вступаясь за турокъ, предвидитъ, что существованіе ихъ имперіи въ Европѣ сдѣлается невозможнымъ въ весьма близкомъ будущемъ, и теперь уже соображаетъ свои дѣйствія такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность обратить противъ насъ послѣдствія этого кризиса. Для этого, можетъ быть, оно само встанетъ во главѣ освобожденія европейскихъ христіанъ съ цѣлью дать имъ затѣмъ такое устройство, чтобы условія ихъ будущаго существованія шли совершенно въ разрѣзъ съ нашими существеннѣйшими интересами.

«Не представляется ли, слѣдовательно, нашимъ настоятельнымъ долгомъ предупредить этотъ постыдный расчетъ и объявить теперь же всѣмъ державамъ, что, сознавая всю безполезность общихъ усилій обратить турецкое правительство на путь справедливости и вынужден-

[1] Великобританское правительство объявило, что оно ничего не предприметъ противъ положенія, занятаго Россіею въ княжествахъ, на лѣвомъ берегу Дуная, пока война не будетъ перенесена на правый берегъ; затѣмъ Англія предупреждала, что она доставитъ матеріальную поддержку Турціи только въ случаѣ атаки, направленной нами съ моря, противъ одного изъ турецкихъ черноморскихъ портовъ. Принимая подобную систему дѣйствій, Англія утверждала, что она, тѣмъ не менѣе, не находится съ нами въ разрывѣ.

На депешѣ барона Бруннова, сообщившаго это оригинальное рѣшеніе лондонскаго кабинета 26-го октября 1853 г., императоръ Николай написалъ;

«C'est infâme. Et les turcs pourraient inopinément passer la rive gauche; voilà un paradoxe digne des anglais. Ainsi c'est la guerre avec nous. Soit».

Синопскій бой произошелъ 18-го ноября; англо-французскій флотъ вступилъ въ Черное море 22-го декабря 1853 года. Н. Ш.

ные къ войнѣ, исходъ которой не можетъ быть опредѣленъ заранѣе, мы остаемся вѣрны нашему провозглашенному уже принципу отказаться, по возможности, отъ всякаго завоеванія, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ, что наступило время возстановить независимость христіанскихъ народовъ въ Европѣ, подпавшихъ, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, оттоманскому игу. Принимая на себя починъ этого святого дѣла, мы приглашаемъ всѣ христіанскія націи присоединиться къ намъ для достиженія этой священной цѣли. Дѣло идетъ не только о христіанахъ греко-католическаго вѣроисповѣданія, но и о судьбѣ всѣхъ христіанъ, безъ всякаго различія, подвластныхъ въ Европѣ мусульманскому владычеству. Такимъ образомъ, мы провозглашаемъ желаніе дѣйствительной независимости молдаво-валаховъ, сербовъ, болгаръ, босняковъ и грековъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ этихъ народовъ вступилъ въ обладаніе страною, въ которой живетъ уже цѣлые вѣка, и управлялся человѣкомъ по собственному выбору, избраннымъ имъ самимъ изъ среды своихъ же соотечественниковъ.

«Я думаю, что сдѣланное такимъ образомъ воззваніе или заявленіе должно произвести быструю перемѣну во мнѣніи всего христіанскаго міра и, быть можетъ, возвратитъ его къ болѣе правильнымъ понятіямъ объ этомъ важномъ событіи или, по крайней мѣрѣ, освободитъ его отъ исключительнаго и злонамѣреннаго руководства англійскаго правительства.

«Я вижу только одно это средство, способное положить предѣлъ недоброжелательству англичанъ, такъ какъ невозможно предположить, чтобы послѣ подобнаго заявленія они все-таки рѣшились примкнуть къ туркамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними сражаться противъ христіанъ.

«Само собою разумѣется, что послѣ достиженія первоначальной цѣли будущее устройство освобожденныхъ областей должно быть предоставлено общему соглашенію. Нѣтъ сомнѣнія, что оно представитъ еще немало затрудненій, но я вполнѣ убѣжденъ, что разрѣшеніе ихъ не встрѣтитъ непреодолимыхъ препятствій. Къ тому же, если успѣхъ увѣнчаетъ наши намѣренія, то представится болѣе вѣроятія одержать верхъ и въ остальныхъ нашихъ намѣреніяхъ.

«Было бы крайне необходимо послать безъ малѣйшаго замедленія въ эти области способныхъ людей, чтобы ознакомиться съ ихъ положеніемъ и собрать на мѣстѣ какъ можно скорѣе точныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ настроеніи мѣстныхъ жителей и о содѣйствіи, на которое мы можемъ разсчитывать со стороны ихъ. Люди, подобные Ковалевскому, были бы для этого весьма полезны. Это слѣдовало бы сдѣлать по отношенію къ сербамъ и боснякамъ, такъ какъ все, что касается до болгаръ, намъ уже извѣстно. Сверхъ того, слѣдуетъ немедленно вызвать сюда изъ Молдавіи и Валахіи депутацію, избранную изъ самыхъ

разсудительныхъ бояръ и духовныхъ лицъ, чтобы ознакомить ихъ съ нашими намѣреніями насчетъ ихъ будущности и тѣмъ склонить ихъ на сторону этого проекта».

Императоръ Николай передалъ эту записку гр. Нессельроде и по поводу содержавшихся въ ней мыслей имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Легко себѣ представить, съ какимъ ужасомъ престарѣлый представитель преданій 1815 года выслушалъ смѣлыя предположенія, высказанныя при этомъ свиданіи государемъ. Чтобы поколебать рѣшимость императора Николая, графъ Нессельроде ухватился за вѣрное средство: онъ выставилъ противорѣчіе этого проекта съ политическимъ направленіемъ, котораго неуклонно придерживались почти полстолѣтія, и невозможность для консервативной Европы (l'Europe conservatrice) слѣдовать за Россіею по этому новому пути. Не довольствуясь словеснымъ опроверженіемъ и выраженными сомнѣніями, графъ Нессельроде представилъ государю 8-го ноября 1853 года еще записку [1], въ которой доказывалъ невозможность для насъ вызвать возстаніе христіанъ, не становясь въ то же время въ противорѣчіе съ основными правилами, которыми мы до сихъ поръ руководствовались, и не лишая вмѣстѣ съ тѣмъ консервативную Европу возможности присоединиться къ намъ и согласиться съ нами. Она будетъ имѣть право, писалъ графъ Нессельроде, возражать намъ словами всѣхъ нашихъ заявленій, въ которыхъ мы постоянно увѣряли, что, вступая въ предѣлы княжествъ, мы не предпримемъ ничего, что могло бы вызвать возстаніе христіанскаго населенія противъ султана.

По мнѣнію канцлера, вопросъ этотъ можетъ представиться совершенно въ иномъ видѣ въ томъ случаѣ, когда съ наступленіемъ весны мы будемъ вынуждены необходимостію вести противъ Порты безпощадную войну; если въ это время, что̀ весьма вѣроятно, христіане безъ всякаго съ нашей стороны подстрекательства возстанутъ поголовно, тогда мы можемъ принять ихъ возстаніе, какъ совершившійся фактъ.

1 «Le dernier entretien que sa majesté a daigné lui accorder,—пишетъ графъ Нессельроде,—lui a laissé une cruelle impression, ayant eu le malheur de lui déplaire. Regardant comme un devoir, sacré de ne lui déguiser aucune de ses pensées et de lui soumettre ses doutes sur des projets que sa conscience lui fait juger dangereux aux intérêts de la Russie, il soumet à l'empereur un mémoire sur les écueils que sa majesté rencontrerait dans son chemin, en exécutant le plan exposé dans la note précédente».

(Переводъ): «Послѣдній разговоръ, которымъ его величеству угодно было удостоить меня, оставилъ во мнѣ самое тягостное впечатлѣніе, такъ какъ я имѣлъ несчастіе не угодить его величеству. Но, почитая своимъ священнымъ долгомъ не скрывать отъ его величества ни одной изъ своихъ мыслей и представлять свои сомнѣнія относительно проектовъ, которые совѣсть моя заставляетъ меня считать опасными для интересовъ Россіи, представляю при семъ записку о тѣхъ камняхъ преткновенія, которые его величество встрѣтитъ на пути своемъ при выполненіи плана, изложеннаго въ его предыдущей запискѣ».

Н. Ш.

При рѣшительномъ движенiи значительныхъ силъ, которыя мы должны будемъ выставить на театрѣ военныхъ дѣйствiй, и при согласованiи этого движенiя съ возстанiемъ христiанъ, Оттоманская имперiя не будетъ въ состоянiи выдержать такого удара и перестанетъ существовать. Конечно, Англiя и Францiя не возьмутъ на себя труда вновь завоевать шагъ за шагомъ въ пользу султана освобожденную уже территорiю, защищаемую Россiею и христiанскими народами, готовыми умереть съ оружiемъ въ рукахъ за свою нацiональную независимость. Тогда независимость эта можетъ быть провозглашена Россiею предъ лицомъ всего мiра, и это будетъ носить на себѣ характеръ такого безпристрастiя и великодушiя (un tel caractère de désintéressement et de générosité), что недоброжелательность и недобросовѣстность не будутъ въ состоянiи ея оспорить. Вслѣдствiе этого графъ Нессельроде признавалъ необходимымъ теперь же развѣдать о настроенiи населенiй, о которыхъ идетъ рѣчь, и собрать точныя данныя о средствахъ борьбы, которыми они будутъ располагать, а также о размѣрѣ денежной помощи, которая будетъ необходима имъ для прiобрѣтенiя оружiя и боевыхъ припасовъ.

Императоръ Николай возражалъ государственному канцлеру. «Я не раздѣляю вашего чувства безопасности; я убѣжденъ, что англичане, весьма мало разборчивые въ своихъ дѣйствiяхъ, лишь только убѣдятся въ томъ, что успѣхъ войны склоняется на нашу сторону, не задумаются перемѣнить роль и тотчасъ же пожелаютъ присвоить себѣ дѣло освобожденiя христiанъ, чтобы лишить насъ иницiативы въ этомъ предпрiятiи. Преслѣдуя, безъ всякаго стѣсненiя, исключительно свои личные интересы, они постараются придать дѣлу освобожденiя такое направленiе, которое, по ихъ мнѣнiю, окажется для насъ самымъ вреднымъ. Должны ли мы допустить это? — полагаю, что нѣтъ. Провозглашенiе освобожденiя должно быть сдѣлано нами лишь тогда, когда мы будемъ навѣрное знать, что христiане не только желаютъ освобожденiя, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнiя, но что они готовы дѣйствовать, не щадя жизни и съ напряженiемъ всѣхъ ихъ усилiй при нашей поддержкѣ» [1].

[1] «Je ne partage pas votre sécurité, je suis convaincu que les anglais fort peu scrupuleux dans leurs moyens d'action, sitôt convaincus que les chances de la guerre tournent en notre faveur, n'hésiteront pas à changer de rôle, et dès ce moment, voudront s'ériger en libérateurs des chrétiens, pour nous frustrer de l'initiative de ce rôle, se livrer à leurs combinaisons sans gêne, pour donner telle direction à l'émancipation qu'ils jugeront nous être le plus nuisible. Devons nous le permettre? — je pense que non. La déclaration de l'émancipation ne doit être faite par nous avant que nous ne sachions pour sûr que les chrétiens non-seulement la désirent, ce qui n'est pas douteux, mais qu'ils sont prêts à l'agression au prix de leur sang et de tous leurs efforts soutenus par nous».

Мнѣніе графа Нессельроде восторжествовало. Все было отложено въ долгій ящикъ, и благопріятный моментъ безвозвратно утраченъ.

26-го декабря 1853 года баронъ Мейендорфъ донесъ изъ Вѣны, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Константинополя, представители четырехъ великихъ державъ настаиваютъ у Оттоманской Порты на освобожденіи ея христіанскихъ подданныхъ. Императоръ Николай написалъ на этой депешѣ слѣдующія многознаменательныя слова: «Вотъ оно, правъ ли я?»

Записки графа А. Х. Бенкендорфа (1832—1837 гг.).

1832 годъ.

Европа, ревнуя къ нашему могуществу и симпатизируя польскому возстанію, какъ ослаблявшему наши силы, была, однако же, бездѣйственною свидѣтельницею новыхъ успѣховъ нашего оружія, распущенія польской арміи и всѣхъ тѣхъ преобразованій, которыми государь старался поставить царство Польское въ бо̀льшую гармонію съ прочими частями своей имперіи. Кабинеты вѣнскій и берлинскій, одинаково съ петербургскимъ заинтересованные въ покореніи Польши, отдѣлились отъ общаго вопля и искренно обрадовались прекращенію тѣхъ смутъ, которыхъ отголосокъ проникалъ уже въ ихъ предѣлы. Люди разсудительные въ Англіи и Франціи не оспаривали, что польскій бунтъ справедливо вынудилъ императора Николая употребить всю силу и строгость для его подавленія, и соглашались, хотя и съ сожалѣніемъ, что усмиреніе этого буйнаго края есть одна изъ необходимыхъ гарантій мира и спокойствія Европы. Но либералы и оппозиціонная партія въ парижскихъ и лондонскихъ камерахъ громко требовали отъ своихъ правительствъ, чтобы они вступились за поляковъ и принудили Россію къ исполненію вѣнскаго трактата, которымъ утверждена независимость Польши, съ подчиненіемъ только ея конституціонному царю, въ лицѣ русскаго императора. Французское и англійское министерства должны были, по виду, уступить народнымъ крикамъ и обѣщали свое посредничество передъ русскимъ правительствомъ. Они предписали своимъ посламъ замолвить слово въ пользу поляковъ; но положительный отвѣтъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ отнялъ у нихъ всякую охоту поднимать офиціально голосъ по такому дѣлу, на которое государь справедливо смотрѣлъ, какъ на подлежащее исключительно его суду и не имѣющее ничего общаго съ нашею внѣшнею политикою. Итакъ, имъ пришлось замолчать,

предоставивъ оппозиціи горланить въ Парижѣ и Лондонѣ. Газеты старались выместить безполезность и безсиліе попытокъ ихъ правительствъ самыми ѣдкими и желчными статьями противъ Россіи, а государь, презирая ихъ разглагольствованія, продолжалъ развивать и приводить въ дѣйствіе свои планы.

Затѣмъ на первый планъ выдвинулось голландско-бельгійское дѣло. Франція склонялась въ пользу новаго Бельгійскаго королевства, порожденнаго революціею, а Англія, Австрія, Пруссія и Россія держали сторону Голландіи. Такая разность въ видахъ и взглядахъ замедлила окончательное рѣшеніе дѣла. Франція хотѣла присвоить себѣ и держать за собою вліяніе на судьбы Бельгіи, которое давали ей географическое положеніе этой страны и тождественность языка, нравовъ и интересовъ ея населенія. Англія ревновала къ своей соперницѣ, и одно лишь сродство интересовъ и принциповъ, одна лишь ненависть англійскихъ министровъ къ чистымъ монархіямъ могли привести ихъ союзу съ Франціей, наперекоръ исторіи и положенію обоихъ государствъ. Голландскій король оттягивалъ дѣло, въ надеждѣ разрыва между первостепенными державами, а съ нимъ всеобщей войны, полезной для личныхъ его интересовъ. Леопольдъ, бывшій герцогъ Кобургскій и овдовѣвшій супругъ принцессы Каролины англійской, поддавался интригамъ кабинета Людовика-Филиппа, который чрезъ посредство стараго хитреца Талейрана старался склонить министерство англійское въ пользу герцога Леопольда, уже предъизбраннаго королемъ французовъ въ супруги своей дочери и слѣдовательно въ вассалы Франціи. Протоколы писались одинъ за другимъ, противорѣчили между собою, не вели ни къ чему, а между тѣмъ заставляли Голландію, Бельгію, Пруссію и Францію держать войска на военной ногѣ. Императоръ Николай уступилъ просьбѣ прусскаго короля и общему желанію, рѣшился сдѣлать попытку склонить короля голландскаго къ меньшей настойчивости и на этотъ конецъ отправилъ къ нему графа Орлова. Но король, отличавшійся упорнымъ нравомъ и все надѣявшійся, что возгорится европейская война, воспротивился всѣмъ убѣжденіямъ нашего посла. Тогда графъ Орловъ пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ дворъ, министры и публика приняли его со всѣмъ почетомъ, подобавшимъ великому монарху, котораго онъ являлся представителемъ, и личнымъ качествамъ самого графа, привлекшимъ къ нему безъ различія всѣ партіи. Послѣ этой попытки нашъ государь предоставилъ времени рѣшеніе голландско-бельгійскаго вопроса, какъ не состоявшаго ни въ какомъ непосредственномъ прикосновеніи къ выгодамъ и пользамъ Россіи.

Между тѣмъ, при возстановившемся въ западныхъ нашихъ губерніяхъ порядкѣ и спокойствіи, государь освободилъ ихъ отъ управленія на военномъ положеніи, подъ которымъ онѣ находились еще со временъ

императора Александра. Эта мѣра произвела въ краѣ самое благопріятное впечатлѣніе, послуживъ доказательствомъ, съ одной стороны, довѣрія правительства, съ другой — окончательнаго прекращенія обстоятельствъ, принуждавшихъ оное къ такимъ предосторожностямъ.

Съ окончаніемъ устройства царства Польскаго на новыхъ началахъ, временное тамошнее правительство было закрыто, и фельдмаршалъ Паскевичъ, командовавшій расположенными въ Варшавѣ войсками, сталъ также во главѣ гражданскаго управленія, съ званіемъ намѣстника царскаго и предсѣдателя совѣта управленія, составленнаго изъ русскихъ и польскихъ чиновниковъ, а также изъ управляющихъ разными частями, замѣнившихъ прежнихъ министровъ. Число войскъ въ царствѣ было ограничено однимъ корпусомъ. Сверхъ того, велѣно было образовать тамъ жандармскій корпусъ, на подобіе учрежденнаго въ Россіи, изъ поляковъ и русскихъ, и инвалидныя команды по воеводствамъ, сформировавъ ихъ изъ тѣхъ офицеровъ и солдатъ польской арміи, которые со времени усмиренія мятежа вели себя безукоризненно. Начальниками опредѣлены штабъ-офицеры нашей службы. Изъ числа офицеровъ, поляковъ, предавшихся великодушію государя, отличившимся покорностію и неимущимъ назначено содержаніе, соотвѣтственное прежнимъ ихъ чинамъ. Наконецъ сироты военныхъ и дѣти бѣдныхъ офицеровъ, по упраздненіи Калишскаго кадетскаго корпуса, отправлены на казенный счетъ въ корпуса петербургскіе и московскіе, а солдаты размѣщены по нашимъ войскамъ, сухопутнымъ и морскимъ. Имущество зачинщиковъ и главныхъ дѣятелей бунта, а также тѣхъ, кои, не воспользовавшись амнистіею, остались за границей, было подвергнуто секвестру, какъ въ предѣлахъ царства, такъ равно и во всемъ Западномъ краѣ, впредь до разбора лежавшихъ на нихъ долговъ и окончательной конфискаціи сихъ имѣній въ казну.

Наконецъ, въ распоряженіе намѣстика царства были отпущены значительныя суммы для пособій помѣщикамъ, фабрикантамъ и крестьянамъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ бунта и войны. Правительство закупило въ Россіи огромные гурты скота для раздачи въ царствѣ нуждавшимся въ немъ. Кромѣ того, была назначена особая коммиссія для разбора показаній о потеряхъ, понесенныхъ мирными жителями или тѣми, которые оставались вѣрными своей присягѣ. Впослѣдствіи, основываясь на изысканіяхъ этой коммиссіи, государственное казначейство щедро вознаградило ихъ за потери, чтобы такимъ образомъ всемѣрно изгладить слѣды этой бѣдственной войны.

Въ наступившую затѣмъ зиму не случилось ничего особеннаго, замѣчательнаго, и государь, пользуясь общимъ миромъ и спокойствіемъ, неусыпно занимался разными проектами и преобразованіями по гражданской части. Въ городскомъ населеніи учреждено было новое сословіе

почетныхъ гражданъ, для удержанія людей торговаго сословія отъ необдуманныхъ и безполезныхъ, какъ для нихъ, такъ и для общаго дѣла, переходовъ въ гражданскую службу.

Строгій указъ запретилъ всѣ азартныя игры, въ послѣднее время сильно развившіяся въ нашемъ обществѣ и разорившія многихъ молодыхъ людей и даже отцовъ семействъ.

Измѣнена была система мѣдныхъ денегъ нашихъ, дававшая дотолѣ поводъ къ вывозу ихъ въ значительномъ количествѣ за границу и даже къ спекуляціямъ на противозаконный ихъ переливъ. Военное министерство получило новое образованіе черезъ упраздненіе званія начальника главнаго штаба и учрежденіе военнаго совѣта. Наконецъ, сдѣланы были также перемѣны въ устройствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ томъ же году праздновался, 17-го февраля, столѣтній юбилей 1-го кадетскаго корпуса. Въ присутствіи приглашенныхъ къ этому торжеству всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ корпуса, кадеты съ наслѣдникомъ престола въ ихъ рядахъ прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо государя, передъ монументомъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, одного изъ первыхъ воспитанниковъ сего корпуса. Потомъ послѣ молебствія въ корпусной церкви императорская фамилія, приглашенныя особы и кадеты были угощены завтракомъ въ залѣ корпуснаго зданія, гдѣ помѣщается его музей, и въ тѣхъ комнатахъ, которыя занималъ нѣкогда любимецъ Петра Великаго, князь Меншиковъ, выстроившій этотъ домъ для собственнаго своего жилища, а потомъ обѣдомъ въ Георгіевской и Бѣлой залахъ Зимняго дворца.

Въ началѣ мая государь принялъ въ торжественной аудіенціи депутацію, явившуюся изъ царства Польскаго для принесенія благодарности за дарованную его жителямъ амнистію. Придворные, члены государственнаго совѣта, сенаторы, городскія дамы, военные чины и всѣ имѣющіе пріѣздъ ко двору были собраны въ Георгіевскую залу Зимняго дворца, гдѣ государь съ императрицею и наслѣдникомъ стали на ступеняхъ трона. Депутація, состоявшая изъ 12-ти знатнѣйшихъ и почетнѣйшихъ лицъ царства, была введена попарно и приблизилась къ трону, между выстроенными по обѣ стороны залы дворцовыми гренадерами. Князь Антонъ Радзивиллъ, непричастный къ безумнымъ замысламъ своихъ соотечественниковъ, произнесъ рѣчь отъ имени депутаціи.

Эта сцена, столь уничижительная для Польши, произвела самое благопріятное впечатлѣніе на присутствовавшихъ при ней русскихъ и нѣкоторымъ образомъ примирила національное самолюбіе видомъ унынія и покорности нашихъ укрощенныхъ враговъ.

Между тѣмъ, на другомъ концѣ свѣта завязалась новая политическая сумятица, которая опять возбудила къ намъ недовѣріе и зависть

европейскихъ кабинетовъ. Могущественный паша египетскій Мехмедъ-Али, давно уже негодовавшій на свое зависимое положеніе, вдругъ, подъ предлогомъ неблагодарности Порты Оттоманской за принесенную имъ жертву посылкою для усмиренія Греціи своего сына и лучшихъ своихъ войскъ, поднялъ забрало и провозгласилъ себя врагомъ своего повелителя, султана. Интриги кабинетовъ парижскаго и находящагося подъ его вліяніемъ лондонскаго подожгли это возстаніе своими обѣщаніями точно такъ же, какъ прежде они раздували огонь революціи бельгійской и польской. Императоръ Николай, всегда благородный и послѣдовательный въ своей политикѣ, забылъ, что Турція вѣками враждуетъ противъ Россіи, и, чтобы дать разительное доказательство своихъ стремленій къ поддержанію законныхъ властей, поспѣшилъ отозвать изъ Египта нашего консула. Мехмедъ-Али чрезвычайно огорчился этимъ знакомъ неодобренія его дѣйствій, польстившимъ Портѣ, и который Франція и Англія старались съ своей стороны истолковать, какъ новую честолюбивую попытку нашего правительства. Но государь, не ограничиваясь этимъ, велѣлъ предложить султану прямую свою помощь, войсками или флотомъ, въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ онъ признаетъ это нужнымъ. Турки, однако же, сами слишкомъ хитрые и недовѣрчивые, чтобы положиться на благородное великодушіе Россіи, отклонили ея предложеніе. А Франція и Англія, съ цѣлью изгладить выгодное впечатлѣніе, произведенное русскими предложеніями на умы турокъ, поспѣшили и съ своей стороны сдѣлать подобное же предложеніе, такъ что все ограничилось одною перепискою. Никто не повѣрилъ искренности императора Николая, и приготовились: Мехмедъ-Али къ нападенію, слабая Порта къ защитѣ, а Лондонъ и Парижъ къ вооруженному нейтралитету, которому главную силу давали интриги ихъ посольствъ въ Константинополѣ и происки находившихся въ Египтѣ ихъ агентовъ.

Въ теченіе этого времени Людовикъ-Филиппъ, продолжавшій, несмотря на тѣсный союзъ съ политикой Англіи, ревновать къ этой всегдашней соперницѣ Франціи, искалъ случая сблизиться съ русскимъ монархомъ, уже принимавшимъ въ свои руки вѣсы Европы. Хотя близкая связь съ Франціей обѣщала парализовать виды англійскаго министерства, враждебнаго нашимъ интересамъ и вообще монархическимъ началамъ, однако императоръ Николай, питая естественное отвращеніе къ хищнику законнаго трона Бурбоновъ, вѣжливо отклонилъ всѣ вкрадчивыя его предложенія. Это не остановило Людовика-Филиппа въ достиженіи его плановъ. Онъ прислалъ въ Петербургъ маршала Мортье, поручивъ ему всемѣрно стараться пріобрѣсти благорасположеніе императора и установить между обоими монархами сношенія менѣе прежнихъ холодныя. Мортье былъ принятъ со всѣмъ почетомъ, приличествовавшимъ старому и храброму воину, тридцать лѣтъ сражавшемуся муже-

*

ственно подъ знаменами республики и Наполеона. Государь почтилъ его своимъ довѣріемъ и пріобрѣлъ взаимно всю пріязнь престарѣлаго маршала, но въ политическомъ отношеніи дѣла остались, какъ были, и въ разговорахъ своихъ съ Мортье государь избѣгалъ даже произносить когда либо имя короля французовъ.

Англія прислала также своего посла въ Петербургъ, но совсѣмъ съ другой цѣлью, именно съ тѣмъ, чтобы еще болѣе охладить отношенія между Россіей и Франціей, утвержденныя въ продолженіе двухъ вѣковъ взаимными интересами, торговлей и обоюдною симпатіею сихъ націй. Лордъ Грей выбралъ для этой миссіи своего зятя, лорда Дургама, отчаяннаго либерала, человѣка заносчиваго, желчнаго и врага всѣхъ самодержавныхъ правительствъ, въ особенности же русскаго. Англійское министерство хотѣло употребить этого сварливаго и ненавидѣвшаго насъ посла орудіемъ для истолкованія по-своему опасности, грозящей конституціонной Европѣ со стороны Россіи, чтобы оправдать черезъ сіе передъ англійской націей тѣ жертвы, которыхъ намѣревалось требовать отъ нея (т.-е. отъ англійской націи) для вооруженія и, можетъ быть, уже и для нападенія на императора Николая.

Съ такими непріязненными намѣреніями Дургамъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ на линейномъ кораблѣ, чтобы обозрѣть наши морскія силы, которыхъ возрожденіе пугало Великобританію, и изыскать средства къ возможному ихъ сокрушенію. Въ самую минуту прибытія англійскаго корабля въ Кронштадтъ туда случайно пріѣхалъ государь на пароходѣ «Ижора», и наша эскадра, по нѣскольку разъ въ годъ выходившая изъ этого порта и снова въ него возвращавшаяся, производила морскіе маневры. Государь, сидя въ шлюпкѣ, на которую сошелъ съ парохода, одною рукою правилъ рулемъ, а другою придерживалъ у себя на колѣняхъ шестилѣтняго своего сына, генералъ-адмирала русскаго флота, Константина Николаевича, и такимъ образомъ объѣзжалъ суда. Въ этомъ видѣ англійскій посолъ и экипажъ его корабля впервые увидѣли монарха Сѣвера,—котораго ихъ газеты изображали недоступнымъ тираномъ, — окруженнаго офицерами въ сюртукахъ и фуражкахъ. Эта простота, это отсутствіе всякаго этикета, это личное приготовленіе царственнаго младенца къ будущему его поприщу, на самыхъ первыхъ порахъ поразили лорда Дургама, воображавшаго себѣ лицо русскаго самодержца не иначе, какъ среди пышнаго двора и бдительныхъ тѣлохранителей; но удивленіе его еще болѣе возросло, когда подплылъ къ его кораблю флигель-адъютантъ, приглашавшій его отъ имени государя на «Ижору», какъ онъ есть, въ томъ же костюмѣ и безъ всякихъ церемоніальныхъ приготовленій. По прибытіи посла на царскій пароходъ, государь принялъ его съ тѣмъ радушіемъ и тою прирожденною ему искренностію, которыя отстраняли всякую принужденность и тотчасъ

вселяли довѣріе. Введя Дургама въ свою каюту, онъ безъ всякихъ предисловій и фразъ тотчасъ вступилъ съ нимъ въ пространный и задушевный разговоръ о цѣли его миссіи, о дѣлахъ Европы, о началахъ, руководствующихъ прямодушною политикою Россіи, и о личномъ своемъ желаніи оставаться въ добромъ и искреннемъ согласіи съ Англіей, ибо хотя министры ея могутъ временно слѣдовать тому или другому направленію, но постоянные народные интересы и опытъ прошедшаго ясно указываютъ на пользу и необходимость дружественныхъ сношеній между обѣими державами. Дургамъ вышелъ изъ этой аудіенціи въ совершенномъ изумленіи и съ инымъ совсѣмъ понятіемъ о государѣ. Едва бросивъ якорь у береговъ Россіи, онъ познакомился съ ея монархомъ, услышалъ отъ него лично то, что могъ бы желать услышать отъ министра иностранныхъ дѣлъ, узналъ такія вещи, которыя въ другихъ государствахъ сдѣлались бы ему извѣстными развѣ лишь послѣ долгихъ трудовъ и поисковъ, и съ самой первой минуты сталъ въ такія близкія и довѣрчивыя отношенія къ главѣ имперіи, какія для самыхъ искусныхъ дипломатовъ бываютъ большею частью плодомъ долголѣтнихъ соприкосновеній. Человѣкъ умный и благородный, лордъ Дургамъ тотчасъ понялъ императора Николая, пересталъ сомнѣваться въ правотѣ его намѣреній и правдивости его словъ и, польщенный успѣхомъ столь быстрымъ и столь новымъ въ лѣтописяхъ дипломатіи, сдѣлался самымъ ревностнымъ поклонникомъ того монарха, въ которомъ предубѣжденіе и либеральный взглядъ на вещи и лица заставляли его дотолѣ такъ грубо ошибаться. Все время миссіи лорда Дургама было для него рядомъ самыхъ пріятныхъ ощущеній и сопровождалось добрымъ согласіемъ. А донесенія его, въ которыхъ его личность не позволяла никому подозрѣвать пристрастія въ пользу самодержавнаго императора, образумили лондонскій кабинетъ и разсѣяли его прежнія ложныя предубѣжденія. Англійскій посолъ уже никогда болѣе не измѣнялъ составленнаго имъ мнѣнія о государѣ и уѣзжая чувствовалъ то же удивленіе и довѣренность, которыя были плодомъ этого перваго свиданія.

На слѣдующее утро государь сдѣлалъ парадный смотръ флоту, по окончаніи котораго посѣтилъ англійскій корабль. Онъ присутствовалъ на немъ при обѣдѣ матросовъ и со стаканомъ въ рукѣ провозгласилъ здоровье англійскаго короля. Капитанъ и офицеры были приглашены къ обѣденному столу въ Петергофъ, присутствовали на безподобномъ праздникѣ 1-го іюля и потомъ на красносельскихъ маневрахъ и уѣхали въ совершенномъ восхищеніи отъ императора Николая, флотъ котораго при пріѣздѣ своемъ хотѣли уничтожить. Петергофское общество, блескъ двора, изящество праздниковъ, стройная красота нашего войска, все это было для нихъ ослѣпительнымъ зрѣлищемъ, совершенно противопо-

ложнымъ тѣмъ понятіямъ о деспотизмѣ и общемъ мракѣ да ожидающей ихъ ненависти, съ которыми они прибыли.

Тогда были у насъ въ большой модѣ Ревельскія морскія купальни, и лѣтомъ 1832 года отправили туда великихъ княженъ Марію, Ольгу и Александру Николаевнъ [1], въ сопровожденіи оберъ-шталмейстера князя Долгорукова и наставницы ихъ, г-жи Барановой. Мнѣ данъ былъ отпускъ на нѣсколько дней на мызу мою Фалль, и я съ семьею удостоился счастія принять тамъ августѣйшихъ дочерей моего императора, которыя провели у насъ цѣлый день.

Государь, постоянно занятый реформами въ западныхъ нашихъ губерніяхъ и убѣдившись въ послѣднюю революцію въ дурномъ духѣ, господствовавшемъ въ римско-католическихъ монастыряхъ, которые и вообще представляли скорѣе вертепъ разврата, нежели домъ молитвы, возобновилъ дѣйствіе папской буллы, издавна пришедшей въ забвеніе, чтобы обители, вмѣщающія въ себѣ не болѣе шести монашествующихъ, упразднять, съ распредѣленіемъ братіи въ другіе монастыри того же ордена. Хотя эта мѣра и соотвѣтствовала строгой буквѣ закона, однако произвела громкій вопль между поляками, прикрытый похвальною привязанностію къ вѣрѣ, но въ сущности возбужденный желаніемъ втайнѣ упрекнуть правительство въ проступкѣ противъ вѣротерпимости и правосудія. Это не помѣшало, однако же, дѣйствительно закрыть довольно много монастырей, съ переводомъ изъ нихъ монашествующихъ, а другіе обратить въ православные храмы, малочисленность и бѣдность которыхъ огорчали простое населеніе этого края, почти все принадлежащее къ господствующей церкви. Богатая и знаменитая Почаевская лавра, которая въ рукахъ уніатовъ служила во время революціи притономъ для бунтовщиковъ, была возвращена православію. Такимъ образомъ, государь старался снова поднять въ этихъ издревле русскихъ губерніяхъ православное вѣроисповѣданіе, пережившее тамъ польское завоеваніе и всѣ ухищренія латинянъ, которые, не успѣвъ задушить въ народѣ привязанность его къ вѣрѣ отцовъ, примѣнили ее къ латинской вѣрѣ— вымышленіемъ уніи, подчинили ее главѣ римско-католической церкви въ лицѣ папы и, наконецъ, отторгли отъ нея древнее русское дворянство, всѣ ея богатства и всѣ воспоминанія, которыми она жила въ народномъ преданіи.

Въ продолженіе лѣта 1832 года Дагестанскія горы сдѣлались на границѣ Персіи театромъ нашихъ военныхъ дѣйствій. Отважный фанатикъ Кази-Мулла возбудилъ воинственныя племена Закавказья противъ креста и противъ русскаго владычества. Прославившись своею набожностію и увлекательной силой слова, онъ вознамѣрился разыгры-

[1] Цѣлью поѣздки великихъ княженъ былъ собственно Добберанъ, но по случаю открывшейся тамъ холеры онѣ остались въ Ревелѣ.

вать роль пророка и покровителя исламизма и безъ труда собралъ подъ свое знамя многочисленныя толпы горцевъ, всегда жаждущихъ боя и добычи и глубоко ненавидящихъ христіанство. Пробѣгая край съ алкораномъ въ одной рукѣ и съ оружіемъ въ другой, Кази-Мулла напалъ врасплохъ на нѣкоторые изъ нашихъ постовъ и перерѣзалъ ихъ. Эта удача еще болѣе его ободрила и вмѣстѣ съ тѣмъ оживила всегдашнія надежды персіянъ и кавказскихъ племенъ сокрушить наше владычество въ этомъ краѣ. Вскорѣ изъ скопища, первоначально собравшагося около Кази-Муллы, съ присоединеніемъ новыхъ сборищъ горцевъ, составилась многолюдная армія, страшная своимъ фанатизмомъ. Главнокомандующій баронъ Розенъ поспѣшилъ направиться противъ нея во главѣ стянутыхъ имъ силъ и открылъ непріятеля, занимавшаго почти неприступныя высоты, которыхъ вся выгода была на сторонѣ горцевъ, сроднившихся съ своими, едва проходимыми тропами и извилистыми крутизнами дикихъ горъ.

Наши храбрые солдаты преодолѣли всѣ эти препятствія, взобрались на скалы, перекинулись черезъ овраги и пропасти и, сбивъ Кази-Муллу со всѣхъ его позицій, отважно бросились наконецъ на штурмъ укрѣпленной его засады. Бой былъ продолжителенъ и кровопролитенъ, но побѣда осталась за Розеномъ. Множество горцевъ пало подъ штыками нашихъ удальцевъ, и самъ Кази-Мулла заплатилъ жизнію за свою фанатическую попытку. Съ его смертью все возвратилось къ порядку, и кавказскія племена, устрашенныя своею неудачею, перестали сопротивляться. Джаробѣлоканскій край, гдѣ суровые лезгины столько лѣтъ вели съ нами упорную борьбу, поспѣшилъ покориться и прислать аманатовъ.

1-го сентября государь отправился для обозрѣнія внутреннихъ губерній Россіи. Мы поѣхали на Лугу и Великія Луки, гдѣ его величество осмотрѣлъ нѣсколько полковъ гренадерскаго корпуса, отличавшихся своими подвигами въ послѣднюю Польскую кампанію. Они уже были частію укомплектованы и имѣли совершенно прежній прекрасный видъ. На слѣдующей станціи намъ встрѣтилось нѣсколько сотъ польскихъ военноплѣнныхъ, предназначенныхъ къ поступленію въ ряды нашей арміи. Государь осмотрѣлъ каждаго поодиночкѣ, спросилъ о полкахъ, въ какихъ кто служилъ во время революціи, и по засвидѣтельствованію препровождавшаго ихъ офицера о добромъ ихъ поведеніи выбралъ нѣкоторыхъ въ гренадеры, а другихъ въ полки, расположенные въ Финляндіи, а остальныхъ въ Балтійскій флотъ. Я роздалъ имъ деньги, и они отправились въ дальнѣйшій путь въ восторгѣ отъ милостей того императора, противъ котораго сражались единственно подъ вліяніемъ измѣннических внушеній.

Ночью мы пріѣхали въ Смоленскъ, городъ, прославившійся въ нашихъ лѣтописяхъ своими вѣковыми несчастіями и представлявшій въ продол-

женіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ нашествія Наполеона груду развалинъ и пепла. Императоръ Александръ началъ возобновлять его, а императоръ Николай вновь воскресилъ его посредствомъ значительныхъ денежныхъ пособій пострадавшимъ жителямъ и возведеніемъ важныхъ казенныхъ построекъ. Все въ немъ было ново, вездѣ кипѣла работа и хотя мѣстами еще отдѣльно торчали трубы, и обгорѣлыя стѣны указывали на слѣды разрушенія, постигшаго этотъ древній городъ, но уже онъ обрисовывался въ возобновленномъ его видѣ: прекрасные дома, большія общественныя зданія, отдѣланныя заново церкви, чудесная больница, обширныя казармы свидѣтельствовали о возвращающемся благосостояніи города и о попечительности правительства. Государь все объѣхалъ и осмотрѣлъ со свойственною ему наблюдательностью, указалъ разныя новыя постройки и улучшенія, въ томъ числѣ поправку древнихъ городскихъ стѣнъ, дважды въ теченіе двухъ вѣковъ выдержавшихъ непріятельскій натискъ; велѣлъ также замѣнить новымъ достойнымъ подвига памятникомъ ничтожный монументъ, стоявшій на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ разстрѣлянъ смоленскій дворянинъ Энгельгардтъ, который предпочелъ смерть позору служить французамъ. По осмотрѣ двухъ пѣхотныхъ полковъ на полѣ сраженія, гдѣ Наполеонъ развернулъ свои многочисленныя полчища, государь продолжалъ путь къ Бобруйску и остался очень доволенъ всѣми работами, произведенными тамъ съ послѣдняго его посѣщенія. Оттуда, черезъ Козелецъ, въ которомъ государь пробылъ три дня для осмотра войскъ, мы поѣхали въ Кіевъ. Здѣсь государь остановился, какъ и въ прежнія свои поѣздки, у Печерской лавры, а на другой день осматривалъ на крѣпостной эспланадѣ нѣсколько резервныхъ батальоновъ и 6-ю уланскую дивизію, особенно сильно пострадавшую въ польской войнѣ. Съ престарѣлымъ фельдмаршаломъ графомъ Сакеномъ онъ обошелся со всею ласкою и дружбою, соотвѣтствовавшими его преклоннымъ лѣтамъ, заслугамъ и особенно ревностному усердію къ службѣ, нисколько не охладившемуся отъ дѣйствія времени. По осмотрѣ государемъ публичныхъ заведеній и обширныхъ работъ, долженствовавшихъ обратить Кіевъ въ крѣпость первостепенной важности, и по пріемѣ властей и главныхъ жителей города, мы выѣхали изъ него съ наступленіемъ ночи. Зажженная по этому случаю прекрасная иллюминація еще и вдалекѣ обрисовывала для насъ живописное положеніе Кіева и контуры богатыхъ его храмовъ.

Слѣдующее утро застало насъ въ Лубнахъ, главномъ складочномъ мѣстѣ аптекарскихъ матеріаловъ для войскъ, расположенныхъ на югѣ имперіи. Осмотрѣнными здѣсь тремя полками 1-й драгунской дивизіи государь остался недоволенъ и, къ большому своему сокрушенію, вмѣсто похвалъ, которыя онъ такъ любилъ разсыпать, вынужденъ былъ бранить. Сходя съ лошади, онъ почувствовалъ себя нездоровымъ; это насъ

сильно встревожило, тѣмъ болѣе, что докторъ его отсталъ въ пути. Къ счастію, государь скоро оправился до такой степени, что могъ продолжать путь свой до Полтавы. Страшныя жары чрезвычайно затрудняли предстоящіе осмотры. Полтава носила на себѣ слѣды дѣятельности, водворившейся въ его царствованіе во всѣхъ частяхъ управленія. Городъ украсился, а малороссійскіе казаки, составляющіе главную часть городского населенія, только что передъ тѣмъ получили новое образованіе, съ большею точностію опредѣлившее ихъ повинности и ихъ отношенія къ властямъ и болѣе обезпечившее этотъ классъ отъ притѣсненій мелкихъ чиновниковъ.

Изъ Полтавы намъ довольно было нѣсколькихъ часовъ, чтобы доѣхать до Харькова, жители котораго съ живою радостію встрѣтили своего юнаго монарха. По выслушаніи краткаго молебствія въ соборѣ, государь подробно осмотрѣлъ университетъ и остался недоволенъ худою постройкою его зданій, которыя, сооруженныя за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ съ огромными издержками, мѣстами угрожали уже разрушеніемъ. Студенты имѣли довольно порядочный видъ, и ректоръ хвалилъ ихъ добронравіе и прилежаніе, но вообще это заведеніе казалось не вполнѣ отвѣчающимъ своему назначенію. Единственною, совершенно удовлетворительною частью представлялась медицина, особенно же родовспомогательная клиника. Государь похвалилъ, побранилъ и кончилъ свой обзоръ указаніемъ на необходимость разныхъ перемѣнъ.

Потомъ онъ посѣтилъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, созданный благотворной рукой покойной его родительницы и перешедшій въ главное управленіе августѣйшей его супруги. Здѣсь все было прекрасно и все дышало тѣмъ порядкомъ и тою материнскою заботливостію, которыми вообще отличались заведенія императрицы Маріи, этого ангела благотворительности. Только помѣщеніе, частію деревянное, показалось государю не совсѣмъ удобнымъ, и онъ самъ выбралъ болѣе обширное у городской заставы, при которомъ находился большой садъ. Затѣмъ, по осмотрѣ городской тюрьмы и богоугодныхъ заведеній, мы перенеслись въ Чугуевъ, центральный пунктъ украинскихъ военныхъ поселеній, гдѣ ожидали насъ въ сборѣ дивизіи кирасирская и уланская. Въ прежнія времена чугуевское населеніе выставляло десяти-эскадронный уланскій полкъ, который отличался красотой людей и лошадей, равно какъ и преданностію и мужествомъ. Но въ предыдущее царствованіе воинственное племя чугуевскихъ казаковъ было переформировано въ военныя поселенія, по безпощадно строгой и жестокой системѣ графа Аракчеева, измѣнившей видъ этого небольшого, но богатаго края, и превратившей его въ пространную казарму; эта система нарушила всѣ права собственности и водворила повсюду горькое раскаяніе. Множество казаковъ, посѣдѣвшихъ подъ ружьемъ и покрытыхъ славными ранами,

было переселено изъ родного края и осуждено умереть въ мѣстахъ, для нихъ чуждыхъ, частію даже въ Сибири, и всѣ эти ужасы совершились въ царствованіе самое мягкосердое, подъ скипетромъ самымъ просвѣщеннымъ, при государѣ, который спасъ Россію и Европу отъ Наполеонова рабства! Виною тому была одна слѣпая его довѣренность къ Аракчееву, котораго имя чугуевскіе казаки будутъ проклинать до позднѣйшаго потомства.

Императоръ Николай уже облегчилъ положеніе этихъ несчастныхъ въ настоящемъ, но не могъ исправить бѣдствій, перенесенныхъ ими въ прошедшемъ. Стараясь отвратить зло, по крайней мѣрѣ, на будущее время, онъ сдѣлалъ множество важныхъ и благодѣтельныхъ перемѣнъ въ устройствѣ этихъ поселеній.

Собранное войско было въ самомъ блестящемъ положеніи и отличалось красотою и выѣздкою лошадей, а нижніе чины и офицеры превосходно знали свое дѣло. Мы провели тутъ три дня посреди ученій и хозяйственныхъ осмотровъ. Государь разсыпалъ щедрыя награды и почтилъ милостивымъ пріемомъ депутацію коренныхъ жителей поселеній, стекавшихся отовсюду съ хлѣбомъ и солью.

Въ Бѣлгородѣ заслужила особенное высочайшее одобреніе 2-я драгунская дивизія, какъ находившаяся подъ командою генерала Граббе, одного изъ прощенныхъ заговорщиковъ 14-го декабря 1825 г., отличившагося въ Турецкую войну. Государь, не видавшій Граббе съ той минуты, какъ онъ былъ приведенъ передъ него въ качествѣ преступника, поблагодарилъ возстановившаго свою честь генерала и вообще обошелся съ нимъ чрезвычайно ласково. Граббе былъ растроганъ до глубины души и сказалъ мнѣ со слезами: «я болѣе въ долгу передъ государемъ, чѣмъ кто либо другой изъ его подданныхъ, и я сумѣю заслужить его милость и великодушіе».

Въ Воронежѣ при исправленіи фундамента древняго собора открыли гробъ архіепископа Митрофанія, кончившаго свою жизнь въ царствованіе Петра Великаго, особенно къ нему благоволившаго. Его тѣло, облаченіе и гробъ были найдены нетлѣнными, и это открытіе, вмѣстѣ съ сохранившеюся въ преданіяхъ блаженною жизнью святителя, привлекало въ Воронежъ множество вѣрующихъ, жаждавшихъ поклониться его мощамъ. Вскорѣ вѣсть объ ихъ нетлѣнности и объ исходящихъ отъ нихъ чудесахъ распространилась по всей Россіи, и общій голосъ нарекъ Митрофанія святымъ. Синоду поручено было изслѣдовать это дѣло, и государь, соизволивъ на его приговоръ, подтвердившій общее мнѣніе, послалъ въ Воронежъ камергера Бибикова для присутствованія при открытіи мощей, которое совершилось съ подобавшею торжественностью. Съ тѣхъ поръ Воронежскій соборъ сдѣлался цѣлью богомолья вѣрующихъ.

Въ Бобруйскѣ государь получилъ письмо отъ императрицы, совѣтовавшей и ему поклониться св. Митрофанію. Онъ не замедлилъ это исполнить. Измѣненный маршрутъ привелъ насъ въ Воронежъ. Коляска едва могла двигаться среди толпы, ожидавшей государя на улицахъ и у собора. Войдя въ древнія стѣны собора, государь съ благоговѣніемъ припалъ къ ракѣ святителя. На слѣдующее утро онъ подробно осмотрѣлъ госпитали, тюрьму, школу кантонистовъ, приказалъ спланировать площади и произвести разныя другія улучшенія. Народъ вездѣ бѣжалъ за нимъ съ неумолкаемыми криками восторга.

Изъ Воронежа поѣхали мы въ Рязань, гдѣ государя встрѣтили съ тѣмъ же энтузіазмомъ. Онъ остановился въ огромномъ домѣ нѣкоего Рюмина, который изъ мелочныхъ торговцевъ сдѣлался милліонеромъ и употреблялъ свои богатства самымъ благороднымъ образомъ на помощь бѣднымъ и украшеніе города.

Время года было уже довольно позднее, и перепадали частые дожди. Въ Рязанской губерніи мы ѣхали по ужаснымъ дорогамъ, изрытымъ слѣдовавшими въ Москву обозами и гуртами. Государь разгнѣвался и рѣшилъ предложить къ изслѣдованію и обсужденію новую систему шоссейныхъ дорогъ, начавъ съ путей, ведущихъ къ Москвѣ. Впослѣдствіи онъ неусыпно занимался осуществленіемъ этой мысли и, приведя ее въ исполненіе, стяжалъ вѣчную благодарность торговцевъ и путешественниковъ. На проѣздъ 200 верстъ, отдѣляющихъ Рязань отъ Москвы, мы употребили почти двое сутокъ и, пробывъ въ древней столицѣ только три дня, перелетѣли въ Петербургъ въ 36 часовъ. Императрица ожидала своего разрѣшенія, и нѣжная къ ней любовь августѣйшаго супруга ускорила наше возвращеніе. Спустя нѣсколько дней, родился великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Въ теченіе минувшаго лѣта Мехмедъ-Али, въ существѣ уже независимый повелитель Египта, продолжалъ свои приготовленія къ наступательной войнѣ противъ султана. Уже онъ переступилъ черезъ границы подвластныхъ ему областей, и сынъ его, Ибрагимъ-паша, вошелъ завоевателемъ и бунтовщикомъ въ сосѣднія провинціи. Уже войска султана отступали передъ нимъ, и все мѣстное населеніе призывалось къ возстанію. Ибрагимъ не таилъ намѣренія отца своего: сокрушить державу, управлявшую мусульманами со временъ Магомета, и, если нужно, проникнуть до Константинополя, чтобы ниспровергнуть колеблющійся тронъ султана. Онъ гласно возвѣщалъ преобразованіе Турецкой имперіи, отмѣну всѣхъ европейскихъ нововведеній и возвратъ къ обычаямъ и одеждѣ предковъ. Турки, недовольные этими нововведеніями и уничтоженные послѣднею войною съ Россіей, охотно внимали его обѣщаніямъ и лишь весьма слабо защищали интересы своего монарха, неумѣстными перемѣнами почти совсѣмъ утратившаго народную любовь.

Армія его, худо устроенная и худо управляемая, отступала передъ египетскою, и частые побѣги увеличивали силы противниковъ. Англія и Франція только на словахъ сулили Портѣ свою помощь, но ничѣмъ не старались остановить вторженіе Мехмеда-Али. Въ этомъ положеніи дѣлъ нашъ великодушный императоръ возобновилъ прежній свой вызовъ прислать Турціи вспомогательное войско и пригласилъ Англію и Францію способствовать дѣйствительными мѣрами къ предупрежденію паденія Порты Оттоманской. Обѣ сіи державы, не отказывая прямо, отвѣчали уклончиво и употребили свой вѣсъ у Дивана лишь для того, чтобы понудить его отклонить предложеніе императора Николая. Все, чего удалось намъ достигнуть, ограничилось просьбою Порты о посылкѣ съ нашей стороны въ Египетъ лица для переговоровъ. Выборъ государя палъ на генерала Н. Н. Муравьева, долго воевавшаго за Кавказомъ и изучившаго обычаи и характеръ турокъ. Сѣвъ въ Крыму на фрегатъ, онъ проплылъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы въ Александрію и былъ принятъ Мехмедомъ-Али со всѣми внѣшними знаками почтенія и даже преданности русскому царю. Ихъ переговоры ведены были втайнѣ и внѣ интригъ иностраннныхъ консульствъ. Муравьевъ, сознавая все достоинство роли Россіи въ этомъ дѣлѣ, требовалъ прекращенія военныхъ дѣйствій и покорности султану, обѣщая взамѣнъ свои услуги у Порты для полюбовнаго соглашенія и забвенія прошлаго. Мехмедъ-Али согласился и, разсыпаясь въ увѣреніяхъ • уваженія и довѣрія, отправилъ Ибрагиму приказаніе остановить всякое дальнѣйшее движеніе. Таковъ былъ почти неожиданный успѣхъ этой миссіи: Ибрагимъ пріостановился, и турки могли оправиться. Но, къ несчастію, подозрительность и зависть Англіи и Франціи испортили дѣло черезъ посылку въ Египетъ Галиль-паши, того самаго, который пріѣзжалъ въ Петербургъ благодарить государя за Адріанопольскій миръ. Корабль, на которомъ прибылъ Галиль-паша, бросилъ якорь возлѣ фрегата Муравьева. Не снесясь съ Муравьевымъ, Галиль-паша преклонился передъ Мехмедомъ-Али и не скрылъ всѣхъ опасеній Дивана, а черезъ то познакомилъ честолюбимаго врага съ выгодами его положенія и со слабостію средствъ, которыми владѣлъ султанъ. Муравьевъ воротился чрезъ Константинополь въ Россію. Порта замѣтила, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно свою ошибку, а Англія и Франція обрадовались, что имъ удалось уничтожить покровительственное вліяніе Россіи. Вскорѣ за тѣмъ турецкій агентъ былъ принужденъ оставить Египетъ, и непріятельскія дѣйствія возобновились.

1833-й годъ.

Армія султана подъ личнымъ предводительствомъ визиря была разбита въ двухъ сраженіяхъ. Въ ней обнаруживался дурной духъ; племена Малой Азіи открыто взяли сторону побѣдителя; константинопольское населеніе волновалось и громко роптало противъ нововведеній султана, желало торжества Ибрагиму; турецкій флотъ подъ командою того же Галиль-паши, который такъ неловко испортилъ удачно поведенные переговоры Муравьева, не принялъ боя, предложеннаго ему морскими силами Мехмедъ-Али, и укрылся въ Мраморное море; азіатскія провинціи съ ихъ крѣпостями быстро падали, одна за другою, передъ побѣдоносными египтянами; всѣ средства защиты были истощены; посланники англійскій и французскій, продолжая свои обѣщанія, равнодушно смотрѣли на осуществленіе плановъ мятежнаго паши и на приближающееся паденіе Порты. Уже тогда только устрашенный султанъ сознаъ, гдѣ ему должно искать спасенія, и обратился къ нашему императору съ усиленными просьбами о той помощи, отъ которой прежде такъ упорно отказывался. Извѣстіе о семъ пришло въ Петербургъ въ воскресенье масленицы. Государь и императрица были въ это время на танцовальномъ завтракѣ у графа Кочубея, пригласившаго къ себѣ все высшее общество столицы. Государь дважды удалялся изъ шумнаго собранія почти незамѣтно, всего на какой нибудь часъ, а между тѣмъ ему этого времени достаточно было для передачи своихъ приказаній министрамъ: иностранныхъ дѣлъ, военному и морскому. Въ тотъ же вечеръ отправили курьеровъ съ повелѣніемъ уже готовой заранѣе бригадѣ плыть на линейныхъ корабляхъ въ Константинополь, подъ начальствомъ того же самаго генерала Муравьева, только что возвратившагося изъ египетской своей миссіи. Всего черезъ 12-ть дней отъ полученія извѣстія, а именно 8-го февраля, корабли наши, съ двумя пѣхотными полками, артиллеріею и нѣсколькими сотнями казаковъ, уже плыли по Босфору, къ крайнему удивленію иностранныхъ посольствъ, къ живой радости султана и къ испугу всѣхъ приверженцевъ честолюбивыхъ замысловъ египетскаго паши. Хотя это неожиданное появленіе нашего вспомогательнаго отряда тотчасъ удержало Ибрагима отъ дальнѣйшихъ дѣйствій, однако, по новому ходатайству Порты и для большаго еще обезпеченія успѣха, въ подкрѣпленіе къ первой бригадѣ послали еще другую также на судахъ, которыми увеличились наши морскія силы подъ стѣнами древней Византіи. Войска были высажены на Азіатскій берегъ, противъ Терапіи, а небольшой отрядъ турецкой гвардіи, остававшійся еще въ распоряженіи султана, расположился возлѣ нашего и отданъ былъ подъ команду Муравьева. Между тѣмъ, при необходи-

мости соединить въ этой экспедиціи подъ одно главное завѣдываніе часть политическую съ управленіемъ флота и сухопутнаго войска, въ Константинополь былъ посланъ графъ Орловъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла. Султанъ осыпалъ его почестями; открытое и любезное обращеніе графа привлекло къ нему всѣ партіи, и онъ внушилъ полное къ себѣ довѣріе даже самымъ мнительнымъ саиовникамъ Порты, а дисциплина и отличное поведеніе нашихъ войскъ изгладили всѣ слѣды той недовѣрчивости, которую турки, по старинной своей ненависти къ русскимъ, не могли не ощутить на первыхъ порахъ появленія нашихъ войскъ вблизи ихъ столицы. Иностранные дипломаты, испуганные этимъ новымъ усиленіемъ нашего значенія въ такомъ краѣ, который Англія и Франція желали видѣть подчиненнымъ лишь своему вліянію, всемѣрно старались возбудить въ умахъ султана и его совѣтниковъ прежній страхъ и прежнія подозрѣнія противъ Россіи, но миновавшая опасность была слишкомъ велика, и помощь наша слишкомъ дѣйствительна, чтобы ихъ наговоры могли потрясти то чувство благодарности, которымъ Турція считала себя обязанною русскому императору.

Орловъ заявилъ, что срокъ пребыванія въ Турціи ввѣренныхъ главному его начальству сухопутныхъ и морскихъ силъ будетъ зависѣть отъ поведенія египетскаго паши, что послѣдній обѣщалъ генералу Муравьеву прекратить непріятельскія дѣйствія и возвратиться къ покорности, что онъ не сдержалъ своего слова, и что непремѣнная воля императора Николая есть принудить его къ тому; слѣдственно, что иностраннымъ державамъ, желающимъ удаленія нашихъ войскъ, остается лишь употребить свое вліяніе на Мехмедъ-Али, и какъ только египтяне начнутъ отступать и обезпечатъ должнымъ образомъ прочность мира, такъ и русскія войска не замедлятъ оставить турецкія владѣнія.

Твердый тонъ Орлова, приготовленія нашего отряда къ долговременной стоянкѣ въ занятыхъ имъ мѣстахъ, наконецъ доброе согласіе, продолжавшее господствовать между нами и турками, убѣдили дипломатію, что ей остается только помогать Орлову въ его намѣреніяхъ. Иностранныя посольства въ Константинополѣ отправили нарочныхъ офицеровъ къ Ибрагиму съ приглашеніемъ прекратить военныя дѣйствія, а къ отцу его съ приглашеніемъ ускорить исходатайствованіе у Порты прощенія его бунта.

Пока эти посланцы спѣшили въ Египетъ, а по всѣмъ большимъ дорогамъ скакали курьеры съ извѣстіемъ о прибытіи нашего флота въ Константинополь, графъ Орловъ давалъ праздники султану и посламъ, устраивалъ на берегахъ Босфора и на своихъ корабляхъ великолѣпныя иллюминаціи и показывалъ туркамъ русскія военныя эволюціи. Нашему вѣку дано было видѣть необычайное зрѣлище: русскихъ войскъ, пришедшихъ спасти Порту Оттоманскую, столѣтіями враждовавшую съ

Россіей, войскъ, за три года до того заставлявшихъ трепетать Константинополь, а теперь дружественно стоявшихъ подъ его стѣнами; наконецъ русскихъ судовъ, которыхъ выстрѣлы раздавались у входа въ проливъ, защищавшихъ теперь столицу Турціи отъ мятежнаго паши, наперекоръ зависти и морскому владычеству Англіи. Соединенныя усилія посольствъ и страхъ, внушенный присутствіемъ нашихъ войскъ, скоро привели къ рѣшенію вопроса. Мехмедъ-Али согласился признать себя вассаломъ Турціи и платить ей дань. Ибрагимъ получилъ повелѣніе отступить. Постановлено было точнѣе опредѣлить границы подъ гарантіею заинтересованныхъ державъ, и всѣ затрудненія были устранены.

Орловъ послалъ офицера главнаго штаба Дюгамеля удостовѣриться въ отступленіи Ибрагима и объявилъ, что ждетъ лишь его донесеній, чтобы возвратиться съ своимъ отрядомъ въ Россію. Никто не вѣрилъ въ близость отступленія, однако едва только Дюгамель донесъ, что Ибрагимъ удалился до назначеннаго нами пункта, Орловъ испросилъ прощальную аудіенцію у султана, и весь вспомогательный корпусъ уже плылъ по Босфору, салютуя спасенной имъ столицѣ. Иностранцы изумились столь точному исполненію даннаго слова. Дипломаты только еще обсуждали, какъ бы исторгнуть проливы изъ нашихъ рукъ, а наши войска уже находились внѣ предѣловъ Турціи. Это великодушіе заставило умолкнуть нашихъ враговъ, привязало къ намъ султана, увеличило значеніе наше на Востокѣ и страхъ, внушаемый нами западу. Орловъ заключилъ съ Портою оборонительный и торговый трактатъ, по которому дарованы были и новыя льготы коммерческимъ судамъ всѣхъ націй при проходѣ ихъ черезъ Дарданеллы и Босфоръ. По подписаніи трактата Орловъ уѣхалъ, осыпанный подарками и изъявленіями благодарности ему и его монарху. Султанъ роздалъ ордена всѣмъ начальникамъ нашихъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ и установилъ особую медаль для всѣхъ офицеровъ, солдатъ и матросовъ, участвовавшихъ въ этой достопамятной экспедиціи. Нашъ государь съ своей стороны также велѣлъ выбить въ память о ней медаль, которою были награждены всѣ наши войска, находившіяся въ Константинополѣ[1].

Въ ту же зиму, когда все это происходило на далекомъ Востокѣ, государь, не развлекаясь сими событіями, дѣятельно занимался своимъ постояннымъ трудомъ — улучшеніемъ внутренняго управленія государства. Кромѣ переформированія всѣхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ нашей арміи, вслѣдствіе дознанной опытами послѣднихъ войнъ малочисленности ихъ состава, на что̀ при превосходномъ устройствѣ военной отчетности потребовалось не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, — важнѣйшимъ событіемъ этой эпохи было изданіе «Свода законовъ»,

[1] Императоромъ Николаемъ отмѣчено: «Неправда, у насъ за эту экспедицію медали не было дано, а таковая была учреждена за минувшую войну 1828 и 1829 годовъ».

приведеннаго къ окончанію неусыпными трудами М. М. Сперанскаго, подъ бдительнымъ надзоромъ самого государя. Этотъ огромный трудъ, столько разъ со временъ Петра Великаго бзэплодно переначинаемый, былъ наконецъ довершенъ всего въ восемь лѣтъ.

31 января императоръ Николай неожиданно явился въ государственный совѣтъ и, занявъ мѣсто между его членами, произнесъ длинную и подробную рѣчь, поразившую всѣхъ своею ясностію, послѣдовательностью и силою, о необходимости для Россіи систематическаго свода изданныхъ въ разныя времена законовъ, еще сохраняющихъ свою силу. Онъ заключилъ ее тѣмъ, что этотъ «Сводъ» теперь оконченъ, и всякому члену предоставляется выразить свое мнѣніе о его достоинствѣ и о той эпохѣ, съ которой, по разсмотрѣніи его во всѣхъ частяхъ, онъ долженъ будетъ воспріять свою силу. Министръ юстиціи Дашковъ представилъ нѣкоторыя замѣчанія собственно на редакцію «Свода», не оспаривая впрочемъ основной его идеи, и всѣ прочіе члены признали ее въ высшей степени полезной. Сперанскій и государь не отстаивали своей работы, сознаваясь, что и она, какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, можетъ имѣть свои недостатки. Положено было: «Сводъ» обнародовать, присвоивъ ему съ этого же времени силу закона, и назначить двухлѣтній срокъ на представленіе отъ подлежащихъ властей всѣхъ замѣчаній, какія, по опыту и познаніямъ ихъ, могли бы представиться по той или другой статьѣ. По окончаніи этого достопамятнаго засѣданія, государь, не выходя изъ совѣта, обнялъ Сперанскаго и надѣлъ на него снятую съ себя самого Андреевскую звѣзду, въ награду славнаго его труда, памятника долговѣчнѣйшаго, чѣмъ всѣ завоеванія, столь часто обращающіяся въ несчастія народовъ.

16-го мая государь предпринялъ новую поѣздку по своей имперіи. Мы остановились прежде всего въ Псковѣ, въ которомъ онъ еще не бывалъ. Переночевавъ здѣсь и осмотрѣвъ на другой день общественныя заведенія, государь отправился въ Динабургъ, гдѣ за окончаніемъ уже всѣхъ работъ онъ желалъ лично присутствовать при освѣщеніи крѣпости. Гарнизонъ и всѣ расположенныя въ окрестностяхъ войска были разставлены на валѣ, по всѣмъ извилинамъ куртинъ и бастіоновъ. Послѣ торжественнаго богослуженія въ церкви всѣ вышли на тотъ бастіонъ, который предназначенъ былъ для поднятія крѣпостного флага, и когда послѣдній взвился на верхъ мачты, войска и крѣпостныя орудія салютовали освященію этой величественной и грозной твердыни. Особенно примѣчательнаго случилось тутъ то̀, что въ минуту окропленія флага святой водою и потомъ поднятія его всѣхъ насъ оросило дождемъ при совершенно чистомъ и ярко сіявшемъ небѣ. Солдатамъ это показалось особеннымъ чудомъ, изліяніемъ милости Божіей на новую крѣпость, и ихъ «ура» загремѣло отъ того еще громче. За симъ го-

сударь въ предшествіи духовенства со святою водою и въ сопровожденіи своей свиты обошелъ весь валъ и всѣ стоявшія на немъ войска, которыя отдавали ему честь. Величественное это зрѣлище привлекло множество народа изъ всѣхъ окрестностей. Въ заключеніе церемоніи войска, сойдя съ вала, выстроились въ колонны за эспланадою, гдѣ государь сдѣлалъ имъ смотръ.

Изъ Динабурга мы поѣхали въ Ригу, по дорогѣ на древній Кокенгузенскій замокъ, лежащій на крутомъ берегу Двины. Во весь этотъ путь я находился въ смертельномъ безпокойствѣ вслѣдствіе полученныхъ съ разныхъ сторонъ свѣдѣній о покушеніи на жизнь государя, замышляемомъ будто бы именно въ этой мѣстности. Онъ, всегда увѣренный въ покровительствѣ Божіемъ, не обращалъ на эти слухи, дошедшіе до него, ни малѣйшаго вниманія и спалъ въ коляскѣ сномъ праведнаго. Я же, сидя возлѣ него, безпрестанно глядѣлъ во всѣ стороны и старался бодрствовать за него. Намъ было писано изъ Лондона, Парижа и Гамбурга, а, кромѣ того, мы прочли въ нѣсколькихъ перехваченныхъ письмахъ, что цѣлое, довольно многочисленное общество, состоящее большею частію изъ польскихъ выходцевъ, поклялось лишить жизни государя, и что для исполненія этого гнуснаго замысла выбраны окрестности Динабурга и Риги. Я послалъ нѣсколько человѣкъ впередъ провѣдать дорогу; но убійцѣ такъ легко скрыться подъ одеждою крестьянина или просителя, что часто одинъ только счастливый случай можетъ способствовать его открытію. Единственная предосторожность, дозволенная мнѣ государемъ, состояла въ томъ, что у насъ на козлахъ сидѣлъ линейный казакъ, одинъ изъ числа тѣхъ 20-ти, которые въ Петербургѣ причислены къ гвардейскому корпусу.

Слухъ объ этомъ замыслѣ распространился и въ публикѣ; русскіе, путешествовавшіе по Германіи, писали о немъ своимъ родственникамъ въ Петербургѣ, какъ о вещи гласной, для предваренія о томъ государя. Въ Пруссіи и Польшѣ назначали эпохою убійства его именно эту поѣздку. Петербургская публика испугалась и умоляла меня со всѣхъ сторонъ о величайшей осмотрительности. Но съ императоромъ Николаемъ не могло быть рѣчи о какихъ либо мѣрахъ предосторожности: онѣ были чужды его свойствамъ и тому безпредѣльному упованію, которое онъ полагалъ на Провидѣніе. «Богъ—мой стражъ! — говаривалъ государь въ подобныхъ случаяхъ: — и если я уже не нуженъ болѣе для Россіи, то онъ возьметъ меня къ Себѣ!»

На этотъ разъ все, однако же, миновалось благополучно. Мы прибыли въ Ригу среди дня, проѣхавъ, по обыкновенію, цѣлую ночь. Рижскіе жители приняли государя тѣмъ съ большимъ восторгомъ, что уже и въ Ригѣ сталъ извѣстенъ названный слухъ. Въ слѣдующее утро при разводѣ на эспланадѣ я замѣтилъ, что впереди народа вездѣ станови-

лись съ испытующимъ взглядомъ дворяне и почетнѣйшіе граждане, какъ бы стѣною окружая государя для огражденія его отъ злонамѣренныхъ попытокъ.

Войска, стоявшія въ Ригѣ, принадлежали къ числу тѣхъ, которыя такъ храбро сражались въ Польшѣ, подъ начальствомъ графа Палена. Государь остался доволенъ имъ.

Осмотрѣвъ все заслуживающее его вниманія и почтивъ присутствіемъ балъ въ залѣ Черноголовыхъ, государь отправился въ Ревель. По выѣздѣ изъ Риги, насъ очень удивило множество щеголеватыхъ всадниковъ, которые до половины второй станціи то обгоняли насъ, то ѣхали навстрѣчу, не теряя изъ вида государевой коляски. Оказалось, что это были молодые дворяне и купцы, которые подъ видомъ прогулки разсыпались по всей дорогѣ для сопровожденія и возможнаго охраненія государя. Онъ былъ чрезвычайно тронутъ такимъ знакомъ преданности, и эта свита отстала наконецъ отъ насъ только по усиленнымъ его настояніямъ.

У въѣзда въ Екатеринентальскій садъ, въ обѣденную пору, насъ встрѣтило цѣлое общество, пріѣхавшее изъ Петербурга въ Ревель, по уговору со мною, навѣстить меня въ моемъ Фаллѣ. То были датскій посланникъ графъ Блумъ, вице-канцлеръ графъ Нессельроде, оберъ-шенкъ графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, оберъ-церемоніймейстеръ графъ Воронцовъ-Дашковъ и графъ Матусевичъ. Государь тотчасъ пригласилъ ихъ къ себѣ во дворецъ и очень весело принялъ эту веселую компанію.

Часть флота, стоявшая въ это время на Ревельскомъ рейдѣ, своимъ присутствіемъ еще болѣе украшала и безъ того безподобный видъ съ дворцоваго балкона. Государь, узнавъ, что императрица ѣдетъ тоже въ Ревель, чтобы сдѣлать ему сюрпризъ, тотчасъ по окончаніи обѣда сѣлъ одинъ въ маленькую фельдъегерскую бричку и поскакалъ навстрѣчу своей супругѣ. Спустя нѣсколько часовъ, громкія «ура» возвѣстили ихъ пріѣздъ. Императрица еще въ первый разъ была въ Ревелѣ и въ томъ дворцѣ, который, бывъ нѣкогда жилищемъ Петра Великаго и его супруги, болѣе вѣка стоялъ въ запустѣніи. Императоръ Николай и императрица Александра были первою императорскою четою, поселившеюся временно въ этомъ дворцѣ, послѣ великихъ ихъ предшественниковъ.

Черезъ день послѣ своего пріѣзда государь съ императрицею почтили посѣщеніемъ мой скромный Фалль. Это было 27-е мая, день перехода нашей арміи черезъ Дунай, въ 1828 году. Государь, вспомнивъ о томъ, милостиво отозвался, что ему пріятно провести этотъ день у меня. Сады, домъ, его убранство, все понравилось государю. Передъ обѣдомъ сдѣлали большую прогулку, а за столомъ онъ умѣлъ

придать всѣмъ истинную веселость и непринужденность. Къ ночи же мы цѣлымъ обществомъ возвратились въ Ревель.

На слѣдующій день государь сдѣлалъ смотръ флоту, который салютовалъ изъ всѣхъ орудій. Императорскій флагъ также со временъ Петра Великаго не развѣвался на Ревельскомъ рейдѣ. Подъ вечеръ государь сѣлъ на одинъ изъ кораблей эскадры и велѣлъ дать ей сигналъ къ отплытію. Очень слабый вѣтеръ медленно понесъ суда, и мы съ берега долго могли любоваться этимъ величественнымъ зрѣлищемъ. Императрица со свойственною ей привѣтливостію и ласкою собрала вокругъ себя всѣхъ моихъ петербургскихъ гостей и все высшее ревельское общество; народъ и дѣти толпились около нея; она со всѣми разговаривала и радовалась общему усердію и веселію. Послѣ ужина императрица сѣла на пароходъ «Ижора» и скоро догнала флотъ, слѣдовавшій къ Свеаборгу, который государю хотѣлось ей показать. Оттуда они поѣхали вмѣстѣ водою же въ Петергофъ, а я съ моими гостями проѣхалъ прямо въ Фалль и черезъ нѣсколько недѣль возвратился къ отправленію моихъ обязанностей.

Слухи о польскихъ злоумышленіяхъ оправдались послѣдствіями: въ іюнѣ 1833 года явилось изъ-за границы нѣсколько эмиссаровъ; одни изъ нихъ прокрались въ царство Польское, и отсюда часть ихъ успѣла проникнуть даже въ Виленскую губернію; другіе же, разсчитывая на сочувствіе своихъ соотечественниковъ, сбросили личину и вторглись вооруженною рукою въ наши предѣлы со стороны Галиціи, бросились на казачьи пикеты, оберегавшіе пограничную линію, безчеловѣчно умертвили нѣсколько солдатъ, захваченныхъ ими врасплохъ въ ближнихъ избахъ, и подняли знамя національнаго возстанія. Собранный наскоро небольшой отрядъ пѣхоты и казаковъ устремился противъ этой шайки, упоенной ложными надеждами и шампанскимъ. Послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ эти полоумные патріоты обратились въ бѣгство съ тою же поспѣшностью, съ какою ворвались къ намъ. Нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другіе взяты въ плѣнъ, а остальные спаслись, лишь благодаря быстротѣ своихъ лошадей и близости границы. Точно также и другіе эмиссары, вкравшіеся къ намъ для воззванія къ мятежу, разбѣжались во всѣ стороны, и нѣкоторые изъ нихъ тоже были пойманы или выданы своими единоземцами. Такъ окончилась нелѣпая и гнусная попытка, послужившая только новымъ доказательствомъ безразсудства этой націи. Несчастные ввели въ бѣду многихъ своихъ родственниковъ, равно какъ и мирныхъ жителей, не донесшихъ по слабости или по излишней довѣренности объ ихъ убѣжищахъ. Судъ надъ попавшими къ намъ въ руки былъ коротокъ: тѣхъ, которые обагрили себя кровью нашихъ солдатъ, умертвили, другихъ сослали или заключили въ тюрьмы. Старались обвинять какъ мож-

*

но меньше людей, и вскорѣ объ этихъ безумцахъ вспоминали, лишь проклиная ихъ за усилившіяся, по поводу ихъ покушенія, мѣры строгости и надзора со стороны правительства. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ, по имени Шиманскій, пойманный въ Литвѣ и осужденный къ висѣлицѣ, вымолилъ себѣ жизнь искреннимъ раскаяніемъ и показаніями, казавшимися чистосердечными. Его привезли въ Петербургъ, гдѣ я говорилъ съ нимъ нѣсколько разъ. Онъ излилъ передо мною, казалось, всю душу; назвалъ всѣхъ соучастниковъ; передалъ мнѣ всѣ замыслы парижскихъ революціонныхъ комитетовъ, средства, употребляемыя ими для обольщенія легкомысленныхъ умовъ, требуемую ими присягу и даваемыя ими ихъ адептамъ инструкціи, наконецъ показанія свои заключилъ просьбой дозволить ему служить нашему государю, обѣщая при этомъ служить съ тѣмъ же усердіемъ и рвеніемъ, съ какими служилъ дѣлу, признаваемому теперь имъ самимъ за безчестное и преступное. Я ему повѣрилъ, и онъ получилъ полную свободу, а его мать, бывшая въ отчаяніи отъ поведенія сына и находившаяся, притомъ, въ большой бѣдности, была успокоена назначеніемъ ей денежнаго пособія. Шиманскій, растроганный такимъ великодушіемъ, уѣхалъ въ Германію и доставилъ мнѣ изъ Берлина, а послѣ изъ Франкфурта, весьма полезныя указанія о демагогическихъ замыслахъ противъ Россіи. По прибытіи же въ Парижъ, онъ вдругъ написалъ мнѣ гнуснѣйшее письмо, наполненное самыхъ грязныхъ ругательствъ противъ императора Николая и угрозъ противъ жизни того, кто избавилъ его отъ смерти.

Тѣмъ же лѣтомъ мнѣ доложили объ одномъ молодомъ полякѣ, желающемъ сообщить мнѣ наединѣ какую-то тайну. Я принялъ его въ моемъ кабинетѣ, и онъ сознался безъ всякой утайки, что пріѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ отомстить за порабощенное свое отечество и освободить міръ отъ тирана Николая. Лучшимъ доказательствомъ того, что у него достало бы духу для исполненія такого замысла, можетъ служить его настоящее сознаніе; слыша за границей о постыдномъ будто бы рабствѣ Польши и повѣривъ всему сообщенному ему и прочитанному имъ тамъ, онъ считалъ Россію несчастною, а государя ненавидимымъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, сойдясь съ нѣкоторыми своими соотечественниками, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ ихъ на свободѣ, нѣкоторыхъ на службѣ и въ орденахъ и всѣхъ отдающихъ справедливость высокимъ качествамъ государя; что такое же удивленіе возбуждено было въ немъ благосостояніемъ, спокойствіемъ и довольствомъ жителей этой великолѣпной и обширной столицы; наконецъ, что посреди встрѣченныхъ вездѣ знаковъ любви и преданности къ императору Николаю ненависть его превратилась въ благоговѣніе, когда онъ увидѣлъ государя, и теперь онъ пришелъ предать себя тому наказанію, какое за-

служиваетъ замышленное имъ преступленіе. Я отвѣчалъ, что его раскаяніе и признаніе достаточно очищаютъ преднамѣренную имъ вину, что онъ остается на свободѣ, и что о всемъ слышанномъ я доложу государю. Спустя нѣсколько дней, онъ былъ вытребованъ въ Петергофъ, и я вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ кабинетъ его величества. Государь принялъ его съ тою простотою и съ тѣмъ искреннимъ прямодушіемъ, которыя всегда такъ поражали имѣвшихъ счастіе впервые видѣть нашего монарха. Онъ разспросилъ молодого человѣка о его жизни и причинахъ его рѣшимости. Полякъ съ ненарушимымъ спокойствіемъ повторилъ все уже сказанное мнѣ. На вопросъ государя о будущихъ его планахъ онъ отвѣчалъ, что желаетъ посвятить всю свою жизнь службѣ царской. «Гдѣ?» — «Въ царствѣ Польскомъ», и государь велѣлъ мнѣ написать фельдмаршалу Паскевичу, чтобы онъ опредѣлилъ молодого человѣка на службу и употребилъ бы его по его желанію и способностямъ. Послѣдній, вышедъ изъ государева кабинета въ неописанномъ волненіи, пожимая мнѣ руку, сказалъ: «Я сумѣю заслужить такія милости и такое великодушіе безпредѣльною моею преданностью».

Въ этомъ году еще одинъ бичъ поразилъ Россію и далъ государю новый случай обнаружить свою дѣятельность и свою отеческую заботливость о ввѣренной ему странѣ. Имперія почти на всемъ ея пространствѣ была постигнута неурожаемъ, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земля не дала ровно ничего. Травы погорѣли, хлѣбъ не уродился, огороды стояли пустые, и даже картофель весь погибъ. Многочисленныя стада овецъ, главное богатство плодородныхъ южныхъ нашихъ губерній, гибли тысячами отъ недостатка корма. Рогатый скотъ дохъ, и малороссійскіе крестьяне теряли съ нимъ послѣднія средства къ существованію. На широкихъ равнинахъ земли войска Донского и на Кавказской линіи лучшіе и многочисленнѣйшіе табуны лошадей исчезали за неимѣніемъ ни пастбищъ, ни даже воды, изсякшей отъ продолжительной засухи. Вездѣ сельское населеніе было доведено до крайности, и жителямъ многихъ мѣстностей грозили всѣ ужасы голодной смерти.

Государь настоятельно повелѣлъ комитету министровъ озаботиться о мѣрахъ отвращенія народныхъ бѣдствій и обезпеченія продовольствія и будущихъ посѣвовъ; разослалъ своихъ флигель-адъютантовъ для надзора за раздачею хлѣба и денегъ наиболѣе нуждающимся. Снабдивъ начальниковъ губерній и предводителей дворянства особыми полномочіями, велѣлъ открыть повсемѣстно казенные магазины и сдѣлать значительныя покупки хлѣба въ нѣмецкихъ портахъ для восполненія недостатка; наконецъ предназначилъ изъ государственнаго казначейства для покрытія настоятельныхъ нуждъ свыше 20-ти милліоновъ рублей.

Невѣроятная дѣятельность государя, которую онъ умѣлъ сообщить и мѣстнымъ властямъ, спасла Россію отъ голода и еще болѣе увеличила къ нему любовь и благодарность.

Уже нѣсколько лѣтъ сряду австрійскій императоръ Францъ изъявлялъ желаніе лично познакомиться съ нашимъ государемъ. Революціи французская и бельгійская, безумный польскій мятежъ, который отозвался и въ Галиціи, волненія въ Италіи и Швейцаріи, преобразовательныя доктрины въ Англіи и порывы къ общему равенству въ Германіи, — все это вмѣстѣ испугало вѣнскій дворъ и заставило его забыть обычную свою завистливость къ могуществу Россіи и искать возобновить тѣ связи съ нею, которыя въ 1814 и 1815 годахъ возвратили Австріи ея независимость и первенство въ Германіи. Посолъ австрійскій въ Петербургѣ, графъ Фикельмонъ, уже умѣлъ ловко и вмѣстѣ прямодушно подготовить это сближеніе, указанное мудрою и предусмотрительною политикою, и необходимость котораго сами мы давно видѣли.

Пруссія, всегда шаткая въ своихъ планахъ, всегда возбуждаемая воинственнымъ и неосторожнымъ жаромъ своихъ принцевъ, въ противоположность съ постояннымъ спокойствіемъ своего короля; раздвоенная въ своихъ правительственныхъ началахъ между монархической арміей и либеральнымъ среднимъ сословіемъ, также чувствовала необходимость снова присоединиться къ старому союзу, воскресившему ее въ 1814 и 1815 годахъ и представлявшему единственный якорь спасенія противъ конституціонныхъ и демагогическихъ идей, волновавшихъ ея провинціи.

Австрія и Пруссія сознали наконецъ, что императоръ Николай былъ краеугольнымъ камнемъ, о который должны были опираться сила монархическихъ державъ и миръ Европы. Онъ одинъ могъ сопротивляться замысламъ демократіи и революціоннаго движенія, связавшаго Лондонъ съ Парижемъ.

Отсюда родилась мысль о личномъ совѣщаніи между монархами Австріи, Пруссіи и Россіи, съ жаромъ воспринятая императоромъ Николаемъ, постигавшимъ всю ея необходимость для поддержанія мощною его рукою колебавшихся троновъ. Но, чтобы не слишкомъ встревожить прочіе кабинеты созваніемъ оффиціальнаго конгресса, онъ рѣшился свидѣться съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ порознь съ каждымъ. Для этого свиданія король прусскій выбралъ Шведтъ, а австрійскій императоръ городокъ Мюнхенгрецъ.

15-го августа, вечеромъ, государь, взявъ съ собою князя Волконскаго, графа Орлова и меня [1], сѣлъ у Петергофа на пароходъ «Ижора». Къ разсвѣту мы были уже въ открытомъ морѣ и разсчитывали

[1] Въ свитѣ находились еще генералъ-адъютантъ Адлербергъ и флигель-адъютантъ князь Суворовъ.

уже заранѣе день и часъ нашего прибытія въ Штетинъ, куда отправили наши экипажи для переѣзда въ Шведтъ. Вдругъ сталъ разыгрываться вѣтеръ, и постепенно развилось страшное волненіе, отъ котораго нашъ легкій пароходъ, построенный лишь для прогулокъ между Петергофомъ и Кронштадтомъ, бросало, какъ мячикъ. Къ тому же «Ижора» вмѣщала въ себѣ топлива только на трое сутокъ, и при бурѣ, замедлявшей нашъ ходъ, мы рисковали остаться въ морѣ безъ угольевъ. Капитанъ судна объявилъ, что необходимо обождать конца бури, укрывшись въ сосѣдней бухтѣ у Эстляндскихъ береговъ, и мы, покоряясь его приговору, принуждены были стать на якорь, въ виду лѣсистыхъ береговъ, верстахъ въ сорока отъ Ревеля. Качка была и тутъ страшная, вѣтеръ не ослабѣвалъ, стало очень холодно. Капитанъ крайне тревожился нашимъ положеніемъ, и самъ государь начиналъ безпокоиться о потерѣ времени, зная, что король пріѣдетъ въ Шведтъ къ назначенному дню, а принцъ прусскій уже выѣхалъ въ Штетинъ навстрѣчу намъ. Впослѣдствіи мы узнали, что эта буря свирѣпствовала на всей Балтикѣ и, потопивъ множество судовъ, дала поводъ иностраннымъ газетчикамъ разгласить, что императоръ Николай былъ поглощенъ волнами со всею своею свитою.

Уже слишкомъ двѣнадцать часовъ какъ насъ нестерпимо качало на брошенныхъ якоряхъ, при ежеминутной опасности, если бы цѣпи порвались, быть выброшенными на утесистый берегъ. Вѣтеръ не перемѣнялъ направленія и продолжалъ гудѣть все съ одинаковою силою. Тогда капитанъ предложилъ, какъ единственное средство выйти изъ этого тягостнаго положенія, итти по вѣтру, обратно въ Кронштадтъ. Государь собралъ насъ въ свою каюту на совѣщаніе и весело потребовалъ мнѣнія этого импровизированнаго совѣта. Мы поспѣшили согласиться съ капитаномъ, и «Ижора» быстро понеслась къ Кронштадту, къ великой радости Волконскаго, небольшого охотника до бурь, тутъ же закаявшагося ѣхать когда нибудь впредь водою. 17-го, вечеромъ, мы прибыли въ Петергофъ, но нашли его уже опустѣвшимъ. Дворъ уже переѣхалъ въ Царское Село, а у пристани не было даже катера, чтобы перевезти насъ на берегъ. Государь со мною переѣхалъ туда на маленькой пароходной гичкѣ и тотчасъ отправился въ дрожкахъ въ Стрѣльну, откуда полетѣлъ на перекладной въ Царское Село, велѣвъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ для приготовленій къ поѣздкѣ въ Пруссію сухимъ путемъ. Буря на сушѣ была такъ же сильна, какъ и въ морѣ; въ Петербургѣ вода, чрезвычайно повысясь въ Невѣ и въ каналахъ, затопила нѣсколько кварталовъ, а вѣтромъ поломало и вырвало съ корнями множество деревъ. Всѣ въ городѣ трепетали за жизнь государя, и извѣстіе о его благополучномъ возвращеніи распространило общую радость.

На другой день вечеромъ государь и я уже катились въ коляскѣ по Нарвскому тракту. Лошади были заготовлены вездѣ на мое имя, и мы пронеслись, не останавливаясь до прусской границы. На станціяхъ въ Россіи, разумѣется, узнавали государя, а въ Таурогенѣ управляющій таможнею, не зная, что заключить изъ такого инкогнито, ограничился глубокимъ поклономъ нашей коляскѣ. Проѣхавъ съ такою же быстротою черезъ Тильзитъ и Кёнигсбергъ, мы только въ Эльбингѣ вышли изъ коляски, чтобы позавтракать, пока смазывали колеса. Государь продолжалъ, къ большому своему удовольствію, разыгрывать роль моего адъютанта, что̀ часто давало поводъ къ смѣшнымъ сценамъ съ почтмейстерами. Проскакавъ такимъ образомъ пятеро сутокъ, ни разу не обѣдавши, мы остановились на той станціи, гдѣ дорога въ Шведтъ отдѣляется отъ Берлинскаго шоссе, чтобы выбриться и смѣнить бѣлье. Здѣсь, пока хозяйка готовила намъ кофе, почтмейстеръ вступилъ въ разговоръ съ мнимымъ моимъ адъютантомъ, который занимался своимъ туалетомъ стоя, тогда какъ я преспокойно сидѣлъ передъ столомъ. На вопросъ, есть ли въ Шведтѣ какія нибудь свѣдѣнія о плаваніи государя, почтмейстеръ съ самодовольнымъ видомъ разсказалъ о полученномъ имъ сію минуту частномъ письмѣ, извѣщающемъ, что русскій императоръ вчера благополучно сошелъ на берегъ въ Штетинѣ, къ успокоенію чрезвычайно встревожившейся о немъ королевской фамиліи. «Слышите ли, генералъ?» — сказалъ мнѣ государь. — «Слава Богу», — отвѣтилъ я и благодарилъ почтмейстера за добрую вѣсть. На третьей станціи оттуда, государь одѣлся въ прусскій генеральскій мундиръ и остальную до Шведта дорогу сдѣлалъ одинъ, въ приготовленной для фельдъегеря бричкѣ. Я старался не отставать отъ него въ нашей коляскѣ, но онъ ускакалъ далеко впередъ, и въ то время, какъ король предавался жестокому безпокойству, а наслѣдный принцъ не сходилъ съ плотины у гавани, чтобы тотчасъ дать знать, когда покажется «Ижора», — государь вдругъ появился въ Шведтскомъ дворцѣ съ совсѣмъ противоположной стороны. Радость о его прибытіи была общая, какъ въ королевскомъ семействѣ, такъ и между всѣми военными и жителями, знавшими, какою опасностью буря угрожала зятю ихъ короля.

Въ Шведтѣ, сверхъ членовъ королевской фамиліи и наслѣднаго принца Мекленбургъ-Стрѣлицкаго, супруга сестры нашей императрицы, находились только герцогъ Кумберландскій, первый генералъ-адъютантъ короля, Вицлебенъ, и прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Ансильонъ.

Насъ помѣстили во дворцѣ, гдѣ въ 1805 году, т.-е. 28 лѣтъ тому назадъ, при возвращеніи корпуса графа Толстого изъ Ганновера въ Россію, мы были представлены королю, дотолѣ союзнику Франціи, а тутъ вдругъ рѣшившемуся перейти на нашу сторону и объявить себя противъ Наполеона, за что̀ сей послѣдній черезъ годъ отомстилъ заняті-

емъ всей Пруссіи и принудилъ короля удалиться въ Мемель. Въ то время, еще очень молодой, я былъ очарованъ красотой королевы и старался посредствомъ ея фрейлинъ отвлечь ее отъ союза съ Франціей и побудить дѣйствовать въ томъ же смыслѣ своимъ вліяніемъ на короля. На несчастіе Пруссіи, это намъ тогда вполнѣ удалось. Теперь я былъ снова въ томъ же дворцѣ съ моимъ могущественнымъ монархомъ, также искавшимъ склонить прусскій кабинетъ къ совершенному единодушію съ русскимъ, чтобы соединить силы обѣихъ державъ для отраженія всякаго нападенія извнѣ и для совокупной борьбы противъ революціи, гдѣ бы она ни зародилась.

Ансильонъ съ самыхъ первыхъ минутъ разговора развилъ довольно многословно и въ изысканныхъ фразахъ свои политическія идеи, свои опасенія и надежды; онъ заключилъ тѣмъ, что уже настало время перестать быть снисходительнымъ къ разрушительнымъ доктринамъ, угрожающимъ Германіи и цѣлой Европѣ, и что только посредствомъ тѣснѣйшаго союза между Россіею, Австріею и Пруссіею можно остановить разливъ тѣхъ конституціонныхъ утопій, которыя со временъ хищническаго занятія французскаго престола Людовикомъ-Филиппомъ увлекаютъ всѣ умы и колеблютъ всѣ троны. Генералъ Вицлебенъ выражался менѣе сильно и короче; изъ его словъ проглядывало опасеніе разрыва съ Франціей и съ нѣмецкими либералами, которыхъ силы онъ, впрочемъ, преувеличивалъ. Вицлебенъ былъ органъ добрыхъ началъ своего монарха, который ясно видѣлъ зло и вполнѣ постигалъ дѣйствительнѣйшія средства къ его искорененію, но котораго лѣта, прежнія несчастія и теперешнія привычки побуждали желать мира и страшиться войны. Ансильонъ, напротивъ, являлся органомъ наслѣднаго принца, нѣкогда его питомца, который, подобно младшимъ своимъ братьямъ, считалъ прусскую армію первою въ мірѣ и требовалъ войны, какъ требовали ее прусскіе принцы и генералы передъ Іенскою битвою. Самыя событія доказали, однако же, что и Ансильонъ прикрывалъ извѣстными фразами лишь свою слабость или отсутствіе доброй воли. Когда государь изъявилъ свое положительное желаніе, чтобы прусскій министръ ѣхалъ съ нимъ въ Мюнхенгрецъ для поддержки его въ переговорахъ съ австрійскимъ правительствомъ, то Ансильонъ, видя, что въ настоящемъ случаѣ уже нельзя отыграться словами, прямо отказался сопутствовать императору Николаю, прибавивъ даже крайне неловко, что его присутствіе въ Мюнхенгрецѣ не соотвѣтствовало бы достоинству короля. «Какъ! — вскричалъ тутъ нашъ государь: — такъ меня смѣютъ обвинять въ такомъ требованіи, которое унизило бы достоинство моего тестя?» и, увлеченный крайнимъ раздраженіемъ, въ присутствіи принцевъ, въ весьма сильныхъ выраженіяхъ излился противъ наглаго министра. Между тѣмъ, самъ король избѣгалъ всякой серіозной бесѣды съ госуда-

ремъ, ограничиваясь одними свиданіями съ нимъ въ семейномъ кругу и изъявленіями ему самой нѣжной, истинно отеческой внимательности и дружбы; потому и переговоры принимали болѣе видъ сплетней, въ которыя всѣ вмѣшивались безъ толка и безъ результата, всякій по личнымъ своимъ видамъ и убѣжденіямъ. Государя все это глубоко огорчало, тѣмъ болѣе, что самъ онъ изъяснялся со всею искренностью и прямотою, свойственными его характеру, его привязанности къ королю и его сочувствію къ судьбамъ Пруссіи, политическому существованію которой грозили гораздо бо̀льшія опасности, чѣмъ Австріи и особливо чѣмъ Россіи. Эта безплодная болтовня подняла въ немъ желчь, и онъ внезапно занемогъ. Тутъ, по своему обыкновенію, онъ заперся въ своей комнатѣ, легъ на дорожную постель, состоявшую всего изъ кожанаго мѣшка, набитаго сѣномъ, и запретилъ кого либо къ себѣ впускать, даже и врача, такъ какъ собственный его докторъ, Арендтъ, дожидалъ насъ съ прочими особами свиты за нѣсколько станцій отъ Мюнхенгреца. Испуганный камердинеръ прибѣжалъ сказать мнѣ, что государю очень не хорошо. Я вошелъ къ больному безъ доклада и съ большими усиліями едва убѣдилъ его принять королевскаго доктора, который пощупалъ пульсъ и, прописавъ лѣкарство, объявилъ мнѣ, что государь въ опасности. Окаменѣвъ отъ ужаса, я не зналъ, на что рѣшиться: послать ли нарочнаго за Арендтомъ, который во всякомъ случаѣ поспѣлъ бы не прежде двухъ сутокъ, или пригласить другого доктора изъ Берлина, такъ какъ королевскій докторъ, по отзыву нашего посланника при прусскомъ дворѣ, Рибопьера, не пользовался особенною репутаціею. Всѣ члены королевскаго дома собрались въ аванзалѣ въ смертельной тревогѣ. Государь уснулъ, и я черезъ щель въ дверяхъ слѣдилъ за всѣми его движеніями. Когда онъ проснулся, я вошелъ къ нему въ душевномъ волненіи и доложилъ, что король съ нетерпѣніемъ желаетъ его видѣть. При этихъ словахъ государь вскочилъ съ постели, потребовалъ одѣваться и самъ твердою поступью пошелъ къ августѣйшему своему тестю. Всѣ наши безпокойства разомъ прекратились, и я снова занялся дорожными нашими сборами.

Послѣ рѣшительнаго отказа Ансильона ѣхать при государѣ, необходимо было употребить съ нашей стороны всѣ старанія, чтобы Пруссія на мюнхенгрецкое свиданіе назначила какое нибудь другое довѣренное лицо, безъ чего союзъ трехъ державъ,—главная цѣль нашей поѣздки,—остался бы безъ всякаго внѣшняго проявленія. Послѣ продолжительныхъ толковъ и колебаній и довольно ясно выказаннаго Пруссіей равнодушія, рѣшено было, чтобы ѣхалъ наслѣдный принцъ, но только до прусской границы, гдѣ ему остаться, въ ожиданіи приглашенія австрійскаго императора въ Мюнхенгрецъ. Желаніе государя слѣдственно исполнялось, и для Европы, слѣдившей за обоими этими свиданіями, они

свидѣтельствовали объ единодушіи, господствующемъ между тремя монархами. Намъ, однако же, дѣло представлялось въ иномъ видѣ, открывая печальную перспективу на слабое сотоварищество Пруссіи и на малонадежную помощь ея кабинета, всегда шаткаго, хитраго и недовѣрчиваго. Король, всѣ члены его дома, нѣсколько генераловъ и офицеровъ питали искреннюю привязанность къ нашему государю; но могущество Россіи внушало всѣмъ зависть; тщеславіе пруссаковъ не позволяло имъ искать въ немъ благотворнаго оплота. Принцы и молодое поколѣніе офицеровъ слишкомъ на себя надѣялись; мечтая о военной славѣ, они домогались войны съ Франціей. Въ этихъ видахъ они склонялись къ союзу, видя въ немъ лишь средство къ нападенію, тогда какъ въ сущности союзъ предназначался для избѣжанія войны, столь горячо желаемой французскими и нѣмецкими революціонерами.

Образъ нашей жизни въ четыре дня, проведенные въ Шведтѣ, былъ довольно однообразенъ. Собирались къ завтраку, потомъ въ часъ къ обѣду, за которымъ сидѣло до 50-ти человѣкъ, и въ $5^1/_2$ къ чаю, послѣ котораго разыгрывались маленькіе фарсы въ дворцовомъ театрѣ, затѣмъ ужинъ, и въ 10 всѣ расходились.

Государь при всѣхъ поѣздкахъ обыкновенно пускался въ путь въ полночь; но въ виду недавняго нездоровья государя король уговорилъ его выѣхать въ 10 часовъ утра, 27-го числа. Онъ поѣхалъ съ наслѣднымъ принцемъ, а я съ полковникомъ Грёбеномъ. Въ слѣдующую ночь мы испытали всю прелесть нешоссированныхъ дорогъ и неловкости нѣмецкихъ почтарей. Государя завезли въ поле, а меня опрокинули, причемъ сломалась коляска, и почтальонъ сильно ушибся. Принцъ прусскій былъ взбѣшенъ этими непріятными приключеніями, заставившими государя пожать плечами, а меня—съ сожалѣніемъ вспомнить о поѣздкахъ нашихъ по Россіи.

На послѣдней прусской станціи, гдѣ наслѣдный принцъ остановился въ ожиданіи приглашенія австрійскаго императора, государя встрѣтилъ посолъ нашъ при вѣнскомъ дворѣ, Татищевъ, котораго онъ посадилъ съ собою въ коляску до Мюнхенгреца. Императоры сошлись другъ съ другомъ очень привѣтливо и со всевозможною искренностью. Престарѣлый и почтенный Францъ, Несторъ коронованныхъ главъ въ Европѣ, былъ видимо тронутъ, заключая въ объятія молодого преемника того Александра, котораго помощь возвратила ему потерянную державу, и дружбою котораго онъ всегда такъ дорожилъ. Николай Павловичъ, съ своей стороны, тотчасъ и со всею искренностью вступилъ въ роль нѣжнаго и почтительнаго племянника, смотрѣвшаго на императора Франца, какъ на брата и сослуживца императора Александра, котораго, по разности лѣтъ и по двадцатипятилѣтнему его царствованію, нашъ государь всегда считалъ истиннымъ своимъ отцомъ. Столь же искренняя

и сердечна была и встрѣча съ императрицею, трогавшею каждаго заботливою любовью къ августѣйшему своему супругу. Пытливый взглядъ австрійскихъ царедворцевъ съ первыхъ минутъ убѣдился въ совершенномъ согласіи, водворившемся между обоими монархами, а непринужденная скромность нашего государя и почтительная его предупредительность къ ихъ императору, льстя народному самолюбію, вскорѣ уничтожили всѣ предубѣжденія противъ русскаго самодержца, посѣянныя ложью и недоброжелательствомъ.

Въ Мюнхенгрецъ не былъ приглашенъ никто изъ прочихъ членовъ австрійскаго дома, и вообще старались придать этому свиданію, какъ можно менѣе блеска въ обстановкѣ; поэтому выборъ самаго мѣста свиданія и палъ на этотъ незначительный городокъ, собственность одного изъ соименныхъ потомковъ знаменитаго въ тридцатилѣтнюю войну Валленштейна. Оба монарха помѣщались въ обширномъ замкѣ, въ которомъ нашлось еще довольно мѣста и для великой княгини Маріи Павловны, пріѣхавшей въ Мюнхенгрецъ съ супругомъ своимъ гросъ-герцогомъ Веймарскимъ для свиданія съ государемъ. Прибывшій нѣсколькими днями позже герцогъ Нассаускій остановился въ мѣстечкѣ. Онъ познакомился съ Николаемъ Павловичемъ въ послѣдніе годы царствованія императора Александра и особенно дружески съ нимъ сошелся.

Опередившій насъ нѣсколькими днями графъ Нессельроде уже до нашего пріѣзда вошелъ въ переговоры съ княземъ Меттернихомъ, стоявшимъ на дѣлѣ, по достоинствамъ своимъ, во главѣ вѣнскаго кабинета. Князь, судившій о нашемъ государѣ не по газетнымъ возгласамъ, а по его дѣйствіямъ, питалъ къ нему самое глубокое уваженіе, а императоръ Николай, съ своей стороны, имѣлъ высокое мнѣніе о талантахъ и ловкости этого стараго кормчаго искусной и лукавой австрійской политики. Оба готовились къ свиданію съ нѣкоторымъ смущеніемъ, въ чемъ послѣ и сознались другъ другу. При этомъ свиданіи, происходившемъ въ первое утро послѣ нашего пріѣзда, государь ясно и прямо изобразилъ Меттерниху критическое положеніе, въ которое Европа поставлена самими ея монархами, находящимися подъ гнетомъ постояннаго опасенія либераловъ, заимствующихъ главную свою силу отъ недостатка единодушія между Австріею и Пруссіею, тогда какъ, соединившись искренно между собою и съ Россіею, эти три державы могли бы остановить потокъ революціи, обуздать Францію и Англію и сохранить спокойствіе, или, въ послѣдней крайности, одолѣть знамя мятежа и подавить, по меньшей мѣрѣ, въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ возрастающіе плевелы новой пропаганды. Государь продолжалъ далѣе, что Россія, какъ менѣе другихъ государствъ подверженная опасности, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ интересы Австріи и Пруссіи, что она отнюдь не хочетъ вмѣшиваться въ политическія распри, до нея прямо

не относящіяся, желая лишь быть надежною опорою для своихъ союзниковъ, но что не допуститъ также чужого вмѣшательства въ вопросы, непосредственно до нея касающіеся, какъ, напримѣръ, польскій и турецкій; наконецъ, что рѣшеніе послѣдняго вопроса должно принадлежать исключительно Россіи съ Австріей, какъ единственнымъ державамъ, коихъ владѣнія смежны съ турецкими.

Князь Меттернихъ былъ изумленъ поразительною вѣрностію картины, нарисованной ему императоромъ Николаемъ, и призналъ его виды и намѣренія столь справедливыми и полезными въ особенности для Австріи, что поспѣшилъ и по чувству и по разсудку изъявить полное свое согласіе съ ними и, поблагодаривъ государя, торжественно поручился за дружественное и искреннее содѣйствіе своего монарха къ ихъ исполненію. Когда они вышли изъ кабинета, всѣ уже были собраны къ обѣду. Я коротко зналъ Меттерниха въ 18** году въ Парижѣ, гдѣ сблизили насъ любовныя интриги; мы сошлись слѣдственно, какъ старинные знакомцы. «Мюнхенгрецкія конференціи окончены, — сказалъ онъ мнѣ, — бывало, на такихъ съѣздахъ толковали и марали бумагу по цѣлымъ мѣсяцамъ, а у вашего государя другая метода. Онъ въ одинъ часъ все покончилъ и рѣшилъ, такъ что мнѣ къ сказанному имъ не остается ничего прибавить». Старый дипломатъ всячески превозносилъ русскаго императора и разсказывалъ всѣмъ, что сдѣлался его министромъ, такъ какъ сего требовали интересы Австріи и всей монархической Европы. Дѣйствительно, Нессельроде не могъ довольно нахвалиться тѣмъ, какъ съ этихъ поръ Меттернихъ велъ дѣла; между ними не было больше никакихъ споровъ, все шло съ общаго согласія, и кабинеты вѣнскій и петербургскій совершенно соединились въ своей охранительной политикѣ.

На первыхъ порахъ обращеніе князя Меттерниха и особенно молодой его жены съ императорскою четою очень насъ озадачило. Настоящими царями являлись они, а не скромный Францъ и его супруга. Дѣло состояло въ томъ, что императоръ совершенно ввѣрился министру, отъ души преданному его особѣ и его славѣ и занимавшему не легкій свой постъ съ высокимъ искусствомъ и со всѣмъ рвеніемъ. Престарѣлый Францъ, утомленный долговременнымъ царствованіемъ, исполненнымъ столькихъ превратностей, полагался на Меттерниха во всѣхъ дѣлахъ и политическихъ, и домашнихъ, оставляя себѣ лишь внутреннюю администрацію и высшее наблюденіе за правосудіемъ, въ которомъ многолѣтняя опытность и неукоризненное безпристрастіе стяжали ему любовь и благоговѣніе отъ всѣхъ сословій его державы.

Десять дней пребыванія нашего въ Мюнхенгрецѣ проведены были очень тихо, какъ бы въ деревнѣ у какого нибудь богатаго помѣщика. Императоръ Францъ, въ маленькой коляскѣ парою, которою самъ правилъ,

возилъ нашего государя на охоту, гдѣ они забавлялись стрѣляніемъ фазановъ и другой дичи. Обѣдали всегда всѣ вмѣстѣ, а послѣ обѣда мы играли въ бильярдъ, подъ управленіемъ милой княгини Меттернихъ. Вечеромъ, выписанные изъ Праги актеры давали представленія на маленькомъ театрѣ въ замкѣ, при звукахъ полковой музыки, нисколько не уступавшей лучшимъ оркестрамъ. Вблизи Мюнхенгреца собрано было нѣсколько пѣхотныхъ полковъ, двѣ артиллерійскія батареи, одинъ кирасирскій и одинъ гусарскій полкъ, которыхъ австрійскій императоръ представилъ нашему государю на смотръ, привлекшій множество народа изъ Праги и окрестностей. Войско было хорошее, но въ отношеніи къ обученію стояло еще на той же степени, какъ въ эпоху семилѣтней войны. На другой день австрійскій императоръ назначилъ императора Николая шефомъ осмотрѣннаго наканунѣ гусарскаго полка. Черезъ два дня государь, уже одѣтый въ мундиръ своего новаго полка, училъ его и, проведя его церемоніальнымъ маршемъ передъ императорскою четою, пріѣхавшей къ концу ученія, отдалъ ей честь и поднесъ почетный рапортъ. Его безподобная наружность, къ которой какъ нельзя болѣе шелъ венгерскій костюмъ, его прекрасная посадка на лошади и серьезная степенность, съ которою онъ являлся тутъ въ роли полкового командира, произвели самое благопріятное впечатлѣніе на зрителей и восхитили весь полкъ, съ гордостью видѣвшій у себя во главѣ могущественнѣйшаго владыку и красивѣйшаго мужчину во всей Европѣ. Собравъ вокругъ себя офицеровъ, государь въ милостивыхъ и сильныхъ выраженіяхъ передалъ имъ свои мысли о ихъ обязанностяхъ въ отношеніи монарха Австріи и свои чувства искренней къ нему привязанности. Эти слова, равно какъ и все поведеніе государя, почтеніе, которое онъ оказывалъ Францу I, нѣжная его внимательность къ императрицѣ, откровенность съ придворными, вѣжливость съ дамами, его одинокія прогулки во фракѣ между народомъ, всѣхъ очаровали и душевно привязали къ нему австрійскую императорскую чету. Францъ I, прося его дружбы и покровительства слабому и болѣзненному своему наслѣднику, объявилъ, что въ духовномъ своемъ завѣщаніи поставилъ въ обязанность послѣднему не предпринимать ничего, когда онъ будетъ на престолѣ, безъ совѣта императора Николая. Всѣхъ насъ престарѣлый императоръ также осыпалъ своими ласками, а меня лично часто удостоивалъ откровенными, веселыми и остроумными бесѣдами, нерѣдко смѣша своимъ чисто вѣнскимъ акцентомъ.

Въ Мюнхенгрецѣ, какъ и въ Шведтѣ, условились окончательно въ томъ, что на польскій вопросъ станутъ смотрѣть впредь, какъ на общій всѣмъ тремъ державамъ; что будутъ дѣйствовать противъ революціи, гдѣ бы она ни находилась, совокупными силами, и что уже ни одинъ нарушитель общественнаго спокойствія не найдетъ себѣ убѣжища ни

въ которой изъ этихъ державъ, но будетъ преданъ въ руки правосудія въ той изъ нихъ, гдѣ его захватятъ.

Простившись въ восхищеніи другъ отъ друга, мы проѣхали безостановочно до Модлина, оставивъ Варшаву вправѣ.

Въ публикѣ опять много носилось слуховъ о замыслахъ на жизнь государя, и при вѣсти о его поѣздкѣ въ Польшу вся Россія трепетала за драгоцѣнные его дни. При немъ не было никого, кромѣ меня и ѣхавшаго за нашею коляскою фельдъегеря. Фельдмаршалъ Паскевичъ разставилъ по почтовымъ домамъ небольшіе казачьи конвои, но государь запретилъ имъ за собою слѣдовать. На станціяхъ онъ бралъ прошенія отъ поляковъ, милостиво съ ними разговаривалъ и не принималъ ни малѣйшихъ мѣръ предосторожности, какъ бы среди вѣрнаго русскаго народа.

Въ Модлинъ мы прибыли ночью, въ страшную темноту, по проливному дождю, совершенно испортившему вновь проложенную дорогу. Князь Паскевичъ, выѣхавшій навстрѣчу государю, въ Ловичъ, сопровождалъ его до новой крѣпости, близъ которой собраны были корпуса Ридигера и Крейца.

Модлинская крѣпость, выстроенная Карломъ XII во время побѣдоносныхъ его войнъ съ Польшей, была потомъ совсѣмъ запущена при слабыхъ правителяхъ этого края, пока не обновилъ ея нѣсколько Наполеонъ при вторженіи своемъ въ Россію. Польская революція 1830 года, во время которой поляки поспѣшили вооружить Модлинъ и усилить его разными новыми укрѣпленіями, доказала императору Николаю всю важность этого пункта, находящагося въ 40 верстахъ отъ Варшавы, при сліяніи Нарева съ Вислой, господствующаго надъ всею мѣстностью. Немедленно по усмиреніи бунта государь самъ начертилъ планъ для возведенія тутъ обширной и сильной крѣпости, исполненіе сего возложилъ на дѣятельнаго Паскевича, переименовавъ Модлинъ Новогеоргіевскомъ. Все утро по пріѣздѣ онъ употребилъ на обозрѣніе работъ, начатыхъ едва за полтора года передъ тѣмъ и уже значительно подвинувшихся. Послѣобѣденное время было посвящено осмотру пѣхотнаго лагеря, и трудно описать восторгъ, съ которымъ храбрые побѣдители Польши привѣтствовали своего монарха. Варшава, узнавъ, что владыка ея судебъ находится такъ близко отъ нея, просила позволенія прислать въ Модлинъ депутацію, для вымоленія у государя согласія имѣть счастье принять его въ своихъ стѣнахъ. Онъ велѣлъ отвѣчать, что пріѣхалъ для свиданія съ своею арміей, которой онъ всегда былъ доволенъ, но что Варшаву, столь разгнѣвавшую его, посѣтитъ тогда, когда ея жители снова заслужатъ его благоволеніе. Впрочемъ, гражданскія и военныя власти были вызваны въ Модлинъ и удостоились чести представиться государю.

Войска, стоявшія въ Варшавѣ, внутри царства и въ Брестѣ, нужны были на своихъ мѣстахъ, и потому подъ Модлиномъ собрано было только 44.000 человѣкъ. Но герцогъ Нассаускій и генералы австрійскіе и прусскіе были восхищены ихъ выправкою и красотою. Объѣхавъ ряды, государь велѣлъ отдать честь фельдмаршалу, водившему эти войска къ побѣдѣ, и первый закричалъ «ура», которое повторилось за нимъ, какъ раскатъ грома. Послѣ маневровъ, которыми государь остался очень доволенъ, онъ съ княземъ Паскевичемъ, герцогомъ Нассаускимъ, принцемъ Рейссомъ и нѣсколькими прусскими офицерами подъѣхалъ къ Варшавѣ и въ шлюпкѣ присталъ къ цитадели, сооружавшейся въ то время вокругъ Александровскихъ казармъ, по плану, начерченному также самимъ государемъ. Всѣ орудія этого укрѣпленія были направлены на Варшаву, съ цѣлью разгромить ее при первой искрѣ бунта. Радостные клики возвѣстили столицѣ, что его величество у ея воротъ. Государь былъ столько же доволенъ, какъ и удивленъ громадностью и изяществомъ работъ въ новой крѣпости, возведенной, казалось, руками титановъ. Подъ ночь государь переѣхалъ въ той же шлюпкѣ на правый берегъ Вислы, гдѣ ждала его коляска, и возвратился въ Новогеоргіевскъ, откуда на слѣдующій день, утромъ, мы предприняли обратный путь по Ковенскому шоссе.

Остановившись только на нѣкоторое время въ Остроленкѣ, гдѣ генералъ Бергъ, одинъ изъ участниковъ происходившаго тамъ блестящаго дѣла, объяснилъ государю всѣ его подробности, мы прибыли въ Царское Село 16-го октября вечеромъ.

Въ этотъ годъ государь, постоянно занятый мыслью сблизить и укрѣпить связь между населеніемъ возвращенныхъ отъ Польши губерній и коренными русскими, основалъ въ Кіевѣ, взамѣнъ упраздненныхъ Виленскаго университета и Волынскаго лицея, новый университетъ св. Владимира. Онъ надѣялся чрезъ обученіе въ немъ поляковъ вмѣстѣ съ русскими изгладить въ первыхъ мечты о независимости и самобытности Польши и вообще удалить ихъ отъ вреднаго вліянія польскаго духа. Мѣстомъ для новаго университета былъ выбранъ Кіевъ, съ одной стороны, какъ древняя колыбель православія, съ другой—какъ штабъ-квартира 1-й арміи, что̀ представляло всѣ удобства надзора за многочисленнымъ сборищемъ молодыхъ людей.

Въ концѣ ноября прибылъ въ Петербургъ Ахметъ-паша, присланный султаномъ для изъявленія его благодарности за быструю и безкорыстную помощь, оказанную нами Портѣ въ минуту опасности. Онъ былъ принятъ съ такими же церемоніями и почестями, какъ нѣкогда Галиль-паша. Кромѣ общаго старанія двора и публики быть ему пріятными, Ахметъ-паша достигъ еще сложенія части той суммы, которую Порта обязалась заплатить намъ по Адріанопольскому трактату.

Въ это время Москва была напугана частыми пожарами, повторявшимися въ разныхъ частяхъ города. Приписывая эти пожары то злоумышленникамъ, то мщенію поляковъ, простирая даже подозрѣніе на полицейскихъ чиновниковъ, жители проводили ночи безъ сна, укладывали свои пожитки и частью выѣзжали изъ города. Было поймано нѣсколько мошенниковъ, и по Москвѣ разнеслись нелѣпые слухи объ открытіяхъ, сдѣланныхъ будто бы на слѣдствіи. Распространившійся въ древней столицѣ паническій страхъ скоро привлекъ въ нее нашего неутомимаго государя. Мы пріѣхали туда поздно вечеромъ, къ изумленію, но и къ великой радости всѣхъ жителей. Утромъ, когда государь пошелъ пѣшкомъ на поклоненіе святынѣ Кремлевскихъ соборовъ, обычная толпа тѣснилась по его пути, наполняя воздухъ восторженными кликами. Съ его появленіемъ возвратилась къ москвичамъ успокоительная надежда, что пожары прекратятся, и весь городъ превозносилъ добраго царя, никогда не забывающаго своей первопрестольной столицы въ часы испытаній. Со всѣмъ тѣмъ, на другой же день вечеромъ, загорѣлся въ Замоскворѣчьѣ деревянный домъ, окруженный множествомъ такихъ же. Государь взялъ меня съ собой, и мы прибыли на пожаръ почти вмѣстѣ съ пожарными трубами. Онъ лично принялъ команду надъ ними и распоряжался, стоя посреди узкаго загроможденнаго двора, у самаго пламени. Пожарные въ его присутствіи работали съ неимовѣрнымъ усердіемъ и безстрашіемъ и менѣе чѣмъ черезъ полчаса осилили огонь. Сгорѣлъ только охваченный огнемъ домъ. Два дня спустя, загорѣлось снова на бульварѣ близъ казармъ. Государь прибылъ туда съ тою же поспѣшностью, и въ нѣсколько минутъ домъ, горѣвшій, какъ костеръ, былъ разобранъ до послѣдняго бревна, и огонь потушенъ. Несмотря на увеличившуюся темноту, толпившійся вокругъ пожарища народъ тотчасъ узналъ отъѣзжающаго царя и съ громкими «ура» долго бѣжалъ за его коляскою.

Напослѣдокъ открыли дѣйствительно нѣсколько зажигателей. Судъ надъ ними былъ коротокъ, и ихъ прогнали сквозь строй на мѣстѣ преступленія каждаго. Эти наказанія успокоили жителей, не сомнѣвавшихся, что виновные были открыты, только благодаря высочайшему присутствію. Пожары прекратились, а съ этимъ вмѣстѣ возвратилиеь сознаніе безопасности и чувство довѣрія, выражавшіяся въ благоговѣйной благодарности къ избавителю города, совершившему въ нѣсколько дней то, чего полиція не могла достигнуть цѣлые мѣсяцы.

Пробывъ въ Москвѣ шесть сутокъ, половину которыхъ государь посвящалъ, какъ всегда, обозрѣнію общественныхъ заведеній, мы вернулись въ Петербургъ.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

1834-й годъ.

Съ наступленіемъ зимы начались, какъ всегда, балы и увеселенія. Всѣ, кому общественное положеніе дозволяло приглашать къ себѣ императорскій домъ, наперерывъ, другъ передъ другомъ, спѣшили пользоваться этимъ правомъ. Императрица, милостиво принимая такія приглашенія и внося вездѣ съ собою веселость и непринужденность, съ каждымъ годомъ пріобрѣтала болѣе и болѣе любви въ народѣ. Все существованіе ея, казалось, было посвящено единственно счастью ея супруга и дѣтей, общественной благотворительности и желанію всѣмъ быть пріятною. Обожаемая семействомъ и приближенными, не вмѣшиваясь никогда въ дѣла, какъ развѣ для исходатайствованія у государя какой нибудь милости или прощенія, она являлась въ глазахъ своихъ подданныхъ земнымъ ангеломъ и идеаломъ домашняго счастья. Но пока Россія наслаждалась всѣми благословеніями мира и отеческаго правленія, постоянно двигавшаго всѣ части впередъ, пока у насъ все совершенствовалось, и народныя сословія скрѣплялись общею любовью къ престолу,— остальная Европа бушевала, и народы ея были раздираемы духомъ партій и политическими ученіями, рѣзко одно другому противоположными.

Въ Англіи, къ торіямъ и вигамъ, которыхъ старинная вражда ожила теперь съ новой силой, присоединилась третья партія—либераловъ, осуждавшихъ древнюю англійскую конституцію и, въ желаніи своемъ все преобразовать, слѣпо стремившихся къ анархіи и народнымъ смутамъ.

Во Франціи безпрестанно возобновлялись кровопролитія, и вся мудрость новаго короля не могла избавить ее отъ вѣчнаго междоусобія. Легитимисты, вѣрные семейнымъ преданіямъ, требовали воцаренія Генриха V-го; доктринеры—охраненія хартіи въ томъ видѣ, какъ она была пересоздана революціею, возведшею на тронъ Людовика-Филиппа; республиканцы—возвращенія ко временамъ директоріи; анархисты—просто безпорядка; наконецъ наполеонисты, сами не зная, чего хотѣли, горевали о томъ, что миновалось время завоеваній и грабежей. Всѣ эти партіи во взаимномъ ихъ столкновеніи глубоко ненавидѣли другъ друга, и каждая стремилась къ возобладанію надъ прочими. Въ Парижѣ безпрерывно являлись охотники, старавшіеся возмутить народъ; національная гвардія то и дѣло созывалась для разогнанія сборищъ или для усмиренія бунтовъ. Линейныя войска, которымъ все это смертельно надоѣло, только и выжидали минуту, чтобы разъ навсегда покончить дѣло съ мятежниками. Король, лавируя между всѣми этими партіями, старался только о томъ, чтобы не давать имъ воли, обуздывать разрушительныя ихъ страсти, сохранить миръ и образомъ своихъ дѣйствій пріобрѣсти довѣріе европейскихъ кабинетовъ. Лондонскіе и парижскіе журналы съ своей стороны продол-

жали возбуждать умы противъ Россіи и проповѣдывать общій крестовый походъ для устраненія ярма, которое, по ихъ словамъ, императоръ Николай усиливается возложить на весь міръ.

Португалія, подъ гнетомъ коварнаго покровительства Англіи, все еще была раздѣлена на два враждебные стана, боровшіеся между собою изъ-за двухъ претендентовъ на ея корону: дона-Педро и дона-Мигуеля.

Въ Испаніи неблагоразумная королева, въ одинаковой степени жаждавшая и власти и удовольствій, была свидѣтельницею отступленія своей арміи передъ дономъ-Карлосомъ, явившимся изъ Англіи, чтобы потребовать обратно свои права на престолъ своего государства. Простой офицеръ, Зумалакарегви, одинъ пріуготовившій и усилившій партію претендента, уже успѣлъ пріобрѣсти военную славу и сдѣлаться надеждою испанцевъ, привязанныхъ къ своимъ привилегіямъ и къ древнему роду своихъ королей.

Италія волновалась при содѣйствіи парижской пропаганды и карбонаризма, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе усиливающагося въ Неаполѣ, въ Римѣ и на сѣверѣ полуострова. Только 80-ти-тысячная армія удерживала явное возстаніе.

Швейцарія являлась дѣятельнымъ притономъ демагогическихъ обществъ; итальянцы, поляки, французы и нѣмцы учреждали тамъ свои сборища и увлекали въ свои разрушительные замыслы даже мирныхъ туземцевъ этого края, столь долго слывшаго образцемъ истинной свободы. Толпа бродягъ ворвалась оттуда въ Сардинскія владѣнія, но вскорѣ, обезоруженная и разсѣянная, вернулась въ Швейцарію для приготовленія тамъ новыхъ средствъ къ безпорядкамъ и междоусобной враждѣ.

Южная Германія была наполнена легко воспламеняющимися матеріалами. Сходбища недовольныхъ устраивались тамъ почти публично, и во Франкфуртѣ, напримѣръ, дошло до того, что шайка молодыхъ безумцевъ напала вооруженною рукой на гауптвахту. Шведтское и Мюнхенгрецкое свиданія возвратили, однако же, нѣкоторую бодрость германскимъ владѣтелямъ, и бунтовщиковъ вездѣ преслѣдовали и усмиряли.

Одна Россія оставалась въ своей неподвижности грозною наблюдательницею этихъ политическихъ бурь, страшная для мятежниковъ и ободрительная для монарховъ.

У насъ въ это время готовилось зрѣлище болѣе отрадное, долженствовавшее утвердить силу и прочность нашей державы. Наслѣдникъ престола, великій князь Александръ Николаевичъ, достигнувъ 16-тилѣтняго возраста, вступилъ въ опредѣленное государственными законами для его сана совершеннолѣтіе. Онъ соединялъ въ себѣ все, чего въ этомъ возрастѣ можно желать отъ молодого царевича, предназначеннаго къ такимъ высокимъ судьбамъ. Статный ростомъ, съ прелестнымъ лицомъ, въ которомъ выражались мягкосердечіе и мыслительность, съ благород-

ною, привлекательною осанкою, съ врожденною вѣжливостью. Онъ умѣлъ такъ же хорошо самъ вести бесѣду, какъ и съ пользою слушать другихъ. Ловкій во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ, онъ прекрасно ѣздилъ верхомъ и отличался во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ; прилежный къ урокамъ, выказывалъ всегда большую любознательность и быстро успѣвалъ во всѣхъ наукахъ; нѣжно почтительный къ родителямъ, любя ихъ со всею горячностію своихъ лѣтъ, былъ заботливъ къ своимъ сестрамъ и меньшимъ братьямъ и искренно привязанъ къ товарищамъ своихъ игръ и уроковъ, молодому графу Вьельгорскому и Паткулю; наконецъ не оставлялъ ничего желать ни своимъ родителямъ, ни публикѣ, которая съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе къ нему привязывалась.

Назначивъ 22-е апрѣля, день Пасхи, днемъ торжественнаго освященія его совершеннолѣтія, государь пожелалъ, чтобы этой церемоніи придана была вся пышность и важность, достойныя событія и соотвѣтственныя древнимъ преданіямъ нашего царскаго дома.

Къ часу пополудни Зимній дворецъ наполнился приглашенными. Члены государственнаго совѣта, сенаторы, дипломатическій корпусъ, придворные и военные чины и всѣ имѣющіе пріѣздъ ко двору заняли указанныя въ церемоніалѣ мѣста. Всѣ залы отъ внутреннихъ покоевъ императрицы до дворцоваго собора были окаймлены отрядами гвардейскихъ полковъ, а воспитанники военноучебныхъ заведеній, эти будущіе слуги молодого цесаревича, поставлены въ портретной галлереѣ 1812 года, какъ ближайшемъ покоѣ къ церкви, гдѣ ему надлежало присягнуть на управленіе ими нѣкогда, съ правдою и заботливою вѣрностію къ славѣ отечества. Въ самой церкви были положены на особомъ столѣ передъ алтаремъ императорскія регаліи, возлѣ аналоя съ св. Евангеліемъ и крестомъ.

Въ 2 часа государь, императрица, наслѣдникъ въ казачьемъ мундирѣ и прочіе члены императорскаго дома вошли, предшествуемые дворомъ, въ церковь, гдѣ встрѣтилъ ихъ митрополитъ Серафимъ со всѣмъ высшимъ духовенствомъ. Глубокое молчаніе воцарилось между присутствующими, и всѣ взоры обратились на императорскую чету и августѣйшаго ея первенца.

Къ этому случаю сочинено было святѣйшимъ синодомъ особое молебствіе, котораго прекрасныя и умилительныя слова растрогали всѣхъ присутствующихъ. По окончаніи его, государь подвелъ своего сына къ аналою; поднявъ руку къ небу, наслѣдникъ цесаревичъ твердымъ и внятнымъ голосомъ началъ читать присягу, также по этому поводу вновь составленную. Но по мѣрѣ того, какъ царственный юноша подвигался впередъ въ своемъ чтеніи, голосъ его слабѣлъ, и волненіе очевидно увеличивалось. Нѣкоторыя слова, прерванныя всхлипываніемъ, онъ принужденъ былъ повторять. Къ концу присяги слезы струились по его

прекрасному лицу. Онѣ навернулись и на глазахъ августѣйшаго его родителя, стоявшаго возлѣ сына, какъ бы для ободренія его при исполненіи этого священнаго и торжественнаго обряда. Императрица смотрѣла на эту сцену, исполненная умиленія нѣжнѣйшей супруги и матери.

Прочитавъ присяжный листъ, наслѣдникъ подписалъ его и рыдая бросился на грудь своего отца, послѣ чего они вмѣстѣ подошли къ императрицѣ, которая заключила ихъ въ свои объятія, и тогда всѣ трое изобразили высоко умилительную группу. Трудно было представить себѣ картину трогательнѣе и прекраснѣе. У всѣхъ присутствующихъ занялось дыханіе, у всѣхъ текли слезы; конечно, каждый изъ нихъ призывалъ благословеніе Божіе на этотъ тройственный оплотъ благоденствія и славы Россіи. Торжественную минуту возвѣстили столицѣ 301 выстрѣлъ съ крѣпости и съ стоявшей передъ дворцемъ флотиліи и общій колокольный звонъ во всѣхъ городскихъ церквахъ.

Вслѣдъ за симъ, всѣ перешли изъ церкви въ Георгіевскую залу, гдѣ на другомъ аналоѣ также лежали св. Евангеліе и крестъ, а на ступеняхъ трона стояли знаменщики и полковые адъютанты съ знаменами всѣхъ полковъ и кадетскихъ корпусовъ; только знамя Донского атаманскаго полка, какъ символъ начальствованія наслѣдника надъ всѣми казачьими войсками, держали передъ самымъ аналоемъ.

Императрица стала на высшей ступени трона, великія княжны ниже ея, а первые чины двора за ними по обѣ стороны.

Государь снова подвелъ къ аналою своего сына, который прочелъ и подписалъ тутъ вторичную военную присягу. Воспитанники военноучебныхъ заведеній, стоявшіе широкою улицею отъ входа въ залу, и дворцовые гренадеры, поставленные противъ трона, сдѣлали на караулъ, музыка заиграла народный гимнъ, и знамена преклонились къ подножію трона.

Спустя нѣсколько дней, петербургское дворянство дало императорскому дому въ ознаменованіе общей радости о совершившемся торжествѣ великолѣпный балъ.

Лѣто 1834 года прошло, какъ обыкновенно, въ переѣздахъ между Царскимъ Селомъ, Петергофомъ, Елагинымъ, Кронштадтомъ и Красносельскимъ лагеремъ, въ ученіяхъ, маневрахъ и смотрахъ сухопутныхъ войскъ и флота.

30-е августа, какъ день бывшаго тезоименитства покойнаго государя, было назначено для открытія воздвигнутаго въ честь его памятника, столько же колоссальнаго по своимъ размѣрамъ, сколько колоссальны были кампаніи 1812-го, 1813-го и 1814-го годовъ, въ которыхъ Россія и Европа стяжали столь блестящій успѣхъ, благодаря лишь непоколебимой твердости покойнаго Александра. Мысль о сооруженіи этого памятника родилась у государя тотчасъ по восшествіи его на престолъ, и онъ начерталъ самъ

для него рисунокъ, а потомъ, руководивъ работами, пожелалъ совершить освященіе его со всѣмъ величіемъ и блескомъ, достойными подвиговъ знаменитаго его предшественника.

Съ этою цѣлію были сдѣланы слѣдующія предварительныя распоряженія: въ Петербургъ собрано болѣе 100.000 войска и приглашены всѣ военные начальники, имѣвшіе честь служить въ царствованіе императора Александра, вслѣдствіе чего столица наполнилась старыми, израненными генералами, во главѣ которыхъ стояли фельдмаршалы Паскевичъ и Витгенштейнъ; построенъ, спиною къ экзерциргаузу, восходившій до его крыши и примыкавшій къ дому министерства иностранныхъ дѣлъ, амфитеатръ; выстроена на всемъ протяженіи противоположнаго дворцу полукруга эстрада, которая поднималась до второго этажа домовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и главнаго штаба, и сверхъ того балконы и всѣ окна обоихъ огромныхъ зданій приспособлены къ занятію ихъ зрителями; наконецъ, надъ главными воротами Зимняго дворца воздвигнутъ изящный, крытый перистиль во вкусѣ, соотвѣтствующемъ архитектурѣ дворца, довольно просторный для помѣщенія на немъ всего двора. Отъ него шли на площадь въ обѣ стороны широкія лѣстницы.

Король прусскій самъ желалъ прибыть къ этому торжеству въ память своего освободителя и друга, но, бывъ удержанъ отъ того нездоровьемъ, прислалъ вмѣсто себя своего сына, принца Вильгельма, а въ видѣ депутаціи отъ прусской арміи, въ воспоминаніе совокупныхъ дѣйствій ея въ 1813 и 1814 годахъ съ нашими войсками, по нѣскольку человѣкъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, выбранныхъ по всей гвардіи и арміи изъ числа участвовавшихъ въ этихъ достопамятныхъ кампаніяхъ.

Въ день 30-го августа все петербургское населеніе уже съ ранняго утра было на ногахъ; всякій торопился занять мѣсто; всѣ окна и балконы наполнились домами; Адмиралтейскій бульваръ былъ усѣянъ народомъ, который покрывалъ и крыши. Но небо застилали черныя тучи, мрачныя, какъ былъ мраченъ 1812 годъ, предшествовавшій прославленію Александра, и событія, послѣдовавшія по его кончинѣ.

Государь также съ ранняго утра поѣхалъ въ Невскую лавру для присутствованія тамъ при богослуженіи. Къ 10 часамъ всѣ были на своихъ мѣстахъ. Грохотъ отъ экипажей прекратился. Памятникъ, завѣшенный отъ подножія до начала стержня бѣлымъ покрываломъ, возвышался въ грозномъ одиночествѣ посреди пустой площади. Огромной массы войскъ не было никому видно; они стояли густыми колоннами въ выходящихъ на площадь улицахъ, сокрытыми отъ всѣхъ зрителей.

Въ 11 часовъ государь подъѣхалъ верхомъ къ поставленной у Адмиралтейской площади пушкѣ и велѣлъ трижды изъ нея выпалить. По первому выстрѣлу войска выстроились, по второму стали подъ ружье и по третьему выстрѣлу вдругъ со всѣхъ сторонъ двинулись на площадь,

которая въ нѣсколько мгновеній, какъ бы по удару волшебнаго жезла, вся ими наполнилась. Эта внезапность имѣла для всѣхъ зрителей поразительность театральной перемѣны декораціи.

Военная свита государя, фельдмаршалы и старѣйшіе полные генералы стали верхомъ у одной изъ лѣстницъ эстрады, за ними построились, направо отъ дворцовыхъ воротъ, военноучебныя заведенія въ составѣ 6-ти батальоновъ, а налѣво 1-я гвардейская пѣхотная дивизія. Остальныя войска размѣщены были, какъ вокругъ самаго памятника, занявъ собою всю Дворцовую площадь, кромѣ пространства между нимъ и дворцомъ, такъ и на Адмиралтейской площади; артиллерію же разставили между дворцомъ и Адмиралтейскимъ бульваромъ и по набережнымъ Дворцовой и Англійской и у Биржи на Васильевскомъ острову. На Невѣ вытянулся передъ дворцомъ рядъ легкихъ фрегатовъ, яхтъ и пароходовъ. Всего было подъ ружьемъ 86 батальоновъ и 106 эскадроновъ, съ 248 орудіями, не считая крѣпостныхъ и находившихся на судахъ. Вся эта масса, подобной которой по числу никогда еще не являлось на такомъ небольшомъ пространствѣ, была обмундирована заново и блестѣла столько же выправкою, сколько красотой людей и лошадей. Государь съ обнаженною шпагою въ рукѣ лично ею командовалъ. Въ то же время дворцовые гренадеры, эти ветераны нашихъ побѣдъ, окаймили ступени обѣихъ лѣстницъ эстрады. Во всемъ огромномъ стеченіи войскъ и народа царствовала глубокая тишина. Всѣ взгляды были обращены къ могущественному самодержцу, воздававшему такую дань памяти своего предшественника. Вскорѣ на дворцовой эстрадѣ показалась императрица, въ предшествіи высшаго духовенства, окруженная государственными сановниками и дворомъ. При появленіи ея войска отдали честь. Тогда на дворцовой эстрадѣ началось молебствіе, и по данному сигналу всѣ войска, а за ними и всѣ зрители, обнажили головы. Государь сошелъ съ лошади и при молитвѣ съ колѣнопреклоненіемъ, находясь между дворцомъ и памятникомъ, спиною къ послѣднему, съ стоявшими въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него наслѣдникомъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и принцемъ Прусскимъ, преклонился на одно колѣно. Никогда еще нашъ императоръ не казался намъ такъ прекрасенъ и такъ великъ, какъ въ ту минуту, какъ онъ приникъ передъ Царемъ царствующихъ, и когда его примѣру въ тотъ же мигъ послѣдовали все войско и тысячи зрителей, окружавшихъ площадь, даже до стоявшихъ на крышахъ. Чувство благоговѣнія навѣяло на всѣхъ такое глубокое безмолвіе, что слова молитвы можно было разслышать на всѣхъ концахъ площади. Наконецъ, при возглашеніи вѣчной памяти императору Александру, покрывало, скрывавшее подножіе памятника, упало на землю, поддерживавшіе со всѣхъ сторонъ это покрывало орлы преклонились, государь повернулся лицомъ къ колоннѣ, и общее молчаніе преврати-

лось въ оглушительные клики «ура», къ которымъ присоединилась пальба изъ всѣхъ орудій съ набереженъ, рѣки и крѣпостныхъ валовъ. Раскаты выстрѣловъ, какъ удары грома, то приближались съ трескомъ, то удалялись, то снова подходили, звуча вокругъ подножія памятника.

Въ это время императрица, предшествуемая духовенствомъ и сопровождаемая всею блестящею своею свитою, спустилась съ эстрады и обошла вокругъ памятника, который былъ окропленъ святою водою. Облачное небо вдругъ прояснилось, яркое солнце засіяло надъ величественнымъ зрѣлищемъ, и лучи его представились всѣмъ, какъ бы исходящіе отъ самого Всевышняго, освящающаго дань благодарной памяти, приносимой Николаемъ тѣни Александра.

Когда императрица возвратилась на эстраду, государь, приведя самъ къ монументу роту гренадеръ дворцовыхъ, приставилъ къ нему на вѣчныя времена часового изъ среды этихъ александровскихъ ветерановъ. Затѣмъ, войска, по данному сигналу, опять очистили площадь, чтобы построиться къ церемоніальному маршу.

Государь во главѣ своего штаба, имѣя при себѣ принца Прусскаго, проѣхалъ мимо памятника и, опустивъ передъ нимъ шпагу, сталъ возлѣ него. Тогда начался церемоніальный маршъ, который открыли военно-учебныя заведенія. Пѣхота проходила батальонными колоннами, одна рядомъ съ другою, со всѣми полковыми знаменами впереди — построеніе совсѣмъ новое, придуманное самимъ государемъ собственно на этотъ случай, чтобы ускорить проходъ войскъ и придать ему видъ еще болѣе величественный. Пѣшая артиллерія въ колоннахъ побригадно; кавалерія тѣмъ же порядкомъ, какъ и пѣхота, дивизіонными колоннами, всѣ три въ одинъ рядъ [1]; конная артиллерія въ такомъ же построеніи, какъ и пѣшая, — всѣ эти огромныя массы войскъ, одинаково щеголеватыя, проходили съ одинаковою стройностью и ровностью, постепенно исчезали, такъ что подъ конецъ площадь снова очистилась, и на всемъ ея пространствѣ былъ виденъ только государь съ своей свитою.

Императрица четыре года не видалась съ августѣйшимъ своимъ родителемъ, о здоровьѣ котораго были получены дурныя извѣстія. Рѣшивъ провести съ нимъ нѣкоторое время, она уѣхала въ Берлинъ 6-го сентября, а государь на слѣдующій день отправился въ Москву, гдѣ въ этотъ разъ знали о его пріѣздѣ. Онъ намѣревался проѣхать оттуда черезъ Нижній въ Казань и возвратиться обратно черезъ Орелъ, въ окрестностяхъ котораго былъ собранъ драгунскій корпусъ. Но проливные дожди, испортивъ дороги, побудили его перемѣнить планъ и ѣхать прямо въ Орелъ, остановившись въ Тулѣ только для ночлега. Устрой-

[1] Императоромъ Николаемъ отмѣчено: «C'est faux; en colonnes de régiment par escadrons».

ство драгунскаго корпуса было одною изъ любимыхъ идей императора Николая въ общей цѣпи преобразованій, введенныхъ имъ постепенно въ нашей арміи. Этотъ корпусъ состоялъ изъ 8-ми до 10-ти эскадронныхъ полковъ, и въ каждомъ полку два эскадрона были вооружены пиками для защиты и конвоированія лошадей, въ то время какъ прочіе спѣшиваясь формировались въ пѣхотные батальоны. Настоящій смотръ превзошелъ всѣ ожиданія, доказавъ, что мысль государя была превосходно постигнута и исполнена.

По возвращеніи нашемъ въ Москву, погода нѣсколько поправилась, и послѣ двухдневнаго отдыха мы пустились въ Ярославль, гдѣ, несмотря на возобновившійся дождь, государь обозрѣлъ всѣ новыя постройки, нивеллировку Волжской набережной, батальонъ кантонистовъ, Демидовскій лицей, больницы, церкви и монастыри. Потомъ въ большой шлюпкѣ, на рулѣ которой сидѣлъ самъ государь, мы переѣхали на противоположный берегъ Волги, гдѣ ждали насъ наши коляски, и прибыли вечеромъ къ Ипатьевскому монастырю, столь знаменитому въ лѣтописяхъ Россіи. Ограда была вся обставлена народомъ, а у монастырскихъ воротъ ожидалъ настоятель съ братіею. Всѣ думали, что въ колзскѣ ѣдетъ кто нибудь изъ свиты, и государя узнали тогда только, когда, выйдя изъ экипажа, онъ подошелъ къ кресту. Въ одно мгновеніе вся толпа бросилась къ нему, и при общемъ натискѣ я лишь съ трудомъ удержался на ногахъ. Государь медленно слѣдовалъ за монахами, которые съ факелами въ рукахъ освѣщали ему путь въ церковь. Это вступленіе потомка Романовыхъ въ ту уединенную обитель, изъ которой нѣкогда юный Михаилъ исшелъ на Русское царство, эти черныя фигуры монаховъ, факелы, народный восторгъ—все вмѣстѣ невольно уносило воображеніе въ далекое прошедшее. За стеченіемъ народа мы съ большимъ трудомъ могли подняться на церковную паперть, и еще бо̀льшаго труда стоило выйти изъ церкви черезъ сплошную массу. Послѣ краткаго молитвословія государь пошелъ въ покои, которые занималъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и его родительница, и съ любопытствомъ осматривалъ всѣ закоулки этихъ тѣсныхъ келлій, откуда истекло величіе и могущество его дома. При этомъ обозрѣніи государя сопровождали только архимандритъ и я.

Ипатьевскій монастырь видѣлъ дотолѣ въ стѣнахъ своихъ изъ числа всѣхъ нашихъ самодержцевъ одну только Екатерину II. Императорскимъ домомъ не было внесено никакихъ вкладовъ для его обогащенія, и даже не было принимаемо мѣръ для поддержанія древнихъ его стѣнъ. Кострома, впадающая здѣсь въ Волгу, ежегодно подмываетъ берегъ, на которомъ возвышается обитель, и церковь, какъ и корпусъ съ келліями, стояли при нашемъ посѣщеніи полуобрушившимися. Государь велѣлъ все исправить, а берегъ укрѣпить каменною одеждою для защиты ограды отъ разлива рѣки.

Изъ монастыря мы проѣхали по мосту черезъ рѣку Кострому въ городъ того же имени, гдѣ отведена была намъ квартира на площади. Богатая иллюминація освѣщала толпы, не дававшія почти проѣзда нашей коляскѣ и продолжавшія кричать, по крайней мѣрѣ, цѣлый часъ подъ нашими окнами, такъ что у насъ отъ этого шума разболѣлась голова, и я долженъ былъ нѣсколько разъ высылать сказать, что его величеству угодно отдохнуть.

Утромъ государь посѣтилъ прекрасный и обширный соборъ и разныя городскія заведенія, принялъ мѣстныхъ чиновниковъ и дворянство, также депутацію отъ историческаго рода Сусаниныхъ, которыхъ потомство въ эту эпоху уже возросло до 123 человѣкъ. При такомъ размноженіи, они, несмотря на богатые дары отъ царя Михаила, давно обѣднѣли; но при всей бѣдности никогда ни одинъ изъ нихъ не запятналъ славнаго своего имени участіемъ въ какомъ нибудь преступленіи, и всѣ пользовались въ краѣ безукоризненною славою. Государь въ продолжительной и милостивой бесѣдѣ съ ихъ депутаціей подробно разспрашивалъ объ ихъ бытѣ и, велѣвъ губернатору представить записку о мѣрахъ къ возстановленію того благоденствія, въ которое нѣкогда возвелъ ихъ родоначальникъ императорскаго дома, указалъ, чтобы впредь всѣ дѣти Сусаниныхъ, въ случаѣ изъявленнаго на то желанія со стороны ихъ родителей, были воспитываемы на казенный счетъ.

10-го октября мы прибыли въ Нижній рано утромъ, въ безподобную погоду, когда въ городѣ всѣ еще спали. Послѣ кратковременнаго отдыха государь прежде всего поѣхалъ въ вновь перестроенный соборъ и здѣсь спустился въ склепъ, гдѣ покоится прахъ великаго Козьмы Минина. Два столѣтія онъ лежалъ въ церкви безъ всякихъ внѣшнихъ украшеній. Императоръ Николай велѣлъ сдѣлать для его останковъ приличную гробницу и поставить ее въ соборномъ склепѣ, рядомъ съ гробами древнихъ нижегородскихъ владѣтельныхъ князей.

Естественно, въ Нижнемъ болѣе всего интересовали государя постройки, возведенныя для склада товаровъ, привозимыхъ на Нижегородскую ярмарку изъ всѣхъ частей имперіи, изъ Европы, Средней Азіи и даже Китая. Будучи начаты еще въ царствованіи императора Александра, когда ярмарку перевели изъ Макарьева въ Нижній, эти постройки были возложены на генерала Бетанкура и стоили милліоны, а между тѣмъ общее мнѣніе долго утверждало, что мѣсто для нихъ неискусно выбрано, а самыя постройки такъ плохи, что имъ грозитъ постоянная опасность отъ разлива Оки, впадающей здѣсь въ Волгу.

Мы пріѣхали въ такое время, когда ярмарка уже давно окончилась, и огромный кварталъ, занимаемый только на время ея продолженія, стоялъ совершенно пустымъ. Все вниманіе наше сосредоточилось слѣдовательно на зданіяхъ и на земляныхъ работахъ, служащихъ имъ

фундаментомъ. Государь былъ пріятно изумленъ, какъ величіемъ и красотою общаго расположенія, такъ и неожиданною прочностію всѣхъ построекъ, которыя мы думали, по слышанному нами, найти въ самомъ жалкомъ видѣ. Первою заботою государя было изыскать средства на необходимый ремонтъ сихъ огромныхъ сооруженій, для чего дотолѣ не было ассигновано никакихъ суммъ.

Мѣстоположеніе Нижняго вообще чрезвычайно понравилось государю, и онъ самъ предназначилъ разныя украшенія для этого города, велѣвъ развести въ древней его части, обнесенной еще высокою зубчатою стѣною, общественный садъ, и выбралъ мѣсто для построенія большой казармы. Сверхъ того, онъ пригласилъ городскихъ обывателей снести нѣкоторые старые дома и избы, лѣпившіеся на берегу рѣки, и замѣнить ихъ набережною и улицею съ домами и магазинами для торговли.

Его величество изъѣздилъ весь городъ, все въ немъ осмотрѣлъ, мѣстами хвалилъ, мѣстами бранилъ и окончилъ свое двухсуточное пребываніе въ Нижнемъ присутствіемъ на данномъ отъ дворянства балѣ, послѣ котораго мы отправились во Владимиръ.

Въ этомъ древнемъ городѣ, нѣкогда цвѣтущемъ и соперничествовавшемъ съ Москвою, а теперь обратившемся въ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ и наименѣе населенныхъ губернскихъ городовъ, государь началъ, какъ всегда, молитвой въ соборѣ, древней усыпальницѣ многихъ великихъ князей. Другой, меньшій храмъ, бывшій домовою церковью здѣшнихъ властителей, также обратилъ на себя наше вниманіе. Въ городской тюрьмѣ государь былъ вынужденъ сдѣлать строгій выговоръ членамъ владимирскаго дворянства, которые, принявъ на себя попеченіе о ней, ограничились только тѣмъ, что расписали стѣны и нисколько не заботились о томъ, чтобы содержать ее въ опрятности. Зато его величество остался очень доволенъ богоугодными заведеніями и домомъ умалишенныхъ.

Владимиръ, какъ и Нижній, впервые имѣли счастье видѣть государя. Не нужно говорить о восторгѣ, съ которымъ его встрѣчали жители. Давка въ обоихъ городахъ, вездѣ, гдѣ онъ показывался, увеличивалась еще болѣе отъ того, что его величество здѣсь, какъ и во всѣхъ своихъ поѣздкахъ, строго запрещалъ полиціи разгонять или останавливать народъ и даже гнѣвался, если замѣчалъ, что кого нибудь толкнули, чтобы очистить ему дорогу.

Возвратившись въ Москву, мы нашли прибывшаго туда, по желанію государя, наслѣдника цесаревича, котораго сопровождалъ зять мой, князь Ливенъ, отозванный изъ Лондона для занятія почетнаго мѣста перваго ментора при будущемъ монархѣ Россіи. Москвичи душевно обрадовались свиданію съ цесаревичемъ, котораго любили называть своимъ, и

*

который, теперь уже настоящій молодой человѣкъ, утвердилъ присягою вѣрность свою царю и родинѣ. Государь съ истиннымъ удовольствіемъ замѣчалъ, какъ Москва дѣлитъ свою любовь между нимъ и его первенцемъ, и выставлялъ послѣдняго всюду съ чувствомъ отца, наслаждающагося успѣхами своего сына.

Проведя вмѣстѣ въ Москвѣ съ недѣлю, они вмѣстѣ воротились въ Петербургъ въ одной коляскѣ, а я занялъ мѣсто наслѣдника въ его экипажѣ, о бокъ съ княземъ Ливеномъ.

У великой княгини Елены Павловны родилась дочь, и 27-го октября происходило въ Зимнемъ дворцѣ ея крещеніе. Послѣ трехкласснаго обѣда, заключившаго это торжество, государь, взявъ съ собою наслѣдника, вернулся въ Аничковскій дворецъ, гдѣ жилъ послѣ пріѣзда изъ Москвы, и тутъ приказалъ ему быть готовымъ ѣхать съ нимъ черезъ часъ въ Берлинъ. Я одинъ зналъ заранѣе объ этой поѣздкѣ и, не посмѣвъ дѣлать къ ней никакихъ приготовленій, чтобы не огласить ея тайны, послалъ только утромъ того дня къ министру финансовъ за нѣсколькими тысячами червонныхъ, не опредѣляя впрочемъ, на какую надобность. Выйдя изъ-за стола, я поторопился домой захватить эти деньги и паспортъ для проѣзда по Пруссіи, въ которомъ государь значился генераломъ Николаевымъ, а наслѣдникъ — его адъютантомъ Романовымъ. Мнѣ казалось, что все это я исполнилъ съ возможною поспѣшностію, но, прибывъ въ Аничковскій дворецъ, нашелъ государя и наслѣдника уже совсѣмъ готовыми садиться въ коляску. Не то было съ находившимся при воспитаніи цесаревича генераломъ Кавелинымъ, который имѣлъ приказаніе ѣхать со мною, вслѣдъ за государемъ, въ наслѣдничьей коляскѣ, и не понималъ, какъ можно требовать, чтобы онъ такъ скоро уложился и простился съ семьею. Его досада на то много насмѣшила государя и увеличила забавную сторону суматохи, произведенной нашимъ внезапнымъ отъѣздомъ между придворными чиновниками и прислугою. Въ городѣ никто не подозрѣвалъ намѣренія государя, а онъ уже катился по Рижскому тракту.

Я воротился домой для нужныхъ распоряженій касательно экипажей и свиты и, по медленности моего спутника, не пріученнаго къ такой быстротѣ, могъ выѣхать не прежде полуночи. Мы ѣхали такъ скоро, какъ только могли, не останавливаясь нигдѣ ни на минуту, и все-таки прибыли въ Берлинъ полусутками послѣ государя. Огромное пространство между нашею и прусскою столицею онъ промчался въ пять дней!

Совершенно неожиданное появленіе государя среди королевской фамиліи исторгло у всѣхъ радостное восклицаніе. Императрица была внѣ себя, а король, вернувшійся послѣ обѣда въ свой маленькій дворецъ, едва успѣлъ получить извѣстіе о новопріѣзжемъ, какъ тотъ уже былъ

въ его объятіяхъ. Весь Берлинъ пришелъ въ восторгъ отъ этого любезнаго сюрприза, который польстилъ самолюбію его населенія.

Между тѣмъ общественное мнѣніе въ Пруссіи и особенно въ ея столицѣ было сильно возстановлено противъ государя французскими и нѣмецкими журналистами, возгласами поляковъ и завистію къ могуществу Россіи, такъ что императоръ Николай утратилъ здѣсь прежнюю популярность, и ему дѣйствительно приписывали всѣ пороки и дурныя свойства, которыя были вымышлены одною лишь злобою и досадою либераловъ. При дворѣ и между приближенными къ королевскому дому, впрочемъ, тотчасъ замѣтили, что онъ сохранилъ всѣ прежнія свои качества: то же самое прямодушіе, ту же доброту, ту же непринужденную привѣтливость, а его почтительная предупредительность къ особѣ короля, нѣжная пріязнь ко всѣмъ членамъ королевскаго дома, любовь къ императрицѣ и своему сыну постепенно снова привлекли къ нему сердца и въ массѣ публики и расположили опять въ его пользу всѣ сословія.

Король, несмотря на сопротивленіе государя, оберегавшаго его здоровье отъ вліянія дурной погоды въ такую позднюю пору года, захотѣлъ показать его величеству свое войско и устроилъ съ этою цѣлью парадъ «Подъ липами», на которомъ, проѣзжая во главѣ гвардіи, отдалъ честь своему зятю. Государь бросился къ старцу и поцѣловалъ его въ плечо. Это выраженіе сыновней почтительности было подмѣчено съ особеннымъ удовольствіемъ всѣми зрителями. Потомъ, когда проходили кирасирскій полкъ имени нашего императора и уланскій, котораго шефомъ былъ наслѣдникъ цесаревичъ[1], какъ государь, такъ и наслѣдникъ поспѣшили стать въ главѣ своихъ полковъ и отдать честь королю. При видѣ цесаревича, ѣхавшаго передъ фронтомъ съ необыкновенною ловкостію, престарѣлый его дѣдъ былъ тронутъ до слезъ и тутъ же выпросилъ у государя своему внуку, взамѣнъ оберъ-офицерскихъ эполетъ, полковничьи. Все это вмѣстѣ придало параду такой благородный и умилительный характеръ, что не только высшее общество и войско, но и простолюдины почувствовали себя растроганными. По окончаніи парада нашъ государь и его сынъ сами повели отряды своего имени полковъ, отвозившіе штандарты во дворецъ, и толпа слѣдовала за ними на площадь и на дворцовый дворъ съ громкими изъявленіями пріязни. Въ слѣдующіе дни, уступая просьбамъ генераловъ, государь всякое утро выѣзжалъ верхомъ за Бранденбургскую заставу и присутствовалъ тамъ при полковыхъ ученіяхъ, а однажды и онъ и наслѣдникъ сами учили свои полки. Послѣднее зрѣлище привлекло на мѣсто ученія множество народа и офицеровъ Берлинскаго гарнизона, и всѣ были восхищены

1 Императоромъ Александромъ II отмѣчено: «Я былъ назначенъ шефомъ еще въ 1829 году».

ловкостію нашихъ полковыхъ командировъ, равно какъ совершеннымъ ихъ знаніемъ прусскаго военнаго устава.

По утрамъ императоръ Николай въ статскомъ сюртукѣ прохаживался по берлинскимъ улицамъ совершенно одинъ. Эта довѣренность и простота обращенія окончательно расположили къ нему умы, изгладивъ вполнѣ всѣ предубѣжденія, внушенныя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ зложелательствомъ и клеветою.

Государь съ первой минуты своего пріѣзда объявилъ, что онъ прибылъ въ Берлинъ единственно для свиданія съ королемъ и его семействомъ и потому не станетъ заниматься политикою, ни принимать у себя министровъ, чтобы не могли иначе перетолковать цѣль его поѣздки. За всѣмъ тѣмъ, снисходя къ настоятельнымъ убѣжденіямъ, онъ допустилъ изъятіе для нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ, и принималъ ихъ въ маленькомъ своемъ кабинетѣ, служившемъ вмѣстѣ и уборною и рабочею. Всѣ удостоившіеся этой чести выходили въ восторгѣ отъ его любезности и отъ того здраваго, свѣтлаго и вѣрнаго ума, которымъ была запечатлѣна обрисованная имъ картина положенія разныхъ державъ.

Въ короткое время нашего пребыванія въ Берлинѣ мы имѣли вновь случай убѣдиться въ нелѣпой шаткости мнѣній, господствующей въ представительныхъ правительствахъ. Пришли извѣстія изъ Парижа: одно, что французское министерство въ цѣломъ его составѣ смѣнено новымъ; другое, тремя днями позже, что министерство, едва смѣненное, снова возстановлено въ прежнемъ его составѣ. Такая вѣчная колеблемость, уничтожая всякую послѣдовательность въ дѣйствіяхъ и не давая ни одному начальнику времени вникнуть въ свою часть, уже начинала открывать глаза самимъ либераламъ касательно невыгодъ, сопряженныхъ съ представительною формою правленія.

Въ Берлинѣ мы были ежедневно приглашаемы къ обѣденному столу при дворѣ: или въ покояхъ императрицы, или въ залахъ большого дворца, или въ томъ, гдѣ жилъ король, или, наконецъ, у кого либо изъ принцевъ. Вечера проводили либо въ театрѣ, помѣщаясь въ большой королевской ложѣ, или на балахъ, дававшихся въ это время въ Берлинѣ только членами королевскаго дома, чтобы не заставлять истрачиваться прусскихъ вельможъ, недовольно для того богатыхъ. Нашъ посланникъ при прусскомъ дворѣ одинъ изъ всѣхъ частныхъ лицъ удостоился чести принять у себя своихъ монарховъ. Король съ своей стороны не упустилъ ничего, чтобы окружить пребываніе августѣйшихъ своихъ гостей въ Берлинѣ всѣми возможными удовольствіями. Предупредительность его простерлась до того, что у него, разумѣется, уже заранѣе обучены были пѣвчіе изъ туземныхъ пѣть въ нашей посольской церкви по-русски и тѣмъ же самымъ напѣвомъ, какой употребляется петербургскою придворною пѣвческою капеллою.

Пробывъ въ Берлинѣ двѣнадцать дней, государь выѣхалъ 13-го ноября въ полночь; императрица же вмѣстѣ съ наслѣдникомъ оставили эту столицу нѣсколькими днями позже.

Я занялъ опять обычное мѣсто въ государевой коляскѣ, и мы поѣхали черезъ Бреславль, не останавливаясь до Ловича, гдѣ дожидался государя фельдмаршалъ Паскевичъ, а оттуда, отдохнувъ лишь нѣсколько часовъ, слѣдовали далѣе на Варшаву тѣмъ трактомъ, которымъ шла наша армія въ послѣднемъ дѣйствіи кровавой польской драмы. По мѣрѣ приближенія нашего къ городу, взгляды наши съ любопытствомъ и удовольствіемъ останавливались на позиціяхъ, которыя были укрѣплены мятежниками и съ такимъ мужествомъ взяты съ боя нашими войсками. Наконецъ въ Волѣ, за двѣ версты отъ Варшавской городской черты, мы вышли изъ коляски, чтобы подробнѣе осмотрѣть верки, возведенные въ этомъ мѣстечкѣ, о прежнемъ существованіи котораго свидѣтельствовала лишь сохранившаяся церковь, пронизанная ядрами. Хотя съ тѣхъ поръ прошло три года, и хотя снѣгъ скрывалъ глубину рвовъ, все нельзя было не дивиться силѣ этихъ укрѣпленій и той львиной храбрости, которая, несмотря на мужественную защиту многочисленныхъ вражескихъ силъ, умѣла преодолѣть всѣ эти препятствія. Видъ Воли есть величественнѣйшій памятникъ и для полководца и для его арміи, а Паскевичу выпалъ счастливый удѣлъ быть самому живымъ истолкователемъ этого несокрушимаго памятника его славы. Государь обошелъ всѣ укрѣпленія и изъявилъ фельдмаршалу и нѣкоторымъ изъ находившихся тутъ генераловъ, также участвовавшимъ въ этомъ славномъ дѣлѣ, свое благоволеніе въ такихъ милостивыхъ выраженіяхъ, которыя порадовали ихъ, конечно, еще болѣе, чѣмъ всѣ полученныя за это дѣло ордена.

Изъ Воли мы отправились прямо въ Александровскую цитадель. Поляки приняли тамъ своего монарха съ усердіемъ, весьма странно противорѣчившимъ образу ихъ дѣйствія за четыре года передъ тѣмъ. Точно также привѣтствовали государя громкими кликами при обозрѣніи имъ укрѣпленій и при осмотрѣ корпуса графа Ридигера. На лицахъ зрителей выражались радость, надежда и вмѣстѣ изумленіе, что побѣдитель ихъ съ такою довѣрчивостію является посреди народной толпы, потому что за нимъ не слѣдовали даже и казаки, обыкновенно сопровождавшіе экипажъ фельдмаршала.

Послѣ смотра государь въ маленькой коляскѣ съ однимъ фельдмаршаломъ объѣхалъ нѣкоторые кварталы Варшавы и вышелъ у дворца, чтобы сдѣлать визитъ княгинѣ Паскевичъ. Потомъ, пересѣвъ въ дорожную коляску, онъ отправился въ Новогеоргіевскъ, гдѣ провелъ двое сутокъ въ разныхъ осмотрахъ и въ занятіяхъ съ фельдмаршаломъ дѣлами царства.

Изъ Ковна, гдѣ также былъ сдѣланъ смотръ части корпуса генерала Оффенберга, и гдѣ государь принялъ съ докладомъ генералъ-губернатора князя Долгорукова, мы свернули съ шоссе, и восемь дюжихъ лошадей едва могли тащить нашу легкую коляску по жмудскимъ дорогамъ, обратившимся отъ ноябрьскихъ дождей въ непроѣздныя грязи. Къ закату солнца мы прибыли въ Шавли, куда по маршруту въ этотъ же день ожидалась императрица на возвратномъ пути ея изъ Берлина.

Государь остановился въ отведенномъ для его ночлега домѣ шавльскаго помѣщика, графа Дмитрія Зубова, и тотчасъ занялся привезенными изъ Петербурга бумагами, доставлявшимися оттуда и въ этотъ разъ, какъ и во всѣ его поѣздки, дважды или трижды въ недѣлю, и за которыя онъ, несмотря на утомленіе отъ дороги, немедленно принимался, хотя бы то было и ночью, никогда не задерживая ихъ у себя долѣе полутора сутокъ, а часто возвращая съ ними курьера даже черезъ двѣнадцать часовъ послѣ его пріѣзда.

Около 9-ти часовъ вечера доложили, что ѣдетъ императрица. Государь выбѣжалъ навстрѣчу преднамѣренно въ сюртукѣ Кавалергардскаго полка, котораго она шефъ.

Дороги были такъ дурны, что всѣ экипажи свиты, тяжело нагруженные, отстали, и императрица, не имѣя съ собою ничего для смѣны, принуждена была занять у хозяйки даже нужное для ночлега бѣлье. Въ этомъ же положеніи находилась и сидѣвшая въ каретѣ у императрицы великая княжна Марія Николаевна, что̀ не помѣшало, однакожъ, всѣмъ очень весело поужинать и разстаться уже послѣ 11-ти часовъ. Наслѣдникъ, переночевавъ, тотчасъ продолжалъ свой путь на Ригу.

Несмотря на всѣ ожиданія, кареты съ горничными не пріѣхали еще и къ утру, и сколько ни старались продолжить время завтрака, надо было, наконецъ, рѣшиться ѣхать далѣе безъ нихъ. Государь, сѣвъ въ карету къ императрицѣ и оставивъ великую княжну въ Шавляхъ до прибытія ея экипажа, приказалъ мнѣ также дождаться камеръ-юнгферъ и потомъ взять одну изъ нихъ съ собою, въ его коляскѣ, съ самонужнѣйшими вещами. Остальные экипажи прибыли, только спустя часовъ пять или шесть по отъѣздѣ государя, и я тотчасъ поспѣшилъ исполнить данное мнѣ приказаніе; но мы поспѣли въ Митаву уже часомъ послѣ выѣзда оттуда императорской четы. Въ домѣ дворянскаго собранія, гдѣ она удостоила принять обѣдъ, оставалось еще много начальствовавшихъ лицъ, дворянъ и дамъ, и князь Волконскій рѣшился остаться тутъ въ ожиданіи пріѣзда великой княжны, которая отстала далеко позади меня, и съ которою нельзя было рисковать переправиться, при наступившей уже ночной темнотѣ, черезъ Двину у Риги.

Я прибылъ къ этой переправѣ съ моею спутницею въ 11-ть часовъ ночи. Государя и императрицу перевезли черезъ рѣку на особо приго-

товленномъ для того большомъ поромѣ, посредствомъ прикрѣпленныхъ къ воротамъ, на противоположномъ берегу, канатовъ. Но ледъ на Двинѣ такъ уже сгустился, что переправа даже и на этомъ суднѣ совершилась съ чрезвычайнымъ трудомъ, и государь, во избѣжаніе всякихъ приключеній, запретилъ перевозить другихъ въ продолженіе ночи. Несмотря на то и на крикъ и вопль моей камеръ-юнгферы, зная, какъ она необходима императрицѣ, я отважился нарушить это запрещеніе и въ отысканной у берега лодкѣ, собравъ наскоро нѣсколько матросовъ, пустился съ Божіею помощью въ путь. Скопившійся у берега ледъ сначала долго насъ задерживалъ, но потомъ при довольно сильномъ и благопріятномъ вѣтрѣ мы подняли парусъ, и наша лодка кое-какъ прорѣзала себѣ проходъ сквозь льдины, такъ что черезъ полчаса, несмотря на туманъ, застилавшій отъ насъ даже городскіе огни, мы причалили къ противоположному берегу, откуда тотчасъ поѣхали во дворецъ. Здѣсь неожиданное появленіе камеръ-юнгферы чрезвычайно обрадовало императрицу уже готовившуюся итти опочивать. Она милостиво и съ свойственною ей ласкою поблагодарила меня за все вынесенное для ея удобства.

На слѣдующее утро стоило большихъ трудовъ перевезти черезъ рѣку Марію Николаевну. Ледъ уже сплошною массою остановился на Двинѣ, такъ что пришлось его прорубать и увеличить число рабочихъ при воротахъ. Я съ наслажденіемъ любовался безподобнымъ личикомъ 15-тилѣтней великой княжны, выражавшимъ совершенное спокойствіе, въ рѣзкую противоположность съ чертами князя Волконскаго, пришедшаго въ себя только тогда, когда онъ ступилъ на землю.

По увеличившемуся, вслѣдствіе шавельской встрѣчи, числу экипажей, требовавшихъ и бо̀льшаго числа лошадей, рѣшено было наслѣднику со мною ѣхать впередъ, а ихъ величествамъ остаться еще на день въ Ригѣ. Наслѣдникъ сѣлъ въ свою коляску съ Кавелинымъ, а я ѣхалъ за ними съ государевымъ докторомъ. За нѣсколько станцій до Петербурга былъ уже санный путь, и мы пересѣли въ сани, высланныя къ намъ навстрѣчу.

26-го ноября благополучно прибыли въ Петербургъ и ихъ величества.

1835-й годъ.

Въ началѣ весны 1835 года государь разсудилъ ѣхать въ Москву. Отправившись туда 26-го апрѣля, мы по дорогѣ останавливались: въ Колпинѣ для обозрѣнія основаннаго тамъ Петромъ Великимъ и во многомъ улучшеннаго императоромъ Николаемъ завода; въ одномъ изъ прежнихъ военныхъ поселеній, обращенномъ теперь въ казармы для

Гродненскаго гусарскаго полка; въ Новгородѣ — для осмотра гвардейскихъ драгунъ и, наконецъ, во вновь учрежденномъ иждивеніемъ графа Аракчеева и названномъ по его имени кадетскомъ корпусѣ, гдѣ государь присутствовалъ при ужинѣ воспитанниковъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ насъ, пріѣхали также въ Москву сперва императрица съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, а потомъ великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, восхитившіе народъ особенно тѣмъ, что они выѣзжали одѣтые въ національномъ костюмѣ.

Время стояло прекрасное, и 1-го мая, въ день гулянья подъ Сокольниками, императорская фамилія смотрѣла на стеченіе экипажей и пѣшеходовъ изъ павильона, выстроеннаго для этого случая въ серединѣ рощи, а потомъ сама каталась въ экипажахъ по аллеямъ, при радостномъ «ура» толпы.

Прямо съ этого гулянья дворъ переселился на дачу, купленную государемъ у графини Орловой, откуда открывался очаровательный видъ на Москву-рѣку, на орошаемые ею луга и на весь городъ. Обширность дома и его пристроекъ позволила и всѣмъ намъ тутъ же помѣститься; только, къ сожалѣнію, съ слѣдующаго дня начались холода, вѣтеръ, дожди и даже снѣгъ, заставившіе насъ пожалѣть о рановременномъ переѣздѣ изъ Кремля. При такой погодѣ жизнь на дачѣ не представляла никакихъ удовольствій, и потому ихъ старались возмѣстить балами, спектаклями и большими или меньшими собраніями у императрицы.

Между тѣмъ, время у государя шло въ Москвѣ своимъ порядкомъ. Высочайшее вниманіе было обращено въ особенности на кадетскій корпусъ, на университетъ, на украшеніе города и на поправленіе отставшаго нѣсколько въ выправкѣ и движеніяхъ армейскаго корпуса, подъ командою князя Хилкова. Кромѣ того, государь каждое утро ѣздилъ въ Кремль для пріема военнаго генералъ-губернатора съ бумагами и прочихъ лицъ, имѣвшихъ къ нему доклады, а потомъ въ часъ сходилъ на площадь передъ дворцомъ, для присутствованія при разводѣ. Здѣсь государя забавляло ставить трехъ младшихъ сыновей своихъ на линію вмѣсто офицеровъ, къ большому наслажденію публики, ежедневно собиравшейся сюда во множествѣ въ экипажахъ и пѣшкомъ. Императрица, съ своей стороны, часто посѣщала и подробно осматривала Воспитательный Домъ и дѣвичьи институты, перешедшіе въ ея благодѣтельное завѣдываніе по наслѣдству отъ покойной императрицы-матери.

Въ это же время наступилъ въ Москвѣ срокъ публичной выставки мануфактурныхъ и фабричныхъ издѣлій, которая была устроена съ большимъ вкусомъ и изяществомъ въ домѣ Дворянскаго собранія, при единодушномъ стремленіи всѣхъ фабрикантовъ отличиться передъ своимъ царемъ. Императорская чета нѣсколько разъ съ величайшимъ внима-

ніемъ осматривала всю выставку, разспрашивая производителей о каждой мелочи и ободряя ихъ своимъ поощреніемъ.

Наконецъ, государь, чрезвычайно довольный видѣннымъ, призвалъ къ себѣ всѣхъ главныхъ экспонентовъ и, изъявивъ имъ свою благодарность за успѣхи ихъ производствъ, прибавилъ, что теперь, когда промышленность получила надлежащее направленіе и можетъ лишь итти къ дальнѣйшему ещѐ развитію, необходимо и правительству и фабрикантамъ обратить свое вниманіе на такой предметъ, при отсутствіи котораго самыя фабрики скорѣе будутъ зломъ, нежели благомъ. Это, продолжалъ онъ, попеченіе о рабочихъ, которые, ежегодно возрастая числомъ, требуютъ дѣятельнаго и отеческаго надзора за ихъ нравственностію, безъ чего эта масса людей постепенно будетъ портиться и обратится наконецъ въ сословіе столько же несчастное, сколько опасное для самихъ хозяевъ. Въ заключеніе онъ сослался на примѣръ двухъ фабрикантовъ, находившихся тутъ же въ числѣ прочихъ и особенно отличавшихся обращеніемъ своимъ съ рабочими, прибавивъ, что велитъ доносить себѣ о всѣхъ тѣхъ, которые послѣдуютъ этому примѣру, чтобы имѣть удовольствіе явить имъ за то знаки своего благоволенія.

Когда погода нѣсколько поправилась, императорская фамилія изъявила желаніе посѣтить нѣкоторыя окрестныя дачи. Министръ двора, князь Волконскій, удостоился чести принять ее къ обѣду въ своей прекрасной подмосковной, верстахъ въ 20-ти отъ города. По убранству дома и содержанію садовъ можно было подумать, что хозяинъ всегда въ ней живетъ, тогда какъ, напротивъ, въ продолженіе сорока лѣтъ служебныя обязанности позволили ему провести тамъ всего лишь нѣсколько дней. Такимъ же образомъ имѣлъ счастіе принять императорскую фамилію въ безподобной своей «мельницѣ» постоянный московскій житель, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, пользовавшійся особеннымъ высочайшимъ благорасположеніемъ. Сверхъ того, государь почтилъ своимъ посѣщеніемъ подмосковную графа Шереметева, уже 50 лѣтъ остававшуюся необитаемою и, несмотря на то, все еще сохранявшую слѣды прежняго великолѣпія и богатства. Государя въ особенности заняло находящееся въ тамошнемъ домѣ, или, лучше сказать, дворцѣ, многочисленное собраніе портретовъ вельможъ и сановниковъ вѣка Петра Великаго и Елисаветы, и онъ велѣлъ князю Волконскому просить согласія настоящаго владѣльца, въ то время флигель-адъютанта его величества, на снятіе копій съ нѣкоторыхъ изъ этихъ портретовъ, недостававшихъ въ эрмитажной и дворцовыхъ коллекціяхъ.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ нѣсколько частныхъ дачъ, государь пожелалъ взглянуть и на свои собственныя. Онъ посѣтилъ сперва Царицыно, не удовлетворившее его, впрочемъ, ни своимъ мѣстоположеніемъ, ни остатками сооруженнаго тамъ нѣкогда Екатериною II и впо-

слѣдствіи полуразвалившагося дворца, почему онъ предположилъ выстроить вмѣсто него со временемъ или казарму, или какое нибудь училище; затѣмъ государь обозрѣлъ Коломенское съ оставшеюся отъ древнихъ его зданій только одною дворцовою церковью. Взойдя по довольно высокой лѣстницѣ въ бесѣдку, построенную въ новѣйшее время на мѣстѣ старинныхъ царскихъ чертоговъ, государь былъ пораженъ открывшимся изъ нея восхитительнымъ видомъ на Москву и ея окрестныя села и деревни. «Вотъ, — сказалъ онъ, — гдѣ я поставлю дворецъ: рожденіе въ этомъ мѣстѣ Петра Великаго и безподобный видъ на древнюю столицу достаточно говорятъ, что здѣсь слѣдуетъ быть царскому жилью». Спустившись оттуда, государь вмѣстѣ съ императрицею вошелъ въ древнюю церковь и, увидѣвъ тамъ три четы, которыхъ бракъ благословлялся въ это время, приказалъ мнѣ потребовать ихъ на слѣдующее утро въ Кремлевскій дворецъ. Здѣсь императрица лично вручила молодымъ разные подарки, а я роздалъ имъ отъ имени государя нѣсколько сотъ рублей.

Пробывъ въ Москвѣ около мѣсяца, дворъ возвратился въ лѣтнія свои жилища окрестъ Петербурга.

Государь уѣхалъ прежде императрицы, въ ночь съ 21-го на 22-е мая, и по дорогѣ осмотрѣлъ войска сначала въ Твери, а потомъ въ Торжкѣ. По прибытіи въ Новгородъ, онъ пересѣлъ на пароходъ военныхъ поселеній, и мы отправились въ Юрьевъ монастырь. Здѣсь настоятелемъ въ то время былъ архимандритъ Фотій, прославившійся благоговѣйнымъ уваженіемъ, которое онъ умѣлъ внушить къ себѣ добродѣтельной графинѣ Орловой-Чесменской, уже нѣсколько лѣтъ посвящавшей огромныя свои богатства на украшеніе этой обители. Никто не ожидалъ пріѣзда государя; въ монастырѣ все было тихо, и мы, не встрѣтивъ ни души, вошли въ главный его соборъ; тамъ молился одинъ монахъ. Государь, также помолившись, осмотрѣлъ великолѣпныя ризы и оклады на иконахъ, и только при выходѣ его изъ собора разнеслась по монастырю вѣсть, что въ стѣнахъ его—императоръ.

Фотій пришелъ навстрѣчу его величеству и, несмотря на все желаніе казаться совершенно спокойнымъ, былъ въ крайнемъ замѣшательствѣ отъ этого неожиданнаго пріѣзда. Къ большому нашему изумленію, вслѣдъ за нимъ явилась и графиня Орлова, совершенно счастливая высочайшимъ посѣщеніемъ такой обители, которой она была благодѣтельницею и почти начальницею. Присутствіе женщины въ мужскомъ монастырѣ могло бы казаться соблазнительнымъ, если бы репутація графини не ставила ее превыше всякаго подозрѣнія. Она сопровождала государя въ больницу и по всѣмъ церквамъ, какъ бы сама офиціально принадлежа къ этому монастырю. Фотій съ своей стороны такъ растерялся, что позабылъ о всѣхъ почестяхъ, воздаваемыхъ въ подобныхъ случаяхъ главѣ государства и церкви.

По возвращеніи нашемъ въ Петербургъ, государь велѣлъ вытребовать его въ Невскую лавру для наученія впредь лучше исполнять свои обязанности.

Дворъ, проведя нѣсколько дней на Елагиномъ острову, переѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ для государя начались обычныя лѣтнія его занятія: поѣздки въ Кронштадтъ и въ Красносельскій лагерь, въ 1835 году тѣмъ болѣе привлекавшій его вниманіе, что великій князь Михаилъ Павловичъ былъ, для поправленія своего здоровья, на Карлсбадскихъ водахъ, и гвардейскимъ корпусомъ временно командовалъ вмѣсто него достойный, но израненный генералъ Бистромъ, которому недоставало силъ поддерживать строгость заведеннаго великимъ княземъ порядка.

Въ Петергофъ въ это лѣто пріѣхали и оставались тамъ во все продолженіе пребыванія царской фамиліи сестра императрицы съ супругомъ своимъ, принцемъ Фридрихомъ Нидерландскимъ, и герцогъ Нассаускій. Праздникъ 1-го іюля былъ еще великолѣпнѣе обыкновеннаго. Потомъ начались большіе маневры, въ которыхъ мы доходили до Гатчины.

Пока Петербургъ веселился и наслаждался самымъ безмятежнымъ спокойствіемъ, въ Парижѣ приготовлено было цареубійство, и дѣло шло о смертныхъ казняхъ. Извѣстный замыселъ Фіески, не достигшій настоящей своей цѣли, но стоившій, однако, жизни престарѣлому и храброму маршалу Мортье, испугалъ Францію и, возмутивъ своею дерзостью остальную Европу, былъ какъ бы новымъ призывомъ для всѣхъ правительствъ вооружиться противъ гнуснаго скопища, поклявшагося ниспровергнуть троны и разрушить общественный порядокъ. Теперь было необходимѣе, чѣмъ когда либо, чтобы сѣверные кабинеты гласно заявили свѣту единство началъ, связывавшихъ ихъ союзъ, тѣмъ болѣе, что кончина Франца I-го вдохнула революціонерамъ новыя надежды и вселила общій страхъ въ правительства.

Рѣшенъ былъ новый съѣздъ трехъ монарховъ, но на этотъ разъ долженствовавшій сопровождаться всѣмъ блескомъ военныхъ торжествъ, достойнымъ воспоминаній совокупныхъ побѣдъ 1813 и 1814 годовъ, изъ числа соучастниковъ которыхъ оставался на престолѣ уже одинъ только король Прусскій.

Мѣстомъ свиданія съ нимъ нашего государя избрали городъ Калишъ, какъ ближайшій пунктъ къ границамъ Пруссіи. Для сего послано было туда заблаговременно, на присоединеніе къ корпусу, стоявшему въ царствѣ Польскомъ, по взводу отъ каждаго гвардейскаго кавалерійскаго полка [1], что̀ составило вмѣстѣ три эскадрона, въ прибавку

[1] Рукою императора Николая написано:

«Les premiers pelotons des grenadiers et les premières compagnies de carabiniers».

къ которымъ слѣдовалъ еще изъ южныхъ военныхъ поселеній кирасирскій принца Альберта Прусскаго полка. Два баталіона гвардіи, составленные изъ всѣхъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ, 4 орудія отъ 3-хъ артиллерійскихъ бригадъ гвардейскаго корпуса, гренадерскій полкъ имени короля Прусскаго и 1 баталіонъ гренадерскаго полка имени наслѣднаго принца Прусскаго были собраны въ Ораніенбаумѣ для отправленія моремъ въ Данцигъ.

14-го іюля, послѣ напутственнаго молебствія, подъ открытымъ небомъ, передъ Ораніенбаумскимъ дворцомъ, государь самъ повелъ всѣ знамена къ катерамъ, и въ то же время всѣ войска этого отряда направились, по отдѣленіямъ, къ шлюпкамъ, которыя должны были доставить ихъ къ назначеннымъ для ихъ перевозки пароходамъ. Это движеніе было исполнено съ чрезвычайною точностью, и видъ длиннаго ряда судовъ, наполненныхъ сверкающими штыками и постепенно, въ опредѣленныхъ интервалахъ, отдѣлявшихся отъ берега въ направленіи каждаго къ своему пароходу, представлялъ безподобное зрѣлище, котораго красоту увеличивало ярко сіявшее солнце.

Король Прусскій съ своей стороны также велѣлъ образовать отряды изъ всѣхъ полковъ своей гвардіи и вмѣстѣ съ кирасирскимъ имени императора Николая полкомъ расположить ихъ лагеремъ неподалеку отъ Калиша.

1-го августа государь съ императрицею, великою княжною Ольгою Николаевною, принцемъ Фридрихомъ Нидерландскимъ съ его супругою, герцогомъ Нассаускимъ и маленькимъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, носившимъ титулъ генералъ-адмирала, отправились на пароходѣ «Геркулесъ» также въ Данцигъ. Графъ Орловъ и я удостоились чести быть на одномъ съ ними суднѣ, а остальная свита, дамы и кавалеры, поѣхала въ одно съ нами время на пароходѣ «Ижора». Князь П. М. Волконскій, назначенный сопровождать императрицу во время ея путешествія по Германіи, уѣхалъ впередъ сухимъ путемъ.

Нашъ переѣздъ, благопріятствуемый прекраснымъ временемъ, былъ истинною прогулкою, и одинъ только герцогъ Нассаускій пролежалъ всѣ пять дней въ морской болѣзни. Мѣстами къ намъ подходили фрегаты или бриги, отряженные отъ нашего флота для принятія приказаній государя, если бы такія понадобились, а миляхъ въ 20-ти отъ прусскихъ береговъ весь флотъ пришелъ намъ настрѣчу на всѣхъ парусахъ и по отсалютованіи императорскому флагу повернулъ назадъ для сопровожденія «Геркулеса»; но при ослабшемъ между тѣмъ вѣтрѣ нашъ пароходъ вскорѣ оставилъ за собою парусныя суда. Къ закату солнца открылись данцигскія колокольни, и мы убавили ходъ, чтобы войти въ каналъ, начинающійся въ пяти или шести верстахъ передъ

городомъ. Оба берега этого канала были заняты любопытными, а у пристани ожидали власти, военныя и гражданскія, подъ красивымъ шатромъ, устроеннымъ для пріема ихъ величествъ, возлѣ котораго стояли почетный караулъ и приготовленные для нихъ экипажи.

Солнце уже сѣло, огонь орудій съ данцигскихъ укрѣпленій рисовался въ темнотѣ, и гулъ выстрѣловъ величественно смѣшивался со звономъ колоколовъ и съ кликами толпы. Но шатеръ былъ устроенъ такъ неискусно, что нашъ «Геркулесъ» едва не опрокинулъ его своимъ колесомъ, и почти невозможно было сойти тутъ на берегъ. Вслѣдствіе того государь съ императрицею и своими спутниками съѣхалъ въ катерѣ и, обнявъ принца Прусскаго, высланнаго королемъ ему навстрѣчу, отправился къ отведенному для нихъ помѣщенію. Городъ былъ иллюминованъ, и все его населеніе радостно привѣтствовало государя и августѣйшую дочь своего короля. Это былъ первый русскій монархъ, который со временъ Петра Великаго явился въ стѣнахъ Данцига, столько разъ испытавшаго силу нашего оружія и въ 1806 году такъ мужественно защищеннаго нашими войсками противъ полчищъ Наполеона.

На слѣдующій день, послѣ обѣда, императрица съ своимъ братомъ отправилась въ Берлинъ, а государь съ принцемъ Нидерландскимъ и Нассаускимъ герцогомъ поѣхалъ въ Калишъ. Въ Торнѣ, незадолго до нашего проѣзда, загорѣлся большой мостъ, и мы, проѣзжая по немъ, видѣли еще сторожевыхъ его солдатъ. Зажигатели остались неоткрытыми; въ этой злонамѣренной попыткѣ подозрѣвали, можетъ быть, не безъ основанія поляковъ, думавшихъ воспользоваться безпорядкомъ для какого нибудь покушенія противъ особы государя. На границѣ царства Польскаго онъ отпустилъ приготовленный для него конвой, и мы проѣхали до Калиша краемъ, еще кипѣвшимъ горькою ненавистью къ Россіи, совершенно одни.

Фельдмаршалъ Паскевичъ принялъ его величество во главѣ генераловъ, командовавшихъ разными частями расположенныхъ въ лагерѣ войскъ, стоя у праваго фланга почетнаго караула передъ дворцомъ, убраннымъ со вкусомъ для короля Прусскаго и сестеръ императрицы, принцессы Нидерландской и гросъ-герцогини Мекленбургской. Для этого пребыванія отдѣлали также заново городской театръ, выстроили огромную залу, въ которой удобно могли помѣститься за обѣденными столами 300 человѣкъ, и въ флигеляхъ дворца, равно какъ и во многихъ частныхъ домахъ, отвели квартиры для принцевъ и другихъ особъ, приглашенныхъ или испросившихъ позволеніе присутствовать при калишскихъ маневрахъ. Къ большому изумленію тамошнихъ жителей, государь безъ всякой свиты обошелъ пѣшкомъ по всѣмъ приготовленнымъ для знатнѣйшихъ особъ помѣщеніямъ, стараясь, чтобы все въ

нихъ было удобно и прилично. Потомъ онъ осмотрѣлъ два лагеря, раскинутые за городомъ, одинъ для пѣхоты и другой для кавалеріи. Первый, заключавшій внутри себя пустое мѣсто для ожидаемыхъ прусскихъ войскъ, былъ расположенъ по гребню огромной отлогости, господствовавшей надъ городомъ и всѣми окрестностями. Влѣво отъ оставленной пустоты находились палатки для государя и для Прусскаго короля съ ихъ свитами, а внутри лагеря возвышался убранный оружіями и трофеями деревянный шатеръ, въ которомъ находилась обширная зала для обѣдовъ; съ устроеннаго надъ нимъ бельведера былъ очаровательный видъ на лагерь и всю окружающую мѣстность.

Государь сдѣлалъ предварительный смотръ войскамъ, въ видѣ приготовленія къ тому, къ которому ожидались Прусскій король и столько иностранныхъ принцевъ и генераловъ. Потомъ онъ забавлялся ученіемъ конно-мусульманскаго полка, составленнаго изъ магометанъ, обитающихъ въ Закавказскомъ краѣ. Эти воины, числомъ около 500, были богато одѣты, по образцу персіянъ, въ разноцвѣтныя одежды, что̀ придавало имъ чуждый для остальной Европы видъ азіатскаго войска. Раздѣлившись на двѣ партіи, они начали нападать другъ на друга съ необыкновенною ловкостью и удалью, но постепенно до того разгорячились, что государь призналъ нужнымъ положить конецъ ихъ стычкѣ и велѣлъ всѣмъ собраться вокругъ ихъ знамени. Партія, находившаяся напротивъ знамени, вообразивъ, что приказано его схватить, бросилась на него съ такою стремительностію, что произошла очень серіозная сшибка; знаменщикъ, сбитый съ лошади, вмѣстѣ съ своими товарищами совсѣмъ не въ шутку защищалъ ввѣренную ему святыню; посыпались сабельные удары, съ той и съ другой стороны полилась кровь, и государь, кинувшись между сражавшихся, едва успѣлъ съ нашею помощью разогнать и усмирить враждебныя партіи. Послѣ того они прошли мимо государя церемоніальнымъ маршемъ, съ криками «ура» и съ видомъ величайшаго самодовольства [1].

По окончаніи этихъ предварительныхъ рзспоряженій государь поѣхалъ въ Лигницъ въ Силезіи, гдѣ его ожидали императрица, король Прусскій, принцы Прусскаго дома, эрцъ-герцогъ австрійскій Фердинандъ съ дядею своимъ, эрцъ-герцогомъ Іоганномъ, наслѣдный герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій съ супругою своею, сестрою нашей императрицы, и нѣсколько другихъ еще принцевъ, которые всѣ собрались поклониться русскому императору и присутствовать при сборѣ прус-

[1] Императоръ Николай, читая записки графа Бенкендорфа, сдѣлалъ противъ этого мѣста замѣтку:

«C'est un poème! Cela ne fut pas si sérieux et il n'y eut heureusement ni coups de sabre, ni sang, mais c'en fut bien près et ce n'est qu'avec peine que je parvins à les calmer».

скаго корпуса. Туда же прибылъ изъ своей поѣздки по Германіи и Михаилъ Павловичъ.

Прусскій лагерь находился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, и на другой день послѣ нашего пріѣзда стоявшій тамъ корпусъ, числомъ около 20.000 человѣкъ, былъ выведенъ на парадъ; но отъ многочисленнаго стеченія любопытныхъ, верхами, въ экипажахъ и пѣшкомъ, которые, несмотря на всѣ подтвержденія, даже со стороны самого короля, очень мало обращали вниманія на соблюденіе порядка, церемоніальный маршъ такъ разстроился, что парадъ сдѣлался похожъ больше на какую-то сумятицу.

Въ числѣ иностранцевъ, съѣхавшихся отовсюду въ Лигницъ, находился также австрійскій генералъ, принцъ Ваза. Онъ заставилъ о позволеніи прибыть туда написать жену свою къ императрицѣ, а когда ея письмо осталось безъ отвѣта, то сказалъ князю Меттерниху, что считаетъ это молчаніе за знакъ согласія, и, несмотря на отзывъ Меттерниха, что съ императоромъ Николаемъ опасно играть въ пословицы, все-таки пріѣхалъ въ Лигницъ. Прусскій кабинетъ, находившійся не менѣе нашего въ тѣсныхъ связяхъ съ шведскимъ королемъ Карломъ-Іоганномъ, былъ столько же раздосадованъ этимъ пріѣздомъ, какъ и нашъ государь. Одинъ изъ адъютантовъ короля шведскаго, находившійся также въ Лигницѣ и приглашенный въ Калишъ, пришелъ сказать мнѣ, что онъ будетъ въ тяжкой необходимости отказаться отъ этой чести, если принцъ Ваза получитъ приглашеніе тамъ присутствовать, и даже найдется въ необходимости выѣхать изъ Лигница, такъ какъ всѣмъ лицамъ, состоящимъ въ шведской службѣ, строго приказано избѣгать встрѣчи съ претендентомъ на шведскій престолъ. Государь поручилъ мнѣ объяснить эрцъ-герцогу Фердинанду, что сколько его величеству ни непріятно отклонять пріемъ въ своихъ владѣніяхъ генерала, носящаго австрійскій мундиръ и возбуждающаго сочувствіе своими несчастіями, однако онъ вынуждается къ тому политическими отношеніями и искренностью своего союза съ королемъ шведскимъ; въ то же время велѣно было сказать шведскому адъютанту, что государь проситъ его остаться въ Лигницѣ и беретъ это на свою отвѣтственность передъ его монархомъ, которому и изложилъ все дѣло въ письмѣ къ графу Сухтелену, нашему посланнику при шведскомъ дворѣ. Кончилось тѣмъ, что шведскій офицеръ былъ чрезвычайно польщенъ такою милостивою любезностью государя, а принцъ Ваза, поставленный своею опрометчивостью въ самое непріятное положеніе, воротился въ Вѣну изливаться въ жалобахъ передъ тамошними дамами, которыхъ онъ былъ любимцемъ.

Въ Лигницѣ король ежедневно собиралъ у себя всѣхъ принцевъ и знатныхъ иностранцевъ на большіе обѣды и вечера; городъ далъ балъ,

довольно плохенькій и худо освѣщенный, а войско угостило насъ подготовленнымъ заранѣе ученьемъ, послѣ котораго пошло къ Доманзе въ Силезіи, гдѣ стоялъ лагеремъ другой прусскій корпусъ, и куда всѣ мы также поѣхали. Государь съ императрицею были тамъ помѣщены въ старинномъ замкѣ графа Бранденбурга, лежащемъ въ очаровательной мѣстности и окруженномъ прекрасными видами, а король поселился въ другомъ частномъ замкѣ, въ пяти верстахъ отъ Доманзе и въ двухъ отъ лагеря. Всѣ окрестные дома были заняты принцами и свитою, что̀ придало этому красивому краю особенное оживленіе. Большая галлерея близъ жилища короля служила столовою для всѣхъ королевскихъ гостей, число которыхъ увеличивалось приглашавшимися къ столу дамами и окрестными помѣщиками. Въ лагерѣ былъ устроенъ большой баракъ, внутри драпированный, въ которомъ корпусъ офицеровъ далъ балъ всѣмъ августѣйшимъ особамъ, присутствовавшимъ при этомъ военномъ сборищѣ. Иногда король пріѣзжалъ также обѣдать къ нашему государю въ Доманзе, куда въ такихъ случаяхъ звали столько гостей, сколько позволяло мѣсто. По вечерамъ собирался тамъ лишь самый небольшой кружокъ, почти исключительно состоявшій изъ семейства императрицы и немногихъ лицъ, составлявшихъ свиту ея и государеву. Утро проводили на ученіяхъ, смотрахъ и маневрахъ.

28-го августа, нашъ императорскій домъ перебрался въ Калишъ, куда государь пріѣхалъ въ 2 часа пополуночи, а императрица, принявшая еще на пути балъ, данный ей городомъ Бреславлемъ, въ 8 часовъ вечера.

На слѣдующій день прибыли туда и иностранные принцы, а 30-го числа, въ день тезоименитства наслѣдника цесаревича, послѣ церковнаго парада и богослуженія въ походной церкви, государь въ 3 часа отправился на границу царства для встрѣчи августѣйшаго своего тестя, съ которымъ и возвратился часа черезъ два въ Калишъ. Здѣсь, на дворцовомъ дворѣ, ожидалъ почетный караулъ съ стоявшими на правомъ его флангѣ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, фельдмаршаломъ Паскевичемъ и всѣми генералами. Пройдя передъ фронтомъ, король былъ встрѣченъ на дворцовой лѣстницѣ августѣйшею своею дочерью, которая провела почтеннаго старца въ приготовленные для него покои, тѣ самые, гдѣ онъ жилъ въ 1813 году, когда изгнаніе французовъ изъ нашихъ предѣловъ и пораженіе ихъ нашими побѣдоносными войсками предвѣщало Пруссіи и остальной Европѣ близкое освобожденіе,—тѣ самые покои, гдѣ за 22 года передъ симъ Александръ I, предавая забвенію совокупное дѣйствіе Пруссіи съ Наполеономъ противъ Россіи, протягивалъ Фридриху-Вильгельму III руку помощи и подписывалъ союзъ съ Пруссіею противъ ея притѣснителя. Король, глубоко тронутый этими воспоминаніями давно минувшихъ дней,

столь многозначительныхъ въ судьбѣ обоихъ государствъ, былъ еще болѣе растроганъ нѣжною попечительностью къ нему любимой дочери и могущественнаго зятя и пріемомъ этихъ славныхъ невиданныхъ имъ съ Парижа русскихъ войскъ, которыя приводили ему на память опасности и побѣды 1812—1814 годовъ.

Вечеромъ, передъ закатомъ солнца, всѣ находящіеся въ Калишѣ и въ лагерѣ генералы и офицеры собрались въ полной парадной формѣ на площади передъ дворцомъ, а за ними стали въ густыхъ колоннахъ полковые музыканты, барабанщики, флейтщики и горнисты, числомъ слишкомъ полторы тысячи. Какъ только король показался на балконѣ, его привѣтствовали единодушнымъ «ура», и музыка заиграла маршъ, сочиненный имъ самимъ, въ бытность его еще наслѣднымъ принцемъ, и потомъ національный нашъ гимнъ. Грандіозность этой сцены поразила всѣхъ присутствовавшихъ столько же, сколько тронула доблестнаго сотоварища и друга императора Александра.

На слѣдующее утро прусскія войска присоединились у Калиша къ нашимъ, и король верхомъ ожидалъ на правомъ ихъ флангѣ государя, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ императрицею, бывшею также верхомъ. Пруссаки приняли ихъ величества съ криками «ура», заимствованными отъ нашихъ войскъ въ 1813-мъ и 1814-мъ годахъ.

Въ свитѣ царской, кромѣ названныхъ уже выше прусскихъ принцевъ, австрійскихъ эрцъ-герцоговъ, герцога Нассаускаго, Нидерландскаго и Мекленбургъ-Шверинскаго, находились еще герцогъ Кумберландскій, наслѣдные принцы Гессенъ-Дармштадтскій и Гессенъ-Кассельскій, принцъ Фридрихъ Виртембергскій, принцы Карлъ и Фридрихъ Шлезвигъ-Голстинскіе и множество иностранныхъ генераловъ и офицеровъ. Сверхъ того, прибыла въ Калишъ и супруга прусскаго короля, княгиня Лигницъ.

Пока вся эта блестящая свита слѣдовала за обоими монархами передъ фронтомъ прусскаго корпуса, наши войска выстроились впереди своего лагеря такимъ образомъ, что между двумя образованными ими стѣнами оставался широкій проходъ; потомъ государь со своимъ штабомъ сталъ на лѣвомъ флангѣ пѣхоты, а императрица заняла мѣсто на правомъ флангѣ у кавалергардскаго взвода, и король повелъ свой корпусъ къ центру лагеря. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ между рядами нашихъ войскъ, знамена и штандарты преклонялись, и крики нашихъ солдатъ смѣшивались съ звуками музыки и пушечною пальбою, сопровождавшею это торжественное шествіе. Дойдя до назначеннаго для нихъ мѣста, пруссаки, въ свою очередь, выстроились въ двѣ линіи, и наши войска, подъ предводительствомъ государя и съ императрицею на флангѣ кавалергардовъ, прошли между ихъ рядами, привѣтствуемыя такими же изъявленіями, какими прежде встрѣчали прус-

саковъ. Въ этомъ соединеніи войскъ двухъ сильныхъ націй и вообще во всемъ этомъ пріемѣ было что-то рыцарское и могучее, расшевелившее всѣ сердца. Солдаты цѣловались между собою, какъ братья, офицеры пріязненно жали другъ другу руки, и оба монарха обнялись въ виду обѣихъ армій.

Все было приготовлено въ лагерѣ для обильнаго продовольствія прусскихъ солдатъ и для стола и для удобствъ офицеровъ. Послѣднихъ угощали въ большой залѣ, устроенной посреди лагеря, наши гвардейскіе офицеры, а принадлежавшіе къ свитамъ короля и принцевъ, равно какъ и прочіе иностранцы, обѣдали за роскошнымъ гофмаршальскимъ столомъ въ залѣ возлѣ дворца. Вечеромъ всѣмъ раздавались даровые билеты на нѣмецкій спектакль, для котораго, чтобы не лишить короля любимаго и ежедневнаго его развлеченія, была выписана труппа изъ Берлина.

Слѣдующій день, 1-е сентября, падалъ на воскресенье. Сперва всѣ собрались къ православному богослуженію въ походной церкви, устроенной посреди лагеря, вокругъ которой наши войска были разставлены въ огромныхъ карре; потомъ всѣ перешли нѣсколько сотъ шаговъ далѣе къ мѣсту, гдѣ прусскія войска, такимъ же образомъ разставленныя, слушали проповѣдь лютеранскаго пастора и пѣли свои церковные гимны. Такое сліяніе двухъ вѣроисповѣданій, двухъ богослуженій, въ одномъ лагерѣ, въ присутствіи двухъ монарховъ, стоявшихъ во главѣ этихъ двухъ различныхъ церквей, служило живымъ символомъ обоюдной ихъ вѣротерпимости, тѣмъ болѣе поразительнымъ, что все это происходило въ краѣ, исповѣдующемъ римско-католическую вѣру, которая отличается своею нетерпимостью и фанатизмомъ.

Покамѣстъ въ лагерѣ отправлялась божественная служба, на широкой равнинѣ передъ нимъ собраны были мусульманскій полкъ, черкесы и кавказскіе линейные казаки. Вокругъ нихъ образовался огромный амфитеатръ изъ солдатъ обѣихъ націй, передъ которыми тѣснились верхомъ и пѣшкомъ всѣ иностранные офицеры, жаждавшіе полюбоваться никогда не виданнымъ ими зрѣлищемъ. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ, возлѣ артиллерійской батареи, сталъ царственный хозяинъ со всѣми своими августѣйшими гостями, и по данному имъ сигналу началось ристаніе. Татары, черкесы и казаки, въ разнообразныхъ и богатыхъ своихъ нарядахъ, пустили вскачь своихъ лошадей, нападая одни на другихъ и увертываясь отъ ударовъ съ свойственными имъ ловкостію и быстротою. То летя впередъ, то уклоняясь, какъ молнія, въ сторону, то толпою, то поодиночкѣ, то наконецъ стоя на лошадяхъ и въ этомъ положеніи стрѣляя изъ ружей и пистолетовъ, наконецъ, по одному знаку своихъ офицеровъ, строясь и разсыпаясь съ одинаковымъ проворствомъ, они всѣхъ изумили и своими атлетическими формами, и стремительно-

стію своихъ лошадей, и собственною своею удалью. Соединивъ въ себѣ Европу съ Азіею, этотъ праздникъ напоминалъ собою времена крестовыхъ походовъ.

Слѣдующіе дни Калишскаго съѣзда были посвящены парадамъ, ученьямъ и маневрамъ, на которыхъ блистательная выправка и точность движеній нашихъ войскъ вызвали общее удивленіе иностранцевъ.

Давались также большіе обѣды и другія празднества разнаго рода. При одномъ изъ нихъ, данномъ нашимъ монархомъ отъ лица всего лагеря, 2.000 музыкантовъ исполнили королевскій маршъ и слишкомъ 600 полковыхъ пѣвчихъ пропѣли куплеты въ честь короля, сочиненные простымъ солдатомъ и положенные на музыку моимъ адъютантомъ Львовымъ, съ аккомпанементомъ выстрѣловъ изъ 18-ти орудій. Въ заключеніе великолѣпнаго фейерверка бомбардировался нарочно выстроенный за лагеремъ городокъ съ высокими минаретами. Его зажгли гранатами, постепенно взрывавшими фугасы, состоявшіе изъ безчисленнаго множества ракетъ. Это было точно изверженіе огнедышащей горы.

Простившись съ нашими генералами и офицерами въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, король оставилъ Калишъ 10-го сентября. Государь проводилъ его до границы царства. Вслѣдъ затѣмъ выступилъ изъ лагеря прусскій отрядъ, а потомъ началось обратное движеніе и нашихъ войскъ. При послѣднемъ прощаньѣ государь собралъ вокругъ себя всѣхъ офицеровъ и благодарилъ ихъ такъ милостиво, что они въ слезахъ бросились цѣловать ему руки и колѣни. При общемъ натискѣ лошадь его едва могла устоять на ногахъ.

Возвратившись въ сопровожденіи Паскевича ко дворцу, передъ которымъ стояла въ караулѣ рота Орловскаго егерскаго полка, государь приказалъ солдатамъ привѣтствовать новаго своего шефа — князя Варшавскаго, которымъ этотъ полкъ былъ сформированъ въ 1810 году. Милость сія была для всѣхъ совершенною неожиданностію.

Утромъ на другой день императрица отправилась въ Теплицъ, а государь послѣдовалъ за нею днемъ позже и въ Бреславлѣ остановился отужинать съ королевскою фамиліею.

На австрійской границѣ ожидалъ государя князь Лихтенштейнъ, а въ Нейшольцѣ встрѣтилъ его богемскій оберъ-бургграфъ, графъ Хотекъ. Касательно лошадей австрійцы такъ безпечно распорядились, что хорошихъ едва доставало подъ государеву коляску, а во всѣ прочіе экипажи запрягали крестьянскихъ, съ негодною упряжью и дрянными кучерами, что̀ въ этихъ гористыхъ мѣстахъ грозило ежеминутною опасностію. Къ ночи мы прибыли въ какой-то маленькій городокъ, гдѣ въ довольно плохой гостиницѣ рѣшился переночевать государь, а Лихтенштейнъ, Хотекъ и я должны были удовольствоваться какою-то харчев-

нею, гдѣ едва нашли чего поѣсть. Свита государева нагнала насъ уже на слѣдующее утро.

За двѣ станціи до Теплица ожидалъ придворный экипажъ, и Хотекъ умолялъ меня убѣдить государя остановиться тутъ на нѣкоторое время, чтобы онъ, Хотекъ, могъ предварить своего императора, желавшаго выѣхать навстрѣчу нашему. Его величество слышать о томъ не хотѣлъ и, переодѣвшись въ полковничій мундиръ венгерскихъ гусаровъ, поспѣшилъ отправиться съ княземъ Лихтенштейномъ. Я съ Хотекомъ въ другой коляскѣ выѣхалъ нѣсколько ранѣе, и хотя послѣднему велѣно было ѣхать впередъ, однако государь скоро обогналъ нашихъ крестьянскихъ лошадокъ, и мы потеряли его изъ вида. Хотекъ совершенно растерялся, кричалъ, бранился, сулилъ огромные тринкгельды, а я, смѣясь внутренно надъ забавнымъ отчаяніемъ моего спутника, старался утѣшить его тѣмъ, что императоръ австрійскій вѣрно проститъ ему замедленіе, происшедшее единственно по винѣ нашего государя. «Если бы императоръ и простилъ меня, — отвѣчалъ онъ, — то мнѣ все-таки страшно достанется отъ князя Меттерниха!»

Мы добрались до Теплица уже полчаса послѣ того, какъ оба монарха встрѣтились тамъ на улицѣ. Помѣщеніе нашей императорской четѣ было отведено въ домѣ князя Клари, вмѣстѣ съ австрійскою; но послѣдняя занимала бельэтажъ, а первую помѣстили въ верхнемъ этажѣ, точно будто бы гостями тутъ были австрійцы.

Постепенно прибыли въ Теплицъ и всѣ калишскіе наши гости, бывшіе уже прежде въ Лигницѣ и въ Доманзе, въ томъ числѣ и прусскій король. Однажды, сидя въ этомъ обществѣ за обѣдомъ у австрійскаго императора, я шепнулъ гросъ-герцогинѣ Мекленбургской, что мы — точно труппа странствующихъ актеровъ, переряжающихся по мѣрѣ прибытія въ каждый городъ.

Впрочемъ общество наше въ Теплицѣ увеличилось еще нѣсколькими новопріѣзжими: эрцъ-герцогомъ Карломъ, княземъ Меттернихомъ, нашимъ посломъ при вѣнскомъ дворѣ Татищевымъ, графомъ Колловратомъ и нѣсколькими нѣмецкими принцами съ ихъ свитами. Городъ былъ набитъ биткомъ. Вѣнцы съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ и даже страхомъ ожидали этой встрѣчи обоихъ императоровъ, опасаясь за сравненіе.

Контрастъ былъ въ самомъ дѣлѣ поразителенъ. Рядомъ съ однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ въ мірѣ, исполненнымъ силы нравственной и физической, являлось какое-то слабенькое существо, тщедушное и тѣломъ и духомъ, какой-то призракъ монарха, стоявшій по осанкѣ и рѣчи ниже самыхъ рядовыхъ людей. Нужна была вся вѣжливость и ласковая привѣтливость императора Николая, чтобы утаить отъ зоркихъ глазъ австрійцевъ, сколько онъ изумленъ этою фигурою; но его обращеніе

съ Фердинандомъ, всегда предупредительное, дружеское и даже почтительное, вскорѣ привлекло къ нему сердца всей австрійской свиты и, въ особенности, молодой императрицы, которая оцѣнила съ благодарностію трудное положеніе нашего государя. Можно смѣло сказать, что его австрійскій сотоварищъ былъ высшей ничтожностію и какъ бы совсѣмъ не существовалъ. Онъ едва даже могъ удерживать въ памяти наши фамиліи и на все, что мы ни старались говорить ему съ видомъ, будто бы не примѣчаемъ совершенной его ограниченности, отвѣчалъ лишь полусловами, совсѣмъ не клеившимися съ предметомъ разговора.

Но тѣмъ благороднѣе и величественнѣе было зрѣлище, даваемое свѣту австрійскою націею и управлявшими ею министрами. Все благоговѣло передъ трономъ, почти празднымъ; все соединялось вокругъ власти, представлявшей одинъ призракъ монарха. Всѣ управленія и начальства слѣдовали по пути, указанному покойнымъ Францемъ, котораго боготворимая память, какъ благотворная тѣнь витала надъ ихъ рѣшеніями и дѣйствіями. Князь Меттернихъ продолжалъ всѣмъ руководить, раздѣляя заботы правленія съ графомъ Колловратомъ, болѣе занимавшимся финансовою частью, и съ графомъ Кламмомъ, завѣдывавшимъ военными дѣлами. Этотъ тріумвиратъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ истинную императорскую власть; всѣ про него знали, и всѣ, однако же, скрывали это отъ самихъ себя, давая видъ, что повинуются только волѣ императора.

Тѣмъ же самымъ высокимъ духомъ почтенія и преданности къ его особѣ дышали всѣ сословія, начиная отъ членовъ царственнаго дома и до послѣдняго крестьянина: слыша ихъ слова и видя усердіе, можно бы подумать, что ими управляетъ человѣкъ, вполнѣ достойный стоять во главѣ ихъ прекрасной страны. Но сколько это ни представлялось почтеннымъ и достойнымъ удивленія, такой порядокъ вещей ничѣмъ ни упрочивался въ настоящемъ, и гроза висѣла надъ его будущимъ.

Меттернихъ, эрцъ-герцоги Іоганнъ и Карлъ и молодая императрица обратились къ благородному и твердому характеру нашего государя, ища въ немъ покровительственной опоры, и предались ему съ безграничною и самою чистосердечною довѣренностью. Императоръ Николай свято помнилъ данное имъ Францу обѣщаніе быть попечителемъ его сына и оплотомъ его имперіи. Онъ съ обычною ревностною своею дѣятельностію выслушивалъ все повѣряемое ему австрійскими министрами и отъ искренняго сердца помогалъ имъ своими совѣтами. Для него уже не существовало тайнъ въ австрійской администраціи, и всѣ радовались этому благодатному и могущественному покровительству.

Въ Теплицѣ собирались къ обѣду почти всегда у австрійскаго императора, который, принимая у себя, скорѣе походилъ на мебель, чѣмъ на хозяина. Вечеромъ иногда бывали въ театрѣ, а потомъ день оканчи-

вался всегда въ салонѣ танцами или концертами въ присутствіи всѣхъ монарховъ и принцевъ, императрицъ и принцессъ, кромѣ только Фердинанда, рѣдко тутъ появлявшагося. Однажды вечеромъ, когда и онъ тамъ показался, я побѣжалъ доложить о томъ государю, разговаривавшему съ кѣмъ-то поодаль. Его величество тотчасъ поспѣшилъ навстрѣчу Фердинанду и привѣтствовалъ его глубокимъ поклономъ; но бѣдный юродивый, незнакомый даже съ обыкновенными свѣтскими приличіями или чуждавшійся ихъ изъ неодолимой робости, отвѣчалъ государю однимъ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы и въ ту же минуту отвернулся отъ него. Сама императрица наша, сколько ни старалась пріучить его къ себѣ, никакъ не могла въ томъ успѣть.

Подъ Теплицемъ собраны были гусарскій полкъ имени императора Николая, одинъ уланскій полкъ, нѣсколько баталіоновъ пѣхоты и немного артиллеріи. Послѣ римско-католической обѣдни, отправленной въ палаткѣ, среди очаровательной долины близъ города, этимъ войскамъ сдѣланъ былъ смотръ. Фердинанда посадили на лошадь со всѣми предосторожностями, употребляемыми для какой нибудь трусливой дамы. Онъ поѣхалъ впередъ шагомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на русскаго императора. Потомъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ нимъ и передъ обѣими императрицами, сидѣвшими вмѣстѣ въ коляскѣ. Нашъ государь ѣхалъ впереди своего полка и, отсалютовавъ, какъ простой полковникъ, подскакалъ къ австрійской императрицѣ съ почетнымъ рапортомъ.

Нѣсколько дней позже было произведено, въ честь нашего государя, въ двухъ миляхъ отъ Теплица, нѣчто въ родѣ ученья—маневровъ, при которыхъ австрійскій императоръ не присутствовалъ.

Въ другой разъ императоръ Николай, въ блестящемъ венгерскомъ мундирѣ, училъ свой гусарскій полкъ на Кульмскомъ полѣ, гдѣ за двадцать одинъ годъ передъ тѣмъ гвардія его брата положила первую основу дальнѣйшихъ успѣховъ союзниковъ. Къ этому ученью пріѣхали обѣ императрицы, августѣйшія сестры государыни, и прусскій король, и государь представилъ свою супругу полку, разговаривая и шутя съ простыми гусарами, къ крайней ихъ радости. Фердинандъ, заставивъ себя съ полчаса дожидаться, явился наконецъ въ коляскѣ, и приближеннымъ лишь съ большимъ трудомъ удалось уговорить его сѣсть на лошадь, чтобы проѣхать передъ фронтомъ и принять честь отъ полковника, что, впрочемъ, онъ сдѣлалъ, тоже не обращая вниманія на этого полковника-императора. Но когда полкъ развернулся, чтобы пройти передъ Фердинандомъ церемоніальнымъ маршемъ, онъ вдругъ удалился, и ничто уже не могло убѣдить его вернуться. Государю пришлось провести полкъ передъ императрицами, возлѣ которыхъ сталъ король прусскій. Позднее прибытіе Фердинанда къ ученью, уклоненіе потомъ сѣсть на лошадь и,

наконецъ, непостижимый капризъ, увлекшій его съ мѣста въ ту самую минуту, когда его присутствіе тутъ было всего необходимѣе, крайне огорчили и смутили безподобныхъ австрійцевъ, еще болѣе страдавшихъ отъ нелѣпостей своего монарха при сравненіи его съ нашимъ императоромъ.

Покойный Францъ еще въ 1813 году предположилъ воздвигнуть на Кульмскомъ полѣ памятникъ въ воспоминаніе одержанной тамъ побѣды, но исполненіе этого намѣренія отчего-то замедлилось. Теперь Меттернихъ приготовилъ торжество, долженствовавшее осуществить эту мысль, и для котораго не могло быть выбрано пристойнѣйшей минуты. На мѣстѣ, гдѣ предназначалось воздвигнуть памятникъ, поставили модель его въ настоящихъ размѣрахъ, а вокругъ собрали всѣ находившіяся въ окрестностяхъ войска. Къ предстоящему торжеству стеклось все теплицкое населеніе, и явились вмѣстѣ священники римско-католическій, лютеранскій и одинъ православный[1], а также выписанные изъ Петербуга дворцовые гренадеры изъ числа сражавшихся и раненыхъ въ Кульмскомъ боѣ. Въ назначенный часъ пріѣхали и помѣстились въ красивой бесѣдкѣ всѣ три монарха, обѣ императрицы и всѣ принцы и принцессы. Чудеснѣйшая погода благопріятствовала празднику, на которомъ изъ участниковъ славнаго тройственнаго союза присутствовалъ уже одинъ только прусскій король. Совершена была панихида по положившихъ свой животъ въ этой достопамятной битвѣ[2]; наши старые гренадеры, отдавая честь памяти своихъ сотоварищей, заливались слезами, и всѣ присутствовавшіе были глубоко растроганы. Церемонія окончилась закладкою фундамента для памятника. Три ружейные и пушечные залпа огласили при этомъ долину и повторились эхомъ окрестныхъ горъ и лѣсовъ.

Государь въ тотъ же день послалъ андреевскія ленты подвижникамъ Кульмскаго боя: графу Остерману и Ермолову, давно уже оставившимъ поприще служебной дѣятельности и, конечно, никакъ не воображавшимъ, чтобы русскому монарху, въ далекомъ уголкѣ Богеміи, пришли на память прежнія ихъ заслуги.

Во время нашего пребыванія въ Теплицѣ князь Меттернихъ старался еще болѣе со мной сблизиться и показывалъ мнѣ возможные знаки довѣрія. Съ годъ передъ тѣмъ я послалъ въ Германію одного изъ моихъ чиновниковъ, съ цѣлью опровергать посредствомъ дѣльныхъ и умныхъ газетныхъ статей грубыя нелѣпости, печатаемыя за границею о Россіи и ея монархѣ, и вообще стараться противодѣйствовать революціонному духу,

1 Подчеркнутыя слова зачеркнуты императоромъ Николаемъ, и противъ нихъ написано: «C'est faux».

2 Подчеркнутыя слова зачеркнуты, и противъ нихъ написано императоромъ Николаемъ: «C'est faux; il y eût consécration d'après le rite catholique de la première pierre du monument à élever».

обладавшему журналистикою. Послѣднее обстоятельство очень интересовало и князя Меттерниха. Увѣряя, что у него нѣтъ чиновника способнѣе къ этому моего, который имѣлъ случай сдѣлаться ему лично извѣстнымъ, онъ просилъ прислать его на жительство въ Вѣну, чтобы имъ работать тамъ соединенными силами на пользу Россiи и Австрiи и на распространенiе добрыхъ монархическихъ началъ. Я тѣмъ охотнѣе на это согласился, что мнѣ не хотѣлось возбуждать подозрѣнія объ участiи въ семъ дѣлѣ нашего правительства, слишкомъ высоко стоявшаго для борьбы съ журналами. Вслѣдствіе того, мой чиновникъ, разъѣзжавшій по Германiи, какъ совершенно частное лицо, поселился въ Вѣнѣ въ такой же роли. Сверхъ того, князь Меттернихъ, постоянно обращавшій особенное вниманіе на дѣла высшей или тайной полиціи, предложилъ мнѣ прислать въ Вѣну одного изъ нашихъ жандармскихъ офицеровъ, чтобы ознакомить его со всѣмъ движеніемъ этой части въ Австріи и, введя его во всѣ подробности ея механизма, черезъ то самое согласить наши обоюдныя мѣры противъ поляковъ. И на это предложеніе я также съ удовольствіемъ согласился и, по возвращенiи моемъ въ Петербургъ, тотчасъ же командировалъ въ Вѣну подполковника Озерецковскаго, который былъ принятъ тамъ со всею ласкою и предупредительностью.

Мы оставили Теплицъ, пробывъ въ немъ какую нибудь недѣлю. Государь ѣхалъ съ императрицею, а я слѣдовалъ за ними въ государевой коляскѣ. Въ крѣпости Терезіенштадтъ, назначенной для ночлега ихъ величествъ, мы нашли эрцъ-герцога Іоганна, который, въ качествѣ начальника инженеровъ, принялъ государя и поднесъ ему всѣ планы укрѣпленій. На другое утро мѣстный гарнизонъ былъ выведенъ на ученіе съ пальбою, а между тѣмъ открыли шлюзы, чтобы наполнить водою крѣпостные рвы, и государь, въ сопровожденiи эрцъ-герцога съ генералами и офицерами, подробно осмотрѣлъ всѣ крѣпостныя работы и строенія. Оттуда мы въ прелестную погоду поѣхали въ Прагу, видъ которой издалека поразилъ всѣхъ насъ сходствомъ съ Москвою.

Государя съ императрицею везли придворныя лошади, а я слѣдовалъ непосредственно за ними на почтовыхъ, но при подъемѣ на гору въ Градчину мои лошади запутались въ постромкахъ, и я отсталъ. Главная лѣстница къ замку была наполнена зрителями, и у нижнихъ ея ступеней ожидали князь Меттернихъ и Татищевъ, а на верхнихъ австрійскій императоръ съ своею супругою, эрцъ-герцогами и дворомъ. Я выскочилъ изъ коляски и спросилъ, гдѣ нашъ государь, Меттернихъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же самымъ вопросомъ. Дѣло было въ томъ, что государя привезли другою дорогою, и всему австрійскому двору пришлось отправиться въ крайнемъ смущенiи на поискъ тѣхъ августѣйшихъ гостей, для пріема которыхъ онъ собственно и собрался.

Я, съ своей стороны, также довольно сконфуженный одиночнымъ появленіемъ моей персоны, вмѣшался въ толпу и пошелъ отыскивать назначенный мнѣ для квартиры домъ, который оказался окруженнымъ высокими стѣнами, совершенно заслонявшими всякій видъ. Вообще все отзывалось безпорядкомъ, царствовавшимъ при австрійскомъ дворѣ вслѣдствіе отрицательнаго положенія его монарха. Такъ, напримѣръ, пріѣхавъ въ Прагу именно для пріема и угощенія императорской четы, забыли бездѣлицу: приготовить для нея комнаты. Только за нѣсколько часовъ до прибытія нашего государя князь Меттернихъ, пожелавъ лично удостовѣриться, все ли устроено, какъ слѣдуетъ, съ ужасомъ увидѣлъ, что ничего не сдѣлано, и въ досадѣ прибѣжалъ къ своей императрицѣ доложить о томъ. Тогда она поспѣшила выбраться съ супругомъ изъ собственныхъ покоевъ и уступить ихъ своимъ августѣйшимъ гостямъ.

Постепенно собралась въ Прагу и большая часть принцевъ и принцессъ, слѣдовавшихъ за нами съ самаго Лигница. Всѣ, больше или меньше, подверглись такимъ же недосмотрамъ и промахамъ въ отношеніи къ ихъ помѣщенію. Король прусскій сюда не пріѣхалъ и отправился ожидать государя съ императрицею въ Силезію.

Прага была всякій вечеръ великолѣпно иллюминована, а утро проходило въ смотрахъ и ученіяхъ тамошняго гарнизона. Императоръ Николай со всевозможною предупредительностью занималъ вездѣ второе мѣсто, кромѣ ученій, на которыя Фердинандъ не отваживалъ своей тщедушной особы. Нашъ государь, въ венгерскомъ мундирѣ, восхищалъ всѣхъ многочисленныхъ зрителей, отовсюду стекавшихся посмотрѣть на него. При парадномъ спектаклѣ въ театрѣ, оба императора съ своими супругами находились вмѣстѣ въ одной ложѣ; но нашъ сѣлъ позади, такъ что всѣ обращенныя къ нему рукоплесканія имѣли видъ, будто бы относятся къ Фердинанду, отвѣчавшему на нихъ неловкимъ киваніемъ головы. Большой балъ при дворѣ былъ очень многолюденъ, и все, что Прага и ея окрестности могли выставить изъ общества дамъ, съѣхалось сюда щегольнуть своими брильянтами и богатствами Богеміи. Наша 13-ти-лѣтняя великая княжна Ольга Николаевна, впервые явившаяся при этомъ случаѣ въ публикѣ, сіяла красотою и граціею. Достойною спутницею ея на балѣ была прелестная и живая дочь эрцъ-герцога Карла, вступившая впослѣдствіи въ супружество съ королемъ Неаполитанскимъ.

Послѣ четырехдневнаго пребыванія въ Прагѣ всѣ августѣйшіе гости начали готовиться къ отъѣзду, и мы собирались отправиться въ Силезію, какъ вдругъ утромъ, когда уже поданы были экипажи, государь, подойдя къ Фердинанду, сказалъ ему: «у меня есть до васъ просьба; позвольте мнѣ съѣздить въ Вѣну, чтобы засвидѣтельствовать мое почтеніе вдовствующей императрицѣ, ва-

шей матушкѣ и вдовѣ друга брата моего Александра и моего». Этотъ неожиданный вызовъ очень тронулъ бѣднаго Фердинанда, который принялъ его съ живою радостію и благодарностію [1]. Затѣмъ государь попросилъ у князя Меттерниха письма къ его женѣ; и мы немедленно покатили въ Вѣну. Императрица же направилась къ Фишбаху, замку дяди своего, принца Вильгельма.

Тайна поѣздки въ Вѣну не была повѣрена никому, кромѣ меня, и лишь наканунѣ уже вечеромъ я послалъ впередъ фельдъегеря заказывать лошадей на мое имя. Только по утру, въ день отъѣзда, было сообщено о нашемъ планѣ Татищеву, и онъ вручилъ мнѣ ключи отъ вѣнскаго своего кабинета, такъ какъ государь намѣревался остановиться въ посольскомъ домѣ.

Князь Лихтенштейнъ, готовившійся садиться въ коляску, чтобы слѣдовать за нами въ Силезію, узналъ о перемѣнѣ маршрута, къ крайнему своему изумленію, только въ самую минуту отъѣзда. Всѣ были въ восторгѣ отъ этой любезной внимательности государя.

Благодаря огромнымъ тринкгельдамъ, которыми я щедро надѣлялъ почтальоновъ, и ревнію князя Лихтенштейна, всѣми средствами старавшагося оживить хладнокровную флегму почтосодержателей, которымъ еще никогда не приходилось видѣть такихъ спѣшныхъ путешественниковъ, мы мчались съ обычною нашею быстротою и въ дорогѣ немало тѣшились строгимъ инкогнито государя, ѣхавшаго въ качествѣ моего адъютанта. Я принималъ возможно серіозный видъ и по временамъ дѣлалъ молодымъ офицерамъ моей свиты выговоры за ихъ шумъ и громкій смѣхъ, а на одной станціи, пригласивъ отужинать съ собою почтосодержателя, мы очень забавлялись его кислымъ расположеніемъ духа.

Переѣздъ былъ совершенъ всего въ однѣ сутки, — неслыханная скорость для этого края, гдѣ ни почтальоны, ни ихъ лошади, ни сами проѣзжіе никогда не торопятся.

Подъѣзжая къ Вѣнѣ, государь взялъ къ себѣ въ коляску князя Лихтенштейна, а я сѣлъ съ молодымъ адъютантомъ послѣдняго, и мы поѣхали, моя коляска впереди, прямо къ посольскому дому, не обративъ на себя вниманія прохожихъ, кромѣ нѣсколькихъ только лицъ, узнавшихъ меня и казавшихся удивленными моимъ внезапнымъ появленіемъ. Ворота дома были заперты, и когда я выскочилъ изъ коляски, швей-

[1] Подчеркнутыя слова зачеркнуты, и противъ нихъ написано императоромъ Николаемъ:

«C'est faux; nous revenions de l'exercice à tir d'artillerie en calèche, quand je lui demandais ses ordres pour Vienne; il me répondit comme si la chose était tout ordinaire, qu'il me chargeait de ses compliments à l'impératrice-mère, et ce ne fut que quand l'impératrice régnante marqua sa surprise, qu'il comprit qu'il y avait quelque chose sortant de l'ordinaire».

царъ, при видѣ русскаго генерала, за которымъ слѣдовалъ еще другой экипажъ, такъ сильно раззвонился, что слуги и чиновники сбѣжались со всѣхъ сторонъ, какъ бы по набату. Одинъ изъ лакеевъ узналъ меня и повелъ по парадной лѣстницѣ, не замѣчая, кто идетъ за мною, а когда я спросилъ, гдѣ кабинетъ посла, показалъ ключъ отъ него, то и этотъ лакей и всѣ прочіе посмотрѣли на меня съ удивленіемъ. Тутъ государь, шедшій позади меня, обратился съ вопросомъ къ другому лакею, родомъ русскому, не видывалъ ли онъ когда нибудь его фигуры на петербургскихъ улицахъ, и этотъ вопросъ поразилъ всѣхъ, точно электрическій ударъ. Я едва успѣлъ велѣть затворить снова ворота и никого не впускать, какъ вся улица была полна народомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, только что заложили посольскій экипажъ, государь, переодѣвшись, поѣхалъ въ Шенбрунъ къ императрицѣ-матери. Вѣсть о его пріѣздѣ разнеслась по городу съ быстротою молніи, и мнѣ вскорѣ принесли записку отъ княгини Меттернихъ, упрашивавшей меня пріѣхать къ ней; между тѣмъ мои комнаты наполнились чиновниками посольства и лицами, присланными отъ разныхъ властей столицы, чтобы удостовѣриться въ справедливости этой вѣсти. Князь Эстергази, австрійскій посолъ при англійскомъ дворѣ, только за день передъ тѣмъ видѣвшій государя въ Прагѣ и увѣренный, что онъ теперь въ Силезіи, пріѣхавъ въ Вѣну черезъ три часа послѣ насъ, былъ пораженъ общимъ движеніемъ на улицахъ и, не давая никакой вѣры извѣстію, которымъ встрѣтили его домашніе, поспѣшилъ тотчасъ въ нашъ посольскій домъ, гдѣ мы вмѣстѣ съ нимъ похохотали надъ его изумленіемъ.

Княгиня Меттернихъ бросилась мнѣ на шею, когда я объявилъ ей, что государь послѣ обѣденнаго стола у императрицы пріѣдетъ лично вручить ей письмо отъ князя.

Любезная внимательность, оказанная государемъ черезъ пріѣздъ его въ Вѣну вдовѣ императора Франца, о которомъ память была еще такъ жива въ этой столицѣ, расположила къ нему всѣхъ, отъ членовъ императорскаго дома и до самыхъ низшихъ сословій. Дамы толпами стояли на лѣстницѣ и въ сѣняхъ посольскаго дома, чтобы взглянуть на Николая; на улицахъ народъ бѣжалъ за его каретою. Въ слѣдующее утро государь, во фракѣ, прохаживался съ княземъ Лихтенштейномъ[1] по городу, зашелъ по дорогѣ въ нѣсколько магазиновъ и накупилъ тамъ подарковъ для августѣйшей своей супруги; потомъ по возвращеніи домой онъ поѣхалъ съ княземъ же, въ простой извозчичьей каретѣ, въ монастырь, гдѣ покоится прахъ императора Франца. Двери въ склепъ имъ отворилъ монахъ, который былъ свидѣтелемъ трогательнаго благоговѣнія, выразившагося на лицѣ государя въ минуту, когда онъ прибли-

[1] Рукою императора Николая написано: «Non, seul».

зился къ завѣтной гробницѣ. Это поклоненіе останкамъ монарха, обожаемаго австрійцами, еще болѣе увеличило энтузіазмъ вѣнскихъ жителей къ императору Николаю, а везшій его извозчикъ сдѣлался предметомъ общаго любопытства и множества эстамповъ, появившихся въ магазинахъ.

Княгиня Меттернихъ, осчастливленная пріемомъ у себя государя, умоляла меня убѣдить его повторить еще разъ свой визитъ къ ней вечеромъ. Опасаясь, можетъ быть, остаться наединѣ съ прелестнѣйшею женщиною, самымъ обворожительнымъ образомъ предавшеюся увлеченію своей радости, государь взялъ съ собою меня; но оказалось, что и она, движимая, вѣроятно, тѣмъ же страхомъ уединенной бесѣды съ красивѣйшимъ мужчиною въ Европѣ, вооружилась противъ него присутствіемъ двухъ замужнихъ своихъ падчерицъ. Свиданіе было чрезвычайно любезно съ обѣихъ сторонъ, но нѣсколько принужденно.

Тотчасъ послѣ нашего пріѣзда отправили курьера за эрцъ-герцогомъ палатиномъ. Онъ на другой день пріѣхалъ къ августѣйшему своему шурину, котораго видѣлъ только однажды въ Петербургѣ, и то двухлѣтнимъ ребенкомъ, въ то время, когда сочетался бракомъ съ великою княжною Александрою Павловною[1].

Вѣнскіе сановники домогались чести быть представленными нашему императору, и войска также непремѣнно желали явиться передъ нимъ; но мнѣ уже впередъ дано было приказаніе отклонить всѣ подобныя просьбы, объявляя, что государь пріѣхалъ только засвидѣтельствовать свое почтеніе императрицѣ и на слѣдующій день долженъ ѣхать. Изъятіе было сдѣлано только для чиновниковъ нашего посольства и еще для нѣкоторыхъ русскихъ, находившихся въ ту минуту въ Вѣнѣ. Государь былъ съ визитомъ у графини Чернышевой[2], жены нашего военнаго министра, отъ которой послалъ курьера передать ея мужу въ Россіи вѣсть о появленіи своемъ въ столицѣ Австріи.

Послѣ обѣда мы отправились обратно тѣмъ же путемъ. Почтосодержатели и почтальоны, зная въ этотъ разъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, принимали насъ вездѣ съ радостными лицами, смѣясь сами надъ мистификаціею, въ которую были введены. Ровно черезъ сутки государя уже встрѣчали въ Прагѣ супруга Фердинанда и даже самъ онъ изъявленіями живѣйшей благодарности за посѣщеніе ихъ столицы; я съ своей стороны занялся сборами къ нашему отъѣзду, назначенному въ тотъ же вечеръ.

Въ это время зашелъ ко мнѣ князь Меттернихъ, который, исполненный восторга отъ милостей нашего государя къ его женѣ, прочелъ

1 Рукою императора Николая написано: «Et un moment à Heidelberg, au quartier général de l'empereur Alexandre, l'année 1815».

2 Императоромъ Николаемъ приписано: «Et chez la princesse Liechtenstein-mère».

мнѣ ея письмо и еще другое, въ такомъ же духѣ, отъ эрцгерцога Людвига, и сверхъ того оставилъ въ моихъ рукахъ на память слѣдующее донесеніе, только что полученное имъ отъ вѣнскаго генералъ-губернатора Оттенфельса:

«Со времени послѣдняго донесенія моего вашему сіятельству отъ 7-го октября (н. с.) мы были очевидцами событія, столь чрезвычайнаго и столь неожиданнаго, что никогда не повѣрили бы ему безъ свидѣтельства собственныхъ нашихъ глазъ. Когда вчера, въ 2 часа пополудни, мнѣ прибѣжали сказать, что въ Вѣну пріѣхалъ русскій императоръ, и что онъ остановился въ домѣ своего посольства, я счелъ принесшаго мнѣ эту вѣсть за лунатика. Но мое изумленіе и невѣріе вскорѣ превратились въ чувство благоговѣйнаго умиленія, когда императоръ Николай поѣхалъ въ Шенбрунъ для изъявленія своихъ пріязненныхъ чувствъ нашей вдовствующей императрицѣ. Не берусь передавать вашему сіятельству подробностей кратковременнаго пребыванія его величества съ нашей столицѣ. Вы изволите прочесть ихъ въ письмѣ вашей супруги, имѣвшей честь дважды принять у себя августѣйшаго гостя. Но не могу умолчать о томъ въ высшей степени благопріятномъ впечатлѣніи, которое великодушная мысль русскаго монарха и образъ ея исполненія произвели на здѣшнюю публику. Это событіе одно громче и положительнѣе всѣхъ самыхъ краснорѣчивыхъ дипломатическихъ актовъ свидѣтельствуетъ о тѣсномъ союзѣ, связывающемъ оба августѣйшіе дома».

Въ полночь, простившись съ австрійскимъ дворомъ, мы сѣли въ коляску и поѣхали черезъ Траутенау въ Фишбахъ, куда прибыли къ обѣду. Король съ императрицею, дочерью и нѣсколькими принцами своего дома ожидали насъ въ прекрасномъ готическомъ замкѣ принца Вильгельма, куда собралось и много окрестныхъ владѣльцевъ. Здѣсь государь простился съ королемъ и съ своею супругою, которая отсюда возвратилась прямо въ Царское Село.

Въ полночь съ 1-го на 2-ое октября мы отправились въ царство Польское и 4-го октября, по вечеру, прибыли въ Лазенкскій дворецъ, который нашли иллюминованнымъ, какъ бывало въ 1830 году въ вѣрной еще намъ Польшѣ. Фельдмаршалъ просилъ о дозволеніи представить на слѣдующее утро городскую депутацію, долженствовавшую поднести приготовленный заранѣе адресъ, выражавшій самую благоговѣйную преданность. Государь соизволилъ на принятіе депутаціи, но отозвался, что говорить будетъ не она, а самъ онъ.

Рано утромъ была введена въ залу эта депутація, и я озаботился, чтобы при ея пріемѣ не было никого, кромѣ князя Паскевича и варшавскаго военнаго генералъ-губернатора Панкратьева.

Государь говорилъ такъ сильно и ясно, что рѣчь его не могла не произвести самаго глубокаго впечатлѣнія на слушателей. Видя, какъ

оно выражалось на ихъ лицахъ, и не сомнѣваясь, что всѣ газеты немедленно заговорятъ объ этой достопамятной рѣчи, я попросилъ Панкратьева тотчасъ положить ее на бумагу, чтобы передачею въ истинномъ видѣ словъ государя въ печати парализовать всѣ могущіе возникнуть вымыслы и преувеличеніе.

Эта рѣчь дѣйствительно и появилась во всѣхъ современныхъ журналахъ въ томъ самомъ видѣ, какъ была записана Панкратьевымъ подъ моимъ наблюденіемъ. Она произвела огромное дѣйствіе на поляковъ, которые, находя ее строгою, однако же во всѣхъ частяхъ правдивою, ласкали себя надеждою, что слова ихъ монарха предвѣщаютъ конецъ заслуженной ими опалы[1]. И хотя наши враги и либералы всѣхъ странъ

[1] Приводимъ здѣсь рѣчь, сказанную императоромъ Николаемъ депутатамъ Варшавы.

«Я знаю, господа, что вы хотѣли обратиться ко мнѣ съ рѣчью; я даже знаю ея содержаніе, и именно для того, чтобы избавить васъ отъ лжи, я желаю, чтобы она не была произнесена предо мною. Да, господа, для того, чтобы избавить васъ отъ лжи, ибо я знаю, что чувства ваши не таковы, какъ вы меня въ томъ хотите увѣрить.

«И какъ мнѣ имъ вѣрить, когда вы мнѣ говорили то же самое наканунѣ революціи? Не вы ли сами, тому пять лѣтъ, тому восемь лѣтъ, говорили мнѣ о вѣрности, о преданности и дѣлали мнѣ такія торжественныя завѣренія преданности? Нѣсколько дней спустя, вы нарушили свои клятвы, вы совершили ужасы.

«Императору Александру I, который сдѣлалъ для васъ болѣе, чѣмъ русскому императору сдѣдовало, который осыпалъ васъ благодѣяніями, который покровительствовалъ (vous a favorisés) вамъ болѣе, чѣмъ своимъ природнымъ подданнымъ, который сдѣлалъ изъ васъ націю самую цвѣтущую и самую счастливую, — императору Александру I вы заплатили самою черною неблагодарностью.

«Вы никогда не хотѣли довольствоваться самымъ выгоднымъ положеніемъ и кончили тѣмъ, что сами разрушили свое счастье. Я вамъ говорю правду, чтобы уяснить наше взаимное положеніе, и для того, чтобы вы хорошо знали, чего держаться, такъ какъ я вижу васъ и говорю съ вами въ первый разъ послѣ смутъ.

«Господа, нужны дѣйствія, а не слова. Надо, чтобы раскаяніе имѣло источникомъ сердце; я говорю съ вами не горячась, вы видите, что я спокоенъ; я не злопамятенъ и буду вамъ дѣлать добро вопреки васъ самихъ. Фельдмаршалъ, находящійся здѣсь, приводитъ въ исполненіе мои намѣренія, содѣйствуетъ примѣненію моихъ воззрѣній и также печется о вашемъ благосостояніи. (При этихъ словахъ члены депутаціи кланяются фельдмаршалу).

«Господа, что же доказываютъ эти поклоны? Прежде всего, надо выполнять свои обязанности и вести себя, какъ слѣдуетъ честнымъ людямъ. Вамъ предстоитъ, господа, выборъ между двумя путями: или упорствовать въ мечтахъ о независимой Польшѣ, или жить спокойно и вѣрноподданными подъ моимъ правленіемъ.

«Если вы будете упрямо лелѣять мечту отдѣльной національности, независимой Польши и всѣ эти химеры, вы только накличете на себя большія несчастія. По велѣнію моему воздвигнута здѣсь цитадель, и я вамъ объявляю, что при малѣйшемъ возмущеніи я прикажу разгромить вашъ городъ, я разрушу Варшаву, и ужъ, конечно, не я отстрою ее снова.

«Мнѣ тяжело говорить это вамъ, — очень тяжело государю обращаться такъ съ своими подданными; но я говорю это вамъ для вашей собственной пользы. Отъ васъ, господа, зависѣть будетъ заслужить забвеніе прошедшаго. Достигнуть этого вы можете лишь своимъ поведеніемъ и своею преданностью моему правительству.

«Я знаю, что ведется переписка съ чужими краями, что сюда присылаютъ предосудительныя сочиненія, и что стараются развращать умы. Но при такой границѣ,

поспѣшили выставить эти слова, какъ живое доказательство враждебнаго духа, гнѣздящагося еще въ Польшѣ противъ ея царя, и какъ выраженіе продолжающагося въ немъ самомъ раздраженія и чувства мести противъ поляковъ, однако люди благоразумные и безпристрастные видѣли въ рѣчи императора Николая напротивъ отголосокъ благородной искренности и твердости монарха, который, не обращаясь къ обыденнымъ фразамъ милости и обѣщаній, предпочитаетъ имъ, какъ въ бесѣдѣ отца, слова не прикрашенной, вразумляющей дѣтей его истины.

Послѣ этой аудіенціи государь въ коляскѣ съ княземъ Паскевичемъ поѣхалъ по варшавскимъ улицамъ и осмотрѣлъ Александровскую цитадель, которая уже была не только почти совсѣмъ устроена, но и вооружена орудіями, направленными на Варшаву, въ подтвержденіе словъ государя о грозящей городу, въ случаѣ новой дерзкой попытки, неизбѣжной карѣ. Посреди цитадели уже возвышался и тотъ памятникъ, котораго сооруженіе императору Александру предназначено было народнымъ представительствомъ въ 1830 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до безразсуднаго приговора, произнесеннаго тѣмъ же самымъ собраніемъ о сверженіи съ престола преемника благодѣтеля Польши.

Слѣдующую ночь мы провели въ Новогеоргіевскѣ, гдѣ государь осмотрѣлъ войска и всѣ укрѣпленія, также уже почти оконченныя, и присутствовалъ на одномъ изъ крѣпостныхъ валовъ при опытахъ надъ новыми ракетами, которыми, менѣе чѣмъ въ полчаса, были разрушены широкія апроши, вооруженныя осадными орудіями. Потомъ, отобѣдавъ наскоро, мы отправились въ Брестъ-Литовскій, становившійся также первостепенною крѣпостію, и послѣ трехъ дней, посвященныхъ осмотру и маневрированію корпуса генерала Крейца, поѣхали въ Кіевъ.

Вслѣдствіе посланнаго мною туда впередъ приказанія не дожидаться государя, если онъ будетъ позже 9-ти часовъ вечера, мы, пріѣхавъ уже почти въ полночь, застали иллюминацію потухающею, площадь передъ Печерскою лаврою совершенно безлюдною и самую церковь запертою. Вся обитель, эта колыбель русскаго иночества, которую намъ никогда не случалось видѣть иначе, какъ кипящею народомъ, была погружена

какъ ваша, наилучшая полиція въ мірѣ не можетъ воспрепятствовать тайнымъ сношеніямъ. Старайтесь сами замѣнить полицію и устранить зло.

«Хорошо воспитывая своихъ дѣтей и внушая имъ начала религіи, вѣрность государю, вы можете пребыть на добромъ пути.

«Среди всѣхъ смутъ, волнующихъ Европу, и среди всѣхъ ученій, потрясающихъ общественное зданіе, Россія одна остается могущественною и неприкосновенною.

«Повѣрьте мнѣ, господа, принадлежать Россіи и пользоваться ея покровительствомъ есть истинное счастіе. Если вы будете хорошо вести себя, если вы будете выполнять всѣ свои обязанности, то моя отеческая попечительность распространится на всѣхъ, васъ, и, несмотря на все происшедшее, мое правительство будетъ всегда заботиться о вашемъ благосостояніи.

«Помните хорошенько, что я вамъ сказалъ».

въ сонъ и безмолвіе. Мнѣ едва удалось отыскать монаха, который намъ отперъ двери собора. Пока онъ зажигалъ нѣсколько мѣстныхъ свѣчей, только одна лампада, тускло теплившаяся передъ иконою, освѣщала наши шаги подъ этими древними сводами. Государь запретилъ сказывать о своемъ прибытіи митрополиту и кому либо изъ братіи и, припавъ на колѣни, болѣе четверти часа провелъ въ уединенной, благоговѣйной молитвѣ о своей семьѣ и своемъ царствѣ. Въ таинственномъ полумракѣ этого величественнаго храма, пережившаго столько вѣковъ, вызывавшаго въ душѣ столько религіозныхъ и историческихъ воспоминаній, насъ было всего лишь трое, и я не помню, чтобы мнѣ случалось когда нибудь въ жизни молиться съ такимъ умиленіемъ. Ночь и окружавшая насъ тишина еще болѣе располагали къ благочестивымъ думамъ, чѣмъ торжественность церковнаго обряда и стеченіе народа.

Государь остановился у генералъ-губернатора, графа Гурьева, и утромъ вновь осмотрѣлъ, въ числѣ другихъ общественныхъ заведеній, университетъ св. Владимира, въ аудиторіи котораго уже начинало стекаться значительное число уроженцевъ западныхъ губерній.

Укрѣпленія вокругъ Кіева замѣтно подвинулись впередъ съ послѣдняго посѣщенія нами этого города, и огромная оборонительная казарма уже была подведена подъ крышу. Она особенно порадовала государя тѣмъ, что для ея цоколя былъ употребленъ камень, не уступавшій въ красотѣ граниту и даже походившій на лабрадоръ, который отыскали по личнымъ его указаніямъ, вопреки общему мнѣнію, утверждавшему, что въ этомъ краѣ не существуетъ камня. Между тѣмъ выпавшій уже въ довольно большомъ количествѣ снѣгъ значительно затруднялъ переходы наши по необитаемымъ пустырямъ, по которымъ мы пробирались къ укрѣпленіямъ съ дѣятельною живостью, отличавшею императора Николая, особенно во всемъ, касавшемся до инженерной части. По осмотрѣ этихъ укрѣпленій и потомъ небольшого отряда войскъ, государь возвратился домой и вскорѣ вышелъ къ собраннымъ, по его приказанію, въ залахъ графа Гурьева университетскимъ студентамъ и воспитанникамъ другихъ учебныхъ заведеній, которыхъ милостиво увѣщевалъ хорошо себя вести, старательно учиться и въ особенности прилежать къ русскому языку, исключенному дотолѣ глупымъ польскимъ патріотизмомъ изъ круга домашняго воспитанія.

Среди этой толпы молодыхъ людей вдругъ явился англійскій посолъ лордъ Дургамъ, отправившійся къ своему петербургскому посту чечезъ Константинополь и Одессу, чтобы увѣриться собственными глазами въ отношеніяхъ Россіи къ Портѣ и въ приготовленіяхъ нашихъ на Черномъ морѣ, въ которыхъ англійское министерство все еще доискивалось чего-то непріязненнаго противъ Турціи. Дургамъ на дѣлѣ убѣдился въ противномъ. Съ одной стороны, султанъ въ пріемной своей

аудіенціи поручилъ ему кланяться императору Николаю, какъ великодушному своему союзнику и покровителю, а, съ другой, для опроверженія неосновательныхъ опасеній лондонскаго кабинета, государь просилъ Дургама послать въ наши черноморскіе порты англійскаго морского офицера, принадлежавшаго къ посольской свитѣ, пригласивъ двухъ другихъ офицеровъ той же свиты сопровождать себя въ дальнѣйшемъ пути и присутствовать при смотрахъ войскъ; и то и другое Дургамъ принялъ съ благодарностію.

Онъ былъ пораженъ всѣмъ, дотолѣ имъ встрѣченнымъ въ Россіи, въ особенности же качествами нашихъ высшихъ мѣстныхъ чиновниковъ, въ сравненіи съ тѣми, которымъ обыкновенно ввѣряется мѣстное управленіе въ Англіи. Все, что ни видѣлъ онъ у насъ, говорило въ нашу пользу и совершенно уничтожало предубѣжденія, вывезенныя Дургамомъ съ собою изъ своего отечества; гдѣ онъ ожидалъ найти произволъ и бѣдность, тамъ ему представлялись напротивъ порядокъ, безопасность и довольство, и онъ продолжалъ свой путь къ нашей столицѣ, исполненный чувствъ удивленія къ благородному характеру императора Николая и къ огромнымъ средствамъ его державы.

Послѣ прекраснаго обѣда у графа Гурьева мы поѣхали ночевать къ графинѣ Браницкой въ Бѣлую Церковь, въ окрестностяхъ которой были собраны 4-й корпусъ подъ командою генерала Кайсарова и 1.600 человѣкъ безсрочноотпускныхъ, которые послѣ 20-ти лѣтъ, проведенныхъ во фронтѣ, доживали остальныя пять лѣтъ своей срочной службы въ отпуску въ сосѣдственныхъ губерніяхъ. Этотъ классъ людей созданъ былъ по личной мысли императора Николая, наперекоръ сильнымъ возраженіямъ многихъ лицъ, въ томъ числѣ и моимъ.

Я находилъ въ этой новой мѣрѣ лишь однѣ невыгоды для арміи въ томъ, что она теряла заслуженнѣйшихъ своихъ воиновъ, посѣдѣвшихъ подъ оружіемъ и въ военной дисциплинѣ; а для государства въ томъ, что въ немъ образовывалось новое сословіе, могущее обратиться ему въ тягость и угрожать при безпорядкахъ опасностію общественному спокойствію.

Государь, напротивъ, видѣлъ въ этихъ людяхъ на случай войны резервы къ укомплектованію своихъ войскъ, а въ мирное время разсадникъ для замѣщенія разныхъ должностей по домашнему хозяйству и въ казенныхъ заведеніяхъ, и считалъ справедливымъ, чтобы солдатамъ, утомленнымъ двадцатилѣтнею службою и отличавшимся неукоризненнымъ поведеніемъ, дана была возможность отдохнуть отъ трудовой жизни, пользуясь спокойнымъ бытомъ на родимомъ пепелищѣ. Число этихъ людей, не получавшихъ во время отпуска ни жалованья, ни пайковъ, но только сохранявшихъ мундиры и шинели, въ это время простиралось во всемъ государствѣ уже тысячъ до шестидесяти. Изъ нихъ

упомянутые 1.600 человѣкъ еще впервые были собраны къ смотру, и изъ всего ихъ числа не явились только трое, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ.

Для принятія начальства надъ сформированными изъ нихъ временными командами созваны были офицеры, находившіеся въ тѣхъ же губерніяхъ, въ годовомъ отпуску, и, по снабженіи безсрочноотпускныхъ оружіемъ и всею нужною амуниціею, они образовали изъ себя два баталіона, три эскадрона и артиллерійскую полуроту.

Государь былъ восхищенъ бодрымъ видомъ и отличною выправкою этихъ людей, представлявшихъ осуществленіе одной изъ любимыхъ его идей. Распуская ихъ снова по домамъ, онъ щедро всѣхъ наградилъ.

Корпусъ Кайсарова удовлетворилъ государя менѣе осмотрѣнныхъ имъ въ Калишѣ и Брестъ-Литовскѣ корпусовъ Ридигера и Крейца, и его величество поручилъ фельдмаршалу преимущественно заняться этимъ войскомъ, которое должно было вскорѣ смѣнить въ царствѣ корпусъ Ридигера, переходившій во внутреннія губерніи.

Проведя четыре дня въ Александріи, въ имѣніи графини Браницкой, государь отправился въ Новую Прагу, гдѣ графъ Виттъ показалъ ему заведенія и запасы кирасирскаго принца Альберта Прусскаго полка, изумившіе своимъ богатствомъ бывшихъ съ нами англійскихъ офицеровъ, а оттуда мы продолжали нашъ путь черезъ Полтаву и Харьковъ въ Чугуевъ, главный пунктъ 1-го корпуса поселенной кавалеріи, находившейся подъ командою генерала **Никитина**. Здѣсь государь остался совершенно доволенъ сколько фронтовымъ образованіемъ собранныхъ къ смотру полковъ, столько и обученіемъ кантонистовъ и всѣми хозяйственными заведеніями и сожалѣлъ, что позднее время года, при оставшемся еще намъ довольно продолжительномъ объѣздѣ, не позволяло ему долѣе оставаться съ такимъ превосходнымъ войскомъ.

21-го октября мы прибыли въ Курскъ. Эта губернія съ нѣкотораго времени была довольно худо управляема, и хотя послѣдній губернаторъ ея, богачъ **Демидовъ**, сыпалъ деньги, чтобы поправить ея положеніе, однако при слабомъ характерѣ и маломъ знаніи дѣла онъ этими деньгами немного принесъ губерніи пользы. Преемникъ его былъ генералъ **Муравьевъ**[1], человѣкъ очень дѣятельный, очень строгій и ненавидимый всѣми за жестокость его обхожденія и крутой нравъ. Дѣла шли лучше, но неудовольствіе на него господствовало всюду. По представленію Муравьева было смѣщено нѣсколько чиновниковъ, и ни въ одной губерніи меня не осыпали такимъ огромнымъ числомъ просьбъ и жалобъ на имя государя, какъ въ Курскѣ.

[1] Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи министръ государственныхъ имуществъ, виленскій генералъ-губернаторъ и графъ.

Въ Орлѣ ожидала насъ 2-я дивизія драгунскаго корпуса. Здѣсь уже выпалъ глубокій снѣгъ, и стояли сильные морозы. Въ ту минуту, какъ я скакалъ за государемъ, проѣзжавшимъ передъ фронтомъ, моя лошадь, поскользнувшись, упала со всего размаха, и, прежде чѣмъ я успѣлъ подняться, лошади государевой свиты пронеслись черезъ меня и такъ помяли, что я принужденъ былъ сѣсть въ коляску и вернуться домой. Къ счастію, все кончилось нѣсколькими шишками и синяками.

На другой день, послѣ ученья, мы пустились въ путь по страшной погодѣ и по такой же погодѣ прибыли въ Тулу [1].

Этотъ городъ, за три года передъ тѣмъ, весь выгорѣлъ, и правительство оказало жителямъ его значительныя денежныя пособія деньгами и даровало имъ разныя льготы. Хотя Тула начинала снова возникать изъ пепла, и, между прочимъ, оружейный заводъ возобновилъ прежнюю свою дѣятельность, однако слѣды пожара видны еще были почти повсемѣстно. Государь объѣхалъ всѣ улицы, указывая разныя улучшенія и даруя новыя пособія при благодарныхъ кликахъ бѣжавшаго за нимъ народа.

По мѣрѣ приближенія къ концу нашего странствованія, нетерпѣніе государя свидѣться съ императрицею все больше и больше возростало, и находя, что мы не довольно скоро подвигаемся впередъ, онъ выѣхалъ изъ Тулы въ перекладныхъ пошевняхъ, взятыхъ со станціи, за которыми я слѣдовалъ въ другихъ такихъ же. Но едва онъ тронулся съ мѣста, какъ крики толпы испугали лошадей, и онѣ понесли вдоль улицы, образовавшей здѣсь довольно крутой спускъ. При видѣ явной опасности я совсѣмъ растерялся; но государь, ставъ на ноги въ пошевняхъ, схватилъ вожжи и своею атлетическою силою скоро успѣлъ сдержать лошадей.

Проѣхавъ нѣсколько станцій далѣе, мы встрѣтили высланныя къ намъ государевы сани и по чудесному первопутку перелетѣли 140 верстъ, отдѣляющія Тулу отъ Москвы, въ 7 часовъ. Изъ Москвы до Царскаго Села мы промчались всего въ 38 часовъ, хотя, по случаю еще не вездѣ установившейся зимней дороги, должны были нѣсколько разъ пересаживаться изъ саней въ коляску.

1836-й годъ.

Польскіе эмигранты все еще продолжали питать преступные свои замыслы и тѣмъ болѣе прилагали къ нимъ ревности и коварства, чѣмъ больше, вслѣдствіе дурного ихъ поведенія за границею, охлаждались тамъ участіе и симпатіи, возбужденныя ихъ дѣломъ въ началѣ возстанія.

[1] Рукою императора Николая написано: «Durant l'exercice le chasse neige devint si fort, que deux loups s'égarèrent et se trouvèrent entre deux lignes».

Средоточіемъ и исходною точкою ихъ злоумышленій въ послѣднее время сдѣлался Краковъ.

Одинъ полякъ, который наблюдалъ, по моему порученію, за однимъ тайнымъ обществомъ, считавшимъ его въ числѣ значительнѣйшихъ своихъ членовъ, возбудилъ противъ себя подозрѣніе и былъ убитъ близъ Кракова. Гласныя изъявленія ненависти противъ трехъ покровительствующихъ державъ, породивъ нѣсколько соблазнительныхъ сценъ въ этой маленькой и нелѣпой республикѣ, привели дворы Петербургскій, Вѣнскій и Берлинскій къ рѣшенію положить разъ навсегда конецъ подобнымъ неустройствамъ. Въ назначенный день отряды войскъ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ вступили въ предѣлы республики и, подъ командою австрійскаго генерала, заняли городъ Краковъ. Нѣкоторые изъ виновниковъ послѣднихъ сценъ были взяты подъ стражу, другіе успѣли спастись бѣгствомъ и перенести въ Парижъ и Лондонъ возгласы свои противъ этого «нарушенія народнаго права», хотя одна статья Вѣнскаго трактата именно уполномочивала три державы къ возстановленію въ Краковѣ порядка, если бы мѣстныя средства оказались недостаточными къ тому или худо направляемыми.

Иностранные журналы разразились ругательствами противъ «акта тираніи деспотическихъ правительствъ», послѣдовалъ обмѣнъ нѣсколькихъ нотъ, и дѣло тѣмъ и покончилось. Спустя нѣсколько недѣль, союзныя войска выступили изъ республики, оставивъ въ ней австрійскій отрядъ, который, по всей вѣроятности, никогда уже оттуда не выйдетъ.

Краковская республика была, конечно, однимъ изъ несчастнѣйшихъ и противныхъ всякой здравой политикѣ произведеній Вѣнскаго конгресса, и сохраненіе этого притона польской національности въ самомъ средоточіи польскихъ владѣній трехъ державъ, равно, какъ созданіе конституціоннаго Польскаго царства, имѣли весь видъ ухищреній, изобрѣтенныхъ врагами Россіи, тогда какъ, напротивъ, то и другое было исключительнымъ порожденіемъ всемогущей воли императора Александра. Эти либеральные порывы со стороны самодержавнаго монарха, наперекоръ мнѣнію и совѣтамъ довѣреннѣйшихъ его сановниковъ и интересамъ его народа, всегда останутся одною изъ загадокъ нашего вѣка.

Балы и другія зимнія увеселенія въ С.-Петербургѣ приближались къ концу съ наступленіемъ масленицы, къ которой, по обыкновенію, вся Адмиралтейская площадь покрылась балаганами.

2-го февраля, въ воскресенье, съ часа пополудни, всѣ они наполнились зрителями. Въ одномъ самомъ обширнѣйшемъ изъ нихъ и наиболѣе посѣщаемомъ публикою давала свои представленія труппа Лемана; балаганъ этотъ могъ вмѣстить въ себѣ слишкомъ 500 человѣкъ, и въ немъ всѣ мѣста всегда были заняты. Я только что сѣлъ обѣдать, какъ

увидѣлъ въ окно густой дымъ, поднимавшійся съ площади, вслѣдствіе чего тотчасъ туда поспѣшилъ, но былъ предупрежденъ государемъ.

Онъ ходилъ, крайне разстроенный, кругомъ Лемановскаго балагана, который пылалъ сверху донизу, и сквозь одну стѣну котораго, прорубленную топорами, виднѣлась масса искаженныхъ и полуобгорѣлыхъ тѣлъ одно надъ другимъ. Пожарные лѣзли въ пламя, чтобы вытаскивать тѣхъ изъ несчастныхъ, въ которыхъ оставались еще признаки жизни, и складывали вынесенныхъ на снѣгъ, а отсюда ихъ перевозили въ ближайшія залы Адмиралтейства, для подания первой помощи. Все это, вмѣстѣ съ стонами лежавшихъ на снѣгу, съ воплемъ тѣхъ, которые, успѣвъ сами выбѣжать въ началѣ пожара, разлучены были отъ родныхъ, оставшихся въ зданіи, наконецъ съ общимъ ужасомъ народа, столпившагося вокругъ этого страшнаго зрѣлища, представляло самую раздирательную картину. Матери искали дѣтей, оторванныхъ отъ нихъ во время безпорядочнаго бѣгства или отставшихъ отъ страха, мужья звали своихъ женъ, а полиція работала съ самоотверженіемъ и усердіемъ, превосходившими всякую похвалу. Государь, стоя возлѣ самаго балагана и подвергаясь ежеминутной опасности отъ валившихся отовсюду горящихъ бревенъ и досокъ, отдавалъ свои приказанія со всею заботливостію отца, спасающаго своихъ дѣтей; его настоящая горесть, весь его видъ имѣли что-то поразительное, тронувшее всѣхъ свидѣтелей этого бѣдствія. Онъ старался ободрять пожарныхъ, ускорять поданіе помощи извлекаемымъ изъ пламени еще живыми и утѣшать тѣхъ, которые окружали его въ слезахъ. Всѣ среди ужасовъ этой плачевной сцены смотрѣли на него, какъ бы на ангела-хранителя.

46 человѣкъ, болѣе или менѣе изуродованныхъ, было спасено, а слишкомъ 100 тѣлъ вытащено изъ огня мертвыми; прочіе исчезли съ самымъ балаганомъ, который сгорѣлъ до тла, оставивъ по себѣ на снѣгу огромное черное пятно, еще въ продолженіе нѣсколькихъ дней свидѣтельствовавшее о несчастіи, поразившемъ столько семействъ.

Огонь показался сперва между кулисами, которыя были вскорѣ имъ совсѣмъ объяты. Занавѣсъ въ то время былъ опущенъ, но когда Леманъ убѣдился, что не будетъ въ силахъ совладѣть съ пожаромъ, то велѣлъ поднять занавѣсъ и закричалъ зрителямъ, чтобы они спасались. Въ первую минуту подумали, что это какой нибудь фарсъ съ его стороны; но когда увидѣли, что дѣло не на шутку, всѣ бросились къ выходамъ; сидѣвшіе въ первыхъ мѣстахъ довольно легко вышли изъ балагана, остальные же, и это была самая большая часть, занимавшіе амфитеатръ, которымъ надо было спускаться къ дверямъ по лѣстницамъ, опрокидываясь другъ на друга, стѣснились до такой степени

что только самымъ первымъ можно было вырваться изъ горѣвшаго зданія [1].

Государь оставилъ площадь тогда лишь, когда всѣ его приказанія были исполнены, и велѣлъ доносить себѣ ежедневно утромъ и вечеромъ о положеніи несчастныхъ, спасенныхъ изъ огня. Часъ спустя, онъ прислалъ за мною. Я нашелъ его въ слезахъ и глубоко пораженнаго ужаснымъ зрѣлищемъ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Послѣдовало повелѣніе составить комитетъ изъ меня, губернскаго предводителя дворянства, князя В. В. Долгорукова, и генералъ-адъютанта Дьякова, чтобы привести въ извѣстность число жертвъ этого несчастнаго приключенія и положеніе оставшихся послѣ нихъ семействъ, для оказанія пособія неимущимъ и призрѣнія сиротъ. Сумма, назначенная въ распоряженіе этого комитета изъ казны, вскорѣ увеличилась 30.000 рублей, собранными по подпискѣ, въ которой участвовалъ и весь императорскій домъ. Всѣ были призрѣны и обезпечены. Печальное утѣшеніе для пережившихъ, но единственное, которое было во власти человѣческой!

На Оттоманской Портѣ оставалась еще значительная недоимка въ счетъ суммы, слѣдовавшей Россіи по Адріанопольскому трактату. При разстройствѣ финансовъ Турціи, вслѣдствіе возстанія египетскаго паши и бунта въ нѣкоторыхъ другихъ изъ ея областей, государь сложилъ всю эту недоимку и такимъ образомъ великодушно изгладилъ послѣдніе слѣды войны, вынужденной въ 1828 году непріязненными дѣйствіями султана.

Силистрія, остававшаяся въ нашихъ рукахъ въ видѣ залога по этому дѣлу, была сдана туркамъ со всею артиллеріею, которою мы вооружили ея стѣны.

Такая добровольная уступка, сдѣланная вопреки всѣмъ предвидѣніямъ европейскихъ державъ, несказанно обрадовала султана, пріятно изумила кабинеты Вѣнскій, Лондонскій и Парижскій и прекратила на минуту всякое злословіе, такъ что даже наиболѣе враждебные Россіи журналы принуждены были, по крайней мѣрѣ, временно смолкнуть.

Въ зиму 1836 года, въ постоянномъ попеченіи объ улучшеніи всѣхъ частей управленія, государь утвердилъ проекты новаго образованія министерствъ военнаго и морского, чрезвычайно упростившіе дѣлопроизводство, далъ новыя преимущества дворянству царства Польскаго, поставленному, по Наполеонову кодексу, въ уровень со всѣми другими сословіями, и Чесменскій дворецъ, сооруженный императрицею Екатериною II въ воспоминаніе знаменитой побѣды графа Орлова надъ турецкимъ флотомъ, предназначилъ обратить въ заведеніе

[1] Извѣстно, что давка, сдѣлавшаяся причиною погибели нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, произошла главнѣйшимъ образомъ отъ того, что всѣ двери балагана отпирались внутрь его.

для призрѣнія престарѣлыхъ инвалидовъ, не имѣющихъ возможности снискать себѣ пропитаніе. Послѣ соотвѣтственныхъ тому перестроекъ и распространенія зданій этотъ инвалидный домъ былъ торжественно освященъ 30-го іюня, въ присутствіи всего императорскаго дома и знатныхъ саповниковъ.

Съ наступленіемъ лѣта гвардейскій корпусъ выступилъ въ лагерь, а дворъ переѣхалъ въ Александрію близъ Петергофа. Десятилѣтніе неусыпные труды довели нашъ флотъ до предназначенной ему степени комплекта, и государь пожелалъ обозрѣть его въ полномъ составѣ. Никогда еще Балтика не видѣла такой многочисленной морской силы, и весь блескъ этого зрѣлища императоръ Николай положилъ посвятить памяти великаго ея зиждителя. На сей конецъ былъ вывезенъ изъ Петербургской крѣпости тотъ маленькій ботъ, на которомъ нѣкогда Петръ Великій плавалъ и учился первымъ началамъ морского искусства на окрестныхъ въ Москвѣ озерахъ, и которому, тридцать лѣтъ спустя, онъ воздалъ такую честь на Кронштадтскомъ рейдѣ, среди военныхъ нашихъ судовъ, уже покрытыхъ лаврами побѣдъ надъ шведами.

Ботъ, по отсалютованіи ему всѣми орудіями Петербургской крѣпости, былъ перевезенъ при почетномъ караулѣ въ Кронштадтскій портъ. Затѣмъ 3-го іюля, для срѣтенія этого праотца нашего флота, были выстроены на Кронштадтскомъ рейдѣ 26 линейныхъ кораблей въ первой, 16 фрегатовъ во второй и какихъ нибудь 20 легкихъ судовъ въ третьей линіи; въ самомъ Кронштадтѣ — гребная флотилія и наконецъ передъ флотомъ — фрегаты, бриги и яхты съ кадетами морского корпуса, всего 92 вымпела.

По пріѣздѣ изъ Петергофа государя, со всѣмъ императорскимъ домомъ, военною свитою и множествомъ приглашенныхъ кавалеровъ и дамъ, «Ижора», везшая царскую фамилію, стала у линіи флота, и тогда показался пароходъ «Геркулесъ», посреди котораго, на обитыхъ краснымъ сукномъ подмосткахъ, возвышался знаменитый ботъ, съ императорскимъ надъ нимъ флагомъ и стоявшими вокругъ на стражѣ адмиралами, офицерами и дворцовыми гренадерами. Минута, въ которую при появленіи его раздался общій залпъ съ крѣпостныхъ стѣнъ, съ флотиліи и всего флота, была истинно величественна и поразительна. Она походила какъ бы на духовную церемонію, невольно внушавшую благоговѣніе, или на надгробное слово, произносимое въ честь исполинской тѣни зиждителя и морскихъ силъ и всего величія Россіи. Вслѣдъ затѣмъ всѣ суда расцвѣтились флагами. Въ этотъ день выведенный изъ забвенія ботъ праздновалъ свое воскресеніе точно такъ же, какъ и русскій флотъ воскрешенъ былъ мощною волею Николая.

Черезъ два дня всѣ суда пошли въ море. Государь на «Геркулесѣ» вскорѣ ихъ настигъ. Съ его величествомъ ѣхалъ лордъ Дургамъ, а од-

ному морскому капитану англійской службы данъ былъ особый корветъ, чтобы открыть ему возможность еще лучше изучить устройство нашего флота, съ его достоинствами и недостатками, что̀ произвело на этихъ господъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе въ пользу прямоты и искренности императора Николая.

Несмотря на свѣжую погоду и очень сильный вѣтеръ, государь цѣлый день оставался на платформѣ надъ колесами, наблюдая за маневрами и давая сигналы. Подъ вечеръ мы бросили якорь въ маленькой бухтѣ у береговъ острова Гохланда, и когда фрегатъ, на которомъ находился генералъ-адмиралъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, сталъ по полученному имъ приказанію вблизи нашего парохода, то государь съѣхалъ на него, чтобы обнять молодого своего сына, готовимаго имъ быть нѣкогда душею нашихъ морскихъ силъ. Остальныя суда крейсировали въ эту ночь вокругъ острова; но къ утру противный намъ вѣтеръ такъ разыгрался, что флоту данъ былъ сигналъ итти обратно къ Кронштадту; на пути же, когда солнце разсѣкло висѣвшія надъ нами тучи, и вѣтеръ нѣсколько пріутихъ, государь велѣлъ судамъ раздѣлиться на двѣ половины и атаковать другъ друга. Маневры эти продолжались нѣсколько часовъ и были исполнены отчетливо, съ полнымъ знаніемъ дѣла и къ совершенному удовольствію государя и его гостей.

Съ окончаніемъ этихъ морскихъ смотровъ наступала очередь сухопутныхъ. Къ гвардейскому корпусу присоединился гренадерскій, пришедшій изъ Новгородскихъ поселеній, и въ маневрахъ, продолжавшихся нѣсколько дней и доведшихъ насъ до Гатчины, Сиворицъ и Кипени, приняло участіе около 60.000 человѣкъ. Государь былъ неутомимъ: цѣлый день на конѣ подъ дождемъ, вечеромъ у бивачнаго огня, въ бесѣдѣ съ молодыми людьми своей свиты или въ рядахъ войскъ, окружавшихъ его маленькую палатку, онъ большую часть ночи проводилъ за государственными дѣлами, которыхъ теченіе нисколько не замедлялось отъ этого развлеченія государя съ своими войсками, составлявшаго, по его сознанію, единственное и истинное для него наслажденіе.

Именно во время самаго разгара военныхъ увеселеній сего рода разсмотрѣнъ и утвержденъ былъ государемъ новый рекрутскій уставъ, значительно облегчившій эту народную тягость и черезъ раздѣленіе государства для очередного ея отправленія на двѣ полосы приведшій рекрутство въ размѣры обыкновенной повинности; вмѣстѣ съ уставомъ обнародованы были особыя инструкціи для флигель-адъютантовъ и жандармскихъ офицеровъ, которыхъ съ нѣкотораго времени государь началъ командировать по губерніямъ, для надзора за порядкомъ и правильностію при сдачѣ и свидѣтельствованіи рекрутъ.

8-го августа, въ полночь, мы выѣхали изъ Петергофа по Московскому тракту, и насъ везли такъ скоро, что 9-го утромъ я разбудилъ

государя, спавшаго во всю дорогу, уже у Новгородской заставы. По осмотрѣ имъ въ Новгородѣ нѣскольких резервныхъ баталіоновъ и рекрутъ, а въ Подсолнечной Горѣ 16-й пѣхотной дивизіи, мы прибыли къ ночи 10-го числа въ Москву, гдѣ трехдневное наше пребываніе прошло точно такъ же, какъ и въ прежніе наши пріѣзды, въ осмотрахъ, ученіяхъ, разъѣздахъ и безпрестанной дѣятельности.

Изъ древней нашей столицы мы отправились 13-го числа въ полночь черезъ Владиміръ, Ковровъ, Вязники и Горбатовъ въ Нижній, куда насъ ожидали только къ ночи, а между тѣмъ мы прибыли въ часъ пополудни. Во время проѣзда по улицамъ и по спуску съ горы, ведущему къ Волгѣ, никто насъ не узналъ, и уже только на мосту, соединяющемъ городъ съ островомъ, на которомъ располагается ярмарка, вдругъ замѣтили государя, и вѣсть о его пріѣздѣ пронеслась, какъ электрическая искра. Мостъ мгновенно наполнился народомъ, и лишь съ величайшимъ трудомъ мы могли пробраться сквозь толпу ко дворцу, занимаемому на время ярмарки губернаторомъ, и гдѣ государь намѣревался остановиться, чтобы быть въ центрѣ торговаго движенія. Здѣсь восторгъ народный превзошелъ все, что мнѣ до тѣхъ поръ случалось видѣть: это былъ общій энтузіазмъ всей имперіи и всѣхъ населяющихъ ее разнообразныхъ народовъ и племенъ. Къ ярмаркѣ собрались купцы, ремесленники, извозчики и рабочіе изъ всѣхъ губерній, въ числѣ слишкомъ 260.000; все это хотѣло видѣть государя и поклониться ему; площадь передъ дворцомъ, аркады, образующія нижній его этажъ, и всѣ окрестныя улицы представляли одну сплошную массу народа, не перестававшую оглашать воздухъ своими кликами.

Къ пріѣзду государя явились въ Нижній, по его волѣ, министръ финансовъ, графъ Канкринъ, и главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями, графъ Толь.

На слѣдующій день, отслушавъ литургію въ ярмарочномъ соборѣ, государь принялъ мѣстное дворянство и депутатовъ отъ купечества разныхъ губерній, и послѣ продолжительной бесѣды о ярмарочной торговлѣ и о препятствіяхъ, полагаемыхъ ея развитію дурными дорогами, тутъ же велѣлъ графу Толю заняться этимъ предметомъ и, въ особенности, средствами къ уничтоженію страшной грязи, которою при малѣйшемъ дождѣ покрывалось все занятое ярмаркою пространство. Потомъ государь обозрѣвалъ ряды лавокъ и магазиновъ, а также работы по спуску къ рѣкѣ и другія, указанныя имъ въ послѣднее здѣсь пребываніе; наконецъ, имѣя въ виду объѣхать въ будущемъ году кавказскія и закавказскія наши владѣнія, велѣлъ представить себѣ купцовъ астраханскихъ, тифлисскихъ, кизлярскихъ, армянскихъ, дербентскихъ и ширванскихъ, вслѣдъ за которыми принялъ еще бухарцевъ, мордвинъ, черемисовъ и чувашей, со всѣми ими долго и милостиво разговаривая.

*

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Происходилъ еще при насъ въ Нижнемъ смотръ собранныхъ изъ ближайшихъ губерній безсрочноотпускныхъ, въ числѣ 392 унтеръ-офицеровъ и 2.200 рядовыхъ, которые восхитили государя своимъ здоровымъ и веселымъ видомъ. Сверхъ того исходатайствовали позволеніе представиться ему и вышедшіе въ чистую отставку солдаты, которыхъ находилось тутъ около ста, и которымъ всѣмъ роздано было денежное награжденіе. При осмотрѣ безсрочноотпускныхъ, происходившемъ за городомъ, стеченіе народа и давка были такъ велики, что коляска государя едва могла къ нему проѣхать, а мы всѣ добрались до нашихъ экипажей только съ опасностію жизни.

Дождливая погода и топкая грязь побудили государя продолжать путь изъ Нижняго въ Казань не сухимъ путемъ, а Волгою, на принадлежавшемъ одному астраханскому купцу пароходѣ, который весь вычистили и приготовили для этой цѣли. Я устроилъ на палубѣ кухню; трюмъ, по удаленіи изъ него всей клади, превратилъ въ комнату съ маленькими отдѣленіями для свиты; для самого государя отгородилъ хорошенькую каюту, оклеивъ ее обоями, и наконецъ велѣлъ запастись нужною на весь путь провизіею.

18-го августа государь сѣлъ на этотъ пароходъ у моста. Все ярмарочное населеніе стеклось проводить его, и какъ мостъ, такъ и оба берега, до домовыхъ крышъ, были усыпаны народомъ, занявшимъ также всѣ барки и лодки на рѣчкѣ. Это огромное многолюдство на сушѣ и на водѣ, этотъ лѣсъ мачтъ, унизывавшихъ рѣку, вмѣстѣ съ криками народа и звономъ всѣхъ колоколовъ, придали нашему отъѣзду нѣчто истинно величественное. Надо только было итти самымъ медленнымъ ходомъ и брать всевозможныя предосторожности, чтобы не наѣхать на которую либо изъ барокъ, или не потопить маленькихъ лодокъ, тѣснившихся вокругъ нашего парохода.

Къ сожалѣнію, погода была не хороша, и намъ при нашемъ плаваніи лишь по временамъ удавалось любоваться видомъ Волжскихъ береговъ, въ этихъ мѣстахъ столько же разнообразныхъ, сколько населенныхъ, и мелькавшихъ передъ нашими глазами съ соединенною быстротою рѣчного теченія и увлекавшихъ насъ паровъ. Рыбаки, искусно причаливая къ нашему судну, бросали въ него рыбу; депутаціи отъ городовъ и селеній въ маленькихъ лодкахъ подвозили намъ хлѣбъ и соль; мужчины и женщины входили въ воду по поясъ, чтобы только поближе наглядѣться на своего родимаго, появленіе котораго въ этихъ мѣстностяхъ было неслыханнымъ дивомъ.

20-го августа, на разсвѣтѣ, мы завидѣли берега Казани и, чтобы не пріѣхать слишкомъ рано, уменьшили нашъ ходъ.

На берегу ожидалъ военный губернаторъ Стрекаловъ съ экипажами для нашего переѣзда въ городъ, отстоящій отъ Волги въ 6-ти верстахъ.

Государь былъ удивленъ царствовавшею въ Казани опрятностію, множествомъ украшающихъ ее изящныхъ церквей и другихъ зданій и видомъ общаго довольства, проявлявшагося въ экипажахъ, нарядахъ и магазинахъ. Мнѣ, бывшему въ Казани 34 года тому назадъ, она показалась совсѣмъ новымъ городомъ.

Проѣхавъ съ большимъ трудомъ въ соборъ сквозь толпу народа, между которымъ магометане нисколько не уступали въ усердіи коренным русскимъ, мы оттуда пошли пѣшкомъ по стѣнамъ древняго кремля, нѣкогда столь долго сопротивлявшагося московскому могуществу. При этой прогулкѣ у государя родилась мысль возобновить во вкусѣ той эпохи, когда надъ Россіею еще тяготѣло татарское иго, старинный ханскій дворецъ, мѣсто котораго еще указывала одна сохранившаяся башня, и онъ велѣлъ представить себѣ планъ сего возобновленія. Потомъ мы осмотрѣли разныя новыя постройки и городскія заведенія, въ томъ числѣ университетъ, гдѣ государь остался въ особенности доволенъ обсерваторіею и залами рекреаціонною и библіотекою, отзываясь, что университетское зданіе вообще есть лучшее, какое ему когда либо случалось видѣть въ этомъ родѣ.

На слѣдующій день государь велѣлъ представить себѣ мужчинъ и женщинъ всѣхъ разнородныхъ племенъ, населяющихъ Казанскую губернію, въ праздничныхъ національныхъ ихъ нарядахъ. Татарки, никогда не снимающія своихъ покрывалъ въ присутствіи мужчинъ, рѣшились, однако же, сдѣлать изъятіе для своего царя и, казалось, очень были польщены честью представить ему собою образцы своей народности. Государь вникалъ въ подробности ихъ костюмовъ, милостиво со многими разговаривалъ и велѣлъ мнѣ надѣлить всѣхъ подарками для ихъ туалетныхъ принадлежностей, что̀ несказанно обрадовало этихъ дамъ.

За городомъ государь осматривалъ оба мѣстные гарнизонные баталіона и безсрочноотпускныхъ Казанской губерніи, собранныхъ подъ начальствомъ храбраго генерала Скобелева, у котораго оставалась одна только рука, и та только съ двумя пальцами. Поступивъ въ военную службу изъ солдатскихъ рекрутъ, онъ за 38 лѣтъ передъ тѣмъ парадировалъ въ Казани на этомъ же самомъ мѣстѣ унтеръ-офицеромъ армейскаго полка, передъ родителемъ императора Николая. Императору Павлу случилась нужда, для которой должно было укрыться отъ глазъ собравшейся къ параду публики; онъ спрятался за ряды, возлѣ самаго Скобелева, и молодой унтеръ-офицеръ такъ полюбился императору, что онъ приказалъ великому князю Александру Павловичу дать ему 200 рублей. Такой богатый подарокъ возбудилъ въ Скобелевѣ охоту и далъ ему возможность купить себѣ книгъ и начать кое-чему учиться; съ этихъ поръ счастіе начало ему благопріятствовать, и онъ, при похвальномъ

поведеніи, отличался такою блестящею храбростію во всѣхъ бояхъ, что достигъ наконецъ генералъ-лейтенантскаго чина и званія начальника всей резервной армейской пѣхоты. Среди воспоминаній о первыхъ, именно на этомъ мѣстѣ, шагахъ своихъ на служебномъ поприщѣ, онъ не могъ удержаться отъ слезъ, опуская шпагу передъ императоромъ Николаемъ, третьимъ монархомъ, которому несъ вѣрную и честную службу.

Государь, имѣя въ виду, что главнѣйшую часть Казанскаго населенія составляютъ татары, пожелалъ почтить покорность и неукоризненную вѣрность этихъ своихъ подданныхъ посѣщеніемъ соборной ихъ мечети, въ которой муфти встрѣтилъ его рѣчью, выражавшею всю преданность и благодарность его единовѣрцевъ, глубоко осчастливленныхъ столь необычною царскою милостью. Дѣйствительно, на ихъ лицахъ отпечатана была живая радость, которую они продолжали изъявлять громкими кликами, до тѣхъ поръ пока наша коляска не скрылась изъ вида.

Наконецъ, государь посѣтилъ еще часовню, воздвигнутую, въ видѣ пирамиды, на Арскомъ полѣ, за городскимъ предмѣстіемъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ при Іоаннѣ Грозномъ преданы были землѣ русскіе воины, павшіе во время осады и взятія Казани.

Передъ выѣздомъ изъ этого города государь пожаловалъ награды военному губернатору, попечителю учебнаго округа и нѣкоторымъ другимъ мѣстнымъ чиновникамъ и принялъ балъ отъ тамошняго дворянства.

Ровно въ полночь и прямо съ этого бала мы отправились въ дальнѣйшій путь, при такомъ же стеченіи народа, какъ бы отъѣзжали среди дня. Катеръ вѣдомства путей сообщенія перевезъ насъ черезъ Волгу въ темную, но тихую и пріятную ночь. На той сторонѣ наши экипажи были окружены жителями селенія, которое тянется по берегу на очень большомъ протяженіи.

Спустя полсутки, мы уже были въ Симбирскѣ, котораго народонаселеніе тѣмъ больше обрадовалось своему царю, что со временъ Петра Великаго ни одинъ изъ нашихъ монарховъ не посѣщалъ этого города. Время здѣсь, какъ и вездѣ, было проведено въ осмотрахъ, при которыхъ государь въ особенности остался доволенъ Елисаветинскимъ институтомъ, тутъ же получившимъ отъ его щедротъ въ пособіе 10.000 рублей. Сверхъ того, государь призналъ нужнымъ лично обозрѣть тотъ длинный и крутой спускъ, идущій къ Волгѣ, который лишаетъ Симбирскъ всѣхъ выгодъ его положенія. Мы спустились въ тарантасахъ, какъ единственномъ возможномъ здѣсь экипажѣ, до большого селенія, лежащаго на самомъ берегу Волги и пользующагося тѣми удобствами, которыя должны бы принадлежать Симбирску. На возвратномъ пути мы должны были подыматься на другую, еще болѣе крутую гору,

на которую едва втащили насъ лошади. Оттуда слѣдуя по береговому гребню, на которомъ расположенъ Симбирскъ, государь послѣ разныхъ поисковъ самъ указалъ мѣсто для проложенія отлогаго спуска, къ устроенію котораго и велѣлъ немедленно приступить.

Послѣ обѣда мы отправились въ Пензу, куда и прибыли на слѣдующій день въ сумерки. Этотъ хорошенькій городокъ и улыбающіяся, покрытыя нивами и полями окрестности его очень понравились государю.

При осмотрѣ, между прочимъ, тюрьмы, его величество даровалъ прощеніе нѣсколькимъ крестьянамъ, содержавшимся въ ней за бунтъ, случившійся въ одномъ изъ Симбирскяхъ удѣльныхъ имѣній. Болѣе же всего обратилъ на себя его вниманіе образцовый садъ, разведенный, по приказанію императора Александра, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Пензы, въ которомъ на большомъ пространствѣ красовались всевозможныя фруктовыя деревья, роскошные цвѣтники и растенія всѣхъ климатовъ, и который служилъ разсадникомъ для сосѣднихъ губерній и предметомъ изученія для садоводовъ. Отличное содержаніе и богатое разнообразіе этого сада тѣмъ болѣе насъ изумили, что мы прежде не подозрѣвали даже и самаго его существованія, а какъ вся заслуга въ семъ новомъ и столь полезномъ дѣлѣ принадлежала нѣмцу садовнику, разведшему и украсившему тотъ садъ, то государь призналъ справедливымъ наградить его Владимирскимъ крестомъ,—милость, отъ неожиданности которой нашъ нѣмецъ едва не умеръ съ радости.

Изъ Пензы мы поѣхали на Тамбовъ.

1837-й годъ.

Зима 1837 года была въ Петербургѣ менѣе обыкновеннаго шумна. На праздникахъ и балахъ отозвалось еще не совсѣмъ возстановившееся здоровье государя, и всѣ гласно выражали единодушное желаніе, чтобы онъ поболѣе берегъ себя, какъ единственный оплотъ благоденствія Россіи и вмѣстѣ какъ страшилище для всѣхъ народныхъ волненій.

2-го марта, присутствуя въ засѣданіи комитета министровъ, я вдругъ почувствовалъ себя такъ дурно, что едва доѣхалъ оттуда къ себѣ и тотчасъ слегъ въ постель; жены и дѣтей моихъ я не засталъ дома, и когда они вернулись, на мнѣ уже не было лица. Послали за моимъ докторомъ, но онъ самъ лежалъ больной, и тогда пригласили Арендта. Онъ подалъ надежду, что не далѣе какъ въ нѣсколько дней поставитъ меня на ноги; но я отвѣчалъ, что онъ ошибается, и что я чувствую себя чрезвычайно дурно, хотя и не могу растолковать, чѣмъ я страдаю. На слѣдующее утро я пригласилъ къ себѣ графа Орлова и просилъ

его взять на себя исполненіе важнѣйшихъ дѣлъ, какія могли бы случиться по моему управленію, и едва успѣлъ отдать соотвѣтственныя тому приказанія начальникамъ подвѣдомственныхъ мнѣ частей, какъ ослабъ до такой степени, что жизнь моя висѣла на волоскѣ.

Узнавъ объ опасномъ моемъ положеніи, государь тотчасъ ко мнѣ пріѣхалъ, но, чтобы не напугать меня, показалъ видъ, будто бы цѣлью его пріѣзда было только переговорить со мною о нѣкоторыхъ дѣлахъ; выходя же, накрѣпко запретилъ моимъ директорамъ вести со мною дѣловой разговоръ и даже входить ко мнѣ, а моего зятя, князя Бѣлосельскаго, послалъ за другимъ еще докторомъ, такъ что съ моимъ, между тѣмъ оправившимся, и съ двумя, которыхъ привезъ еще Арендтъ, этихъ господъ вышло пятеро. При видѣ такого многолюднаго консиліума и всего, что вокругъ меня происходило, я догадался, что нахожусь въ отчаянномъ положеніи; но почти ни на минуту не лишался памяти и не ощущалъ безпокойства, свойственнаго умирающимъ. Меня трогало до слезъ попеченіе обо мнѣ всѣхъ окружавшихъ; но положеніе мое, несмотря на многократныя посѣщенія врачей, нисколько не улучшалось. Государь имѣлъ терпѣніе внимательно слѣдить за ихъ преніями, происходившими за двѣ комнаты отъ той, гдѣ я лежалъ, и всячески оживлялъ ихъ. Меня облѣпили испанскими мухами, горчишниками, піявками, заставляли глотать почти ежеминутно Богъ знаетъ какія микстуры, и я всему этому повиновался съ покорностію ребенка.

Наконецъ, спустя десять дней, опасность какъ будто бы миновала; но вторичный приступъ болѣзни—послѣдствіе слишкомъ шумнаго выраженія радости близкихъ ко мнѣ—еще болѣе приблизилъ меня къ могилѣ. Тогда государь, заѣзжавшій ко мнѣ каждое утро, а не рѣдко и по вечерамъ, еще строже запретилъ кого нибудь ко мнѣ впускать; самъ же онъ продолжалъ почасту сидѣть у моей постели, разсказывать о такихъ новостяхъ, которыя, по его мнѣнію, могли меня развлекать безъ обремененія моихъ умственныхъ силъ, въ особенности же объ участіи, которое возбудила моя болѣзнь во всѣхъ сословіяхъ, и о письмахъ, полученныхъ по случаю ея изъ разныхъ городовъ. Это общее участіе превзошло всѣ самыя тщеславныя мои надежды; домъ мой сдѣлался мѣстомъ сборища для бѣдныхъ и богатыхъ, для знатныхъ и для людей, совершенно независимыхъ по своему положенію, для дамъ высшаго общества, какъ и для простыхъ мѣщанокъ: всѣ хотѣли знать, что со мною дѣлается; лѣстница была уставлена людьми, присылавшимися отъ своихъ господъ, а улица передъ домомъ—толпою народа, приходившаго навѣдываться о моемъ здоровьѣ.

Государь, выходя отъ меня, лично удостоивалъ передавать имъ самыя свѣжія вѣсти.

Въ православныхъ церквахъ просили священниковъ молиться за меня; такія же молитвы произносились въ лютеранскихъ и армянскихъ

церквахъ, даже въ магометанскихъ мечетяхъ и еврейскихъ синагогахъ.

Наконецъ, монархи прусскій, австрійскій и шведскій, равно какъ и высшее общество ихъ столицъ, осыпали меня лестными знаками своего вниманія.

Я имѣлъ счастье заживо услышать себѣ похвальное надгробное слово, и это слово, величайшая награда, какой можетъ удостоиться человѣкъ на землѣ, состояло въ слезахъ и сожалѣніяхъ бѣдныхъ, сирыхъ, невѣдомыхъ, въ общемъ всѣхъ соболѣзнованіи и особенно въ живомъ участіи моего царя, который своимъ сокрушеніемъ и нѣжными заботами являлъ мнѣ лучшій и высшій знакъ своего милостиваго благорасположенія. При той должности, которую я занималъ, это служило, конечно, самымъ блестящимъ отчетомъ за 11-ти-лѣтнее мое управленіе, и думаю, что я былъ едва ли не первый изъ всѣхъ начальниковъ тайной полиціи, котораго смерти страшились и котораго не преслѣдовали на краю гроба ни одною жалобою. Эта болѣзнь была для меня истиннымъ торжествомъ, подобнаго которому еще не испытывалъ никто изъ нашихъ сановниковъ. Двое изъ моихъ товарищей, стоявшіе на высшихъ ступеняхъ службы и никогда не скрывавшіе ненависти своей къ моему мѣсту, къ которой, быть можетъ, немного примѣшивалась и зависть къ моему значенію у престола, оба сказали мнѣ, что кладутъ оружіе передъ этимъ единодушнымъ сочувствіемъ публики, и съ тѣхъ поръ оказывали мнѣ постоянную пріязнь.

Но болѣе всѣхъ наслаждался этимъ торжествомъ государь, видѣвшій въ немъ одобреніе своего выбора и той твердости, съ которою онъ поддерживалъ меня и мое мѣсто противъ всѣхъ зложелательныхъ внушеній.

Недѣли черезъ три, когда меня перенесли изъ спальной въ залу, въ которой я лежалъ еще на диванѣ въ халатѣ, почтила меня посѣщеніемъ наша ангелъ-императрица, и наслѣдникъ цесаревичъ удостоивалъ навѣдываться ко мнѣ не одинъ разъ.

Мало-по-малу, съ теченіемъ времени, опасность миновала; но выздоровленіе шло чрезвычайно медленно, и, что главное, не возвращались силы. Врачи настаивали на поѣздкѣ въ чужіе края, но я рѣшительно объявилъ, что поѣду только въ любезный мой Фалль. Государь, располагая предпринять въ концѣ іюля продолжительное путешествіе на югъ имперіи и въ Закавказье и непремѣнно желая имѣть меня съ собою, твердилъ мнѣ безпрестанно о принятіи всевозможныхъ мѣръ и предосторожностей въ теченіе лѣта, чтобы быть въ силахъ ему сопутствовать.

Наконецъ, 12-го мая, повезли меня къ казенному пароходу, на которомъ я долженъ былъ совершить мой переѣздъ моремъ. Вся Англійская набережная была усыпана зрителями и лицами, собравшимися взглянуть на меня и пожелать мнѣ добраго пути. Эти проводы были

для меня очень трогательны, но истощили мои послѣднія силы. Многіе знакомые и даже люди посторонніе провожали меня до Кронштадта.

Такъ какъ петербургскіе мои врачи находили, что воздухъ Фалля, по возвышенности моего имѣнія, можетъ въ первые дни быть для меня вреденъ, то государь приказалъ, чтобы на эти дни приготовили мнѣ въ Ревелѣ его Екатеринтальскій дворецъ. Когда меня привезли туда, тамъ уже ждалъ фельдъегерь, присланный отъ его величества освѣдомиться, какъ я совершилъ морское путешествіе.

Въ Фаллѣ силы мои стали видимо возвращаться, и черезъ нѣсколько недѣль мнѣ уже позволялось бродить, хотя все еще съ большою осторожностію, по безподобнымъ моимъ рощамъ и садамъ. Это былъ еще первый совершенный покой, которымъ дано было мнѣ наслаждаться послѣ 38-ми лѣтъ дѣятельной службы. Я сбирался возвратиться въ Петербургъ къ 25 іюня, дню рожденія государя, но онъ положительно мнѣ это запретилъ, требуя, чтобы я пріѣхалъ, какъ и прежде предполагалось, въ концѣ іюля. Почти ежедневно его величество присылалъ ко мнѣ нарочнаго курьера, и его письма сохраняются въ Фаллѣ, какъ драгоцѣнное доказательство монаршаго ко мнѣ благоволенія.

12-го іюля я оставилъ Фалль и, чтобы испытать мои силы, проѣхалъ до Петербурга не останавливаясь. Императорская фамилія была на маневрахъ въ Красномъ Селѣ, куда и я отправился. Императрица, увидѣвъ меня съ балкона своего дворца, позвала къ себѣ, а, нѣсколько минутъ спустя, вошелъ государь и заключилъ меня въ свои объятія. Мы ушли къ нему въ кабинетъ, и онъ сталъ разспрашивать о моемъ здоровьѣ; я съ сокрушеннымъ сердцемъ принужденъ былъ сознаться, что мои силы еще не позволяютъ думать о дальней и утомительной поѣздкѣ, и что вмѣсто какой нибудь пользы отъ меня могли бы послѣдовать въ ней лишь хлопоты и остановка. Онъ велѣлъ позвать Арендта, который объявилъ, что такое путешествіе убьетъ меня, и что мнѣ необходимо еще нѣсколько мѣсяцевъ покоя. Государь раздѣлялъ и самъ это мнѣніе и милостиво изъявилъ сожалѣніе свое о томъ, что не можетъ взять меня съ собою. Рѣшено было, что въ путешествіе мѣсто мое заступитъ графъ Орловъ. Онъ находился въ то время въ Лондонѣ, куда посланъ былъ поздравить молодую королеву Викторію съ восшествіемъ ея на престолъ; но его вскорѣ ждали обратно. Я, съ моей стороны, поѣхалъ въ Петербургъ осмотрѣться въ моихъ канцеляріяхъ, уже цѣлые пять мѣсяцевъ мною заброшенныхъ, и вступилъ въ исправленіе обычной моей должности.

31-го іюля императрица отправилась въ Москву, гдѣ ее ожидалъ цесаревичъ, уже возвратившійся изъ Сибири. Государь въ тотъ же день поѣхалъ черезъ Псковъ, Динабургъ, Ковно, Вильно, Бобруйскъ и Кіевъ въ Вознесенскъ, гдѣ впослѣдствіи соединились съ нимъ императрица

и цесаревичъ, а я вернулся въ Фалль, горюя о томъ, что мнѣ не удастся быть съ его величествомъ въ Грузіи, гдѣ я впервые началъ боевую службу, и въ Землѣ войска Донского, посреди котораго оставалось еще столько храбрецовъ, моихъ сотоварищей на полѣ битвъ.

Императрица на пути своемъ изъ Москвы въ Вознесенскъ посѣтила Воронежъ и остановилась прямо у собора, въ которомъ почиваютъ мощи святителя Митрофанія; вечеромъ она съ великою княжною Маріею Николаевною и княземъ Волконскимъ вторично посѣтила соборъ, гдѣ провела цѣлый часъ въ уединенной молитвѣ, и наконецъ на слѣдующее утро, передъ самымъ своимъ выѣздомъ, снова туда заѣхала. Вѣсть объ этомъ благочестивомъ поклоненіи императрицы новопрославленному святителю разнеслась по всѣмъ концамъ Россіи и исполнила радости сердца всего православнаго ея населенія.

Въ концѣ сентября я возвратился изъ Фалля, чтобы снарядить въ путь великихъ княженъ Ольгу и Александру Николаевнъ и трехъ младшихъ великихъ князей. Они ѣхали въ Москву для встрѣчи тамъ сначала ихъ августѣйшей родительницы, а потомъ родителя. Все это юное поколѣніе жило въ Царскомъ Селѣ и приняло меня съ тою радостью, съ какою молодость всегда привѣтствуетъ вѣсть о всякой поѣздкѣ. Мы отправились вмѣстѣ и спокойно ѣхали до Москвы цѣлыхъ шесть сутокъ. Для меня такой образъ путешествія былъ совершенною новостью. Тремя днями послѣ насъ прибыла въ Кремлевскій дворецъ и императрица.

При дворѣ въ это время крайне безпокоились о государѣ, зная, что онъ за Кавказомъ, откуда обратный путь лежалъ черезъ горы, обитаемыя непріязненнымъ намъ населеніемъ. Одинъ я, которому были извѣстны нравы горцевъ, ихъ благоговѣніе къ имени русскаго царя, никогда не обвиняемаго ими въ злоупотребленіяхъ или строгости его чиновниковъ и, напротивъ, составляющаго единственную ихъ надежду на лучшую будущность,—одинъ я утверждалъ, что жизнь государя безопаснѣе между этими полудикими племенами, чѣмъ была бы въ образованныхъ странахъ Европы, гдѣ демагогія уже полвѣка какъ подрыла уваженіе къ коронованнымъ главамъ и готова посягнуть на того, который одинъ могущественною своею рукою охраняетъ и троны и спокойствіе народовъ.

Предвидѣніе мое оправдалось. 28-го октября, вечеромъ, государь благополучно прибылъ въ Москву вмѣстѣ съ августѣйшимъ своимъ наслѣдникомъ.

Государь принялъ меня необыкновенно милостиво и ласково, говоря, что онъ, несмотря на всю заботливость о немъ графа Орлова, на каждомъ шагу чувствовалъ мое отсутствіе. Потомъ его величество велѣлъ мнѣ быть у него на слѣдующее утро вмѣстѣ съ великимъ княземъ наслѣдникомъ и военнымъ министромъ, графомъ Чернышевымъ. Въ это утро, въ продолженіе трехъ часовъ, потомъ опять вечеромъ, съ 7-ми до

9-ти часовъ, и наконецъ еще на слѣдующій день утромъ, отъ 8-ми до 11-ти, онъ разсказалъ намъ всю поѣздку, день за днемъ, съ необыкновенною ясностью, точностью и подробностью.

Возвратившись къ себѣ, я поспѣшилъ положить его разсказъ на бумагу. Вотъ, но только въ краткомъ очеркѣ, сущность слышаннаго мною въ продолженіе этихъ восьми часовъ. Я ввожу здѣсь государя въ первомъ лицѣ, какъ будто бы разсказъ былъ имъ самимъ записанъ.

«Я остановился, за двѣ версты не доѣзжая Пскова, чтобы осмотрѣть строящіяся тутъ, вблизи шоссе, прекрасныя зданія полковыхъ штабовъ 2-й гренадерской дивизіи, а въ самомъ Псковѣ осматривалъ городскую больницу, тюремный замокъ, полубаталіонъ военныхъ кантонистовъ, гимназію съ принадлежащимъ къ ней пансіономъ и четыре баталіона 1-й пѣхотной дивизіи.

«Въ Динабургѣ, куда мы пріѣхали 2-го августа въ 6 часовъ вечера, я, кромѣ 2-й пѣхотной дивизіи и гренадерскаго сапернаго баталіона, подробно осмотрѣлъ вновь построенный арсеналъ, провіантскіе магазины и крѣпостныя работы. Все идетъ тамъ прекрасно; но весенніе разливы еще продолжаютъ много портить, а укрѣпленіе песчанаго грунта валовъ потребуетъ еще немало издержекъ и трудовъ. Шоссе, выходящее изъ тетъ-де-пона, безподобно и много краситъ мѣстность.

Въ Ковно мы прибыли 4-го августа, въ 2 часа утра, и я сдѣлалъ маневры собранному тамъ 1-му корпусу, которымъ остался очень доволенъ. Окрестности Ковна представляютъ превосходную мѣстность для смотровъ и ученій, довольно притомъ обширную и разнообразную, на которой можно маневрировать въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ.

«Тутъ случилось происшествіе, очень меня огорчившее, а все-таки прекрасное. Маневры заключились штурмомъ города, и голова колонны, подъ командою дивизіоннаго начальника Мандерштерна, остановилась на самомъ берегу Нѣмана, отъ котораго поромы, чтобы придать всему больше сходства съ настоящею войною, отведены были къ противоположному берегу. Проѣзжая мимо этого отряда, я сказалъ въ шутку: «Ну, что жъ, только-то! Чего вы тутъ ждете?». И вдругъ Мандерштернъ, принявъ сказанное мною за приказаніе, далъ лошади шпоры и исчезъ въ глубинѣ рѣки, а за нимъ бросилась и вся первая рота. Съ большимъ трудомъ вытащили его изъ воды; къ счастію, никто не утонулъ; но бѣднякъ Мандерштернъ, уже безъ того страдавшій отъ старыхъ ранъ, схватилъ жестокую горячку. На другой день я пошелъ къ нему, чтобы освѣдомиться о его здоровьѣ и попенять за то, что онъ принялъ мои слова за серіозныя. Позднѣйшія извѣстія о немъ, благодаря Богу, совершенно успокоительны; но эта черта показываетъ человѣка.

«Оставивъ Ковно 9-го числа, осмотрѣвъ по пути бывшую греко-уніатскую, а теперь нашу православную Почаевскую лавру, я въѣхалъ

въ Вильну въ 10 часовъ вечера. Всѣ улицы были наполнены народомъ, принявшимъ меня съ изъявленіями большой радости; это — вещь, которая не приказывается и которая все-таки хороша, хотя я не слишкомъ разсчитываю на привязанность ко мнѣ этихъ молодцовъ. Благодаря генералъ-губернатору, князю Долгорукову, городъ много выигралъ относительно опрятности и вида довольства.

«Утромъ рано, помолившись въ соборѣ, я зашелъ въ католическій каѳедральный соборъ, гдѣ ждали меня ксендзы съ крестомъ и святою водою, а потомъ смотрѣлъ два баталіона егерскаго князя Кутузова полка. Цитадель совершенно господствуетъ надъ городомъ, и мы поступили очень хорошо, поставивъ ее здѣсь, на случай, если бы этимъ господамъ вздумалось опять зашалить.

«По осмотрѣ военнаго госпиталя, я принялъ гражданскихъ и военныхъ начальниковъ, дворянство и духовенство. Католическому архіерею я внушилъ строгимъ тономъ, какъ важны его обязанности, и какъ духовенство должно подавать собою прихожанамъ примѣръ доброй нравственности и преданности правительству. Съ дворянами я говорилъ и о прошедшемъ и о томъ, что будущее въ ихъ рукахъ, и что оно зависитъ отъ ихъ покорности и удаленія отъ себя нелѣпыхъ надеждъ на національную самобытность, возбуждаемыхъ, къ собственной ихъ гибели, преступными безумцами. Очень знаю тайныя объ этомъ мысли мѣстныхъ дворянъ, но были бы они только спокойны, а остальное придетъ, вѣроятно, съ слѣдующимъ поколѣніемъ.

«Видѣлъ я также бывшій университетъ, преобразованный теперь въ медико-хирургическую академію, и нашелъ, что воспитанники имѣютъ надлежащій видъ и сдѣлали большіе успѣхи въ русскомъ языкѣ. Директоръ отлично ведетъ свое дѣло. Наконецъ, осматривалъ я еще обѣ гимназіи, больницу сестеръ милосердія, римско-католическую духовную академію, благородный пансіонъ и богоугодныя заведенія: все хорошо и въ порядкѣ.

«Былъ приготовленъ парадный балъ, и всѣ чрезвычайно желали, чтобы я на немъ присутствовалъ и тѣмъ явилъ какъ бы забвеніе всего прошлаго; но мнѣ показалось, что послѣ всѣхъ надѣланныхъ ими гадостей это еще слишкомъ рано. Дамы, собиравшіяся соблазнить меня, очень огорчились моимъ отказомъ; но я долженъ сказать, что вообще принимали меня въ городѣ съ улыбающимися лицами, и народъ при всѣхъ моихъ выѣздахъ усердно вокругъ меня толпился.

«Послѣ обѣда я отправился въ Бобруйскъ черезъ Минскъ, гдѣ остановился только у собора. Этотъ городъ нисколько не украшается и попрежнему скученъ и бѣденъ.

«До Бобруйска мы добрались поздно ночью. Утромъ 12-го августа я смотрѣлъ 5-ю пѣхотную дивизію и крѣпостныя работы. И здѣсь, и

въ Динабургѣ я всегда любуюсь ими съ особеннымъ удовольствіемъ; все мною посаженное уже разрослось въ огромныя деревья, особенно итальянскіе тополи. Госпиталь меня взбѣсилъ. Представьте себѣ, что чиновники заняли для себя лучшую часть зданія, и то, что предназначалось для больныхъ, обращено въ залы гг. смотрителя и докторовъ. За то я коменданта посадилъ на гауптвахту, смотрителя отрѣшилъ отъ должности и всѣхъ отдѣлалъ по-своему.

«На слѣдующій день, по осмотрѣ двухъ саперныхъ баталіоновъ и временнаго госпиталя, мы, отстоявъ обѣдню въ лагерѣ, пустились въ Черниговъ, гдѣ я только зашелъ въ соборъ, и 14-го августа въ 9 часовъ вечера вышли у Печерской лавры въ Кіевѣ.

«Я побранилъ графа Гурьева, который вмѣсто того, чтобы встрѣтить передъ лаврою, дожидался у отведенной для меня квартиры, на правомъ флангѣ почетнаго караула. Мой выговоръ ему не полюбился, но онъ былъ заслуженный. Поутру я смотрѣлъ 3-й корпусъ, который вполнѣ меня удовлетворилъ, слушалъ обѣдню въ лаврѣ, посѣтилъ возобновленный Софійскій соборъ, былъ въ Михайловскомъ Златоверховскомъ монастырѣ и объѣхалъ городъ. Послѣдній улучшается съ каждымъ годомъ, и надо отдать справедливость графу Левашеву, въ управленіе котораго было сдѣлано очень много къ его украшенію. Арсеналъ, богато всѣмъ снабженный, есть, конечно, одно изъ красивѣйшихъ зданій въ своемъ родѣ.

«16-го августа я дѣлалъ маневры 3-му корпусу и обозрѣвалъ работы по возведенію крѣпости, которая заключитъ въ себя весь Кіевъ, для охраненія тамошнихъ огромныхъ военныхъ запасовъ. Работы подвигаются, но медленно, за встрѣчающимися на каждомъ шагу мѣстными препятствіями; строятъ хорошо, и открытый мною камень лучше мрамора. Работа по постройкѣ постояннаго моста черезъ Днѣпръ представляетъ большія трудности и будетъ стоить громадныхъ суммъ; но нечего дѣлать: это—предметъ первостепенной важности.

«Военные госпитали я нашелъ въ отличномъ состояніи; университетъ развивается; число студентовъ возрастаетъ, и русскій языкъ идетъ успѣшно; но случаются еще глупыя польскія выходки. У нѣсколькихъ студентовъ нашли пасквильные стишонки, и хотя этому ребячеству не придали очень справедливо большей важности, чѣмъ оно заслуживало, однако надо держать ухо востро. Попечитель хорошій человѣкъ, но не довольно энергическій; я приказалъ написать Уварову (министру народнаго просвѣщенія), чтобы онъ пріѣхалъ сюда лично на все взглянуть и дать всему должное направленіе. Впрочемъ у студентовъ порядочный видъ; они смотрѣли на меня съ удовольствіемъ, и многіе изъ нихъ русѣютъ, что не слишкомъ нравится нѣкоторымъ изъ родителей.

«Послѣ обѣда, поклонившись святымъ мощамъ въ пещерахъ, я отправился въ Вознесенскъ, куда прибылъ 17-го августа, въ 11-ть часовъ ночи, къ общему удивленію, потому что меня ждали пятью днями позже; зато и пріѣхалъ я первый изъ всѣхъ».

Прерву на минуту разсказъ государя, чтобы объяснить цѣль его пріѣзда въ Вознесенскъ. На огромной тамошней равнинѣ, орошаемой Бугомъ, предназначенъ былъ сборъ колоссальныхъ массъ кавалеріи. 1-й, 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса, сводный корпусъ изъ двухъ дивизій, принадлежавшихъ къ пѣхотнымъ корпусамъ, дивизія 40 эскадроновъ, образованныхъ изъ безсрочноотпускныхъ восьми сосѣднихъ губерній, и резервные эскадроны всей кавалеріи собраны и расположены были съ принадлежащею къ нимъ артиллеріею въ окрестностяхъ Вознесенска.

Къ кавалеріи еще присоединились 12 резервныхъ баталіоновъ 5-го корпуса и 16 баталіоновъ съ 3-мя батареями артиллеріи, составленныхъ изъ безсрочныхъ тѣхъ же восьми губерній.

Неусыпными трудами графа Витта мѣстечко Вознесенскъ, дотолѣ лишь штабъ-квартира одного изъ кирасирскихъ полковъ, было менѣе, чѣмъ въ годъ, превращено въ настоящій городъ, съ дворцомъ для царской фамиліи, обширнымъ садомъ, театромъ, около двухъ десятковъ большихъ домовъ для знатныхъ особъ и до полутораста меньшихъ для свиты и приглашенныхъ на этотъ смотръ генераловъ и офицеровъ. Тутъ было соединено все, что только могло потребоваться для комфорта и даже для утонченной роскоши. Меблировка дворца представляла образецъ лучшаго вкуса, и изъ Одессы и Кіева были выписаны торговцы всѣхъ родовъ и лучшіе рестораторы. Для гостей было приготовлено до 200 экипажей и 400 верховыхъ лошадей. Прибавлю, что всѣ зданія были каменныя и построены чрезвычайно прочно. Все имѣло видъ настоящаго волшебства!

Зрителями явились въ Вознесенскъ: изъ своихъ, кромѣ императрицы, наслѣдника, великаго князя Михаила Павловича съ супругою и великой княжны Маріи Николаевны, множество корпусныхъ и дивизіонныхъ командировъ изъ всей арміи, нѣсколько гвардейскихъ генераловъ и почти всѣ генералъ- и флигель-адъютанты; изъ иностранцевъ: австрійскій эрцъ-герцогъ Іоганнъ; прусскіе принцы Августъ и Адальбертъ; принцъ Фридрихъ Виртембергскій; герцогъ Бернгардъ Веймарскій съ своимъ сыномъ; герцогъ Лейхтенбергскій изъ Баваріи; австрійскій посолъ, графъ Фикельмонъ, и генералы австрійскіе: князь Виндишгрецъ и Гаммерштейнъ съ 24-мя офицерами, и прусскіе: Натцмеръ и Бирнеръ съ 8-ю офицерами, англійскій генералъ Арбутнотъ, два датскихъ офицера и отъ султана Муширъ-Ахметъ-паша съ 6-ю офицерами.

Всѣ эти господа пріѣзжали постепенно, и для нихъ всѣхъ достало помѣщеній, экипажей и лошадей.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ

Этотъ огромный военный сборъ сильно занялъ чужестранные журналы и навелъ безпокойство на кабинеты парижскій и лондонскій, при вѣчной ихъ подозрительности къ Россіи. Австрія и Пруссія, хотя имъ ближе были извѣстны планы нашего правительства, тоже, однако, остались не совсѣмъ довольны показомъ съ нашей стороны такихъ силъ и, въ завистливости своей, всячески старались увѣрить и себя и другихъ, что тутъ гораздо менѣе войска, чѣмъ утверждаютъ, и что притомъ оно дурно обучено.

Одна Турція, вполнѣ довѣряя императору Николаю, какъ своему благодѣтелю и спасителю, не обнаруживала никакого неудовольствія противъ такого чрезвычайнаго сбора войскъ близъ ея границъ, а посолъ султана съ многочисленною своею свитою видѣлъ для Оттоманской Порты въ развитіи нашихъ военныхъ силъ скорѣе оплотъ, нежели какую либо опасность.

«Я не утерпѣлъ, — продолжалъ государь, — чтобы не взглянуть на собранныя войска тотчасъ же по прибытіи, и на слѣдующее утро былъ уже среди нихъ. Безконечная долина казалась нарочно созданною для сосредоточенія на ней такой огромной силы, и не могу вамъ выразить, что я чувствовалъ, подъѣхавъ къ ней. 350 эскадроновъ со 144-мя конными орудіями, вытянутые въ пять линій, представляли зрѣлище такое величественное и новое, что первою моею мыслію было возблагодарить вмѣстѣ съ ними Бога. Поразительно было смотрѣть на громадную массу всадниковъ, обнажившихъ головы для молитвы. Въ эту минуту я гордился принадлежать имъ и быть ихъ начальникомъ. Послѣ молебствія войска прошли передо мною церемоніальнымъ маршемъ; все блистало красотою и выправкою: люди, лошади, обмундировка, сбруя, все казалось вылитымъ по одному образцу. Я вполнѣ наслаждался, и видѣнное тутъ превзошло мои ожиданія. Духъ этого войска тоже превосходный, потому что такого блестящаго состоянія можно достигнуть только ревностнымъ и совокупнымъ усердіемъ начальниковъ и солдатъ. Они приняли меня съ восторгомъ, выражавшимся на всѣхъ лицахъ. Мнѣ уже не было причины сомнѣваться относительно впечатлѣнія, которое этотъ сборъ войскъ произведетъ на иностранцевъ.

«19-го августа я смотрѣлъ пѣхоту, и она хороша, а баталіоны безсрочныхъ — превосходны.

«На другой день я дѣлалъ маневры всей кавалеріи и боялся, что ея численность меня затруднитъ, но люди такъ хорошо выучены, а начальники такъ внимательны, что все шло въ совершенствѣ.

«Послѣ обѣда я осматривалъ госпитали, устроенные по случаю сбора такой массы людей въ одномъ мѣстѣ; найденный въ нихъ порядокъ не оставлялъ ничего желать лучшаго. Впослѣдствіи было немало больныхъ глазами отъ пыли и жары.

«21-го августа, драгунскія дивизіи и артиллерійскія батареи производили въ моемъ присутствіи стрѣльбу въ цѣль. Видно, что онѣ надъ этимъ порядочно поработали: мишени были всѣ разстрѣляны.

«22-го августа, въ день моей коронаціи, я слушалъ обѣдню въ пѣхотномъ лагерѣ, а послѣ обѣда мнѣ показывали конскіе заводы поселенныхъ полковъ. Кобылы хороши, и есть нѣсколько замѣчательныхъ жеребцовъ; только въ породѣ для кирасиръ остается еще желать улучшенія.

«23-го августа, въ 8-мь часовъ утра, сидя у эрцъ-герцога Іоганна, я велѣлъ ударить тревогу, и менѣе чѣмъ въ полчаса все было въ строю и подъ ружьемъ.

«27-го августа, рано утромъ я выѣхалъ навстрѣчу къ императрицѣ съ которою и вернулся въ Вознесенскъ. Насъ встрѣтили передъ городомъ, верхами, всѣ генералы и штабъ-офицеры, какъ изъ числа гостей, такъ и принадлежавшіе къ войскамъ, расположеннымъ въ лагерѣ, что составило огромнѣйшую свиту. Ночью пріѣхалъ и старшій мой сынъ прямо изъ Сибири. Вы можете себѣ представить, какъ я радъ былъ съ нимъ увидѣться. Саша много выигралъ отъ этой поѣздки и совершенно возмужалъ.

«Жена моя присутствовала при большомъ парадѣ, который удался еще лучше перваго, сдѣланнаго мною въ видѣ репетиціи. Иностранцы были изумлены красотою и выправкою нашихъ войскъ, которыя могли поспорить съ гвардіею, а въ отношеніи къ подбору и выѣздкѣ лошадей еще чуть ли не стояли выше ея. Потомъ были у насъ ученія и маневры».

Государь разсказалъ ихъ во всей подробности и при этомъ обнаружилъ удивительную память, передавъ всѣ ихъ частности.

«Наконецъ, пришлось разстаться съ Вознесенскомъ, гдѣ въ продолженіе двухъ недѣль я испытывалъ одни наслажденія; признаюсь, что разставаніе съ этимъ прекраснымъ и добрымъ войскомъ мнѣ было очень тяжело. Простившись со всѣми и поблагодаривъ графа Витта, который въ этомъ случаѣ выказался истиннымъ волшебникомъ, я 4-го сентября, въ полдень, выѣхалъ въ Николаевъ, а жена съ Мери [1] отправились прямо въ Одессу.

«Въ Николаевѣ я началъ съ осмотра Минскаго пѣхотнаго полка, который нашелъ въ крайне дурномъ положеніи, въ такомъ дурномъ, что, благодаря Бога, уже давно ничего подобнаго не видывалъ. Николаевъ улучшился, и выстроенныя въ немъ новыя зданія очень хороши. Госпитали, казармы, гидрографическое депо, штурманское училище, кабинетъ моделей въ адмиралтействѣ, магазины и мастерскія — все это

[1] Такъ императоръ Николай всегда называлъ свою дочь, великую княжну Марію Николаевну.

очень меня удовлетворило. На верфи строятся два линейныхъ корабля, одинъ 120-ти, другой 80-ти-пушечный, которые будутъ безподобны. При мнѣ спустили три транспортныхъ судна, и потомъ я присутствовалъ при посаженіи на суда двухъ сотенъ Азовскихъ казаковъ, которыхъ повезли на Кавказскій берегъ.

«По прибытіи изъ Николаева въ Одессу я 6-го сентября вмѣстѣ съ Сашею и братомъ Михаиломъ посѣтилъ соборъ, гдѣ жена моя уже была наканунѣ, послѣ чего смотрѣлъ на площади два баталіона Подольскаго егерскаго полка. Они оказались не лучше полка, видѣннаго мною въ Николаевѣ, за чтò досталось отъ меня не на шутку генералу Муравьеву [1].

«Одесса чрезвычайно украсилась со времени моего послѣдняго въ ней пребыванія, и меня поразило множество новыхъ, изящныхъ въ ней зданій. Не могу не отдать полной справедливости графу Воронцову: онъ сдѣлалъ просто чудеса. Я только не скрылъ отъ него, что остался не доволенъ полиціею: она совершенно бездѣйствуетъ, и тотчасъ видно, что не умѣетъ заставлять себѣ повиноваться. Вечеромъ городъ далъ намъ балъ, столько же изысканный и утонченный, какъ любой въ Петербургѣ.

«7-го сентября я осмотрѣлъ въ подробности карантинъ, котораго устройство и порядокъ изумили иностранцевъ, и въ особенности эрцъ-герцога Іоганна; это, конечно, одно изъ лучшихъ заведеній въ своемъ родѣ въ цѣлой Европѣ. Я поблагодарилъ и наградилъ карантинныхъ чиновниковъ [2]. Осмотрѣвъ потомъ Дѣвичій институтъ благородныхъ дѣвицъ, которымъ управляетъ и который показывала мнѣ императрица, я обозрѣлъ еще тюремный замокъ, больницы и арестантскую роту.

«8-е сентября было посвящено осмотру учебныхъ заведеній. Ришельевскій лицей въ превосходномъ порядкѣ, и науки идутъ тамъ очень успѣшно; училища для евреевъ обоего пола тоже хорошо содержатся.

9-го сентября, въ 11 часовъ утра, императрица, Мери, наслѣдникъ и я вмѣстѣ съ нашими гостями отправились на пароходѣ «Сѣверная Звѣзда» въ Севастополь. Въ 25-ти миляхъ оттуда мы встрѣтили весь Черноморскій флотъ, вышедшій къ намъ навстрѣчу. Видъ былъ безподобный. Я велѣлъ судамъ сдѣлать нѣсколько построеній, которыя за-

[1] Николаю Николаевичу, командовавшему въ то время 5-мъ корпусомъ, вскорѣ потомъ оставившему службу, а впослѣдствіи назначенному главнокомандующимъ на Кавказѣ и взявшему въ 1855 году Карсъ.

[2] Противъ подчеркнутыхъ словъ императоръ Николай написалъ:

«Fort à tort, car grâce à leur négligence huit jours après la peste fut introduite dans la ville et, peu s'en est fallu, dans tout l'empire».

ключились общимъ салютомъ нашему пароходу, когда на немъ взвился императорскій флагъ.

«10-го сентября мы ѣздили въ монастырь св. Георгія, выстроенный на отвѣсной скалѣ надъ моремъ, послѣ чего я инспектировалъ часть пѣхоты 5-го корпуса, приходящую каждое лѣто въ Севастополь на крѣпостныя работы, и нашелъ ее столько же слабою по фронтовой части, какъ и представленную мнѣ въ Николаевѣ и Одессѣ. Это, поистинѣ, непростительно, и я не думалъ, что въ нашей арміи еще существуютъ подобныя войска.

«Работы въ гавани, быстро подвигающіяся впередъ, можно назвать исполинскими, и онѣ обратятъ Севастополь въ одинъ изъ первыхъ портовъ въ мірѣ, но еще много остается додѣлать. Теперь снимаютъ цѣлую каменную гору, чтобы выстроить тутъ адмиралтейство, казармы и прекрасную церковь. Водопроводъ для снабженія водою корабельныхъ доковъ есть также работа гигантская.

«Въ полдень я проводилъ мою жену на Сѣверную сторону, откуда она поѣхала въ Бахчисарай, а мы съ наслѣдникомъ осмотрѣли сперва Инкерманскую бухту,—часть того огромнаго залива, который образуетъ гавань, и въ которомъ было бы мѣсто укрыться всѣмъ европейскимъ флотамъ вмѣстѣ, а потомъ береговыя укрѣпленія. Милости просимъ теперь сюда англичанъ, если они хотятъ разбить себѣ носъ!

«12-го сентября мы обошли сухопутные и морскіе госпитали, магазины и адмиралтейскія заведенія: все это такъ хорошо, какъ только позволяютъ то старыя и ветхія зданія.

«Утро 13-го сентября я употребилъ на подробный обзоръ флота и нашелъ его въ превосходнѣйшемъ положеніи касательно порядка, опрятности и выправки людей, но матеріальная часть еще отстала отъ Балтійскаго; есть суда старыя, но экипажи безподобны.

«Вечеромъ я поѣхалъ къ женѣ въ Бахчисарай. Находящійся здѣсь старинный ханскій дворецъ возобновленъ въ прежнемъ вкусѣ, и все убранство для него нарочно выписано изъ Константинополя. 14-го сентября мы отправились всѣ вмѣстѣ на южный Крымскій берегъ и частью верхомъ объѣхали этотъ край, прелестный и своими видами, и растительностью. Оконченное нами теперь шоссе—чудо: оно выровняло пропасти и превратило головоломныя тропинки въ спокойную дорогу, по которой ѣдутъ въ экипажахъ. Слѣдуя черезъ Артекъ, Массандру, Ялту и Оріанду, мы пріѣхали въ очаровательную Алупку графа Воронцова. Его замокъ еще не оконченъ, но онъ будетъ одною изъ прекраснѣйшихъ виллъ, какую только можно себѣ представить.

«Оставивъ тутъ у Воронцова мою жену, я самъ съ сыномъ въ Ялтѣ опять сѣлъ на «Сѣверную Звѣзду», которая повезла насъ къ азіатскимъ берегамъ. Вѣтеръ, уже и прежде довольно свѣжій, превра-

тился почти въ бурю, и насъ ужасно качало. 21-го сентября, утромъ, мы, однако же, добрались до Геленджика. Орудія изъ крѣпости и изъ лагеря генерала Вельяминова салютовали императорскому флагу и возвѣстили нашъ пріѣздъ Кавказскимъ горамъ, которыя еще впервые видѣли русскаго монарха. Вѣтеръ такъ волновалъ море, что мы съ большимъ лишь трудомъ могли спуститься въ шлюпку и причалить къ берегу; другая же шлюпка, которая везла нашихъ людей, принуждена была возвратиться къ пароходу [1].

«Мы отправились прямо въ лагерь, гдѣ войско ожидало насъ подъ ружьемъ. Но буря, все еще усиливавшаяся, такъ свирѣпствовала, что взводы въ буквальномъ значеніи шатались то взадъ, то впередъ; знамена держали по три, по четыре человѣка; даже я самъ, довольно, какъ вы знаете, сильный, едва могъ стоять на ногахъ и двигаться съ мѣста. Слѣдственно о церемоніальномъ маршѣ нельзя было и думать; за всѣмъ тѣмъ отрядъ представился прекрасно. Это — старые воины, съ воинственнымъ и внушающимъ довѣріе видомъ, и никогда ни одно войско не принимало меня лично съ такимъ восторгомъ; они замѣтно наслаждались при видѣ своего государя.

«Всѣ стихіи, повидимому, вооружились противъ насъ; вода, казалось, рвалась насъ поглотить, вѣтеръ дулъ съ невыразимою свирѣпостью, а тутъ еще въ прибавку надъ Геленджикомъ вспыхнуло пламя.

«Вельяминовъ тотчасъ поскакалъ на пожаръ, а за нимъ поѣхали мы.

«Горѣли провіантскіе магазины, а отъ нихъ занялось и сѣно, котораго было тутъ сложено нѣсколько милліоновъ пудовъ. Огонь и дымъ носились надъ артиллерійскимъ паркомъ, наполненнымъ порохомъ и заряженными гранатами. Мы ходили среди этого пламени, а солдаты съ величайшимъ хладнокровіемъ складывали снаряды въ свои шинели.

«Намъ захотѣлось ѣсть, но вѣтеръ опрокинулъ и обѣдъ и кухню. Вечеромъ я думалъ вернуться на пароходъ, но за бурею не представлялось къ тому никакой возможности. Надо было поневолѣ остаться съ голоднымъ желудкомъ и пережидать въ дрянномъ, холодномъ домишкѣ, когда утихнетъ вѣтеръ.

«Я съѣздилъ осмотрѣть госпиталь и навѣстилъ генерала Штейбена (Steuben), опасно раненнаго въ одномъ изъ послѣднихъ дѣлъ противъ горцевъ. Боюсь, что мы потеряемъ этого храбраго офицера [2].

«Только на слѣдующій день, въ 5 часовъ послѣ обѣда, можно было возвратиться на пароходъ, который между тѣмъ также подвергался большой опасности. Я былъ радъ, что все это видѣлъ и мой сынъ, которымъ остался очень доволенъ при этомъ случаѣ.

1 Императоръ Николай написалъ съ боку: «C'est faux».

2 «Je crois qu'il se trompe et que j'ai vu le général Steuben à Anapa». (Замѣтка императора Николая).

«Въ 11 часовъ вечера мы бросили якорь передъ Анапою и 24-го сентября посѣтили эту крѣпость, гдѣ я смотрѣлъ гарнизонъ и госпиталь. Въ 4 часа послѣ обѣда мы уже были въ Керчи. Этотъ городъ много выигрываетъ отъ каботажнаго судоходства и становится значительнымъ. Новая набережная въ немъ прекрасна, постоянно производимыя раскопки уже открыли много замѣчательныхъ предметовъ древности; музей все болѣе и болѣе наполняется, и нѣсколько любопытныхъ вещей будетъ отправлено въ Петербургъ, между прочимъ найденная въ одной гробницѣ золотая маска превосходной работы, изображающая женское лицо.

«Въ Керчи я простился съ Сашею. Онъ направился черезъ Алупку въ дальнѣйшее свое путешествіе по Россіи, а я на «Сѣверной Звѣздѣ» въ Редутъ-Кале, куда прибылъ 27 сентября и гдѣ нашелъ главноуправляющаго барона Розена.

«Въ нѣсколькихъ верстахъ за этимъ гадкимъ, окруженнымъ болотами и нездоровымъ мѣстечкомъ меня встрѣтилъ князь Дадіанъ, владѣтель Мингреліи, съ многочисленною свитою. Его наружность и нарядъ были одинаково странны. При мѣстномъ своемъ костюмѣ онъ вздумалъ нахлобучить себѣ на голову нашу генеральскую шляпу.

«На ночлегъ мы прибыли въ селеніе Зугдиды, гдѣ приготовлено было для меня помѣщеніе во дворцѣ того же князя Дадіана, въ большой залѣ, раздѣленной красивыми занавѣсками на спальню и кабинетъ. Насъ приняла княгиня, жена владѣтеля, огромная и дюжая, на которую стоитъ только посмотрѣть, чтобы увѣриться, что распоряжается всѣмъ она, а не тщедушный ея супругъ.

«Княгиня, впрочемъ, достойная женщина, оказавшая намъ большія услуги въ послѣднюю войну противъ турокъ, такъ что безъ нея, можетъ статься, поколебалась бы вѣрность къ Россіи ея мужа, на котораго дѣйствовали и Оттоманская Порта своими прельщеніями и нѣкоторые изъ его придворныхъ коварными совѣтами [1]. Мингрельское дворянство приготовило для меня почетный каваулъ, замѣчательный по нарядамъ и красотѣ людей. Они всѣ показали мнѣ большое усердіе и преданность, которыя въ этихъ племенахъ не могутъ быть притворными, и приняли меня съ добрымъ русскимъ «ура».

«На другой день князь Дадіанъ со всею его свитою проводилъ насъ до своихъ границъ, гдѣ ожидалъ меня управляющій Имеретіею съ

[1] Подчеркнутыя слова зачеркнуты императоромъ Николаемъ, и противъ нихъ написано:

«C'est faux».
«C'est du roman».

своими князьями и дворянами, которые въ Кутаисѣ составили мой почетный караулъ. Ихъ наряды и вообще вся обстановка переносили меня въ сказочный міръ тысячи и одной ночи.

«29 сентября, рано утромъ, послѣ представленія мнѣ имеретинскаго архіепископа Софронія, митрополита Давида и разныхъ мѣстныхъ мелкихъ владѣльцевъ, я осмотрѣлъ госпиталь, уѣздное училище и казармы 10-го линейнаго Черноморскаго баталіона, а въ 10 часовъ пустился въ дальнѣйшій путь, въ сопровожденіи всѣхъ этихъ князьковъ и дворянъ, ѣхавшихъ за мною до границы Грузіи.

«На Молицкомъ постѣ, гдѣ я ночевалъ, ждали грузинскій гражданскій губернаторъ и предводитель дворянства съ князьями и дворянами и съ окрестными почетными старшинами. Вся дорога отъ Редутъ-Кале до Молицкаго поста, по которой въ прежнее время можно было пробираться съ трудомъ только пѣшеходу, вновь устроена стараніями барона Розена и, представляя совершенно удобный проѣздъ для экипажей, сблизила такимъ образомъ страны, хотя и смежныя, но не имѣвшія прежде между собою никакого сообщенія.

«30 сентября мы пріѣхали въ Сурамъ, а 1 октября въ 7 часовъ вечера въ Ахалцыхъ, прославившій нашего Паскевича. У «страшнаго окопа» меня привѣтствовали мѣстные беки и старшины переселенныхъ изъ Эрзерума армянъ. 2 октября, осмотрѣвъ городскія заведенія и мечеть, обращаемую въ православный соборъ, я отправился на ночь въ Ахалкалаки, а 3-го—въ Гумры, гдѣ приняли меня съ обычными привѣтствіями старшины армянъ, перешедшихъ сюда изъ Карса. Меня поразили огромныя работы, предпринятыя по сооруженію этой новой крѣпости, настоящаго оплота для Грузіи и пункта, откуда можно угрожать одновременно и Турціи и Персіи, которыхъ границы здѣсь почти сливаются. Мѣстоположеніе крѣпости единственное, на отвѣсной скалѣ, далеко господствующей надъ оттоманскими владѣніями. Каменная одежда уже вся окончена съ тою тщательностью, какую мы привыкли видѣть въ лучшихъ нашихъ крѣпостяхъ, и здѣсь надо было отдать полную справедливость барону Розену и инженеру, управлявшему работами, какъ за быстроту возведенія послѣднихъ и превосходное ихъ очертаніе, такъ и за бережливость, почти невѣроятную, съ которою все это построено.

«Я пожелалъ лично положить первый камень въ основаніе церкви, которая будетъ сооружена во имя св. мученицы, царицы Александры, и перекрестилъ Гумры въ Александрополь.

«Въ этой ближайшей къ оттоманскимъ предѣламъ крѣпости нашей явился ко мнѣ эрзерумскій сераскиръ Магометъ-Аседъ-паша, присланный отъ султана съ привѣтствіемъ и съ богатыми дарами, состоявшими изъ лошадей, шалей и оружія. Онъ сказалъ мнѣ, что вы-

бранъ для этой миссіи своимъ повелителемъ, какъ начальникъ смежныхъ турецкихъ областей, и присланъ за моими приказаніями.

«Въ деревнѣ Мастеры мы вступили въ Армянскую область. Ожидавшіе меня тутъ армянскіе беки и мелики и курдскіе старшины сопровождали насъ до нашего ночлега въ Сардарь-Абадѣ.

«Здѣсь край становится еще живописнѣе. Араратъ открывается во всемъ своемъ величіи, образуя заднiй планъ картины, и невольно переноситъ мысль къ воспоминанію о сѣдой старинѣ.

«Спустившись въ долину, я увидѣлъ передъ собою выстроенную къ бою безподобную конницу кенгерли, въ однообразномъ одѣяніи и на чудесныхъ лошадяхъ; начальникъ ея, Эсханъ-ханъ, подскакавъ ко мнѣ, отрапортовалъ по-русски, какъ бы офицеръ нашихъ регулярныхъ войскъ. Съ этою свитою я подъѣхалъ къ знаменитому Эчміадзинскому монастырю, передъ которымъ встрѣтилъ меня армянскій патріархъ Іоанессъ — верхомъ. Сойдя съ лошади, онъ произнесъ рѣчь и потомъ опять, сѣвъ верхомъ, продолжалъ вмѣстѣ со мною шествіе къ стѣнамъ древней своей обители, этого капитолія армянской народности и религіи. Епископы и архимандриты, тоже всѣ верхами, придавали нашему поѣзду что-то странное и почти театральное; лошадь патріарха вели подъ уздцы два шатира, или скорохода, а за нимъ ѣхало человѣкъ 50 почетной его стражи въ полумонашескомъ одѣяніи, и два духовныхъ сановника, одинъ съ его посохомъ, а другой съ хоругвей, что̀ означало соединеніе въ лицѣ патріарха власти духовной съ свѣтскою и военною. Наконецъ, впереди всѣхъ патріаршій конюшій велъ двухъ заводныхъ лошадей подъ богатыми попонами. Когда мы въ такой процессіи подъѣхали къ стѣнамъ Эчміадзина, звонъ всѣхъ колоколовъ монастырскихъ и ближайшихъ церквей слился съ пѣніемъ духовныхъ стихиръ и съ криками народа, отовсюду сбѣжавшагося. Внѣ монастырской ограды стояли монахи, и два епископа во всемъ архіерейскомъ облаченіи поднесли мнѣ: одинъ—приложиться чудотворную икону, а другой—хлѣбъ и соль. Патріархъ отдѣлился отъ меня у Сѣверныхъ воротъ собора, чтобы войти въ южныя и принять меня передъ алтаремъ, тоже въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ и со всѣмъ блескомъ своего сана. Здѣсь Іоанессъ произнесъ вторую привѣтственную рѣчь, и затѣмъ своды древняго храма огласились пѣніемъ стихиръ на срѣтеніе царя, не раздававшихся здѣсь въ теченіе семи вѣковъ. Приложившись къ мощамъ, почивающимъ въ соборѣ болѣе тысячелѣтія, я все съ тою же многочисленною свитою обошелъ ризницу, синодальныя палаты, семинарію, типографію и трапезу, а потомъ зашелъ къ патріарху, который, призывая на меня и на мое потомство благословеніе Божіе, вручилъ мнѣ въ даръ часть животворящаго креста Господня.

«По выходѣ изъ монастыря, своими богатствами не вполнѣ отвѣтившаго моимъ ожиданіямъ, я сдѣлалъ смотръ конницы кенгерли, которая сопровождала меня оттуда до Эривани. Здѣсь, помолившись въ соборѣ [1], я удалился въ приготовленный для меня домъ, очень радуясь возможности наконецъ отдохнуть.

«6-го октября я принялъ наслѣдника персидскаго трона Валіята, дитя семи лѣтъ, при которомъ находился посолъ отъ шаха. Посадивъ мальчика, очень хорошенькаго, къ себѣ на колѣни, я обратился къ послу съ весьма серьезною рѣчью, изъяснивъ ему, что всѣ его увѣренія прекрасны на словахъ, но что я не могу довѣрять имъ, пока Персія не только поощряетъ побѣги нашихъ солдатъ, но и образуетъ изъ нихъ особое войско, что я требую выдачи этихъ дезертировъ въ наискорѣйшемъ времени, безъ чего буду считать Персію въ непріязненныхъ къ намъ отношеніяхъ; наконецъ, что, строго наблюдая съ моей стороны всѣ трактаты, я сумѣю принудить и шаха къ точному ихъ исполненію. Впрочемъ мы разстались съ посломъ добрыми друзьями, и онъ подарилъ мнѣ отъ имени шаха прекрасныхъ лошадей, жемчугу и множество шалей.

«Переночевавъ въ этотъ день въ Чухлы, а 7-го въ Кади, я 8-го октября, въ 3 часа пополудни, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Тифлисъ. Прибытіе мое было возвѣщено пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ; множество народа наполняло улицы и плоскія крыши домовъ, а разнообразіе богатыхъ одѣяній туземцевъ представляло прекрасный видъ. Не могу иначе изобразить вамъ радушіе сдѣланнаго мнѣ пріема, какъ сравнивъ его съ встрѣчами, дѣлаемыми мнѣ всегда здѣсь, въ Москвѣ, и нельзя не дивиться, какъ чувства народной преданности къ лицу монарха не изгладились отъ того сквернаго управленія, которое, сознаюсь къ моему стыду, такъ долго тяготѣетъ надъ этимъ краемъ.

«Тифлисъ—большой и прекрасный городъ, съ азіатскою внутренностію, но съ предмѣстьями уже въ нашемъ вкусѣ и со многими домами, которые не обезобразили бы и Невскаго проспекта.

«Утромъ, 9-го октября, помолившись въ Успенскомъ соборѣ, посреди огромнаго стеченія народа, я присутствовалъ при разводѣ отъ Эриванскаго карабинернаго полка, въ полдень принималъ хановъ и почетныхъ лицъ разныхъ горскихъ племенъ, собравшихся въ Тифлисъ къ моему пріѣзду, и потомъ осматривалъ корпусный штабъ, больницу, арсеналъ, казармы Кавказскаго сапернаго баталіона, устроенную при немъ школу съ училищемъ для молодыхъ грузинскихъ дворянъ и тюрьму. Все оказалось въ отличномъ порядкѣ.

[1] «Que j'avais fait bâtir». (Замѣтка императора Николая).

«10-го октября я слушалъ обѣдню въ церкви св. Георгія и смотрѣлъ войска, составляющія тифлисскій гарнизонъ. Хороши, въ особенности артиллерія.

«11-го октября, послѣ развода, бывшаго отъ своднаго учебнаго баталіона, и осмотра военнаго госпиталя, комиссаріатскаго депо и шелкомотальной фабрики, я принялъ грузинскихъ князей и дворянъ, составлявшихъ мой конвой и теперь содержавшихъ караулъ передъ моею комнатою. Они явились верхомъ на лучшихъ своихъ коняхъ и въ богатѣйшихъ нарядахъ, и соперничали между собою въ скачкѣ и въ искусствѣ владѣть оружіемъ. Одинъ ловчѣе другого, и между ними было немало такихъ, которые свели бы съ ума нашихъ дамъ.

«Вечеромъ я присутствовалъ на довольно многолюдномъ балѣ. Дамы были большею частью въ національномъ костюмѣ, скрадывающемъ талью и вообще не слишкомъ граціозномъ, тогда какъ сами по себѣ многія изъ нихъ блестятъ истинно восхитительною красотою, чего нельзя сказать, по крайней мѣрѣ, въ массѣ объ ихъ умѣ.

«Видѣнное мною въ Грузіи вообще довольно меня удовлетворило. Положеніе дорогъ и Гумрійская крѣпость свидѣтельствуютъ о попечительности барона Резена, но въ администраціи есть разные закоренѣлые безпорядки, превосходящіе всякое вѣроятіе. Сенаторъ баронъ Ганъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ ревизующій этотъ край, открылъ множество вещей ужасныхъ, которыя, начавшись, впрочемъ, задолго до управленія барона Розена, должны были до крайности раздражить здѣшнее населеніе, сколько оно ни привыкло къ слѣпой покорности. Вездѣ страшное самоуправство и мошенничество. Въ числѣ прочихъ частей, и военные начальники позволяли себѣ неслыханныя злоупотребленія.

«Такъ, князь Дадіанъ, зять барона Розена и мой флигель-адъютантъ, командовавшій полкомъ всего въ 16-ти верстахъ отъ Тифлисской заставы, выгонялъ солдатъ и особенно рекрутъ рубить лѣсъ и косить траву, нерѣдко еще въ чужихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и потомъ промышлялъ этою своею добычею въ самомъ Тифлисѣ, подъ глазами начальства; кромѣ того, онъ заставлялъ работать на себя солдатскихъ женъ и выстроилъ съ своими солдатами, вмѣсто казармы, мельницу, а въ отпущенныхъ ему на то значительныхъ суммахъ даже не подѣлился съ бѣдными нижними чинами; наконецъ этотъ молодчикъ сданныхъ ему 200 человѣкъ рекрутъ, вмѣсто того, чтобы обучать ихъ строю, заставилъ, босыхъ и необмундированныхъ, пасти своихъ овецъ, воловъ и верблюдовъ. Это было уже черезчуръ, и по дошедшему до меня о томъ первому свѣдѣнію я въ ту же минуту отправилъ на мѣсто моего флигель-адъютанта Васильчикова, изслѣдованіемъ котораго все было раскрыто точно такъ, какъ я вамъ сейчасъ разсказалъ. Въ виду такихъ мерзостей надо было показать примѣръ строгаго взысканія.

«У развода я велѣлъ коменданту сорвать съ князя Дадіана, какъ недостойнаго оставаться моимъ флигель-адъютантомъ, аксельбантъ и мой шифръ, а самого его тутъ же съ площади отправить въ Бобруйскую крѣпость для преданія неотложно военному суду.

«Не могу сказать вамъ, чего стоила моему сердцу такая строгость, и какъ она меня разстроила; но въ надеждѣ, поражая виновнѣйшаго изъ всѣхъ, собственнаго моего флигель-адъютанта и зятя главноуправляющаго, спасти прочихъ полковыхъ командировъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ подобнымъ же злоупотребленіямъ, я утѣшался тѣмъ, что исполнилъ святой свой долгъ. Здѣсь это было бы дѣйствіемъ самовластнымъ, безполезнымъ и предосудительнымъ; но въ Азіи, удаленной огромнымъ разстояніемъ отъ моего надзора, при первомъ моемъ появленіи передъ Закавказскою моею арміею, необходимъ былъ громовый ударъ, чтобы всѣхъ устрашить и, вмѣстѣ, чтобы доказать храбрымъ моимъ солдатамъ, что я умѣю за нихъ заступиться. Впрочемъ, я вполнѣ чувствовалъ весь ужасъ этой сцены и, чтобы смягчить то, что было въ ней жестокаго для Розена, тутъ же подозвалъ къ себѣ сына его, преображенскаго поручика, награжденнаго Георгіевскимъ крестомъ за Варшавскій штурмъ, и назначилъ его моимъ флигель-адъютантомъ на мѣсто недостойнаго его шурина.

«Я выѣхалъ изъ Тифлиса 12-го октября рано утромъ. Мнѣ дали кучера, который или не зналъ своихъ лошадей, или не умѣлъ ими править. Этотъ дуракъ началъ съ того, что сталъ ихъ стегать передъ спускомъ съ довольно большой крутизны, нѣсколько разъ прикасающейся къ краю бездонной пропасти. Вдругъ лошади понесли. Признаюсь вамъ, что минута была не шуточная. Опасность грозила очевидная, безъ всякаго средства спасенія; я всталъ въ коляскѣ, чтобы пособить кучеру сдержать лошадей, однако напрасно; мнѣ пришла нелѣпая мысль выскочить изъ коляски, но Орловъ разумно догадался удержать меня. Мы уже видѣли передъ глазами смерть, какъ вдругъ сильнымъ толчкомъ опрокинулся экипажъ, и насъ отбросило въ сторону; я перекувырнулся нѣсколько разъ и тѣмъ на этотъ разъ отдѣлался; Орловъ порядочно ушибся; коляска, опрокинувшись, легла на два пальца отъ пропасти, въ которую безъ этого паденія мы неминуемо были бы сброшены; а какъ коляска находилась близко отъ края дороги, доказательство вамъ то, что обѣ уносныя повисли надъ пропастью на однихъ недоуздкахъ, удержанныя единственно тяжестью опрокинутаго экипажа. Мы встали на ноги, немножко ошеломленные нашимъ полетомъ, и возблагодарили Бога за чудесное спасеніе.

«Между тѣмъ весь передокъ коляски былъ сломанъ. Такъ какъ у насъ въ Тифлисѣ имѣлась запасная, то я оставилъ на мѣстѣ Орлова распорядиться экипажами, а самъ продолжалъ путь верхомъ, на каза-

чьей лошади, и упалъ всѣмъ, какъ снѣгъ на голову, въ Квишетъ, у подножія главнаго перевала Кавказскаго хребта.

«13-го октября я сѣлъ опять на лошадь, чтобы переѣхать черезъ эту исполинскую цѣпь, отдѣляющую Европу отъ Азіи. Въ долинѣ стояла еще прекрасная осень, а на горныхъ вершинахъ мы были встрѣчены 6-ти-градуснымъ морозомъ, и наши лошади каждую минуту скользили. Дорога, проложенная черезъ эти горы, скалы и стремнины, есть одна изъ величайшихъ побѣдъ человѣческаго искусства надъ природою. Вездѣ теперь можно ѣхать въ каретѣ четверкою въ рядъ, и только глазъ пугается окружающихъ ужасовъ.

«На ночлегѣ въ Владикавказѣ меня ожидали мой конвой черкесовъ и линейныхъ казаковъ, возвращавшихся изъ Петербурга по выслугѣ срока своей службы, и депутаты отъ разныхъ горскихъ племенъ. Надо было видѣть взгляды, съ которыми мои молодцы казаки слѣдили за каждымъ движеніемъ этихъ господъ, изъ которыхъ, правда, у многихъ были настоящія разбойничьи рожи.

«Я растолковалъ депутатамъ, чего желаю отъ ихъ единоплеменниковъ не для увеличенія могущества Россіи, а для собственнаго ихъ блага и для спокойствія ихъ семействъ; сказалъ имъ далѣе, что они, для удостовѣренія въ истинѣ моихъ словъ, могутъ спросить присутствующаго тутъ муллу, который, по моему повелѣнію, прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, чтобы учить магометанскому закону ихъ собратій и дѣтей, ввѣренныхъ моему воспитанію, наконецъ, заключилъ тѣмъ, что я требую только, чтобы они жили спокойно, наслаждаясь благами своей прекрасной родины, и не покушались бороться противъ неодолимой для нихъ силы русскаго оружія.

«Они, кажется, вразумились моими словами, и мы разстались пріятелями; притомъ всѣ изъявляли желаніе проводить меня до Екатеринодара. Такимъ образомъ, въ моемъ конвоѣ было, по крайней мѣрѣ, вчетверо болѣе враговъ, чѣмъ своихъ, и всѣ усердствовали защищать меня противъ самихъ же себя. Все это представляло довольно любопытное зрѣлище. Нѣкоторые изъ отцовъ просили меня взять ихъ дѣтей на воспитаніе.

«Надо сказать, что до сихъ поръ мѣстное начальство принималось за свое дѣло совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ; вмѣсто того, чтобы покровительствовать, оно только утѣсняло и раздражало; словомъ, мы сами создали горцевъ, каковы они есть, и довольно часто разбойничали не хуже ихъ. Я много толковалъ объ этомъ съ Вельяминовымъ, стараясь внушить ему, что хочу не побѣдъ, а спокойствія; и что и для личной его славы, и для интересовъ Россіи надо стараться приголубить горцевъ и привязать ихъ къ русской державѣ, ознакомивъ этихъ дикарей съ выгодами порядка, твердыхъ законовъ и просвѣщенія; что безпре-

*

станныя съ ними стычки и вѣчная борьба только все болѣе и болѣе удаляютъ ихъ отъ насъ и поддерживаютъ воинственный духъ въ племенахъ, безъ того любящихъ опасности и кровопролитіе.

«Я самъ тутъ же написалъ Вельяминову новую инструкцію и приказалъ учредить въ разныхъ пунктахъ школы для дѣтей горцевъ, какъ вѣрнѣйшее средство къ ихъ обрусенію и къ смягченію ихъ нравовъ. Надѣюсь, что Вельяминовъ меня понялъ, и впередъ дѣло пойдетъ лучше. Розенъ сдѣлалъ много хорошаго, но по слабости своей еще больше попустилъ безпорядковъ и злоупотребленій, такъ что зло беретъ верхъ надъ добромъ, и я велѣлъ Орлову присовѣтовать ему просить увольненія отъ должности. Надо позаботиться о немедленномъ его замѣщеніи, и я уже написалъ князю Паскевичу, чтобы онъ уступилъ мнѣ Головина.

«Осмотрѣвъ въ Владикавказѣ военный госпиталь и въ Пятигорскѣ, 16-го октября, все заведеніе минеральныхъ водъ, офицерскую больницу, казармы военно-рабочей команды, церковь и гулянья, я къ ночи переѣхалъ въ Георгіевскъ, гдѣ успѣлъ взглянуть на арсеналъ и госпиталь. Тутъ я принялъ депутацію закубанскихъ племенъ и сказалъ имъ почти то же самое, что прежде говорилъ другимъ депутатамъ въ Владикавказѣ.

«Я осмотрѣлъ находящіяся въ Ставрополѣ войска, а потомъ военный госпиталь, который размѣщенъ по частнымъ домамъ; при сильномъ движеніи черезъ этотъ городъ на линію и въ Грузію необходимо поскорѣе выстроить для военнаго госпиталя большое особое зданіе.

«До Ставрополя сопровождали меня мои черкесы и казаки, никакъ не согласившіеся уступить другимъ чести меня конвоировать; они сбирались скакать еще и далѣе, но я не допустилъ ихъ до того и простился тутъ съ этими людьми, показавшими мнѣ истинно трогательную преданность.

«19-го октября, въ 3 часа пополудни, я прибылъ въ Аксайскую станицу на Дону, гдѣ ждалъ меня мой сынъ, въ качествѣ атамана всѣхъ казачьихъ войскъ. Остатокъ дня и всю ночь я чувствовалъ себя очень нехорошо, такъ что даже принужденъ былъ принять лѣкарство и провести все 20-е число въ Аксаѣ. На слѣдующій день мы отправились въ Новочеркасскъ, куда въѣхали верхами. У заставы насъ встрѣтилъ наказной атаманъ, весь израненный старикъ Власовъ, съ генералами своего штаба, множествомъ офицеровъ и толпою любопытныхъ, которые всѣ проводили насъ до собора. Тутъ стоялъ войсковой кругъ, съ войсковыми регаліями, посреди которыхъ архіерей и прочее духовенство встрѣтили меня съ крестомъ и святою водою.

«Выйдя изъ церкви, я взялъ изъ рукъ храбраго Власова атаманскую булаву и вручилъ ее наслѣднику, въ знакъ главнаго его началь-

ствованія надъ всѣми казачьими войсками. Пальба изъ всѣхъ орудій города возвѣстила введеніе его въ должность.

«22-го октября новый атаманъ представилъ мнѣ войска, собранныя подъ Новочеркасскомъ. Всего было въ конномъ строю до 18.000 человѣкъ. Кромѣ четырехъ гвардейскихъ эскадроновъ, полковъ атаманскаго и учебнаго и артиллеріи, все прочее — совершенная дрянь: негодныя лошади, люди, дурно одѣтые, сами офицеры, плохо сидящіе на конѣ. Къ искреннему моему сожалѣнію, все это показалось мнѣ скорѣе толпою мужиковъ, нежели военнымъ строемъ. Продолжительный миръ и довольство обабили казаковъ: они обратились просто въ земледѣльцевъ, какъ иначе и быть не могло при отдаленности ихъ отъ границъ и отъ всякой опасности. Надо будетъ подумать о преобразованіи ихъ устройства.

«За обѣдомъ у меня, къ которому были приглашены всѣ генералы и полковники, я откровенно высказалъ имъ мое мнѣніе. Старые усачи сами стыдились того плохого положенія, въ которомъ вывели передъ меня свое войско.

«Вечеромъ я былъ на балѣ и не могу сказать, чтобы дамы поразили меня своею красотою или изяществомъ своихъ манеръ; но устройство и роскошь праздника еще болѣе меня убѣдили, что казаки промѣняли прежнюю суровость своихъ нравовъ на утонченныя наслажденія образованности. Къ несчастію, для возстановленія прославленной ихъ удали нужна бы продолжительная война. Это послѣднее явленіе въ драмѣ моего путешествія не было утѣшительно.

«23-го октября, утромъ, вы выѣхали въ Воронежъ, куда прибыли 24-го, вечеромъ. Поблагодаривъ тамъ Бога и святого его угодника за благополучное совершеніе длиннаго и труднаго пути, я уже нигдѣ болѣе не останавливался до Москвы».

Государь, располагая осмотрѣть еще войска въ Чугуевѣ и Ковнѣ и побывать въ Варшавѣ, всемѣрно ускорялъ нашу поѣздку и уже успѣлъ выиграть нѣсколько дней противъ маршрута. Мы мчались съ ужасающею быстротою, впрочемъ по хорошей дорогѣ и на славныхъ лошадяхъ. Ночная темнота, застигшая насъ по выѣздѣ изъ Пензы, нисколько не умалила скорости нашей ѣзды. Государь и я крѣпко спали въ коляскѣ, какъ вдругъ, въ часъ пополуночи, 26-го августа, насъ разбудилъ крикъ форейтора и кучера; лошади понесли, и почти въ ту же минуту коляска опрокинулась съ грохотомъ пушечнаго выстрѣла. «Это ничего!» — вскричалъ государь. Очутившись, самъ не знаю какъ, на ногахъ возлѣ опрокинутаго экипажа, я увидѣлъ кучера государева, Колчина, и камердинера Малышева (сидѣвшаго также на козлахъ) лежащими безъ чувствъ; паденіе коляски и родъ небольшого вала, на который свернули лошади, тотчасъ остановили ихъ стремительный бѣгъ. «Выходите!» —

закричалъ я государю; но такъ какъ онъ не отвѣтилъ, то я схватилъ его за воротникъ шинели и вытащилъ изъ коляски; тутъ, увидѣвъ, что ему сдѣлалось дурно, я, поддерживая его, отвелъ и посадилъ въ ровъ, окаймлявшій дорогу и находившійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ коляски[1]. Первыя его слова были: «Я чувствую, что у меня переломлено плечо; это хорошо: значитъ, Богъ вразумляетъ меня, что не надо дѣлать никакихъ плановъ, не испросивъ Его помощи». Въ это время показался прохожій: то былъ старый отставной солдатъ, съ увѣшенною медалями грудью. Я подозвалъ его и, давъ подержать факелъ, принесенный рейткнехтомъ, который прибѣжалъ въ испугѣ съ передовой телѣги, приказалъ остаться при государѣ, пока я съ рейткнехтомъ посмотрю, какъ помочь кучеру и камердинеру; послѣдній, весь въ крови, стоналъ, а первый не давалъ никакого признака жизни. Тогда я послалъ рейткнехта въ его телѣгѣ за врачемъ и другимъ экипажемъ на ближайшую станцію — городокъ Чембаръ, до котораго намъ оставалось всего пять верстъ. Государь между тѣмъ разговаривалъ съ державшимъ факелъ солдатомъ и самъ, приподнявшись, чтобы пособить намъ ухаживать за камердинеромъ, замѣтилъ, что у меня ушибъ на лбу, чего я прежде сгоряча не почувствовалъ. Тутъ настигъ насъ слѣдовавшій всегда за государемъ фельдъегерь, котораго я тотчасъ отослалъ обратно, ускорить сколько можно прибытіе лейбъ-медика Арендта, ѣхавшаго въ одной коляскѣ съ генералъ-адъютантомъ Адлербергомъ и отставшаго въ пути. Покамѣстъ, я досталъ изъ кармана коляски хересу, которымъ обмылъ окровавленное лицо камердинера, принудивъ и государя, у котораго всякую минуту дѣлалась дурнота, выпить нѣсколько глотковъ. Видя передъ собою сидящимъ на голой землѣ, съ переломленнымъ плечомъ могущественнаго владыку шестой части вселенной, которому свѣтилъ старый инвалидъ, и, кромѣ меня, никто не прислуживалъ, я былъ невольно пораженъ этою наглядною картиною суеты и ничтожества земного величія. Государю пришла та же самая мысль, и мы разговорились объ этомъ съ тѣмъ религіознымъ чувствомъ, которое невольно внушала подобная минута.

До возвращенія изъ города рейткнехта прошелъ добрый часъ. Государь велѣлъ пріѣхавшему врачу заняться кучеромъ, который пришелъ между тѣмъ въ чувство, и камердинеромъ и уложить ихъ въ при-

[1] Эти слова зачеркнуты, и противъ нихъ написано императоромъ Николаемъ:

«Ce n'est pas exact. Quand Benkendorf fut debout, il me dit: sortez, sire; je lui répondis: c'est facile à dire sortez, mais je ne puis me soulever, je sens que mon épaule craque; et avec le plus pénible effort je parvins à me dégager de la voiture dont heureusement pour moi le soufflet avait été levé, ce qui probablement nous sauva la vie; à peine debout, je me sentis défaillir et le dis à Benkendorf».

бывшую коляску, а самъ, не допустивъ осмотрѣть своего перелома, сѣлъ въ нашу, поднятую пріѣхавшими людьми; но когда движеніе экипажа стало усиливать его страданія, то вышелъ изъ него и пошелъ дальше пѣшкомъ. Въ это время подскакали Арендтъ съ Адлербергомъ, а я побѣжалъ впередъ, чтобы похлопотать о какомъ нибудь помѣщеніи въ Чембарѣ. Тамъ все было погружено въ сонъ, и только разбуженный рейткнехтомъ городничій ждалъ у заставы. Отправившись вмѣстѣ съ нимъ къ уѣздному училищу, какъ единственному дому, въ которомъ, по его словамъ, представлялась возможность помѣстить нашего больного, я приказалъ наскоро очистить и освѣтить этотъ домъ и пустился назадъ навстрѣчу къ государю. Онъ уже дошелъ покуда до города и чувствовалъ себя крайне утомленнымъ; но, войдя въ импровизированную для него квартиру, сталъ шутить и, потребовавъ бумаги и карандашъ, написалъ императрицѣ цѣлыхъ четыре страницы въ такомъ юмористическомъ тонѣ, что, слушая это письмо, мы не могли удержаться отъ смѣха. Оно было тотчасъ отправлено съ нарочнымъ фельдъегеремъ; затѣмъ государь велѣлъ мнѣ дать знать во всѣ мѣста, чрезъ которыя лежалъ нашъ дальнѣйшій маршрутъ, чтобы его туда не ждали, а Адлербергу, завѣдывавшему въ пути военною частію, приказалъ разослать такія же извѣщенія князю Паскевичу, военному министру и начальникамъ собранныхъ на разныхъ пунктахъ войскъ. Уже только послѣ всего этого онъ, обратившись къ Арендту, сказалъ: «Ну, теперь твоя очередь, вотъ тебѣ моя рука: займись ею». Въ продолженіе всей перевязки онъ шутилъ съ нами и милостиво старался ободрить чембарскаго эскулапа, сильно переконфуженнаго неожиданною честью ухаживать за своимъ монархомъ.

У государя дѣйствительно оказалась переломленною ключица.

Когда его уложили, я принялся за всѣ нужныя распоряженія для помѣщенія свиты и возвращенія передовой коляски, находившейся съ прочими камердинерами государевыми уже въ Тамбовѣ. Городокъ, въ которомъ мы принуждены были устроиться, одинъ изъ самыхъ ничтожныхъ въ цѣлой имперіи, не представлялъ никакихъ мѣстныхъ рессурсовъ; поэтому надо было тотчасъ позаботиться о снабженіи нашей кухни нужными припасами, добыть какую нибудь мебель, выписать изъ Москвы вина, образовать родъ пожарной команды на случай огня въ нашемъ деревянномъ домишкѣ, покрытомъ въ большей его части соломою; наконецъ устроить движеніе курьеровъ и дать повсемѣстно знать о новой резиденціи государя. Все это обошлось безъ особенныхъ затрудненій. Безсрочноотпускные изъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ поспѣшили къ намъ со всѣхъ концовъ губерніи, съ просьбою употребить ихъ въ дѣло; первыхъ я опредѣлилъ въ комнатную прислугу, а вторыхъ въ составъ полицейской команды. Чембарскіе жители цѣлыми

днями окружали наше скромное жилище въ грустномъ молчаніи, составляя такимъ образомъ постоянную царскую стражу и удаляя всякій шумъ: даже и между собою они шептались на ухо, какъ бы въ комнатѣ самого больного. Сосѣдніе помѣщики наслали фруктовъ и запасовъ всякаго рода, и кладовыя нашего дорожнаго метрдотеля Миллера вскорѣ обильно всѣмъ наполнились. Изъ окрестностей навезли даже цвѣтовъ и померанцевыхъ деревьевъ для убранства оконъ и комнатъ. Дамы и люди богатые и бѣдные пріѣзжали за сто, за двѣсти верстъ, точно на богомолье, чтобы освѣдомляться о здоровьѣ государя и въ надеждѣ какъ нибудь на него взглянуть. По мѣрѣ того, какъ слухъ о несчастномъ приключеніи долеталъ до сосѣднихъ губерній, стали являться посланные и отъ тамошнихъ дворянскихъ и городскихъ обществъ, съ разспросами о положеніи обожаемаго монарха. Ежедневно выходилъ бюллетень, за подписаніемъ Арендта и мѣстнаго врача, очень смышленаго молодого человѣка, и этотъ бюллетень пересылался въ Москву, въ Петербургъ и по всѣмъ трактамъ, шедшимъ отъ Чембара. Я едва успѣвалъ отписываться на письма, которыя приходили ко мнѣ съ нарочными. Вся имперія была въ тревожномъ испугѣ, и Чембаръ сдѣлался средоточіемъ всѣхъ страховъ и всѣхъ надеждъ. Въ Петербургѣ императрица съ тою твердостію, которою она умѣетъ вооружаться въ важныхъ случаяхъ, старалась умѣрять народныя опасенія, съ одной стороны, часто показываясь передъ публикою на островахъ, а, съ другой, сообщая каждому, кто только имѣлъ къ ней доступъ, утѣшительныя извѣстія, ежедневно получавшіяся ею въ письмахъ государя, столько же пространныхъ, сколько и написанныхъ всегда въ самомъ веселомъ тонѣ. Но въ сущности было не совсѣмъ то. Государь жестоко страдалъ. Въ началѣ нашего пребыванія въ Чембарѣ стояли тамъ страшные жары, и плохенькій домикъ нашъ, обратившійся во дворецъ повелителя Россіи, не представлялъ никакого пріюта отъ томительной духоты. Въ первую минуту врачи не замѣтили, что, кромѣ ключицы, было переломлено и верхнее ребро, отъ чего естественно усугублялись боли. Впрочемъ больной, если по временамъ и жаловался, то и тутъ проявлялъ ту желѣзную твердость характера, которая ставила его такъ высоко надъ другими людьми, даже и при перенесеніи физическихъ страданій. Онъ продолжалъ заниматься дѣлами, какъ бы въ своемъ кабинетѣ въ Зимнемъ дворцѣ; курьеры привозили всѣ текущіе доклады министровъ, и все было имъ высылаемо обратно обыкновеннымъ порядкомъ. Въ свободныя минуты государь читалъ газеты и даже романы, но скучалъ этимъ чтеніемъ, въ постоянной тревогѣ о безпокойствѣ своей семьи и своего народа и о разстройствѣ, происшедшемъ въ его маршрутѣ. Онъ боялся, кромѣ того, чтобы императрица не рѣшилась сама пріѣхать въ Чембаръ, что̀ могло бы повредить ея здоровью и еще

болѣе напугать всю Россію. Хотя онъ еще въ первомъ своемъ письмѣ именно запретилъ ей думать о такой поѣздкѣ, о чемъ написалъ и князю Волконскому (министру императорскаго двора), однако, зная нѣжную къ себѣ привязанность своей супруги, все продолжалъ опасаться, чтобы она не нарушила его запрещенія, и я на этотъ случай уже готовилъ для нея домъ присутственныхъ мѣстъ.

Врачи объявили, что надо пробыть въ Чембарѣ, по крайней мѣрѣ, три недѣли и потомъ дѣлать самые короткіе переѣзды. Эта перспектива еще болѣе волновала нетерпѣливый нравъ государя и даже замедляла его выздоровленіе. Притомъ первая перевязка, которую сняли только черезъ трое сутокъ, такъ сдавила ему животъ, что къ прежнимъ страданіямъ прибавились еще желудочныя судороги, съ нестерпимыми болями. Бѣдный Арендтъ не зналъ, что начать, особенно потому, что больной не соглашался принимать большую часть его лѣкарствъ, или сердился, когда они не доставляли ему облегченія. Разъ, ночью, государь почувствовалъ себя такъ дурно, что даже потребовалъ священника для напутствія къ смерти, и между тѣмъ все это, по точному и строгому его приказанію, должно было оставаться тайною и для императрицы и для всѣхъ. Во мнѣ лично такая таинственность, усиливая тяготѣвшую на мнѣ отвѣтственность, не могла не увеличивать еще болѣе тревожной заботы. Въ присутствіи больного я всегда старался казаться спокойнымъ и веселымъ; но сердце мое было истерзано, и я вполнѣ обрисовывалъ себѣ весь ужасъ моего положенія въ отношеніи къ императрицѣ, къ наслѣднику престола и къ цѣлой имперіи. Дорожные мои спутники, Адлербергъ и прусскій полковникъ Раухъ, въ особенности же Арендтъ, съ ранняго утра приходили изливаться передо мною въ жалобахъ и плакать, и мнѣ же еще доводилось утѣшать ихъ и ободрять унывавшаго лейбъ-медика. Утромъ до обѣда и потомъ опять послѣ стола я оставался у государя по цѣлымъ часамъ, стараясь развлекать его разговорами; въ промежутки моего отсутствія Адлербергъ поутру приносилъ ему бумаги по военному министерству, а вечеромъ что нибудь читалъ. Кромѣ того, въ Чембаръ были вызваны съ докладами командиръ черноморскаго флота Лазаревъ и начальникъ кавалерійскихъ военныхъ поселеній графъ Виттъ, которыхъ государь, по прежнему маршруту, думалъ видѣть въ Чугуевѣ; часто также наѣзжали разные другіе генералы, флигель-адъютанты и проч., что̀ хотя нѣсколько разгоняло скуку нашей однообразной жизни. Иногда государь прохаживался по двору своего дома, и тогда, счастливый, какъ узникъ, вырвавшійся изъ своей тюрьмы, любилъ встрѣчаться и шутить съ нами. Но желудочныя боли, ежедневно возвращавшіяся, очень его безпокоили; пребываніе въ Чембарѣ становилось ему съ каждымъ часомъ нестерпимѣе, и желаніе скорѣе оставить этотъ несносный городъ все сильнѣе

высказывалось, отражаясь и на расположеніи его духа. Трехнедѣльный срокъ казался ему цѣлою вѣчностью. Арендтъ, котораго все болѣе пугало и состояніе здоровья больного и его раздражительность, не могъ не видѣть, что потерялъ его довѣріе. Однажды бѣднякъ, изливая мнѣ, весь въ слезахъ, свое сокрушеніе, объявилъ, что единственнымъ средствомъ успокоить моральное раздраженіе государя считаетъ отъѣздъ изъ Чембара, хотя, съ другой стороны, движеніе экипажа можетъ увеличить страданія отъ перелома. Я расчелъ, что изъ двухъ бѣдъ послѣдняя — меньшая, и, несмотря на то, что съ нашего приключенія не минуло еще и двухъ недѣль, мы порѣшили отправиться въ путь черезъ четверо сутокъ. Вѣсть о томъ неописуемо обрадовала государя, и я тотчасъ занялся дорожными сборами. Но едва прошли первыя сутки, какъ государь вдругъ потребовалъ меня къ себѣ и, сидя на постели, съ сверкающими глазами, съ суровымъ выраженіемъ лица, почти закричалъ мнѣ: «Я ѣду непремѣнно завтра утромъ въ 9 часовъ, и если вы не можете везти меня, то уйду пѣшкомъ». Никогда еще въ жизни онъ не выражался со мною такимъ повелительнымъ и рѣзкимъ тономъ. Видя его въ этомъ положеніи, я только спросилъ, переговорено ли уже объ этомъ съ докторами. «Это не ихъ дѣло»,—возразилъ онъ въ томъ же тонѣ. Тогда я отвѣчалъ, что сдѣлаю сейчасъ всѣ нужныя распоряженія, хотя не легко собраться въ какіе нибудь двѣнадцать часовъ. Едва, однако, я принялся за дѣло, какъ меня снова позвали къ государю. Выраженіе лица и голосъ его уже были опять обычные и, по докладу моему, что все будетъ готово къ назначенному времени, онъ тотчасъ развеселился и приказалъ мнѣ наградить всѣхъ прислуживавшихъ ему въ Чембарѣ, а также раздать значительныя суммы въ церковь, въ училище и на бѣдныхъ.

Въ слѣдующее утро государь былъ одѣтъ уже съ семи часовъ и торопилъ всѣхъ къ отъѣзду. Поблагодаривъ городничаго, уѣзднаго предводителя дворянства, жандармскаго полковника и безсрочныхъ, прислуживавшихъ въ комнатахъ, онъ пошелъ пѣшкомъ въ церковь, въ которую втѣснилось все чембарское населеніе. Послѣ краткаго молебствія мы всѣ вмѣстѣ съ нимъ усѣлись въ выписанную мною нарочно изъ Пензы длинную, низкую и казавшуюся болѣе спокойною, чѣмъ коляска, линейку и, напутствуемые благословеніями толпы, пустились въ дорогу по прекраснѣйшей погодѣ.

Прожитыя нами въ Чембарѣ двѣ недѣли, съ 26-го августа по 9-е сентября, казались мнѣ цѣлымъ годомъ, и я не менѣе государя радовался, что мы оставляемъ это скучное мѣсто. Первыя 20 верстъ все шло безподобно, и государь шутилъ съ Арендтомъ надъ медициною вообще и надъ его невѣжествомъ въ частности. Но потомъ возобновились желудочныя судороги, и, пересѣвъ въ свою коляску, уже одинъ,

чтобы скрыть отъ насъ свои страданія, онъ пріѣхалъ на ночлегъ совсѣмъ разнемогшійся и въ дурномъ расположеніи духа. Городокъ Кирсановъ, въ которомъ мы ночевали, не могъ, къ несчастію, доставить больному большихъ удобствъ, и рано утромъ мы въ ужасное ненастье тронулись далѣе, сильно встревоженные положеніемъ государя.

Второй ночлегъ былъ въ Тамбовѣ, куда мы пріѣхали въ 2 часа пополудни. Встрѣчи государю въ его путешествіяхъ по Россіи вездѣ, особенно же въ губернскихъ городахъ, бывали всегда самыя шумныя, но здѣсь случилось совершенно противное; огромныя массы народа, въ экипажахъ и пѣшкомъ, правда, точно также тѣснились вокругъ государевой коляски, но въ совершенномъ молчаніи, боясь обезпокоить его малѣйшимъ шумомъ. Эта благоговѣйная тишина, плодъ такихъ чистыхъ побужденій, говорила сердцу еще краснорѣчивѣе, чѣмъ всѣ восторженные клики, къ которымъ въ продолженіе десяти лѣтъ народная любовь пріучила государя. Толпа цѣлый день не покидала площади передъ домомъ, гдѣ онъ остановился, и, храня все то же безмолвіе, не отрывала глазъ отъ временнаго жилища своего монарха. Утромъ, при оставленіи нами Тамбова, дамы въ экипажахъ старались объѣхать государеву коляску, чтобы имѣть счастіе взглянуть на него; когда же мы выѣхали на широкую столбовую дорогу, то началась настоящая скачка: одни экипажи стремились опередить другіе, рискуя ежеминутно быть опрокинутыми, что̀ продолжалось нѣсколько верстъ. Эта живая панорама счастливыхъ и хорошенькихъ личекъ, безпрестанно мелькавшихъ передъ глазами государя и ежеминутно смѣнявшихся новыми, очень его забавляла.

Слѣдующіе ночлеги были въ Козловѣ, Ряжскѣ, Рязани и Коломнѣ, и вездѣ насъ принимала та же самая благоговѣйная тишина со стороны народныхъ массъ, какъ бы всѣ онѣ были связаны одною электрическою нитью. Здоровье нашего больного нисколько, однако же, не поправлялось, и вмѣстѣ съ безпокойствомъ Арендта возрастали и наши страхи. По прибытіи въ Москву, государь прослѣдовалъ ее почти во всю длину, отъ Коломенской заставы до Орловской своей дачи, сидя въ коляскѣ одинъ, чтобы имѣть болѣе простора для своей руки. Мы вдвоемъ съ Арендтомъ пріѣхали получасомъ позже и нашли его крайне разгнѣваннымъ. Всѣмъ городскимъ властямъ заранѣе было запрещено встрѣчать или ожидать государя; но никому не дано было предвидѣть, что у каждой изъ безчисленныхъ церквей, мимо которыхъ лежалъ его путь, будетъ выходить духовенство съ крестами и святою водою. Это заставляло его безпрестанно снимать фуражку и прикладываться къ крестамъ, тогда какъ онъ для обереженія руки былъ весь обложенъ подушками и вальками.

Вслѣдствіе того государь приказалъ мнѣ вытребовать къ себѣ правившаго должность военнаго генералъ-губернатора графа Толстого и

московскаго коменданта и сдѣлать имъ его именемъ строгій выговоръ. Послѣ обѣда я доложилъ его величеству, что не могъ исполнить полученнаго приказанія, потому что и Толстой и комендантъ предупреждали духовенство не дѣлать такой встрѣчи, которая въ обычаѣ единственно при въѣздѣ императора въ Москву передъ коронаціею; но митрополитъ, вопреки тому, именно велѣлъ всѣмъ причтамъ встрѣтить государя у церковныхъ папертей, въ томъ предположеніи, что это будетъ принято знакомъ благоговѣйнаго сочувствія къ выздоровленію монарха.

— Такъ вымой голову митрополиту,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

Государь обѣщалъ намъ отдохнуть въ Москвѣ нѣсколько времени и потомъ останавливаться въ дорогѣ на каждую ночь; но его нетерпѣніе взяло верхъ, и я получилъ приказаніе сготовиться къ отъѣзду не далѣе, какъ на слѣдующій день. Утромъ, отслушавъ обѣдню въ домовой церкви и принявъ графа П. А. Толстого (правившаго должность военнаго генералъ-губернатора) и князя С. М. Голицына (предсѣдателя опекунскаго совѣта, весьма любимаго императорскимъ домомъ), государь сѣлъ въ коляску опять одинъ и, отъѣзжая, сказалъ мнѣ, что будетъ обѣдать на второй станціи отъ Москвы. Вмѣсто того, прибывъ на эту станцію, онъ немедленно потребовалъ лошадей и, нигдѣ не останавливаясь, примчался въ Царское Село такъ скоро, что при всей прыти мы поспѣли туда уже часомъ послѣ него. Императрица и вся царственная семья несказанно обрадовались внезапному появленію своего больного, а самъ онъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, что отдѣлался отъ несноснаго Чембара и могъ снова обнять всѣхъ своихъ. Когда я пришелъ во дворецъ, всѣ уже сидѣли вмѣстѣ за столомъ. Меня тотчасъ позвали въ столовую, и императорская чета поблагодарила меня отъ полноты сердца: государь за всѣ мои заботы о немъ въ продолженіе этого несчастнаго путешествія, а императрица за то, что я привезъ ей ея супруга.

Государь провелъ въ Царскомъ Селѣ безвыѣздно двадцать дней. 8-го октября онъ съѣздилъ въ Петербургъ, но только на двое сутокъ, и потомъ, вернувшись обратно въ осеннюю свою резиденцію, оставался тамъ до 7-го ноября, медленно оправляясь отъ послѣдствій своего паденія...

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

ИЛЛЮСТРАЦИИ И АВТОГРАФЫ, ПОМѢЩЕННЫЕ ВО ВТОРОМЪ ТОМѢ.

Портреты.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

Виды городовъ, мѣстностей, зданій, бытовые и другіе рисунки.

Автографы.

I.

Письмо великаго князя Константина Павловича императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ.

Ma tres chere Maman!

Je me mets tres humblement a Vos pieds pour Vous remercier des nouvelles que Vous daignés me doner de ma Soeur, grace a Dieu que le tout va bien et j'espere que dans peu notre malade sera parfaitement retablie. Dieu voit combien je le desire. C'est a 7 heures du soir, ma tres chere Maman, que j'ai eu le bonheur de recevoir Votre lettre consolative et je Vous l'avourai que d'impatience j'ai envoyé a une heure un homme a moi pour avoir de nouvelles. Pardonés moi mon impatience mais il sagit de Cateau. Demain j'aurai le bonhhur de me presenter a Vous, ma tres chere Maman, ver les deux heures et j'aurai de même le bonheur de Vous remercier de vive voix pour Votre gracieux souvenir.

C'est avec le devouement le plus sincere et le respect le plus profond que j'ai l'honneur d'etre

Ma tres chere Maman

Votre très humble, tres obeissant et tres fidel fils

Contantin.

Strelna
le 22 Aout
810
7 heures du soir.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 49).

II.

Письмо князя А. Н. Голицына князю П. М. Волконскому.

Mon Prince.

D'après les ordres de Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth, que vous m'avez communiqués, j'ai pris les renseignemens necessaires sur la manière de faire la donation de Kamennoi Ostroff au Grand-Duc Michel.

D'après l'acte de la Famille Impériale toute affaire de Famille doit être adressée a l'Empereur qui la termine par un rescript ou un oukaze; par consequent il me semble que si Sa Majesté l'Impératrice voulait ecrire une lettre a l'Empereur en l'informant qu'Elle a disposé de Kamennoi Ostroff en faveur du Grand-Duc et priant Sa Majesté de donner Ses ordres en conséquence l'Empereur alors donnera un oukaze a la Гофъ-интендантская pour qu'elle remette Kamennoi Ostroff d'après la volonté de l'Impératrice au Grand-Duc.

Pour ce qui concerne la volonté de l'Impératrice que l'entretien de Kamennoi Ostroff ne soit pas a charge au Grand-Duc et qu'il soit assigné sur des 400/m Roubles offerts en augmentation des 600/m R. de l'argent de Poche de Sa Majesté—j'ai eu l'honneur d'en faire mon rapport a l'Empereur. Sa Majesté m'a chargé de faire les dispositions necessaires pour cela en y ajoutant qu'Il se faisoit un plaisir de remplir les ordres de l'Impératrice Elisabeth et qu'il veut etre toujours le caissier pour ces 400/m Roubles.

J'aurai l'honneur de vous informer combien il faudra pour l'entretien de Kamennoi Ostroff. Agreez je vous prie en meme tems l'expression des sentimens les plus distingués de votre tout devoué

serviteur le Prince
Alexandre Galitzin.

St Petersbourg
le 16 fevrier 1826.

P.S. L'Empereur m'a chargé encore de vous ecrire sur Monsieur Longuinoff. Il voudrait savoir, si Sa Majesté l'Imperatrice trouverait bon que l'Empereur lui confere l'ordre de St. Anne de la 1-re classe. Si vous trouverez une occasion favorable de me mettre aux piés de l'Imperatrice vous m'obligerez infiniment.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 65).

III.

Записка А. П. Ермолова.

D'après les détails de l'engagement que le detachement de la compagnie eut avec l'ennemi, je crois voir que les soldats, peu confiants dans leur nombre, ont du se conduire de manière à ne pas vous rendre très content d'eux ainsi que moi. Une ou deux rencontres sans succès peuvent gater l'esprit des autres et vous ne reussirés pas à le remettre facilement. Ce n'est pas à un Timmermann de commander un bataillon, qui, en but à un ennemi rusé, exige un chef actif, entreprenant et capable de faire observer l'ordre nécéssaire avec exactitude et severité.

Yermoloff.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 81).

IV.

Письмо М. М. Сперанскаго В. В. Шнейдеру.

En vous remettant les livres que vous avez bien voulu me prêter et en y ajoutant les memoires de Bourienne, je vous proposerais, monsieur, de venir partager avec moi mon diner de gruau à 4 heures et nous parlerons de la philosophie de Platon. Agreez mes hommages.

Speransky.

Samedi.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 113).

V.

Письмо Д. П. Рунича А. Д. Балашеву.

Позвольте мнѣ покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство о благосклонномъ извѣщеніи меня, въ какой день и въ которомъ часу могу имѣть честь быть у васъ, не разстроивая обыкновенныхъ занятій вашихъ? Я имѣю неотложную надобность въ личномъ объясненіи съ вами; памятуя всегда лестное для меня расположеніе, коего удостоивать меня изволили, и пребывая съ глубокопочитаніемъ и преданностію

вашего высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга,
Дмитрій Руничь.

С. Петербургъ.
27 Декабря
1834 года.

Отвѣтъ А. Д. Балашева Д. П. Руничу.

А. Д. Балашевъ, свидѣтельствуя свое совершенное почтеніе Его Превосходительству Дмитрію Павловичу, честь имѣетъ увѣдомить, что завтрешній день собирается въ путь въ Рязанскую свою деревню.

30 Декабря 1834.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 145).

VI.

Письмо М. Л. Магницкаго Д. П. Руничу.

Благодарю, любезнѣйшій Дмитрій Павловичь, за дружеское ваше участіе. Вчера въ вечеру очень плохо приходило. Средства мои однакожъ помогли; а сегодня долѣчилъ меня К. Ал. Ник. увѣдомя, что Государь приказалъ Гурьеву сегодня же поднести указъ о той землѣ, которую я просилъ. Я знаю, что вамъ будетъ сіе пріятно, и потому сообщаю.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 153).

VII.

Письмо графа А. И. Чернышева императору Николаю Павловичу.

Sire.

Privé du bonheur le plus inappréciable à mon coeur, celui de combattre sous Vos yeux et de donner à Votre Majesté Impériale de nouvelles preuves de dévouement sur le champ de bataille; qu'il me soit permis du moins, de porter à Vos pieds, Sire, mes félicitations et mes voeux ardents, à l'occasion du 25 Juin!

Je n'ai point profité jusqu'à ce moment, de la permission que Votre Majesté a daigné m'accorder de lui écrire, parceque l'état satisfaisant de la marche des affaires et l'esprit calme et tranquile de Pétersbourg ne m'ont point fourni de sujet assez intéressant pour être porté à sa connoissance. Tout ce que je puis dire à ce sujet, c'est que tous et chacun en particulier, pénétrés du sentiment de leur devoir et de l'esprit de Votre Majesté, travaillent avec accord et confiance et redoublent de zèle, pour continuer l'activité et l'énergie, que Votre Majesté Impériale a su imprimer à l'expédition des affaires.

On est ivre de joie ici, de l'heureux début de la campagne et du brillant passage du Danube; les sentimens d'attachement à Votre Personne, Sire, et de l'honneur national se développent de la manière la plus honorable; toutes les pensées et tous les voeux Vous accompagnent et l'on se croit en droit de tout attendre des glorieux travaux de Votre Majesté et de sa brave armée! Il n'y a que la contenance des étrangers qui contraste singulièrement avec la joie générale; ils paroissent effrayés et jaloux et du succés qui accompagne toutes les entreprises de Votre Majesté et de l'unanimité des voeux et des pensées qu'ils voyent régner ici.

Après Vous avoir porté, Sire, le plus grand sacrifice de ma vie, je ferai tout ce qui sera humainement possible, pour me rendre digne de Votre confiance dans la pénible sphère d'activité où il Vous a plu de me placer.

Je suis avec le plus profond respect Sire

de Votre Majesté Impériale

Le sujet le plus dévoué

C-te A. Czernicheff.

Ce 13. Juin 1828.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 161).

VIII.

Черновой отпускъ письма императора Николая графу Чернышеву, писанный Д. В. Дашковымъ, съ собственноручной припиской государя.

C'est parfait, mais je vous prie de croire que je serai fort ambarassé si je devais composer une lettre aussi bien ecrite; всякое дѣло мастера боится.

Je vous remercie, mon cher Comte, pour la lettre affectueuse que vous m'avez adressée en date du 13 Juin et que j'ai lue avec un veritable plaisir. J'apprécie le sacrifice que vous Me faites de vos inclinations en demerant éloigné du champ des bataille. Mais un homme vraiement devoué a son pays le sert partout avec le même zèle, quel que soit le cercle d'activité qu'il se trouve appeler á remplir. Moi meme, premier serviteur de notre patrie commune, je lui offre souvents de pareils sacrifices. D'ailleurs votre reputation militaire est si bien et depuis si longtemps etablie parmi vos compagnons d'armes, que la

conviction de l'utilité réelle dont votre presence et vos travaux Me sont a Petersbourg, doit vous satisfaire pleinement.

Je suis tres content du temoignage que vous Me rendez sur le zele des employés de l'Etat et sur la tranquillité qui regne dans la capitale. L'attitude des etrangers et les sentiments qui les animent Me sont assez indifferens, comme vous le savez fort bien; les voeux de ceux qui j'estime Me suffisent.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 169).

IX.

ПРИКАЗЪ РОССІЙСКИМЪ ВОЙСКАМЪ.

Миръ съ Персіею, славный и полезный Отечеству, не положилъ еще конца знаменитымъ подвигамъ Россійскаго воинства. Брань справедливая прекращена съ одной стороны: но съ другой предстоитъ намъ новая брань, столько же справедливая, для защиты чести нашей и правъ, купленныхъ цѣною крови Русской. Великодушное терпѣніе Благословеннаго Александра было уже истощено враждебными поступками Турецкаго Правительства: нынѣ сіе Правительство преисполнило мѣру и явно сложило съ себя личину дружелюбія, едва утвердивъ миръ священнѣйшими клятвами. Мы идемъ пресѣчь смуты и убійства въ странахъ, намъ сопредѣльныхъ, и возстановить нарушенный миръ на прочныхъ основаніяхъ.

Воины! сражаясь съ народами просвѣщенными, искусными въ битвѣ, вы пріобрѣли славу неувядаемую, не одною храбростію побѣждая, но и благодушіемъ. Безотвѣтное повиновеніе Начальникамъ, строгое соблюденіе порядка и милосердіе къ побѣжденнымъ, были всегда отличительною чертою Русскихъ ратниковъ. Отъ того мирные граждане вездѣ столь же радовались вашему пришествію, и вами побѣжденные именовали васъ избавителями. Вы сохраните и нынѣ сію драгоцѣнную славу: простирая дружелюбно руку къ единовѣрцамъ нашимъ, поражайте строптивыхъ, но щадите безоружныхъ и слабыхъ; щадите достояніе, домы и самые храмы враговъ, хотя и другую вѣру исповѣдающихъ. Такъ велитъ наша вѣра, Святое ученіе Спасителя! Преклонившій къ себѣ кротостію и человѣколюбіемъ ожесточенныхъ, защитившій сироту и вдовицу—наравнѣ съ храбрѣйшимъ въ боѣ будетъ близокъ къ Моему сердцу.

Воины Русскіе! Вы не обманете Моихъ ожиданій. Съ нами Богъ, вѣнчающій побѣдами доблесть и правду!

На подлинномъ подписано
Собственною Его Императорскаго Величества рукою:

Николай.

Въ Санктпетербургѣ.
Апрѣля 14 дня 1828 года.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 193).

X.

Письмо графа И. Ѳ. Паскевича графу Симоничу.

Mon cher Conte, je vous remercie de votre lettre. Je suis extrememens contemp de tout vos disposition, aies du pin pour votre detachement au moin pour 6 ou 7 jours. Peut etre je viendre vous rejoindre, autremens vous marcheré sur le grand chemin de Trapesonde et de la vous fairai votre retrete, sur Beibourt. tout nos bagage iron tout drois sur cette route, a Dieu je vous remerçie beaucoup.

Votre tres humble serviteur.

C: Jean Paskevitch d'Erivan.

1829 le 15 d'Aou.
Camp de temlia.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 201).

XI.

Факсимилэ первой страницы статута ордена св. Анны 1829 года.

Божiею поспѣшествующею милостiю

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ

Всероссiйскiй:

Московскiй, Кiевскiй, Владимiрскiй, Новгородскiй, Царь Казанскiй, Царь Астраханскiй, Царь Польскiй, Царь Сибирскiй, Царь Херсониса-Таврическаго, Государь Псковскiй и Великiй князь Смоленскiй, Литовскiй, Волынскiй, Подольскiй и Финляндскiй, Князь Эстляндскiй, Лифляндскiй, Курляндскiй и Семигальскiй, Самогитскiй, Бѣлостокскiй, Корельскiй, Тверскiй, Югорскiй, Пермскiй, Вятскiй, Болгарскiй и иныхъ; Государь и Великiй Князь Нова-города Низовскiя земли, Черниговскiй, Рязанскiй, Полоцкiй, Ростовскiй, Ярославскiй, Бѣлозерскiй, Удорскiй, Обдорскiй, Кондiйскiй, Витебскiй, Мстиславскiй и всея Сѣверныя страны Повелитель и Государь Иверскiя, Карталинскiя, Грузинскiя и Кабардинскiя земли, и Армянскiя области; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Наслѣдникъ Норвежскiй, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскiй, Стормарнскiй, Дитмарсенскiй и Ольденбургскiй,

и прочая, и прочая, и прочая.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 219).

XII.

Письмо графа И. И. Дибича барону Б. К. Тизенгаузену.

Geliebter Schwager.

Herzlichen dank für deine Briefe u. die Beweise der Freundschaft die sie enthalten Verzeihe mir wenn ich dir nur in wenig Zeilen antworte. Herzlich freut es mich das du mit deiner Lage zufrieden scheinst; ich hoffe dasz dies auch zukünftig der Fall sein

wird. Da ich nicht weiss ob Balitsky noch in Witebsk ist u. im Gegentheil glaube dasz er sich Wilna genähert gaben wird so bitte den Feldjäger Fürsten Nikolaus Chovansky zur Bestellung zu geben wenn du nicht in Witebsk.

Lebe wohl.

Dein treuer Schwager u.

Freund I. Dibitsch-Sabalkansky.

Kleschevo bei Pultusk
d. 25 May 1831.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 273).

XIII.

Факсимиле трехъ печатныхъ стихотвореній Д. П. Рунича.

I.

На побѣды Русскихъ

въ Польшѣ.

Возмнилъ Ляхъ буйный, вѣроломный
Измѣной Россовъ устрашить:
Скрывая въ сердцѣ духъ къ нимъ злобный,
Мечталъ ихъ кровью мечь острить.
Но кто сражалъ сыновъ Беллоны?
Кто Россовъ удержалъ полетъ!
Что нѣтъ ихъ мужеству препоны,
Тому свидѣтель цѣлый свѣтъ.
И въ полѣ, и въ окопахъ, равныхъ
Себѣ не встрѣтилъ храбрый Россъ!
Съ времянъ непамятныхъ и давныхъ,
Среди побѣдъ, гигантъ возросъ.
Когда сыны Героевъ—Славы,
Кѣмъ, гдѣ они побѣждены?
Основы Росскія Державы
Мечами ихъ утверждены.
И ежели ихъ силы ратны
Могла судьба остановить,
Умѣли груди ихъ булатны
Гранитны стѣны проломить.
И Сену и Дунай смирили,
И Альпы, и Кавказъ прешли;
Являлись гдѣ,—все покорили,
И въ храмъ безсмертія вошли.

Д. Руничь.

С. Петербургъ.
13 Сентября 1831.

II.

На побѣды

князя Варшавскаго.

Отъ Эривана до Варшавы
Побѣдъ твоихъ промчался слухъ,
И что потомки Росской славы
Съ тобой явили предковъ духъ!
Не лавры ихъ, сей слухъ докажетъ,
Побѣды, храбрость, ихъ удѣлъ:
И штурмъ Варшавскій лишь покажетъ,
Что мужеству ихъ—смерть предѣлъ.

Д. Руничь.

С. Петербургъ.
13 Сентября 1831.

III.

Къ портрету

князя Варшавскаго

графа

Паскевича-Эриванскаго.

Гнѣздо предательства, измѣны,
Онъ въ основаньи разгромилъ,
Чтожъ въ духѣ Русскихъ нѣтъ премѣны,
Варшавскимъ штурмомъ подтвердилъ!

Д. Руничь.

С. Петербургъ
6 Сентября 1831.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 377).

XIV.

Карантинный билетъ.

БИЛЕТЪ

Отъ Начальника Вышневолоцкаго Карантина.

№ 2064. Объявитель сего Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Буткова дворовой человѣкъ Петръ Каревъ въ Вышневолоцкомъ Карантинѣ выдержалъ опредѣленной 14-ти дневный терминъ и выпущенъ изъ Карантина 20-го числа Генваря мѣсяца 1831 года въ благополучномъ состояніи.

Генералъ-Маіоръ Набоковъ.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 385).

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ СОЧ. Н. К. ШИЛЬДЕРА «ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ».

(Крупныя цифры обозначаютъ страницы текста, мелкія — страницы примѣчаній).

А.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

Б.

В.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

Г.

Д.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

*

Л.

М.

Н.

О.

*

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

УКАЗАТЕЛЬ

ПОРТРЕТОВЪ, РИСУНКОВЪ И ГРАВЮРЪ.

Портреты императора Николая I.

Портреты разныхъ лицъ.

УКАЗАТЕЛЬ ГРАВЮРЪ, РИСУНКОВЪ И ПОРТРЕТОВЪ

УКАЗАТЕЛЬ ГРАВЮРЪ, РИСУНКОВЪ И ПОРТРЕТОВЪ

*

Виды городовъ, мѣстностей, зданій, бытовые и другіе рисунки.

Автографы.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 111150246